

**ВЕДА
КОРНИЛОВА**

**Синий цвет
надежды**

2018

Annotation

Увы, счастье молодой четы долго не продлилось. Через несколько месяцев после моего рождения, в один далеко не прекрасный зимний вечер, родители возвращались домой из гостей. Дорога шла вдоль берега, было очень холодно и скользко, лошади не удержались на крутом повороте, тяжелую карету занесло, и она упала с обрыва. Хотя берег в том месте был не очень высок, но тем, кто находился внутри, хватило и этого...

- [Веда Корнилова](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Веда Корнилова
Синий цвет надежды

Глава 1

– Элизабет, ты была обязана рассказать мне обо всем ранее... – голос тети Фелисии, как всегда был ровным, на ее лице тоже не отражалось никаких эмоций. Любой, посмотрев на сидящую в кресле женщину, будет уверен, что она совершенно спокойна, и ничто не может вывести ее из себя. Идеальная осанка, безупречный внешний вид, правильно поставленная речь... Все так, только я хорошо знала тетушку, и понимала, насколько она сейчас выведена из себя. – Почему я, наслушавшись неприятных разговоров и досужих сплетен, должна вызывать тебя для откровенного разговора?

Почему? Просто я надеялась, что со всеми своими проблемами могу справиться самостоятельно, хотя наивно было рассчитывать на то, что тетушка ничего не узнает. Остается только удивляться, отчего моя дорогая родственница так долго тянула с этой беседой.

– Тетя Фелисия, я не хотела усложнять вашу жизнь своими семейными неурядицами. Кроме того, вы же знаете – в каждой семье существуют определенные сложности, о которых другим лучше не говорить... – надеюсь, мои слова прозвучали достаточно убедительно, хотя в горле уже давно стоял сухой комок.

– Я отказываюсь принять твое объяснение... – отрезала тетушка.
– И позволь мне, наконец, высказаться.

– Но...

– Помолчи!.. – когда тетушка Фелисия говорит таким властным голосом, то замолкают даже самые несдержанные люди. – Проблемы начались с того самого времени, когда ты решила вступить в этот ужасный брак, и с этим мезальянсом я никогда не смирюсь. А ведь я тебя предупреждала, и не единожды – ничем хорошим подобный союз не закончится. Впрочем, аналогичного мнения придерживаются все люди нашего круга. Что же касается того, что ты называешь семьей... – в голосе тетушки Фелисии появились саркастические нотки. – А разве она у тебя есть, эта самая семья, к которой ты так стремилась? То, что у тебя имеется на данный момент – это всего лишь жалкая видимость семьи, не более.

– Так бывает у многих...

– До многих мне дела нет, сейчас речь идет о тебе. Дорогая племянница, лучше честно признайся в том, что тебе было стыдно рассказать мне о том, что творится в твоей так называемой хм... семье. Глупо, но ты изо всех своих сил пытаешься сохранить то, чего нет, и, как я склонна думать, никогда не было. Однако куда больше тебе не хочется признаваться самой себе в том, что я была права целиком и полностью, когда противилась вашему союзу настолько, насколько это было в моих силах, только в то время ты, моя дорогая, и слушать меня не хотела! Тем не менее, я до последнего выступала против этого нелепого брака, который лег пятном на наше благородное семейство. Наследница одного из древнейших семейств нашей страны решилась на такой мезальянс! Кошмар! Ну, и чем она закончилась, эта твоя великая любовь? Кто оказался в итоге прав – ты или я?

Жесткому и требовательному голосу тетушки трудно было не подчиниться, но и отвечать тоже не хотелось, и я поневоле отвела взгляд в сторону, будто пытаюсь увидеть что-то новое, хотя в комнате ничего не изменилось. Дубовая мебель с перламутровыми вставками, тяжелые драпировки, картины на стенах... Мне все это знакомо с детства, а любому постороннему человеку говорит о несколько консервативных вкусах хозяев дома и о должном достатке в семье. Ну, и сама тетушка Фелисия просто идеально вписывается в эту обстановку.

– Я жду ответа... – да уж, с дорогой родственницей молчанием не отделаешься.

– Тетя Фелисия, я благодарю вас за поддержку, но считаю, что в состоянии самостоятельно разобраться с семейными сложностями... – сама не ожидала, что мой голос прозвучит настолько твердо.

– Н-да, результаты твоих трудов я вижу перед глазами.

– Тетя...

– Не перебивай меня, я и без того слишком долго молчала, и в этом была моя ошибка, хотя давно следовало вмешаться во все происходящее. Или ты считаешь, что я ни о чем не знала ранее? Если так, то с твоей стороны это даже не наивность, а откровенная глупость. Сама знаешь: любимое занятие челяди – перемывать кости своим хозяевам, так что новости расходятся быстро. Знаешь, почему я все это время вела себя столь отстраненно? Надеялась, что ты сама

сделаешь правильные выводы. К сожалению, этого не произошло, и ты показала себя совершенно бесхарактерным и бесхребетным человеком, чем очень расстроила меня... Впрочем, сейчас не стоит вспоминать о прошлом, тем более что занятие это пустое и неблагодарное. Лучше скажи – ты собираешься предпринять хоть что-то для того, чтоб прекратить безобразие, творящееся в твоей семье, или по-прежнему намерена изображать из себя примерную супругу, которая не желает видеть того, что творится у нее под носом?

– Да что тут можно сделать?.. – я вновь постаралась, чтоб мой голос прозвучал спокойно, хотя едва ли не больше всего на свете мне хотелось разрыдаться. Увы, но при тете Фелисии так поступать ни в коем случае не стоит – для нее на первом месте всегда находились выдержка, самообладание, умение держать себя в руках и строгое следование правилам этикета, которых она твердо придерживалась сама и требовала того же от других. От моей дорогой тетушки (особенно если она уверена в своей правоте) можно дожидаться помощи, дельного совета, всемерной поддержки, но не сочувствия.

– Странный вопрос... – холодно усмехнулась тетушка. – Пока мы живы, не больны тяжелой хворью и не умираем – в этом случае перед нами всегда есть возможность хотя бы попытаться изменить то, что нам не нравится. Во всяком случае, несколько возможных выходов из непростого положения всегда можно найти почти всегда. Правда, каждый человек подспудно боится перемен, и часто именно в этом и состоит корень проблем. Лично я должный вывод уже сделала, и он вполне предсказуем: во всей этой и без того затянувшейся истории пора ставить точку.

Святые Небеса, только не это! Всем известно: если тетушка примет какое-то решение, то с этого пути она уже не свернет! У дорогой родственницы достаточно власти и влияния, так что если она будет настаивать на своем, то переубедить ее практически невозможно. Пусть сейчас в моей жизни все далеко не так хорошо, как мне бы того хотелось, но терять мужа я не намерена! Именно потому до сего времени и не говорила тетушке ни о чем, что происходит в моей семейной жизни.

– Тетя Фелисия, ну как вы не понимаете!.. – вырвалось у меня. – Я люблю своего мужа, и не хочу расставаться с ним!

– Вопрос в том, любит ли он тебя, и хочет ли оставаться с

тобой... – тетушка нахмурилась, а это было первым признаком того, что она по-настоящему разгневана. – Надо же, как ты цепляешься за любой предлог, лишь бы настоять на своем! Святые Небеса, этим ты просто до невероятности похожа на свою мать, мою сестру! Такая же убежденность в собственной правоте, и нежелание видеть очевидное! Как же с ней иногда было сложно, совсем как с тобой! Впрочем, это как раз объяснимо – наследственность никто не отменял! Вот что я скажу: если у тебя не хватает решительности прекратить позорить себя постоянным унижением, то я, как твоя ближайшая родственница, терпеть это не намерена.

– А моим мнением вы поинтересовались?.. – я и сама не заметила, как немного повысила голос.

– Надо же, ты еще на что-то надеешься... – тетя Фелисия чуть откинулась на спинку кресла. – Думаешь, счастье с ним еще возможно? Судя по всему, считаешь меня бессердечной и жестокой, готовой разрушить столь оберегаемое тобой семейное счастье, верно? Дорогая племянница, это так неумно! А ведь я, в отличие от тебя, делаю все, лишь бы сохранить честь нашей семьи, которой твой нелепый брак нанес довольно ощутимый урон.

– Повторяю: я не хочу разводиться!

– Другого ответа от тебя я и не ожидала... – покачала головой тетя Фелисия. – Тем не менее, нравится это тебе, или нет, но я поступлю так, как считаю нужным. Однако если ты настаиваешь, то я могу дать тебе последнюю возможность исправить ситуацию, хотя подобное вряд ли возможно – такие люди, как твой обожаемый супруг, не меняются. Итак, у тебя есть две седмицы для того, чтоб образумить муженька и навсегда выбить дурь из его головы. Если до того времени ничего не изменится, то я возьму решение этого вопроса в свои руки, потому как имею на это полное право. Все, на этом наш разговор закончен.

Конечно, мне бы хотелось много чего сказать тетушке, только это будет простым сотрясением воздуха – если тетя Фелисия говорит, что разговор закончен, то ничего более слушать уже не станет. Мне оставалось только раскланяться и уйти.

Уже сидя в карете, думала о том, что моей тетушке впору командовать полком, а то и целой армией – подчиненные у нее бы по струнке ходили, и дисциплина там была бы соответствующая. Лично я

могу лишь позавидовать столь сильному характеру родственницы – мне подобного, увы, не дано. Что же касается того, что она мне сказала... Да, тетушка устроила мне хорошую трепку! Положа руку на сердце, следует признать, что дорогая родственница во многом права – мне давно пора поговорить с мужем о наших семейных сложностях, прояснить все недоразумения, только вот я все никак не могу собраться с духом и пойти на этот неприятный разговор. Опять будут крики, разговор на повышенных тонах, обвинение меня во всех грехах, хлопанье дверью... Впрочем, в последнее время своего супруга я, можно сказать, и не вижу! Тем не менее, надо что-то решать, потому как я, если честно, безумно устала от той неопределенности, что уже давно провисла между нами двоими. Хотя, пожалуй, неопределенность я бы как-нибудь пережила, но вот та неприязнь, которую супруг в последнее время высказывает по отношению ко мне, начинает переходить все допустимые пределы.

Муж, по счастью, оказался дома, хотя это еще как сказать – одевался, собираясь куда-то уходить. Воган, супруг, мой высокий рыжеволосый красавец с зелеными глазами, тот, кого я люблю без памяти... Конечно, с моей стороны это полная дурость, но когда супруг хотя бы просто улыбается мне – тогда я готова простить ему все, что угодно. Правда, улыбки от Вогана я не видела уже давно, как, впрочем, и приветливого взгляда. Однако стоит ли говорить об улыбке, если в последнее время он всеми возможными способами избегает любых разговоров со мной, и даже более того – делает все, лишь бы не остаться наедине, уходит из дома при первой же возможности! Вот и сейчас он даже не кивнул головой при моем появлении, а на его лице промелькнула тень недовольства – кажется, он рассчитывал на то, что не застанет меня дома. Судя по легкому хвойно-древесному аромату, стоявшему в комнате, Воган пользовался заморской туалетной водой, которую не так давно купил за немалые деньги. Ох, что-то я сомневаюсь в том, что супруг намерен отправиться на встречу с друзьями!

– Воган, ты что, куда-то уходишь?

– Да, у меня дела... – отрезал муж.

– Могу узнать, какие именно?

– Тебя они не касаются.

– Тогда, может, скажешь, где провел сегодняшнюю ночь?.. – я

старалась не обращать внимания на резкий тон мужа.

– Ты что, вздумала устраивать мне допрос?.. – нахмурился супруг.

– Я просто спрашиваю, и, кажется, имею на это полное право. Вчера ты ушел из дома в полдень, и с того времени я тебя не видела. Неужели непонятно – тебя нет, и я беспокоюсь! Мало ли что может случиться! Неужели ты сам не понимаешь, что семейные люди так вести себя не должны!

– Как видишь, со мной все в порядке. И хватит об этом.

– Ты так и не ответил на мой вопрос.

– Сказал то, что счел нужным.

– Насколько я поняла, ты вернулся совсем недавно, и вновь собрался уходить, так?.. – поинтересовалась я, изо всех сил пытаюсь сохранить спокойствие. – А ведь время уже близится к вечеру...

– Стоит прийти домой, как начинается недовольство и бесконечные претензии!.. – муж швырнул на кровать свою испачканную рубашку. – Я же не спрашиваю, где ты была!

– В этом нет никакой тайны – я была у тети Фелисии. Должна сказать, что у нас с ней состоялся весьма неприятный разговор, и он касался нас с тобой.

Я надеялась, что Воган хотя бы для приличия спросит, о чем я говорила с тетушкой, только он не обратил никакого внимания на мои слова, или же просто пропустил их мимо своих ушей. Более того – он повернулся ко мне спиной, ясно давая понять, что не желает разговаривать. Вообще-то в последнее время муж демонстративно меня не замечал, а я, сама не зная почему, чувствовала себя в чем-то виноватой, но сейчас подобное игнорирование становилось уже подчеркнуто-пренебрежительным, и носило оскорбительный оттенок. Наверное, разговор с тетей Фелисией все же придал мне сил и подтолкнул к намерению переговорить с мужем без околичностей.

– Воган, должна тебе сказать, что в последнее время до тети Фелисии доходят весьма неприятные слухи, касающиеся нашей семьи...

– Ну, то, что у людей языки без костей – это мне было известно давно, но чтоб старая графиня, которая так кичится своим

происхождением, прислушивалась ко всем сплетням – это для меня новость. Она что, изволила опуститься до разговоров черни? А может, решила поучить, как вести себя с таким простолюдином, как я? Конечно, так и есть, она ж меня на дух не выносит!

– Воган, прекрати! Неужели ты не понимаешь, что своим бестактным поведением ставишь меня в двусмысленное положение? Вернее, ставишь под удар нашу семью!

– Это тебе старуха-графиня сказала?

– Будь добр, не называй ее так! Она вовсе не так стара, не заслуживает такого обращения, да и... – тут я прикусила язык, но муж и без того понял, что я хотела сказать.

– И что?.. – Воган повернулся ко мне, и я увидела, что он злится. – Договаривай, раз начала! Почему замолчала? Скажи прямо, что до госпожи графини с ее голубой кровью мне не дотянуться, как бы я не хотел, верно? А то как же – там родословная, уходящая аж во тьму веков, состояние, манеры, титул, положение при дворе, предки, вошедшие в историю, так что мне, сиволапому, нужно смотреть на нее сверху вниз и благоговейно внимать словам старой графини, что бы она не сказала, так?

– Не кричи, услышат.

– Пусть слышат, я у себя дома! А вот ты вздумала устраивать скандал на пустом месте! Знал бы, что ты ко мне опять будешь цепляться – вообще б домой не пришел!

– Воган, успокойся! Неужели нам с тобой так трудно просто поговорить, все обсудить, спокойно и без криков? Или ты считаешь, что мне так легко переносить все то, что мне рассказывают о том, где и как ты проводишь свое время? Я и так стараюсь держаться из последних сил!

– А как с тобой спокойно разговаривать? Мне уже многое поперек горла, в том числе и то, как ты постоянно указываешь на разницу в нашем происхождении! Надоело!.. – хлопнув дверью, муж вышел из комнаты. Вот и поговорили... Впрочем, судя по поведению мужа, которое он, не таясь, демонстрирует последнее время, ничего иного ожидать мне не стоило.

Взяла с кровати рубашку мужа. Так и есть – ворот испачкан яркой помадой, причем, судя по мазкам, они были нанесены

намеренно, чтоб их заметили посторонние, и, главное, чтоб их увидела я. Да и пахло от рубашки чуть дурманящими восточными благовониями, причем запах был весьма ощутимым. Уверена, что и эти благовония умышленно втерты в ткань рубашки, а сделано это с единственной целью – дать понять не только окружающим, но и мне, с кем именно мой супруг проводит все свое время. Ох, Тирла, ты могла бы и не стараться – об этом и без того известно едва ли не каждому.

– Госпожа... – в комнату заглянула молоденькая служанка. – Вам что-то надо?

Спорить готова – девчонка слышала весь наш разговор, тем более что Вогану даже не пришло в голову хоть немного понизить свой голос. Естественно, что никому из слуг не хочется пропустить семейный скандал между хозяевами – это ж такая тема для обсуждения на кухне! Наверняка эта девчонка, заприметив мое возвращение, находилась неподалеку отсюда – хотела узнать, о чем будут говорить хозяева. Сейчас служанка решила под благовидным предлогом заглянуть в нашу комнату – ей явно не терпится посмотреть, не обливаюсь ли я слезами после ссоры. Вот что мне не нравится в доме семейства Уреш – так это излишне любопытные слуги, которые даже не стараются скрыть своего интереса к тому, что проходит у хозяев.

– Ничего не надо, хотя... – я протянула служанке скомканную рубашку мужа. – Вот, отстирайте, как следует.

– Конечно! Еще что-то желаете?

– Да. Скажите, чтоб меня не беспокоили – я хочу отдохнуть.

Оставшись одна, прилегла на кровать. Хочется надеяться, что какое-то время меня никто не потревожит. Итак, очередная попытка поговорить с мужем закончилась ничем, и ничего, кроме тяжести на душе, не принесла. На глазах закипали слезы, хотелось плакать как от обиды, так и от осознания того, что любимый человек даже не скрывает, насколько ему не хочется находиться рядом со мной. Интересно, как же у нас в семье все дошло до такой жизни, что муж изменяет мне едва ли не в открытую, а я все это малодушно терплю, глотая обиду пополам со слезами? А ведь тетя Фелисия права: надо что-то решать, так дальше продолжаться не может, только я все одно надеюсь на то, что все внезапно поменяется каким-то чудесным

образом...

Разница в происхождении, о которой с таким раздражением говорит муж... Что есть – то есть, с этим не поспоришь, и в последнее время муж напоминает мне об этом постоянно, едва ли не ставя подобное в вину. Дело в том, что в отличие от семейства мужа (которое никак не может похвастаться знатностью), я принадлежу к тем, кому повезло появиться на свет в аристократической семье. Про таких людей еще говорят, что они родились с серебряной ложкой во рту.

Семья моей матери происходит из древнего и довольно богатого рода, упомянутого во многих летописях, так что им определенно было чем гордиться. В той семье, кроме наследника-сына, росли две дочери, за которыми родители давали неплохое приданое. И если старшая дочь, то бишь Фелисия, удачно вышла замуж за состоятельного и влиятельного графа Балверстоун, то младшая дочь Элис (речь идет о моей будущей матери), пошла наперекор семье, и против воли родных обвенчалась с маркизом Алверст. На первый взгляд, все выглядело довольно неплохо: молодой человек, то бишь маркиз, был очень красив, умен, обаятелен, воспитан, принадлежал к одному из древнейших родов нашей страны. Проблема была в другом – его семья была полностью разорена еще пару поколений назад, и у молодого человека, кроме громкого имени, за душой не было ровным счетом никакого состояния. Проще говоря, новый родственник был гол, как сокол. Более того – у молодого маркиза даже родственников не осталось, он был последним представителем своего семейства. Естественно, родители невесты отнюдь не пришли в восторг от такого зятя – они рассчитывали на куда более выгодную партию для дочери, но переубедить упрямицу не смогли, а потому, скрепя сердце, все же решили, что древний род и отсутствие пятен на фамильном гербе оправдывает многое. К тому же, судя по всему, у молодых людей промеж собой была настоящая любовь, а это дорогого стоит.

Увы, счастье молодой четы долго не продлилось. Через несколько месяцев после моего рождения, в один далеко не прекрасный зимний вечер, родители возвращались домой из гостей. Дорога шла вдоль берега, было очень холодно и скользко, лошади не удержались на крутом повороте, тяжелую карету занесло, и она упала с обрыва. Хотя берег в том месте был не очень высок, но тем, кто находился внутри, хватило и этого...

Так в возрасте нескольких месяцев я осталась сиротой. Дед и бабушка заботились обо мне, баловали, как могли, а после их смерти меня под свое крыло взяла тетя Фелисия. У нее к тому времени было четверо своих детей, так что я оказалась пятым ребенком. В ту пору мне только-только исполнилось восемь лет, и, должна сказать, что после вольной жизни с дедушкой и бабушкой, которые позволяли мне многое, было весьма непросто привыкнуть к жестким порядкам, установленным в строгом доме тетушки Фелисии. Надо признать, что дорогая родственница не делала ни малейшей разницы между мной и своими детьми, но и спуску никому из нас не давала, твердой рукой поддерживая порядок в семье.

К несчастью, очень скоро тетя Фелисия стала вдовой – увы, но ее муж внезапно скончался от апоплексического удара, так что тетушка стала считаться главой семьи, и до совершеннолетия своего старшего сына взяла бразды правления в свои руки. Эта роль подходила тете Фелисии как нельзя лучше, и полностью соответствовала ее сильному характеру. Да уж, тетушку можно считать примером выдержки и хладнокровия: жесткая, властная, бесконечно гордящаяся своим происхождением и строго придерживающаяся установленных правил, считая, что от них нельзя уклоняться не на йоту. Точно таким же образом тетушка вела себя со своими детьми – проще говоря, наша жизнь была расписана едва ли не по минутам – вереница учителей, бесконечные занятия, рукоделие, прогулки в саду, выезды в гости и воскресное посещение проповедей в церкви... Именно там, в храме, я впервые увидела Вогана...

Это произошло спустя месяц после того, как я оказалась в доме тети Фелисии. В то время я еще не могла окончательно прийти в себя после смерти бабушки и дедушки, и мне было невероятно трудно привыкнуть к строгой жизни в доме тети Фелисии и к жесткому следованию правил этикета, безусловного выполнения которых требовала тетя. Иногда мне даже казалось, что я оказалась в заключении, из которого не вырваться. Наверное, именно потому я с такой радостью отправлялась в храм на воскресную проповедь – там все же было множество людей, которые не скрывали своих чувств и эмоций, и вели себя естественно, так, как того хотели, не думая об этикете и правилах хорошего тона. В эти несколько часов, которые я находилась среди людей, меня словно отпускало какое-то внутреннее напряжение, и даже казалось, что становится легче дышать.

В храме наши скамьи для сидения стояли в первом ряду – тут,

как и в обычной жизни, все зависело от статуса молящегося и его положения в обществе. Знатность, авторитет и влияние тетушки Фелисии были непререкаемы, так что нет ничего удивительного в том, что она со своим семейством располагалась впереди, на самых главных местах. Впрочем, первые три ряда скамей считались законным местом здешней аристократии, а затем люди устраивались, если можно так выразиться, по степени значимости.

Именно там (обернувшись, чтоб рассмотреть присутствующих), на шестом ряду я увидела красивого рыжеволосого парнишку лет двенадцати, который смотрел на меня. Не знаю почему, но этот паренек сразу приковал мое внимание – возможно, все дело в том, что своей яркой внешностью он выделялся из окружающих, а может, причиной всему была веселая улыбка на его лице. Ясно, что у него нет никакого желания выслушивать долгую проповедь священника о суетности бытия – наверняка этот мальчишка с великим трудом выдерживает время, которое ему следует провести в храме. Понятно и то, что сюда его приводят родители, хотя сам парнишка (в этом я не сомневаюсь!) с куда большей охотой провел бы время в другом месте, где не надо заставлять себя выслушивать скучные проповеди... Однако, скорей всего, причина моего пристального внимания к этому мальчишке была в другом, а именно в его удивительных, широко распахнутых глазах. На зрение я никогда не жаловалась, и потому даже на таком расстоянии заметила, что цвет глаз у этого парнишки был совершенно необычным, ярко-зеленым, невольно притягивающим к себе взоры окружающих. И хотя в то время мне было всего восемь лет, но эти удивительные глаза рыжеволосого парня настолько меня поразили, что я с трудом сумела отвести от него свой взгляд. А еще я не могла отделаться от ощущения, будто этот незнакомец пришел сюда из другого мира, свободного и радостного, по которому я так скучаю!

Наверное, в то время я была очень одинока, да и строгая чопорная обстановка в доме тети никак не способствовала тому, чтоб я нашла там себе хоть какого-то друга, или просто отдушину, с которой легче жить, да и жесткое воспитание тетушки уже стало давать свои плоды. Что же касается детей тети Фелисии, то они, мои кузены, по своим ухваткам уже были похожи на свою суровую мать, не признающую никаких нарушений установленных правил. Кроме того, все они были старше меня, так что общих интересов у нас не было. И вдруг невесть откуда появляется этот беззаботно

улыбающийся, невероятно красивый парнишка с потрясающими глазами!.. На первый взгляд этот вихрастый озорник был не совсем похож на того прекрасного принца, о котором с детства мечтают все девочки, но, тем не менее, нечто подобное в нем присутствовало. Он как-то сразу, с первого взгляда поселился в моем сердце, и я вовсе не хотела, чтоб он оттуда ушел.

Позже, спустя годы, я осознала простую истину: несмотря на то, что к тому времени мне исполнилось всего-навсего восемь лет, оказалось, что это все же была любовь с первого взгляда, хотя тогда я этого еще не понимала. Говорят, к некоторым такое удивительное чувство приходит в детстве, и они проносят его через всю свою жизнь. Беда лишь в том, что, как выяснилось позже, любовь находилась только с моей стороны...

Впрочем, все это я осознала впоследствии, а в тот день меня интересовал ответ на совсем иной вопрос – кто он такой, этот парнишка с удивительными глазами? Если судить по месту на скамье и шестому ряду, где сидел мальчишка, можно было предположить, что его семья относится к мелкопоместному дворянству, или же к числу разбогатевших торговцев. Как бы это узнать, не привлекая к себе излишнего внимания?

Должна сказать, что ответ на этот вопрос я получила в тот же день. Когда мы вернулись домой, то тетя Фелисия вызвала меня в свой кабинет, и резко отчитала. Оказывается, она заметила, как я то и дело косилась в сторону рыжеволосого мальчишки, и подобное ей совершенно не понравилось. Умение прятать свои чувства и эмоции – неотъемлемая черта настоящего аристократа, и неважно, сколько ему лет. Дескать, твое сегодняшнее поведение в храме оказалось для меня весьма неприятным открытием, и не рано ли ты стала бросать призывные взгляды по сторонам, а? Мол, ты, дорогая племянница, не только достаточно бестактно вела себя в общественном месте, но и объектом своего внимания выбрала не того человека. Мальчишка достаточно привлекателен внешне – тут спору нет, но на этом его достоинства заканчиваются, потому как семейство Уреш (к которому и принадлежит объект твоего воздыхания) – это самая настоящая деревенщина без роду и племени.

В кратком пересказе повествование тетушки звучит так: чтоб ты знала – дед этого молодого человека был обычным каменщиком, который пошел в армию простым солдатом. В одном из боев этот

служивый проявил удивительную храбрость, за что и был пожалован в дворянское сословие. Вернувшись домой, он довольно выгодно женился на дочери торговца лесом, но, тем не менее, мечтал о том, что его дети и внуки со временем обретут должный статус, и сумеют раздобыть себе титулы и звания. С той поры минуло немало лет, по местным меркам семья Уреш стала довольно зажиточной, только вот ни о каком продвижении вверх по социальной лестнице дело не шло, и вряд ли пойдет дальше. Причина этому была из тех, что проще некуда – уж слишком неотесанны были эти люди, хотя нынешний глава семейства старался делать все, чтоб не выглядеть белыми воронами среди дворянского сословия, только все его похвальные намерения ни к чему не привели. Так что господин Уреш вряд ли сумеет раздобыть хорошие связи среди аристократии и подлинное благородство для своих внуков.

Свою речь тетушка закончила следующими словами: от этого мальчишки по имени Воган тоже толку не будет – в этом я абсолютно уверена, и потому более твоего внимания к его персоне видеть не желаю. В общем, дорогая Элизабет, надеюсь, ты все поняла, и мне не придется вновь повторять наш разговор. В противном случае наша повторная беседа сложится куда более жестко...

Я же из этого разговора уяснила только одно: если хочу вновь увидеть этого паренька, то должна делать все, чтоб никто не заподозрил, насколько мне нравится этот рыжеволосый мальчишка. Не знаю отчего, но мне казалось не просто нужным, а необходимым снова и снова видеть как самого парнишку, так и его потрясающие ярко-зеленые глаза. В то же самое время было ясно, что если я по-прежнему буду поглядывать в сторону этого парня, то для меня подобное добром не кончится, или же тетушка и вовсе перестанет брать меня на воскресные проповеди. Значит, надо сделать все, чтоб не вызвать недовольства тети Фелисии. Чего уж там, иногда можно и схитрить...

Хотите – верьте, хотите – нет, но с той поры свою жизнь я стала отсчитывать от одной воскресной проповеди до другой. Когда мы в воскресный день шли по проходу в храм, тогда я всегда искала глазами этого рыжеволосого мальчишку, и для меня не было дня хуже, когда его не оказывалось среди присутствующих, а подобное происходило не так и редко – этот парень не относился к числу любителей посещать воскресные службы. Зато если я его видела, то с трудом удерживалась от счастливой улыбки, хотя, глядя на мое

спокойное лицо, никто не мог догадаться о тех эмоциях, что просто-таки бушуют в моей душе. Что же касается тетушки, то она, похоже, догадывалась о многом, но я не давала ей никакого повода делать мне замечания, а для тети это немаловажно.

Сама я никогда и никого не расспрашивала о Вогане и его семье, но иногда да меня доносились разговоры слуг, которые обсуждали многое, в том числе и семейство Уреш, так что я была в курсе многого, в том числе и того, как живет рыжеволосый парнишка с удивительными зелеными глазами.

Шли годы, мы становились взрослее, и рядом с Воганом стали появляться девушки, все, как одна, молоденькие и привлекательные. Правда, ни с одной из них он не приходил на проповедь более нескольких раз: подружек менял постоянно, что неудивительно – этот молодой человек, как говорят в здешних местах, удался и статью, и внешностью, да и язык у него, по слухам, был хорошо подвешен. Неудивительно, что в здешних местах Воган считался едва ли не самым красивым холостяком, а у таких парней ухажерок всегда хватает, вернее, они наличествуют, можно сказать, в избытке. Сколько же я тогда пролила горьких слез – и не сосчитать, только здесь ничего нельзя сделать, и жизнь следовало принимать такой, какая она есть. Хорошо хотя бы то, что Воган пока что не торопился связывать себя узами брака: как он всем говорил – мол, я еще слишком молод...

Зато в моей жизни с возрастом произошли изменения, да еще какие! Когда мне исполнилось семнадцать лет, у меня появился жених, только вот никакой радости от столь хм... счастливого события я не испытывала. Скорее наоборот – готова была сделать все, лишь бы никогда не видеть своего гм... суженого.

В тот день (даже вспоминать о нем не хочется!) тетушка вызвала меня в свой кабинет и сообщила, что барон Корд только что попросил руки и сердца леди Элизабет Алверст, или, говоря проще, сделал мне предложение. Оно было принято тетей Фелисией, которая является моей опекуной, и потому имеет право принимать те решения, которые считает нужными. Так что я теперь невеста, хотя со свадьбой придется несколько подождать...

Вот уж чего-чего, а подобной новости я точно не ожидала! Мало того, что этот человек (имеется в виду барон Корд) был неприятен мне сам по себе (проще говоря, я его терпеть не могла), так он еще

значительно старше меня по возрасту! Нет, только не это!

– Но я его не люблю!.. – вырвалось у меня.

– Так до свадьбы говорят многие... – пожала плечами тетушка. – Ничего, стерпится – слюбится.

Слюбится? Нет!!! Меня невольно передернуло при одном воспоминании об этом невысоком лысоватом мужчине с более чем невыразительной внешностью. А уж те сальные взгляды, который он бросал на меня при встречах, вызывали в моей душе нечто вроде омерзения. К тому же его сватовство выглядело более чем дико и странно, если учесть, что у барона имелась законная супруга.

– Тетя, но это невозможно! Если помните, барон все еще женат! Не могу взять в толк, отчего вы приняли столь странное решение! Или у нас в стране узаконили многоженство?

Мое возмущение понятно: дело в том, что баронесса Корд уже несколько лет была прикована к постели – после неудачного падения с лошади у нее был сломан позвоночник. Поговаривали о том, что барон с трудом выносит присутствие больной жены, и просто-таки мечтает о скорой смерти надоевшей супруги, рассчитывая начать новую жизнь.

– Я тебя понимаю... – казалось, тетушка сама была несколько смущена этой более чем странной ситуацией. – Более того – у меня есть осознание того, что я поступаю несколько непорядочно и в нарушение всех правил, но... Видишь ли, барон сказал мне, что у его жены в последнее время обострились все болезни, и доктора сообщили ему, что бедняжка не протянет и нескольких месяцев. Именно потому барон и пришел ко мне. По его словам, он уже давно без памяти влюблен в тебя, и ему страшно представить, что за то недолгое время, которое осталось до кончины его жены, ты можешь быть просватана за кого-то другого. Сама знаешь: барон Корд происходит из древнего рода, имеет очень неплохое состояние, в нынешнем браке у него нет детей, так что в этом смысле для тебя все складывается весьма удачно. Более того: барон принес предварительный проект брачного контракта, который вы должны будете подписать перед свадьбой, и те условия, что в нем обозначены, крайне выгодны для тебя. К тому же наши земли располагаются рядом, что немаловажно... Аргументы барона звучат достаточно серьезно, его чувства не вызывают сомнений, так что я

решила пойти навстречу его просьбе, хотя подобное нарушает существующие правила.

– А вот для меня все это звучит дико!.. – я была настолько возмущена, что позволила себе повысить голос на тетушку. – При живой жене заводить себе невесту?! Этот мир сошел с ума, а у барона нет ни стыда, ни совести! И я не могу принять всерьез ваши аргументы!

– О, разумеется, ты бы предпочла, чтоб я отдала тебя замуж за того рыжего парня, с которого ты неводишь глаз уже много лет... – язвительно отозвалась тетушка. – Думаешь, все эти годы я ничего не замечала? Стыдно сказать, какую любовь ты себе нашла, вернее, вбила подобную влюбленность в свою голову! Мало того, что объект твоих воздыханий происходит из самого настоящего худородного семейства, так вдобавок ко всему этот молодой человек настоящий вертопрах, и меняет девушек, словно перчатки. Кроме смазливой физиономии и зеленых глаз у него нет никаких достоинств. Хочешь знать все его достижения? За спиной этого молодца только горы разбитых женских сердец и реки слез, истекающие от брошенных подружек.

– Тетя Фелисия...

– Не перебивай меня! Я растила тебя, и веришь ты в это, или нет, но я считаю тебя своим ребенком, которого надо выдать замуж так, чтоб материнское сердце было спокойно. Меж тем ты умудрилась выбрать себе не тот предмет для восхищения – я говорю о том молодом человеке по имени Воган. Думаешь, я ничего не замечаю? Все эти годы я надеялась, что с возрастом эта дурь уйдет, и ты сама осознаешь, насколько была неправа, выбрав для обожания не того человека. Однако, как вижу, все мои надежды оказались тщетны.

– Я терпеть не могу барона, и потом, он намного старше меня!

– Верно, разница немалая, ведь он старше тебя на двадцать пять лет. Это, кстати, было одной из причин того, что я согласилась на его предложение. Удивлена? Напрасно. Мужчина в возрасте сумеет заставить тебя забыть о том недостойном молодом человеке, к которому ты испытываешь столь неподобающие чувства, а еще я рассчитываю на то, что в семейной жизни барон окружит тебя любовью, заботой и вниманием, будет преданным супругом. Кроме того, когда муж настолько старше жены, то, как правило, он

относится к ней очень трепетно.

– Простите, но в этом у меня есть серьезные сомнения... – я с трудом сдерживалась, чтоб не зарыдать. – Его отношение к своей нынешней супруге заставляет меня усомниться в благородстве барона! При болеющей жене (которая, заметьте, жива) делать кому-то предложение... Вы же понимаете, что со стороны подобное выглядит мерзко!

– Частично ты права, но, тем не менее... Элизабет, ты еще многое не понимаешь в жизни.

– Тетушка, что бы вы мне не говорили, но я не хочу выходить замуж за этого человека! Он мне просто-напросто неприятен!

– Ты можешь думать все, что тебе заблагорассудится, а я, как твой опекун, в свою очередь поступаю так, как считаю лучшим для тебя. Признаюсь: я опасаюсь, что ты, так же как твоя мать (а моя сестра), можешь пойти на неразумный поступок, продиктованный сердцем, а не головой. Мне будет спокойнее, если рядом с тобой окажется основательный, надежный и любящий человек, на которого можно положиться.

– Судя по тому, как он сейчас поступает со своей женой, барона трудно назвать надежным человеком... – покорности в моем голосе и близко не было.

– Прекрати! В жизни бывают разные ситуации... – было заметно, что тетушке не хотелось продолжать этот разговор. – Решение принято, и отступать от него я не намерена, и твои возражения слышать тоже не желаю. Да, и вот еще что: надеюсь, ты понимаешь, что об этом сватовстве лучше пока никому не говорить – люди вполне обоснованно осудят подобное решение, и во многом будут правы. Все, разговор закончен.

Сказать, что я была просто-таки раздавлена подобной новостью – значит не сказать ничего. Одна только мысль о том, что надо выходить замуж за барона Корд, вызвала у меня самую настоящую тошноту. В то же самое время я понимала, что ничего не могу изменить, потому что по закону тетя Фелисия, как моя опекунша, имела право выдать меня замуж за того человека, кого сочтет достойным или же подходящим для своей подопечной. Протестовать бесполезно: барон настоящий аристократ, знатен, богат, то есть претензий с этой стороны быть не должно, а что касается разницы в

возрасте, то подобное происходит сплошь и рядом, и вовсе не считается недостатком. Все, что мне оставалось – так только мечтать о чуде, которое избавит меня от ненавистного брака, да молиться о том, чтоб болеющая баронесса Корд прожила на этом свете как можно дольше (меня устроило бы лет сто, не меньше). А еще я рассчитывала на то, что тетя (несмотря свое согласие барону) впоследствии будет строго придерживаться обычая, согласно которому осиротевший супруг имеет право вступить в новый брак не ранее чем через год после смерти своей дражайшей половины. Конечно, в исключительных случаях допускались отклонения от этого правила, но я надеялась, что в моем случае до подобного не дойдет. Этого обычая – вступать в новый брак не ранее, чем кончится годовой траур по умершему супругу, придерживалась в основном аристократия, у простого народа с этим делом было куда проще...

Несмотря на то, что все мы помалкивали о сватовстве, весть о том, что барон Корд при живой супруге сделал предложение руки и сердца юной маркизе Алверст, быстро распространилась по округе, к великой досаде тети Фелисии. Я была уверена, что это как раз сам барон проговорился о том, что вскоре у него будет новая спутница жизни. Кое-кто поверил в произошедшее, кое-кто нет, но подобный поступок осудили почти все, и я их прекрасно понимаю.

По слухам, о сватовстве узнала и жена барона, и я могу только представить, что почувствовала в тот момент бедная женщина. Говорят, она во всеуслышание заявила, что после ее смерти барона ждет очень большое разочарование, а уж его невесту – тем более. Еще она произнесла нечто вроде того, будто дорогой супруг рано ее хоронит, и на Небеса она не торопится, так что праздновать свободу барону придется не скоро.

В свою очередь тете Фелисии (чтоб выпутаться из той неприятной ситуации, которую она сама допустила) пришлось дать понять своим знакомым, что барон Корд обращался к ней с неким полушутливым предложением, только вот его слова и намерения были кем-то извращены и неправильно истолкованы. Мол, пока баронесса жива (и пошли Небеса ей долгие годы жизни!) никаких разговоров о каком-либо сватовстве нет, и быть не может, так что слухи не имеют под собой никакого основания. Дело в том, что при одном из посещений нашего дома барон между делом упомянул о том, что будь он моложе и не женат, то охотно предложил бы свою руку прелестной маркизе Алверст, которая недавно вошла в возраст

невесты. Разумеется, этот неудачный комплимент (особенно учитывая нынешнее состояние его супруги) несколько смахивает на шутку дурного тона, но тут уж ничего не поделаешь: что сказано – то сказано, а остроты у мужчин часто бывают грубоваты и тяжеловесны, только вот непонятно, отчего обычный полушутливый разговор привел к столь неприятным разговорам. Кроме того, тетушка заявила, что на основании каких-то сплетен, не может отказать барону в посещениях нашего дома, потому как подобное может только подтвердить пересуды.

Это объяснение (на мой взгляд, несколько неуклюжее) было встречено с пониманием, хотя некоторые в него не очень-то поверили. Тем не менее, приличия были соблюдены, нашей репутации не был нанесен урон, так что, можно считать, все обошлось.

Что же касается самого барона Корд, то у него хватило ума и совести пригласить нас к себе в имение – мол, хотелось бы показать моей невесте ее будущие владения! С этим предложением он явно хватил через край, и тетушке пришлось в резкой форме прояснить барону, что его поведение несколько бестактно, и что в сложившейся ситуации ему следует вести себя более корректно и благородно, а его визиты в наш дом стоит максимально сократить. Вздыхнув, барон согласился, зато я с облегчением вздохнула, потому как участвовавшие визиты барона вызывали у меня ничего, кроме все более растущей неприязни.

Не стоит считать мое... нерасположение к барону Корд простым капризом. Благообразный, и с хорошими манерами, этот человек преображался, стоило ему остаться со мной наедине хотя бы на минуту, и его поведение в эти моменты начинало переходить все допустимые пределы. Каждый раз он бесцеремонно лез ко мне с поцелуями, а спустя какое-то время постоянно стал умолять о свидании наедине. Дескать, дорогая Элизабет, я не понимаю вашей стеснительности, мы же помолвлены, почти что женаты, и потому неплохо бы узнать друг друга поближе... И моя любовь к вам, милая Элизабет, настолько сильна, что я уже считаю дни и часы до того счастливого момента, когда мы окажемся вместе!.. И хотя я каждый раз одергивала барона, его дерзость становилась все сильнее, а поведение – все более бестактным. Понятно, что моих симпатий к барону это не прибавляло.

Еще более тяжело мне было на все тех же воскресных службах в храме – там, видя Вогана, я каждый раз невольно сравнивала его со своим, так называемым женихом, и итог был явно не в пользу барона. Ну, а Небеса я молила только об одном – пусть моя помолвка будет расторгнута, а баронесса живет долго-долго!..

Не знаю, что было тому причиной – мои мольбы о здоровье баронессы, или ее желание жить, но она, вопреки прогнозам врачей, протянула еще более двух лет, чем доставила немало огорчений барону. Что же касается меня, то я по-прежнему надеялась на какое-то чудо, которое спасет меня от этого нежеланного брака.

Увы, все когда-то кончается, и в один из дней стало известно о смерти баронессы Корд. Для меня это известие прозвучало едва ли не похоронным звоном, ведь теперь избежать брака с бароном мне вряд ли удастся.

Однако Небеса оказались добры ко мне, потому как вскоре после торжественных похорон баронессы моя служанка Зои, понизив голос, сообщила новость, сдержать которую была просто не в состоянии.

– Барышня, а что я вам сейчас скажу! К нашей кухарке приехал знакомый, он у барона Корда садовником трудится. Так вот, этот человек нам такое рассказал, что вы просто не поверите!

– И что же такого необычного произошло в доме достойнейшего господина барона?... – поинтересовалась я, особо не рассчитывая ни на какие сногшибательные новости.

– Утром приходил стряпчий с помощниками, зачитал барону завещание, которое оставила его жена... – затараторила девчонка. – Оказывается, все деньги и все добро принадлежало покойной баронессе, а сам барон не имеет почти ничего – свои денежки он давно уже растряс! Так вот, баронесса написала в завещании, что ее муженек получит наследство только в том случае, если женится на ее младшей сестре! Каково?! Ну, а ежели он откажется так поступить, то получит тысячу золотых, а все остальное состояние баронессы все одно отойдет сестрице!

– Что?! Не может быть!

– Вот-вот, барон, говорят, тоже удивился, стал кричать, что завещание поддельное, или что баронесса незадолго до смерти с ума сошла! Только стряпчий его быстро одернул, сказал, что завещание написано аж два года тому назад, и в присутствии нескольких

свидетелей, а баронесса было в полном рассудке. Мол, каждый человек имеет право распорядиться своим добром так, как считает нужным!

Значит, баронесса выполнила свое обещание насчет того, что барона после ее смерти постигнет горькое разочарование. Спасибо тебе, милая леди, я всю оставшуюся жизнь буду вспоминать тебя с благодарностью!

– Представляю себе разочарование барона... – чуть улынулась я.

– Это вряд ли!.. – замотала головой служанка. – Говорят, он орал, как резаный! Все еще в себя приходит от услышанного! В том завещании еще сказано, что если, выйдя замуж, ее сестрица помрет бездетной, то все состояние перейдет к церкви!

– А я и не знала, что у баронессы есть младшая сестра, да еще и незамужняя. Думала, у бедняжки вообще нет родственников.

– Как не быть! Имеется, только баронесса ее всю жизнь терпеть не могла, да и скрывала это родство – у них с сестрой мать одна, а отцы разные. По слухам, муженек младшей сестры давным-давно прокутил все, что у них было, после чего развелся с женой, и уехал куда-то, оставив бывшую женушку ни с чем. Та потом не раз к баронессе обращалась – мол, помоги по-родственному, жить не на что!, только баронесса наотрез отказывалась, потому-то эти сестрицы и ругались промеж собой постоянно. Поговаривают о том, что сейчас сестра баронессы живет чуть ли не в нищете, едва концы с концами сводит. Зато теперь ей такое богатство привалило!

– И сколько лет этой даме?

– Под сорок, да и на лицо далеко не красавица. А еще поговаривают о том, что характер у той дамы далеко не сахарный, и барон ее на дух не выносит! Да и она его тоже...

– Вот даже как?

– А то! Ежели барон на ней женится, то еще неизвестно, как уживутся! Цапаться будут, как кошка с собакой, не иначе.

– Он может и отказаться...

– От наследства? Дураков нет, чтоб от денег отказываться! А баронесса поступила благородно: она хоть младшую сестру и не любила, но все же облагодетельствовала ее перед своей смертью, да и

мужа своего ей пристроила. Вообще-то я баронессу понимаю: сейчас на деньги, которые ее сестрице достанутся, набегит столько желающих, что и не сосчитать, враз все денежки выманят, а при бароне особо не забалуешь...

Служанка говорила еще что-то, но я ее не слушала. Если служанка говорит правду (а слуги, как правило, знают все, что происходит у хозяев, да и обманывать меня ей незачем), то мой брак с бароном находится под угрозой, чему я безмерно рада. Этот человек, конечно, меня любит, но деньги он должен любить куда больше. Неужели мои мольбы услышали Небеса? Очень хочется надеяться, что все услышанное – правда, и с моей души наконец-то свалится тяжелый камень, и не состоится этот ненавистный брак.

Скандальные новости распространяются с быстротой молнии, и уже к вечеру не только город, но и вся округа знали о необычном завещании баронессы Корд. Без сомнений, тетушка услышала об этом одной из первых, но ничего мне не сказала, и вела себя так, будто ничего не произошло. Ну, других она, возможно, и могла обмануть, но я-то видела, что от подобной новости ей несколько не по себе. Оставалось только ждать...

Прошло несколько дней, и в наш дом пожаловал барон собственной персоной. Я уже знала, что тетушка послала ему записку с просьбой нанести нам визит, только господин барон явно не торопился осчастливить наше семейство своим появлением, до последнего откладывал столь ожидаемое посещение. Однако бесконечно уклоняться от приглашения невозможно, так что помимо своей воли барон все же вынужден был появиться в нашем домке.

Естественно, мне очень хотелось узнать, о чем тетушка собиралась поговорить с бароном, и потому я, махнув рукой на приличия и правила хорошего тона, отправилась на балкон, который находился рядом с кабинетом тетушки. Мне повезло – стоял жаркий день, и потому окна кабинета были немного приоткрыты, так что, при должной сноровке, можно услышать едва ли не весь разговор тех, кто находился в кабинете. Правда, к началу беседы я опоздала, но это, по большому счету, не так и важно – хватило и того, что расслышала.

– ... Не могу принять ваших объяснений... – донесся до меня ровный голос тетушки. – Это нелепые отговорки и не более того.

– Я всего лишь прошу правильно понять мои слова... – ого, а в

голосе барона явно слышны извиняющиеся нотки. – В отношении вашей племянницы у меня были самые серьезные намерения, и даже более того – я в нее по-настоящему влюблен, но... Никому и в голову не могло прийти, что моя жена оставит такое немыслимое завещание!

– Но у вас имеется и свое состояние.

– С горечью должен признаться – увы, от него осталось очень немного. Я решил рискнуть, и вложил огромные деньги в некое рискованное предприятие. К сожалению, оно оказалось аферой чистой воды, и я едва не разорился.

– Досадно. Жаль, что вы не рассказали мне об этом раньше. Но я могу несколько увеличить приданое Элизабет.

– Это очень великодушно с вашей стороны, но я вынужден отказаться.

– Насколько мне известно, в своем завещании баронесса предложила вам некий выбор.

– Совершенно верно, но тысяча золотых – это слишком мало.

– Господин барон, а вам не кажется, что вы ведете себя недостойно?.. – а вот теперь голос тетушки стал холодным. – Оставим в стороне денежный вопрос, меня куда больше беспокоит другое. Вы хоть представляете, в каком положении окажется моя племянница, когда станет известно о том, что вы разываете помолвку для того, чтоб жениться на сестре своей покойной жены? Вы подумали о репутации Элизабет?

– О нашей помолвке никому не известно...

– Барон, не надо обманывать ни себя, ни меня! Признайтесь – именно вы в свое время не смогли удержаться, и рассказали о том, что я согласилась отдать вам руку Элизабет... Вы хоть представляете, сколько мне пришлось потратить трудов, чтоб сгладить неприятные разговоры, появившиеся после такого известия? Впрочем, это дело прошлое.

– Верно, прошло более двух лет.

– Да, и за эти годы я отклонила несколько предложений, касаемо брака Элизабет с весьма достойными людьми. Должна сказать, что из числа этих предложений два были не просто хорошие, а блестящие, и, говоря откровенно, я искренне досадовала, что была вынуждена

ответить отказом. Если помните, я несколько раз просила вас уточнить, не изменились ли ваши планы относительно моей племянницы, и каждый раз вы клялись мне, что женитьба на Элизабет – это самая заветная мечта всей вашей жизни, и вы сделаете все, чтоб девушка была счастлива! Более того: вы не раз напоминали мне о том, что я дала вам слово, и потому должна его сдержать. А сейчас вы имеете дерзость заявить мне о том, что расторгаете помолвку! Подобная непорядочность просто не укладывается у меня в голове!

– Увы, обстоятельства сильнее меня... – горестно вздохнул барон. – И потому попрошу не судить строго вашего покорного слугу – судьба и без того нанесла мне удар прямо в сердце.

– Тогда позвольте и мне сказать вам кое-что... – судя по голосу тетушки, приближалась буря. – Так вот, господин барон, должна сказать, что вы подлец, мерзавец и негодяй, и я невероятно сожалею о том, что когда-то согласилась на ваше предложение относительно брака Элизабет.

– Леди Балверстоун, вы позволяете себе лишнее! Я могу понять ваше возмущение, но не потерплю оскорблений...

– Молчать!.. – тетя Фелисия произнесла это таким голосом, что даже у меня испуганно забилось сердце. – Вы что, в действительности считаете себя прекрасной партией для юной девушки? Так вот – ничего подобного и близко нет, зато есть множество чудных молодых людей, которые подходят ей куда больше. Я же решилась на эту помолвку лишь после ваших неоднократных и долгих просьб в надежде, что вы станете хорошим и любящим мужем моей милой племяннице. К несчастью, я ошиблась относительно вас, так что помолвка расторгнута, теперь уже и со стороны невесты, а потому можете считать себя свободным. Еще хочу сказать вам, господин барон, что я отныне не желаю видеть вас в своем доме.

Зазвенел колокольчик – тетя вызывала слугу. Тот пришел почти сразу же – обслуга у тетушки вышколена на совесть.

– Проводи господина барона до дверей и проследи за тем, чтоб он как можно быстрее покинул дом... – послушаться властного голоса тети Фелисии было невозможно, а то презрение, которое в нем звучало, должно было по-настоящему задеть моего (по счастью, уже

бывшего) жениха. – И передай слугам мой приказ: отныне барона Корд в нашем доме не принимать ни под каким видом, и я запрещаю получать от него какие-либо послания. Тот, кто нарушит мой приказ, будет выкинут на улицу, и впоследствии его не возьмут даже мыть полы в захудалой харчевне. Ты все понял?

Я не стала слушать ответ слуги – лично мне и без того все понятно. Свадьбы не будет, тетушка расторгла помолвку!.. Меня переполняло такое счастье, что если было бы можно, то я, как в детстве, готова была прыгать на одной ноге. Радости было столько, что столкнувшись с бароном (который в это время едва ли не бегом покидал наш дом), я невольно расплылась в счастливой улыбке, и церемонно присела в приветствии.

– Господин барон, рада вас видеть!

– Элизабет... – а бывший жених настолько растерялся, что не знает, как себя вести. Да и разговор с тетушкой дался ему нелегко – красные пятна просто-таки горят на лице. – Элизабет, простите, но у меня появились неотложные дела, и я вынужден вас покинуть.

– В таком случае желаю вам всего самого наилучшего!

Глядя вслед уходящему барону, я по-прежнему улыбалась. Будем считать, что все плохое в моей жизни закончилось, и отныне этого человека я никогда не увижу.

Вскоре тетушка позвала меня в свой кабинет, где сообщила, что моя помолвка расторгнута, и отныне я могу считать себя свободной от обязательств.

– Тетя Фелисия, я вас поняла.

– Судя по всему, подробности ты уже знаешь, верно? Вижу, что это известие доставило тебе немало радости. Можешь не стараться обмануть меня – во время моего разговора с бароном я мельком заметила тебя на соседнем балконе.

– Тетя, я всего лишь хотела...

– Не стоит оправдываться, и я не намерена упрекать тебя за излишнее любопытство, тем более, что ты имеешь право быть в курсе происходящего, потому как оно касается именно тебя. Кстати, запомни на будущее: если подслушиваешь или прячешься, то постарайся сделать так, чтоб тебя никто не заметил. К подобным делам нельзя относиться легкомысленно.

– Тетя Фелисия, я...

– Должна сказать, что я признаю свою ошибку в крайне неудачном выборе жениха для дочери своей сестры... – продолжала тетушка. Будем считать, что Светлые Небеса уберегли тебя от этого человека. Как не досадно это признать, но я очень сильно обманулась в отношении барона Корд, и потому прошу у тебя прощения.

– Мы все можем ошибаться... – я даже растерялась от таких слов. Не помню, чтоб тетя Фелисия хоть у кого-то просила прощения!

– Ошибка ошибке рознь! Не сомневаюсь, что в самое ближайшее время ненужные разговоры вспыхнут с новой силой... – подсадовала тетушка. – Единственное, что хоть немного примиряет меня с действительностью, так это личность сестры ныне покойной баронессы Корд, на которой решил жениться твой бывший поклонник. Они и ранее не ладили промеж собой, и не думаю, будто что-то изменится теперь. Если верно то, что я ранее слышала об этой женщине, то мне следует заранее посочувствовать ее будущему супругу – эта особа устроит барону такую жизнь, что он не раз пожалеет о разрыве вашей помолвки. И как я в свое время могла поддаться на уговоры этого человека – не понимаю!

– Случается...

– Элизабет, ты, видимо, не осознаешь всей серьезности ситуации. За эти два года, когда ты была негласно помолвлена, я отказала многим женихам, и теперь очень сложно найти для тебя подходящую партию.

– Я об этом не задумывалась.

– И напрасно. Что ж, решим так: раз так вышло, что обстоятельства сложились столь неприятным образом, то надо действовать иначе. Осенью мы с тобой отправимся в столицу, и там я сумею отыскать для тебя достойного человека – с твоей внешностью и приданым сделать хорошую партию не составит труда.

– Значит, мы уезжаем?

– Да, через пару месяцев. Заодно я наконец-то навещу семьи своих дочерей, которые уже давно там живут...

Тетушка говорила еще что-то, но все ее слова проходили мимо моего сознания. Казалось бы, можно радоваться: для меня все складывается наилучшим образом, скоро я увижу столицу, только вот

на душе отчего-то стало тоскливо, и причина мне ясна – если мы уедем, то вряд ли я еще хоть раз увижу Вогана. От осознания этого куда-то исчезла та радость, что переполняла меня еще недавно. За прошедшие годы этот рыжеволосый парень так крепко вошел в мое сердце, что мысль о разлуке была невыносимо тяжела. В то же время я понимала, что ничего изменить нельзя, и к тому же у него есть невеста, и он скоро женится...

Похоже, стрела любви наконец-то пронзила и сердце Вогана, во всяком случае, подле него уже едва ли не полгода находилась одна и та же девица, и, судя по всему, искать себе новую подружку рыжеволосый красавец не намеревался. Достаточно было посмотреть на эту парочку, чтоб понять – молодой человек всерьез увлечен своей новой девушкой. Он не сводил с нее глаз, а на его лице то и дело появлялась счастливая улыбка. Тут все ясно и без комментариев: Воган, здешний покоритель женских сердец, влюблен без памяти. Что же касается девицы, то она, похоже, купалась в лучах всеобщего внимания – а то как же, сумела заполучить такого завидного холостяка! Делайте со мной что хотите, считайте, что я ревную, но готова биться об заклад, что со стороны новоявленной невесты никакой особой любви к Вогану нет. Ей, скорее, льстило его присутствие рядом с собой, а также бесконечное обожание со стороны этого красивого парня.

Признаю: эту особу я невзлюбила с первого взгляда. Конечно, от меня трудно ожидать симпатии ко всем девицам Вогана, но эта мне не понравилась особенно. Возможно, причиной этому явилось то, что цвет волос новой пассии был почти таким же, как и у Вогана. Эти две рыжие головы, находящиеся рядом, невольно притягивали к себе взгляды всех, кто встречался на их пути.

Не сказать, что девица была очень красива – ее можно было назвать симпатичной, но не более того. Тем не менее, она постоянно была в центре внимания, и дело тут было не только в необычном цвете волос. Веселая, озорная, острая на язык, с какой-то дурманящей чертовщинкой в облике, которая часто привлекает мужчин куда сильнее, чем яркая красота... Понятно, что такие женщины нравятся подавляющему большинству мужчин, а подобное позволяло рыжей прелестнице лихо дурить головы людям. Поговаривали, что в умении очаровывать мужчин девице просто не было равных. А уж высокое мнение этой особы о себе, и о собственной исключительности придавали ей невероятную уверенность в том, что она неотразима в

глазах любой особи мужского пола. Что ж, в жизни случается и такое.

Позже, стоя дома перед зеркалом, я сравнивала себя и Тирлу. Говорю честно – своей внешностью я довольна. Волосы цвета льна, голубые глаза, правильные черты лица, да и фигура не подкачала... Я не раз слышала многочисленные комплименты в свой адрес, да и Зои, моя служанка, не раз говорила мне: «Барышня, вы такая хорошенькая, просто спасу нет!» Ох, к этой бы красоте да любимого мужа!..

Справедливости ради надо признать, что к этой особе не только я относилась с некой неприязнью – женщины ее особо не любили, зато она нравилась едва ли не всем мужчинам. Конечно, полной оторвой девицу не назвать, но слухи о ней ходили самые разные, причем отзывались об этой красотке большей частью далеко не лучшим образом.

Как я позже узнала, рыжеволосую девицу звали Тирла, и она была сестрой мелкого торговца. Родители у них умерли, и брат (у которого и без того уже имелась своя семья и четверо детей мал мала меньше) хотел как можно быстрее выдать сестру замуж. Как говорится: мне бы с плеч долой, а с руки я и сам стряхну. Этого человека можно понять – уж очень неумный нрав был у его излишне шустрой сестрицы, да и общепринятые правила поведения она особо не признавала, так что, по мнению брата, пусть лучше у ее будущего супруга голова болит от выкрутасов этой девчонки. Дело осложнялось тем, что девицу никоим образом нельзя отнести к числу богатых невест. Конечно, бесприданницей ее назвать нельзя, но и мало-мальски приличным приданым она тоже похвастаться не могла, так, имелось кое-что по мелочи, и не более того.

Тем не менее, ухажеров у нее хватало, причем самых разных – от бедняков до весьма состоятельных людей. Казалось бы – выбор немалый, но, тем не менее, девица до сих пор не была замужем. Причина проста: за бедного человека девушке (особенно если она знает себе цену), естественно, идти не хочется, а богатые люди из числа тех, что согласны жениться, уже находятся в достаточно солидном возрасте. Понятно, что каждая девушка мечтает иметь рядом с собой молодого, красивого, богатого, щедрого, а такой долго не попадался на ее пути. Вернее, он все же отыскался, и им оказался Воган.

Говорят, этот парень, без счета разбивающий женские сердца,

сам без памяти влюблен в рыжеволосую красотку, и даже решил жениться, только вот его отцу невеста сына совсем не по душе. Глава семейства считал, что его сыну следует взять в жены ровню, то есть девушку из благородного дворянского семейства (между прочим, желающие находились), да только Воган и думать о них не хотел – мол, женюсь только на той, кого люблю!.. Вогану пришлось долго уламывать отца, и постепенно тот смягчился – дескать, уперся парень, настаивает на своем, а раз так, то пусть женится на той, которая ему по душе! Уже и дата свадьбы назначена...

Ну, что тут скажешь? Рано или поздно Воган должен был найти себе спутницу жизни, так что нравится мне это, или нет, но надо смириться с происходящим, и надеяться, что в браке молодой человек будет счастлив, хотя, на мой взгляд, с ним будет счастлива любая. Возможно, мне стоит пожелать этим двоим всяческих благ и радостей в семейной жизни, только вот делать этого мне никак не хочется. Тут уже ничего не поделаешь – жизнь идет своим чередом, и у каждого из нас своя дорога...

... Однако все вышло иначе. Не прошло и двух седмиц с того дня, как барон разорвал нашу помолвку, как моя служанка Зои (которая обладала удивительной способностью едва ли не первой узнавать все сплетни) просто-таки ошарашила меня очередной новостью.

– Ой, барышня, что я вам сейчас скажу!.. – затараторила она. – Вы ведь знаете Вогана, того высокого рыжеволосого красавчика?

– Я с ним незнакома, но не раз видела его в храме... – а сама подумала о том, что сейчас мне сообщат о свадьбе Вогана.

– Так вот, у него такое случилось!.. Он был помолвлен с Тирлой... Вы, барышня, ее не знаете, а это такая, скажу вам, штучка! Только и делала, что хвостом перед мужиками махала, да глазки им строила!

– Тирла... Это не та рыжеволосая девушка, что постоянно сидела рядом с ним в храме на воскресных службах?

– Так вы ее видели?

– Две находящиеся рядом рыжие головы сложно не заметить.

– Ваша правда, барышня. Так вот, эта самая Тирла была невестой Вогана, всех ухажерок от него отвадила, у них уже и свадьба была назначена. А вчера эта самая Тирла сбежала от своего жениха!

Представляете?

– Как сбежала? Куда? С кем?

– Да с каким-то торговцем с Востока! Ездят к нам такие черноглазые красавцы, все как на подбор – один одного лучше, глазами по сторонам зыкают, здешние товары скупают, свои продают, а вместе с тем нашим девицам поют сладкие песни о любви, и кое-кто из тех наивных дурочек по глупости уши-то и развешивает! До того доходит, что у некоторых из этих доверчивых дур хватает ума выйти замуж за тех сладкоголосых раскрасавцев, и уехать с ними на Восток! Говорят, в свое время немало таких молодых раззяв укатили в те далекие страны. Была такая пора, когда девушки верили в истории о легкой и безбедной жизни в иных краях, но те времена давно прошли, да и девчонки несколько поумнели. Две из когда-то уехавших девушек, которым посчастливилось вернуться, говорят, что верить рассказам тех восточных людей нельзя ни в коем случае – мол, это все сплошной обман! Дескать, у каждого из этих темноглазых красавчиков дома уже своя семья имеется, причем у некоторых не по одной жене, и те наши девчонки, что там оказались, обычно в их доме служанками становятся, причем бесправными! По хозяйству управляют, женам прислуживают, да за хозяйскими детьми приглядывают... К тому же держат там приехавших женщин в черном теле, и вера у тамошних людей чужая... Многие из тех торговцев специально себе наших девиц присматривают, чтоб бесплатной обслугой в доме обзавестись, которую можно держать в полном подчинении! А некоторые из тех так называемых мужей привезенных девчонок и вовсе на рынках рабов продают, после чего бедняжек поминай, как звали!.

– Как продают?

– А так! Судите сами, барышня: уехали девушки с молодым мужем – и уехали, а что там, на чужбине с ними происходит – этого никто не знает, восточку оттуда получить трудно. Если даже родственники ее потом искать начнут, то всегда можно сказать – мол, померла ваша девица, здоровьем оказалась слаба, да и к здешнему климату так и не привыкла. Эти слова родня мужа всегда подтвердит. Там и могилку показать могут, и о последних словах перед смертью сообщат, так что с них взятки гладки!

– Так как же Тирла всему этому поверила?

– Видно, и таких, как она, обмануть можно. Тут, главное, надо знать, что и кому наобещать можно, и убедительности в голосе подбавить. Торговец, с которым Тирла сбежала – он, говорят, ей чуть ли не заморским принцем представлялся, который под видом торговца бродит по свету в поисках невесты, но пока что ее так и не нашел. А уж как он заливал о том, что его избранница в сказочном дворце жить будет, в золоте ходить и с золота есть! Тирла своим подружкам хвастала о том, что скоро принцессой станет!

– Да это даже звучит несерьезно...

– Вот-вот, и я про то же! Тирла сама всю жизнь мужиков за нос водила, вертела каждым, как хотела, а они за ней бегали, словно привязанные! Потому-то эта рыжая особа была уверена в том, что обмануть можно кого угодно, но не ее, умницу такую! Дескать, этот человек с Востока влюбился в нее по уши, и сделает все, что она пожелает! А еще ей до страсти хотелось стать принцессой...

– А откуда об этом стало известно?

– Подружки Тирлы рассказали, тем более что она им перед побегом письма оставила для брата и жениха – не ищите меня, мол, у меня теперь будет другая жизнь, счастливая, не то что здесь... Вот дура! Об заклад готова побиться – там ее такое счастье ждет, что мало не покажется! Знаете, барышня, что я вам скажу? Так ей и надо! У меня старший брат из-за нее, паразитки, со своей невестой расстался, поверил, что эта рыжая ведьма его любит! Ага, как же, любит! Да она и не знает, что это такое! Пока у брата деньги были, и он ей дорогие подарки покупал да все капризы исполнял – тогда Тирла перед ним лисой ходила, а как только деньги кончились, так она сразу хвостом вильнула и ушла. Хорошо еще, что брата невеста простила, пусть и не сразу. Иногда, конечно, о той истории вспоминает, особенно когда они ссорятся...

– А как же Воган?

– Вот уж кого мне не жаль, так это его! Скольким девчонкам головы задурил и бросил, жизнь испортил! Ничего, пусть почувствует, как человеку приходится, когда его оставляют без всякой причины! Это ему обратка прилетела, не иначе! Вон, у моей подружки сестра, когда Воган ее кинул, чуть руки на себя не наложила!

– Бросил, говоришь... – слышать подобное про любимого

человека очень неприятно. – Там что, и ребенок остался?

– Нет, какой ребенок!.. – замахала руками Зои. – Воган парень ловкий, знает, как обойтись без детей... В общем, оба получили по заслугам!

Новость о том, что от Вогана сбежала невеста, стала едва ли не самой обсуждаемой в городе – уж слишком много раньше ходило разговоров как о легкомысленной Тирле, так и о излишне влюбчивом Вогане. Кроме того, по слухам, у них готовилась шумная свадьба, на которую заранее было приглашено множество гостей, и такого итога никто не ожидал. А люди бывают разные – одни посочувствуют, другие порадуются чужой беде... Поговаривали, что безутешный жених бросился вслед за беглянкой, только все было напрасно – так и не догнал. Что ж, в жизни случается всякое!

Впрочем, что там говорить о простых людях, если даже тетя Фелисия – и та упомянула об этом скандальном происшествии: мол, чего только не происходит на этом грешном свете!.. Мне же оставалось только молча сочувствовать Вогану – представляю, как тяжело ему сейчас приходится!

Прошло несколько дней. Я сидела за книгой, когда слуга доложил, что меня желает видеть господин Уреш. Святые Небеса, это же семья Вогана! Наверное, отец того семейства пришел по какому-то делу к тете Фелисии, а той, как назло, нет дома!

К своему великому удивлению в гостиной я увидела Вогана. Вот уж кого меньше всего ожидала увидеть, так это его! С того времени, как я видела его в последний раз, молодой человек побледнел, осунулся, а под глазами удивительного зеленого цвета появились мешки. Чувствуется, что в последнее время ему пришлось нелегко.

– Мисс Элизабет... – Воган склонил голову.

– Господин Уреш... – я чуть присела перед ним. – Вы, без сомнений, пришли к моей тете, но ее, к сожалению, нет дома.

– Нет, я пришел к вам... – Воган посмотрел на меня. – Сейчас, только с духом соберусь... Мисс Элизабет, вы ведь уже наверняка знаете, что со мной произошло, так? Я имею в виду свою неудавшуюся женитьбу.

– Земля слухами полнится... – я постаралась произнести это как можно более спокойно.

– Да, конечно... Мисс Элизабет, выходите за меня замуж!

– Что?! – я меньше всего ожидала услышать подобное, и, видимо, у меня был по-настоящему удивленный вид.

– Понимаю, это странно слышать, тем более что вы меня совсем не знаете.

– Вы меня тоже.

– Тут вы неправы – я обратил на вас внимание много лет назад, с того самого момента, когда впервые увидел вас в храме на воскресной службе. Впрочем, не я один. Тогда многие отметили, что рядом с графиней Балверстоун появилась удивительно красивая девочка с кудрявыми белыми волосами... Хотя вы вряд ли помните этот день.

Ничего себе! Просто удивительно, о чем я узнаю, спустя годы! Но сейчас... Надо же, Воган решил прозвать меня замуж! Кажется, можно радоваться, ведь исполняется мечта всей моей жизни, но я отчего-то не тороплюсь соглашаться. Наверное, я слишком растеряна, или же чересчур долго ждала, а может, всему виной слова моей служанки Зои о Вогане... Еще я подумала: хорошо, что тетушки нет дома, иначе она после слов о замужестве без лишних разговоров сразу выставила б Вогана за дверь, да еще ясно дала бы ему понять, что шокирована его беспримерной дерзостью.

– Вы правы, это было очень давно... – надеюсь, мой голос звучал ровно. – То, что вы сейчас говорите – всего лишь обычные детские воспоминания. Вы уж меня извините, но я не могу взять в толк, отчего вы решили предложить мне свою руку и сердце? Насколько мне известно, поклонниц у вас хватает.

– Есть такое дело... – Воган тряхнул рыжими кудрями. – Тут дело иного рода. Меня невеста бросила, а у вас, как я слышал, дело с женихом тоже разладилось.

– Я бы не советовала вам прислушиваться к слухам и сплетням.

– Извините, если сказал что не так. Понимаю, что для вас мое предложение – настоящая неожиданность, и вы имеете полное право указать мне на порог. Знаю и то, что я вам – не ровня, но вдруг...

Если следовать правилам, то мне следовало вы выставить вон незваного гостя, только делать это мне никак не хотелось. Вместо этого я, сама не ожидая от себя, произнесла:

– Господин Уреш, присаживайтесь. Давайте просто побеседуем...

Помнится, тогда мы проговорили в Воганом больше часа, и к концу разговора я была им полностью очарована. На прощание я сказала, что не возражаю, если его отец придет к моей тетушке с предложением о сватовстве.

Тетушка вернулась под вечер, и я рассказала ей о посещении Вогана, о его словах, и о том, что хочу выйти за него замуж. Думаю, излишне упоминать о том, какую бурю мне пришлось выдержать, и что я выслушала как о себе, так и о предполагаемом женихе. Когда же на следующий день к нам пришел отец Вогана, то тетушка не хотела его даже принимать...

Не стоит описывать все коллизии, неприятности, громы и молнии, которые нам пришлось выслушать от тети Фелисии, но через какое-то время дело кончилось тем, что тетушке, помимо своей воли, пришлось согласиться на наш брак.

Как она сказала: если некоторые безголовые девицы не понимают разумных слов, то пускай их жестко поучит жизнь – может, поумнеют, пусть даже таким суровым образом. Да, мне известно – тебе всегда нравился этот рыжеголовый оболтус с недостатком морали, но я даже вообразить не могла, что, повзрослев, реальной жизни ты предпочтешь детские фантазии. Этот красивый болван отнюдь не тот прекрасный принц, которого ты нарисовала в своем воображении – там все куда проще, грубее и приземленнее. Ты еще не имеешь представления, каково это – оказаться в чужой среде, где у живущих там людей свои правила, привычки, отношения, воспитание (или же его отсутствие), совершенно иной жизненный уклад... Думаю, очень скоро ты будешь разочарована в своем рыжем избраннике. Надо смотреть на жизнь более серьезным взглядом, только ты, дорогая, к моим словам все одно не прислушаешься. Я, дескать, как твоя родственница, чувствую себя виноватой за то, что в свое время согласилась на предложение барона Корд, и потому в этот раз пойду у тебя на поводу, хотя подобное не стоило бы делать ни в коем случае. Не сомневаюсь, что через какое-то время вы разойдетесь, так что впредь будешь думать головой, а не чувствами. Но предупреждаю сразу: я не потерплю никакой шумной свадьбы и многочисленных гостей, соглашусь лишь на самый скромный обряд в храме, и все должно быть предельно просто. Что касается брачного контракта, то он будет достаточно жестким, а если семейке жениха он

не понравится, то заявляю сразу, что менять ничего не намерена, так что делайте выбор...

Родственники Вогана, хотя и мечтали о шумной свадьбе, не решились возражать суровой графине Балверстоун. При бракосочетании в храме были только самые близкие люди, в том числе и тетя Фелисия, которая не проронила ни слова, и после завершения церемонии сразу же уехала. Празднование в доме семейства Уреш тоже было весьма скромным, там присутствовали лишь родственники жениха, которые смотрели на меня, как на какое-то заморское чудо, а на Вогана едва ли не с завистью.

Наш брак породил немало разговоров – мол, надо же, какой мезальянс! Наследница одного из древнейших семейств – и худородный дворянин! Мол, ничего не скажешь, повезло парню! В чем-то людей можно понять: женившись на мне, Воган, хотя и не получил титул маркиза, но сравнялся с самой высокой аристократической прослойкой. Да и приданое у меня неплохое, так что Вогану завидовали многие.

Так началась моя семейная жизнь. Должна признать, что тетя Фелисия во многом была права – семейство Уреш, и верно, было малообразованно, но следует отдать им должное – они и сами это прекрасно понимали, а потому искренне пытались делать все, чтоб исправить положение вещей, и не чурались никакой новизны.

Хорошо мы жили, или плохо – это отдельный разговор, но уже на второй день после свадьбы отец Вогана попросил меня сделать все, чтоб их дом напоминал господский. Мол, денег жалеть не надо, а то у нас звание-то дворянское, а вот показать это не можем... Что верно – то верно: дом семейства Уреш напоминал жилище состоятельных крестьян, и не более того, да и особым образованием эти люди не блистали.

Я взялась за дело, тем более что искренне хотелось порадовать людей, живущих здесь. Не стоит упоминать, сколько трудов мне это стоило, но сейчас наш дом ничем не отличается от особняков дворянских семейств – красивый, с соответствующей обстановкой и небольшим садом. Правда, вышколить слуг должным образом у меня пока что не получалось, но это дело наживное.

Что касается моих отношений с мужем... Скажем так: с его стороны было куда больше страсти, чем нежности, но в то время я

совершенно не разбиралась в таких тонкостях. Я по-прежнему любила его, и была готова простить очень многое. Кажется, особо упрекнуть его было не в чем, но я долго не могла отделаться от впечатления, что он держит меня на некотором расстоянии от себя, и не собирается приближаться. Лично мне все было понятно – Воган никак не мог забыть Тирлу, хотя избегал любых разговоров о ней. Внешне у нас все было хорошо, но долгое время я чувствовала – что-то не ладится в нашей паре, и понадобился немалый срок на то, чтоб у нас все сгладилось. Потом, кажется, все стало налаживаться, а в то время большего мне и не требовалось.

Если же говорить о родных Вогана... Мой свекор – отец мужа, относился ко мне с огромным уважением, а свекровь, кажется, в глубине души меня побаивалась. Еще у Вогана были младшие брат и сестра: мальчишка смотрел на меня с бесконечным обожанием, и, кажется, был влюблен, а сестренка пыталась делать все, чтоб немного походить на меня. Еще в семье имелась бабушка, мать свекра, и эта старая женщина даже не считала нужным скрывать свою неприязнь по отношению ко мне, утверждая, что я совсем не подхожу в супруги ее внуку, и Вогану следовало жениться на другой девушке, более подходящей и простой. Бабуся была единственным человеком в семье, которого беспредельно раздражали все происходящие изменения, и она не стеснялась напрямую высказывать свое мнение, причем в довольно грубой форме – эта старая женщина относилась к числу тех людей, кто не стесняется высказывать все, что им приходит в голову. А еще она частенько ставила меня в тупик своими замечаниями, которые, как правило, были более чем бестактны...

... Ох, что-то меня сегодня воспоминания одолели! Наверное, всему виной разговор с тетей Фелисией, правоту слов которой сложно не признать. Пожалуй, пока что мне стоит успокоиться, и подумать, что делать дальше.

А еще кто бы мне ответил на вопрос – хотя бы сегодня Воган придет домой, или опять нет?..

Глава 2

По утрам мы, как обычно, завтракали всей семьей, сидя за большим обеденным столом. В данный момент семья – это родные Вогана и я. Что касается моего супруга, то он в очередной раз не пришел ночевать. Все понимали, что происходит неладное, и потому говорили на посторонние темы, в основном о сегодняшней воскресной службе, старательно обходя разлад в семье старшего сына, только вот бабуся, как всегда, не сочла нужным скрывать свои мысли.

– А Воган где? Опять дома не ночевал?

– У него дела... – свекор старался не смотреть в мою сторону.

– Да знаем мы такие дела!.. – хмыкнула бабуля. – Покатился петух по курочкам! Вот ненасытный!

– Мама!.. – оборвал ее свекор.

– А че это ты на меня кричишь?.. – повысила голос бабуся. – Ежели по ночам мужика дома нет, то понятно, где он ошивается! По молодкам ходит, не иначе! Вы и сами знаете, к кому он шастает вечерней порой...

– Мама!

– Ты мне рот не затыкай! Это вы все молчите, а я говорю то, что есть на деле! Или боитесь, что ваша принцесса чего лишнее услышит? Так она ж не полная дура, и знает, где ее муж все свое время проводит!

– Бабушка!.. – теперь уже подал голос и брат Вогана. – Хватит!

– Мал еще, чтоб мне указывать!.. – завелась бабуся. – Развели тут новые порядки, никакого почтения к старым людям, а они ведь много чему поучить могут! Кто вам еще правду скажет, если не я? Что, разве раньше мы плохо жили? Так нет, решили модничать, развели в доме невесть что, изображаете из себя благородных, сколько денег впустую угрохали на свои хотелки! Как подумаю об этом – враз тошно становится! Чем вам плох старый дом был, а? Наделали тут невесть чего... Да еще эту фифу безрукую для чего-то привели, а она не нашего поля ягода – ни по дому ничего не умеет, ни

по хозяйству, а живут-то ведь не с титулом, а с человеком! Верно говорят в народе – покупай корову из своего стада! Замуж надо выходить за свою ровню, а не раскатывать губу невесть на кого...

– Я совсем забыла, что хотела отправиться в храм пораньше... – единственное, что мне оставалось, так встать из-за стола. – Там и встретимся.

– Иди-иди... – посоветовала мне старушка. Кажется, она в очередной раз здорово разозлилась, а в таких случаях не считала нужным сдерживаться хоть немного, высказывая все, что накопилось у нее в душе. – Все одно никто из вас правду о себе слушать не хочет! Почему внучок мой старший загулял? Да потому что детишек в семье нет! Тирла, конечно, настоящая шалава, но одного ребятенка она уже родила невесть от кого, того и гляди второго в подоле принесет, и нам на порог подбросит! А от этой вашей цацы толку никакого! Почти три года живут – и чего? Все без толку, мне правнуков от Вогана, видно, не дожждаться. Я вам прямо скажу: ежели эта его женушка больная, то нечего ей было замуж идти, чужой век завешивать...

Я не стала слушать, что дальше говорила бабуса, потому как понятно, что ничего нового не услышу – темя разговоров у нее одна и та же, с небольшими изменениями. В последнее время я старалась не обращать внимания на слова этой старой женщины, но сегодня едва не вспылила. Всю ночь я провела без сна, настроение и без того было подавленным, в душе постепенно нарастало глухое раздражение, и очередное нетактичное замечание бабули заметно вывело меня из себя. Я, конечно, могу сказать бы тебе, ворчунья, в чем причина того, что у меня нет детей, так ведь ты не поверишь, да еще и меня во лжи обвинишь! Помнится, тогда свекровь умоляла меня помалкивать, никому о том не рассказывать, только и у меня самой не было особого желания раскрывать настоящую причину того, что у нас до сей поры нет детей.

... Это началось через четыре месяца после нашей свадьбы. Я никак не могла порадовать родню Вогана долгожданным известием о том, что мы ждем ребенка, хотя тетю Фелисию такое положение дел вполне устраивало. Я же очень хотела иметь малыша, и мечтала, чтоб у него были такими же удивительные зеленые глаза, как у моего любимого супруга.

И вот в один из дней Воган принес домой глиняный пузырек,

наполненный какой-то темной жидкостью. По словам мужа, он сумел раздобыть чудодейственное средство, которое может помочь зачать ребенка. Мол, нужно и всего-то принимать по одной капле в день, и результат не заставит себя ждать! Ну, а чтоб все быстрее сложилось, надо чтоб супруги вместе принимали это средство. Для наглядности Воган уронил каплю жидкости из пузырька в кружку с водой, и одним махом выпил содержимое. Глядя на мужа, и я растворила темную каплю в воде... Ну, что сказать? На вкус вода оказалась горьковатой, но все же пить такое можно. Главное, чтоб помогло...

Несколько месяцев мы вместе с Воганом ежедневно принимали средство из пузырька, но долгожданного результата так и не наступило, а потому на свой страх и риск я увеличила дозу до двух капель, а потом до трех... Шло время, и когда средство заканчивалось, Воган приносил новый пузырек. Увы, ничего не менялось, хотя я заметила, что через несколько месяцев Воган перестал принимать это горьковатое средство. Наверное, разуверился в результате... Минул год, другой – и ничего не происходило. Мне же все чаще приходила в голову мысль о том, что я, похоже, не отношусь к числу тех женщин, кому Светлые Небеса посылают счастье материнства.

Месяцев пять тому назад в наш город приехал святой старец, и моя свекровь просто-таки настояла на том, чтоб мы к нему сходили – мол, а вдруг этот святой человек поможет в вашей беде, скажет, почему у вас нет детишек!.. Я ничего не имела против, зато Вогана отнесся к намерению своей матери без всякого энтузиазма – дескать, не пойду, нечего впустую ноги топтать, тем более что ничего нового мы там не услышим!.. Тем не менее, мы все же сумели его уломать, и муж, пусть и без малейшей на то охоты, все же согласился – иначе, де, вы от меня не отвяжетесь!.. Правда, Воган был крайне недоволен тем, что вместе с нами к старцу отправилась его мать, но вынужден был смириться – эта тихая женщина в этот раз проявила удивительную настойчивость, и спорить с ней было бесполезно.

Святой старец оказался невысоким человеком более чем преклонных лет, с длинной седой бородой и голубыми глазами, которые, кажется, смотрели прямо в твою душу. Выслушав сбивчивые слова моей свекрови о том, что, мол, молодые живут уже давно, а детишек все нет, скажите, в чем беда?, старец какое-то время молчал, глядя на нас, а потом заговорил тихим, чуть надтреснутым голосом.

– Ты, голубушка, Небеса не гневи – твоя невестка тут ни при чем. Она со временем ребятишек может нарожать хоть целое подворье.

– Так в чем же дело?

– В сыне твоём... – старец перевел взгляд на Вогана. – Знаешь, парень, мне в жизни довелось встретить немало олухов, но таких, как ты, попадаются нечасто. Понял, что я имею в виду?

– Я не поняла... – растерянно произнесла свекровь.

– Сейчас поймешь. Ты, голубь мой, чем свою жену поишь, а? Сам-то вроде уже не пьешь эту гадость, верно? Молчишь? Я бы на твоём месте тоже помалкивал. Ловкач ты, молодец, только вот хвалить тебя не хочется, а всыпать от души не помешало бы... Скажи-ка мне, красавица, что за дрянь ты каждый день глотаешь? Впрочем, можешь не отвечать – я и так знаю. Скажу даже, что это средство называется «Опавший лепесток», и стоит немалых денег. Его в нашу страну иноземные купцы привозят, и продают из-под полы. Между прочим, оно в больших дозах опасно – отравиться им можно только пока. Красавицы, ответь – сколько капель за раз принимаешь?

– Пять... – растерянно прошептала я.

– О-хо-хо, много... – покачал головой старец. – Я бы даже сказал – слишком много. Это средство придумано как раз для того, чтоб детей не было. Да не бойся, красавица, ты с одной капли начала, организм постепенно привык, да и здоровьем тебя Боги не обидели, и потому особого вреда не случилось. Хотя, может, и хорошо, что ты эту дрянь пила – не исключаю, что однажды подобное тебе жизнь спасет.

– Не понимаю...

– Да и не надо понимать, может, все обойдется. Сегодня же выкинь куда подальше эту мерзость, и, если будет на то воля Светлых Небес, через год-другой у тебя все наладится – раньше, увы, не получится, слишком долго ты эту отраву глотала, организм к ней уже привык. Что же касается вашего неотразимого красавца... Что, любовь свою сбежавшую забыть не можешь? Опасаешься, что если она вдруг вернется (такое счастье привалит!), а у тебя к тому времени уже дети будут, то вместе вам уже не быть? Эх, молодость, глупость... А тебе не кажется, что Светлые Небеса просто-напросто отвели от тебя ту женщину, о которой ты так горюешь? Я тебе так

скажу: у тебя в душе не столько любовь к той особе находится, сколько обида сидит, только ты этого никак понять не хочешь. Чем тебе нынешняя жена не угодила? Умница, красавица, не бесприданница, тебя, дурака, любит... Чего тебе еще надо? Вроде взрослый мужик, давно пора за ум взяться, а не глупостями заниматься! Хватит цепляться за прошлое, а не то ни с чем останешься! И запомни, что второй раз тебе так не повезет – Небеса не любят тех, кто не ценит их благоволения. Выкидывай из головы дурь, и радуйся тому, что имеешь! Все, идите...

Когда же мы пошли к дверям, то старец заговорил вновь:

– Вот что, орел, я тебе еще хочу сказать на прощание. Вскоре тебе предстоит сделать выбор, и тут смотри, не ошибись, а не то как бы до худого не дошло. Потом уже ничего не исправишь...

– А что случится?.. – испугано спросила свекровь.

– Скоро сами все узнаете.

– И как я должен поступить?.. – подал голос Воган. – Ну, чтоб не ошибиться...

– Тут я тебе не помощник, говорить не имею права. Ты должен все решить сам, но главную подсказку я тебе все же дам: когда определяться будешь, то думай головой, а не иным местом...

На обратном пути никто из нас не произнес ни слова, но когда мы приехали домой, и остались вдвоем, то первым делом я потребовала от мужа объяснений.

– Надеюсь, у тебя есть серьезные основания для подобного поступка... – моему возмущению не было предела.

– Прости меня... – Воган выглядел растерянным. – Я ведь, и верно, не хотел детей – думал, что без них нам будут проще...

– Сказал бы мне об этом прямо, зачем обманывать? Да еще и пить заставлял эту отраву!.. – я с трудом удерживалась от того, чтоб не повысить голос, но дорогой супруг и без того понимал, что я не просто рассержена, а по-настоящему разгневана. – И твоих формальных слов оправдания мне совершенно недостаточно! Так бы и сказал: от тебя, дескать, дети мне не нужны!

– Понимаю, что виноват... – муж опустил голову. – Не знаю даже, как тебе все объяснить... Когда Тирла сбежала, я решил, что в

отместку ей женюсь на лучшей невесте в наших краях. Потому и к тебе посватался, хотя все были уверены, что ты мне откажешь. Если честно, то я и сам в этом почти не сомневался... А потом, после свадьбы... Старец прав: я и верно, подумал, что сделал ошибку, женившись на тебе, все ждал, что вернется Тирла, и мы снова будем вместе... Сама знаешь: если в семье есть дети, то развестись сложнее, а без них расстаться куда легче. Потому и просил тебя пить то снадобье, а заодно и сам его принимал. Так сказать, для полной уверенности...

– Как все это глупо... – мне хотелось сказать нечто другое, куда более резкое, но я старалась сдерживаться. – Или ты считаешь, что я бы не дала тебе развод, если тебе так неприятно находиться рядом со мной? Зачем нужно было доводить ситуацию до абсурда? Если тебя что-то не устраивает, или если я тебе по какой-то причине неприятна, то сказал бы об этом прямо! Я не собираюсь портить жизнь ни тебе, ни себе, тем более что проблем с разводом у нас нет. Если помнишь, то согласно брачного контракта для этого достаточно всего лишь одного моего желания! Будь у тебя намерение развестись, то ты уже давно мог стать свободным человеком!

– Говорю же – дурак был! Думал, что Тирла – моя единственная любовь, а все остальное – так, несерьезно, временное... Заикнулся на этой мысли – и все! До меня лишь постепенно стало доходить осознание того, что мы с тобой хорошо живем, что ты мне очень нравишься, и что мне грех пенять на свою семейную жизнь! А сейчас я ничего не хочу менять!

– Не хочешь ничего менять? То есть эту горькую дрянь из пузырька я должна была пить по-прежнему? Мило! Как там оно называется, это самое снадобье? Кажется, «Опавший лепесток», верно? Как романтично и красиво! Только вот эта коричневая дрянь применяется для не совсем благовидных целей...

– Я и сам больше не хотел приносить тебе это снадобье – думал, что как только кончится содержимое последнего пузырька, так скажу тебе, что отныне его приносить не буду! Если помнишь, то в последнее время я уже не раз говорил, чтоб ты больше его не принимала! Мол, все одно не помогает... Только ты и слышать об этом не хотела! Тогда я решил, что потом буду приносить тебе обычную подкрашенную водичку – это, дескать, другое средство, лучше того, что было...

А ведь и верно – Воган уже давненько заводил со мной разговор о том, чтоб я больше не принимала это горькое снадобье – мол, судя по всему, дело это пустое, так что не стоит глотать бесполезные средства, потому как еще неизвестно, что в такие вот лекарства добавляют знахари и аптекари...

– Для начала тебе следовало со мной откровенно поговорить!

– Я боялся...

– Ну, знаешь ли!.. – я просто не находила слов от возмущения. – Каждый из нас может совершить ошибку, но их надо вовремя исправлять, или хотя бы просто набраться духу и признаться в содеянном, но ты все это время молчал, и даже более того – продолжал приносить мне этот самый «Опавший лепесток»! Понятно, почему ты так упорно отказывался идти к святому старцу – боялся, что он скажет правду!

– Все верно... – муж покаянно опустил голову. – Не знаю, какие слова можно найти, чтоб оправдаться перед тобой...

Разговор у нас тогда состоялся долгий, и я была абсолютно уверена, что в этот раз Воган говорил искренне, и тут даже речь не шла ни о каком обмане. В конце концов, я простила мужа – а куда денешься?!, мы помирились, и решили больше не вспоминать о произошедшем.

Больше того: несколько месяцев, которые прошли после того неприятного разговора, были радостными и безоблачными, и я чувствовала себя едва ли не самым счастливым человеком в мире, и казалось, что так будет всегда. Уверена – нечто подобное испытывал и Воган. Кажется, это ощущение безграничного счастья понимали даже окружающие, и смотрели на нас с добрыми улыбками.

Я хорошо запомнила тот день, когда это все закончилось. Вся семья уже давно сидела за обеденным столом, когда появилась бабуся. С утра она уехала к одной из своих немногочисленных подруг, однако в этот раз отчего-то задержалась в гостях. Это было тем более удивительно, что к обеду старушка, как правило, никогда не опаздывала.

– Ох, что я вам скажу!.. – войдя, бабуся не дала сказать никому ни слова. – Мне сейчас такое рассказали – не поверите! Вы только представьте себе – Тирла вернулась!

Взгляды всех сидящих невольно устремились на Вогана, который даже бровью не повел от этой новости. При виде его спокойного лица у меня враз отлегло от сердца. У остальных, кажется, тоже.

– Как вернулась? – поинтересовался свекор.

– А вот так! Побитая, как собака, и с голой задницей!

– Одна вернулась?

– Нет, с ребенком... – бабуся только что не плюхнулась на свое место за столом. – Нагуляла мальчика на дальней сторонущке! Ну да чего иного от нее, мокрохвостой, еще ожидать можно?! Как видно, не сладко ей там пришлось, ежели она домой решила воротиться.

– И где она сейчас живет?.. – спросила свекровь.

– Все там же, у своего брата... – перевела дух бабуля. – Кому ж она еще нужна-то? Пусть радуется, что брат к себе пустил и попрекать не стал. Вот уж радость нежданная братцу-то ее привалила, не знает, как и расхлебать этокое счастье! Наверное, в толк взять не может, что делать, и как поступить с блудливой сестрицей! Он от прошлого позора еще не отошел, а непутевая девка снова объявилась, и под его крышей поселилась! Мужика понять можно, ведь не выгонишь же на улицу бабу с ребенком! Да и жена у брата от такой новости только что за голову не схватилась! Сами знаете: у ее брата своих детишек хватает, и родственница с такой худой славой им никак не нужна! Девчонок-то у них трое, и всех когда-то замуж выдать надо, а родня-то будущих женихов еще и подумает, стоит ли к ним сватов засылать, потому как яблочко от яблоньки недалеко падает, и такая гулена в семье никому не нужна – а ну как и девчонки с возрастом на непутевую тетку станут похожи... Воган, ты чего молчишь?

– А что я должен сказать?.. – поинтересовался тот. – Приехала – так приехала, ее дело. Каждый из нас сейчас сам по себе. У нее своя жизнь, я моя своя, так что давайте больше об этом говорить не будем.

– Хорошо бы, коли так... – вздохнула бабуся. – Только вот сомнения на этот счет у меня большие имеются...

– Мама!.. – свекор оборвал разглагольствования бабуси.

– Молчу, молчу... – неожиданно покладисто отозвалась та. –

Хорошо было бы, если б я ошибалась...

В тот день о Тирле мы больше не говорили, а когда свекровь пыталась что-то рассказать о ней, то Воган покачал головой – мне это неинтересно. Дескать, то, что у нас с ней было – это дело прошлое, так что отныне не стоит говорить об этой женщине в моем присутствии.

Признаюсь: я была невероятно рада услышать такие слова, а позже свекровь по секрету рассказала мне о том, что ей удалось узнать о Тирле. По ее словам, эта девица пока ведет себя тише воды, ниже травы, мало что говорит о своей жизни на чужбине. Единственное, о чем она горюет, так только о том, что поддалась на сладкие посулы иноземца и обещание богатой жизни. Говорит – слишком поздно узнала, что все было ложью, за что, дескать, сейчас и расплачиваюсь...

Прошло несколько дней, и Воган стал все позже приходить домой – по его словам, засиживался в гостях, или же проводил время с друзьями. Поначалу я не обращала внимания на подобные задержки, тем более что за все время нашего брака муж ни разу не дал мне возможности усомниться в его верности. Впервые я забеспокоилась лишь тогда, когда Воган впервые не пришел ночевать домой. Впрочем, тогда, по возвращению, муж дал мне довольно-таки правдивое пояснение: мол, поехали за город с друзьями навестить старого приятеля, там засиделись, и решили не возвращаться в темноте по неровным дорогам... Я вновь поверила, но уже через день супруг снова пришел домой лишь под утро, а потом еще и еще... Теперь он уже даже не старался придумать себе достоверное оправдание, лишь раздраженно бурчал нечто вроде того, будто он устал и очень хочет спать, а еще ему не хочется, чтоб я приставала с глупыми вопросами...

Ну, тут хоть с вопросами, хоть без них, а вывод напрашивается сам собой. Увы, но смотреть правде в глаза мне совсем не хотелось, хотя понять, что происходит в действительности, можно было едва ли не сразу же, после первых тревожных звоночков. Впрочем, очень скоро мне все стало предельно ясно.

В тот день я съездила к портнихе, но когда забралась в карету, намереваясь вернуться домой, то увидела, что внутри находится молодая рыжеволосая женщина. Тирла... Это еще такое? Я уже видела эту особу после ее возвращения – она имела наглость не

единожды прогуливаться неподалеку от дома семейства Уреш, причем иногда с ней был маленький ребенок. Однако без разрешения забраться в чужую карету – это непозволительная дерзость.

– Вы кто такая, и что тут делаете?.. – холодно поинтересовалась я. – Немедленно покиньте мою карету!

– Да ладно ломаться на пустом месте, не стоит непонимание изображать, ты же знаешь, кто я... – отмахнулась девица. – Зря, что-ли, я возле вашего дома который день хожу, ты уже не раз должна была меня увидеть. А сюда я забралась, потому что поговорить хочу наедине, без свидетелей. Потом сама уйду, не беспокойся.

Вообще-то девицу следовало бы гнать в шею, но к тому времени мне уже едва ли не до предела надоело молчание Вогана и его постоянные отлучки, так что можно и высказать кое-что этой девице. Хм, а она, пожалуй, за последние годы внешне особо не изменилась, только вот в уголках рта появились жесткие складки, и потому Тирла выглядит уже не юной девушкой, а особой постарше. Еще я обратила внимание на голос этой девицы – чуть тягучий, с легкой хрипотцой, и в нем то и дело проскальзывали вульгарные нотки. Лично меня ее голос раздражал с того момента, когда я его услышала, но мужчины не могут не обратить внимание на подобный тембр – уж очень он не походил на привычные женские голоса.

– Как вы здесь оказались?

– Через дверь... – ухмыльнулась девица. Кажется, она чувствовала себя хозяйкой положения. Понятно, что самостоятельно забраться в карету у нее вряд ли могло получиться, значит, ее сюда пустил кучер. Ладно, с ним потом разберемся...

– Что вам угодно?.. – в свой вопрос я вложила всю отстраненность, на какую только была способна.

– Вот это уже другой разговор... – Тирла удобней расположилась на подушках сиденья. – Слушай сюда: Воган, хотя и считается твоим мужем, но любит меня. И всегда любил.

– Это все, что вы хотели мне сказать? Тогда попрошу на выход...

– Ты чего, не понимаешь, что мы с Воганом снова вместе? И жить друг без друга не можем!

– Если желаете, чтоб наш разговор продолжался, то обращайтесь ко мне на «вы»... – холодно заметила я. – Кроме того, неумные

фантазии относительно чужого мужа оставьте при себе, в том числе рассказы о вашей будто бы великой любви. Мне, во всяком случае, Воган ничего подобного о ваших высоких страстях не говорил.

– Мужики трусы... – развела руками Тирла. – Хотят, чтоб все сложные вопросы за них кто-то другой решил. Не любят они выяснения отношений...

– Если даже правда то, что вы мне сейчас заявляете, то должна заметить, что данный разговор мне неприятен. Кроме того мне до сих пор непонятно, что вы от меня хотите.

– На «вы» обращаться, значит... – ухмыльнулась Тирла. – Ладно, в этом госпожу маркизу можно и уважить. Хотя много чести, и так сойдет... Что же касается моих намерений... Так вот, признаю, что когда-то совершила глупость – сбежала от Вогана с одним прохвостом. Согласна, дура была.

– Теперь, как я понимаю, поумнела.

– Вроде того... – в голосе Тирлы появились театральные нотки. – Знаю, что сама во всем виновата, что сама разрушила и сожгла все, и теперь хожу по этому пепелищу...

– Если бы ты только бродила, то это можно было бы пережить... – чуть усмехнулась я. Раз Тирла не считает возможным обращаться ко мне на «вы», то и я не намерена оказывать ей хоть какое-то уважение. – Ты, голубушка, всюду пытаешься отыскать на этом самом пепелище хоть один уцелевший кирпич в разбитом фундаменте, на котором можно было бы все восстановить.

– А хоть бы и так!.. – с вызовом заявила девица. – Мне там, на чужбине, нелегко пришлось, хлебнула соленого до слез. Эти мужики-иностранцы, что сюда приезжают, только здесь добрые да уважительные, а там, у себя, никого из нас ни во что не ставят, относятся к нам, как к грязи под ногами! Жаль, я это поздно поняла. Хорошо еще, что удрать оттуда сумела, а когда вернулась в родные края – и здесь меня такой удар ждал! Я-то все это время была уверена, что Воган меня ждет, и ни на кого не променяет, а он, видишь ли, женился, и не просто так, а еще и на маркизе с хорошим приданым! Теперь мой бывший жених среди благородных вращается, хватки новые приобрел, важный стал... Конечно, кому-то со стороны может показаться, что я всего лишилась, только наша с ним любовь куда сильнее, и ей ничто не помешает! Недаром Воган, как только

меня увидел, так все простил!

– Ой ли...

– Думаешь, о моем возвращении он впервые от своей бабки услышал? Ага, как же! Я его еще до того встретила, вернее, в укромном месте подстерегла, причем в первый же день своего возвращения. В ноги ему упала, слезно во всем покаялась, прощения просила... Ох, как же мы с ним потом мирились-то хорошо! И до сих пор миримся при каждой встрече, да друг дружке радуемся!

А вот это похоже на правду. Меня еще при первом известии о возвращении беглянки удивило, с каким спокойствием Воган принял эту новость. Значит, к тому времени он уже знал о приезде бывшей невесты...

Меж тем Тирла продолжала:

– С той поры мы часто встречаемся, целые дни вместе проводим, а то и ночи, только вот уйти от тебя он не решается – слишком много потеряет!

А вот это верно. Согласно брачного контракта, с того момента, как мы разведемся, я забираю все свое приданое, а семейство Уреш (в том числе и Воган) теряют множество привилегий и льгот, положенных высшей аристократии.

– Но и со мной он теперь тоже не расстанется, ведь я – его судьба!.. – Тирла с улыбкой превосходства смотрела на меня. – У тебя, конечно, титул имеется, и предки знатные, и все такое прочее, только вот в ночных утехах тебе со мной не сравниться, а для большинства мужиков именно это и является самым главным! И потом, у нас с ним ребенок – ты его должна была видеть! Между прочим, Воган полюбил своего сына с первого взгляда!

Ну, то, что Тирла прогуливается с ребенком возле нашего дома – об этом знает весь город, но вот утверждать, что Воган – отец этого малыша... Подобное, по меньшей мере, несерьезно, хотя Тирла твердит об этом всем и каждому. Свекровь, услышав такие слухи, отправилась к Тирле, чтоб удостоверится в правдивости этого утверждения, но при первом же взгляде на ребенка поняла, что Воган не имеет к этому малышу никакого отношения. Ребенок был рыжеволосым, совсем как Воган или Тирла, но на этом все сходство заканчивалось. Смуглый, с черными раскосыми глазами и чуть резковатыми чертами лица – он был точной копией тех мужчин с

Востока, которые во множестве приезжали к нам торговать. Как сказала мне возмущенная свекровь, поверить, что это сын Вогана можно было только при наличии на то огромного желания. Более того: гадалки, к которым обращалась свекровь, поколдовав над камнями, водой и костями, говорили одно и то же – у вашего сына пока что ребятишек нет.

– А еще тебе не помешает знать, что у нас с Воганом ожидается еще один ребенок!.. – выпалила Тирла. – Видела бы ты, как Воган был счастлив, когда я ему об этом сообщила! Он чуть с ума не сошел от радости! Если так дело пойдет и дальше, то мы скоро станем многодетным семейством! Как тебе эта новость?

Н-да, сколько нового я узнаю о своем муже! А насчет детей... Что ж, подобное вполне возможно, ведь этой наглой девице он вряд ли предложит «Опавший лепесток».

– Мне приятно знать, что Воган любит детей... – пожала я печами. – Это все?

– Ты что, так ничего и не поняла?

– Я, кажется, просила обращаться ко мне на «вы».

– Да мне пофиг, как к тебе обращаться!.. – Тирла стала выходить из себя. – Я всегда добиваюсь того, что хочу, и с тобой будет также! Неужели непонятно, что мы с Воганом – пара, а ты тут лишняя!? Ну, сглупил парень под горячую руку, женился на тебе, пусть и назло мне, да и я тоже совершила промах... Мы все не святые, каждый может совершить ошибку! Неприятно, конечно, осознавать собственную оплошность, но все исправимо!

– А на мой взгляд, исправимо далеко не все.

– Он тебя не любит! Оставь Вогана, разведись с ним, и дай нам жить так, как мы того пожелаем! Мы что, не имеем права на счастье?

– Нравится это тебе, или нет, но у нас с Воганом семья. Не стоит лезть в наши отношения и разрушать их – к добру это не приведет. Неужели ты не можешь найти себе холостяка?

– Да ну их всех в одно место, этих мужиков! Просто раньше, по молодости, я не ценила того, как это важно, когда тебя любят! То, что ты любишь – это, конечно, хорошо, но куда важнее, если кто-то не может нарадоваться на тебя! Теперь я понимаю, что это чувство беречь надо. И я не разрушаю вашу семью, а просто беру свое,

возвращаю то, что у нас с Воганом когда-то было! Вернее, не было, а есть...

– Надеюсь, ты все сказала?

– Слышь, хватит воду в ступе толочь, давай мужику развод!.. – сейчас Тирла повысила голос. – Что же касается всего остального... Ладно, я сама во многом виновата, так что претензий к тебе не предъявляю.

– Что-что?! Ко мне?!

– Конечно, ты же моим парнем пользовалась!.. – удивилась моей непонятливости Тирла. – Но тут я особо не возникаю, потому как сама это допустила, а что касается всего остального... При разводе не вздумай Вогана обидеть, подкинь ему кое-что на жизнь. Денег в твоей знатной семейке хватает, так что не обеднеете, а хорошая благодарность Вогану не помешает. Бедный парень ее наверняка заслужил за время жизни с тобой – он мне сам жаловался, что ты ж как рыбина вареная, ни огня от тебя, ни страсти!

Кровь бросилась мне в лицо – многое могу понять, но чтоб меня обсуждать со своей подружкой, да еще с такими подробностями!.. Это не только мерзко, но еще и подло!

– Будь любезна, покинь мою карету! Немедленно!

– Ты что, считаешь, что можешь удержать моего парня подле себя? Насмешила! Да он уже со мной, весь, целиком, с потрохами, и с тобой не останется! По-хорошему тебя прошу – уйди от Вогана сама, не доводи до греха! Говорю же – все одно будет так, как я хочу!

– Пошла вон!.. – в моем голосе было столько презрения, что Тирла на какое-то мгновение даже оторопела. Впрочем, ее растерянность быстро сменилась злостью.

– Зря ты так... – прошипела она. – Со мной дружить надо, а иначе хуже будет! Ты еще не знаешь, кому перешла дорогу...

– Ефодий!.. – постучала я в стенку кареты, и почти сразу же кучер распахнул дверцу – как видно, стоял рядом. Наверняка подслушивал...

– Слушаю вас, госпожа!

– Ефодий, позже ты мне объяснишь, каким непонятным образом эта мерзкая женщина оказалась в моей карете... – холодно сказала я. –

Надеюсь, твое пояснение окажется достаточно весомым, чтоб не потерять свое место в нашем доме. А пока освободи меня от присутствия столь неприятной особы.

– Сама уйду, но ты еще пожалеешь!.. – Тирла вышла из кареты, хлопнув дверцей так, что чуть не снесла ее с петель. Надеюсь, что больше у нас с ней бесед наедине не будет.

Когда мы приехали домой, кучер, не дожидаясь приказа, сам подошел ко мне.

– Хозяйка, простите, я не виноват... – заговорил он. – Ваш муж не так давно приказал мне всегда подчиняться приказам этой женщины. Сегодня она увидела меня, и велела впустить ее в карету. Ослушаться я не посмел...

– Понятно...

Похоже, дела обстоят куда хуже, чем я ожидала. Необходимо серьезно поговорить с супругом, причем откровенно. Надеюсь, у него хватит совести объясниться со мной в открытую, а не уклоняться в очередной раз от разговоров.

К сожалению, никакого толкового разговора у нас с Воганом не состоялось. Придя домой под вечер, он устроил мне страшный скандал, обвиняя в том, что я оскорбила его любимую женщину, публично накинувшись на нее посреди улицы. Моих слов он слушать не хотел, никаких разъяснений от него я не дождалась – были лишь одни огульные обвинения, после чего муж ушел, заявив, что мы все ему надоели, и я в особенности. Именно с того дня он совершенно перестал стесняться своих отношений с Тирлой, и даже более того – считал вполне естественным всюду показываться вместе с ней. Похоже, в их отношениях наступил самый настоящий медовый месяц. Я же во всей этой истории выступала в роли обманутой жены, и с каждым днем все больше и больше тяготилась тем нелепым положением, в котором оказалась помимо своей воли.

Больше того: вскоре Тирла переехала в новый дом, который, по слухам, ей подарил Воган, у нее появилась карета с четверкой лошадей, красивая одежда, дорогие украшения, которые эта девица без счета вешала на себя. Я не особо верила рассказам о том, что все это приобретает мой муж – у него просто не было таких денег. Всеми финансами семьи заведовал мой свекор, который был крайне недоволен появлением Тирлы в нашей жизни. Он бы для нее ломаной

медяшки не выделил из семейного кошелька, а о чем-то более серьезном и речи идти не могло.

Почему я все это терплю? Не знаю. Возможно, все дело в том, что я по-прежнему люблю мужа, хотя в последнее время его поведение переходит все границы. Когда долгие годы ты живешь мыслями и душой только одним человеком, то разорвать эту связь очень сложно, почти невозможно. Ты готова простить ему очень многое, даже если для этого приходится переступить через себя. Конечно, надо бы решиться и уйти, но я, несмотря на все происходящее, еще на что-то надеюсь, хотя это глупо и унижительно. К тому же (не знаю, по какой причине), в глубине души я чувствую себя виноватой, раз муж перестал обращать на меня внимание. Возможно, я делаю что-то не так? Да и свекровь, добрая душа, умоляет меня подождать, не рубить сгоряча – мол, а вдруг человек одумается, погуляет да к тебе вернется, ведь совсем недавно у вас все было хорошо!..

Хотя, если вдуматься, тетя Фелисия во всем права: мне надо что-то решать, дальше так продолжаться не может...

... На сегодняшней службе я совсем не слушала священника, и все, что он говорил, проходило мимо моего сознания. Рядом со мной, как и положено, находилось семейство Уреш, но Вогана не было. Ну, если принять во внимание, как демонстративно, вернее, вызывающе ведет себя мой супруг, то в этом нет ничего удивительного. Пожалуй, сегодня по городу опять пойдут слухи о том, что Воган в открытую пренебрегает своей женой...

Когда служба закончилась, ко мне подошла тетя Фелисия.

– Элизабет, мне надо сказать тебе пару слов. Проводи меня до кареты.

– Да, конечно... – а сама подумала о том, что тетушка продолжит вчерашний разговор. Надеюсь, он не будет очень долгим.

Однако тетя Фелисия заговорила о другом.

– Элизабет, завтра с утра я уезжаю дней на десять. Если помнишь, у моей кузины Летиции скоро день рождения, будет большой прием...

– Надо же, я совсем об этом забыла!

Тетушка Летиция, она же графиня де Солль, была моей дальней

родственницей. Эта дама в данное время находится уже в более чем солидном возрасте, и все еще невероятно гордится как своим высоким происхождением, так и вереницей знатных предков, многие из которых вошли в историю нашей страны. В свое время тетя Летиция была закадычной подругой ныне покойной королевы-матери, и до сей поры пользуется немалым влиянием при дворе, хотя особо не вмешивается в придворные интриги. Скорее, наблюдает за происходящим со стороны, делая редкие замечания, к которым прислушиваются многие. Ранее графиня де Солль относилась ко мне просто замечательно, всячески благоволила, но после моего замужества (которое она посчитала мезальянсом, позорящим едва ли не ее лично) тетушка отдалилась от меня.

– Можно подумать, тебе сейчас есть дело хоть до кого-то из нас... – чуть усмехнулась тетя Фелисия. – У тебя, дорогая племянница, на уме только гуляка-муженек, который уже давно утратил связь с реальностью, и демонстрирует полное отсутствие элементарного воспитания.

– Передайте тете Летиции от меня большой привет и самые лучшие пожелания... – мне не хотелось говорить о Вогане. – Что же касается подарка от меня...

– Беспокоиться по этому поводу не стоит – ты же знаешь, что никакого презента от госпожи Уреш Летиция не примет. Зато твой развод будет для нее самым лучшим подарком.

– Тетя...

– Не перебивай меня. Вот что я хочу сказать тебе перед своим отъездом: я велела нашему стряпчему, метру Мойс, подготовить документы о твоём разводе. Естественно, это произойдет лишь в том случае, если твой муженек не одумается, что весьма сомнительно. Кстати, времени на то, чтоб этот рыжий красавец образумился, осталось две седмицы, вернее, уже тринадцать дней. Не морщись – ты и сама понимаешь, что более так продолжаться не должно, и если у тебя не хватает сил и мужества прервать этот нелепый брак, в котором ты выглядишь посмешищем, то это сделаю я. У меня, в отличие от тебя, есть гордость, и я забочусь о репутации нашего семейства. После моего возвращения мы примем окончательное решение.

– Я поняла.

– И вот еще что. Я не стала говорить об этом вчера, но считаю, что ты должна кое-что знать. Так вот, твой муж пытался продать принадлежащие тебе пахотные земли.

– Не может быть!

– Увы, может.

– Но это невозможно!

Подобное просто не укладывалось у меня в голове! Продать земли... Это было наследственное имущество, с которого шел хороший доход, и Воган не имел никакого права распоряжаться моим состоянием. Вернее, он мог тратить доход, получаемый от этих земель, но и только.

– Невозможно, говоришь?.. – чуть усмехнулась тетя Фелисия. – Ну, это с какой стороны посмотреть. Дело в том, что я, как ты помнишь, указала в вашем брачном контракте пункт, согласно которого любая операция, касаемая принадлежащего тебе имущества, должна быть завизирована мной, иначе она будет признана недействительной. Так вот, твой дорогой супруг неплохо подделал твою подпись на договоре купли-продажи, но обмануть меня ему не удалось. Сделка, естественно, сорвалась, но я не уверена, что твой муженек не повторит попытку, потому как этот человек потерял всякую совесть, хотя не уверена, что она у него когда-то была. Говорю тебе об этой неприятной истории для того, чтоб в мое отсутствие ты не вздумала подписать хоть что-то. Но если даже это и произойдет, то наш стряпчий Мойс в курсе происходящего, и в любом случае временно притормозит любую сделку, которую твой разлюбленный супруг может попытаться негласно проверить.

– У меня нет слов...

– А что тебя так удивляет? Твоему красавцу нужны деньги на содержание своей подружки, от которой он без ума, и для этой особы он ничего не жалеет, а тебя считает чем-то вроде своего кошелька. Сейчас эта наглая девица живет в принадлежащем ей большом доме, имеет карету, слуг, дорогую одежду, и все прочие удовольствия богатой жизни. А ведь совсем недавно у нее не было и медяшки за душой! Думаю, что на вопрос – откуда у нее все это взялось?, ответ очевиден. Все оплачивает твой рыжий олух. Кстати, у господина Уреш, главы семейства, в отличие от своего безголового сыночка, есть голова на плечах, так что тратить деньги на наглую

приятельницу блудного сына он не станет. Так что твой дорогой супруг или в долгах, как в шелках, или же заимел некий источник дохода, и, боюсь, этот самый источник находится в твоём кармане...

Ответ на этот вопрос я получила уже через пару дней. Мне понадобились шелковые нити для вышивки, и я направилась в лавку, торгующую предметами для рукоделия. Конечно, за такой надобностью можно отправить и служанку, но кто хоть раз занимался вышиванием, тот знает, как это важно – подобрать нитки нужного цвета.

В лавке я пробыла довольно долго, а выйдя, едва ли не столкнулась с невысоким полным мужчиной, одетым в простую одежду. При виде меня он почтительно поклонился, и снял со своей головы шапку.

– Госпожа Уреш, счастлив вас видеть!

Этого человека я знала – ростовщик по имени Феги. Насколько мне известно, он имел репутацию честного человека (если подобные слова можно отнести к роду его занятий), а вместе с тем и порядочного скупердяя. Почему скупердяя? Да потому что за приносимые в заклад вещи он давал совсем небольшие деньги. Ранее я с этим человеком никаких дел не имела, и потому сочла его приветствие самой обычной вежливостью.

– Добрый день, господин Феги... – кивнула я головой и хотела идти дальше, но ростовщик меня остановил.

– Госпожа Уреш, попрошу меня извить, но у меня к вам дело, причем взаимовыгодное. Я заметил вас еще в то время, когда вы только заходили в лавку, и с той поры стою здесь, поджидая вас. Сами понимаете: деньги и деловые разговоры любят тишину, и лишние уши никому не нужны.

– Слушаю вас, хотя не знаю, чем могу быть полезна... – я постаралась не выдать своего удивления.

– Не буду понапрасну тянуть время, скажу прямо: я могу дать вам куда больше, чем этот скупердяй Куонг! Не сомневаюсь, что этот прохиндей обманет вас при окончательном расчете!

Куонг... Если мне не изменят память, то это еще один ростовщик, ведущий дела в нашем городе. А еще эти двое были конкурентами, и на дух не переносили друг друга.

– Простите, но я вас не понимаю.

– Я имею в виду, что могу предложить куда большую цену, чем Куонг, если вы согласитесь продать мне ту вещицу. Этому человеку неизвестна настоящая стоимость этого сокровища! Обещаю, что вы не будете разочарованы той ценой, которую я готов предложить!

– По-прежнему не могу взять в толк, о чем идет речь!

– Разумеется, разумеется... – закивал головой ростовщик. – Я хочу сказать, что одолжу вам ту необходимую сумму, которую нужно заплатить, чтоб выкупить драгоценность из залога, находящегося у Куонга, после чего вы продадите это украшение мне, за вычетом суммы залога, разумеется. И не беспокойтесь, я отсчитаю вам золото полновесной монетой! Поверьте, я не намерен жалеть денег за эту вещь!

– Но мы ничего не оставляли в заклад!.. – и я замолкла на полуслове. Неужели Воган решил поправить свои дела, заложив что-то из моих драгоценностей? Не может быть! Впрочем, сейчас я уже ничему не удивлюсь... Хотя все мои украшения на месте, иначе я бы сразу заметила пропажу, так что ростовщик явно что-то напутал!

– Я понимаю вас, но готов увеличить предлагаемую вам сумму даже в ущерб себе... – продолжал гнуть свое ростовщик. – Согласен даже переплатить за нее!

– Будьте любезны, уточните, о какой э-э... вещице идет речь.

– Я имею в виду сапфировое кольцо... – ростовщик только что не заглядывал мне в глаза. – Или вы можете предложить что-то еще, не менее ценное? Разумеется, я буду счастлив оказать вам подобную услугу!

Было впечатление, будто я внезапно получила удар под дых. Сапфировое кольцо... Нет, нет, Воган не мог это сделать! Хотя если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, то такую возможность, пожалуй, можно допустить, потому как это кольцо было единственной драгоценностью, которая находилась не в моей шкатулке, а в сейфе свекра, причем кольцо хранилось за несколькими замками. У меня не было ни малейших сомнений в том, что в голову отца Вогана никогда не пришла бы столь безумная мысль – без моего дозволения продать эту вещь или отдать ее в заклад, а я никогда бы не дала на это своего разрешения. Что же касается моего супруга... Надеюсь, что у него не хватит совести пойти на такой шаг, однако

над Тирлой в последнее время постоянно проливается золотой дождь. Знать бы еще источник этого благодатного дождя...

– А откуда вам известно о том, что кольцо находится в залоге у господина Куонга?

– У меня свои источники, и, поверьте, в таких делах я никогда не ошибаюсь. На том я и строю свои дела... Так мы с вами договоримся?

– Я ничего не собираюсь продавать... – отрезала я, направляясь к своей карете. Надо немедленно выяснить, прав ростовщик, или нет. Надеюсь, этот человек ошибается, а иначе... Иначе я за себя не отвечаю.

– И все же подумайте... – крикнул мне вслед ростовщик, но я не оглянулась. Скорей домой, выяснить, права я в своих предположениях, или нет! Если ростовщик сказал правду, то... В общем, я не знаю, что сделаю в этом случае!

Сапфировое ожерелье – это не просто фамильная драгоценность семьи моей матери, это нечто куда более ценное и значимое, что должно передаваться по наследству. Колье стоит невероятно дорого, но даже не это главное, а то, что с этим колье связана романтическая и печальная история, которая известна многим. Когда-то моя прапрабабушка, будучи юной девушкой, и принц, будущий наследник престола, полюбили друга, причем, по слухам, у них были по-настоящему сильные чувства. Увы, но жизнь венценосных особ подвержена своим законам, в которых любовь молодых людей частенько мешает далеко идущим планам власть держащих. Дело кончилось тем, что влюбленным пришлось расстаться, но молодой принц на прощание все же сделал своей возлюбленной роскошный подарок – великолепное сапфировое кольцо, от которого было сложно оторвать восхищенный взгляд. Надо сказать, что там было, чем полюбоваться – потрясающие сапфиры васильково-синего цвета изумительной огранки в обрамлении бриллиантов... Еще по приказу принца изготовили перстень, в который был вставлен точно такой же сапфир, и этот перстень молодой человек постоянно носил на своем пальце. Поговаривали, что таким образом молодой человек чувствовал связь с любимой.

Если упомянуть о браке молодого короля, то его никак нельзя было назвать счастливым – что ж, такое случается. По слухам, в трудные минуты Его Величество частенько смотрел на свой перстень,

вернее, на сапфир в нем, и говорил, что синий цвет этого камня успокаивает душу, и дает надежду на то, что в этой жизни решаемо если не все, то очень многое. А еще король был уверен, что этот перстень является его талисманом.

К несчастью, любимая девушка принца (она же моя прапрабабушка), умерла молодой, а вот король пережил ее надолго, но до конца своих дней он так и не снимал с пальца перстень с синим сапфиром. Говорят, что и нынешнему королю очень нравится этот старинный перстень.

Что же касается восхитительного сапфирового колье, то оно считается семейной собственностью семьи моей матери, и, согласно завещанию дедушки и бабушки, перешло по наследству ко мне. В этом колье выходила замуж моя мать, и когда я стояла перед аналоем, колье тоже было на моей шее...

Впервые я увидела колье, когда мне исполнилось десять лет, и я до сей поры считаю это сказочное украшение одним из самых красивых предметов на свете. Тетя Фелисия иногда разрешала мне смотреть на него, и я не могла оторвать глаз от искрящейся глубины камня, и его бархатистого сине-василькового цвета. А ведь король прав – когда смотришь на такой камень, то на душе, и верно, становится легче.

Естественно, что в таком роскошном колье просто так ходить не будешь, оно надевается лишь в самые торжественные дни, по особым случаям, и потому колье всегда хранилось под замком, и не под одним. Для меня звучит дико одна только мысль о том, что можно расстаться с этим дивным украшением, а уж о его продаже и речи быть не может.

Последний раз я видела сапфировое колье месяц назад – мне просто захотелось его увидеть, и в очередной раз надеть на себя. До сих пор помню глубокий бархатистый отсвет синих камней при свете дня...

Дорога показалась мне невероятно долгой, и первое, что я сделала, вернувшись домой – едва ли не бегом отправилась в кабинет свекра. По счастью, он оказался у себя, но я не дала сказать ему ни слова.

– Господин Уреш, где находится мое сапфировое колье?

– Элизабет, в чем дело?

- Вы не ответили на мой вопрос!
- Колье надежно закрыто в сейфе, где же ему еще быть!
- Вы уверены?
- Разумеется! А чем вызван твой вопрос?
- Я хочу увидеть свое кольцо! Причем немедленно!
- Да что случилось?
- Объясню чуть позже, но для начала прошу вас выполнить мою просьбу.
- Конечно, нет ничего проще...

Через несколько минут свекор открыл потайную дверцу сейфа, и достал оттуда черный кожаный футляр с отделкой из накладного серебра. Фу, кажется, все в порядке... Хотя футляр что-то уж очень легкий, ведь само кольцо весит не так и мало...

Сбылись мои самые худшие опасения – стоило мне открыть коробку, и сразу стало ясно, что футляр пуст. Колье исчезло, и, глядя на растерянное лицо свекра, я поняла, что для него исчезновение дорогого украшения явилось полнейшей неожиданностью.

– Как же это так... – прошептал он. – Надо звать стражников, искать пропажу...

– Для начала стоит позвать Вогана... – я с трудом держала себя в руках. – И чем скорее он явится, тем будет лучше для него.

– Элизабет, уж не думаете ли вы...

– Я думаю, что стражу позвать мы всегда успеем, но для начала надо переговорить с моим дорогим супругом. На всякий случай, чтоб в случае чего исключить возможные подозрения.

– Это логично... – судя по бледнеющему лицу свекра, он был близок к потере сознания. – Сейчас я пошлю за Воганом кого-то из слуг... Надеюсь, сын придет быстро...

– Я тоже на это очень рассчитываю.

Воган появился только через час, когда мое терпение было уже на исходе, и за это время я передумала многое. Странно устроены женщины: ранее я прощала мужу многое, и, возможно, прощала бы дальше, но то, с какой легкостью дорогой супруг ограбил меня ради

другой женщины – этого я простить не могла, и понимала, что если дело так пойдет и дальше, то моя всепоглощающая любовь сменится точно такой же ненавистью. К тому же муж без зазрения совести забрал то, что мне было дорого, и я была готова пойти на любую крайность, лишь бы вернуть пропажу. А уж что скажет тетя Фелисия, когда узнает о пропаже семейной драгоценности – об этом мне страшно подумать!

– Ну, зачем звали?.. – заговорил Воган, входя, но тут его взгляд упал на раскрытый футляр, и дорогой супруг споткнулся на полуслове.

– Где кольцо?.. – просила я прежде, чем свекор успел сказать хоть слово.

– А я откуда знаю?.. – Воган отвел взгляд в сторону. Так, муженек опять под хмельком, ведь вся его нынешняя жизнь с Тирлой – это сплошной праздник, в котором не надо задумываться о будущем. – Ищите. Ты ж сама, наверное, его куда-нибудь засунула, да и забыла... Все, я пошел.

– Не советую... – холодно сказала я, с удивлением улавливая в своем голосе жесткие нотки, свойственные тете Фелисии. – Как только ты переступишь порог этого кабинета, я пойду к стражникам, и скажу, что у меня украли сапфировое кольцо, и что сейчас оно находится у ростовщика по имени Куонг. Если к этому человеку вломится стража, и произведет обыск, то он вряд ли будет тебя покрывать.

– Скажите, как ты заговорила!.. – Воган стал злиться – видимо, его выводит из себя ситуация, в которой он оказался. – Верно говорят, что бабы из-за своих побрякушек удавятся! Ну, взял я эту штуку – так что с того? Я твой муж, и все, что твое, то мое, так что имею полное право распоряжаться тем, что у меня есть! А когда мне требуются деньги, то могу продать все, что пожелаю!

– Ошибаешься, дорогой... – я пыталась говорить спокойно. – Это сапфировое кольцо является семейной драгоценностью, и, согласно брачного контракта, считается моей неделимой собственностью, так что ты не имел никакого права даже трогать его. Воган, я требую вернуть мне кольцо в самое ближайшее время.

– Переживешь.

Не понимаю, как у меня хватило сил не вспылить после таких

слов! Этот человек украл то, что стоило огромных денег, и что было мне невероятно дорого, и при этом он не чувствует за собой никакой вины! Для него куда важнее подружка – вот для нее он ничего не жалеет, и готов пойти даже на преступление, лишь бы Тирла была довольна! В этот короткий миг у меня словно что-то поменялось местами, с глаз упала пелена, и я посмотрела на мужа совсем иным взглядом, куда более трезвым и холодным. Не могу сказать, что увиденное мне понравилось.

– Замолчи и выслушай меня... – жестко произнесла я. – Если через три дня колье не будет здесь, в этом футляре, то я иду к стражникам, или же самостоятельно выкупаю колье у ростовщика. После чего, как понимаешь, наши отношения прекратятся.

– Напугала... – отмахнулся муж. Кажется, сейчас, находясь под хмельком, он не намерен уходить от разговора. Что ж, хоть какой-то толк будет от этой беседы на повышенных тонах! – Да я сам этого хочу! Мне наш брак уже давно надоел хуже горькой редьки! У меня есть другая женщина, с которой я намерен связать свою дальнейшую судьбу. Так что, дорогая женушка, можешь считать мои слова предложением о разводе.

Вот и ответ на мой вопрос, из-за которого я так долго терпела все происходящее. Итак, муж набрался храбрости (а хмельное хорошо развязывает язык), и без околичностей заявляет, что я ему не нужна. Конечно, слышать все это невыносимо тяжело, зато наступила некая определенность, а это именно то, чего мне не хватало для принятия окончательного решения.

– Я принимаю твое предложение... – во мне скопилось столько негодования, что сдерживаться я уже не могла. – Более того – сама настаиваю на разводе.

– Ага, настаиваешь ты, как же! Боюсь, женушка, от тебя так быстро не отвяжешься – будешь ходить, ныть, проливать слезы, умолять вернуться...

– Воган, как ты мог пойти на такое?.. – растерянno спросил свекор. – И как умудрился открыть сейф?

– Ключ надо лучше прятать... – усмехнулся тот. – Я бы еще и не на то пошел, лишь бы помочь своей любимой женщине, которая жила едва ли не в нищете, и никому не было до нее никакого дела! Впрочем, вам этого не понять!

Любимая женщина, значит... И ведь хватает у человека совести говорить мне такое прямо в лицо! Ладно, тогда и я выскажу то, что давно копилось в моей душе.

– Отчего же любимой женщине ты помогаешь за чужой счет?

– Я твой муж, и имею полное право пользоваться нашим общим имуществом! Зачем тебе эти камни, если ты их надевала раз в жизни?! А мне были нужны деньги, вернее, много денег, ведь Тирла так страдала, что глядя на нее, сердце обливалось кровью! Это твое кольцо не стоит даже слезинки моей новой невесты, и я нисколько не сожалею, что отдал его в залог! Что касается Тирлы... Если бы вы знали, сколько раз она просила у меня прощения за свой побег!

– Что ж, можно считать это неплохим достижением... – я постаралась произнести эти слова не очень саркастически.

– Повторяю: мне нужны были деньги, и потому пришлось сделать то, что считал необходимым!.. – теперь Воган почти кричал.

– Да... – согласилась я. – Особенно после того, как у тебя сорвались аферы с землей. А ведь это Тирла подтолкнула тебя к мысли начать разбазаривать мое приданое, верно?

– Я имею на это полное право!

– Это еще как сказать... Ты помнишь, мы были у святого старца? Он сказал, что вскоре тебе придется сделать выбор, и тут главное – не ошибиться...

– А я не ошибся! Тирла – моя судьба, нравится это кому-то, или нет!

– Воган, я тебя слишком хорошо знаю, чтоб безоговорочно поверить всем твоим словам. Любовь, говоришь? Нет. То, что я наблюдаю довольно долгое время – это, скорее, лечение уязвленного самолюбия, только ты пока что это понять не можешь. Скажу больше: сейчас красotka Тирла для тебя – запретный плод, и поэтому он невероятно привлекателен в твоих глазах. Однако как только плод перестанет быть запретным, ты сразу потеряешь интерес к своей обожаемой даме. Знаешь, почему? Просто у вас не любовь, а страсть, основанная на чувствах, которые вы считаете будоражащими. Увы, постепенно все приедается, в том числе и ваши бушующие эмоции, через какое-то время закончится конфетно-подарочный период, начнется обычная жизнь, и сойдут на нет все твои страдания ради

высокой любви... Впрочем, отныне это твои проблемы, и с этого времени они меня касаться не должны. Куда важнее другое – ты обязан вернуть колье, и чем скорее, тем лучше. В противном случае ты не раз пожалеешь о содеянном безумии, и спокойная жизнь закончится для тебя раз и навсегда.

– Это что, угроза?

– Нет, это реальность, вернее, то, что ожидает тебя в ближайшем будущем.

– Элизабет, Воган, вам обоим надо успокоиться... – умоляюще заговорил свекор. – Под горячую руку можно наломать столько дров!.. Сами же потом жалеть будете!

– Жалеть о ней – это не для меня!.. – ого, как разошелся дорогой супруг! Ну и хорошо, как говорит ваша бабуся: коль жизнь проходит без любви, то и разлука будет без печали.

– Я ухожу... – мне только и оставалось, как направиться к дверям. – Отныне все вопросы будут решаться через стряпчего, метра Мойс.

Не слушая, что свекор говорит мне в ответ, я вышла из кабинета, спустилась в свою комнату и взяла стоящую на туалетном столике шкатулку с драгоценностями. Не хватало еще, чтоб Воган и их заложил – с него сейчас станется... Все остальное можно забрать потом, для этого достаточно отправить сюда служанку, а мне сию же минуту следует покинуть этот дом, и никогда в него больше не возвращаться. Да и стоит ли иметь дело с человеком, который тебя не любит и не ценит? Лично я с такими играми более не связываюсь, иначе можно просто растерять все свое человеческое достоинство. В мире есть только одно место, куда я могу уйти, и где меня ждут – это особняк тети Фелисии. Именно туда я и направилась.

Как это ни странно, но меня там ждали: по словам дворецкого тетушка перед своим отъездом велела приготовить комнату для Элизабет – мол, в самое ближайшее время моя племянница вновь сюда вернется. Мне оставалось только лишний раз удивиться умению тетушки предугадывать возможное развитие событий.

Оказавшись в своей старой комнате, я поняла, что за прошедшие несколько лет в ней ничего не изменилось, и у меня было чувство, что я вернулась домой. Сразу стало легче, и я почувствовала, что не одинока. А еще мне была крайне необходима помощь, и я сразу же

послала за стряпчим – надо обрисовать ему сложившееся положение вещей, и выслушать его советы. Заодно пусть готовит бумаги на развод – хватит с меня такой семейной жизни! Конечно, если бы сейчас здесь находилась тетя Фелисия, то все было бы много проще, но пока что я постараюсь справиться сама.

На следующий день служанки привезли все мои вещи из дома семьи Уреш. По их словам, никто из членов того семейства не ожидал от меня подобного поступка: как видно, семья моего супруга была уверена в том, что все произошедшее – это просто ссора между супругами, поругались, бывает... Мол, помирятся еще, всякое в жизни случается, зачем же добро туда-сюда таскать?.. Вогана, как и следовало ожидать, дома не оказалось, и, думаю, не стоит упоминать, где он пропадал...

Тем не менее, уже к вечеру о нашем расставании говорил весь город, и, насколько мне стало известно, общее мнение было таким: у бабы, как видно, терпение кончилось, потому как поняла, что блудливого кобеля на цепи не удержать... В общем, сам виноват! Кое-кто из знакомых, наслушавшись разговоров, приезжал ко мне с визитами, но я всех быстренько выпроваживала под благовидными предложениями – дескать, у меня сейчас меланхолия и мигрень, так что прошу прощения, но... Обид у гостей не оставалось, зато сочувствия и понимания я получала просто в излишке.

Еще через день ко мне пришел стряпчий, метр Мойс. Он принес бумагу, в которой указывалось мое намерение начать бракоразводный процесс с супругом, и я, не колеблясь ни минуты, подписала этот документ. К сожалению, остальные новости были не столь утешительны. Прежде всего, выяснилось, что Воган успел наделать огромных долгов, и не стоит лишний раз пояснять, для чего (вернее, для кого) ему были нужны деньги. Почему об этих долгах не было известно заранее? Да потому что деньги были взяты под высокий процент, и кредиторы спокойно ждали, пока сумма долга удвоится, а то и утроится. Однако сейчас, когда стало известно о предполагаемом разводе, кредиторы решили предъявить к оплате долговые расписки, разумно полагая, что впоследствии могут не получить ничего. Метр Мойс с нескрываемой досадой сообщил мне, что половину этих долгов мне все же придется оплатить, потому как во время получения этих денег мы состояли в браке, а потому долги, сделанные в это время хотя бы одним из супругов, считаются общими, и никому нет дела до того, куда именно пошли эти деньги...

– Да Небеса с ними, с этими деньгами!.. – отмахнулась я. – Если так положено по закону, то заплатим, и забудем, как страшный сон. Меня куда больше интересует, как обстоят дела по возвращению кольца!

– А вот тут мне вас порадовать нечем... – вздохнул стряпчий. Во всяком случае, на этот момент...

По словам стряпчего, он ходил к ростовщику по имени Куонг, у которого мое сапфировое кольцо должно находиться в залоге. Метр Мойс пояснил ростовщику, что кольцо украдено у знатной дамы, и она страстно желает его вернуть, и в то же время не хочет скандала вокруг похищения своей фамильной драгоценности. Более того – дама желает возратить вам деньги, которые вы ссудили ее мужу, причем, как и положено, с набежавшими процентами. Увы, Куонг лишь разводил руками и твердил, что не понимает, о чем идет речь, и никакого сапфирового кольца он и в глаза не видел!..

Метру Мойс пришлось обратиться за помощью повыше, то бишь к главе стражников нашего города, с которым был неплохо знаком, и который с радостью вызвался помочь – Куонга давно подозревали в скупке краденого, но, как говорится, прихватить было не на чем, уж очень он был осторожен. К ростовщику нагрянули с обыском, нашли кое-что, представляющее немалый интерес для следствия по иным делам, но вот сапфирового кольца не отыскали. Куонг не был дураком, и враз понял, что стражники настроены решительно, а раз так, то лучше не доводить дело до греха, гораздо выгодней покаяться в мелких нарушениях, отделавшись сравнительно небольшими неприятностями, и потому в итоге ростовщик не отказался отвечать на кое-какие вопросы.

Естественно, стряпчего интересовало только сапфировое кольцо, но Куонг лишь развел руками – извините, ничем помочь не могу, сам пострадал из-за этой драгоценности, да еще и в немалом убытке оказался. Дело в том, что господин Воган несколько дней назад был у меня, и предложил купить это украшение – мол, оно все одно находится у вас в залоге, так что вам требуется всего лишь доплатить... Ростовщик охотно согласился, отсчитал нужную сумму, после чего кольцо перешло в его собственность. Прекрасно понимая стоимость этой прекрасной вещи, Куонг отправил кольцо с надежными людьми к своим родственникам для последующей перепродажи, но в дороге на посланников напали и ограбили, да к тому же тяжело

ранили, так что теперь бедняги залечивают раны, и еще неизвестно, сумеют ли поправиться...

– А этот ростовщик вас не обманывает?.. – спросила я.

– К несчастью, нет... – вздохнул стряпчий. – Я немного разбираюсь в людях, и понимаю, что все обстояло именно так, как он и рассказывает. А еще этот человек подозревает, что нападение на его людей произошло не просто так, и сейчас ищет того, кто мог бы слить на сторону сведения о том, какую ценность вскоре собираются везти всего лишь двое охранников. Насколько я понял, Куонг рассчитывал на то, что двое обычных, небогато одетых людей вряд ли привлекут к себе внимание лихих людей. Увы, все вышло не так...

– А те двое, которые везли колье... Они не могли быть в сговоре с бандитами, и все произошедшее – это инсценировка ограбления?

– Я тоже подумал об этом, и потому решил переговорить с ранеными охранниками. Их показания совпадают до мельчайших деталей, придраться совершенно не к чему. Кроме того, один из них, и верно, очень серьезно ранен, еще неизвестно, выкарабкается, или нет. Да и у второго ран столько, что и не сосчитать. Нет, здесь не может быть сомнений – люди говорят правду, и к тому же они подавлены случившимся, а сыграть такое очень непросто.

– Так где же искать колье?

– Думаю, к розыску придется привлечь больше людей, но надежду терять не стоит. Я предприму все возможное, чтоб выйти на след потерянной драгоценности.

– Спасибо!

– Пока не за что, я просто пытаюсь выполнить свою работу. Да, и вот еще что: каждый день я отправляю письма вашей тетушке, держу ее в курсе всего, что у нас происходит. Осмелюсь заметить, что отсутствие леди Балверстоун не лучшим образом сказывается на происходящих здесь событиях, и потому (очень на это надеюсь) она поторопится с возвращением.

– Я тоже на это рассчитываю...

Прошло еще два дня, но о пропавшем колье не было никаких известий, хотя, по словам метра Мойс, он задействовал едва ли не все, что мог, включая обещание огромной награды за сообщение о том, где может находиться колье. Несмотря на уверения стряпчего о

том, что еще ничего не потеряно, я начала всерьез беспокоиться. Мое настроение и без того было не самым лучшим, а сообщение слуги о том, что меня желает видеть дорогой супруг, вряд ли могло хоть что-то улучшить.

– Надеюсь, он пришел один, без дамы?

– Совершенно верно.

– Тогда пусть войдет.

Итак, Воган наконец-то соблаговолил осчастливить меня своим присутствием. Долго его не было, по моим прикидкам он должен был заявиться пораньше – как видно, паузу выдерживал, надеялся, что я сдамся первой. Ну, жди... К этому моменту у меня уже успели побывать как свекор, так и свекровь (причем как вместе, так и поодиночке), и оба упрашивали меня вернуться к мужу – зачем, дескать, людей смешить из-за обычной ссоры, помиритесь еще!.. В чем-то я могу понять теперь уже бывших родственников – с моих земель в их семью шел хороший доход, и после нашего развода этот денежный ручеек пересохнет раз и навсегда. Пришлось им объяснить – дорогие мои, к вам двоим я всегда буду относиться с уважением и почтением, но что касается Вогана, то наша с ним семейная жизнь подошла к концу, и потому более на эту тему я говорить не желаю. С тем и ушли свекор со свекровью, а сейчас, спустя время, появился и муж. Надо сказать, он долго выжидал, видимо, надеялся, что я сменю гнев на милость, и вернусь к нему. Ну-ну, радость моя бывшая, надейся и дальше...

– Элизабет, хватит валять дурака!.. – вместо приветствия заговорил Воган. Судя по агрессивному началу, супруг не хочет тратить время на уговоры, да и не считает это нужным. – Показала свой характер – и довольно! Считай, что я все понял.

– Это все, что ты хотел мне сказать?

– Я понимаю, что ты обижена из-за пропавшего колье. Не знаю, какое затмение на меня нашло, когда я его взял. Да, я виноват, но кто из нас без греха? Догадываюсь, насколько ты обижена на меня, но это не повод расставаться.

– Воган, ты не просто заложил фамильную вещь, принадлежащую моей семье. Ты ее продал, причем действовал вполне осознанно, так что не стоит сваливать на мгновенное помрачение рассудка.

– Я, кажется, извинился.

– И ты считаешь, что этого достаточно?

– А что тебе еще надо? Чтоб я на коленях о прощении молил?

– К сожалению, кольцо это не вернет.

– И я про то же.

– Неужели ты не понимаешь, насколько отвратителен твой поступок?

– Давай без занудства, ладно? Я эти ваши упреки уже слышать не могу! Еще раз говорю: согласен, мне не следовало брать твое кольцо, и за это я прошу прощения. И хватит об этом! Что сделано – то сделано!

Сейчас я смотрела на Вогана другим взглядом, в котором уже не было всепоглощающей любви. Передо мной находится все тот же высокий зеленоглазый красавец, отрада для женских глаз. И в то же время я вижу человека, который не испытывает ко мне особых чувств – так, привязанность, и не более того. Пожалуй, его можно назвать самовлюбленным эгоистом, который не считает кражу чем-то дурным, просто небольшой ошибкой... А еще ему со мной удобно, да и в жизни все стабильно, и терять спокойное существование не хочется...

– Вот что хочу тебе сказать... – вздохнула я. – Еще совсем недавно мне хотелось, чтоб у нас с тобой была нормальная семья, с детьми, доверием, любовью и без обмана. К сожалению, это так и осталось несбывшейся мечтой. Я уже не говорю о твоих бесконечных изменах. Всему есть свой предел, и ты его перешел.

– Остальные мужики, по-твоему, что, не изменяют? Со всяким такое может случиться, мы все не святые. Так что же, из-за каждой ссоры разводиться?

– Я хочу жить своей жизнью, а у тебя есть новая подруга, так что совет вам да любовь. Если ты все еще не понял, то поясню: унижительно жить с мужчиной, зная, что все мысли в его голове заняты другой женщиной, а тебя он не ставит ни во что. Я, во всяком случае, более этого не хочу.

– Элизабет... – в голосе Вогана появились мягкие нотки. – Не мучай ни меня, ни себя, ведь ты меня любишь.

– Нет... – покачала я головой. – Я действительно готова была простить тебе многое, пока однажды ты не переступил черту, после которой я не считаю возможным продолжать наши отношения. На что ты рассчитывал, придя сюда? Думал, я все прощу, по-прежнему буду смотреть на тебя во все глаза, и терпеть хамское обращение? Нет, хватит! Зато ты можешь считать себя в выигрыше – получаешь долгожданную свободу, и отныне всегда будешь рядом с любимой женщиной! Что тебе не нравится? Ведь все идет так, как ты хотел!

– Всю эту бучу ты подняла из-за какого-то колье?

– И из-за него тоже, только оно не какое-то. Можно подумать, ты не знаешь его подлинной цены, и той истории, что с ним связана! Пропажа колье оказалась последней каплей, но очень весомой. Сейчас я пытаюсь вернуть эту потерю, но пока безрезультатно.

– Речь сейчас идет не о колье, а о нас с тобой!

– Можно и о нас... – согласилась я. – Знаешь, полюбить другого или другую – это не преступление, такое случается, причем не так и редко. В таком случае можно решиться уйти, поняв, что в семейной жизни нет счастья, и рядом с тобой находится не тот человек, с которым ты дальше хочешь идти по жизни. Мы все живые люди, и не всегда можем контролировать свои чувства, и потому некоторые ошибки простить можно, хотя и трудно. А вот вести себя так, как это делаешь ты... Подобное, знаешь ли, недопустимо. Есть еще одна причина – я тебе более не доверяю. Да и пришел ты ко мне сегодня только потому, что без моих денег обходиться сложно, ведь за последние годы ты привык жить, ни в чем себе не отказывая – и вдруг такое! Да и милашка Тирла требует немалых расходов – ты приучил ее жить красиво, и теперь не можешь отказывать ей хоть в чем-то.

– Может, хватит перебирать мои прегрешения?

– Сказать, что тебя по-настоящему беспокоит? Метр Мойс сообщил тебе о моем намерении развестись, и ты пришел, чтоб отговорить меня от этого.

– Развода я тебе не дам!

Вообще-то Вогана можно понять, ведь по условиям брачного контракта в случае нашего расставания я забираю назад все свое приданое, а подобное, естественно, никак не может понравиться моему супругу. Несмотря на громкие заявления дорогого мужа о

страстной мечте получить свободу, каждому ясно, что развод никоим образом не входит в планы мужа.

– Это твое право... – пожала я плечами. – Только в данном вопросе суд будет учитывать только мое мнение. Как ты помнишь, в нашем брачном контракте указано отдельным пунктом, что для развода достаточно одного моего желания, указанного письменно, а я это уже сделала. Так что наше расставание – это всего лишь вопрос времени.

– Повторяю – я не хочу разводиться!

– Ничего, богатых дур много, быстро найдешь мне замену, потому как красотка Тирла не пожелает обретаться в бедности. Не приведи того Небеса, еще раз от тебя сбежит!

– Хватит!

– Как пожелаешь.

– Ты хорошо все обдумала?.. – кажется, дорогой супруг сдерживался из последних сил.

– В этом не сомневайся. Время у меня было, так что мое решение окончательно.

– Я могу долго тянуть с разводом. Мне известно, что при разборе дела в суде может быть немало проволочек.

– Если я правильно поняла, то для ускорения судебного процесса ты должен что-то получить от меня, верно?

– Можно и так сказать. Ты намерена забрать все свое приданое, а так дело не пойдет, во всяком случае, я с этим не согласен! Думаю, будет справедливо, если при расставании ты оставишь мне часть своего имущества, или же мы договоримся о выплате мне определенной суммы. Мы с тобой прожили достаточно долго, и думаю, я имею право на вознаграждение.

Каково, а? Я ему еще и платить должна! Вознаграждение, значит... Интересно, за что? Может за то, что он, такой красавец, снизошел до меня? Так ведь и меня уродиной никто не называет.

– Надеюсь, это все?

– Нет. У твоего стряпчего хватило совести заявить, что он намерен взыскать с нашей семьи стоимость кольца. Это неслыханно!

Скажи ему, чтоб прекратил свои нападки!

Надо же, а я об этом ничего не знала, во всяком случае, метр Мойс лично мне ни о чем таком не говорил. Вообще-то стряпчий прав – согласно брачного контракта я имею право на подобное взыскание. Беда лишь в том, что если даже семейство Уреш все продаст, вплоть до последнего гвоздя, то вырученная сумма не покроет даже трети стоимости колье.

– Воровство наказуемо... – усмехнулась я. – Верни колье, и все уладится само собой.

– Но ты же знаешь, что у меня нет этого проклятого колье!

– Тогда все вопросы – к метру Мойс. Он знает, с кого и что можно требовать.

– Ты так и не ответила, сколько согласна уплатить за мое согласие на развод.

– Дверь вон там... – я кивнула в сторону. – Наш разговор окончен, счастливого пути. Очень надеюсь на то, что не увижу тебя как можно более долгое время.

– Ну, смотри, я тебя предупредил. Если что не так, то пеняй на себя... – Воган направился к выходу. Мне только и оставалось, как отметить, что муж выведен из себя едва ли не до крайности – как видно, он рассчитывал на совершенно иной итог разговора. Я же с уходом Вогана почувствовала облегчение, потому как отныне мне не хотелось даже видеть этого человека.

Позже, когда ко мне вновь пришел метр Мойс, я первым делом задала вопрос о своем сапфировом колье, но тот в ответ лишь развел руками – пока ничего. Ищут... Я рассказала и о том, что ко мне приходил Воган и жаловался на то, что мой стряпчий пытается взыскать с них деньги.

– А почему бы и нет?... – пожал плечами метр Мойс. – Я имею полное право взыскать с них стоимость пропажи.

– Они вряд ли имеют представление о том, где находится колье.

– Леди Элизабет, я слишком давно занимаюсь своим делом, и не очень-то доверяю клятвам людей. А еще я просто-таки чувствую, когда мне говорят правду, а когда лгут – сказывается долгий опыт. Поверьте, там есть какая-то тоненькая ниточка, ведущая к нашей

пропаже, и мне надо сделать все, чтоб вытянуть эту ниточку, пусть даже ради этого придется кое-кого крепко напугать. Именно этим я и занимаюсь. Буду по-прежнему давить на них, и рано или поздно, но такая тактика дает свои результаты.

– Метр Мойс, в этом вопросе я целиком полагаюсь на вас...

– Благодарю. Что касается вашей тетушки, то ее присутствие здесь крайне желательно. Кстати, она мне сообщила, что постарается максимально сократить свой визит к кухне, и сделает все, чтоб вернуться домой как можно раньше.

– Ну, хоть одна приятная новость...

Безвылазно просидев в особняке тети Фелисии еще пару дней, я решила немного прогуляться, а что может быть лучше, чем поход по магазинам и лавочкам? Надо немного порадовать себя, купить что-то... Конечно, я постоянно буду находиться в центре людского внимания, ну да не страшно, переживу. Тем не менее, предпочтительней отправиться на прогулку не в первой половине дня, а после обеда, чуть ближе к вечеру – тогда народу на улицах и в магазинчиках чуть поменьше. К тому же разгуливать по улицам я не собираюсь – есть карета, и в ней можно ездить от магазинчика к магазинчику...

Погода стояла прекрасная, так что можно особо не торопиться. Без спешки объезжая маленькие лавочки, в которых продавцы наперебой раскладывали передо мной едва ли не лучшие товары, я стала забывать все свои беды и заботы. Вот уж верно говорят: для женщины поход по магазинам – едва ли не лучшее средство от хандры.

Все шло прекрасно, приказчики уже несколько раз заносили в карету коробки и пакеты, и я предвкушала, как буду разбирать дома покупки. Конечно, я потратила несколько больше, чем рассчитывала, но иногда себя можно и побаловать.

Я выходила из очередного магазинчика, когда ко мне подбежал мальчишка лет десяти.

– Тетя, вам просили передать, что могут сказать, где находятся ваши потерянные бусы...

До меня не сразу дошло, что мальчишка говорил о сапфировом колье. Верно – метр Мойс упоминал о том, что даст хорошую награду

тому, кто подскажет, где искать пропажу. Неужели нам повезло?

– И кто мне об этом скажет?

– Дяденька. Он в переулке стоит, сразу же за этой лавкой.

– А что же этот дяденька сам ко мне не подошел?

– Говорит, что боится – его рядом с вами увидеть смогут, и тогда ему не поздоровится.

Вообще-то похоже на правду... Что ж, можно и сходить, тем более что до переулка всего-то пара шагов. Кто знает, возможно, кто-то, и верно, клюнул на награду, но опасается сообщников...

Махнув рукой кучеру – мол, подожди, сейчас вернусь!, я направилась вслед за мальчишкой, благо идти было всего ничего. Плохо то, что переулок оказался узким, темноватым и безлюдным, и, пройдя по нему всего ничего, я остановилась. Никакого мужчины там не было, да и мальчишка куда-то пропал. Пожалуй, и мне стоит покинуть безлюдное место...

К сожалению, сделать это мне не удалось. Внезапно рядом появились двое мужчин, и в тот же миг я оказалась крепко прижата к стене дома, и вдобавок ко всему мне заткнули рот. Вот это я попалась! Не знаю почему, я первым делом отметила про себя, что эти двое родом явно с Востока...

Однако в следующее мгновение рядом со мной появилась Тирла. Этой-то что здесь надо?! Или это именно она была зачинателем этой ловушки? Никогда бы не подумала, что подружка Вогана способна на такое...

– Ну что, дорогуша, боишься?.. – обратилась ко мне девица. Судя по улыбке, которую она не могла сдержать, все происходящее доставило ей огромное удовольствие. – Правильно делаешь. И запомни – ты сама во всем виновата! Не хотела решить дело по-хорошему, значит, сделаем по-плохому. Не стала бы жадничать, зажимая свое приданое, осталась бы жива. А еще тебе не помешает знать, что скоро тебя найдут в этом переулке бездыханной, и любой лекарь скажет, что у тебя просто не выдержало сердце! Естественно, все твое приданое останется у Вогана, как у скорбящего вдовца... Ох, поговорила бы я еще с тобой, да времени на это нет! До встречи на Небесах, дорогуша!

После этих слов один из мужчин умело нажал на мои скулы,

после чего рот у меня приоткрылся, и второй мужчина ловко влил в него какую-то жидкость. Пусть ее было не так и много, всего несколько капель, но у меня сразу же онемел язык, а затем онемение волной пошло по горлу... Перехватило дыхание, болью пронзило сердце, в глазах потемнело, а потом я провалилась в темноту...

Сознание возвращалось медленно, казалось, будто я просыпалась после тяжелой болезни. А еще было очень холодно, такое впечатление, что все тело заоченело... Наверное, это холод и заставил меня проснуться, однако, открыв глаза, я ничего не увидела – вокруг царилла самая настоящая тьма. Ничего не понимаю, где же я оказалась? Попыталась крикнуть, но изо рта шел только хрип. Так, вряд ли хоть кто-то меня услышит, значит, надо выбираться самой.

Встать удалось с великим трудом – ноги совсем не слушались, да и руки были словно ватные, а уж чувствовала я себя настолько плохо, что словами это мое состояние было просто не описать. Кружилась голова, перед глазами вспыхивали разноцветные пятна, волнами накатывала тошнота, и меня постоянно потряхивало... Святые Небеса, хоть бы понять, где я оказалась!

А еще мне хотелось пить. Раньше я даже представить себе не могла, что человек может испытывать такую сильную жажду – у меня даже язык во рту распух и не мог ворочаться, и потому вместо слов я с трудом издавала нечто среднее между стоном и мычанием.

Сделав всего пару шагов, я уткнулась в холодную каменную стену... Интересно, почему здесь все такое ледяное? Это что, погреб? Вообще-то непохоже... А помещение, судя по всему, небольшое, и в любом случае здесь где-то должна быть дверь – ведь как-то я здесь оказалась! Пойду вдоль стены, наверняка наткнусь на нее...

Дверь долго искать не пришлось – всего несколько шагов, и мои пальцы уткнулись в доски. Точно, это она – вот и косяк, и плотно подогнанные доски... Плохо лишь то, что дверь заперта, надо стучать, и лучше ногой, а не то мои руки вряд ли в состоянии сильно ударить, а кричать у меня не получалось...

Бить в дверь мне пришлось довольно долго, и наконец-то снаружи до меня донесся скрежет отодвигаемого запора. К тому времени я настолько замерзла, что не могла думать ни о чем ином, кроме как о тепле. Ну, скорей же открывайте дверь, скорей!..

Дверь распахнулась, и я увидела двоих мужчин, стоящих у

входа. Один из них, тот, что помоложе, держал в руках свечку, а второй, пожилой мужчина, был явно не в настроении. Похоже, он недавно спал, и его разбудили... Увидев меня, оба застыли на месте, причем молодой парень вытаращил глаза, но мне в тот момент было не до того, чтоб представляться и спрашивать разрешения войти. Из той комнаты веяло теплом, и я без разговоров шагнула внутрь. Надо сказать, что это произвело на мужчин странное впечатление – парень со свечкой шарахнулся в сторону, а тот, что старше, что-то забормотал себе под нос – похоже, читал молитвы. Судя по всему, оба были очень напуганы. Не понимаю...

А помещение, в котором я оказалась, сравнительно небольшое и небогатое. Лавки вдоль стен, столы... Бедновато... А еще темно, похоже, сейчас за окном ночь. Что это такое, и кто эти люди? Хотела спросить об этом, но из горла вырывались звуки, куда более похожие на шипение, чем на человеческую речь. Вон, недаром мужчин просто затрясло от звуков моего голоса, а парень вообще прижался к стене, и его явно колотит от страха...

– Уйди!.. – молодой человек осенял меня свечкой, которую по-прежнему держал в руках. – Уйди, сгинь!..

У меня и самой не было никакого желания оставаться здесь – скорей бы на улицу, на свежий воздух, тем более что приоткрыта входная дверь, ведущая наружу. Не пытаясь больше разговаривать с перепуганными мужчинами, я пошла (вернее, побрела) к выходу. Не знаю, что это было за помещение, но мне хотелось покинуть его как можно быстрее, а у находящихся здесь людей не было ни малейшего желания задерживать меня.

Оказавшись снаружи, я поняла, что сейчас, и верно, ночь, хотя, скоро должен начаться рассвет. Где же я оказалась? Небольшие домишки, плохо убранные улицы, чахлая зелень... Кажется, это район бедноты. Здесь я ранее никогда не была, но если идти по улице, то рано или поздно я выйду в знакомые места. Главное – дойти, хотя сил на это у меня почти нет, ноги словно налиты свинцом, и очень хочется сесть и отдохнуть, но куда больше хочется покинуть это непонятное место... Я шла по дороге, спотыкаясь на каждом шагу, то и дело падая на землю, с трудом поднималась и шла дальше... А еще я слышала позади себя крики – кажется, это те двое мужчин пришли в себя и подняли шум...

На глаза попался ручеек, струящийся по неглубокой канаве.

Святые Небеса, наконец-то вода! Конечно, чистой эту воду вряд ли хоть кто-то назовет, но сейчас для меня это не имеет никакого значения. Главное – я могу напиться... Упав на колени, я жадно пила эту мутноватую воду с привкусом тины. Конечно, в любое другое время я бы и близко не подошла к этой канаве, но сейчас была безумно рада даже такой, не очень чистой воде, и от ручейка я оторвалась только тогда, когда более не могла проглотить ни капли.

После этого мне стало чуть полегче, и дальше я уже не брела, а шла, пусть и не столь уверенной походкой. Небо светлело, и мне казалось, что я уже узнаю улицы – кажется, это предместье... Потом я услышала чьи-то шаги – похоже, кто-то бежал по улице, направляясь в мою сторону, шаги приближались, а потом я получила сильный удар по голове, после которого вновь провалилась в забытие...

В себя я пришла от громких голосов. Сейчас я находилась не на улице, а в какой-то комнатухе, в которой не было никакой мебели. Излишне упоминать, что я лежала на полу, а чувствовала себя настолько плохо, что словами не описать. Голова раскалывалась, тошнота усилилась, из носа шла кровь, и я была не в состоянии пошевелиться. Наверное, так люди чувствуют себя перед смертью, только вот сейчас мне было все равно, умру я, или нет...

– Не понимаю, как это могло получиться... – говорил мужчина. Судя по говору, он был уроженцем Востока.

– Обмануть меня решили?.. – а вот это голос Тирлы, и, если судить по интонациям, девица просто в ярости.

– Женщина, перестань кричать, я сам озадачен... – огрызнулся мужчина.

– Так почему она еще жива?

– Не знаю! Чтоб сок зеленого лотоса оказал такое действие!.. Удивительно!

– Да что мне с ваших удивлений!.. – надрывалась Тирла. – Или вы не понимаете, чем все может обернуться?

– Понимаю. И никто никого не обманывал! Эту женщину признали умершей от сердечного приступа, и отправили в мертвецкую, на ледник, где она должна была находиться до приезда своей родственницы. Кто же знал, что она оживет, да еще и будет в состоянии самостоятельно передвигаться!? Такого на моей памяти

никогда не было!

Я приоткрыла глаза... Ну так и есть – в комнате находится Тирла и один из тех мужчин, что напал на меня в переулке. Тогда я его особо не рассмотрела, да и сейчас, сквозь пелену, закрывающую глаза, этого человека трудно хорошо разглядеть. Среднего роста, смугловатая кожа, темные глаза, ничем не примечательная внешность...

Меж тем Тирла продолжала кричать:

– Да плевать я хотела на твою память! Лучше подумай, что делать будем? Добей ее! Что тебе мешает?

– Женщина, не смей повышать на меня голос!.. – а вот теперь и мужчина заговорил чуть угрожающе. – Ты меня уже раз обманула, и это мне не нравится.

– В чем я тебя обманула?

– Ты сказала, что нужно убрать женщину, а речь шла о госпоже.

– И в чем разница?

– Убить госпожу стоит много дороже, потому как возрастает риск. Всем известно, что за убийство важных господ, или хотя бы за попытку их убийства, у вас в стране положена смертная казнь. В нашей стране тоже. Так что плати хорошую цену за то, чтоб я расправился с уважаемой женщиной.

– Еще чего! Ты свою работу сделал из рук вон плохо! К тому же если она останется жива, то расскажет всем о том, что с ней произошло, а это не нужно ни тебе, ни мне. Так что мы с тобой в одной лодке, и не надо ее раскачивать.

– Да... – произнес мужчина. – Верно говорят – не надо связываться с женщинами, потому как у них ума нет. Вновь убеждаюсь в правоте утверждения: выслушай женщину и поступи наоборот. Надо было сразу же отказать тебе...

– Но ты же не отказал!

– Сейчас речь не о том. Вчера о смерти госпожи говорил весь город, а уж то, что она сегодняшней ночью ожила и сумела уйти из мертвецкой...

– Ее тамошние служители видели, она их испугала аж до колик –

а то, как же, покойник ожил, да еще и ходит на своих двоих! Они потом такой крик подняли, что люди в соседних домах проснулись! К тому же ее заметил кто-то из ночных гуляк...

– Это плохо – то, что остались свидетели... – подсадовал мужчина. – Их можно понять: человек, скончавшийся от сердечного приступа, бродит по улицам! По-твоему, стражу эта история не заинтересует? Да они землю рыть будут, лишь бы добраться до правды, особенно если учесть, что речь идет не о простом человеке! Великое счастье, что один из наших людей оказался поблизости того места – его привлекли крики людей, и он пошел по следу беглянки. Мы успели перехватить госпожу до того, как она успела дойти до поста стражников. Вот тогда бы нам точно плохо пришлось.

– Так надо было ее там добить и оставить! Дал бы по голове еще разок, чтоб наверняка!

– Верно говорят, что у баб ума нет... – презрительно процедил мужчина. – Повторяю: ее видели свидетели, да и когда эта женщина шла, то не единожды падала. Посмотри, сколько у нее на теле царапин и синяков...

– И что?

– То, что любой лекарь, посмотрев на ее царапины и ссадины, скажет, что женщина умерла вовсе не от сердечного приступа, а от удара по голове. После этого начнется новое следствие, вернее, расследование убийства, которое неизвестно к чему приведет. Мне эти неприятности не нужны.

– Так что же делать?

– Если я понял, то платить за смерть госпожи ты не собираешься?

– Нет! И не надейся! Я уже все уплатила!

– Раз ты не собираешься платить, то я забираю госпожу с собой.

– Зачем она тебе?

– Это уже мое дело, но в одном можешь быть уверена – ты ее больше никогда не увидишь.

– И все же?

– Я могу дать госпоже еще яд, и она точно умрет, но не вижу в

этом смысла. Лучше увезу ее подальше отсюда – она красива и знатна, такие женщины всегда в цене, за нее можно получить неплохие деньги. Если выживет, конечно. Вполне может оказаться, что она не переживет и сегодняшний день... Что касается всего остального... Пусть ищут исчезнувшую женщину, пропала – так пропала, без следов. Напридумывают еще невесть чего про бродящего по городу покойника, и под этой нелепицей будет надежно скрыта правда. Я думаю так: если нет тела, то расследовать можно сколько угодно, но без особого толка. К тому же твой дружок не сможет развестись с супругой, которая пропала невесть куда, а в ее отсутствии суд о разводе вряд ли состоится. Значит, никто не имеет права отнять у вас ее приданое, и можете пользоваться им, как хотите.

– А ведь и верно...

– Я знаю, что говорю. Только все одно никак не могу понять, каким таким невероятным образом могла выжить госпожа! Этот яд не дает осечек, проверено не раз... Одно слово – госпожа!

– Нашел, чем восхищаться!.. – надо же, как Тирлу задели слова этого человека.

– Не тебе судить!.. – оборвал ее мужчина.

– А она нас видит и слышит!.. – девица ткнула пальцем в мою сторону.

– Да, я вижу. Только госпожа вряд ли в состоянии говорить.

– Тогда я скажу ей пару ласковых... – Тирла подошла ко мне. – Ну, ты, как оказалось, и стерва! У нас все складывалось так хорошо, твое бездыханное тело нашли в переулке, лекарь сказал, что ты померла от сердечного приступа, ваш стряпчий хватался за голову, Воган страдал... Потом тебя отвезли в мертвецкую, на холод, чтоб сохранить в целости и сохранности к приезду твоей тетки... Все было продумано, а ты вздумала ожить! Ну, и что мне теперь делать прикажешь, а?! Мои планы полетели коту под хвост! Единственное, на что я надеюсь, так только на то, что впоследствии тебе придется хлебать дерьмо полной ложкой! Если выживешь, конечно...

– Хватит!.. – мужчина бесцеремонно отодвинул девицу в сторону. – Никогда не понимал привычки женщин трещать попусту. Что касается госпожи, то ей какое-то время лучше ничего не видеть и не слышать...

Мужчина вновь бесцеремонно открыл мой рот и влил в него какую-то жидкость. Перед тем, как вновь провалиться в небытие, мне вдруг пришел на ум святой старец с его словами о том, что давая мне снадобье, Воган, сам не желая того, приучил мой организм к яду, и только поэтому я сейчас не умерла. Похоже, святой старец был прав в своих предположениях. Жаль только, что этот святой человек не сказал, что будет со мной дальше...

Глава 3

Вот уже второй день я сижу в небольшом помещении, напоминающем каморку, и жду, что будет дальше. Единственное, в чем у меня нет сомнений, так только в том, что сейчас я нахожусь очень далеко от моей родной страны, и впереди у меня полная неизвестность. Не имею представления о том, что это за место, а на мои вопросы вряд кто-то будет отвечать. Пока что у меня сейчас одна задача – надо набраться сил, а уж потом решать, что делать, и как поступать. Мне надо вернуться домой, только вот сделать это, похоже, будет совсем непросто.

Должна сказать, что многое из того, что произошло со мной за последнее время, я помню лишь урывками. Дело в том, что мне время от времени вливали в рот лекарство, парализующее волю, и погружающее человека в полусонное состояние и потому все, что творилось рядом, словно проходило мимо. Кажется, вначале меня везли на телеге, вернее, на дне телеги. Похоже, я была накрыта мешковиной, а сама телега нагружена сеном... Помнится, мне тогда подумалось, что сено уж очень тяжелое и мне тяжело дышать, не хватало воздуха... Хорошо, что я тогда вновь потеряла сознание, а не то, наверное, стала бы биться и могла задохнуться.

Затем у меня в памяти возник образ немолодой женщины, которая снимает с меня платье, и вместо него одевает другое, холщевое – в таких обычно ходят крестьянки. Мужской голос приказывает женщине сжечь мое прежнее платье – мол, от него обязательно нужно избавиться, потому как впоследствии оно может оказаться уликой!.. Женщина соглашается – да, как прикажете!, но когда мужчина уходит, эта особа кому-то говорит:

– Ага, как же, буду я такое красивое платье в печку совать! Дурных нет, чтоб таковское добро палить! Я пока еще в своем уме нахожусь, и не сбрендила! Оно ж немалых денег стоит, зато такие вот хозяева, как этот, только приказы раздают сделать то да се, а ни один из них и медяшки лишней за труды не подкинет! Жмоты! Ничего, я это платье припрячу, постираю, потом племяшке отвезу, пусть порадует – у нее свадьба скоро, а ей такое дорогущее платье век не купить, потому как жених с невестой деньгами совсем небогаты. Вот в нем племяшка пусть замуж и выходит, да и сядет оно на ее фигуре,

как влитое! И опасаться тут нечего – все одно мои родственники живут далеко отсюда, так что никто ни о чем не узнает!..

Помнится, я тогда с полным безразличием подумала о том, что это мое платье, и верно, красивое, а еще его сшил очень хороший мастер. Элегантное зеленое платье из кхитайского шелка с отделкой из темно-зеленого бархата... Да, такое платье не купишь ни в лавочке, ни в магазине...

Затем в памяти возникает низкая каморка, где я лежу на истрепанной домотканой подстилке. Рядом со мной стоит большая кружка с водой и положен кусок хлеба. Я всегда любила хлеб, но сейчас один только вид этой ржаной горбушки вызывает у меня тошноту, которая долго не проходит. Зато воду я пью постоянно, и пить хочется едва ли не все время. Тем не менее, именно тогда, в каморке, я и стала приходить в себя, и вспоминать произошедшее. Надо сказать, что тогда у меня была постоянная слабость во всем теле и ноги не держали, хотя я не раз пыталась подняться. Всему этому есть объяснение – сильное отравление все еще дает о себе знать, и потому довольно долгое время я ничего не могла есть, только пила воду. Впрочем, даже сейчас за весь день я в состоянии съесть только небольшой кусок хлеба, и то в несколько приемов. Увы, но от чуть больших порций мой желудок начинает бунтовать, и содержимое просится наружу...

Тем не менее, голова постепенно перестала болеть, разум понемногу прояснился, только вот слабость никуда не уходила, да и от тошноты так просто не избавиться. Все бы ничего, но иногда она накатывала волнами, и в эти моменты у меня не было никакого желания жить. По счастью, эти неприятные минуты наступали все реже.

Ну, а потом я оказалась на корабле, в небольшом трюме. Кроме меня, в этом же трюме находилось еще несколько женщин, причем они были уроженки нашей страны. Самое удивительное в том, что все эти дамы (кроме меня, разумеется) пришли сюда добровольно. Вначале подобное показалось мне едва ли не диким, но позже многое стало ясно – женщины много разговаривали между собой, и я, не вступая в разговоры, поняла, кто они такие, и что им надо в чужой стране. Все они были уверены, что едут в новую жизнь, куда более счастливую.

Кто мои попутчицы? Одна из них, толстая некрасивая девица,

была старшей дочерью в большой семье, где ее заставляли работать от заката до рассвета, тянуть на себе хозяйство, братьев и сестер. Естественно, все это ей давно надоело, только вот ничего не менялось и женихов не находилось, а потому однажды, наслушавшись разговоров приезжего торговца о том, что женщинам в его стране живется куда легче и веселей, девица решила сбежать из дома, где ее не ждало ничего, кроме новых забот. Что ж, в чем-то эту бедолагу можно понять... В трюме находилась еще одна молодая особа, которую, по ее словам, в далекой стране ждал влюбленный жених – дескать, сам он приехать не может, и потому вместо себя послал другого человека, который и доставит ее прямо в объятия любимого человека... Да уж, доставит, не сомневайся! Еще были две разбитные девчонки, которые у нас в стране влипли в большие неприятности с законом, и потому решили умотать, куда подальше, в надежде на то, что там их не достанут карающие руки правосудия, а уж сами-то они нигде не пропадут. Ну, девицы шустрые, такие могут вывернуться из возможных неприятностей... Опять-таки, в трюме были еще две женщины средних лет, которым пообещали хорошую работу в дальней стране, и которые мечтали скопить себе на старость неплохие деньги... Ох, дамы, сидели бы вы лучше дома!

Уж не знаю, каким именно образом все женщины оказались на этом корабле, хотя, если судить по разговорам в трюме, то все те же обходительные сладкоголосые люди с Востока рассказывали всем о сказочно-беспечной жизни женщин в далеких южных странах. Заодно сочувствовали, что несчастных, но прекрасных дам в нашем государстве совсем не ценят!.. Как видно, семена этих сказок падают на благодатную почву...

К тому же всем было сказано – проезд бесплатный, да в дороге еще и кормят... Не знаю, что по этому поводу думали женщины, находящиеся здесь, а у меня в голове было одно – эх, голубушки, разве вы не знаете, где бывает бесплатный сыр?

Заняться было нечем, и женщины рассказывали о себе, о своей жизни – надо сказать, я услышала немало интересного. Что касается меня, то я своих попутчиц особо не интересовала. Дело в том, что я попыталась, было, рассказать о том, что меня пытались отравить, а потом и вовсе похитили, однако мои слова вызвали в трюме веселый смех. Оказывается, еще в начале пути женщин предупредили, что у меня-де, не все в порядке с головой, воображаю себя высокородной дамой, чуть ли не герцогиней или королевой. Мол, это еще не все –

бедняжка еще и с собой попыталась покончить, и потому с ней (то есть со мной) лучше вообще не разговаривать – бывает, несчастная придумывает невесть что, а если ей не верят, то злятся, а под горячую руку и ударить может!.. Потому-то, дескать, намаявшиеся родственники и отправляют горемычную особу с глаз подальше, к далеко живущей родне – там порядки построже, имеются хорошие лекари, так что может, баба, и верно, на выздоровление пойдет...

Вполне естественно предположить, что после таких слов никто из попутчиц особо не стремился общаться со мной, а то, что я говорила, всерьез не воспринималось. В такой ситуации доказывать хоть что-то не имело смысла, и я предпочитала отмалчиваться.

Никому из женщин не разрешалось покидать трюм, нам даже еду и воду приносили прямо сюда. Конечно, у девиц было желание устроить себе прогулки по кораблю и (как они выразились) «подышать свежим морским воздухом», но капитан, вечно недовольный мужчина (внешне типичный житель Востока) категорически это запретил. Объяснение было простым: знаю я вас, начнете моим людям головы дурить, шутки шутить, да от дела их отвлекать, а это на пользу никому не пойдет! Так что нечего из трюма вылезать, чем более что за несколько дней пути с вами ничего не случится... Не скажу, что женщинам понравилась эта отповедь, но, как я поняла, их мнение тут особо никого не интересовало.

К концу нашего путешествия я стала чувствовать себя куда лучше, хотя не могу сказать, что полностью поправилась. Сильнейшее отравление пока еще дает о себе знать, но хочется надеяться, что все обойдется без особых последствий, хотя в моем случае ничего нельзя предугадать заранее.

Как я и предполагала, по прибытию в порт никого из нас не отпустили, а, скрутив руки веревкой, доставили сюда, в дом с большими подвалами, в которых отдельные помещения были отгорожены железными решетками. Думаю, излишне объяснять, что там держали не животных, а людей, проще говоря, рабов, или же тех, кого захватили в плен, и намереваются доставить на невольничий рынок. Сейчас этих несчастных в подвалах находится пусть и не очень много, но, на мой взгляд, несколько десятков человек – это не так и мало.

Женщины, которых вместе со мной доставили с корабля в эти подвалы, постоянно требовали, чтоб их немедленно выпустили –

дескать, произошла какая-то ошибка, они направлялись в совсем иное место, где их уже давно ждут!, но охранники были глухи к их просьбам. Кажется, до моих попутчиц стало доходить, что все может обернуться далеко не так хорошо, как они рассчитывали, во всяком случае, никто не собирается обходиться с ними, словно с хрустальными вазами.

Я уже второй день сижу в маленькой подвальной комнатушке, где вместо двери стоит железная решетка. Вернее, вчера нас всех семерых привели сюда, но сегодня женщин начинают уводить поодиночке, причем первой забрали рыдающую девицу, которая без устали твердила всем, что если она не встретится с беззаветно ждущим ее женихом, то он, несчастный, умрет от горя. Ага, так себе и воображаю эту горестную картину!.. По-моему, несостоявшаяся невеста так и не пожелала взглянуть в глаза правде.

Мне остается только ожидать, когда отсюда уведут и меня, а заодно думать о том, в какой именно стране мы оказались. Конечно, во время пути от женщин я не раз слышала название Кайлас – мол, именно туда идет корабль. Все может быть, но если судить по моим познаниям в географии (если честно, сравнительно небольшим) то порт Кайлас должен находиться не так далеко от нашей страны, всего пара дневных переходов, а я провела на корабле куда больше времени. Если же вспомнить шумный порт, голоса на пристани, жаркое солнце, и многое другое, то можно предположить, что мы оказались в Тараке – есть такое государство на Востоке, и, кажется, оно немалых размеров. Ох, в свое время мне надо было географию лучше изучать, а заодно и учителя внимательней слушать! Вспомнить бы еще хоть что-то об этой стране, но в голове вертятся только небольшие обрывки знаний, большей частью совершенно бесполезные и ненужные...

– Ну, все, тетка, вляпались мы по-полной... – обратилась ко мне разбитная девица. Ее подругу только что увели, и сейчас мы остались вдвоем. – Ну, как только вернусь домой – а я в этом не сомневаюсь!, то сразу кое-кому рожу начищу! Может, что похуже с ним сотворю, но ответ спрошу по-полной!..

– А что так?

– Да нас с подругой один гад отправил на этот корабль, сказал, что нас доставят в Кайлас, мы там хорошо пристроимся и какое-то время отсидимся... Вернее, не отправил, а сам к этому плавучему

корыту привез, да еще и рукой помахал на прощание. Даже адресок подкинул – дескать, живите, девки, в Кайласе с полным своим удовольствием, там вас и денежки ждут, я об этом уже позаботился!.. Дескать, ни о чем не беспокойтесь, а как опасность минует, так домой и вернетесь!.. Блин, я такого никак не ожидала, тем более что этот козел мне много чего должен! Вернее, задолжал по самое не балуй!

– Значит, решил долги не отдавать... – пожала я плечами.

– Похоже на то... Я, конечно, о таких разводках слышала, но никак не думала, что сама в нее попадусь! Надо же, как он нас кинул! Вот козел!

– Почему ты все время называешь меня теткой?.. – задала я давно интересующий меня вопрос.

– Что, не нравится?.. – огрызнулась девица. – Так я могу и бабкой назвать!..

Вообще-то эта нахалка вряд ли младше меня по возрасту, скорее даже старше лет на пять, но иного обращения я от нее не слышала. Что ж, тут возможны два варианта: или девица невоспитанна, то есть передо мной самая настоящая хамка (чему ранее уже было множество подтверждений), или же я, и верно, выгляжу далеко не лучшим образом.

Через какое-то время охранник увел девицу, а потом пришли и за мной. Когда я плелась по коридору, то охранник меня постоянно толкал в плечо – иди, мол, быстрее, чего плетешься? Признаюсь – я уже могу ходить и побыстрее, но пока изображаю слабость, недомогание, и то, что с трудом держусь на ногах. Зачем? Так, на всякий случай, выздороветь в чужих глазах я всегда успею...

Меня привели в комнату, убранную коврами, на мой взгляд, не очень новыми. Тут же были несколько кресел из красного дерева, низкие скамьи с подушками, на невысоких столиках стояли вазы с фруктами и кувшины с вином... В комнате находилось несколько человек, вольготно расположившихся на диванах. Тут любому ясно: они – покупатели, а те, кого ставят перед ними – товар.

Однако мое внимание привлекли не эти люди, а большое зеркало, которое стояло неподалеку от двери, и, увидев свое отражения, я едва не ахнула. Из немного помутневшей зеркальной глади на меня смотрела изможденная женщина с серой кожей, провалившимся ртом и запавшими глазами. Мои светлые волосы

стали грязными, свисали неопрятными сосульками, да к тому же на них налипла грязь, и потому то, что сейчас находилось у меня на голове, очень напоминало седые лохмы. А уж это серое холщовое платье, надетое на меня (старое, да еще и с прорехами!) невольно придавало мне дополнительный возраст. Сейчас я выглядела, по меньшей мере, вдвое старше своих лет (если не больше), да и вид у меня был, словно у нищенки, основательно потрепанной жизнью. Теперь понятно, отчего девица постоянно называла меня теткой. И верно, хорошо еще, что не бабкой... Интересно, сколько же времени прошло с того времени, как в переулке мне влили в рот яд? Судя по моему нынешнему виду, это случилось две-три седмицы назад...

Тем временем люди, находящиеся в комнате, уставились на меня, словно на выставленный перед ними живой товар, и под их бесцеремонными взглядами я почувствовала себя не человеком, а вещью. А еще от увиденного в зеркале я настолько расстроилась, что у меня невольно подогнулись ноги, причем в прямом смысле этого слова, и я опустилась на пол, покрытый ковром. И хотя мне удалось почти сразу же подняться на ноги, стало понятно, что с этого момента присутствующие смотрят на меня кто с неприязнью, а кто безо всякого интереса, что вполне объяснимо – кому нужны больные люди?, особенно если принять во внимание, что они еле стоят на ногах.

– Вот та женщина, о которой я вам говорил... – заговорил один из мужчин, невысокий толстяк с пальцами, унизанными перстнями. В этой комнате он был единственным, кто не сидел, а стоял на ногах (себя, естественно, я в этот счет не включаю). Похоже, это и есть продавец живого товара, к числу которого сейчас отношусь и я. Остальные люди, присутствующие в этой комнате, без сомнений, были покупателями.

А ведь тот язык, на котором говорит толстяк, я знаю, как и еще несколько иноземных! В свое время тетя Фелисия постаралась, чтоб в моем воспитании не было изъянов, и в будущем я (при необходимости) обязана уметь поддерживать беседы с представителями едва ли не каждой из стран, что граничат с нашей державой, а для этого нужно знать иноземные языки. Так что учителей у меня хватало, тем более что у тетушки было правило – нет ничего хуже, чем свободное время, когда не знаешь, чем заняться. Куда полезней использовать это время с пользой, например, выучить еще один, дополнительный язык, который, возможно, тебе когда-то

понадобится. И надо же такому случиться – он мне потребовался! Этот мужчина говорит на языке восточного государства Тарак – помнится, когда тетя Фелисия отчего-то решила, что мне его надо учить, я была очень недовольна – мне и без того учителей хватало, голова шла кругом, и еще один преподаватель мне был без надобности. Сейчас же я готова была расцеловать тетушку, и поблагодарить ее за все, что она для меня делала.

А еще я поняла, что права в своих первоначальных предположениях – судно, и верно, прибыло в Тарак... Н-да, эта страна находится достаточно далеко от моей родины, и как можно возвратиться назад – это еще тот вопрос!

Меж тем сидящие люди, посмотрев на меня, явно не пришли в восторг от увиденного.

– Хм... – в голосе одного из мужчин слышалось разочарование. – Она же старая!

– Нет, что вы!.. – замахал руками толстяк. – В сопроводительном письме сказано, что ей двадцать два года!

– Не похоже. Я верю своим глазам, а не бумагам, тем более что написать можно все, что угодно. К тому же двадцать два года – это совсем немало.

– Дело в том, что она перенесла в дороге тяжкую болезнь...

– Оно и заметно... – в разговор вмешалась ярко накрашенная женщина. Эта пожилая особа была единственной женщиной, находящейся среди покупателей, и сидела отдельно, в стороне. – Нет, я ее не возьму. У меня хорошее заведение, его посещают уважаемые и богатые люди, и потому мои девушки должны быть на высоте – хорошенькие, молоденькие, кокетливые, ухоженные... Конечно, некоторые гости требуют для себя только знатных женщин, но то, что я вижу перед собой сейчас – это едва живая тень, да к тому же находящаяся в достаточно значимом возрасте. И даже ваше утверждение о том, что она будто бы из знатной семьи, вовсе не делает ее привлекательней в глазах мужчин. Я скажу так: это изможденное создание не подходит моему заведению ни в коем случае.

– Вы упускаете из вида, что эта женщина стоит перед вами после долгий и трудной дороги, и она просто не успела отдохнуть... – продолжал торговец.

– Тут дело не только в тяжелом пути... – продолжала незнакомка.
– Те женщины, которых мы видели раньше – они тоже не успели передохнуть, но выглядят куда лучше и свежей. Скорей всего, эта женщина все еще больна. Повторяю: мне она не подходит.

– Я могу взять... – отозвался какой-то старик, потягивающий вино из глиняной чаши. – Знаю, куда можно пристроить не очень хороший, но все еще годный товар. Однако готов заплатить не больше одной десятой части от запрашиваемой суммы, хотя считаю и это слишком высокой ценой. Она и эти деньги вряд ли отработает – в солдатских борделях женщины долго не задерживаются. Беру ее только потому, что, судя по вашим словам, она знатного рода. Кое-кто из солдат, особенно те, что из самых низов, не прочь отвести душу с женщинами высокого звания, правда, частенько они проделывают подобное довольно-таки жестоко. Ну да что взять с солдафонов...

Святые Небеса, только не это! Я с трудом удержалась, чтоб не сказать старику нечто резкое в ответ, но, по счастью, сдержалась.

– Нет... – покачал головой торговец. – Если эта женщина какое-то время отдохнет, придет в себя и поправится, то я сумею получить за нее очень хорошие деньги. К тому же не забывайте, что она знатного рода, и даже последняя в своем роду, а подобное кое-чего стоит. Просто она из той партии, которая пришла только вчера, да и дорога была тяжелой...

– Да кем бы они ни была, но хорошего вида у нее все одно нет.

– Уважаемый, не стоит сбивать цену... – замахал руками торговец. – Конечно, в данный момент это не самый лучший товар, но и далеко не самый худший!

– И мне ее не надо... – поморщился невероятно тощий мужчина в роскошном одеянии. – Это не для меня. Я люблю женщин в теле, а не такие ходячие кости, обтянутые кожей. Да и внешне эта женщина вряд ли понравится хоть кому-то.

– Ну, а мой вкус вы знаете... – чуть усмехнулся красивый мужчина с аккуратной бородкой. – Молоденькие девочки до двенадцати лет, но сгодятся и хорошенькие мальчишки... Пока что вы не предложили мне ничего, достойного внимания.

– Погодите, уважаемый, еще все будет, только чуть позже... –

склонил голову продавец.

– Эта женщина – она действительно знатного рода?.. – подал голос пожилой мужчина. – Глядя на нее, в подобное плохо верится.

– Спросите ее сами, если мне не доверяете!

– Она говорит на нашем языке?

– Сейчас выясним... – толстяк повернулся ко мне. – Ты понимаешь, что я говорю?

Э, нет, я вовсе не собираюсь сообщать кому-то о том, что знаю здешний язык! В моем положении не помешает иметь хоть какое-то преимущество, пусть даже незначительное, и потому я, отвечая на обращенный ко мне вопрос, лишь развела руками – мол, не понимаю, о чем идет речь.

– Ты, и верно, происходишь из знатного рода?.. – вновь спросил пожилой мужчина, но уже на языке моей страны.

– Да!.. – выпалила я. – И если вы сообщите моим родным обо мне, то они смогут заплатить хороший выкуп за мое возвращение!

– Понятно... – пожилой мужчина повернулся к остальным. – Говорит, что так оно и есть в действительности, просит сообщить о ней родным – дескать, в этом случае можно рассчитывать на вознаграждение... В общем, одни отговорки. Если бы она была из богатого семейства, то ее бы никто не отправил сюда – выкуп бы потребовали гораздо раньше. Сами знаете, что в любой стране хватает знатных семей, в которых, кроме громкого имени, ничего нет. На мой взгляд, здесь именно такой случай, так что не стоит тратить время и бумагу на никому не нужную переписку – в итоге все одно окажемся в проигрыше. В общем, как я пронял, эту женщину никто брать не собирается, так? Тогда послушайте добрый совет – отправьте ее на невольничий рынок – может, ее хоть там купят, если, конечно, не будете завышать цену.

– Пусть она подойдет ко мне и покажет свои руки... – произнес седой мужчина в простой одежде, сидящий в отдалении. Надо же, этот тоже произносит команды на языке нашей страны.

– Ну, чего встала? Иди... – толкнул меня в плечо толстяк.

Сделала несколько шагов навстречу, и мужчина, осмотрев мои ладони, одобрительно кивнул головой – руки не натружены. Ну, если

учесть, что я никогда не занималась трудом, то вывод напрашивается сам собой.

– Похоже, не врешь... – теперь мужчина смотрел прямо на меня. – Ты, и верно, из числа тех, кто за всю свою жизнь палец о палец не ударил. Еще сказали, что ты болела... Чем именно?

– У меня было отравление.

– Что, неужто молодой кавалер бросил?.. – в голосе седого чуть слышно проскользнуло презрение.

– Вроде того... – правду я не намеревалась рассказывать, здесь она никому не интересна.

– Ясно, перед нами обыкновенная дура, которая готова травиться из-за любого олуха... – мужчина вновь обратился к продавцу. – Пожалуй, я куплю ее для своих господ, но вы должны дать мне письменное подтверждение того, что эта женщина происходит из знатного рода. А еще я настаиваю на том, чтоб вы вдвое скинули цену.

– Но как же так... – начал, было, продавец, но мужчина его перебил.

– Эта женщина пыталась покончить с собой, а, значит, со здоровьем у нее могут быть проблемы. Вернее, они у нее уже имеются, и это видно с первого взгляда. Еще неизвестно, что с ней может быть дальше, ведь некоторые люди, как правило, на одной попытке самоубийства не останавливаются. Если у них что-то складывается не так, как бы им того хотелось, то такие неуравновешенные особы снова хватаются за веревку или яд. В общем, это товар с возможным риском, я и без того опасаясь, не выкидываю ли деньги на ветер.

– Ладно, уважаемый, по рукам... – неохотно согласился продавец.

– Договорились. Завтра я покидаю город с раннего утра, так что с рассветом доставьте эту женщину к моему дому.

– Как вам будет угодно, уважаемый... – торговец склонил голову.

Итак, меня продали, словно живой товар, и громогласно возмущаться нет никакого смысла, потому как истина тут никого не интересуется, ведь в этой стране свои правила и законы, да и кто будет

меня слушать?! Ох, если бы кто-то месяц назад сказал о том, что со мной может произойти нечто подобное, то я бы посчитала этого человека, по меньшей мере, ненормальным! Сейчас же я смотрю на все происходящее как на безрадостную действительность, которая (как это ни горько!) все же существует в мире, только вот безропотно покоряться ей не стоит ни в коем случае. Что ж, раз дела обстоят таким образом, то в будущем мне стоит рассчитывать только на свои силы.

Вернувшись в подвал, я взяла протянутую мне миску с безвкусным комковатым варевом, отдаленно напоминающим густую кашу, и, пусть и не сразу, но проглотила ее, несмотря на тошноту, рвотные позывы и бунтующий желудок. Конечно, вид у каши отвратительный, да и вкус далеко не самый лучший, но сейчас мне нужны силы, а если я не буду есть (пусть даже столь неприглядную еду), то долго тут не протяну, и уж тем более у меня не хватит сил для побега, потому как оставаться в этой стране до конца жизни я не собираюсь.

На следующий день, с раннего утра я уже брела по дороге с небольшой группой людей, таких же невольников, как и я, все дальше удаляясь от города-порта. Путь наш лежал к дому наших новых хозяев, и, по слухам, добираться до тех мест надо несколько дней. Боюсь, что в пути мне придется тяжело.

Руки у каждого из тех, кто находился в этом маленьком караване, были связаны впереди, и мы цепочкой шли друг за другом. Нас, таких невезучих, было десять человек – четыре женщины и шесть мужчин, и, если судить по внешности, мы были уроженцами, по меньшей мере, трех стран, только вот определить, кто и откуда, сейчас было сложно – в дороге не до душевных бесед, да и разговаривать во время пути нам было запрещено. Впрочем, ни у кого из невольников не было намерений заниматься болтовней – понятно, что сейчас не до дискуссий на отвлеченные темы, и нечего тратить силы на разговоры. Да и что мы можем сказать друг другу?

Впереди нашего небольшого каравана в маленькой изящной повозке ехал тот седой мужчина, что вчера купил меня – кстати, он всем сказал, что его следует называть управляющим. Ну, управляющим – так управляющим, мне без разницы. Еще было двое охранников на невысоких степных лошадках, которые присматривали за тем, чтоб никто из невольников не вздумал замедлять шаг. Эти

двое явно злоупотребляли своей властью, вернее, просто упивались ею, и если им хоть что-то не нравилось, то охранники наводили порядок одним способом – плеткой, причем особой жалости эти люди не проявляли. Попало и мне, когда я пошла чуть помедленней...

В дороге я постаралась хорошенько рассмотреть своих спутников. Мужчины все молодые, крепкие, а вот с дамами дело обстоит несколько иначе. Две женщины средних лет, довольно милая девушка лет двадцати, и я. Что ж, управляющему виднее, кого покупать, хотя (как я поняла из разговоров охранников) за двух немолодых женщин были уплачены весьма солидные деньги.

Первое время, как только мы покинули город, я пыталась запомнить дорогу, которая, надо сказать, была довольно оживленной, на ней хватало и пеших, и конных, и телег с повозками. К сожалению, очень скоро мне пришлось отказаться от этих намерений, ведь память у меня не настолько хороша, чтоб запомнить такой длинный путь. Да и как отложить ее в памяти, эту самую дорогу, если после того, как мы миновали город, окружающая местность оказалась совершенно непривычной для моего взгляда! Зеленые поля с виноградниками сменялись сухой землей, а то и самыми настоящими песками, причем многие из этих песчаных полей были шириной в несколько верст... Вновь селения, поля с какими-то непонятными посадками, пастбища, виноградники, и опять нечто, напоминающее пустыню...

Вновь подсадовала о том, что о побеге мне пока и мечтать не стоит – просто не хватит сил, чтоб уйти от погони, да и не знаешь, куда здесь идти. Ничего не поделаешь, придется отложить это опасное дело на какое-то время, когда почувствую себя более крепкой и здоровой, да и о здешней местности не помешает кое-что выяснить. Однако и затягивать с побегом тоже не стоит, ведь неизвестно, что меня ожидает дальше.

Еще до того, как отправиться в дорогу, каждому из нас выдали нечто среднее между большим платком и длинным шарфом: как нам сказали, такими кусками ткани здесь положено обматывать голову и часть лица – так здешние жители прикрывают свои головы и лица от слишком жаркого солнца. Что ж, спасибо, без этого платка на голове каждому из нас наверняка пришлось бы тяжело, а кое-кого и солнечный удар бы хватил.

Жара, пыль, духота... Без сомнений, идти под палящим солнцем всем было тяжело, а уж про себя я и не говорю. Чтоб хоть как-то

отвлечься, я стала вновь вспоминать то, по какой причине оказалась здесь, а заодно постаралась ответить себе на кое-какие вопросы. Одно могу сказать точно – такого от Тирлы я точно не ожидала! Думала, она просто наглая особа и мелкая пакостница, а все оказалось куда хуже. Интересно, Воган в курсе происходящего? Скорей всего, нет – когда идешь на такой риск, как отравление соперницы, то не стоит, чтоб об этих замыслах знали многие, пусть даже этот кто-то является твоим сердечным другом. Причина подлобной скрытности очевидна – это дело уж слишком опасное. К тому же Воган не всегда может удержать язык за зубами, и, находясь в хорошем подпитии, может много чего рассказать окружающим, не думая о последствиях. Понятно и то, что Тирла решилась на подобную авантюру только ради денег – очевидно, Воган не раз жаловаться ей, что из жены более не вытряхнешь ни монетки, а после развода он, несчастный, и вовсе окажется на мели. Да и его отец, то есть господин Уреш, вряд ли позволит кидать на ветер семейные сбережения, тем более что после нашего развода я заберу свое приданое, и в этом случае семейству Уреш придется значительно урезать свои расходы, и, разумеется, от подобной перспективы они не в восторге. Понятно, что к хорошей жизни привыкаешь быстро, а оставаться без денег никому не хочется. Подобное утверждение в полной мере относится и к Тирле, и потому-то она решилась пойти на крайние меры. Надо же, не побоялась связываться невесть с кем! Понятно, что тот мужчина, который отравил меня, не простой торговец мелким товаром из числа тех, кого хватает на любом рынке – здесь кое-кто посерьезней. Хотя если вспомнить разговор Тирлы с тем мужчиной, то можно предположить – она с самого начала знала, с кем имеет дело.

Что касается Вогана, то мне о нем не хотелось даже думать. Надо же: я его столько лет любила, возносила для себя на немыслимую высоту – и вдруг все словно отрезало, причем одним махом! Оказывается, самое большое разочарование – это когда ты вдруг осознаешь, что тебя просто-напросто использовали, в то время как ты искренне и бескорыстно относился к этому человеку.

Ох, в свое время мне следовало сразу же разобраться с загулами дорогого супруга, а не закрывать глаза на происходящее, только я не проявила должной твердости характера. Многие из обманутых супругов до последнего цепляются за семейные отношения, даже в ущерб себе, наивно надеясь, что все еще изменится, и я – наглядный

тому пример. Когда мой зеленоглазый красавец ударился в загул, мне бы следовало задать себе кое-какие вопросы: нужны ли мне такие семейные отношения, чувствую ли я себя любимой, тот ли это мужчина, который делает меня счастливой, нравлюсь ли я себе в этих отношениях... Дала бы себе честные ответы, все могло бы сложиться по иному. Вместо этого я думала о том, чем был движим мой любимый, когда поменял меня на другую, подыскивала основания, как оправдать его отношение ко мне, и каким образом удержать Вогана подле себя... Святые Небеса, какая же я была дура! Так поневоле и вспомнишь бабусю Вогана, с ее грубоватыми выражениями. Помнится, она как-то сказала: все мы задним умом крепки, и пока задницу не припечет, башкой не думаешь...

У меня нет никаких сомнений в том, что тетя Фелисия не поверит в историю о моей внезапной кончине и бесследном исчезновении. Если Тирла рассчитывает, что надежно спрятала концы в воду, и ей все сойдет с рук, то она очень сильно ошибается. Эта излишне уверенная в себе девица просто не представляет, какие силы может поднять тетя Фелисия для досконального расследования весьма странного и непонятного дела, а вместе с тем и поисков моего хладного трупа. Не сомневаюсь, что нанятые ею люди через какое-то время докопаются до правды, однако в данный момент это мне вряд ли поможет, и из той беды, в которую я попала, надо выбираться самостоятельно. Ох, тетушка, каюсь – в свое время мне следовало прислушаться к вашим словам. Если нам все же доведется встретиться на этом свете, то надо сказать вам об этом, признаться в своей ошибке...

... Но это будет потом, а сейчас жара просто выматывает, и идти очень тяжело – такое впечатление, будто ноги налиты свинцом. Добавок ко всему глаза заливают пот, над дорогой стоит пыль от проезжающих повозок и идущих людей, а еще мне уже привычно хочется пить... К тому же переходы были долгими, а время, выделяемое нам на отдых, совсем небольшим. Так что у меня к концу дневного перехода не было ни сил, ни желания глазеть по сторонам – я смотрела только под ноги, опасаясь споткнуться о камень или оступиться в одной из тех неглубоких ямок на дороге, которых тут хватало. Не знаю, как я умудрилась продержаться до конца дня и не свалиться посреди дороги – наверное, шла на одном упрямстве.

К нужному месту мы прибыли лишь на третий день пути, причем ближе к вечеру. Там, за селением, находился большой дом из белого

камня, стоящий посреди тенистого сада. Здание, надо сказать, весьма немалых размеров, и любому понятно, что здесь живут состоятельные люди. Беседы, террасы, цветники, везде множество роз... А еще посреди сада был небольшой пруд, что по здешним меркам было просто-таки немислимой роскошью. Прекрасное место, отдых для глаз и подлинное восхищение для души! Уверена: многие из посторонних, глядя со стороны на всю эту красоты, думали о том, как же должны быть счастливы люди, живущие в столь прекрасном месте и в столь дивном белом здании!

К дому вела дорога, мощенная камнем, чему я очень удивилась – в этой стране нам пока что встречалась только грунтовая стезя, и перестук лошадиных копыт о камни враз напомнил мне родину. У нас главные улицы в городах тоже вымощены камнем и булыжниками, и когда на этих мостовых появляются лошади, то раздается такой же цокот, который я слышу сейчас... Стоп!, одернула я себя, хватит! Сейчас не надо никаких воспоминаний – от них я становлюсь мягкой, того и гляди слезы набегут на глаза, ослабнет внимание, а это крайне нежелательно – сейчас мне не следует допускать никаких ошибок.

Завидев дом, лошади пошли быстрее, да и мы прибавили шаг, разумно полагая, что именно здесь заканчивается наш тяжелый путь, и теперь мы можем отдохнуть. Правда, к самому дому нас не повели – отправили на задний двор, где хватало самых разных хозяйственных построек из все того же белого камня. Так, значить теперь нам предстоит жить здесь...

Приказав нам дожидаться его возвращения, управляющий куда-то ушел. Ох, хоть бы он вернулся поскорей, а не то мы очень устали после долгой дороги, но по-прежнему стоим на ногах, охранники не разрешают даже присесть на землю.

Еще во время пути, улавливая обрывки разговоров охранников и управляющего, я поняла, что рабов купили для какого-то богатого семейства. Согласна: для того, чтоб поддерживать порядок в таком большом доме, нужно немало слуг, и, похоже, управляющий частенько вынужден приобретать новых работников для своих хозяев (это я поняла еще в дороге, слушая разговоры охранников), а подобное, на мой взгляд, наталкивает на весьма неприятные мысли. Какие? Просто хорошие хозяева своих слуг берегут, а уж никак не покупают себе едва ли не постоянно новых рабов. Тут вопрос другой

– куда деваются старые рабы? Неужто мрут, как мухи? Невесело...

Нам пришлось довольно долго стоять под лучами заходящего солнца, пока управляющий не появился вновь, только в этот раз он сопровождал богато одетых мужчину и женщину, за которыми следовал еще один охранник. Надо же, неужто хозяева решили самолично лицезреть свой новый товар? Странно... Хотя вполне может оказаться так, что в этой стране подобные смотрины считаются обычным делом.

А еще я была уверена, что хозяева первым делом подойдут к мужчинам, но они направились к женщинам. Встав неподалеку, они рассматривали нас, я, в свою очередь, смотрела на них. Н-да, интересная парочка, и первым, кто привлекает к себе внимание – это, конечно, хозяйка, находящаяся в довольно почтенном возрасте. Трудно сказать, сколько ей лет, но наверняка перевалило за шестой десяток. Не знаю почему, но она мне сразу не понравилась. Похоже, что в молодости она была красива, но с возрастом резко подурнела, безобразно располнела, от былой красоты не осталось следа, и сейчас ее внешность производит удручающее впечатление. Есть лица, на которые возраст накладывает доброту и мягкость, а есть и такие, кого старость уродует, и стоящая напротив меня женщина была как раз из их числа. Дорогая одежда, украшения, притирания – все это не могло скрыть ту неприятную истину, что внешность у женщины не просто неприятная, а, скорее, отталкивающая – дряблая кожа, свисающие щеки, огромные мешки под глазами, мясистый нос, набрякшие веки... Ну, а краски, в излишке нанесенные на ее лицо, не только не сглаживают недостатки внешности женщины, но еще и подчеркивают их. В итоге получается не столько лицо, сколько уродливо-неприятная маска. Не повезло...

Зато ее муженек, стоящий рядом с супругой, выглядел иначе – красивый мужчина лет тридцати, который смотрел куда угодно, только не на дорогую женушку. Такое впечатление, что мы вызываем у него куда больший интерес, чем законная половина. Особенно его пристальное внимание привлекла молодая девушка, что стоит рядом со мной, и взгляд у него очень похож на тот, коим на меня глядел бывший жених, барон Корд, когда мы с ним оставались наедине. Брр, вспоминать не хочется! И вот сейчас у меня перед глазами находится нечто похожее... Да уж, кобелиную породу не скроешь! Ох, что-то мне плохо верится в то, что между супругами наличествует большая любовь. А еще эта парочка не глянулась мне с первого взгляда. Ну, а

мне во всей этой ситуации только и остается, как поневоле порадоваться тому, что сейчас я выгляжу просто отвратительно!

– Вот женщина, о которой я вам говорил... – указывая на меня, произнес управляющий почтительным голосом.

– Что-то она старовата...

– Ей всего двадцать два года.

– Н-да... – после паузы произнесла женщина. – А как насчет всего остального? Ты уверен, что тебя не обманули? Неужели это жалкое подобие женщины действительно происходит из древнего семейства? И она последняя в своем роду?

– Совершенно верно, об этом сказано в сопроводительном письме, выписку из которого я имел честь вам предоставить.

– Ну, не знаю...

– Я покупал ее у торговца Алтаха, а он ведет свои дела честно, во всяком случае, на его слово можно положиться. Тем не менее, госпожа, я во многом с вами согласен – сейчас такие времена, что полностью нельзя быть уверенным ни в чем.

– Хорошо... – неохотно отозвалась женщина, не сводя с меня глаз. – Но какая же она старая и некрасивая для своего возраста!

– Не всеми же быть такими красавицами, как вы, госпожа... – почтительно отозвался управляющий.

Он что, издевается? Да на эту женщину лишний раз смотреть не хочется! Хотя, судя по всему, мужчина говорит, вроде, серьезно, и эта накрашенная бабища воспринимает услышанное, как должное.

Меж тем управляющий продолжал:

– Конечно, я могу досконально проверить данные, указанные в сопроводительном письме, но это потребует времени и немалых денег...

– Не стоит... – отмахнулась женщина. – Скоро и так все узнаем... В любом случае я ничего не теряю, но хорошо уже то, что ты нашел нечто подходящее. Если все пройдет хорошо, то получишь щедрое вознаграждение.

Что-то мне все больше и больше не нравится этот разговор, но окончательный вывод делать пока еще рано. Интересно, для какой

такой надобности я им понадобилась? Ведь меня купили с какой-то определенной целью, знать бы еще, что им от меня надо. Пока же мне следует стоять с отсутствующим видом, и делать вид, что я не понимаю здешнего языка.

– Ваша щедрость сравнима только с широтой вашей души... – согнулся в поклоне управляющий. – Скажите, на какие работы мне поставить эту женщину? Думаю, ей не стоит сидеть без дела. Только вот она ничего не умеет делать – об этом говорят ее руки...

– Нечего ее жалеть, пусть поработает. Найди ей что-нибудь погрязней и поунизительней, чтоб отныне знала свое место. Таких чванливых особ не помешает хорошенько ткнуть лицом в грязь, чтоб знали свое место.

– Слушаюсь, госпожа.

– Теперь посмотрим тех, кого ты еще привез.

– Конечно, госпожа... – заторопился управляющий. – Эти две женщины, которые постарше – они хорошие швеи, как вы того и хотели. За них пришлось заплатить довольно дорого. Что касается молодой женщины, то она вышивальщица золотом...

– На мой взгляд, она слишком молода для хорошей вышивальщицы.

– Нет, что вы! Я бы никогда не позволил привести в услужение вам, прекрасная госпожа, плохого работника! К тому же ее продавали очень дешево – мне просто повезло, что я сумел ее купить...

– Это хорошо. Теперь надо посмотреть на мужчин – надеюсь, мы останемся довольны...

Я же рассчитывала на то, что после ухода хозяев нас сразу же отведут в барак – там будет возможность отдохнуть, а не то я уже едва ли не с ног валюсь. Однако, как выяснилось, нам еще предстояло кое-что увидеть, и не скажу, что увиденное мне понравилось.

Оказывается, один из рабов (которых в этом имении хватало) попытался бежать. Вернее, он сбежал, но его поймали уже через день, и теперь нам всем предстояло увидеть, как здесь наказывают ослушников. Как я поняла, это очередной наглядный урок для невольников, тем более что место для подобных наказаний здесь было оборудовано уже давно – так давали понять, что у этого столба может оказаться каждый.

Зрелище, надо сказать, было весьма впечатляющим. Для начала на задний двор согнали всех рабов, какие были в имении, а таковых оказалось немало, едва ли не сотня. Я оглядывала стоящих: тут, судя по внешности, собрались люди из разных стран, и единственное, что их объединяет – это равнодушие на лице. А еще у многих предстоящее наказание ассоциируется с развлечением – похоже, зрелищ тут немного, на крайний случай сойдет и такое. Как это ни печально, но всегда найдутся люди, которым доставляет немалое удовольствие одна лишь мысль о том, что кому-то сейчас придется куда хуже, чем им. Сейчас все невольники стояли вокруг большой площадки – она, судя по всему, и являлась местом для наказаний, ведь не просто же так посредине этой площадки в землю вкопаны несколько столбов, на которых висели цепи. Все верно – надо же к столбам приковывать провинившихся.

Долго ждать не пришлось – вскоре на площадку даже не вывели, а вытащили мужчину, который был настолько избит, что не мог идти. Его приковали за руки к столбу, и он безвольно повис на цепях – как видно, у мужчины уже не осталось ни сил, ни желания жить, потому как он знал, что его ждет. Не прошло и минуты, как на несчастного обрушился град ударов кнутом, и тот охранник, который их наносил, явно знал толк в этом деле, ведь каждый из этих ударов рассекал тело человека едва ли не до костей. Ясно, что вначале бедняга кричал и пытался вырваться, но потом его тело обмякло, и он повис на цепях, сковывающих его руки. Самое удивительное, что этот несчастный более не издавал ни звука: говорят, что иногда у истерзанного организма наступает то блаженное состояние, когда он ничего не ощущает, не видит и не слышит, и человек уже на полпути к Небесам. Кажется, перед нами сейчас был именно тот случай. Позже стало известно, что несчастный умер во время наказания...

Не знаю, как остальных, а меня от подобного зрелища едва не замутило, и я отвела взгляд в сторону. Надо же: хозяин с хозяйкой, стоя на небольшом балконе, наблюдают за происходящим, причем, судя по их лицам, подобное зрелище доставляет им немало удовольствия. Да уж, парочка, глаза б мои на них не глядели!..

Когда мы оказались в бараках, уже наступила ночь. Вообще-то здесь было два барака – один для мужчин, второй для женщин, причем ходить в чужой барак запрещалось под страхом наказания. А еще нас предупредили: здесь наказывают едва ли не за все подряд, за любую провинность, оплошность и непослушание, поддерживая

таким образом жесткий порядок – не даром столбы с цепями тут почти никогда не пустовали, к ним едва ли не каждый день кого-то приковывали, причем по несколько человек, а уж чем наказывать – кнутом, хлыстом или плеткой, зависело от меры проступка виновного. Я была права в своих предположениях – подобные наказания было чем-то вроде развлечения для здешних обитателей.

Еще по вечерам, когда работы были закончены и наступал поздний вечер, работникам разрешалось собираться у большого костра на заднем дворе. Как правило, туда подходили почти все невольники, и начинались разговоры, обсуждение новостей, появлялось даже какое-то подобие веселья. Лично я в таких развлечениях участия не принимала – очень уставала за день, так что с наступлением темноты отправлялась в барак, чтоб поспать на часок больше.

Говорят, что трудности сплачивают, но здесь был явно не тот случай – тут вроде все вместе, и в то же время каждый сам по себе. В этом прекрасном имении все было пропитано духом доноительства – не так сделал, не то сказал, кто-то что-то украл, спрятал, нашел и не отдал... За такие сведения доносчику полагалось вознаграждение, пусть и незначительное, более легкая работа, или же нечто иное... Что же касается того невезучего, на кого донесли, то он, как правило, в тот же день оказывался у столба для наказаний.

Вполне естественно, что при таком положении вещей ни о какой дружбе между невольниками не было и речи. Люди тут или оставались одиночками, или сбивались в небольшие группы, которые хотя и не воевали между собой, но и особой любви друг к другу не испытывали. Да уж, милое местечко!

Ко мне относились настороженно и несколько отстраненно – я тут новый человек, и никто не знал, что от меня можно ожидать. Однако и у меня не было желания с кем-то сходиться, и рассказывать о себе, тем более что задерживаться здесь я не собиралась.

Единственным человеком, с кем я если не подружилась, то могла вести себя естественно, была та молодая вышивальщица, вместе с которой мы оказались здесь. Мы с ней в дороге шли друг за другом, и в бараке наши лежанки оказались рядом. Еще дорогой, в первую же ночь я слышала, как она тихонько плачет в темноте, как видно, не желая привлечь к себе чужое внимание. У меня и самой на душе было тяжело, но услышав эти тихие всхлипывания, я протянула руку, чтоб

погладить ее по голове. Та, почувствовав мое прикосновение, вначале испугано дернулась, но потом сжала мою ладонь, и не отпускала ее, пока не уснула. С той поры у нас так и пошло – она не может уснуть, не чувствуя меня рядом с собой. Кажется, она невероятно одинока, иначе не искала бы хоть какую-то поддержку от постороннего человека, тем более что в этой стране не принято выказывать свои чувства посторонним людям, и уж тем более иностранцам. Правда, девушка почти все время молчала, и единственное, что я знаю, так это ее имя – Ярли...

А еще здесь, в этом имении, очень боялись хозяев. Вначале меня немало удивляла эта странная пара – дама весьма значимого возраста и молодой красавец тридцати лет, однако, если вдуматься, тут все ясно: она любила его, а он любил ее деньги, которых, по сей видимости, у дамы хватает, недаром дом со всем имуществом и окрестные земли – все принадлежало ей.

Как я поняла, особо не любили хозяйку – эту даму тут отчего-то считали чуть ли не ведьмой, а ее муж был настоящим гулякой, который готов приударить едва ли не за каждой смазливой бабенкой. Вообще-то ее супруга можно понять, тем более что у его дражайшей половины характер был просто отвратительный, и она была уверена, что чем больше наказаний получают слуги, тем послушней они будут. Что же касемо ее дорогого муженька, то проблема была в том, что как только об очередном увлечении мужа становилось известно его любимой женушке, как та приходила в бешенство, и не успокаивалась до тех пор, пока не изуродует несчастную, или не вгонит ее в гроб. Говорят, по этому поводу между супругами частенько случались ссоры, но красавчик каждый раз умудрялся доказать своей бесценной жене, что он не виноват, и едва ли не каждая баба ему на шею вешается, потому как таких красавцев, как он, на свете немного!.. Ну, в таких случаях нелепым объяснениям верит тот, кому хочется в это верить. Думаю, не стоит пояснять, кого в итоге признавали виновным, и кто расплачивался за излишнее женолюбие самовлюбленного красавца.

Чем я занималась? На меня свалили множество самой грязной работы – чистить котлы, выносить помои, убирать на птичьем дворе... Конечно, многое у меня не получалось, но приходилось терпеть крики и недовольство – я же ничего подобного никогда не делала, приходилось учиться на ходу. А еще я понимала, что, в конечном итоге, этот труд идет мне на пользу, ведь если лежать, и думать о

своих болячках, то проку от этого будет немного.

Вместе с тем я, как могла, вслушивалась в разговоры охранников – наделась узнать хоть что-то о здешних дорогах, а заодно услышать хоть какие-то сведения о порядках в округе. Если уж бежать отсюда, то надо сделать все возможное, чтоб тебя не поймали. И вот как раз эти мои подслушивания привели к неожиданным результатам.

В тот день я была на птичьем дворе – мне было велено убирать индюшачий помет. За работу я взяться не успела, потому что до меня донеслись голоса охранников. Они стояли за стеной, и не видели меня, зато мне все было хорошо слышно. Судя по всему, разговор шел о том, что вчера вечером на площадке двое невольников вступили в схватку между собой. Это не было дракой – просто люди мерялись силами между собой. Насколько мне известно, иногда таких схваток за вечер может происходить по десятку, а то и более, но вчера произошла только одна, но достаточно долгая – двое крепких парней решили выяснить, кто из них сильнее. Об этом бое договорились заранее, даже делали ставки на победу участника. Если я правильно поняла, один из тех охранников, которые сейчас разговаривали между собой, поставил не на того бойца, и проиграл. Неудивительно, что сейчас он жаждал реванша, вернее, желал отплатить выигравшему.

– Я две серебряных монеты на своего бойца поставил, а он продул... – досадовал мужчина. – И теперь без денег сижу! Тебе больше повезло...

– Верно, я на этого белобрысого поставил... – отозвался второй. – Он хоть ростом и невысок, а шустрый!

– Сегодня этот шустрик у столба покорячится... – неприятно усмехнулся первый мужчина. – Отплачу ему хоть таким образом. Денег своих я, конечно, не верну, но хоть душу себе отведу, поквитаюсь, чтоб на этот белобрысый будущее умней был.

– Ты что-то придумал?

– Ага. Сегодня вечером устрою ему проверку – мол, мне сообщили, что у тебя под лежанкой кое-что запрещенное имеется! Вернее, уворованное и спрятанное.

– Ты, похоже, уже что-то спрятал?

– А то! Ради такого дела можно и расстараться! Я его так

отхожу, что мой урок этот белобрысый на всю жизнь запомнит! Спину если не сломаю, то надломлю!

– Ты только не переусердствуй, а не то и тебе попадет, если мужик помрет.

– Не беспокойся, знаю, что делаю!

Охранники ушли, а я призадумалась. Дело в том, что я знала, кто тот белобрысый, о ком шла речь – так получилось, что людей со светлыми волосами здесь немного. Это такой же невольник, как и я, и к тому же родом из моей страны – я вчера слышала, как он разговаривал с каким-то темноволосым мужчиной, и, судя по его речи, могу предположить, что он родился где-то на западных границах. Сейчас же, в отместку за свой проигрыш, один из здешних охранников намерен посчитаться с этим человеком. Конечно, если рассуждать логично, то мне нет дела до того белобрысого господина, и что с ним будет – подобное должно волновать меня меньше всего, но, тем не менее все же следует предупредить человека о возможной опасности. Что ни говори, но мы с ним соплеменники, да и есть нечто непорядочное в том, что ты, зная о несправедливости, ничего не предпримешь. А еще когда тот светловолосый человек окажется у столба, то охранник его жалеть не будет – уж очень зол из-за своих потерянных денег. Такой может насмерть забить, а потом разведет руки в стороны, и скажет что-то вроде того – не рассчитал, да и здоровье у наказуемого было плохое, вот и помер у столба... Надо каким-то образом отыскать того человека, и сообщить ему обо всем, что я только что услышала.

Мне повезло: когда я через некоторое время покинула птичий двор, то почти сразу же увидела того мужчину, которого охранники называли белобрысым. Он катил тележку, полную щебня – все верно, сейчас кое-какие дорожки в здешнем саду начинают покрывать щебенкой...

– Погодите!.. – нагнала я мужчину.

– Ну?.. – мрачно поинтересовался тот, останавливаясь, и стирая пот со лба. А ведь точно – судя по выговору, он с запада нашей страны. Невысокий – всего лишь немногим выше меня, серые глаза, совершенно заурядная внешность, светлые волосы, выгоревшие до белизны на жарком солнце... Возраст, правда, угадать сложно, где-то от двадцати пяти до сорока...

– Понимаете... – заторопилась я. – Понимаете, вам хотят что-то запрещенное подсунуть под матрас, чтоб потом поставить к столбу для наказаний...

– Вот как?.. – приподнял брови мужчина.

– Да, я случайно услышала разговор охранников! Один из них зол на вас из-за своего проигрыша...

– И это все?

– А вам что, мало?.. – даже растерялась я.

– Да как сказать... – мужчина смотрел на меня с плохо скрытой неприязнью. – Если вам больше нечего мне сказать, то я пошел.

– Вы что, меня не поняли?

– Почему же, я все прекрасно понял. А сейчас мне надо работать, иначе получу плетей. Вы, кстати, тоже их огребете, если не перестанете болтать.

– Но...

– Уйдите с дороги, вы мне мешаете... – мужчина повез тележку дальше, а я осталась на месте в полной растерянности, чувствуя, как у меня краснеют щеки. Ну, и зачем я к нему сунулась, а?! Этот мужчина ясно дал мне понять, что ему нет дела ни до меня, ни до моих слов. Похоже, тут у них свои разборки... Светловолосый человек негласно дал мне понять, что не ставит ни в грош как меня, так и то, что я ему сказала. А еще я ощущала себя сплетницей, которую попросили замолчать, не лезть не в свое дело, и не разносить по свету подслушанные разговоры. Святые Небеса, стыдно-то как! Прямо как нашкодившую кошку вытыкали мордочкой в то, что она натворила! Э, нет, хватит, отныне я зарекаюсь лезть хоть к кому-то со своей помощью! Да чтоб я хоть еще раз сунулась к кому-то с советом и предостережением!..

Неприятный осадок на душе оставался до самого вечера. Стоило мне зайти в свой барак, как я увидела там охранников, да и женщины смотрели на меня с немалым интересом. Так, что происходит?

– Это мы нашли у тебя под лежанкой... – один из охранников сунул мне под нос широкий кожаный ремень, на котором висели ножны с небольшим кинжалом. Такой пояс имеется у каждого из здешних охранников, но как он мог очутиться под моей лежанкой? К

тому же невольникам строго-настрого запрещено иметь при себе хоть какое-то оружие, так что обнаружение кинжала – по здешним меркам это серьезное преступление. И откуда хоть этот пояс мог тут взяться?

– Это не мой!.. – от растерянности я сказала первое, что пришло мне в голову.

– Ясно, что не твой!.. – ухмыльнулся охранник.

– Мне его подкинули!

– Хорошо еще, что не сказала, будто он к тебе сам приполз!.. – заржал охранник.

– С чего вы вздумали у меня обыск устраивать?

– А сама-то как думаешь? Тут люди все видят, и все знают. Нам шепнули на ухо, как ты пояс с кинжалом прятала.

– Это ложь!

– Все вы одно и то же говорите. Ну, чего стоишь? Не знаешь, куда идти для наказания? Или тебя к столбу за шиворот тащить? И орать не надо – не поможет.

– Не надо меня тащить, сама дойду...

Понятно, что доказывать свою невиновность не имеет смысла – все одно не поверят ни одному моему слову.

На площадке уже собралось немало любопытствующих – интересно же, кого и за что сегодня будут наказывать! Надо же, управляющий тоже здесь – он всегда подходит, когда собираются наказывать провинившихся, и именно от него зависит, сколько ударов получит тот или иной невольник. Я уже протянула, было, руки к цепям, как один из охранников произнес:

– погоди! Говоришь, тебе это подкинули? Если скажешь, кто это мог быть, избежишь наказания, а не то всыпят тебе по первое число. Ну, на кого думаешь?

Хм, а голос-то знакомый! Похоже, это тот самый охранник, что собирался поставить столба для наказаний белобрысого мужчину, только вот почему-то здесь оказалась я... Не знаю как так получилось, но именно в этот момент я увидела того светловолосого невольника, с которым разговаривала днем, только сейчас он смотрел на меня чуть насмешливо – мол, ну как тебе здесь, нравится? И тут мне все стало

ясно: это он забрал то, что сунул охранник под его лежанку, и спрятал под мою, а еще сообщил, кому надо... Ну, молодец, слов нет! Понять бы только, для чего это было ему нужно, да и каким образом он умудрился все это проверить... Хотя, если вдуматься, то это уже не имеет никакого значения. Да уж, такого я точно не ожидала! Что ж, доброе дело не останется безнаказанным, а мне впредь наука – не лезь со своей помощью туда, куда не следует! Отныне пусть сами разбираются промеж собой, тем более что тут свои законы, волчьи... А еще я настолько презирала этого человека, что даже не хотела смотреть в его сторону.

– Этот ремень с ножом спрятала я... – сама не понимаю, как у меня вырвались эти слова.

– И где же ты его нашла?

– Валялся в каком-то углу... – огрызнулась я. – Не надо добро терять, его и подбирать никто не будет.

– Всыпьте ей десять плетей... – приказал управляющий. – Надо бы больше, только хозяйка велела ее особо не трогать, так что будем считать, что бабе повезло на первый раз. Да, и шкуру ей особо не попортите. А еще раз на воровстве попадется – так легко не отделается.

Бить этот охранник умел, и уже после третьего удара мне хотелось кричать во весь голос, но я закусила губу едва ли не до крови – не хватало еще показывать кому-то свою слабость. Ничего, вытерплю, их, этих ударов, осталось не так и много...

Когда я отходила от столба, мне на глаза вновь попался тот светловолосый мужчина, только в этот раз он выглядел растерянным. Кажется, он ожидал чего-то иного... Ах ты, паразит! Невольно вспомнилось одна из тех девиц, с которыми я оказалась в трюме корабля, того самого, что привез нас в эту страну. Как там она называла своего приятеля, который обманом отправил ее сюда? Кажется, она упоминала какого-то козла... Не знаю, что означает это слово в определенных кругах, но светловолосого мужчину мне очень хотелось назвать именно так – козел!

Потом, в бараке, я устроилась на своей лежанке спиной вверх – спину жгло и ломило, до нее больно даже дотронуться. А еще я была настолько зла, что описать словами мое состояние было совершенно невозможно. Будь на то моя воля, я бы этого светловолосого своими

руками разорвала! Вот за что он со мной так, а? Нет, ну точно, козел!..

Вдобавок ко всему мне пришлось успокаивать бедную вышивальщицу Ярли, которая, увидев меня в таком состоянии, от жалости только что не заплакала в голос. Пришлось бодриться, улыбаться, и делать вид, что мне совсем не больно, так что перепуганная девушка немного успокоилась. Я же долго не могла уснуть – болела спина. Ну, дорогой соплеменник, спасибо, век помнить буду!

На следующий день меня в наказание отправили едва ли не на самую грязную работу – готовить кизяк. Что это такое? Сама раньше не знала. Оказывается, кизяк – это сушеный навоз, и не просто сушеный, а специально обработанный. В этом деле нужны сила, сноровка и большое терпение. Проще говоря, ходят босыми ногами по навозу, пока не утрамбуют его достаточно плотно, до однородного состояния, затем из этой массы делаются лепешки, и раскладываются на солнце для просушки, а потом высушенный кизяк используется вместо дров. Овец в имении было немало, так что работы по заготовке кизяка тоже хватало.

Именно такой, несколько... необычной работой я сейчас и занимаюсь. Жарко, вокруг самая настоящая вонь, вокруг тучи мух, спина болит, настроение – хуже некуда... Вдобавок ко всему сюда появился тот самый светловолосый мужчина, из-за которого я и получила наказание. К этому времени мы уже закончили месить навоз, и теперь раскладывали лепешки кизяка для просушки. Вопреки ожиданиям, мужчина направился ко мне.

– Я бы хотел поговорить с вами...

– Спасибо, не до того!.. – отрезала я, сдерживаясь, чтоб не нагрубить.

– Мне бы хотелось извиниться за вчерашнее...

– Шли бы вы отсюда, господин хороший.

– Произошло недоразумение...

– Уйдете вы или нет?.. – у меня заканчивалось терпение.

– Позвольте мне все вам объяснить... – заторопился мужчина. – Я хотел...

– Убирайся отсюда, я сказала!

– Да погодите же! Вы здесь недавно, и не знаете многого...

Более слушать я не хотела. Как, он еще собирается что-то объяснять?! У меня от негодования перехватило дыхание – похоже, у человека совсем нет совести! В этот момент я держала лепешку кизяка, и, не помня себя от злости, эту самую лепешку с размаха налепила ему на лицо. Тот меньше всего ожидал подобного, и от неожиданности шарахнулся в сторону, сдирая с лица налипший навоз.

– Тебе же выло сказано – убирайся!.. – зашипела я. – Иначе получишь еще одно точно такое же украшение!

Мужчина ничего не сказал, и быстро удалился под гогот охранника и веселое уханье тех, с кем я месила навоз. Не скажу, что после этого моя злость пропала, но на душе стало чуть легче.

Не прошло и получаса, как ко мне подошел еще один мужчина. Его я тоже помню – он постоянно находился рядом с тем светловолосым. Возраст у обоих примерно одинаковый, только у этого темные волосы. Ну, и что ему тут надо? Никак тоже поговорить захотел?

Так оно и случилось. Подойдя ко мне, он заговорил:

– Милая дама...

– Тут дам нет... – процедила я.

– Послушайте меня... – проникновенно заговорил темноволосый. – Меня прислал мой брат – разговора с вами у него не получилось, но он хотел бы поговорить с вами относительно того, что произошло вчера...

– Так это был ваш брат?

– Да, и он...

Более я слушать не стала. Схватив очередную лепешку кизяка, я с размаха размазала ее по лицу мужчины, с немалым удовольствием отмечая про себя, что подобное у меня получается неплохо.

– Надеюсь, вашего брата устроит мой ответ... – я постаралась, чтоб мой голос прозвучал как можно более вежливо. – А теперь попрошу избавить меня от вашего присутствия.

Мужчине ничего не оставалось, кроме как удалиться под веселье окружающих, которым очень понравилось это небольшое развлечение. Что касается меня, то я чувствовала себя отмищенной, пусть даже малой мерой и столь нетривиальным образом. Кажется, даже спина стала болеть меньше! Надеюсь, эти двое ко мне больше и близко не подойдут!

Тут я ошиблась. Позже, когда пришло время обеда, я, помыв руки, направилась к большому котлу у кухни, меня кто-то схватил за руку, и толкнул в небольшое помещение, где хранились метлы, ведра и прочая хозяйственная утварь. Захлопнулась дверь, и я оказалась наедине с теми двумя мужчинами, что получили от меня по лепешке кизяка на лицо.

– Ну, и как это понимать?.. – поинтересовалась я. Страх не было, но присутствовал немалый интерес – что же этим двоим от меня надо?

– Иначе с вами не поговорить... – вздохнул светловолосый. – Уж очень у вас аргументы весомые...

– И пахучие... – добавил второй. – Хорошо еще, что глаза успел прикрыть.

– Чем богаты... – пожала я плечами.

– Я хочу попросить у вас прощения за вчерашнее... – продолжал светловолосый. – Хотите, на колени встану?

– Зачем?

– Чтоб вы поняли, какой я дурак...

– Вообще-то я это уже поняла и без пояснений. А вот насчет прощения на коленях...

Внезапно мне стало смешно. Это ж надо такое представить – три человека, один из которых готов просить прощения у дамы, стоя на коленях. Конечно, он виноват, и теперь готов пойти на многое, лишь бы загладить свою вину. Ну, прямо рыцарский роман, романтично и красиво, только вот вся наша троица сейчас находится не в замке, а в какой-то конуре, вдобавок каждый пахнет навозом, а вместо прекрасных нарядов на героях надето какое-то отрепье... Конечно, ничего особо забавного в этом нет, но я почему-то рассмеялась, причем так, как не смеялась уже давно. Наверное, мой внезапный смех – это было что-то нервное, недаром мужчины в первый момент

оторопели, а потом и до них дошел весь комизм происходящего, и они рассмеялись тоже...

Нет, у меня, наверное, что-то не в порядке с головой – следует высказать этому человеку все, что я о нем думаю, а вместо этого меня без причины одолевает веселье... Интересно, что бы по этому поводу сказала тетя Фелисия? Пожалуй, ничего хорошего я бы не услышала...

Глава 4

Прошло чуть более седмицы с того дня, как я, если можно так сказать, при весьма неприятных обстоятельствах познакомилась с двумя молодыми людьми, вернее, это они пожелали познакомиться со мной, чтоб извиниться за то э-э... весьма досадное недоразумение (не знаю, как по-иному назвать все произошедшее, хотя, вообще-то, тут следует подобрать совершенно иное слово). Должна признать, что хотя на словах я и простила светловолосого парня, но в глубине души все же немного злилась на этого обормота, да и его братцу от меня тоже попало. Ладно, тут уж ничего не поделаешь, надо каким-то образом смириться со случившимся, тем более что оба парня сами не знали, каким образом они могут заслужить мое полное прощение.

Что касается объяснения тому, что произошло... Как мне рассказали молодые люди, в этом доме между невольниками не сложились добрые отношения, несмотря на то, что, казалось бы, каждый из этих обездоленных должен стоять горой за таких же бедолаг, как он. Как раз наоборот – здесь стоит атмосфера доноительства, и каждый считает едва ли не своим долгом сообщить охранникам о любом нарушении, который допустил некто из его товарищей по несчастью. Причина такого наушничанья была проста: за это доносчик получал некие блага, пусть и небольшие, но делающие его существование здесь чуть более легким. Проще говоря, здесь каждый сам за себя, все исподволь следят друг за другом, и более легкую работу обычно получают только те, кто сообщит о каких-то промахах невольников, и о совершенных ими нарушениях. В этом имении хорошо живут лишь те, кто (если можно так выразиться) постоянно стучит на остальных. Более того: находящиеся тут люди частенько устраивают провокации друг против друга, и, опять-таки для того, чтоб получить некую поблажку, похвалу, и хоть немного облегчить себе жизнь.

В этом имении (вернее, в небольшом мирке, куда не очень-то допускаются посторонние) любое, даже самое незначительное событие, сразу становится обсуждаемой новостью, и появление здесь сразу десяти новых рабов не могло не привлечь к себе всеобщее внимание. Если почти со всеми вновь прибывшими невольниками, по-большому счету, все было просто и понятно, то я оказалась для

всех темной лошадкой. С одной стороны, хозяйка велела отправлять меня на самые грязные работы, но в то же самое время был дан негласный приказ: к этой бабе особо не приближаться и не приставать, потому как хозяйка имеет на нее какие-то виды. А еще эта новая рабыня (то есть я), по слухам, родом из какой-то именитой семьи, так что с ней пока лучше дела иметь – еще неизвестно, что это за штучка.

Надо сказать, что понятие «какие-то виды» здесь имеет очень широкий диапазон значений, и на эту тему невольники немало посудачили. Общее мнение было таким: возможно, здешняя владелица решила завести себе новую служанку, или же приблизить ее к себе (иногда хозяйка так поступает), тем более что эта рабыня, как говорят, родовита, а подобное здесь ценится очень высоко. Ну, а чтоб эта особа впоследствии не очень артачилась и была послушной, ее вначале не помешает как следует обломать на грязных и тяжелых работах. Что ж, подобное как раз в характере владелицы этого дома. С той поры ко мне никто из невольников особо не приближался – так оно спокойней будет, ведь никому неизвестно, что может придти придет в голову хозяйке.

Такого же мнения придерживались и двое братьев, которых судьба забросила сюда полгода назад. К тому же у них самих сложились далеко не самые лучшие отношения со здешними охранниками, так что нарушать приказ у них не было ни малейшей охоты, да к тому же новая рабыня и сама держалась обособленно. Именно потому трудно описать недоумение и удивление одного из братьев, когда к нему внезапно подошла эта самая женщина и предупредила его о том, что задумали стражники. Если говорить прямо, то молодой человек решил – если она даже говорит правду, то это провокация из числа тех, на которые здешние обитатели были большими любителями.

Почему он так решил? Просто за время пребывания в этом поместье братья отвыкли от того, что некто может помочь просто так, по доброте душевной, искренне желая придти на помощь. Скорее, как выразился один из братьев, это очередное разводилово, причем не очень умное, потому как всем сказали, что эта женщина (то есть я) не знаю здешнего языка, и вдруг она заявляет, что подслушала разговор охранников! Ясно, что она все выдумала, и, скорей всего, ее подучили подставить кого-либо из невольников, хотя не совсем понятно, чего она этим хочет добиться, да и действует уж очень

топорно. Не мудрствуя лукаво, молодой человек взвесил все услышанное, и решил, что я решила пойти по стопам прочих обитателей этого дома, и, помимо всего прочего, желаю привлечь к себе благосклонное внимание хозяйки, пусть даже несколько прямолинейным образом.

Тем не менее (просто на всякий случай), второй из братьев зашел в свой барак и незаметно проверил, не находится ли что-то лишнее под лежанкой его брата. Результат этих поисков его немало удивил, и молодому человеку удалось незаметно вынести находку из барака. Странно, но, как оказалось, женщина сказала правду! Тем не менее, в искренность моих намерений ни один из них не поверил – оба по-прежнему были уверены в том, что я веду какую-то свою игру, после которой они окажутся виновны в некой неприятной истории, а в этом доме главное – не попасть в очередную ловушку. Ну, раз такое дело, то молодые люди решили раз и навсегда покончить с этим фарсом, а заодно хотели дать мне понять, что доносы – это плохо, и впредь заниматься ими не стоит. Вместе с тем я должна была твердо уяснить: отныне ни к кому из этих двух братьев приставать не стоит – чревато большими неприятностями.

Как им удалось незаметно подсунуть ремень с кинжалом под мою лежанку – это отдельный разговор, но в итоге все получилось так, как и задумывалось. Оставалось только дать знать охранникам о своих подозрениях – и все, дело сделано!

То, что они, кажется, ошиблись, до молодых людей стало доходить позже, когда я не стала их выдавать, а взяла вину на себя, за что и получила полной мерой. Немного позже, подумав, и сопоставив факты, братья поняли, что я, и верно, хотела предупредить их о возможной опасности, только вот они мне не поверили – в этом доме царит дух доносительства, и постепенно перестаешь верить в искренность человеческих поступков. Как мне сказали эти двое – когда они осознали, что натворили, то готовы были провалиться сквозь землю, и потому на следующий день постарались объясниться со мной, только вот у меня не было особого желания с ними разговаривать. Уяснив, что я вряд ли соглашусь выслушать слова покаяния, братья решили действовать по-иному, пусть даже без особой вежливости... Ну, а остальное мне известно.

Конечно, этих двоих следовало бы послать куда подальше вместе с их извинениями, но раскаяние молодых людей было

непритворным, а желание загладить свою вину таким искренним, что я их поневоле простила – что ни говори, но в этом имении, и верно, люди давно отвыкли доверять на слово. А еще я была рада ощутить подле себя людей родом из моей страны, ведь это очень тяжело – находиться одной на чужбине.

О себе братья рассказывали немного, впрочем, я тоже старалась не говорить лишнего – просто не собиралась раскрывать малознакомым людям все подробности своей жизни. Сказала лишь, что меня зовут Лиз, и что я оказалась в этой стране стараниями любовницы своего мужа – она, дескать, приложила немалые усилия, чтоб избавиться от меня, и это, в конечном счете, у нее получилось. Что касается моих новых знакомых, то светловолосый представился как Вин, а темноволосый – Дор. Имена явно сокращенные, но сейчас это не имеет особого значения, потому как у меня тоже не было желания представляться своим полным именем: здесь не время и не место расшаркиваниям и долгим церемониям, сообщили о себе то небольшое, что сочли нужным – и хватит. Еще молодые люди рассказали, как оказались в неволе: по их словам, они возвращались на корабле из некой далекой страны, куда ездили по делам. К несчастью, на их пути оказались пираты... Все остальное было предсказуемо – плен и рынок рабов...

Я прекрасно понимала, что братья рассказывают мне далеко не все, но я и не задавала лишних вопросов. Надо – расскажут, а если нет – переживу. А еще я рассматривала моих новых знакомых, и не находила в их внешности ни малейшего сходства друг с другом. Наверняка у них разные матери или отцы, а может, они просто сводные братья, тем более что возраст у них был совершенно одинаковый – каждому не так давно исполнилось по двадцать семь лет. Слушая то, как и что они говорят, я все же сделала кое-какие выводы: главным в этой паре был Вин, а Дор его обычно слушался, хотя, в случае необходимости, не стеснялся высказывать свое мнение. То, что оба не относятся к простым работягам – это было ясно по их разговорам и манерам. Возможно, я имею дело с аристократами, или же с детьми разбогатевших лавочников, у которых хватило денег, чтоб обучить детей в приличном учебном заведении. Пожалуй, второе предположение более верно. Почему я так считаю? Дело в том, что иногда хорошо поставленная речь молодых людей сменялась самыми простонародными (а иногда и просто-таки уличными выражениями), которые могли бы удивить или же шокировать

многих аристократов. Так поневоле и вспомнишь бабусю Вогана, которая то и дело высказывалась более чем бестактно... Эх, молодые люди, тети Фелисии на вас нет! Она бы вам живо объяснила, как нужно выражаться в присутствии дам, а вместе с тем жестко дала б понять, что даже в самых простых разговорах не следует позволять себе ничего лишнего, дабы не производить на окружающих дурного впечатления... Увы, тетушка слишком далеко отсюда, а братья, несмотря ни на что, по-настоящему привязаны друг к другу, и столь сильным родственным чувствам можно только позавидовать.

Теперь мы каждый вечер собирались вместе, и, сидя на небольшом отдалении от костра, негромко разговаривали. Такие вот беседы – это настоящая отдушина в моей нынешней, более чем непростой жизни. Конечно, сейчас я выглядела как чучело – грязная, лохматая, в рваной одежде, но зато чувствовала себя куда более уверено. Впрочем, братцев в их нынешнем положении тоже нельзя было назвать образцами для подражания – они вряд ли выглядели лучше меня, так что мы как-то уравнивали друг друга.

О чем разговаривали? Да о многом, в том числе и о здешних порядках, хотя всеобщее недоверие, царящее в этом доме, теперь заставляло сдерживаться и меня. Конечно, мне очень хотелось расспросить моих новых знакомых о том, нельзя ли отсюда сбежать, но пока что я помалкивала, а они на эту тему разговоры не заводили, хотя наверняка должны были не раз подумать о том, как бы покинуть это неудобное место, причем так, чтоб впоследствии их не поймали. К этому времени я уже знала о том, что все ближайший земли принадлежат хозяйке этого дома, и каждый человек, из живущих в окрестностях, будет рад отловить беглых – ведь за подобное полагалось хорошее вознаграждение. Кстати, именно так и поймали того мужчину, которого забили кнутом в тот день, когда нас привели сюда – говорят, местные жители устроили на него настоящую охоту...

Сегодня вновь наступило то недолгое время для отдыха невольников, когда на землю опускается темнота и все работы закончены. У людей есть около часа свободного времени, а потом рабам следует идти в свои бараки, и ложиться спать. Пока же кто-то сидел у костра, парочки прятались по темным углам, некоторые из очень уставших людей заранее отправились на боковую... Я же со своими новыми знакомыми снова устроилась на небольшом отдалении от костра, подальше от остальных.

– Надо же, хозяйка на нас смотрит... – буркнул Дор, едва мы усьелись на землю. – Вон, глядит с того небольшого балкончика, что справа... Интересно, чем мы ее так заинтересовали?

А ведь Дор прав – хозяйка, и верно, наблюдает именно за нами. По счастью, она почти сразу же удалилась, чем доставила мне немалое облегчение – не знаю, что думают о ней другие, но мне видеть эту женщину отчего-то было очень неприятно.

– Спасибо за то Пресветлым Небесам, убралась... – как я успела заметить, Вин тоже не выносил хозяйку. – Как ее вижу, так сразу настроение падает, хотя оно в этом доме и без того не на высоте.

Тут я полностью согласна с молодым человеком – присутствие этой женщины просто давит, и видеть ее ну никак не хочется! А еще я не раз замечала, что здешняя хозяйка наблюдает за мной издали, и, должна признаться, мне это очень не нравилось. Казалось бы – в этом нет ничего необычного, владелица просто следит за своими невольниками, но я никогда не замечала, чтоб она держала остальных под своим надзором.

Само собой получилось, что разговор зашел об этой неприятной женщине, и, как оказалось, мои новые знакомые знают про нее не так и мало. Как правило, слугам много известно о своих хозяевах, и они не прочь втихую поделить эти сведения с другими – риск, конечно, велик, но сплетни и пересуды о своих хозяевах еще некто не отменял. Кроме того, перемыть кости господам – это так приятно!

Я с великим удивлением услышала о том, что владелица здешних мест была старшей сестрой бывшего Владетеля этой страны, и считалась одной из самых красивых женщин мира. Более того – ее называли «Звездой Востока», и в свое время у ног этой красавицы без счета лежали богатые и влиятельные мужчины едва ли не со всего мира, которые осыпали драгоценностями предмет своего восхищения. Говорят, воздыхателей у прекрасной дамы имелось без счета, да и в придворных интригах она неплохо поднаторела – утверждают, что сам Владетель частенько прислушивался к словам сестры, и позволял ей то, что не спустил бы никому другому, так что власти и влияния у красавицы было немало. Конечно, имелось множество претендентов на ее руку и сердце, только вот замуж она не торопилась – в этом случае она должна была покинуть дворец, и уйти в дом мужа, а этого красавица никак не желала. То ли дело дворцовая жизнь, где бытие кипит, словно вода в кухонном котле!

Однако время безжалостно, возраст берет свое, и постепенно «Звезда Востока» становилась уже не столь прекрасной (что ее невероятно угнетало), а потом и Владелец скончался. Трон занял его сын, который едва ли не первым делом выставил дорогую родственницу из своего дворца, запретив возвращаться назад без высочайшего на то дозволения. Более того: всем придворным было приказано не поддерживать никаких отношений с этой женщиной и не получать от нее никаких посланий. Поговаривают, что у Владетеля для подобного решения имелись все основания, потому как все еще довольно красивая сестра отца всюду плела интриги, пытаясь посадить на трон другого претендента, и едва в этом не преуспела.

Оказавшись здесь, эта слишком деятельная особа, попавшая в опалу, стала тосковать, мечтая вернуться назад, во дворец, и в чем-то ее можно понять: после кипящей и насыщенной дворцовой жизни здешнее унылое существование казалось ей просто невыносимым, едва ли не самым настоящим тюремным заключением.

Чтоб внести хоть какое-то разнообразие в свою унылую жизнь, дама даже вышла замуж за молодого человека, считавшегося первым красавцем здешних мест, однако это успокоило бывшую «Звезду Востока» лишь на какое-то время. К тому же, как оказалось, у свежее испеченного супруга, кроме смазливой внешности, ни в голове, ни в кармане не было ровным счетом ничего. Вдобавок этот наглец совсем не ценил того счастья, какое ему досталось в жены, и постоянно заглядывался на молодых особ, чем приводил женушку в немалую ярость. Впрочем, очень скоро ей стало не до мечты о возвращении во дворец – беда в том, что красавица (возраст которой давненько перевалил за пятый десяток) стала очень быстро стареть. Едва ли не каждое утро, глядя в зеркало, женщина замечала хоть и небольшие, но постоянные изменения в своей внешности, которые ее отнюдь не молодили. Что ж, такое иногда случается – люди после определенного возраста внешне начинают резко сдавать, и тут уж ничего не изменишь, следует смириться с горькой реальностью, и продолжать жить дальше. Все так, только бывшая красotka не относилась к числу тех людей, кто покорно подчиняется судьбе. В голове у этой особы было только одно – как бы вернуть уходящую красоту, и снова возвратиться во дворец, к той самой бурлящей и волнующей жизни, в которой она привыкла за долгие годы...

– Ну, знаете ли... – усмехнулась я. – Едва ли не каждому хочется навсегда остаться молодым и красивым, только вот сделать подобное

вряд ли возможно.

– Как шепотом поговаривают здешние слуги, у хозяйки это в какой-то мере получилось... – развел руками Вин.

– Простите, не поняла...

– Это как раз то, из-за чего владелицу здешних мест втихую называют ведьмой...

Оказывается, поняв, что приближается старость, хозяйка этого дома наняла множество колдунов и мастеров запретных наук, платила всем немалые деньги, и от каждого требовала только одно – вернуть ей молодость и былую красоту. Не сосчитать, сколько таких вот знатоков тайных знаний побывало здесь, но в один прекрасный день хозяйка, и верно, вышла к людям значительно помолодевшей, и очень красивой. Говорят, было впечатление, что перед ними появилась молоденькая девушка, от которой трудно оторвать восхищенный взгляд. Думаю, не стоит описывать то, в каком потрясении были окружающие, увидев столь волшебное преобразование, а уж сама дама была счастлива настолько, что словами и не описать. Правда, подобное счастье долго не продлилось, и уже через месяц хозяйка вновь выглядела так, как прежде, вернее, много хуже. Такое впечатление, будто за возвращение краткого мгновения молодости женщине пришлось заплатить едва ли не десятилетием жизни.

Гнев хозяйки не знал пределов, и когда сюда вновь приехал тот колдун, что сумел на какое-то время вернуть женщине ее удивительную красоту, то крики недовольной дамы были слышны многим. Дескать, денег я вам отвалила без счета, а что имею?! Что значит – в природе все взаимосвязано, и круговорот жизни не обмануть?! Несете какой-то бред, который я слушать не желаю! Вы мне что пообещали, и что я получила?! Да, не спорю – говорили, что результат, возможно, долго не продлится, но я рассчитывала на годы, а не на дни, особенно если учесть, сколько золота вы отсюда увезли! Да вы только посмотрите, на кого я сейчас стала похожа по вашей милости, после всех колдовских дел, на которые вы вынудили меня согласиться!.. Запомните: со мной такие шутки шутить нельзя, я вам не безобидная овечка, в случае чего и отплатить могу так, что мало не покажется!..

Никто не знает, что там произошло, и что ей ответил приезжий

колдун, но через полгода хозяйка снова помолодела, и в этот раз на несколько более долгий срок. Правда, потом все опять вернулось на круги своя, если, конечно, не считать того, что после своего хм... очередного возвращения из молодости дама стала выглядеть еще хуже. Вдобавок ко всему у нее заметно испортился характер, хотя эту женщину и раньше никто не мог назвать воплощением милосердия.

Это еще не все: через какое-то время эта особа вновь помолодела, только в этот раз она сохранила красоту и юность едва ли не на полгода, и даже успела принять нескольких гостей (случайно заехавших в эти места), которых поразила своей прекрасной внешностью. Гости были настолько очарованы и восхищены, что повсюду разнесли весть о том, что «Звезда Востока» не только не стареет, но с годами становится только прекрасней! Наверное, она из числа тех, кого Боги наделяют своей милостью!..

Новости дошли до столицы, где в то время как раз воцарился новый Владетель: прежний, который так не любил здешнюю хозяйку, отведав какого-то дивного заморского яства, внезапно помер, причем вместе со всей своей семьей, и подобное никого особо не удивило – а что такого, в правящих семьях это дело обычное!..

Наслушавшись восторженных отзывов о прекрасной затворнице, Владыка пожелал видеть красавицу при своем дворе, о чем сообщил ей в своем письме, получив которое, счастливая дама не стала терять время на долгие сборы. И вот надо же такому случиться – в день отъезда она вновь проснулась не юной красоткой, а немолодой особой с более чем неприглядной внешностью, от которой она сама пришла в ужас.

Трудно описать словами злость и разочарование разгневанной женщины, планы которой рухнули в самый последний момент. Конечно, Владетелю она написала письмо с извинениями – мол, прошу меня простить, я заболела, но после выздоровления обязательно предстану пред вашими светлыми очами и припаду к вашим ногам, целуя пыль, по которой вы ступали!.. Что же касается гнева и отчаяния, переполняющих ее душу, то здесь дама сдерживаться уже не могла, да и не хотела. По ее приказу невольников пороли за каждую провинность едва ли не до смерти, причем иногда (в том случае, если наказываемый был молод) хозяйка сама брала в руки хлыст или плетку – надо же каким-то образом выплеснуть ту ярость и то озлобление, что скопилось у нее в душе.

Она будто мстила несчастным за то, что ее невольники, несмотря ни на какие тяготы, имеют то, чего уже давно нет у их хозяйки – проща говоря, у них есть молодость, и осознание этого приводило женщину в настоящее бешенство...

– Но сейчас хозяйку этого милого имения никак не назовешь неотразимой красоткой... – усмехнулась я. – Да на нее лишний раз и смотреть-то не хочется! Страшна, как смертный грех! Похоже, что такие вот... превращения очень уродуют людей, во всяком случае, внешне.

– Так и есть. Понятно и то, что эта дама никогда не успокоится... – покачал головой Вин. – Как шушукаются слуги, она вновь написала письмо колдуну, тому самому, который уже несколько раз умудрялся дарить ей молодость и красоту, и потому не исключаю, что нам предстоит быть свидетелями очередного волшебного превращения страшной ведьмы в прекрасную принцессу.

Не знаю почему, но в этот момент у меня в душе словно что-то царапнуло, будто острым коготком. Невольно вспомнились слова хозяйки насчет меня... Да нет, ерунда, не стоит понапрасну пугать себя разными страхами, здесь и без того мало хорошего.

Меж тем Вин продолжал:

– Конечно, можно сказать так: если кому-то хочется без счета тратить деньги на то, чего он больше всего на свете желает получить, то это его дело, да и в стремлении выглядеть моложе своих лет, по большому счету, нет ничего плохого. Желаеть вновь стать юной и красивой – пожалуйста! Беда только в том, что после очередного перевоплощения нашей хозяйки в прекрасную деву умирает кто-то из невольников. Вернее, разом приходится хоронить аж несколько человек.

– Может, это всего лишь совпадение?

– Если бы! Недаром сейчас люди со страхом ожидают того момента, когда в этом имении вновь появится все тот же колдун, и с заднего двора начнут выносить трупы. Говорят, их отвозят подальше от этого дома, и сжигают.

– И много трупов?

– Точно не знаю, но каждый раз их набирается с десятков.

– А почему их сжигают, а не хоронят?

– Так велит колдун – мол, тела этих людей должны превратиться в прах... Понятно, что тут речь идет о черной магии.

– Но если все в округе знают об этом, то почему никто из стражников не попытается пресечь это дело? Темная магия под запретом почти во всех странах, и тем, кто ее использует, грозит очень серьезное наказание, вплоть до смертной казни и полной конфискации имущества. Насколько мне известно, в этом вопросе государства Востока вряд ли являются исключением. Ни за что не поверю в то, что здешним стражникам неизвестно о том, что происходит в этом имении! Некоторые вещи утаить просто невозможно!

– Ну, прежде всего, нужны свидетели, а таковых тут не найдешь, как ни старайся... – развел руками Вин. – Люди в этой стране вообще не склонны к лишним разговорам, а здешние жители боятся хозяйку этого имения – мол, это ведьма!, и против нее никто не пойдет. Народ тут забитый, все будут молчать, словно воды в рот набрали. Кроме того эта женщина очень богата, и ей не составит никакого труда заткнуть рот едва ли не любому человеку, а уж здешние стражники и прочие представители местной власти куплены ею, можно сказать, на корню.

– А если все же станет известно о том, что хозяйка этого дома практикует черную магию? Тут даже связи при дворе вряд ли спасут, люди боятся колдовства, и их можно понять! Даже эта самая «Звезда Востока» должна имеет какую-то опаску!

– Конечно, если об этом станет известно, то здешней хозяйке не позавидуешь, а заодно и тем, кто закрывал на это глаза. Пусть она имеет отдаленное отношение к нынешнему Владетелю, но слухи о том, что его дальняя родственница знает с колдовством, ему никак не нужны. В таких случаях от ненужных людей стараются избавиться как можно быстрее, и, желательно, под благовидным предлогом. К тому же она богата, а лишние деньги в казне явно не помешают. Только вот, на мой взгляд, эта дама настолько одержима своей идеей и так яростно рвется к намеченной цели, что закусил удила и, не обращая ни на кого внимания, мчится вперед без оглядки по сторонам...

Ночью, кое-как устроившись на жестком лежаке, я вновь вспоминала этот разговор. Ох, что-то мне совсем не нравится вся эта история, а пристальный взгляд и вовсе хозяйки наводит меня на

весьма неприятные мысли. Пожалуй, пора отсюда бежать, тем более что в последнее время я уже более или менее поправилась, и чувствую себя неплохо. Знать бы еще только, как сбить погоню со следа и не попасть в лапы преследователей, ведь в этом случае мне придется не просто плохо, а очень плохо.

Сон не шел, и я услышала, что Ярли снова тихо плачет. Знаю, что в этом доме ей приходилось нелегко. Хозяйка любила наряды, и потому портнихи трудились с утра до вечера над ее новыми одеяниями. Видимо, бывшая «Звезда Востока» не оставляла намерений вновь вернуться во дворец Владетеля, причем собиралась сделать это во всем блеске, иначе вряд ли стала бы шить столь роскошные наряды, один богаче другого. Дама была весьма придиричива и капризна, швеям попадало за малейший промах, причем на наказания хозяйка не скупилась. Ярли, как самой молодой, доставалось больше всех, и едва ли не за все подряд. В этом доме утаить хоть что-то от слуг было невозможно, и до нас уже донеслось, что муж хозяйки оказывает знаки внимания молодой вышивальщице, и если женушка узнает об этом, то бедной невольнице не позавидуешь. Впрочем, бедной Ярли уже сейчас приходится плохо: синяки на лице девушки не проходили, да и спать она предпочитала на животе – от хозяйки ей то и дело попадало плеткой по спине, а иногда в ход шли и палки. Единственное, что может радовать в подобной ситуации, так только то, что ее не ставили к столбу для наказаний, а давали трепку в той комнате, где портнихи и трудились, не разгибаясь.

Я уже привычно погладила Ярли по голове, а потом взяла ее за руку, вернее, она вновь ухватила меня. Надо же, бедную аж потряхивает – здорово, как видно, ей сегодня попало! Если так и дальше пойдет, то эта девушка тут долго не протянет – ее здесь просто раздавят. У меня отчего-то складывалось впечатление, что бедняжка все свободное время старается быть возле меня, словно ищет защиту. Да уж, нашла защитницу, которая и сама не знает, что с ней будет дальше! Пока же, по-прежнему не выпуская мою руку, Ярли постепенно успокоилась, а потом я услышала ее ровное дыхание. Ну, заснула – и хорошо, а потом у меня тоже стали закрываться глаза.

На следующий день, когда я занималась тем, выносила из кухни ведра с мусором, ко мне внезапно подошел управляющий, и приказал:

– Хозяйка велела тебе придти к ней. Только вначале помойся.

– Что?.. – я меньше всего ожидала услышать что-то подобное.

– Тебя зовет хозяйка... – повысил голос управляющий. – Чего тут не ясно?

– Зачем?

– Не знаю... – пробурчал управляющий, но было ясно, что он знает все, только говорить со мной на эту тему не желает. – Но вначале пару ведер воды набери, и грязь с себя смой – не хватало еще в хозяйских покоях вонь с грязищей разводить, госпожа этого терпеть не может! И поторапливайся – хозяйка ждать не любит.

Ладно, не стоит задавать лишних вопросов, все одно на них никто не ответит. Главное – мне позволили вымыться, а в этом имении подобное можно приравнять к настоящей роскоши: хотя здесь и имелся небольшой пруд, но мыться в нем нам категорически запрещалось – не для того он тут находится, это место предназначено только для отдыха хозяев. В здешних засушливых местах вода ценилась очень высоко, и тратить ее на мытье тут считалось слишком большим шиком, и уж тем более никому бы в голову не пришло купать рабов – подобное приравнивалось к невероятной глупости. У меня вообще сложилось впечатление, что некоторые из находящихся в бараках людей не мылись едва ли не годами...

Притащив в маленькую деревянную будку два ведра воды, и хватив с собой кусок серой глины, при помощи которой тут стирали одежду и мыли посуду, я, наконец-то, скинула с себя те лохмотья, что назывались одеждой, и стала смывать с себя грязь, а заодно мыть голову, о чем мечтала уже очень давно. Как это ни странно, но эта серая глина легко снимала грязь, а уж волосы промыла так, что они едва не скрипели под моими пальцами. Ох, сейчас бы еще чистую одежду надеть, только вот кто б сказал, где ее взять...

Я не стала накидывать на голову платок – хотела, чтоб высохли волосы, только вот времени на это у меня не хватило: едва я успела одеться, как в дверь будки заколотили – мол, давай поскорей, чего тянешь!.. Поневоле пришлось выходить, но когда я шла по двору, то ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. Хочется надеяться, что сейчас я уже не так похожа на то изможденное чучело, которое не так давно видела в зеркале.

Управляющий уже ждал меня у входа в дом, и, похоже,

сердился, но взглянув на меня, сказал лишь:

– Пошли.

Если честно, то все, что я увидела в доме, меня особо не впечатлило – ковры, портьеры, драпировки... Роскошно, конечно, но несколько непривычно. Мебели немного, да и то совсем низкая. А еще тут всюду пахнет благовониями, и эти запахи мне чем-то наполнили те восточные притирания, которыми постоянно пользовалась Тирла. Помнится, от одежды Вогана тоже потягивало схожим запахом... С той поры подобные ароматы я на дух не переношу.

Хм, интересно, как там сейчас поживает Воган со своей подружкой? Насколько я знаю тетушку Фелисию, она от них так просто не отстанет, и устроит этой парочке веселую жизнь. Да и на мои деньги они пусть особо не рассчитывают: разумеется, всего моего приданого их лишить нельзя, но и на прежнюю обеспеченную жизнь, к которой эти греховодники привыкли, им тоже не хватит – без сомнений, тетушка позаботится, чтоб деньги из нашей семьи никуда не ушли. Конечно, мой муж попытается взять свое, но пройдохи стряпчие свое дело хорошо знают, так что Воган со своей приятельницей, хотя и будут кое-что получать, но не так много, как бы им того хотелось, и красотке Тирле это вряд ли понравится...

А вот и зеркало! Правда, оно не стеклянное, а это всего лишь большая медная пластина, полированная до блеска и вставленная в раму, но я сейчас рада и такому, ведь не заглянуть в него я не могла. Что ж, огромных синяков под глазами уже нет, щеки чуть округлились, рот больше не проваливается, а мои светлые волосы снова немного выются, кое-где кудряшками спускаясь на лицо... Конечно, глядя в эту начищенную медную пластину, во всех подробностях себя не рассмотришь, но и то, что я увидела, не могло не радовать. Кажется, я выгляжу довольно неплохо, пусть и не так хорошо, как пару месяцев назад, но, тем не менее, пока что я могу только порадоваться за себя. Кажется, последствия отравления я преодолела.

В этот момент перед нами появился все тот же красавчик, муж хозяйки дома. Уж не знаю, куда он шел, но заняться ему явно было нечем, во всяком случае, увидев нас, он остановился и осмотрел меня с головы до ног. Ну, до чего же мне не нравятся такие взгляды, просто как лошадь на рынке оглядывают. Больше того – кажется, я

вызвала его неподдельный интерес.

– Это кто такая?.. – поинтересовался красавчик у управляющего, не сводя с меня взгляда. – Почему я ее не знаю?

– Господин, разве вы ее не узнали? Я же купил ее совсем недавно, для госпожи.

– А, так это она... – удивленно протянул тот. – Надо же, тогда она показалась мне совсем иной, более старой и некрасивой!

– Так бывает часто... – почтительно ответил управляющий. – После долгой и тяжелой дороги мы все выглядим усталыми и измученными, но хорошая еда и отдых делают свое дело.

Услышав подобное, я с трудом удержалась, чтоб не усмехнуться. Значит, в этом имении имеется хорошая еда и отдых... Ну-ну, да вы шутники, господа хорошие!

– Жаль, что я раньше не рассмотрел ее хорошенько... – протянул красавчик, по-прежнему не сводя с меня взгляда. – Она говорит на нашем языке?

– Нет. Но пару слов к этому времени наверняка выучила... Простите, господин, нам надо идти, а не то госпожа будет гневаться.

– Идите, позволяю...

Этот тип провожал меня долгим взглядом. Кажется, я его весьма заинтересовала, и если бы мне сейчас не надо было идти к его дражайшей половине, то этот тип от меня б так быстро не отстал. Н-да, так иногда и подумаешь о том, то иногда лучше шмыгать незаметной серой мышкой.

Хозяйка была не одна – вместе с ней в комнате находился пожилой мужчина, которого я раньше никогда не видела. А еще этот человек с первого взгляда отчего-то произвел на меня неприятное впечатление – невысокий, очень худой, с немного запавшими черными глазами... Откуда он тут взялся? К сегодняшнему дню я уже знаю в лицо едва ли не всех, кто находится в этом имении, и этот человек, несмотря на простую одежду, явно не слуга.

Стоп, сегодня я услышала краем уха, как слуги на кухне шушукались о том, что к хозяйке прибыл гость, которого она давно ждала... Судя по голосам, слуги были или встревожены, или испуганы. Похоже, речь шла именно об этом мужчине. Интересно,

кто это такой, если эта женщина не боится предстать перед ним в своем нынешнем виде? Насколько мне известно, гости здесь бывают крайне редко, и хозяйка, как правило, лично никого из них не принимает, не желая показывать, как сейчас выглядит когда-то прекрасная «Звезда Востока».

– Госпожа... – почтительно произнес управляющий. – Госпожа, вот эта женщина.

– Мне пришлось ждать... – недовольно ответила хозяйка, не сводя с меня глаз. Кажется, она с трудом сдерживала раздражение. – Почему так долго?

– Госпожа, эта невольница была настолько грязна, что мне пришлось отправить ее мыться, дабы не оскорбить ваш взор...

– Хватит!.. – женщина оборвала управляющего, и обернулась к мужчине. – Ну, что скажете?

Вместо ответа незнакомец подошел ко мне, и я невольно отступила на шаг назад, но мужчина схватил меня за руку, а в следующий миг у меня уже не было сил даже шевельнуть пальцем. Но куда более неприятным был взгляд мужчины, и от этого пронзительного взора у меня испугано сжалось сердце и перехватило дыхание. Не знаю, сколько времени это длилось – лично мне показалось, что бесконечно!, но потом незнакомец отпустил мою руку и сразу стало легче дышать.

– Итак, ваше мнение?.. – поинтересовалась хозяйка, и ее голос дрожал от нетерпения.

– Кажется, она вам подходит... – мужчина отошел от меня и присел на низкий диван. – Возможно, это именно то, что вы так долго искали.

– Вы меня радуете!.. – облегченно вздохнула та. – Но вы уверены? Все же в этот раз вы намереваетесь провести несколько иной ритуал, в корне отличный от того, который вы делали раньше!

– Мир сложен и непрост, а потому полностью ручаться ни за что нельзя... – продолжал мужчина, не сводя с меня глаз. – Но об этом мы поговорим наедине...

– Уведи отсюда эту девку... – хозяйка оглянулась на управляющего. – А сам задержись ненадолго.

– Как прикажете, госпожа.

Оказавшись за дверями комнаты, я облегченно перевела дух, хотя радоваться тут нечему. Не надо быть семи пядей во лбу, чтоб понять, кого я только что видела – в имение пожаловал тот самый колдун, который умудрялся каким-то образом возвращать молодость здешней хозяйке. Ясно и то, почему были так испуганы слуги на кухне, когда шепотом говорили о том, что к хозяйке приехал гость.

А еще понятно, что в том действе, которое скоро развернется в этом доме, мне отводится какая-то роль, причем едва ли не главная, и ясно, что ничего хорошего меня не ждет. Ох, и почему я тянула так долго? Давно надо было попытаться сбежать отсюда! Хотя не стоит себя обманывать – я просто не имею представления, в какую сторону следует направиться, чтоб иметь хотя бы небольшую надежду на то, что тебя не поймают... Что же делать? Во всяком случае, я не намеревалась покорно следовать той судьбе, которую мне собиралась навязать здешняя хозяйка.

Тем временем управляющий, поручив одному из слуг отвести меня до выхода, вновь скрылся в комнате хозяйки. Сейчас мне больше всего хотелось покинуть этот дом, чтоб в одиночестве подумать о том, что следует делать дальше, тем более что времени для принятия решения у меня, судя по всему, совсем не осталось.

К сожалению, дойти до входных дверей мне не удалось – передо мной снова появился муж хозяйки. Похоже, красавчик ждал, когда я выйду от его дорогой супруги, и потому без всяких разговоров втолкнул меня в небольшую комнату. Я человек взрослый, и понимаю, что может последовать дальше, ведь красавчик вряд ли собирается вести со мной долгие беседы на отвлеченные темы. Судя по ухмылке слуги, которую я успела заметить, подобный поступок хозяина в этом доме был делом обычным – верно, чего с рабынями церемониться, пусть радуются, что господин оказал им свое благоволение!.. Да и глядя на самоуверенное лицо мужа хозяйки, можно не сомневаться: этот человек уверен, что никакого отказа он не получит, а невольница должна быть невероятно счастлива от одной только мысли о том, что господин снизошел до нее, ничтожной... А красавчик явно не привык терять время попусту – он схватил меня за руку и толкнул в сторону стоящего у стены низкого дивана – мол, я жду, давай побыстрее, сама должна понимать, что от тебя требуется...

Надо сказать, что сейчас у меня на душе и без того было тошно, так что бесцеремонное поведение этого наглого типа окончательно вывело меня из себя. Я не стала дожидаться дальнейшего развития событий (без того ясно, что будет дальше), и с размаху влепила пощечину излишне самоуверенному красавчику. Судя по его ошарашенному виду, такого поведения от невольницы он никак не ожидал. Впрочем, растерянность длилась недолго – покраснев от негодования и рывкнув что-то злое, мужчина бросился ко мне, только я вовсе не собиралась кидаться ему в ноги и молить о прощении. В паре шагов от меня находился столик, на котором стояла ваза с фруктами, так что я метнулась туда, схватила вазу, и с размаха опустила ее на голову мужчины, который меня почти что настиг. Надо сказать, что в последний миг он успел немного отклонить голову в сторону, и удар пришелся по касательной, хотя все же был достаточно сильным, потому как ваза, полная персиков и винограда, весила немало. Тем не менее, при ударе тонкий фарфор разлетелся на куски, фрукты рассыпались, а перепуганный красавчик, схватившись за голову, закричал и бросился вон, причем его вопли должны были слышать едва ли не во всем имении.

Остальное было предсказуемо: примчались охранники, тут же объявилась и хозяйка со своим гостем. Конечно, не обошлось и без красавчика, которому осколки разбившейся вазы рассекли кожу на голове, и кровь, льющаяся из раны, повергла его в настоящий ужас. Сейчас любимый муж хозяйки кричал, что я напала на него, пытаюсь убить, и потому он требует, чтоб меня немедленно отвели к столбам для наказаний, и до смерти забили кнутом!.. Кажется, охранники уже готовы были это сделать, но хозяйка довольно-таки невежливо приказала муженьку заткнуться – мол, я догадываюсь, что тут произошло, и потому впредь тебе это будет наукой. Что же касается этой девки, то она и так сегодня получит свое, а потому хватит орать, и вообще уходи отсюда, сейчас не до тебя!

В результате меня утащили в подвал, вернее, в совсем небольшое подвальное помещение, куда свет проникал через крохотное окошечко, забранное решеткой. Единственное, что мне оставалось делать, так это только прикидывать, как выбраться отсюда, но ничего толкового в голову не приходило. Куда неприятней были мысли о том, что меня готовят для какого-то непонятного обряда... А впрочем, нет смысла себя обманывать, я нужна хозяйке для очередного возвращения молодости, только вот непонятно, почему для этой цели

подхожу именно я? Вопросы, вопросы...

Наступил вечер. Судя по звукам, доносящимся снаружи, рабов загоняли в бараки. Кажется, для отбоя еще рановато, значит, хозяйка торопится, желает, чтоб обряд по ее омоложению прошел как можно раньше, или же колдуну для волшбы требуется какое-то определенное время. Да и свидетели лишние ей не нужны, хотя никаких свидетелей она не опасается – все будут молчать от страха перед ней. А еще в подвале, где я сейчас сижу, что-то шумновато – за дверями то и дело ходят люди, к чему-то готовятся...

За мной пришли вечером, причем сразу трое охранников – как видно, намеревались меня тащить в том случае, если сама не пойду. Нет уж, такого удовольствия я хозяйке не доставлю, тем более что идти до нужного места, как выяснилось, всего ничего – в другой конец подвала, а там уже, как оказалось, все готово для обряда, и увиденное вызвало у меня едва ли не дрожь. Оно и понятно: на стенах горели факелы, на полу была расстелена большая шкура какого-то неизвестного зверя более чем жуткого вида, а вокруг этой шкуры стояли горящие свечи черного цвета. В отдалении находился стол с изогнутыми ножками, на котором лежала старая книга в потрепанном переплете, тут же были несколько бутылок с темной жидкостью, изогнутые ножи, пучки трав и многое другое.

Вся эта картина была неприятна сама по себе, но куда отвратительней выглядела сама хозяйка этого дома, которая находилась тут же, в подвале. Ее едва ли не трясло от нетерпения, на лицо падали отблески от огня, делающие его еще более отталкивающим, а пальцы с ярко накрашенными ногтями постоянно находились в движении, и тени, которые они отбрасывали, куда больше напоминали движения пауков. Конечно, общая обстановка в подвале просто-таки пугала, но омерзительней всего выглядела эта женщина, которая ради своей прихоти готова была пойти на какое угодно преступление. Надо же, и красавчик ее тут же, стоит с выражением страдания на лице, и в то же время поливает меня ненавидящими взглядами. Вряд ли у него серьезные раны, скорее, обычные порезы, но зато сейчас голова несчастного мученика перевязана роскошным вышитым шарфом, и он просто-таки олицетворяет собой жертвенность ради бесценной женушки. Не скажу, что красавчик в восторге от происходящего – наверняка супруга позвала его для того, чтоб он, после волшебного преображения любимой супруги, первым восхитился тем, какая

сказочная красавица досталась ему в жены. И колдун тоже здесь, хотя где ему еще быть, если не тут, ведь именно ради обряда он сюда и приехал.

– Подойди сюда... – приказал колдун на языке моей страны, и я двинулась к нему помимо своей воли. Значит, он опять подчиняет меня себе, и сопротивляться ему я не в силах, и произнести хоть слово тоже не в состоянии. В такой ситуации следует радоваться хотя бы тому, что мой разум не затуманен, и я осознаю то, происходит вокруг.

– Что касается вас... – колдун перевел взгляд на охранников, которые чувствовали себя здесь весьма неуютно. – Идите за другими невольниками, и ждите, пока вас не позовут.

Дважды повторять не пришлось – охранников словно ветром сдуло. Это и понятно: любой разумный человек желает держаться как можно дальше от дел колдунов.

– Теперь слушай... – колдун снова посмотрел на меня, опять перейдя на мой родной язык. – Тебе выпала великая честь совершить благодеяние для одной из самых красивых женщин, которые когда-либо рождались на этом свете. Вскоре «Звезда Востока» вновь засияет пред нами, освещая этот мир своим дивным присутствием.

Да по мне пусть светит, как хочет и где пожелает, лишь бы это самое сияние не проводилось за чужой счет! Беда только в том, что о подобных мелочах звезды, похожие на нашу хозяйку, как правило, не думают.

– Так вот... – продолжал колдун. – Так вот, я вижу, что ты – последняя в роду своего отца, а именно это нам и надо. Я сейчас проведу обряд, где вызову всех твоих предков, и поясню, что тебе нужна их помощь. Более того – ты тоже должна умолять их о подмоге. Дело это рискованное, но ты должна это сделать...

Так вот, значит, что им нужно... Ой, и как же я раньше не догадалась в чем тут дело! Ранее, краем уха, я слышала о таких обрядах, вернее, о том, чего можно добиться, если последний человек в своем роду при помощи особых ритуалов вызывает помощь всех своих предков, хотя лишний раз тревожить их ни в коем случае не стоит. Правда, эта помощь возможна лишь в том случае, если род, о котором идет речь, по-настоящему древний и знатный. Говорят, подобное обращение последнего человека в роду может творить

самые настоящие чудеса, ведь вся сила Небес будет направлена на исполнение этой просьбы! Однако такие обряды можно делать лишь в самом крайнем случае, и если окажется, что помощь была направлена на недоброе дело, то весь род на Небесах будет проклят на веки вечные. Ясно и то, о чем меня сейчас заставят просить свой род...

– Надеюсь, тебя не стоит лишний раз убеждать в необходимости полного и добровольного сотрудничества... – продолжал колдун. – Ты все равно сделаешь, что тебе будет сказано, так что давай все решим по-доброму, без применения дополнительного воздействия, а я могу быть по-настоящему безжалостным, если ты вздумаешь своевольничать!

А вот мне кажется, что если бы ты, чернокнижник, мог это сделать, то давно бы лишил меня не только сил, но и воли, только вот в этом обряде, судя по всему, одурманенный разум жертвы не подходит.

Меж тем колдун продолжал:

– Если хочешь жить, то ты должна требовать, или умолять... в общем, делай все, чтоб твой род пошел тебе навстречу. Мне нужна вся сила, которую тебе дадут, и если тебе не удастся ее получить, то вся твоя дальнейшая жизнь окажется одной непрерывной болью. Ну, а если сделаешь то, что от тебя требуется, то будешь жить долго и счастливо еще многие годы...

Похоже, этот человек считает меня настолько глупой и наивной, что не сомневается – я поведусь на все его убеждениями, испугаюсь угроз, и не пойму того, что после этого обряда вряд ли останусь жива. Мои новые знакомые, живущие в этом имении, уже рассказывали о том, как после таких вот обрядов по омоложению хозяйки трупы невольников грузят на телеги и сжигают... А то, что всю силу, полученную от моего рода, колдун направит на очередное омоложение здешней хозяйки – об этом можно даже не говорить, и так понятно...

Все дальнейшее проходило, словно в тумане, и я ощущала себя словно марионетка, которую дергают за веревочки, но, тем не менее, я осознавала, что происходит вокруг меня. Вначале мне пришлось сделать несколько шагов и встать на отвратительную темную шкуру, расстеленную на полу (которая оказалась невероятно холодной),

затем на эту шкуру улеглась хозяйка, колдун стал читать заклинания и жечь травы, а немногим позже помещение стало наполняться клубами серого дыма, который чуть дурманил голову и будто убаюкивал, приказывал подчиняться...

Чтоб не попасть под эту умиротворяющую волну, я стала считать про себя молитвы, те, что знала – по счастью, помнила их немало, в свое время тетя Фелисия заставляла меня заучивать их в великом множестве. Именно эти святые тексты дали мне возможность продержаться какое-то время, а потом... Потом в клубах серого дыма стали показываться силуэты людей, причем их становилось все больше и больше, и все они смотрели на меня. Мужчины, женщины, дети... Как же их всех много! Семейство Алверст, род моего отца... Не знаю почему, но я сразу поняла, что вижу перед собой своих предков, тех, кого уже давно нет на этом свете. Как колдун и обещал, он сумел их вызвать из небытия, и теперь они пришли ко мне. Удивительно, но я не испытывала никакого страха перед этими людьми, жалела лишь о том, что не могу рассмотреть их как следует. А еще мне стало больно оттого, что я осталась последней в своем семействе, и если погибну, то наш древний род прервется раз и навсегда...

Потом я внезапно услышала тихий голос, почти шепот, который, тем не менее, услышали все. Трудно сказать, кому он принадлежал – мужчине или женщине, но это не имело значения, куда важнее было то, о чем меня спрашивали.

– Зачем ты нас позвала?.. – прошелестел голос. – Какая помощь рода тебе потребовалась?

Наверное, в этот момент все, кто находился в подвале, смотрели на меня, а я поняла, что могу говорить – наверное, колдун уверен в том, что все идет так, как он и рассчитывал, только вот у меня не было намерений выполнять его приказы.

– Вас заманили сюда обманом... – почти прошептала я. – Уходите отсюда, и больше не откликайтесь на призыв этого человека. Я справлюсь сама...

– Стойте!.. – заорал колдун. – Стойте, я сказал! Она сказала неправду!.. – но эти слова уже никто не слушал. Призрачные фигуры стали исчезать, растворяться в тумане, и через несколько мгновений перед нашими глазами уже не было никого. Правда, последняя из

этих призрачных теней задержалась на долю секунды, и я поняла, что вижу перед собой молодого мужчину, который смотрит на меня. Потом исчез и он, но я осознала, что это был мой отец. Я была совсем маленькой, когда они с матерью погибли, даже их портреты для семейной картинной галереи не успели написать – думали, что еще все впереди, да и живописец обещал приехать только весной...

Однако в следующий миг передо мной появился колдун, да и хозяйка, поняв, что все идет не так, как ей бы того хотелось, пришла в настоящую ярость.

– Что происходит... – взвизгнула, было, она, но колдун поднял руку, и женщина замолчала, зато от чернокнижника просто веяло злобой.

– Ты осмелилась пойти против меня!.. – даже не произнес, а прошипел он, с ненавистью глядя на меня. – Да как тебе такое в голову могло придти, ничтожная?! Я обращался к таким силам, какие никто из вас даже представить себе не может! Ты хоть представляешь, какую волшеббу нарушила, а?!

– Это моя семья, и не смейте лезть в нее своими грязными лапами... – я постаралась произнести эти слова как можно тверже.

– Я таких вещей не прощаю, и последствия своего послушания ты испытаешь на своей шкуре!.. – заорал колдун. – Думаешь, все закончилось? Э, нет! Госпожа все равно получит то, что желает, пусть даже несколько иным способом! Конечно, придется повозиться дольше, но уже к рассвету госпожа будет вновь молода и прекрасна, а твои высохшие кости сожгут вдали отсюда, но ты сама выбрала такой путь! Не захотела пойти легким путем, пойдешь другим, и в своем поступке раскаешься не единожды!

Колдун направился к столу, стоящему в отдалении, а когда вновь вернулся к нам, то я увидела в его руках большой деревянный кубок для вина, и короткий нож с изогнутым лезвием. Не говоря ни слова, он чиркнул этим ножом по моей руке, и подставил чашу под стекающую кровь. Когда же кровь наполнила кубок более чем на две трети, мужчина дунул на рану, и кровь перестала вытекать из раны.

– Не надейся, что все закончилось... – зло усмехнулся колдун, глядя на меня. – Я просто не намерен потерять ни капли твоей крови, потому как она вся нужна госпоже, чтоб вновь стать едва ли не самой прекрасной женщиной в мире. Работа мне предстоит долгая, едва ли

не до утра, так что я еще успею послушаться твоих просьб о пощаде! Итак, начнем...

Мужчина бросил в кубок темный порошок, и принялся что-то шептать над кровью, и вскоре от кубка пошел черный дымок. Не прекращая свой монотонный шепот, он протянул кубок хозяйке, и она несколькими глотками проглотила содержимое. Судя по уверенным движениям женщины, а также по тому, что она не задает никаких вопросов, можно с уверенностью предположить, что все это проделывается далеко не в первый раз. Затем колдун снова заговорил что-то на незнакомом мне языке, причем его речь становилась все быстрее и быстрее, и у меня стало жечь, словно огнем, ту рану на руке, которую мне нанес колдун. Больше того – над раной стал появляться легкий белый дымок, который двинулся, было в сторону хозяйки...

И в этот момент что-то произошло, во всяком случае, довольное выражение исчезло с лица женщины. Она внезапно схватилась за горло, словно у нее перехватило дыхание, и не было возможности сказать ни слова, лицо побагровело... Женщина попыталась, было, подняться с пола, но не смогла, вместо этого у нее начались судороги, голова запрокинулась, а в следующее мгновение из рта хозяйки пошла пена... Не знаю, сколько времени это продолжалось – может, несколько секунд, может, чуть больше, но потом женщина застыла на полу, причем в более чем нелепой позе. Тут и без пояснений понятно – хозяйка этого дома мертва. А вот я почувствовала, как с меня враз спало оцепенение – видимо, колдун больше не мог держать меня под своим контролем.

Судя по ошарашенному лицу колдуна, подобного развития событий он никак не ожидал. Не обращая на меня никакого внимания, он шагнул к лежащей женщине, присел подле нее, пытаясь понять, что же произошло.

– Как же так... – растерянно произнес он. – Ничего не понимаю...

Зато красавчик, муж хозяйки (вернее, теперь уже вдовец) быстро сообразил, что к чему, и закричал во всю мощь своих легких:

– Охрана, сюда!

Я и до того замечала, что здешние охранники вымуштрованы на совесть, вот и сейчас они едва ли не мгновенно появились здесь, и первое, что охранники услышали, были слова хозяина, который

указывал пальцем на колдуна.

– Этот человек только что отравил вашу хозяйку! Убить его!..

Так, значит, мне следует оказаться как можно дальше от того места, где сейчас находится этот человек, а не то меня еще заденут ненароком. Я шарахнулась в сторону, сбив при этом несколько горящих свечей, стоящих на полу, и две из них случайно упали на лежащую шкуру, и, что самое невероятное, она почти сразу же вспыхнула – похоже, ранее была пропитана каким-то горючим раствором. А еще от этой горячей шкуры идет просто-таки невыносимая вонь и валит черный дым... Под ноги мне попался деревянный кубок, тот самый, в который стекала моя кровь, и, не раздумывая ни мгновения, я бросила кубок на горящую шкуру – пусть сгорит вместе со всем остальным, тем более что огонь разгорелся не на шутку!.. Может, в общей неразберихе попробовать сбежать из подвала?

Увы, не получилось. Охраны в имении было слишком много, так что схватка в подвале закончилась их победой. Сейчас в доме командовал муж хозяйки, который внезапно ощутил себя не просто богатым вдовцом, но еще и властелином здешних мест. По его приказу меня вновь заперли во все той же небольшой комнатке, находящейся в подвальном помещении, а во всем оставшемся подвале стали срочно наводить порядок. Оно и понятно – вонь стояла такая, что болела голова, резало в глазах и постоянно хотелось кашлять. Наверняка сюда сейчас пригонят из бараков едва ли не половину невольников, и заставят их все мыть и чистить, ведь отвратительные запахи из подвала, без сомнений, портят воздух и в доме.

Впрочем, побыть одной мне дали недолго – вновь закрипела открываемая дверь, и в комнатку просто-таки закинули какого-то человека. Ого, да этот тот же самый колдун! Надо же, он еще жив... Дверь вновь закрылась, но у меня не было ни малейшего желания даже подходить к нему – спасибо, я уже имею об этом чернокнижнике более чем ясное представление, и продолжать общение никак не хочется. К тому же он сейчас, кажется, без сознания.

Прошло несколько минут, и я услышала голос колдуна:

– Где я?

Так, быстро он в себя пришел. Отвечать на его вопрос не хочется, но в то же время играть в молчанку тоже нет особого желания.

– Можно подумать, вы не догадываетесь!.. – любезности в моем голосе и близко не было. – Сидим все в том же подвале.

– С чего это нас вместе заперли?.. – в голосе колдуна было удивление.

– Где место с крепким замком нашлось, туда и посадили... – усмехнулась я. – Сейчас не до того, чтоб искать каждому отдельную камеру.

Колдун умолк, и я надеялась, что наш разговор закончен, но не тут-то было.

– А я с самого начала допускал такую возможность, что вы знаете здешний язык... – вновь подал голос колдун.

– И не сказали об этом остальным?

– Какой смысл?.. – буркнул колдун. И то верно – когда скотину ведут на убой, никому нет дела до ее характера и привычек.

– Как же вас умудрились одолеть?.. – поинтересовалась я. – Всегда считала, что колдуны могут уйти целыми и невредимыми из всех передраг.

– Тут сработал эффект неожиданности... – подсадовал тот. – Я несколько растерялся от всего произошедшего, и мне элементарно не хватило времени на то, чтоб поставить охранные заклинания... И вот здешние охранники переломали мне руки и ноги, повредили позвоночник, а уж про количество ранений я уже не говорю... Надо немного передохнуть, набраться сил...

– Что, позовете сюда для помощи кого из своих товарищей по колдовскому делу?

– Возможно...

– Но раз мы оказались вместе на какое-то время, то, может, скажете, отчего умерла здешняя хозяйка? Плакать по ней я, естественно, не собираюсь.

– Трудно сказать...

– А вот я знаю – мой род пришел ко мне на помощь!.. – в этом у

меня не было ни малейших сомнений.

– Не стоит утверждать того, о чем не имеете ни малейшего представления!.. – колдун с трудом сдерживал раздражение. – Терпеть не могу глупцов, которые с апломбом доказывают очередную глупость и собственную ограниченность! Ваш род не имеет никакого отношения к смерти здешней хозяйки!

– Мои предки...

– Они ушли сразу же после ваших слов, и если бы хоть один из них остался, то все можно было бы повернуть по-другому. То, что мы видели, то есть то, что произошло с владелицей здешнего дома – это типичная картина отравления, и я никак не могу взять в толк, что произошло. В своих снадобьях я уверен, подменить их мне тоже не могли... Погоди! Сегодня ты принимала какое-то лекарство?

– Нет.

– Должна была!

– Ничего я не принимала, и принимать не собираюсь! Хватит с меня и того, что было!

– Что подразумевается под словом «было»?.. – встрепенулся колдун. – О чем идет речь?

– Меня как-то травили соком зеленого лотоса...

– Бред!.. – оборвал меня невольный собеседник. – От сока зеленого лотоса выживших не бывает!

– Как видите, случается...

– Мне нужно знать подробности!..

Возможно, мне не стоило рассказывать колдуну о том, как я по просьбе мужа принимала средство под названием «Опавший лепесток», и о том яде, которым меня хотели отравить по приказу Тирлы. Тем не менее, ничего этого скрывать я не стала – смысла не было, и мой рассказ несколько повысил настроение колдуна.

– Значит, я не совершил никакой ошибки!.. – такое впечатление, что если б колдун мог, то он довольно потер бы руки. – Я слыхивал теории о том, что в крови тех, кто выжил после отравления зеленым лотосом, могут оказаться некие вещества, губительные для волшебных дел, во всяком случае, кровь этих людей уже совершенно

не подходит для колдовства. Проще говоря, при добавлении в подобную кровь неких дополнительных компонентов она может вступать в реакцию, и стать ядовитой для тех, кто ее принимает. К сожалению, именно это я и сделал... О Небо, какая досада! Скорей всего, то, чем тебя пытались отравить, называется «Капля изумруда», а это совершенно убойное средство! Потрясающе! Ох, какой трактат можно было бы написать по этому удивительному факту!

Хм, получается, что моя кровь отравила здешнюю хозяйку... Тут не знаешь, что и сказать. Меж тем колдун продолжал:

– Вот к чему приводит спешка! Если бы я находился у себя, то перед ритуалом досконально проверил бы все компоненты, но здешняя хозяйка слишком торопила меня, и вот что получилось в результате...

– Никак не могу вам посочувствовать... – усмехнулась я. – Да как у вас совести хватило убивать людей ради этой женщины, вернее, чтоб вернуть ей молодость на короткое время? Вам не совестно?

– Только вот лицемерить не надо... – отрезал колдун. – И уж тем более не следует взывать к совести – это просто смешно. То, что я умею делать – на подобное способны лишь единицы, и я этим горжусь. Женщина хорошо платила за мое мастерство, вернее, очень хорошо, а это самое главное. И не надо говорить, что деньги для человека не важны – я просто собирался себе ни в чем не отказывать в старости.

– Кажется, до старости не доживете ни вы, ни я.

– Да, я не ожидал такой прыти от этого мозгляка...

– Вы имеете в виду свежеиспеченного вдовца?

– А кого ж иного?! Чтоб выглядеть во всей этой истории невинным агнцем, и впоследствии не особо тратиться на взятки, ему необходимо объяснить, как померла его женушка, и он, скорей всего, изобразит дело так, будто несчастную женщину загубил коварный колдун, которого она пригласила для лечения. О том, что произошло в действительности, посторонним знать не стоит, иначе молодому вдовцу не позавидуешь. Естественно, в самое ближайшее время будут убраны кое-какие свидетели, в том числе и мы с вами...

– Скажите, что это был за зверь, шкуру которого вы использовали для обряда?.. – задала я давно интересующий меня

вопрос. – Когда на нее попал огонь, она так быстро вспыхнула...

– Не ваше дело!.. – ого, а голос у колдуна какой жесткий! Похоже, что несмотря на тяжелые увечья, помирать он не собирался, во всяком случае, в ближайшее время. Не удивлюсь, если он еще и поправиться сумеет, и каким-то образом уйти отсюда... Пожалуй, мне не стоило быть с ним столь откровенной, ну да что теперь об этом говорить!

Снова закрипела открывающаяся дверь – кажется, это охранники вновь пожаловали по нашу душу...

– Лиз... – раздался негромкий мужской голос. – Лиз, ты здесь?

– Вин?! – я не могла поверить в услышанное. – Вин, это ты?!

– Кто же еще... Лиз, сейчас не до разговоров, у нас мало времени! Уходим...

– Куда?

– Подальше отсюда.

– Требую, чтоб вы взяли меня с собой!.. – подал голос колдун.

– Это еще кто?.. – Вин остановился.

– Колдун, тот, что приехал сюда...

– Точно! Он-то мне и нужен... – Вин подошел к колдуну, и я услышала звук короткого удара. – Полежи, отдохни, подумай о душе – тебе полезно... Лиз, уходим!

– А где твой брат?

– Неподалеку... Давай пока без разговоров, ладно? Я тебе потом все расскажу...

Ну, потом – так потом, главное – покинуть это проклятое имение, а дальше... Дальше будет видно.

Глава 5

Нам удалось незаметно выбраться из подвала, и в немалой мере этому способствовала как темнота, так и творящаяся вокруг суеда, а заодно и пустые ведра, которые мы несли в руках – как я поняла, Вин предусмотрительно прихватил их с собой, показывая, что мы идем не просто так. Правда, в то время, когда он спускался в подвал, ведра были полными, и этому есть объяснение – сейчас едва ли не все невольники занимались тем, что приводили в порядок загрязненный подвал. Вроде и сгорела-то всего одна шкура непонятного зверя, да еще хозяйку хорошо подпалило огнем, но жуткого смрада, невесомой темной дымки в воздухе и черной копоты вокруг было столько, что, казалось, ею пропитались даже камни подвала. Да уж, вот наглядный пример того, что от последствий черного колдовства избавиться не так просто! Сейчас часть невольников всю драила стены, пол и потолок, а остальные носили в подвал воду из пруда и уносили из подвального помещения грязь и чернильно-темную воду. Если же принять во внимание, что копоть почти не отмывалась, а большей частью просто-напросто размазывалась, то работы тут было непочатый край.

Впрочем, Вин пришел не один – как и следовало ожидать, неподалеку находился его братец, который делал вид, будто трет стену пучком соломы, отчищая слой грязи, однако, увидев нас, он враз бросил это пустое занятие, и лишь кивнул головой – мол, все в порядке. Прихватив свое ведро, в котором плескалась грязная вода, Дор вместе с нами направился к выходу. Никто из окружающих не обращал на нас внимания – не до того, потому как невольников оторвали от отдыха, и у всех было только одно желание – как можно быстрее закончить с этой более чем неприятной, внезапно привалившей работой, и вновь отправиться на отдых в барак. Однако если даже кто-то из рабов и заметил нас, то ничего не сказал, и людей можно понять: неясно, что тут произошло, а потому лучше помолчать, ведь еще неизвестно, чем все может обернуться в итоге.

После душного подвала с его отвратительными запахами, жаркий ночной воздух показался мне настолько чистым и приятным, что я даже остановилась, чтоб хоть немного подышать им, и выдохнуть из себя всю ту гадость, что скопилась в моих легких за

время пребывания в подвале. Правда, долго стоять на месте у меня не получилось – Вин без особой вежливости толкнул меня вперед:

- Пошли! Не задерживайся!
- Куда мы сейчас?
- Все туда же – в сад. К пруду...
- Но нам туда же нельзя!
- Сейчас все можно...

Мне много о чем хотелось расспросить молодых людей, но я пока что промолчала, и направилась вслед за Вином, а Дор шел за мной. Хотя в темноте южной ночи можно было рассмотреть совсем немного, но факелы, горящие у дома, пусть и незначительно, но все же освещали сад, так что добраться до пруда по посыпанным песком дорожкам не составило никакого труда. Навстречу нам то и дело попадались люди, возвращающиеся от пруда с тяжелыми ведрами, в которых плескалась вода. Ну, тут все просто – надо же откуда-то брать воду для того, что навести чистоту в подвале, а на такое дело ее понадобится ой как немало! Понятно, что сейчас хозяину этого дома не до того, чтоб запрещать невольникам подходить к пруду: как раз наоборот – пусть оттуда хоть всю воду вычерпают, лишь бы в подвале была чистота, и отныне ничто не напоминало о произошедшем.

Без сомнений, смерть бывшей «Звезды Востока» (а с сообщением о столь горестном событии молодому вдовцу задерживаться не стоит) должна привлечь внимание многих, и потому уже в самое ближайшее время в имение должны заявиться не только соседи, но и стражники, чтоб убедиться в том, что дальняя родственница Владетеля скончалась по естественным причинам, и ни о каком злом умысле тут и речи нет. Не исключено, что стражники вздумают устроить допрос обитателям имения, а вместе с тем обыщут дом – так, на всякий случай, надо же полной мерой продемонстрировать всем свое служебное рвение, да и при докладе начальству следует выглядеть достойно! Естественно, ни о каких разговорах о черном обряде тут и речи быть не может – даже слухи о подобном недопустимы!, а иначе все имущество, оставшееся после смерти хозяйки, будет конфисковано в пользу казны, да и молодой вдовец враз окажется в тюрьме, и вряд ли хоть когда-то из нее выйдет. В общем, во избежание нежелательных разговоров

красавчику необходимо как можно быстрее и тщательней подчистить все хвосты (в том числе следует заткнуть кое-какие рты), а заодно быстрее похоронить дорогую супругу (желательно сделать это с раннего утра, чтоб ее тело не увидел никто из посторонних), причем изобразить все так, чтоб впоследствии комар носа не подточил. Понятно и то, что сейчас мы двое, то есть я и колдун – едва ли не главные свидетели того, что произошло в действительности, так что сейчас за наши жизни никто не даст и ломаной медяшки. Проще говоря, мне надо удирать отсюда со всех ног, а что касается колдуна, то за свои грехи пусть отвечает сам.

Мы не стали подходить к пруду по дорожке, усыпанной песком – в первом же удобном месте свернули в сторону, вернее, просто ушли в темноту. Правда, кое-где пришлось пройти едва ли не прямо по цветникам и клумбам, но нам сейчас не до того, чтоб опасаться повредить ухоженный сад – думаю, к утру тут и без нас натопают более чем достаточно.

– Куда мы сейчас?.. – спросила я.

– Сначала к пруду... – Вин оглянулся по сторонам. – Только обойдем его, не хватало еще, чтоб нас заметили. Брат сумел фляжку раздобыть, надо ее наполнить перед тем, как мы отсюда уйдем, да и нам самим напиться не помешает. Путь впереди долгий...

Это верно – пить давно хочется, да и от того зловония и гари, которыми был полон подвал, у меня давно першило во рту, и от этого мерзкого привкуса неплохо бы избавиться, а не то я никак не могла отделаться от впечатления, что от меня просто веет тяжелым духом.

В том месте у пруда, где мы остановились, не было ни одного человека – сейчас едва ли не все, кто обретался в имении, находились на противоположной стороне пруда, и там было достаточно шумно – слышались голоса людей, плеск воды, окрики... Все верно – одни носили воду, другие наводили чистоту в подвале, а охранники за всем этим приглядывали, вернее, пытались это делать, хотя во всеобщей неразберихе, которая этой ночью царила в имении, делать это было достаточно сложно. Впрочем, вряд ли кому-то из здешних стражей могло придти в голову, что сейчас кто-то решится на побег – уж очень растеряны все обитатели этого дома, а в такие моменты люди обычно не решаются на рискованные поступки. Все верно, только вот пускаться в бега следует именно в такое время, когда твое отсутствие будет не сразу заметно.

Не скажу, что вода в пруду была кристально-чистой, скорее с запахом тины и небольшой затхлости, да к тому же теплой, но сейчас это было неважно. Главное – можно напиться от души, избавиться от неприятного привкуса во рту и просто умыться, чтоб снять с себя тот налет копоти, который покрыл в подвале все, что там было, в том числе и кожу людей. Вон, братцы тоже умываются, причем со всем тщанием – та мельчайшая черная взвесь, что все еще находилась в воздухе подвала, осела и на их кожу. Конечно, долго оставаться здесь не следует, но на несколько минут можно и задержаться, тем более что от воды веет легкой свежестью, а вокруг нас находится самая настоящая зеленая трава, пусть и не такая высокая и густая, как мне бы того хотелось. В здешних засушливых местах такие вот зеленые уголки встречаются крайне редко, и потому в глубине души каждому из нас хочется хоть немного продлить пребывание возле этого пруда, тем более что легко можно представить, будто мы находимся на родине.

Внезапно до моего слуха донесся небольшой шум – такое впечатление, что неподалеку от нас кто-то споткнулся или оступися. Предупреждающе подняв руку – мол, сидите тихо и не шевелитесь!, Вин неслышно шагнул в сторону и словно растворился в темноте. Кажется, мы слишком рано позволили себе расслабиться, и если окажется, что по нашим следам идет охранник, то в этом случае нам придется плохо. Прошло, наверное, с минуту, и из кустов показалась невысокая фигурка.

– Госпожа...

– Ярли!.. – ахнула я. – Ты что тут делаешь?

Только сейчас я сообразила, что все это время даже не вспомнила об этой девушке. Хотя если припомнить, что произошло со мной за последний день, то моя забывчивость в чем-то объяснима.

– Госпожа, не бросайте меня, возьмите с собой!.. – такое впечатление, что Ярли готова упасть на колени. – Я все для вас сделаю, только не оставляйте меня здесь!

– А как ты нас нашла?

– Я все время шла вслед за вами, еще от подвала.

– Но как... Не понимаю...

– Из того подвала выход только один, вот я вас неподалеку и

поджидала.

– Да с чего ты взяла, что мне удастся оттуда выбраться?

– Милость Всевышнего велика, и я все это время молилась о том, чтоб он вам помог, и его благоволение распростерлось над вами... – всхлипнула Ярли. – Госпожа, если не хотите, чтоб я шла подле вас, то могу пойти вслед за вами, на расстоянии окрика... Только уведите меня отсюда!

В этот момент возле нас появился Вин – надо же, как он умеет тихо ходить, ни шелеста листьев и травы, ни скрипа песка под ногами, ни постукивания мелких камешков, которых тут хватает. Глядя на нас, Вин чуть качнул головой из стороны в сторону, и я поняла, что он хотел нам сказать – следом за этой девушкой никто не идет. Значит, и ей удалось незаметно уйти, хотя при той неразберихе, что творится сейчас у хозяйского дома, это вполне возможно.

А еще я только сейчас поняла, что разговариваю с Ярли на ее родном языке, хотя до этого мы с ней ни разу не перекинулись даже парой слов, ведь я постоянно делала вид, будто не понимаю здешнюю речь. Что ж, это мне наука – впредь стоит быть внимательней. Однако сейчас возник другой вопрос – что делать с Ярли? Хотя это не вопрос – ее следует взять с собой, не оставлять же здесь, потому что неизвестно, как она поведет себя в этом случае. Конечно, прихватить с собой совершенно незнакомого человека – это рискованно, ведь я совсем не знаю эту девушку, но, тем не менее, почему-то убеждена, что зла от нее нам ждать не стоит. Надеюсь, мужчины не будут против еще одной спутницы.

– Ярли, мы не знаем, что будет дальше, и идти с нами просто-напросто опасно. Ты же видела, что бывает с беглецами, которых ловят.

– Значит надо сделать все, чтоб нас не поймали!

Железная логика! Не знаю, что тут можно возразить, во всяком случае, нужных слов у меня не нашлось. Надеюсь, эта девушка знает, что делает.

– Ярли, перед дорогой тебе стоит напиться воды, как говорится, до отвала... – я кивнула головой в сторону пруда. – Давай быстрее!

– Госпожа!.. – Ярли улыбнулась, но по ее лицу текли слезы. – Госпожа...

– Времени мало, поторапливайся.

Дважды повторять не пришлось, и девушка едва ли не кинулась к воде, а я повернулась к мужчинам.

– Вот что, господа хорошие, не знаю, понравится вам это, или нет, но эту девушку придется взять с нами.

– На кой она нам сдалась?.. – заметно, что Дор не пришел в восторг от моих слов.

– Говорит, больше не может оставаться здесь, и умоляет взять ее с собой. Чувствуется, что настроена серьезно.

– Стоит ли вести с собой незнакомого человека? Я бы не рисковал – мало ли что...

– А вы предлагаете дать ей разок по голове и утопить в пруду?.. – поинтересовалась я. – Сами должны понимать – так просто она от нас не отстанет. Или, может, у вас есть намерение связать ее и оставить здесь?

– Связывать нечем, веревки нет... – пробурчал Дор. – Скажи хоть, кто она такая, эта девица, которая увязалась за нами? Я ее раньше почти не видел, хотя вас, кажется, вместе сюда привели...

– Верно. Эту девушку зовут Ярли, она вышивальщица. Больше ничего о ней не знаю, если не считать того, что она с раннего утра и до позднего вечера безвылазно сидела в хозяйском доме, расшивая наряды для бывшей «Звезды Востока». Еще могу добавить, что эта девушка часто плакала по ночам, и старалась по-возможности находиться подле меня. Вот, пожалуй, и все, что я о ней знаю.

– Да, немного... – подсадовал Вин. – Ладно, рискнем, все одно деться некуда, только предупреди эту девицу, пусть в дороге не жалуется на тяготы и усталость – жалеть и сочувствовать я не намерен. Кстати, Лиз, а я и не знал, что ты так хорошо говоришь на здешнем языке!

– У меня вообще много талантов... – усмехнулась я.

– Это заметно. Мы с Дором тут уже полгода, немного научились понимать здешнюю речь, можем объясняться с местными через пень-колоду, но у тебя, кажется, проблем со здешним языком нет. Раньше учила этот язык, верно?

– Вроде того.

– Ладно, все разговоры потом, а сейчас надо уходить. Лиз, зови свою приятельницу, мы и без того здесь задержались куда дольше, чем рассчитывали.

Через несколько минут наша четверка добралась до стены из белого камня, которая окружала имение. Перемахнуть через нее не составило особого труда, и теперь хотелось оказаться как можно дальше от этого дома и его обитателей. Я не имела ни малейшего представления, куда нам следует направиться дальше, но было понятно, что в темноте по незнакомой местности долго идти не стоит – так можно и ногу повредить, тем более что ям и рытвин тут хватало, а с больной ногой далеко не уйдешь.

– Куда мы идем?.. – спросила Ярли. Все это время она находилась возле меня, не отходя ни на шаг – похоже, боялась, как бы мы не передумали, и не ушли, бросив ее одну.

– Если честно, то не имею ни малейшего представления... – вздохнула я. – Надеюсь, мужчины знают, что делают.

– Госпожа, если мужчины хотят пойти той дорогой, по которой нас сюда привели, то делать это не стоит. Те два селения, которые миновали, когда нас вели сюда – они находятся на земле, которая принадлежит нашей хозяйке, и потому к ним даже близко подходить не стоит!

– Ты, наверное, имеешь в виду бывшую хозяйку, ту, что умерла?

– Конечно, ее... – закивала головой девушка. – Я хочу сказать, что люди в тех селениях выполняли все приказы хозяйки, а теперь, после ее смерти, наверное, будут слушаться хозяина. Помните беглого, которого забили у столба в тот день, когда нас привели сюда? Так это местные жители устроили на него настоящую охоту, и за поимку беглеца им хорошо заплатили...

– А откуда тебе об этом известно?

– Швеи рассказали, те, которые тут живут уже давно. Для местных, говорят, нет ничего лучше, чем поучаствовать в такой вот охоте – и заплатят, и хозяйке преданность докажешь. Нас в одной комнате шестеро находилось, и хотя мы работали целыми днями, молчать все это время не будешь, вот и говорили о самом разном. Этот беглый, тот, которого убили у столба в назидание остальным – он считался сердечным другом одной из швей, но когда решился на побег, то ничего ей об этом не сказал. Когда узнали, что он сбежал, то

швею наказали – хозяева не поверили, что она ничего не знала...

– К столбу поставили?

– Да... – вздохнула Ярли. – А потом еще и хозяйка ее плеткой отходила – дескать, нечего реветь, когда мою одежду шьешь, еще закапаешь слезами, пятна останутся...

Н-да, понятно, что хозяйка очень беспокоилась о своем гардеробе – она же после очередного омоложения намеревалась предстать перед двором Владетеля во всем блеске красоты и великолепия, так что и наряды должны быть безупречны. Похоже, бывшая «Звезда Востока» строила большие планы на будущее, и роскошные одеяния должны были лишний раз подчеркивать ее неувядающую красоту. Представляю, как она гоняла швей – наверняка бедные женщины голову не могли поднять от работы, а за любую оплошность получали хорошую трепку.

Меж тем Ярли продолжала:

– Слуги знают многое, и нам, как недавно прибывшим, все рассказывали. Да и хозяева, когда беседовали промеж собой, не обращали на нас никакого внимания, а мы ведь живые люди, которые все слышат...

– Лиз, ты извини... – вмешался Вин. – Я не понимаю половину из того, что вы говорите, но там, кажется, речь шла и о здешних местах. Может, она что-то о них знает?

– Сейчас спрошу, хотя вряд ли ей известно много.....

Однако, как выяснилось, Ярли, была в курсе всего лишь некоторых вещей – ну, это понятно, ведь те, кто живет в господском доме, невольно улавливает многие разговоры, да и женские пересуды никто не отменял, так что в памяти невольно откладывается многое.

Сейчас же общение Ярли с нашими мужчинами происходило так: она говорила, а я сразу же переводила. Оказывается, владения ныне покойной хозяйки располагаются на довольно-таки большой территории, правда, эти самые владения находятся вдоль дороги, вернее, по обеим сторонам дороги, и в длину простираются на десятков верст, а в ширину – на пять. Если же мы направимся на север, то там находится холмистая местность, а на юге – пески, вернее, самая настоящая пустыня... Невесело.

– Да, небогатый выбор... – Дор почесал в затылке. – Наши

первоначальные планы, кажется, никуда не годятся.

– А куда вы собирались идти?.. – поинтересовалась я.

– Намеревались пробираться вдоль дороги, вернее, на некотором расстоянии от нее... – подсадовал Вин. – Дошли б до более-менее людных мест, там постарались как-нибудь обзавестись новой одеждой, а не то вид у нас такой, что любой стражник задержит. Ну, а дальше стали бы действовать по обстоятельствам... Значит, теперь нам остается выбрать, куда идти – на юг, или на север, потому как вдоль дороги пробираться ни в коем случае не стоит. Знать бы еще, где здесь селений поменьше, и людей не так много – туда бы и направились.

На этот вопрос Ярли ответить не смогла – лишь развела руками. По ее словам, в этих краях люди селятся только вдоль дорог – так безопасней, потому как уж очень далеко от дороги жители этих мест стараются не отходить. Говорят, здешние края пользуются дурной славой, и потому поодиночке тут бродить не стоит – слишком опасно, да и по ночам тут гулять не принято, как раз наоборот – темное время здешние жители стараются проводить под крышей своего дома. Правда, чего именно боятся люди – этого Ярли не знала, потому как швей, которые шепотом рассказали ей об этом, наотрез отказывались более говорить на эту тему, лишь творили охранные знамения, и произносили нечто вроде того, что не стоит будить лихо, пока оно тихо. Мол, места здесь плохие, недаром к хозяйке никто из гостей лишний раз не ездит – опаску имеют, но мы-то живем под охраной, так что бояться не стоит...

А еще однажды Ярли услышала обрывок разговора хозяйки с мужем. Тогда эта дама получила письмо от кого-то из своих давних знакомых – неизвестно, что именно говорилось в том послании, вроде, была вполне обычная переписка, но одна фраза из письма, судя по всему, вывела хозяйку из себя, точнее, привела ее в самую настоящую ярость. Как видно, там вскользь упоминалось о том, что вся столичная знать уверена в том, что бывший Владелец поступил очень благородно со своей противницей: хотя «Звезду Востока» и выставили из дворца, но, тем не менее, Владелец был щедр – при расставании он одарил ее домом и землями. Мол, считается, что это был весьма возвышенный поступок с его стороны, ведь всем известно, какие немыслимые усилия прекрасная дама прилагала к тому, чтоб посадить на трон другого претендента, и едва не

исполнила свои намерения!.. Ох, как же хозяйка, прочитав эти слова, топала ногами и ругалась, поминая самыми плохими словами бывшего Владетеля! Она кричала мужу о том, что ее бывший царственный родственничек (жаль, что он не сдох куда раньше!) ловко изобразил великодушие перед всеми, а в действительности, направив ее сюда, он отомстил, причем безжалостно, припомнив все интриги, которые хоть когда-то творила против него «Звезда Востока». Дескать, здешние места считаются дурными, и только потому Владетель (чтоб его!..) меня сюда отправил! Он, мол, надеялся на то, что я тут долго не протяну, особенно когда узнаю обо всех здешних обитателях, только вот не на ту попал! Я человек осторожный, знаю, чего хочу, и лишний раз за дверь не суюсь, свою жизнь опасности не подвергаю! Что же касается благородства, то когда я вновь приобрету большое влияние во дворце Владетеля (а это обязательно произойдет, можно не сомневаться!) то впоследствии я сама, возможно, проявлю такое же великодушие – пришлю сюда кое-кого из своих врагов, чтоб мучились!..

– Ясно... – вздохнул Вин. – Вернее, ясности особой нет, но тут хоть думай, хоть нет, а выбор один – надо отправляться на север, тем более что мы и так идем в том направлении – с самого начала намеревались на приличном расстоянии обойти ближайшее селение. Если повезет, и нам удастся уйти, то выйдем к обжитым местам... Что касается направления на юг, то его я отмечаю сразу – в пустыне без воды мы долго не протянем, а одной фляжки на всех никак не хватит.

– На север – так на север... – согласилась я. – Только вот как в темноте определить, что мы не сбились с пути, и в какой стороне находится этот самый север?

– А звезды на что?

По звездам, значит? Мне доводилось слышать, что моряки могут прокладывать путь по звездам, но как-то не думала, что это можно делать и на земле. А звезды на южном небе, и верно, на удивление яркие, а одна из них сразу приковала мое внимание – сияет голубовато-синим цветом... Тьфу ты, нашла время, чтоб смотреть на небо и любоваться светом звезд!

– Пошли!.. – скомандовал Вин. – Только ступайте осторожно – ничего не видно! А еще здесь, по слухам, хватает змей...

– Мы вряд ли далеко уйдем... – я оглянулась. Вдалеке горели

факелы, освещающие господский дом, а вот в селении, что находилось недалеко от имения, не светилося ни одного огонька, хотя многие тамошние обитатели сейчас наверняка не смыкали глаз – слишком много шума исходило от господского дома, а подобное не может не привлечь внимание. Да в этой глуши любое, даже самое незначительное происшествие, сразу становится важным событием, которое будут долго обсуждать на все лады, но, тем не менее, сейчас в селении царит полнейшая тишина! Ни огонька, ни шороха... Невольно подумала о том, что если бы где-то в моей стране посреди ночи в господском доме возникла подобная неразбериха, то жители всех ближайших домов уже стояли бы возле того имения, и расспрашивали каждого, что произошло, а тут – полная тишина. Похоже, здешние обитатели придерживаются золотого правила – без крайней на то нужды никогда не интересоваться чужими делами.

Не знаю, сколько времени мы шли, но оглянувшись назад в очередной раз назад, я увидела, что господский дом скрылся за очередным холмом, и хотя мы отошли не так далеко, на душе у меня сразу стало легче. Впрочем, такого мнения придерживалась не я одна – мои спутники тоже то и дело оглядывались назад, и после того, как все мы перестали видеть далекие огни, каждый только что не вздохнул облегченно.

– Давайте немного передохнем... – Вин огляделся по сторонам. – В этом месте камней нет, один песок. Тут даже вздремнуть можно...

– Стоит ли?.. – кажется, Дору не очень понравилось предложение брата. – Мы прошли-то всего ничего...

– Зато имение сумели покинуть, а это главное... – Вин сел на землю. – Пусть у нас фора во времени совсем небольшая, но все же она имеется. В темноте брести не стоит – мало того, что под ногами почти ничего не видно, так еще я пару минут назад чуть на змею не наступил, а если вспомнить рассказы старожилов, то почти все здешние змеи ядовиты... Надо дождаться рассвета – как только станет чуть светлее, сразу же отправимся в путь. Так что, господа беглецы, отдыхайте, пока есть возможность, силы нам еще понадобятся. Ну, а пока я первым буду дежурить, и через несколько часов ты, братец, меня сменишь.

– Пожалуй, ты прав... – теперь и Дор уселся неподалеку от брата. – Пара часов сна всем нам явно не помешает. Так что, красавицы, можете прилечь подле меня, возражать не стану. Приставать тоже не

буду – спать хочу, так что обещаю быть настоящим благородным рыцарем, верно оберегающим покой прекрасных дам.

– Это так любезно с вашей стороны!.. – я не удержалась, чтоб не съехидничать.

– Сам знаю... – Дор зевнул, растягиваясь на земле. – Только никто этого не ценит...

Через минуту он уже негромко похрапывал, и почти сразу же уснула Ярли, которая прилегла рядом со мной. А у меня отчего-то совсем не было желания спать, и я смотрела на звездное небо, разыскивая ту звездочку, которая светит голубовато-синим светом. А, вон она, эта маленькая звезда! Почему-то, глядя на нее, мне припомнилось то знаменитое сапфировое кольцо, фамильная ценность нашей семьи. Ох, как только я вспоминаю это потрясающее украшение, и то, что Воган осмелился его украсть и продать, как у меня в душе нарастает гнев против мужа! Досадно, что развестись не успела... Все, что мне остается, как только рассчитывать на то, что тетя Фелисия возьмет в свои руки не только завершение моего развода, но и поиски сапфирового кольца. Надеюсь, у нее получится найти пропажу, потому как тетушка поднимет изрядный шум, и Тирла еще не представляет, что ее ждет! Связи у тетушки обширные, денег на поиски она жалеть не станет, и если кольцо не покинуло пределов нашей страны, то его обязательно отыщут. Более того – я должна сделать все, чтоб вернуться домой, хотя бы ради того, чтоб вновь увидеть эти волшебные синие камни, глядя на которые, ты забываешь обо всем плохом...

Ох, стоит подумать о колье, так припоминается и Воган. Надо же, еще несколько месяцев назад я и представить себе не могла, что от моей большой любви может не остаться ничего, кроме неприязни и отторжения. Хотя, наверное, это произошло не разом, и для этого были предпосылки – слишком долго копилось все плохое, и кольцо стало той последней каплей, что переполнила чашу моего терпения. Есть поступки и слова, которые нельзя прощать, да и забывать их не хочется. А еще существуют такие моменты, после которых люди из самых близких и дорогих становятся никем и ничем.

Что же касается меня, то в данный момент я никак не могу оторвать взгляд от темного неба с россыпью звезд. Конечно, камни в кольцо сияли другим цветом, бархатно-синим, но отчего-то мне казалось, что между звездочкой на небе и пропавшим колье есть

какая-то связь. Наверное, это глупо, но надо же верить в хоть какую-нибудь сказку!

Еще было бы неплохо полной мерой осознать все происходящее. Если коротко, то настоящее выглядит так: каким-то чудом избежав смерти, я сумела сбежать с малознакомыми людьми, иду с ними невесть куда, и непонятно, что ждет меня впереди. А еще нам наверняка придется уходить от погони... Н-да, тут не знаешь, что и сказать! Конечно, наивно рассчитывать на то, что мы сумеем уйти, но попытаться все одно стоит, и надежду терять тоже не следует. И потом, почему бы нам не понадеяться на еще одно чудо? Радует хотя бы то, что к этому времени я уже почти полностью выздоровела после отравления, так что если Светлые Небеса будут ко мне милостивы, то я выдержу дорогу, даже довольно тяжелую... Ох, Тирла, если мне провезет, и я вернусь домой, то можешь быть уверена – все произошедшее тебе с рук не сойдет!

– Лиз, ты чего не спишь?.. – негромко поинтересовался Вин.

– Звезды пересчитываю... – посвящать его в свои мысли я не собиралась.

– Нам с утра предстоит долгий путь, так что звезды лучше видеть во сне.

– Это кому как... – раз есть возможность, я решила задать вопрос, который интересовал меня битый час. – Послушай, Вин, а отчего вы решили бежать, взяв меня с собой? Удрали б вдвоем, и к этому времени были бы уже далеко отсюда. Да и хлопот у вас было б куда меньше, идти могли быстрее, и я б у вас на шее не висела, вернее, там не болтались бы мы с Ярли, которая вообще свалилась нежданно-негаданно...

– А разве тебе самой это не ясно?.. – Вин был серьезен. – Конечно, двум мужчинам бежать куда проще и легче, тем более что мы с братом уже давно мечтали о побеге, прикидывали, как это сподручней провернуть, но в действительности все произошло совершенно неожиданно. Говорят, такие неподготовленные побеги, которые происходят случайно – они самые удачные. Что касается тебя... На свете существует такое понятие, как «порядочность», и мы, как ты помнишь, его нарушили, причем повели себя в отношении тебя столь недостойным образом, что об этом все еще стыдно вспоминать! Потому-то у нас даже не возникло вопросов насчет того,

брать тебя с собой, или нет – подобное даже не обсуждалось, мы считали себя обязанными это сделать. Я помню наши долгие вечерние разговоры, и твои слова о том, как ты мечтаешь покинуть это место. Вот и решили, что надо тебя вытаскивать из того подвала...

– Кстати, не расскажешь, что произошло? Я почти весь вчерашний день просидела взаперти, и о многом могу только догадываться.

– Вообще-то время уже позднее...

– А ты расскажи коротко!

– Ну, если в общих чертах...

По словам Вина, вчерашний день начался как обычно, все невольники отправились на работы. Однако прошло не так много времени, как в имение пожаловал гость, весть о появлении которого мгновенно разнеслась по всем уголкам имения, и если проявление этого немолодого мужчины вызвало немалую радость хозяйки, то рабы всерьез струхнули. Невольников можно понять – сюда пожаловал колдун, и предугадать дальнейшие события не составляет труда: хозяйка к завтрашнему утру помолодеет и похорошеет, а с заднего двора вывезут повозку с мертвыми телами. Люди и без того были перепуганы, а уж когда разнеслась весть о том, что в господский дом затребовали одну из тех невольниц, что оказались здесь совсем недавно, а вместе с тем приказано было навести порядок в подвале – вот тогда люди испугались едва ли не до дрожи в коленях. Всем было известно, что за этим последует, ведь недаром при одном только упоминании о том, что надо спуститься в подвал хозяйского дома, невольников едва ли не трясло от ужаса. Дальше все пошло по давно накатанной колее: всех рабов выстроили во дворе, колдун пару раз прошелся вдоль длинной цепочки людей и отобрал десять человек, которых отправили под замок. Излишне упоминать, что все они были крепкими молодыми мужчинами, и среди этих «счастливчиков» оказались двое братьев...

Почему люди, на которых указал колдун, вели себя настолько покорно? Как сказал Вин, дело в том, что каждый из того десятка хорошо понимал, что происходит, но сил сопротивляться не было, и потому все они, помимо своей воли, безропотно выполняли приказы колдуна. Впрочем, тот и не скрывал, для чего отобрали мужчин – черный ритуал по омоложению входило многое, в том числе и

принесение человеческих жертв. Ну, а когда ближе к ночи бедолаг отвели в подвал господского дома, и закрыли там в одной из каморок – вот тогда у несчастных исчезла последняя надежда на спасение. Думаю, не стоит описывать, какие эмоции испытывали люди, которые не только находились в ожидании смерти, но и понимали, что после своей гибели их души вряд ли хоть когда-то попадут на Светлые Небеса...

Тем невероятней было то, что внезапно эти несчастные ощутили, как с них разом спало оцепенение, и почти сразу же стало понятно – власти колдуна над ними больше нет. Без сомнений, у каждого из невольников было только одно желание – как можно быстрее покинуть не только этот подвал, но и само имение! Правда, для начала каждый мечтал выбраться хотя бы на воздух...

Через какое-то время (показавшееся им невероятно долгим) людей выпустили из каморки в грязный и задымленный подвал, и велели наводить в нем чистоту – мол, работать будете до того, пока не отдраите все до блеска. Впрочем, сейчас в подвале и без того всю кипела работа, а невольники негромко передавали друг другу новости, которые им стали известны: во время проведения ритуала что-то пошло не так и хозяйка померла. Как видно, она накопила столько грехов, что прощать их Всевышний уже не мог! Колдун вроде жив, хотя ему крепко попало, однако с чернокнижниками так легко не расправишься, они живучие!.. Сейчас колдун сидит под замком, жива и та рабыня, которую хозяйка намеревалась использовать для своего омоложения...

Что им делать дальше – с этим братья определились сразу: более в этом месте они не останутся, и без того задержались здесь куда дольше, чем следовало. То, что надо уходить, пока в доме царит полный раздрай и беглецов хватятся не сразу – это тоже было понятно, но в то же самое время мужчины решили, что не уйдут, оставив меня здесь. Подвал все же был не ахти каких больших размеров, так что всем было известно, где я находилась, и для моего освобождения оставалось только раздобыть ключ от замка. Надо сказать, что эту задачу братья решили просто: зная, у кого именно из охранников обычно находится связка ключей от дверей подвала, Вин подстерег того человека в укромном месте, хорошенько врезал ему по зубам, забрал ключи и утащил в кусты потерявшего сознание охранника. Стоит признаться и в том, что кроме ключей, молодой человек забрал у охранника фляжку, широкий ремень и пару ножей –

увы, остальное оружие было слишком громоздко, так что Вину пришлось довольствоваться малым. Ну, а все остальное мне известно...

– Вы очень рисковали...

– Главное, мы сумели покинуть тот проклятый дом... – отмахнулся Вин. – Теперь надо сделать все, чтоб уйти от погони, ведь если нас поймают, то понятно, какой будет наша дальнейшая судьба.

– А то как же, имею представление... – вздохнула я. – Когда горющему вдовцу станет известно о том, что сбежало несколько невольников, то он отправит на нашу поимку всех, кого сможет найти. Дело тут даже не в том, что надо должным образом поддерживать в невольниках страх при одной только мысли о побеге. Мы представляем для него немалую опасность, ведь если станет известно, что его женушка увлекалась черными обрядами, а он об этом знал и помалкивал... В общем, красавчику очень и очень повезет, если он останется на свободе. Естественно, без единой монеты в кармане и с полностью испорченной репутацией.

– Согласен... – кивнул головой Вин. – Вдовец не станет жалеть деньги на то, чтоб послать вслед за нами погоню. Впрочем, насколько я понимаю, местные жители и сами не прочь заработать на охоте за беглыми. К тому же они хорошо знают здешние места, в отличие от нас. Конечно, мы с братом пытались кое-что узнать об этом крае, но прямо расспрашивать не станешь, приходилось довольствоваться слухами, подслушанной болтовней охранников, их сплетнями и пересудами. К сожалению, этого недостаточно, и к тому же неизвестно, верны ли были те обрывки разговоров. В общем, полной ясности как не было, так и нет.

– Понимаю.

– Лучше расскажи, отчего на самом деле умерла хозяйка. Невольники шепотом говорили разное, не знаешь, кому из них верить.

– Давай об этом поговорим с утра – не хочется несколько раз повторять одно и то же.

– Не возражаю... Лиз, ты лучше спи, а то завтра нам придется много идти...

– Хорошо.

– Да, и вот еще что... – Вин улыбнулся. – Лиз, можешь считать это запоздавшим комплиментом, но я только недавно рассмотрел, какая ты красивая.

– А раньше не замечал?.. – я даже несколько растерялась от таких слов, потому как в последнее время мне приходилось слышать о своей внешности несколько иное мнение, куда более негативное.

– Возможно... – Вин обезоруживающе развел руками. – Знаешь, ты вечно ходила в этом старом платке, которое наполовину закрывало лицо, отворачивалась, и потому казалась старше своих лет. А вчера ты словно преобразилась! То-то невольники упоминали о том, что хозяин, увидев тебя, так просто не отстанет – он, как и все мужчины, равнодушен к красивым женщинам, тем более что с его законной половиной вряд ли можно полноценно радоваться жизни.

А ведь и верно – красавчик, как выразилась бы бабуса Вогана, враз положил на меня глаз, дожидался, когда я покину комнату его супруги, чтоб предъявить права на меня, как на свое имущество. Надеюсь, бесценная женушка впоследствии устроила ему хорошую трепку – она ж прекрасно понимала, по какой причине я разбила вазу с фруктами о голову ее дорогого супруга.

– Спасибо за комплимент, приятно слышать... – улыбнулась я. – Просто мне позволили смыть с себя толстый слой грязи, а еще я где-то потеряла платок...

Мы отправились в путь сразу же после того, как чуть посветлело, и можно было рассмотреть то, что находится у нас под ногами. Небольшие холмы сменялись ровной поверхностью, потом земля вновь шла бугры и пригорки. Хватало каких-то ползающих насекомых, иногда пробегали мелкие зверьки, отдаленно напоминающие мышей, то и дело видели змей... Песок, мелкие камни, сухая земля с чахлой растительностью, а еще в ней полно мелких норок... Так поневоле и задашься вопросом – как же тут живут люди, в этой жаре и сухости, ведь они должны что-то растить на своих огородах? Хотя, кажется, в селениях хватает зелени... Впрочем, я опять думаю не о том.

Шли быстро, хорошо понимая, что нам надо как можно дальше оторваться от преследователей. Вин уже коротко сказал нам о том, что с поимкой беглых рабов тут особо не заморачиваются. Все просто: для отлова сбежавших невольников в господском доме с утра

собирают окрестных жителей, и те отправляются на охоту за очередным беглецом. Естественно, здешние обитатели хорошо знают местность, и не прочь заработать, так что вряд ли просто так отстанут от нас. Конечно, с ними пойдут и охранники, но тут нет особой разницы, потому как большая часть охранников, несущих службу в имении, набрана как раз из местных жителей. Поговаривали, что хозяйка, несмотря на свою скупость, никогда не жалела денег на оплату охранникам, и они верно ей служили – еще бы, никому не хочется терять такой хороший источник дохода, особенно здесь, в глуши!

Единственное, что радует в нашей непростой ситуации, так только то, что по нашему следу не пустят собак, и причина этого кажется просто невероятной – их здесь просто нет. Как это ни удивительно, но в здешнем государстве под названием Тарак собака (надо же!) считается грязным животным, и поэтому жители их не заводят. Держать у себя собак дозволено лишь иноземцам, причем не просто так, а по особому разрешению. Впрочем, даже они стараются не злоупотреблять этим дозволением, потому как от неприязни окружающих это не спасает. Что же касается нашей ситуации, то здесь я могу сказать только одно: нам очень повезло, потому как в округе нет ни одной собаки.

Поднималось солнце, становилось все жарче, но мы старались идти настолько быстро, как это было в наших силах, и на коротких привалах каждый по очереди делал по глотку воды из фляжки. Это, конечно, совсем немного, но воду надо экономить, ведь неизвестно, когда в этих засушливых местах нам удастся встретить хоть какой-нибудь источник. А еще неплохо бы поесть, но тут уж ничего не поделаешь – надо терпеть, тем более что на сегодняшней жаре есть не очень-то и хочется.

Мы почти не разговаривали – пока не о чем, да и не стоило тратить на это силы. Зато с наступлением дня мужчины то и дело оглядывались по сторонам – как видно, смотрели, нет ли погони. А еще братья иногда наклонялись, и поднимали с земли округлые камни, и складывали их к себе в карманы, так что через какое-то время идти им стало куда тяжелей – все же камни весят немало. Понятно, что без крайней на то нужды мужчины вряд ли стали бы собирать камни, но они ничего не говорили, а мы не спрашивали.

Однако время шло, ничего не менялось, и я уже начала, было,

наивно надеяться на то, что мы ушли от погони. Увы, когда время приблизилось к полудню, Вин, оглянувшись в очередной раз, коротко ругнулся:

– А, чтоб вас!..

– Догоняют?.. – почти утвердительно поинтересовался Дор.

– Как того и следовало ожидать...

Теперь и я постаралась рассмотреть тех, кто нас догонял, но день сегодня был очень жаркий, пот заливал глаза, и потому рассмотреть что-то в горячем мареве я не смогла. Заметила лишь, что вдали показались какие-то темные точки, и их было что-то около десятка...

– Что делать будем?.. – спросила я.

– Надо бы найти место, где можно встретить неприятеля... – Вин еще раз огляделся по сторонам. – Пока что ничего подходящего не вижу, но надеюсь, что вскоре отыщем...

У меня было множество вопросов, но я пока что решила помолчать – надеюсь, у мужчин уже есть какой-то план. Я же, если честно, к этому времени настолько устала, что уже с трудом передвигала ноги – еще бы, мы шли уже почти семь часов, пусть даже и с короткими перерывами. Очень хотелось попросить хотя бы пять минут отдыха, но глянув на Ярли, которая шла, не высказывая ни малейшего недовольства и не говоря ни слова, у меня враз пропадало желание жаловаться: раз она помалкивает, то и мне стоит потерпеть.

Подходящее место отыскивалось менее чем через четверть часа – это была каменистая площадка посреди ровной местности. Еще на этой площадке находилось несколько валунов, правда, не очень высоких, но стоящих неподалеку друг от друга. Правда, к тому времени, когда мы подошли к этим валунам, стали хорошо видны и наши преследователи. Дюжина мужчин в простой одежде довольно-таки бодрым шагом приближались к нам. Естественно, эти люди шли не с пустыми руками – у них были прихвачены с собой мотыги и дубинки. Ну, при желании и мотыга может стать хорошим оружием, во всяком случае, одним ударом такого вот садового инструмента можно нанести серьезное ранение. Преследователи особо не торопились, да и зачем тратить лишние силы, если и так понятно, что беглецам уже никуда не деться. Наверное, эти люди уже стали прикидывать, куда они потратят деньги, полученные за нашу поимку.

Я посмотрела на своих спутников – надо же, а братцы довольно спокойны, и не похоже, что они собираются послушно поднимать вверх свои руки. Верно, не для того мы удирали, чтоб снова попасть под то же ярмо, хотя, скорей всего, нас после поимки, в назидание остальным, забьют на заднем дворе имения. Мельком глянула на Ярли – та испугана, но молчит, лишь с надеждой смотрит на нас. Ну и хорошо – мужчины должны быть уверены, что в случае чего истерик и неприятностей от своих спутниц им ждать не стоит. На всякий случай я негромко произнесла, обращаясь к Ярли:

– Не беспокойся – мужчины сделают все, чтоб эти люди от нас ушли.

– Я знаю... – Ярли кивнула мне головой, и, судя по голосу, у нее в этом нет сомнений. Ох, мне бы такую уверенность...

Меж тем мы дошли до каменистой площадки, и Вин повернулся к нам:

– Значит так, дамы, садитесь посреди этих валунов, и не высовывайтесь. Можете даже лечь. Главное – нам не мешайте.

Вообще-то я ничего не имела против этого предложения, тем более что сил идти у меня уже не было – хорошо еще, что вообще сумела добрести до этого места. Потянула за собой Ярли, которая и без моих слов поняла, что от нее требуется, и мы с ней уселись на землю, и все, что нам оставалось – наблюдать за всем происходящим со стороны. Меж тем Вин снял с себя ремень, и я увидела в руках Дора еще один ремень. Хм, интересно, где он его сумел раздобыть? Впрочем, сейчас это не так и важно. Главное, что преследователи подходят все ближе, и я даже стала различать их лица. Как и следовало ожидать, среди них я заметила двух охранников из имения – вот у этих в руках не мотыги, а мечи... Сейчас эти люди обходят нас кругом, берут в кольцо...

Меж тем братцы, сохраняя полное спокойствие, встали по разные стороны площадки, вытряхнув себе под ноги все камни, которые они собрали по дороге, сложили вдвое ремни, которые держали в руках... Надо же, до меня только сейчас стало доходить, в чем дело!

– Вы что, собираетесь сбивать камнями этих людей?.. – вырвалось у меня.

– Вроде того... – Вин поднял с земли один из камней. – Милые

дамы, внимательно посмотрите на землю – если вам на глаза попадется камень, похожий на те, что мы подбирали по дороге, то бросайте его нам – боеприпасы лишними не бывают. Так, Дор, расстояние вроде подходящее... Начинаем!

В центр ременной петли Вин положил камень, и стал раскручивать эту петлю над своей головой горизонтальными движениями, постоянно усиливая свои движения, а потом камень вылетел из петли и со свистом полетел в сторону приближающихся людей. К сожалению, камень пролетел мимо приближающихся людей, но Вин уже поднимал с земли новый камень, и снова раскручивал ремень над головой... Следующий бросок оказался куда более точным, и один из преследователей, выронив мотыгу, закричал, схватившись за руку. Похоже, у этого человека серьезная травма – почти наверняка перебита рука, но у меня нет ни малейшего желания выказывать ему свое сочувствие. Сам шел сюда, хотел подзаработать, так что должен был подумать и о возможных неприятностях...

Несколько следующих минут мы с Ярли едва ли не ползали по земле, подбирая подходящие камни (к сожалению, таких отыскалось совсем немного), и слышали только свист летящих камней и крики людей. Смотреть на то, как братья отбивают нападения, у меня не было особого желания – это не спектакль с актерами, а по-настоящему опасное дело. И я была невероятно рада услышать слова Вина:

– Они отходят...

А ведь и верно: наши преследователи отступают, причем весьма неорганизованно. Кое-кто хромает, одного вообще едва ли не тащат... Все правильно – удар летящего камня может причинить немало неприятностей. Хорошо хотя бы то, что на земле не осталось лежать поверженных людей.

– Какие же вы молодцы!.. – меня переполняли эмоции.

– Приятно слышать... – усмехнулся Вин. – Только вряд ли эти люди так сразу уйдут. Ранили мы человек семь, но даже раненые пока что уходить не торопятся – наверняка ожидают подкрепления.

– А я-то думала, что это все, кто отправился за нами...

– Боюсь, что за нами пошло куда больше желающих заработать, просто эта группа опередила остальных – наверняка торопились первыми захватить беглых. Вскоре сюда заявятся еще любители

охоты на людей, и потому нам пока не стоит покидать это место – все же камней тут хватает, пусть даже они не очень подходящие для пращи. Лучше пусть будет хоть что-то, чем совсем ничего. К тому же нам всем требуется отдых, вот и совместим приятное с полезным.

– И где вы так научились метать камни?

– Это детские проказы, за которые нам здорово попадало... – Вин присел на валун, не сводя глаз с наших преследователей. Сейчас они находились в отдалении, стояли одной толпой, но уходить, судя по всему, не собирались. – На той улице, где мы жили, находился дом старого солдата – он всю жизнь провел в армии, был пращником. Вот его мастерству можно только завидовать! Мне кажется, он мог из пращи сбить муху на лету! Семейей этот человек так и не обзавелся, и потому хорошо относился к местным ребятишкам, и кое-кого из них учил метанию из пращи. Как ты понимаешь, мы с братом попали в число этих счастливиц. Ох, сколько ж мы во время учебы всего перебили, начиная от соседских куриц и кончая оконными стеклами!..

– Да уж, мать об нас тогда не одну хворостину изломала!.. – хохотнул Дор.

– Было дело... – улыбнулся и Вин. – Как вспомню – до сих пор задница болит, прошу прощения у дам за это слово.

– Не у тебя одного есть столь приятные воспоминания... – не переставал веселиться Дор.

– Зато если бы не ваше умение, то неизвестно, чем бы все закончилось!.. – я говорила совершенно искренне.

– Это верно, но... Понимаешь у нас в руках все же не праща, а обычный ремень, к нему еще приноровиться надо, а это далеко не так просто. Потому-то у нас и было столько неудачных бросков, и к тому же тут очень многое зависит от камня... В общем, наша точность оставляет желать лучшего. Можно сказать – просто повезло, что мы сумели отогнать этих людей. Посчастливилось и в том, что в погоню за нами отправились простые селяне. Будь на их месте стражники или настоящие солдаты – вот тогда шансов на спасение у нас бы не было. И потом, целиться из пращи вообще сложно, и даже опытный пращник не всегда может учесть все особенности камня и...

– Кажется, к нашим преследователям подошла подмога... – Дор стал серьезен. – Отсюда, правда, все не рассмотреть, но кое-что

увидеть можно...

– Верно, сюда заявилось еще десятка полтора желающих... – Вин поднялся с валуна и всмотрелся вдаль. – Дамы, попрошу вас снова заняться поиском камней, подходящих для метания, потому как мы израсходовали почти все, что у нас было припасено.

– Да тут почти нет тех округлых камней, что вам нужны!.. – подсадовала я.

– Собирайте все, которые сочтете годными, мы потом отберем то, что годится...

Как мы и опасались, через какое-то время преследователи вновь повторили свою атаку, но в этот раз старались близко не подходить. В этот раз нападающие на рожон не лезли, и после того, как несколько человек получили ранения, остальные предпочли не рисковать. Правда, спустя час нападение повторилось вновь, но удача опять была на нашей стороне.

Самое удивительное наступило потом – наши преследователи ушли. Мы вначале не поверили своим глазам, когда увидели, что селяне, поддерживая раненых, направились прочь, а потом и вовсе исчезли с наших глаз. Это еще что такое? Плохо верится, что эти так называемые охотнички решили уйти, тут должна быть какая-то иная причина, причем достаточно серьезная, потому как если эти люди вернуться в имение с пустыми руками, то вряд ли им заплатят хоть монетку, а крестьяне деньги считать умеют. Но время шло, погоня не возвращалась, и мы решили тоже пойти своей дорогой – все же время уже давно перевалило на вторую половину дня, и нам не стоит задерживаться. Надо уходить, а если погоня вновь объявится, то мы успеем найти себе подходящее место, чтоб вновь держать там оборону – здесь таких каменистых площадок немало. Кроме того, у нас почти не осталось воды – как бы мы ее не растягивали, но жара берет свое, и если мы в самое ближайшее время не найдем хоть какой-то источник... Ну, об этом пока лучше не думать.

Однако мы прошли совсем немного вперед, как увидели лежащую на земле холщовую сумку, причем старую и потрепанную – с такими здесь обычно ходят здешние крестьяне. По-сути, это был обычный мешок с длинным ремнем – не даром такие сумки носят через плечо. Понятно и то, каким образом она тут оказалась: эти так называемые охотнички только что не кружили вокруг нас, выбирая

удобный момент для атаки, а также едва ли не подталкивая вперед другого человека – никому не хотелось первому лезть под летящие камни. Ясно и то, что эту сумку вряд ли кто-то уронил (хотя, на мой взгляд, именно на этом и строился расчет) – скорее, ее оставили специально. Ладно, посмотрим, в чем тут дело.

Как это ни странно, но в сумке оказалось несколько больших лепешек, пусть и довольно сухих – в этой стране хлеб большей частью пекли из ячменной муки, а он быстро черствеет. В любом случае при одном только взгляде на эти присыпанные мукой лепешки у меня только что не забурчало в желудке. У остальных, впрочем, тоже.

– Это что еще за подарок?.. – поинтересовался Дор. – Ох, что-то я крепко сомневаюсь в том, что кто-то не обратил внимания на то, что потерял свою сумку, и остальные тоже не заметили лежащее на земле хозяйское добро. Во всяком случае, ни мотыг, ни дубинок на земле не оставлено – все подобрали.

– Может, лепешки отравлены?.. – предположила я.

– Кто знает... – Вен закрыл сумку, и повесил ее себе на плечо. – Хотя вряд ли крестьяне потащат с собой отраву – здешние законы весьма суровы к отравителям. Да и за хранение яда в этой стране можно головы лишиться.

– Да в этой глуши никаких законов нет!

– Э, не скажи... – невесело усмехнулся Вин. – Для господ тут, и верно, законы не писаны, а вот простых людей заставляют их придерживаться, и строго спрашивают, если что не так... Ладно, пока уберем этот хлеб, а дальше будет видно. Пошли дальше, и не забываем собирать камни...

Снова холмы, сухая земля, камни... Каждый раз, поднимаясь на очередной холм, мы с надеждой смотрели вокруг – нет ли где-то зеленого пятна или хотя бы небольшого водоема, но пока не было ничего похожего. А вот вслед за нами, как оказалось, отправилось несколько человек, но какое-то время они шли на довольно-таки значительном расстоянии, не приближаясь, но и не отставая. Впрочем, через полчаса они от нас отстали, и сколько мы не осматривались вокруг, так никого из них увидели. Прошло еще полчаса, и мы окончательно убедились, что, погони, по счастью, не видно, и очень хочется надеяться, что люди, преследующие нас,

решили более не идти за нами.

С того времени, как мы покинули каменистую площадку, прошло не менее часа, и мы стали уже подумывать об очередном привале, присматривая подходящее место. И вот, забравшись на вершину очередного холма, Вин, шедший впереди, остановился, смотря вперед, а потом повернулся к нам.

– Или это у меня с глазами что-то не то, или впереди вода...

Излишне упоминать, что мы все едва ли не мгновенно оказались рядом с Вином, на вершине холма, и от удивительного зрелища у нас перехватило дыхание – внизу, между несколькими холмами, находилась небольшая зеленая ложбинка, посреди которой находилось крохотное озеро. Тишина, покой, никакого присутствия человека...

Не сговариваясь, мы бросились вниз, и уже через несколько минут жадно пили воду, которая, на удивление, оказалась прохладной и довольно-таки чистой. Наверняка внизу бьют холодные ключи...

От воды мы смогли оторваться только после того, как каждый понял, что он более не в состоянии проглотить ни капли. Вот теперь можно и осмотреться, понять, где же мы оказались. Не знаю, что думали остальные, но мне показалось, что я попала едва ли не на Небеса – зеленая трава, прохлада от воды, тишина... Даже жара здесь не так ощущается, что объяснимо – ведь день близится к вечеру. Удивляло и другое – едва ли не все вокруг было покрыто длинными плетями растущих тыкв и дынь. Впрочем, хватало и вызревших...

Не знаю, сколько дынь мы съели разом – с полдюжины, не меньше. Сидя на земле, я понимала, что если сейчас нам придется подняться на ноги и куда-то идти, то лично для меня сделать это будет очень тяжело. А еще того и гляди в сон начнет клонить...

– Интересно, местным жителям известно об этом благодатном уголке?.. – задала я интересующий меня вопрос.

– Конечно, должны знать... – отозвался Вин. – По-сути, это озеро расположено не так далеко от господского имения, и добраться до этих мест можно без труда. Только вот, судя по всему, сюда никто не ходит, что очень странно. Знает, что меня еще удивляет? В этих местах немало песчаных зайцев, а еще тут, по слухам, хватает животных вроде сайгаков. Да в жизни не поверю, что здешнее зверье не ходит сюда на водопой! К тому же листья на растениях здесь

почти не объедены, да и дыни с тыквами не тронуты, а так быть не должно!

– Ты считаешь, что здешний огород кто-то охраняет?.. – хмыкнул Дор. – Фантазия у тебя, братец, просто неумная!

– А ведь ты прав... – задумчиво произнес Вин. – Все, что мы сейчас видим – это, и верно смахивает на огород. Знать бы только, кому он принадлежит...

– Давайте-ка лучше еще дыньку уговорим... – Дор поднялся. – Я невдалеке такую красотку присмотрел – сама под нож просится... А это еще кто такой?!

В следующий миг мы все уже оказались на ногах, и сонной одури как не бывало. Надо сказать, тут было, чему удивляться – неподалеку от нас стоял маленький человечек, высотой всего с треть роста обычного человека. Вообще-то вначале я решила, что вижу перед собой обезьяну, но сразу же отбросила эту мысль – пропорции тела этого существа были вполне человеческие, только вот оно все было покрыто коричнево-зеленой шерстью. Увидев, что мы на него смотрим, человечек оскалился, и я увидела у него во рту острые зубы, куда больше похожие на клыки. А уж когда человечек издал звуки, больше похожие на шипение, и его глаза сверкнули красным – вот тогда мне стало жутковато.

– Уходим... – Вин шагнул, было, в сторону и остановился – там, словно из-под земли, враз показалось несколько точно таких же существ. Больше того – эти непонятные создания стали подниматься с земли, словно по команде, а от того шипения, которое они издавали, хотелось заткнуть уши.

– Пошли в воду!.. – вдруг закричала Ярли. – Быстрее, пока они не напали! Эти... они боятся воды!..

Два раза повторять не пришлось, и едва ли не в следующее мгновение мы оказались в воде. Далеко заходить не стали, тем более что озеро оказалось довольно глубоким, и уже через десяток шагов мы уже находились по пояс в воде. Ярли оказалась права – эти странные создания, и верно, не решались зайти в воду, но зато стояли на берегу, не сводя с нас красных глаз с вертикальным зрачком. А еще я невольно обратила внимание на пальцы этих человечков, вернее, на их ногти – длинные, черные, утолщенные... Таким царапнет – мало не покажется!

– Это кто такие?.. – недоуменно спросил Вин, глядя на берег, где толпилось уже десятка четыре странных существ.

– Горати... – пролепетала Ярли. – Это горати...

– Кто-кто?

– Я боюсь...

– Мы тоже боимся, так что рассказывай, не тяни!

По словам перепуганной Ярли, горати – это маленькие кровожадные существа, живущие в отдаленных местах. Они селятся там, где есть вода, и растят себе еду – тыквы, арбузы, дыни, а их жилища находятся в пещерах под землей. Дор, сам не зная того, сказал правду – мы невольно оказались в их огороде, которые они всеми силами оберегают от посторонних, и не стоит говорить о том, что ожидает тех, кто вздумает посягнуть на их посадки. Оттого-то животные и обходят это место, ведь если они оказываются поблизости, то сами могут попасть на зуб горати, которые, помимо овощей и фруктов, очень любят мясо...

Люди очень боятся горати, и стараются даже близко не подходить к местам их обитания – это слишком опасно. И уж тем более не может быть даже речи о том, чтоб убить одного из горати – остальные существа найдут убийцу по запаху, и понятно, что может ожидать несчастного.

А иногда происходят и совсем жуткие истории: бывают периоды, когда у горати совсем не оказывается еды – у всех бывают сложные периоды, и эти существа не исключение. Когда становится совсем голодно – вот тогда маленькие человечки пробираются к людям. Для чего? А разве непонятно? Они крадут кого-либо из людей, и хорошо, если их аппетиты ограничиваются одним человеком... Потому-то жители тех мест, где живут горати, по ночам запираются на замки и никогда не покидают дом в темное время...

– Что делать будем, господа хорошие?.. – мрачно спросил Вин. – Если я правильно понял, то эти существа от нас уже не отстанут.

– Нет... – покачала головой Ярли.

– А если... – внезапно мне в голову пришла странная мысль. – А что если те лепешки, которые мы нашли в сумке, бросить этим существам?

– Зачем?

– Ну, вдруг там яд, и они отравятся... Ярли, горати едят хлеб?

– Они едят все, но хлеб любят особенно...

Вин достал из сумки лепешки, которые, по счастью, стались сухими, и протянул их нам.

– Так, ломайте их на небольшие куски и бросайте на берег – пусть подавятся...

Куски хлеба полетели на берег, и там сразу же возникла настоящая драка – горати дрались между собой за хлеб, подбирая даже крошки. Я же, посмотрев на Ярли, увидела, что она нюхает свои пальцы, вернее, ту муку с лепешек, которая осталась на ее пальцах. Отвечая на мой невысказанный вопрос, она вздохнула:

– Это не мука и не яд. Лепешки обсыпаны размолотым белым маком...

– Не поняла...

– Белый мак – очень сильное сонное средство, его нужно применять в малых количествах, а иначе можно спать очень долго, а потом еще и голова будет сильно болеть...

– Откуда тебе это известно?

– Просто знаю...

А вот теперь все становится на свои места. Видимо наши преследователи, поняв, что нас так просто не взять, решили пойти на хитрость – собрали всю провизию, которая была прихвачена с собой, и обсыпали ее порошком белого мака. Как видно, кто-то из охотников оказался очень предусмотрительным человеком, прихватил с собой это средство. Расчет был простой – если беглецы с голодухи съедят хлеб, то уснут, после чего их можно брать голыми руками. Для того и следили за нами какое-то время, а потом ушли – как видно, знали, что может оказаться на нашем пути, и просто не рискнули пойти дальше... Нам же сейчас остается надеяться только на то, что сонное средство должным образом подействует на этих самых горати...

Так и случилось. Прошло совсем немного времени, когда горати стали вести себя куда тише, они уже не так шумели, их движения стали вялыми, а потом коричнево-зеленые человечки стали падать на землю... Через несколько минут весь берег был покрыт спящими

горати, и мы рискнули выйти на берег. Надо же – большинство человечков спит беспробудным сном, а некоторые еще пытаются бороться со сном, и при виде нас даже пытаются подняться на ноги – как видно, этим досталось совсем немного сонного порошка. Впрочем, у нас не было никакого желания задерживаться и рассматривать этих существ – следует как можно скорей покинуть это место.

Мы успели немало пройти до наступления темноты, а еще нам удалось найти неплохое место для ночлега – на вершине каменистого холма. Обзор отсюда открывался неплохой, да и никакой хищник не сумеет бесшумно подняться вверх по осыпающемуся каменистому склону.

Казалось бы, можно ложиться спать, тем более что день был тяжелый, и мы устали, но просто так засыпать не хотелось. Было желание немного поговорить, отвлечься, и я, не знаю почему, спросила Ярли едва ли не первое, что пришло в голову:

– Откуда тебе известно, что белый мак – это сильное сонное средство?

– Моя тетка была любительницей мака, без опиума жить не могла... – после паузы ответила Ярли. – Хотя не была, а есть... У нас в доме всякого мака хватало... Тетка меня и продала на рынке рабов.

– Но почему? Как это случилось?

– Я больше не хотела жить.

– Но что произошло?

– Госпожа, можно я расскажу об этом чуть позже? Не хочу вспоминать...

– Ярли, извини меня за излишнее любопытство...

– Это вы меня простите, госпожа...

Пожалуй, мне не стоило лезть с расспросами к девушке – чувствую, что я задела у нее в душе глубокую рану. Ох уж мне это извечное женское любопытство!

Узнать бы еще, как оказались в рабстве Вин и Дор...

Глава 6

Мы вновь вышли в путь с первыми лучами солнца – идти не так жарко, да и хочется оказаться как можно дальше от тех мест, где обитают горати, эти покрытые шерстью маленькие человечки. Местность вокруг по-прежнему холмистая и сухая, не радующая глаз ни одним зеленым пятном. Еще то и дело встречались каменистые участки, так что наши спутники продолжали собирать подходящие по размеру камни для пращи – неизвестно, что нас еще может ждать впереди.

Ярли то и дело оглядывалась назад – похоже, опасалась погони, и я могу ее понять. Побейте бы уйти отсюда, тем более что эти сухие места должны когда-то закончиться. А еще у меня от голода стало посасывать под ложечкой: те дыни, что мы съели вчера – это, конечно, неплохо, но с той поры прошло уже немало времени, а сегодня хотелось бы чего-то посущественней и побольше.

На отдых мы остановились часа через полтора – солнце поднялось уже достаточно высоко, да и прошли мы немало. Присев в тени нескольких больших валунов, мы какое-то время молчали – просто не хотелось разговаривать: не знаю, как на остальных, а на меня окружающая нас местность действовала угнетающе.

– Лиз, а что твоя приятельница постоянно озирается по сторонам?.. – поинтересовался Дор.

И верно – Ярли, не переставая, оглядывалась назад, и, кажется, даже без моего перевода поняла, что спрашивал Дор.

– Конечно, не приведи того Всевышний, но я боюсь, что горати пойдут за нами...

– Почему ты так думаешь?

– Горати очень злые, и потому никто старается их не сердить... – вздохнула Ярли. – Даже когда они ночами приходят в какую-нибудь деревушку, и забирают с собой кого-то из тамошних жителей – даже тогда на крики несчастного никто не выходит. Хотя голос этого обреченного человека долго не звучит – горати быстро перегрызают ему горло. Ну, а если кто-то и решится выйти, чтоб помочь этому бедному человеку, то горати утаскивают и его. Их много, они

наваливаются все разом, так что победить их невозможно. А еще они очень сильные...

– Так эти самые горати еще и людоеды вдобавок?

– Да, но только когда они очень голодны. А голодны они бывают часто.

Теперь мне понятно, отчего в поселке, расположенном подле имения, было тихо, и никто из тамошних жителей не выходил на улицу, и это несмотря на то, что в имении стоял самый настоящий шум. На ночь в селении наверняка не только двери запирают на надежные замки, но и окна изнутри плотно закрывают ставнями. К тому же и погоню за нами стали собирать только с рассветом, когда поднялось солнце, и людям можно не опасаться прихода горати. Впрочем, погоня тоже продолжалась далеко не весь день – видимо, после того, как мы удалились от поселка на некое, сравнительно безопасное для людей расстояние, погоню было решено свернуть – местные жители стали опасаться возможной встречи с горати, ведь они наверняка знали, где именно обитают кровожадные человечки. Да и день к тому моменту давно перевалил за свою половину, пора возвращаться домой, пока еще светло – не стоит понапрасну рисковать.

А еще мне стало понятно, что имела в виду хозяйка, когда говорила, что новый Владыка отправил ее сюда в наказание. Конечно, имение красивое, с большими окнами, открытыми террасами, балконами, стены обвиты вьющимися розами... На первый взгляд – усада для глаз и души, если, конечно, не знать того, что не так далеко от этого чудного места угнездились настоящие людоеды, и велика вероятность, что однажды ночной порой ты можешь ощутить, как на твоей шее смыкаются чьи-то острые клыки. Потому-то бывшая «Звезда Востока» и завела в своем имении такую большую охрану – эта женщина понимала, что для собственной безопасности денег жалеть не стоит. Именно оттого ночью имение освещалось светом факелов, да и охранники не смыкали глаз – тут если зазеваешься, то можно остаться без головы.

Тем не менее, вопросов у меня еще оставалось много, потому как раньше я о горати никогда не слышала, и даже не подозревала, что на свете есть такие существа.

– Эти человечки... Они охотятся только ночами?

– В селения – да, туда они приходят только по ночам. Поговаривают, что ночью эти создания Темных Небес видят куда лучше, чем днем. А так горати ходят везде, и, по слухам, добывают себе еду не только в темное время, но и при свете солнца...

– Не понимаю местных жителей! Раз тут так опасно, то почему они ничего не предпринимают? Ушли бы отсюда, или обратились б за помощью к властям – те должны помочь!

– Госпожа, а куда людям идти?.. – даже удивилась Ярли. – Здесь их дом, их земля, могилы предков. Все бросать и уходить невесть куда никто не станет – соседи сразу заберут себе брошенное добро! Да горати и не приходят днем, так что в светлое время можно спокойно работать даже на дальних полях. И потом горати лучше не трогать – говорят, у них хороший нюх, и они всегда могут отыскать того, кто их обидел, и тому человеку придется очень плохо. К тому же в случае уж очень большой опасности, людям, чтоб спастись от горати, следует бежать на проезжую дорогу, ту, что пошире – как это ни удивительно, но эти человечки никогда не ступают на дороги!

– Почему?

– Этого никто не знает. Они могут долго ходить вдоль дорог, но ступать на них отчего-то не решаются. В воду они тоже никогда не зайдут – потому нам и удалось там отсидеться... Что же касается властей... Как видно, у них много важных забот, и пока что им нет дела до нужд простых людей, да и с горати связываться никому не хочется – говорят, если они хоть кого-то поцарапают своим когтем, то тот несчастный умирает...

– Тебе об этом рассказали женщины в имении?

– Что вы, госпожа! Они просто говорили, что тут плохие места...

– Тогда откуда же ты знаешь, что эти существа называются горати?.. – поинтересовался Вин. Братья внимательно слушали все то, что говорила Ярли, вернее, мой перевод ее слов. – И откуда тебе так хорошо известно об их нравах и привычках?

– Я одного горати однажды видела... – пожала плечами девушка. – Видимо, Всевышний решил, что мне это необходимо...

– Как видела? Где?

– Несколько лет назад, на базаре...

По словам Ярли, ее семейство уже несколько поколений занималось вышивкой, и члены этой семьи по праву считались одними из лучших вышивальщиков в стране. Не сказать, что они были очень богаты, но и бедными их было тоже не назвать. Частенько отца призывали ко двору того или иного господина расшивать одежду, и отец брал с собой детей – пусть, мол, работают с малолетства, нечего бездельем заниматься!.. Таким образом они объездили едва ли не всю страну, много где побывали, немало видели и слышали. А еще отец Ярли очень любил бродить по базарам тех городов, где они останавливались – там можно много чего посмотреть, а заодно и узнать немало интересного.

Как раз на одном из этих шумных базаров они как-то услышали крик зазывалы, который приглашал любопытствующих поглядеть на горати. В то время для Ярли горати был чем-то вроде сказочного персонажа, так что она упростила отца посмотреть на это существо. Отец и не возражал – он и сам был не прочь глянуть на горати, тем более что цена за вход была совсем невысокой. Вот там-то, посередине большой потрепанной палатки стояла железная клетка, в которой, забившись в угол, сидел маленький человечек, покрытый свалявшейся коричнево-зеленой шерстью, и с ненавистью смотрел на каждого, кто появлялся перед его глазами. Еще в палатке находились двое мужчин, которые не подпускали посетителей близко к клетке – дескать, это слишком опасно.

Заплатив еще пару монет одному из тех мужчин, что стояли возле клетки, семейство вышивальщиков услышало рассказ о том, как двум отважным охотникам удалость (вернее, посчастливилось) поймать горати – его накрыли ловчей сетью, а иначе еще неизвестно, чем могла закончиться встреча в горах. Мужчина оказался словоохотливым, долго рассказывал о жизни и привычках этого существа. Все это время горати, не шевелясь, сидел в своем углу – казалось, никто и ничто не может заставить этого человечка подняться на ноги.

Семья вышивальщика уже собралась, было, уходить, когда в палатке появилось несколько молодых людей, которые не только находились под хмельком, но и желали поразвлечься. Предупреждения о возможной опасности от горати парни пропустили мимо ушей, и более того – решили показать, что ничего не боятся. Не обращая внимания на предупредительные окрики стоящих рядом мужчин, один из молодых людей подошел к клетке и просунул туда

руку, желая схватить горати за загривок. Все остальное произошло мгновенно: горати повернулся, вскочил на ноги и впился зубами в руку парня. Раздался хруст, затем молодой человек закричал, отпрянул от клетки, а в следующий миг все увидели, что человеческая кисть осталась в руках у горати, из культи парня хлещет кровь, и его приятели трезвеют на глазах. Еще через секунду горати, не обращая ни на кого внимания, сунул в рот оторванную кисть и стал ее грызть...

Что там произошло дальше – это Ярли не знает, потому что ее отец, схватив детей за руки, опрометью бросился из палатки, а сзади доносились крики людей и рычание горати. Чем в итоге закончилась вся эта история – это ей неизвестно, да и, честно говоря, знать не хотелось. Перепуганная Ярли на всю жизнь запомнила увиденное, хотя лишний раз старалась не вспоминать о том жутковатом происшествии – страшно. Меньше всего она ожидала вновь встретить горати, и уж тем более здесь, где от этих существ невозможно спрятаться...

– Да уж, невесело... – покачал головой Вин. – Остается надеяться, что эти мохнатые человечки от нас отстали.

– Все в руках Всевышнего... – вздохнула Ярли.

Через несколько минут мы вновь двинулись в путь, только теперь уже и мужчины нет-нет, да и оглядывались назад. Ничего не говоря друг другу, мы невольно убыстряли шаг – хотелось оказаться как можно дальше от того места, где обитают горати, потому как вновь встречаться с этими созданиями у нас не было ни малейшего желания. Хотя, кажется, мы и без того отошли на достаточно большое расстояние, но, тем не менее, после слов Ярли в глубине души появился легкий холодок. Увы, небезосновательно...

Оглянувшись в очередной раз, Вин остановился, и, прикрыв глаза ладонью от слишком яркого солнца, посмотрел вдаль. Прошло несколько долгих мгновений, и Вин вдруг произнес:

– Дор, посмотри, что там сзади...

Впрочем, Дор и без просьбы брата всматривался в сухую местность позади нас, и если б тетя Фелисия услышала те слова, которые он произнес после увиденного, то дверь в ее дом для молодого человека оказалась бы закрыта навсегда.

– Неужели горати?.. – вырвалось у меня.

– Они, паразиты!

– И далеко?.. – упавшим голосом спросила я.

– Да как сказать...

– И сколько их?

– Нам хватит!.. – оборвал мои расспросы Вин. – Так, вон там, в стороне, холмы повыше и покруче, так что бегом туда!

Вообще-то в той стороне, куда мы сейчас бросились едва ли не со всех ног, холмы были выше всего лишь ненамного, зато с более крутыми склонами, только вот сейчас не до уточнений. Конечно, холм – это совсем не то место, где можно прятаться, однако это все же хоть какая-никакая, но возвышенность, и при нападении у нас будет хотя бы маленькое, но преимущество.

Когда мы добежали до нужного холма и поднялись на вершину, то пот лил с нас ручьем, а дыхание перехватывало. Конечно, пробежки в такую жару удовольствием никак не назовешь, но если жить захочешь, то на подобное неудобство не будешь обращать особого внимания. Пока братья вытряхивали из своих карманов часть собранных камней и доставали ремни, мы с Ярли сумели вытащить из земли два довольно-таки весомых булыжника и подтащить их к вершине – конечно, это нам вряд ли поможет, но все же...

Горати показались через несколько минут – надо же, бежит добрый десяток особей, пусть даже не очень быстро, то и дело склоняя свои лица к земле – ну просто как собаки, которые бегут по следу! Верно, Ярли уже упоминала о том, что у горати хороший нюх... Увидев нас, человечки издали шипение, которое мы уже однажды слышали, только сейчас оно звучало куда громче, а еще это шипение перебивалось рычанием, очень похожим на то, которое издают разъяренные звери. Хоть уши затыкай! Вдобавок мы вынуждены смотреть на то, как эти создания раскрывают свои рты, показывая острые клыки, и тут можно сказать одно – это зрелище не для слабонервных. Отчего-то мне подумалось о том, что в чем-то понимаю ныне покойную «Звезду Востока» – когда знаешь, что у тебя под боком обитают такие существа, то на охрану скупиться не станешь!

Впрочем, сейчас у меня нет возможности проявлять слабость и падать в обморок от увиденного – такое поведение подходит для

салонов, а не для грубой действительности. К тому же эти существа отнюдь не намеревались вступать с нами в долгие переговоры – как раз наоборот, продолжая издавать жуткие звуки, горати кинулись к нам.

Надо сказать, что в каком-то смысле нам повезло – как видно эти существа нападали не поодиночке, а всей кучей, разом сминая добычу, и запуская в нее когти и зубы. Почему повезло? Да просто камни, брошенные из пращи, враз положили двух горати, а большой камень, который я непонятно какими силами умудрилась поднять и швырнуть в бегущих человечков, ранил еще двоих. Похоже, эти создания не привыкли к сопротивлению (судя по всему, здешние крестьяне при виде этих существ пытались убежать, и им даже в голову не приходило давать отпор мохнатым человечкам), и потому горати отступили, оставив убитых, а раненые отползли сами. Все остальное было предсказуемо: человечки сменили тактику, рассыпались вокруг холма, и стали забираться наверх поодиночке, разом со всех сторон. Конечно, наши спутники без остановки крутили пращи, и камни летели в горати без остановки, но эти существа почти всегда умудрялись уклониться от летящих на них каменных снарядов, хотя еще три человечка оказались подбиты. Тем не менее, было понятно, что долго нам не продержаться...

Однако не прошло и минуты, как все поменялось. Я не поняла, что произошло, но горати, которым до нас оставалось пройти не более полутора десятков шагов, внезапно бросились вниз с холма, и, судя по их виду, мы потеряли для них всякий интерес. Ничего не понимаю – они ж только что рвались к нам в полной ярости... Да что происходит? В растерянности я отвела взгляд в сторону... А это еще кто такие?

К холму приближалось странное существо, взглянув на которое, в первый момент я решила, что перед нами невесть откуда появился огромный крокодил. Ранее я не раз видела на картинках крокодилов, и потому вначале подумала, что вижу перед собой эту рептилию, но потом поняла – передо мной находится нечто совсем иное. Пятнистая шкура, чуть более короткая морда, и длинный змеевидный хвост, похожий на толстый канат... А еще с нижней челюсти существа свисала длинная вязкая слюна... Оскалив страшную зубастую пасть и переступая упругими когтистыми лапами, это непонятное создание быстро приближалось к нам. Ой, а вот и еще один такой же гм... крокодил, и еще... Внезапно одно из этих существ повернулось,

взмахнуло своим длинным хвостом, словно бичом, и один из горати, по которому пришелся удар этого хвоста, взлетел в воздух, но упасть не успел – этот так называемый крокодил перехватил человечка еще в воздухе, сжал свои страшные челюсти... Когда горати вновь оказался на земле, то передвигаться он уже не мог – похоже, у него было переломано немало костей и разорваны мышцы. Что же касается так называемого крокодила, то оставив обездвиженную жертву на земле, он уже бросался погоню за вторым горати, который со всех ног припустил от своего преследователя...

– Это что, то есть кто?.. – только и смогла произнести я, глядя на то, как маленькие человечки поспешно покидали поле боя. – Что за зверь такой?

– Их называют каркидонами... – Вин не сводил глаз с этих больших существ, которые, несмотря на свою громоздкость, двигались достаточно быстро.

– Как-как?

– Каркидон... – Дор почесал в затылке. – Его еще называют сухопутным крокодилом...

– Так и есть... – теперь уже и Ярли подала голос. – За каркидонами многие охотятся, и за шкуры этих зверей на базарах просят немалые деньги. Многие готовы платить и того больше, лишь купить шкуру каркидона.

– Что, на свете так много любителей диковинок?

– Нет, просто эти шкуры очень крепкие... – Ярли не сводила глаз того, что творилось у основания нашего холма. – Из них даже изготавливают панцири для воинов – их никакая стрела не пробивает!

– А еще поблизости должен быть водоем... – добавил Дор. – Как нам говорили, эти хвостатые, хотя и называются сухопутными крокодилами, тем не менее, не могут жить без воды...

Меж тем каркидоны уже справлялись с четвертым по счету горати, и каждый раз это происходило одинаково: вначале на бегущего человечка обрушивался удар длинного хвоста, затем сбитого с ног и оглушенного горати каркидоны сжимали своими челюстями, после чего бросали на землю неподвижное тело жертвы, и бросались в погоню за новой добычей. Впрочем, оставшиеся в живых горати со всех ног удирали отсюда – видимо, они хорошо

знали, что может ждать их в дальнейшем. Ну, а ни один из трех каркидонов не стали пускаться в погоню за убегающей добычей – и без того хватит, чем перекусить, на земле остался лежать не один горати.

Пока эти крокодилы (по-иному я их про себя не называла) отрывали куски тел от лежащих на земле горати, Вен повернулся к нам.

– Быстро уходим, пока нас не заметили!

Дважды повторять не пришлось, ни у кого не было желания тут оставаться. Мы, стараясь двигаться как можно быстрее, спустились с холма и бросились бежать. Оглянувшись, я заметила, что одна из этих зверюг кинулась, было, вслед за нами, но, по-счастью, быстро отстала: пока что еды и так хватает, не стоит тратить время на поиски новой добычи, а не то можно вообще без обеда остаться, потому как отсутствием аппетита никто из каркидонов не страдает... Ну, а мы мчались, глядя не столько по сторонам, сколько себе под ноги – если упадем и расшибемся, то еще неизвестно, сумеем ли вообще уйти от этих жутких созданий...

Остановились мы только тогда, когда уже не было никаких сил бежать дальше. Усевшись (вернее, почти упав) в небольшой тени колючего кустарника, мы какое-то время молчали, лишь тяжело дышали после долгого бега. Затем каждый сделал по паре глотков воды из фляжки – конечно, это совсем немного, но к этому времени во фляжке уже почти не осталось воды.

– Вин, ты, кажется, говорил, что неподалеку должен быть водоем... – эти слова вырвались помимо моей воли.

– Да, но если там обитают каркидоны, то идти туда не стоит... – устало произнес Вин. – Вы же видели этих милашек, так что представляете, на что они способны.

– А ты их раньше видел?

– По счастью, лицезрел только в виде чучела... – усмехнулся Вин. – Кстати, оно было очень неплохо изготовлено... Но тот человек, что показывал мне это чучело, кое-что рассказал как о самом каркидоне и его привычках, так и об охоте на него. Помнится, охотник упоминал о том, что когда эти существа голодные, то едят все подряд, и за добычей могут передвигаться достаточно быстро – во всяком случае, вполне могут догнать бегущего человека. Достаточно

сказать, что каркидоны довольно успешно охотятся на сайгаков, утаскивают в воду баранов, нападают на людей – вон, даже горати их боятся. Кстати, чешуя у этих зверюг просто непробиваемая! А еще у каркидонов слюна ядовитая – если укусят, то вряд ли выживешь. Отсиживаются и ночуют эти милашки в норах возле воды, там же обычно подстерегают добычу, причем прячутся так, что с первого раза их и не заметишь! Потому-то я и не хочу идти к воде – раз эти существа ходят по суше, значит, их хватает и в озере...

Пожалуй, Вин прав – лучше не рисковать понапрасну. Я вспомнила круглые красные глазища этих созданий, а вместе с тем и длинный хвост, одним ударом которого каркидоны с легкостью сбивали с ног свою добычу... Э, нет, я лучше еще немного потерплю без воды, но соваться туда, где живут эти существа, не стану. Судя по всему, мои спутники думали точно так же.

Отдохнув с четверть часа, мы вновь отправились в путь. Конечно, сейчас самая жара, лучше пересидеть в тени самое знойное время дня, но в глубине души каждому из нас хотелось оказаться как можно дальше от этих мест. Неизвестно, какие еще твари могут обитать в здешних краях...

Часа через два мы вышли к самой настоящей дороге, при виде которой у каждого из нас стало легче на душе: все же что ни говори, а дорога – это путь к спасению! Правда, даже беглым взглядом можно определить, что эта грунтовая дорога едва ли не заброшена, и ею пользуются крайне редко, но это даже хорошо – нам сейчас лишние глаза не нужны. Судя по ширине дороги, по ней когда-то передвигались повозки, а раз так, то эта стезя должна нас привести в то место, где живут люди. И потом, уж если нам встретился накатанный путь, то можно хотя бы не опасаться нападения горати, если, конечно, они тут есть. В случае чего эти маленькие человечки могут бежать за нами по обочине, шипеть, грозить, и даже скакать без остановки, но тут радуется другое: как говорила Ярли, на саму дорогу горати даже не ступят, и хоть в этом мы можем чувствовать себя в сравнительной безопасности. Что ж, пустяк, а приятно.

Трудно сказать, сколько времени мы шли по этой дороге – лично мне показалось, что очень долго, но затем увидели, что впереди находится дом. Не знаю, что подумали другие, но я в первый момент чуть глаза не потеряла – неужели тут, и верно, живут люди?! Интересно, кто решил поселиться здесь, в жаре, сухости и на отшибе

от людей?

Однако подойдя к дому, стало понятно, что это глинобитное здание заброшено. Надо же – вроде дом и выстроен крепко, и размерами куда больше обычных крестьянских домишек, а часть крыши уже прохудилась, дверь сорвана с петель, ставней на окнах тоже нет, стены поцарапаны... Ясно, что сейчас здесь никто не живет – люди ушли отсюда, и трудно сказать, когда именно это произошло. Сейчас же мы наблюдаем картину полного запустения, словно этот дом забросили, и теперь он сам по себе ветшает и разваливается... Надо же – тут, судя по всему, даже огородик имелся, однако сейчас об этом можно только догадываться. Вокруг стоит полная тишина, из дома не доносится ни звука...

Махнув нам рукой – мол, стойте на месте!, молодые люди скрылись в доме. Пока они там обшаривали все уголки, я думала о том, что где-то здесь должна быть вода, а иначе людям в этом месте жить было бы просто невозможно. И потом, огородик возле дома тоже чем-то надо поливать... К этому времени вода во фляжке уже закончилась, и пить хотелось просто невероятно. Я невольно искала взглядом хоть какой-то родник, или влажное пятно на земле, но вокруг и близко не было ничего похожего.

– Дамы!.. – в дверном проеме появился Вин, и, похоже, он был доволен. – Дамы, попрошу вас в дом! Спешу вам сообщить, что тут есть вода!

Дважды повторять не пришлось – мы с Ярли едва ли не со всех ног кинулись в дом. Пара комнат – и мы оказались в сравнительно небольшом, пустом помещении, и там, на земле, в большой каменной чаше находился крохотный родник. Этот родничок наполнял чашу, а излишняя вода снова уходила в землю, но сейчас нам было не до того, чтоб внимательно осматриваться по сторонам – главное, что, наконец-то, можно напиться от души!

Это уже позже, когда мы отдыхали, сидя на полу, я поняла, что бывшие хозяева этого дома, похоже, спрятали родник от посторонних глаз, а, может, и от солнца – наверное, боялись, что в жаркое время он засохнет, и обитатели дома останутся без воды...

– Надо же, источник находится прямо в доме!.. – Ярли была удивлена не меньше нашего. – Так делать не следует – еще Всевышний сказал, что воду нельзя прятать, она принадлежит всем

жаждущим!

– Как видно, не все чтут заветы... – мне сейчас совсем не хотелось рассуждать о том, верно ли поступили те люди, что когда-то построили этот дом.

– Ну, вот что, дамы... – Вин неохотно поднялся на ноги, хотя заметно, что у него тоже не было особого желания шевелиться. – Вот что, вы соберите то, что может гореть, а мы с братом по округе походим – вдруг что из еды отыщем...

– Только далеко не уходите!

– Это как получится...

Мужчины ушли, а мы с Ярли стали собирать обломки дерева (вернее, остатки от разломанной мебели), ветки, щепки... В доме следы настоящего разгрома – глиняные черепки, клочки ткани, камни, мусор – и все это покрывает слой песка и пыли. Одним словом, перед нами разрушение, уныние и запустение. По счастью, человеческих костей мы тут не заметили – уже неплохо. Радовало и то, что вода находится в этом доме, и я то и дело бегала к родничку, чтоб сделать глоток невероятно вкусной холодной воды...

Братья вернулись не с пустыми руками – они умудрились добыть песчаную куропатку, птицу довольно-таки немаленьких размеров. Оказывается, эти куропатки (как и домашние курицы) не умеют летать, но зато бегают так быстро, что и не догонишь. А ведь и верно – за сегодняшний день я несколько раз видела таких птиц, но они пробегали где-то вдалеке. По-счастью, нашим спутникам повезло, и они сумели подбить куропатку, и, значит, у нас наконец-то будет ужин.

Ярли ловко ошипала птицу, а мужчины отыскивали в каменной нише возле очага кремень и огниво – судя по всему, люди уходили отсюда в спешке, и потому забирали только самое необходимое, а о некоторых вещах впопыхах и не вспомнили. Ну и хорошо, потому как сейчас кое-что из добра, забытого хозяевами при поспешном отъезде, нам было просто необходимо.

Огонь разожгли в большом очаге, и мы с трудом дождались, когда куропатка будет готова, после чего честно поделили ее на четыре части, и мне показалось, что я никогда и ничего не ела вкуснее, пусть даже это мясо было несоленым. Главное – сейчас у нас есть ужин и холодная вода, а в нашем непростом положении пока что

ни о чем ином и мечтать не стоит.

До заката еще было время, но никому из нас даже в голову не пришло предложить вновь отправиться в путь – мы все очень устали, а в этом доме вполне можно устроиться на ночлег: куда лучше и безопасней провести ночь под крышей, чем в очередной раз на каком-нибудь пригорке. Вин, осмотрев дом, сказал, что лучше всего расположиться в угловой комнате, едва ли не самой маленькой из всех – там крыша цела, и в стенах нет ни одной трещины. Вход в комнату там совсем низкий – надо согнуться, чтоб войти внутрь. Окошечко там, правда, всего лишь одно, и оно совсем небольшое – в него только кошка пролезет, или с трудом проползет некрупная собака. Впрочем, ни у кого из нас не было намерений возражать Вину – хотелось просто выспаться, не опасаясь того, что ночью в тебя вцепятся чьи-то клыки, и комнатка для этого казалась вполне подходящей. Будь моя воля, я бы уже сейчас улеглась спать, несмотря на то, что солнце еще не ушло, но перед тем надо в комнате навести порядок, убрать с пола все лишнее.

Казалось бы, все хорошо, только вот Вин мрачноват, ходит по дому, заглядывает в каждый угол – похоже, ему здесь что-то не нравится. Надо сказать, что не только я, но и его брат обратил внимание на хмурое лицо родственника.

– Вин, в чем дело?.. – поинтересовался Дор. – Ты как будто ищешь что-то...

– Есть такое дело... – Вин почесал в затылке. – Понимаешь, я у родника нашел несколько клочков шерсти...

– Это ты про ту, которая темная и длинная?.. – Дор махнул рукой. – Так я ее тоже видел, причем не только у воды, но и в одной из комнат. Похоже, тут какой-то зверь на водопой приходил, а заодно о косяк почесался. Бывает...

Вообще-то я тоже заметила эту шерсть – коричневая, почти черная, длиной с мою ладонь. Клочки этой шерсти были совсем небольшие – помнится, я еще тогда продумала, что это какой-то зверь линял. У меня в детстве кошка была, совсем старенькая, так она по весне тоже теряла небольшие прядки...

– Звери на водопой один раз не ходят... – Вин был настроен не столь благодушно. – У них, как правило, для этого есть постоянное место, а раз так, то и сюда кто-то является каждый день. К тому же в

жилища людей звери стараются не заходить, и уж тем более они обходят это место стороной, если там остается запах человека, а этот запах не выветривается долгие годы. И еще одно: никто из вас не обратил внимания на то, как поцарапаны здешние стены? Лично я не могу отделаться от впечатления, что какой-то зверь точил здесь свои когти...

– Думаешь, здесь были горати?

– Нет, у них шерсть куда короче, да и цвет у нее другой...

– Может, сюда какой-то зверь приходил?

– Все может быть.

– И что ты предлагаешь? Искать другое место для ночлега?

– Не стоит, да и, честно говоря, уходить отсюда просто не хочется. Однако не помешает лишний раз проявить осторожность. На всякий случай...

– Кто бы возражал...

До захода солнца мы успели сделать все: в комнате устроили себе что-то похожее на лежанки, а еще принесли туда немного дров – как сказал Вин «на всякий случай». Кроме того, братья подняли с пола оторванную (правильней сказать – вырванную), дверь, заложили ею входной проем, да еще и сделали упор из нескольких крепких досок. Теперь сюда вряд ли кто проберется...

Зашло солнце, на землю упали сумерки, и в мы забрались в комнату. Дверь была наглухо закрыта, через крохотное оконце гаснущий вечерний свет почти не попадал внутрь, и в комнате было совсем темно. С дежурствами мы уже определились заранее, так что теперь можно спокойно отходить ко сну, тем более что за последние пару дней мы здорово вымотались.

Интересно устроен человек: вроде бы совсем недавно мечтала о том, как бы пораньше уснуть, а сейчас, когда появилась возможность уснуть, мне вдруг захотелось просто поговорить. Наверное, этому способствовала тишина за стенами дома и то удивительное чувство безопасности, которое я ощутила впервые за несколько дней.

– Господа хорошие, если вы еще не спите, то не могли бы ответить мне на пару вопросов?.. – поинтересовалась я.

– Сразу отвечаю... – подал голос Вин. Судя по голосу, ему тоже

не очень-то хотелось спать. – Мы с братом всегда к услугам прекрасных дам, и рады выказывать себя галантными и обходительными кавалерами хоть днем, хоть ночью.

– Второе время суток мне нравится даже больше... – хохотнул Дор. – Крылья распушим – и вперед! Не сомневайтесь – покажем себя орлами и соколами!

– Да ну вас!.. – теперь невольно рассмеялась и я. – Не обижайтесь, но меня давно интересует вопрос – вы, вроде, братья, но друг на друга совсем не похожи!

– Я больше скажу... – усмехнулся Вин. – Мы даже родились в один год и в один день.

– Конечно, мне бы не хотела показать себя бестактным человеком, который лезет не в свое дело...

– Тут нет никакого секрета... – Вин не дал мне договорить. – Все просто – у нас один отец, зато матери разные.

– Понимаю...

– Ну, чтоб была полная ясность, нам надо представиться: я Винсент Эрмант, виконт Меривел...

– А я – Дорен Мер... – добавил его брат.

Вот теперь мне многое стало понятно. Вин, он же Винсент происходит из знатной семьи, а вот что касается его братца, то тут все несколько сложнее. Он, без сомнений, рожден вне брака, но, тем не менее, отец признал сына официально, и дал ему свою фамилию, правда, несколько усеченную – именно таким образом положено поступать в подобных случаях, то есть когда у высокородного вне брака рождается ребенок, которого он считает своим, и от которого не намерен отказываться. Эти дети также считаются аристократами, только, если можно так выразиться, рангом чуть пониже. Титул виконта такой человек не получит, хотя является аристократом, имеет почти те же привилегии, и официально принадлежит к семье отца. Почему несколько уменьшатся фамилии? Просто именно таким образом подчеркивается их происхождение, и в случае смерти отца эти дети, как правило, не имеют прав на фамильное имущество – увы, так гласит закон. Однако в том случае, если у аристократа нет законных наследников – вот тогда эти рожденные вне брака дети вступают в права наследника.

– Меривел... – в свое время тетушка заставила меня выучить все аристократические семьи нашей страны, а заодно и их происхождение. Дело это непростое, путаное, особенно если учесть сложные родственные связи между семействами, в которых можно легко запутаться. – Вы сын графа Меривела?

– Он самый... – хмыкнул Вин. – Только я сын от второго брака. Что же касается моего старшего брата, наследника титула и состояния (которое, должен сказать, не ахти какое большое), то я его видел всего несколько раз в жизни.

Стоп, надо вспомнить, что я знаю о семействе Меривел. Кажется, это знатная фамилия много поколений назад имела отношение аж к королевской семье! Однако с течением времени род Меривел постоянно беднел, и сейчас они уже не владеют маломальски приличным состоянием. Конечно, высокое происхождение никто не отменял, и официально семья графа Меривел относится к самым знатым семьям страны, только вот родовитых семейств в нашей стране немало, а деньги имеются далеко не у всех.

– Погодите!.. – кажется, только сейчас Вин понял, что я упомянула титул его отца, а ведь он о нем ничего не говорил. – Погодите! Вы что-то слышали о моем отце?

– Нет... – вздохнула я. – Просто моя тетушка как-то упоминала о достопочтенном графе Меривел, и сейчас это имя всплыло в моей памяти.

– И кто же твоя тетушка?

– Весьма знающая дама... Но вы упоминали, что родились с братом в один день, верно? А матери у вас разные, так?

– Ну, если вам это интересно...

– Каюсь, интересно! Я, как все женщины, любопытна, и просто хочется знать немного больше о тех, с кем довелось встретиться едва ли не на краю света!

– Насчет края света – это полный перебор... – хмыкнул Вин. – До него еще идти и идти! Мы же в данный момент находимся в чужой стране и в полном захолустье, а это несколько иное местоположение... Лучше поговорим о нас, только, Лиз, учти, ты нам тоже должна будешь рассказать о себе!

По словам Винсента, его отец, почтенный граф Меривел,

овдовел, когда его возраст приближался к сорока годам. Пусть он не был красавцем в прямом смысле этого слова, но зато служил в армии, имел хорошую репутацию, спокойный характер, и мечтал о большой и крепкой семье, куда можно будет вернуться после окончания службы в армии. Конечно, у графа уже имелся сын и наследник, но неплохо бы заиметь еще детей. Понимая, что ему вновь следует жениться, граф выбрал себе ровню – молодую женщину из знатной семьи, у которой не было почти никакого приданого, кроме знатного происхождения.

К сожалению, брак не задался с самого начала, потому как свежеиспеченная графиня была давно и безнадежно влюблена в другого человека, и свадьба с графом ей была никак не нужна – молодую женщину просто заставили смириться с выбором семьи, тем более что предмет ее воздыхания был женат. К тому же граф оказался далеко не так богат, как рассчитывала новобрачная, что, естественно, ее совсем не радовало. Свое раздражение и недовольство жизнью молодая женщина выплескивала на мужа, и тот, что вполне естественно, стал искать любви и внимания на стороне, вернее, у своей кухарки, привлекательной особы с весьма боевым характером. Справедливости ради следует заметить, что эта женщина нравилась ему куда больше законной супруги. Такие хождения на сторону закончились тем, что в один далеко не прекрасный момент в интересном положении оказались как жена, так и кухарка. Графиня была неглупа, да и, живя в одном доме, трудно что-то скрыть, и потому правда очень быстро вышла наружу, тем более что молодая графиня догадывалась, от кого кухарка нагуляла ребенка. Понятно, что семейные узы, которые и без того были непрочными, стали трещать по всем швам. Страшно даже представить, какие громы и молнии ежедневно обрушивались на голову бедняги графа, у которого отныне имелось только одно желание – прервать свой долгий отпуск и вновь отправиться в полк.

Скандалы в семье продолжались едва ли не до родов, и грозили перейти в постоянную и непрекращающуюся войну, в которой молодая графиня находила себе хоть какую-то отдушину от происходящего. Незадолго до того срока, когда обоим надо было рожать, графиня, находясь в отвратительном расположении духа, оскорбила кухарку (надо сказать, далеко не теми словами, которые положено знать даме ее происхождения и воспитания), да еще и швырнула в соперницу чем-то тяжелым. Кухарка (которая и сама в

тот день чувствовала себя хуже некуда) терпеть не стала, забыла о почтении к хозяйке, и ответила адекватно. Дело кончилось тем, что дамы едва не передрались между собой, хотя успели вцепиться друг другу в волосы, что, разумеется, переходит все допустимые нормы приличия. Излишне упоминать о том, что обе женщины, не придя в себя после эмоциональной схватки, родили в тот же день, причем у каждой появился сын.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но не прошло и нескольких дней после родов, как молодая графиня получила известие – тот человек, которого она давно и преданно любит, внезапно овдовел. Этой новости вполне хватило для того, чтоб дама без разговоров покинула дом мужа, оставив ему новорожденного ребенка и письмо с требованием о разводе.

Надо сказать, что основным чувством, которое испытал граф при этом известии, было невероятное облегчение и пьянящее чувство свободы. Предоставив стряпчим решать все вопросы, касаемые его развода с супругой, граф отбыл в полк с намерением отныне никогда не связывать себя узами брака. Что же касается новорожденного сына, то его забрала себе кухарка, мать второго сына, чему граф был несказанно рад, потому как оказался без единой монеты за душой – жена увезла с собой все деньги, которые имелись в доме, да вдобавок перед отъездом успела наделать долгов. Если принять во внимание, что еще нужно платить за развод и прочее, то бедняге графу было сложно выделить деньги даже на кормилицу для ребенка, а ведь у него родился и еще один сын. Оттого-то слова кухарки о том, что малыша она сама выкормит, потому как молока у нее хватит на двоих, были восприняты графом едва ли не как спасение из более чем непростой ситуации.

Итак, господин граф отбыл в полк, к месту службы, оставив на руках небогатой любовницы двоих деток. Надо сказать, что женщина растила обоих мальчишек, как родных, сыновья любили свою мать, и все трое были по-настоящему привязаны друг к другу. Граф иногда присылал деньги, но их хватало только на скромную жизнь, ни о каких учителях или гувернерах тут и речи быть не могло, так что мальчишки с раннего детства носились по улицам среди таких же чумазных детей бедноты, и подобная жизнь их вполне устраивала.

Граф впервые увидел сыновей, когда его по ранению демобилизовали, и он вернулся домой. К тому времени детям

исполнилось почти по восемь лет, и оба тоже хотели встретиться с отцом, о котором им так много рассказывала мать. Надо сказать, что если сыновья были рады встретиться с родным папашей, то отец оказался несколько шокирован увиденным, потому как мальчишки выглядели как уличные хулиганы – босые, лохматые, в потрепанной одежде, один с подбитым глазом, другой с разбитым носом... Одно слово – дворовая босота. Вдобавок оба не умели ни читать, ни писать, да и ухватки детей были весьма далеки от совершенства. Враз осознав, что надо немедленно исправлять ситуацию и браться за воспитание подрастающего поколения, граф намеревался, было, отправить Винсента в военное училище, но тот наотрез отказывался ехать куда-то без брата, да и мать ребят устроила графу настоящую выволочку – мол, чем это один сын хуже второго?! Отец-то у них общий, да и парнишки толковые! Разве не понятно, что и второго сына надо как можно быстрее официально признать – кровь у вас всех одна!, и тогда парню в жизни придется куда легче!.. Немного подумав, отец согласился – вот, у герцога Мен уже более десяти незаконных детей, которых он признал и дал свое имя, и никто герцога за это не осуждает (кроме его жены, конечно!), а тут и всего-то один парнишка! Что же касается дальнейшего будущего этих ребят, то им, кроме как в армию, и пойти-то некуда – у отца все нет денег, чтоб содержать их должным образом, а служба в армии дает шанс многое изменить.

Вот таким образом сыновья графа Меривел и оказались в военном училище, где им пришлось довольно-таки несладко, потому как тамошние учителя вовсе не славились кротким и нежным нравом – как раз наоборот, там был весьма жесткий устав. Братья даже хотели удрать из училища домой, но постепенно смирились с действительностью. Ну, а потом, после того, как закончилась учеба, их путь лежал на службу в войска...

– А как вы здесь оказались?.. – спросила я. – Насколько мне известно, наша страна не воюет с этим государством, то есть с Тараком.

– Здесь совсем другая история...

Как я поняла, братья возвращались домой из поездки, связанной с их службой. По какой такой надобности братья отправились на корабле невесть куда – они не говорили, а я не спрашивала. Впрочем, это не имеет особого значения. Куда важнее другое: когда братья

возвращались назад, то уже на второй день морского путешествия, на их корабль напали пираты. Вернее, карсаны...

Кто такие карсаны? Это жители небольшой прибрежной страны Карс, которые очень любили, скажем так, промыслять на морях – недаром парусное суденышко средних размеров имелось едва ли не в каждом прибрежном поселке, а тамошних детей с малолетства учили морскому делу и сражениям на воде. Однако карсаны никогда не нападали прямо – понимали, что не всегда сумеют справиться с экипажем очередного корабля, и потому действовали иначе. На своих сравнительно небольших кораблях карсаны приближались к чужому кораблю на расстояние выстрела, и несколько раз выстреливали из судовой пушки по кораблю, причем стреляли не снарядами, а особой жидкостью, вспыхивающей на воздухе. Естественно, что при попадании этой жидкости на корабль тот загорался, причем потушить этот огонь было невозможно. Конечно, случалось и такое, что при неосторожном обращении со столь опасной жидкостью вспыхивал и сам корабль карсанов, но тут уж, как говорится, спрашивать не с кого, сами виноваты...

Так вот, после того, как карсаны поджигали корабль жертвы, они сразу же отходили назад на небольшое расстояние, и наблюдали за гибелью корабля. Они, как хищник за раненой жертвой, следили за тем, как люди вначале пытались бороться с огнем, а потом, осознав тщетность своих попыток, спускали шлюпки. Все остальное было просто: корабль карсанов подходил к гибнущему кораблю, после чего на борт поднимали барахтающихся в воде людей, а заодно и тех, кто пытался скрыться на шлюпке. Пленных связывали, и отводили в трюм, а заодно ждали, не останется ли сгоревший корабль на плаву после пожара, ведь на нем можно еще неплохо пожить. Впрочем, если даже на сгоревшем корабле не находилось ничего ценного, то карсаны особо не расстраивались, потому как эти морские разбойники охотились, в основном, за людьми, и Карс был одним из главных поставщиков рабов в иные страны.

Именно таким образом все произошло и в этот раз. Когда карсаны подожгли корабль, на котором находились братья, те едва успели выскочить из своей каюты, потому что пламя вспыхнуло совсем рядом. Из четырех спасательных шлюпок, что имелись на гибнущем корабле, две загорелись сразу, одну не сумели спустить на воду. Что же касается четвертой шлюпки, то в нее набилось столько желающих спастись, что она едва не черпала воду бортами.

Неизвестно, как бы стали развиваться события дальше, но, как оказалось, в трюме корабля, на котором находились братья, среди прочих товаров находилась бочка с кхитайским порохом – подобный груз к перевозке запрещен, это считается контрабандой, но, как видно, кто-то из экипажа решил рискнуть и неплохо заработать на перевозке опасного товара. Увы, до бочки добрался огонь, порох взорвался, причем взрыв оказался такой силы, что разворотило борт корабля, а ударная волна снесла людей в море, откуда их и выловили карсаны.

Уже позже, на берегу, когда у пленников стали выяснять их имена и происхождение, братья назвались простыми наемниками. Причина этому была проста – карсаны первым делом искали среди захваченных ими людей представителей знатных и богатых семейств, за освобождение которых впоследствии требовали большой выкуп у родственников. Ясно, что таких пленников охраняли, как собственный кошелек, и сбежать оттуда было невозможно. Если же родные пленника отказывались платить (а частенько назывались суммы, собрать которые было крайне сложно), то пленных просто убивали, причем очень жестоко, так сказать, в назидание остальным. Естественно, что у графа Меривел таких денег не было, да и взять ему их было просто негде, так что братья сочли за лучшее прикинуться простыми солдатами.

Все остальное было просто: пленников продали на рынке рабов, и братья оказались в Тараке, где их и купил управляющий «Звезды Востока». Молодым людям повезло хотя бы в том, что их не разлучили. Ну, а оказавшись в отдаленном имении, братья едва ли не сразу же стали прикидывать, как бы им сбежать, но рабов усиленно охраняли, да и неразумно совершать побег в никуда, не зная местности. В итоге молодые люди стали выжидать подходящего случая, и когда он наконец-то представился, медлить не стали...

Когда Винсент упоминал о морских разбойниках, мне невольно вспомнилось, как тетя Фелисия однажды рассказывала о них своим знакомым, и я случайно услышала это невеселое повествование. Дело в том, что в свое время эта беда коснулась и нашей семьи: у одной из родственниц карсаны захватили сына, и потребовали выкуп за его освобождение. Сумма, которую они назначили, для семьи оказалась совершенно неподъемной, и более того – деньги требовалось уплатить в весьма сжатые сроки. Родственники пленника не отказывались платить, но просили, вернее, даже умоляли дать им

время, чтоб собрать требуемую сумму, однако карсаны ждать не пожелали. Когда в назначенную похитителями дату золото не было привезено, пленник был убит, а его голову прислали родственникам, как напоминание о том, что два раза никого не просят...

– Понятно... – вздохнула я, отгоняя воспоминания. – А о карсанах я уже не раз слышала – говорят, эти люди очень жестоки...

– Есть такое дело... – согласился Винсент. – Народ излишним гуманизмом не обременен. Вот потому-то, если удастся захватить корабль этих морских разбойников, то всю команду сразу же вешают на реях, и это считается более чем справедливым решением... Тихо!

Но тут мы и сами услышали, как в доме, за стеной, что-то негромко стукнуло. Такое впечатление, будто некто случайно наступил на один из тех глиняных черепков, что во множестве валялись на земляном полу, и тот черепок треснул под тяжелой пятой. В следующий миг этот кто-то недовольно засопел, а немногим позже стало понятно – ночной гость пришел к роднику, и сейчас пьет воду. Это продолжалось довольно долго, и я искренне надеялась на то, что затем неизвестное существо уберется отсюда.

Мы все лежали, затаив дыхание, и вслушиваясь в ночные звуки, тем более что за стенами дома стояла полнейшая тишина. Кажется, ночной гость наконец-то напился воды, только вот складывается впечатление, что он вовсе не торопится уходить. Неужели он учуял наш запах? А ведь такое вполне возможно...

И вдруг у нашей двери то ли что-то рыкнуло, то ли заворчало, но эти звуки были явно не человеческие. Ничего не скажу насчет других, но меня от услышанного просто холодный пот прошиб. Это еще кто пожаловал по наши души? Словно отвечая на мои слова, снаружи некто налег на дверь в нашу комнату, раздался скрип, и мне осталось только благодарить наших спутников за то, что они как следует укрепили вход в комнату. За дверями вновь зарычали, но в этот раз громче и мощнее, только в этот раз к ворчанию примешивалось еще и шипение. Конечно, некое сходство в звуках имеется, но я все же надеюсь, что к нам пожаловали не горати. А еще мы слышали звук когтей, скребущих по дереву... Значит, это точно не человек...

За дверями, вроде, стихло, но никто из нас по-прежнему не шевелился – видимо, все надеялись, что незванный гость уберется подобру-поздорову. Медленно текли минуты, и у меня уже появилась

надежда на благополучный исход – а что такого, пришел зверь на водопой, напился, порычал и ушел... Обычное дело, не стоит пугаться на пустом месте...

В тот момент, когда я уже, было, уверилась в то, что наш неведомый гость убрался восвояси, снова раздался рев, но теперь снаружи, возле той стены, где находилось маленькое окошко. Только сейчас рев звучал куда громче и недовольней – кажется, этот некто был весьма рассержен. Конечно, в комнате было темно, но глаза все одно уже привыкли к темноте, да и снаружи стояла полная луна, а потому хоть совсем немного, но свет в нашу комнату все же проникал. И вот лунный свет пропал – похоже, некто встал напротив оконца, пытаясь рассмотреть, кто находится внутри. Да что же это такое-то, ни сна нам, не отдыха!

– Дорен, зажигай костер!.. – у Винсента, кажется, кончилось терпение. – Чего уж теперь таиться... Все равно он нас учуял, так что сейчас не то время, чтоб сидеть в темноте!

Пока Дорен высекал огонь, я вновь подумала – как хорошо, что наши спутники позаботились и о дровах для костра! Конечно, древесины в эту комнатку принесено не так и много, но на какое-то время нам хватит. А ночной гость, между тем, так и стоит напротив окошка, рычит, не переставая.

Когда же огонь разгорелся и осветил все вокруг, я наконец-то рассмотрела того, кто сейчас смотрел на нас в окно. В первое мгновение мне показалось, что это человек, но потом стало ясно, что я ошиблась. Лицо, заросшее шерстью, большие желтые глаза, приоткрытый рот полон зубов, только не человеческих, а волчьих или медвежьих... Святые Небеса, это еще кто такой?! Зато Ярли при взгляде на эту образину побледнела так, что было заметно даже при слабом свете огня.

– Это же... Это Песчаный человек... – пролепетала она. – Ой...

– Кто?

– Я, кажется, понял... – отозвался Винсент. – Местные считают, что в отдалении от людей, в засушливых и сухих местах, живет так называемый Песчаный человек. Днем он отсыпается, а по ночам выходит на прогулку, то бишь на охоту. Судя по всему, по ночам это создание видит ничуть не хуже, чем днем. Песчаный человек бродит, где захочет, но и иногда впадает в спячку, и только тогда его можно

победить. Одни говорят, что это большая обезьяна, а другие утверждают, что это дикий человек, третьи считают его нечистой силой, однако все сходятся в том, что этот самый Песчаный человек жесток, зол и безжалостен, но главное – ненавидит людей, и не прочь полакомиться человечинной. Как правило, его встреча с обычными людьми для последних заканчивается очень плохо. Но это еще не все: по слухам, иногда он еще и похищает людей...

– Нечистая сила, говоришь?.. – усмехнулся Дорен. – Сейчас ночь и полная луна, вся нечисть вылезает наружу...

– Очень позитивно!.. – покосилась я в сторону молодого человека. – Нашел, что говорить!

– Поддерживаю боевой дух, как умею... – развел тот руками.

– Оно и заметно... – я снова повернулась к Винсенту. – А откуда тебе известно об этом Песчаном человеке?

– Да по вечерам в бараке чего только не наслушаешься! Я думал, это обычная сказка, но, судя по всему, она оказалась чистой правдой.

– Если я правильно поняла, то этот Песчаный человек уходит от нас не собирается?

– Без добычи – вряд ли. Зато мне теперь кое-что стало понятно. Похоже, что те, кто построили этот дом, закрыли от всех здешних обитателей источник с водой, что плохо уже само по себе...

– В том числе источник закрыт и от Песчаного человека... – вырвалось у меня. – Как видно, ранее он им тоже пользовался.

– Верно... – согласился Винсент. – Он или бродил неведь где какое-то время, или находился в спячке. Когда же это лохматое создание снова заявилось сюда, то не пожелало мириться с тем, что теперь источником владеют люди. Уж не знаю, что Песчаный человек тут устроил, но судя по тому, что мы видим, люди бежали отсюда наспех, со всех ног, взяв с собой только самое необходимое... Надо же, а ведь я рассчитывал на то, что с нас на сегодня хватит встреч с неведомыми зверюшками!

В этот момент тому существу, что стояло по ту сторону стены, как видно, надоело без толку рассматривать возможную добычу, и он просунул свою руку в окошко по самое плечо, пытаясь достать хоть кого-то из нас. При слабом свете маленького костерка можно было разглядеть толстую длань, покрытую густыми темными волосами,

причем короткие черные завитки были даже на пальцах. А уж когти-то на этих пальцах устрашали одним своим видом – черные, длинные, загнутые крючком... Таким если цапнет, то до кости достанет без проблем. Понятно, что мы при виде такого зрелища шарахнулись к противоположной стене. Однако это создание, помахав рукой в воздухе, быстро сообразило, что до нас ему не дотянуться, и убрал назад свою лапу, успев перед тем царапнуть стену, и оставить на ней четыре глубокие царапины. Затем снаружи донеслось несколько сильных ударов в стену, после чего все стихло.

Окошечко в комнате, конечно, маленькое, но снаружи все залито лунным светом, так что можно рассмотреть, как от дома удаляется высокая фигура, и вскоре мы увидели это создание целиком. Так сразу и не скажешь, кто это – то ли человек, покрытый шерстью с головы до ног, то ли огромная обезьяна. Скорее, тут намешано как от одного, так и от другого, хотя пропорции, скорее, человеческие. Да и в высоту это существо вымахало немало – как минимум, полтора человеческих роста, а то и выше. Не приведи Небеса встретиться с таким созданием наедине – разорвет пополам, и не заметит. Но неужели он уходит? Хотелось бы на это надеяться...

Меж тем Песчаный человек остановился, повернулся в сторону дома, и вдруг метнулся сюда, и я против своей воли отметила, настолько быстро, легко и тихо он бежит. Однако в этот раз это существо не стало стучать в стену, а одним махом взлетело на крышу, и стало там топтаться. Понятно, пытается ее проломить. Сейчас сверху на нас падала пыль, куски сухой глины, штукатурка, но крыша держалась, что не могло не радовать, зато ночного гостя очередная неудача приводила в настоящее бешенство, и сверху до нас доносились самые разные звуки – рев, шипение, непонятное бурчание...

Сообразив, что и оттуда до нас не добраться, Песчаный человек решил сменить тактику – он спрыгнул с крыши и вновь направился в дом. Все понятно, решил выбить двери в нашу комнату...

Так и случилось: не прошло и минуты, как дверь заходила ходуном от сильных ударов. Конечно, дверь мы укрепили основательно, но если в нее и дальше будут так хвостать, то рано или поздно, но доски разлетятся по сторонам. А в рычании Песчаного человека за дверью явно прослушивались довольные нотки – а то как же, скоро он доберется до затаившейся добычи, и теперь она от него

никуда не уйдет!

– Дорен, разводи сильней костер!.. – скомандовал Винсент. – Постараемся нашего ночного гостя огнем отпугивать... Быстрей!

А ведь и верно, надо поторапливаться, потому как неизвестно, сколько еще выдержит дверь, того и гляди косяки вылетят... Праща тут тоже бесполезна... Вот между дверями и косяком просунулась мохнатая лапа с черными когтями, еще несколько мгновений – и все... Только в этот миг Винсент ткнул горячей палкой в черную лапу, и результат превзошел все ожидания: существо за дверью взвыло страшным голосом, лапа убралась, дверь перестала трястись, и еще неприятно завоняло паленой шерстью. Больше того – это создание, кажется, отбежало от двери на несколько шагов, не переставая выть, только в этом звучании слышались ярость и боль. Что ж, теперь мы хотя бы знаем, что Песчаный человек боится огня.

Эта ночь показалась нам нескончаемой. Это странное существо еще не раз пыталось добраться до нас, и каждый раз нам удавалось отпугнуть ее огнем, после чего ночной гость в ярости начинал громить все, что еще оставалось в соседних комнатах. Наконец, незадолго до рассвета, испустив долгий рев, Песчаный человек ушел, а мы, прислонившись к двери, забылись коротким сном.

Впрочем, пары часов отдыха нам вполне хватило, тем более что у всех было только одно желание – убраться отсюда как можно скорей. Тем не менее, выходить из комнаты мы все же побаивались – а вдруг это существо прячется в доме? По счастью, никого, кроме нас, в доме не было. Зато дверь, которую ночью пытался сокрушить Песчаный человек, выглядела просто устрашающе – изодранная, исцарапанная... Просто удивительно, как наш ночной гость не разнес ее в щепки! Да и в остальных комнатах все было окончательно перевернуто и разломано – похоже, сил у этого существа просто в излишке.

Перед самым уходом мы переоделись: еще вчера Винсент обнаружил немало истрепанной старой одежды, на которой хватало дыр и заплат – как видно, это была одежда для самых грязных работ. Когда люди уходили (вернее, убегали) отсюда, то разом забрать все свое добро не могли, брали лишь самое дорогое, и старая одежда в это число явно не входила. Конечно, надевать на себя эту чуть живую ветошь не очень-то хотелось, но и в нашей старой изодранной одежде ходить не станешь – она враз привлечет к себе внимание. Следует

порадоваться хотя бы тому, что одежда нам пришлась впору, хотя это еще как сказать... Заодно прихватили с собой несколько старых корзин, которые только что не рассыпались от старости – конечно, эти плетеные изделия нам без особой надобности, но по словам Ярли, крестьяне без корзин редко покидают свои селения, а мы как раз и пытаемся изобразить из себя здешних обитателей. Конечно, пока что в эти корзины положить нечего, но, надеюсь, в дороге отыщем хоть что-нибудь.

Когда мы вновь отправились в путь, я оглянулась на дом. Н-да, если Песчаный человек и дальше будет тут хозяйничать, то в этом строении скоро рухнут и стены.

– Ярли, этот Песчаный человек... – повернулась я в девушке, которая не отходила от меня ни на шаг. – Не знаешь, он в одиночку ходит, или их здесь может быть несколько?

– Почти всегда поодиночке... – Ярли оглянулась по сторонам. – И они друг друга очень не любят...

– Хоть одна хорошая новость!

Мы шли быстро, стараясь как можно скорей покинуть это место. Поднималось солнце, вокруг было тихо, и о ночной встрече с Песчаным человеком не хотелось вспоминать. Сейчас нас интересовало другое – куда ведет эта дорога, и долго ли нам еще идти до населенных мест.

Ответ на этот вопрос мы получили только к полудню, когда вышли к широкой дороге. Судя по всему, этой дорогой пользуются постоянно, так что мы смело направились дальше, тем более что к этому времени мы успели набрать едва ли не полные корзины больших листьев, внешне чем-то напоминающих самые обычные лопухи – по словам Ярли, эти листья охотно покупали лекари и торговцы притираниями. Люди, которых мы встречали, не обращали на нас особого внимания, а нам больше ничего и не надо. Разумеется, мы могли привлечь внимание своей слишком светлой кожей, но здесь многие крестьяне в дневную жару обматывали лица платками, чтобы уберечь их от жарких лучей дневного солнца. Это же самое сделали и мы, так что у нас есть шанс остаться неузнанными.

Люди и повозки все чаще встречались на нашем пути, а через какое-то время стали появляться небольшие дома – кажется, мы добрались до какого-то селения. Ну, наконец-то! Теперь, по словам

Ярли, надо продать листья, и окольным путем выяснить, где мы оказались, а уж потом решим, куда отправиться дальше. Лично я предлагала добраться до столицы Тарака, где есть представительство нашей страны, а там нам помогут вернуться на родину. Но это будет потом, а пока что мы отправились на небольшой рынок, где находились лавки аптекарей.

Однако стоило нам подойти к шумным рядам, как Винсент скомандовал:

– Быстро отходим в сторону!

– В чем дело?

– Видите двух людей возле лавки аптекаря? Один из них держит лошадей под уздцы...

– Ну, вижу... – недоуменно произнес Дорен. – И что тут странного?

Лично я не видела ничего необычного – обычная лавка на шумной улице, возле нее стоят две оседланные лошади... Двое мужчин стоят рядом, переговариваются между собой...

– Дор, ты что, их не узнал?.. – негромко поинтересовался Винсент. – Это же двое охранников из имения!

– А ведь и верно... – растерянно произнес тот.

– А еще при них лошади... продолжал Винсент. – Если помнишь, охранникам не разрешали садиться на господских лошадей, но сейчас, как я понял, правила несколько изменены, и эти двое прибыли сюда именно на лошадях. Какой из этого следует вывод?

– Вывод ясен – ищут нас.

– Согласен.

Похоже, наш путь до столицы вовсе не окажется таким простым...

Глава 7

Не скажу, что здешний базар был большим, но шума на нем все же хватало. Присев под навесом, который находился за рядами, где продавали съестное, мы доедали сухие лепешки – перед дорогой не помешает подкрепиться, хотя каждый из нас не отказался б и от чего-то более основательного. Конечно, следует как можно скорей покинуть этот поселок, но для начала надо все же определиться, что нам делать дальше, и куда идти, а лучшего места для подобного разговора, чем задворки базара, просто не найти. Здесь никому не было дела до приезжих из деревень, которые просто присели передохнуть перед дорогой домой. Главное – долго не засиживаться на одном месте, но мы и не собирались оставаться тут до вечера.

Сегодня, увидев охранников из имения возле лавки аптекаря, мы едва не убежали, но сдержались, ведь именно это и могло привлечь их внимание. По-счастью, не прошло и минуты, как охранники направились дальше по улице, ведя под уздцы своих лошадей. Выждав для надежности еще пару минут, мы вновь направились к лавке аптекаря. Вообще-то неподалеку находилась еще одна вывеска, показывающая, что и там располагается маленькая лавочка лекаря, но нам, если честно, очень хотелось знать, что стражники могли рассказать аптекарю (ведь они явно приезжали именно к нему), и потому было решено рискнуть. Правда, всем четверым заходить в лавку не стоило – охранники почти наверняка рассказали ему о наших приметах, и потому лучше отправить двоих, точнее Ярли и Дорена. Почему их? Просто Ярли, в отличие от меня, уроженка этой страны, а Дорен темноволосый и темноглазый, так что его вполне можно принять за местного жителя. Конечно, молодой человек очень плохо говорит на здешнем языке, так что ему следует больше помалкивать, а разговаривать в основном придется Ярли.

У меня не было сомнений в том, что девушка справится. К этому времени я уже поняла, что Ярли не простая вышивальщица – в свое время ее отец позаботился о том, чтобы дочь получила образование, умела читать и писать, так что ее при всем желании нельзя назвать неразумной и ограниченной особой. Когда я ее впервые увидела, Ярли была, скорее, сломленной и забитой. Хотя это еще как сказать – хватило же у нее решимости бежать с нами!

Что касается сегодняшнего поведения девушки, то она, поняв, что именно от нее требуется, и что ей следует делать, ничего не имела против того, чтоб поболтать с аптекарем на интересующую нас тему – как раз наоборот, ей, кажется, и самой хотелось узнать о том, что сейчас происходит в имении. Надо сказать, что Ярли с сегодняшнего утра, вернее, с того времени, как мы покинули разгромленный дом, выглядит настолько спокойной и уверенной в себе, какой я ее ранее никогда не видела – просто как новый человек идет рядом с нами. Словно отвечая на мой невысказанный вопрос, Ярли сказала, что теперь у нас все будет хорошо: уж раз мы смогли уйти от горати, и до нас не сумел добраться Песчаный человек, то это может означать только одно: отныне нам покровительствует Всевышний! Более того – каждому из нас во всем должна сопутствовать удача, а потому отныне бояться ничего не стоит, потому как над нами распростерлась милость Богов. Ну, что тут скажешь? Против такого утверждения возражать я не стала, и если Ярли верит во все это, то пусть надеется и дальше, там более что в подобной уверенности нет ничего плохого.

Мы поднесли корзины с листьями к лавке аптекаря, и Ярли с Дореном занесли их внутрь. Винсент и я остались снаружи, причем встали так, чтоб можно было услышать все разговоры – лавка аптекаря была не ахти какая большая, и в случае чего мы всегда сможем придти им на помощь.

Как мы и договаривались, Ярли, едва оказавшись в лавке аптекаря, сразу же стала возмущенно жаловаться на то, как двое каких-то дерзких мужчин, которые вели на поводу коней, остановили их с мужем, и велели снять платки с голов – дескать, они ищут каких-то преступников, так что покажите-ка нам свои лица! Такое отношение просто возмутительно – мол, мы, конечно, люди деревенские, простые, пришли сюда из дальнего поселка, чтоб кое-что продать, но это не значит, что здешним мужчинам можно нарушать законы, установленные Всевышним, а приставать на улице к женщинам – это грех! Что же касается этих двоих бессовестных людей, то Всевышний накажет их за такое бесстыдное поведение!..

Возмущение Ярли было настолько велико, что аптекарь стал снисходительно пояснять молодой женщине, что не следует так сердиться из-за ерунды – мол, ничего особо страшного не произошло, не стоит гневаться, просто иногда обстоятельства складываются таким образом, что без некоторого нарушения правил никак не

обойдешься. Кажется, я представляю, о каких двоих мужчинах идет речь, и понимаю, чем именно вызвано их требование посмотреть на ваши лица. Разве вы не знаете, что произошло? Ну да вы люди деревенские, где ж вам все знать...

Наверняка аптекарю хотелось поделиться с кем-то той новостью, которую он недавно узнал, а, может, просто хотел поднять свою значимость в глазах симпатичной женщины, и потому стал рассказывать ей то, что и сам, судя по всему, узнал совсем недавно. Конечно, его тон был несколько снисходительным (а как еще прикажете разговаривать с бедными жителями какой-то занюханной деревушки?), но на подобное можно не обращать внимания.

По словам аптекаря, речь идет о хозяйке имения, расположенного в Темной долине, вернее, теперь уже о бывшей хозяйке – она на днях покинула этот грешный мир, и теперь уже ликует в райских кущах. Говорят, в молодости эта женщина была настолько хороша, что тот, кто ее видел хоть раз в жизни, уже не мог забыть никогда. Более того – некоторые считали ее самой красивой женщиной в мире. По слухам, даже состарившись, она поражала окружающих своей сказочной красотой, чему имеется множество свидетелей! Наверное, в округе нет ни одного человека, который не хотел бы хоть одним глазом посмотреть на эту прекрасную женщину, понять, что такое настоящая красота, и навек сохранить ее восхитительный образ в своем сердце!..

... Признаюсь: лично я, услышав такое, чуть не рассмеялась – да, именно так и рождаются слухи. Похоже, что в свое время разговоры о бесподобной «Звезде Востока» произвели на аптекаря должное впечатление, и он стал ее невольным поклонником. Боюсь, что увидев воочию предмет своего восхищения, мужчина был бы невероятно разочарован. Ничего не скажешь – хозяйка умела пускать пыль в глаза посторонним!..

Меж тем аптекарь продолжал восхвалять бывшую «Звезду Востока», восхищаясь тем, что вдобавок к красоте она была невероятно отважной женщиной, ведь ее имение находилось в Темной долине, и она не боялась там жить, а все знают, что это за дурное место, и страшно даже представить, какие отродья нечисти там обитают!..

... Хм... – подумалось мне. – Сейчас мы имеем представление о том, кто обретается в этой самой долине – имели сомнительное

удовольствие видеть их воочию! Хотя это еще как сказать – вполне может оказаться и так, что в тех местах проживают и иные существа, ничуть не лучше тех, с кем мы успели встретиться. Что же касается храбрости хозяйки, которая не боялась жить в Темной долине, то, должна сказать – эти слухи весьма преувеличены. Если бы эта дама могла, то удрала бы из этих мест давным-давно, только вот кто бы ей позволил это сделать! Ссылка – она и есть ссылка...

Ну, а аптекарь, наконец-то, подошел к главному. Оказывается, несколько дней назад «Звезда Востока» внезапно скончалась, и никто не знает, что там произошло. Единственное, что стало известно – так это лишь то, что наутро прекрасную хозяйку нашли в подвале ее дома, и непонятно, как она могла там оказаться. Казалось бы – в жизни случается всякое, и «Звезда Востока» могла пойти туда за какой-то надобностью (хотя для этого имеются слуги), но дело осложняется тем, что в эту же ночь из имения сбежали четверо невольников. Естественно, возникает вопрос: их побег – это случайность, простое совпадение, или же эти люди причастны к смерти прекрасной затворницы? Скорей всего, эти четверо имеют какое-то отношение к смерти хозяйки, и именно потому они улизнули из имения.

Все, что известно об этих людях, так это лишь то, что они решили направиться вглубь Темной долины, рассчитывая укрыться в тех необжитых местах, а погоня, отправленная вслед за ними, вернулась ни с чем. Можно не сомневаться, что этих четверых уже нет в живых, потому как пытаться спрятаться в Темной долине можно только сдуру или спяну. Ну, или же по незнанию – говорят, эта четверка не так давно оказалась в имении, и потому эти люди могли не знать о том, кто обитает в Темной долине...

... Судя по всему, аптекарь находится в полной уверенности, что наши кости уже давно сгрызли те существа, кто населяет это место, проклятое Всевышним и людьми! Мне бы очень хотелось, чтоб и все те, кого намереваются привлечь к поискам сбежавших, придерживались такого же мнения...

Аптекарь продолжал свой рассказ, и, судя по его словам, муж (вернее, теперь уже горестный вдовец «Звезды Востока») все же решил сообщить стражникам о беглецах, а заодно назначил за их поимку большую награду, после чего направил своих слуг по всей округе, чтоб они известили о приметах сбежавших. Похоже, как раз

двое из числа этих слуг и остановили вас, уважаемые, на улице – как видно, чем-то вы привлекли их внимание... Кстати, эта парочка конных и в мою лавочку заглядывала – покупали лекарство по приказу нового хозяина имения, а заодно рассказали о том, что произошло в имении, и оттого-то, с их слов, мне так хорошо известны все подробности. Почему эти люди пришли ко мне? Станный вопрос, хотя незнающим людям простительно его задать. Конечно, ваше селение расположено далековато от господского имения, но, чтоб вы знали: я считаюсь лучшим аптекарем в этих местах, и за лекарствами и притираниями ко мне приезжают не только из дальних уголков нашего края, но и важные господа...

Несмотря на всю свою похвальбу, аптекарь оказался настоящим жмотом, и за четыре корзины листьев дал только четыре медяшки, причем едва ли не самого низкого номинала. На вполне обоснованное возмущение Ярли этот человек кротким тоном заявил, что это более чем достойная оплата, потому как принесенный ему товар – далеко не лучшего качества. Мол, даже на первый взгляд заметно, что листья сорваны не ранним утром, как это положено делать, а несколько позже, да и в дороге корзины сверху были ничем не прикрыты, и потому часть листьев подвялилась под лучами горячего солнца, потеряв при этом больше половины своих полезных свойств...

Ну, четыре монетки все же лучше, чем совсем ничего, тем более что у нас от голода уже животы подвело. Вытряхнув листья из корзин на расстеленную аптекарем холстину, Ярли и Дорен ушли с недовольным видом, сопровождаемые любезными словами аптекаря о том, что он и впредь согласен принимать такой товар – дескать, как вновь появитесь у нас в поселке с такими же листьями, то направляйтесь прямо ко мне, не обижусь... Ох, господин хороший, боюсь, что с такими ценами на сырье ты вряд ли найдешь себе много поставщиков.

Тем не менее, за эти мелкие монетки на здешнем рынке мы сумели купить четыре небольшие лепешки и пару больших сладких луковиц – хватит разок перекусить.

– Хорошо, но мало... – сделал вывод Дорен, отправляя в рот сочные чешуйки белого лука. – Я б таких лепешек с десятков навернул, не меньше. А эта луковица на вкус не хуже яблока – я раньше таких никогда не пробовал... Лиз, скажи Ярли, что она молодец, лихо того аптекаря разговорила.

– Ярли... – улыбнулась я, поворачиваясь к девушке. – Мужчины говорят, что ты умница – уж очень им понравилось, как ты беседовала с аптекарем.

– Да?.. – кажется, меньше всего Ярли ожидала похвалы – она даже чуть покраснела от удовольствия. – Нет, мне надо было больше стараться, поторговаться, чтоб этот жадный человек заплатил нам чуть побольше. Тогда бы мы смогли купить побольше еды...

– Я бы тоже не отказался от продолжения обеда... – усмехнулся Винсент. – Но сейчас стоит побеспокоиться о другом...

– Ты имеешь в виду то, что свежеиспеченный вдовец отправил людей на наши поиски?

– Верно... – кивнул головой Винсент. – Можно не сомневаться, что безмерно горящий супруг заранее решил снять с себя все возможные подозрения (которые наверняка появятся, если начнется следствие), и свалить на нас вероятную вину за смерть его дорогой женушки. Скорей всего будет придумана история о том, что мы прикончили неподобную «Звезду Востока» и попытались сжечь ее бречное тело. Это, кстати, прекрасное объяснение того, отчего сейчас эта будто бы неотразимая женщина выглядит так ужасно. Погодите – он нас еще обвинит в грабеже, садизме, немыслимом коварстве, беспредельной жестокости и колдовстве. А то придумает и что похуже...

– Какие же мы плохие, просто слов нет!.. – Дорен поскреб в затылке. – Это ж надо, сколько у нас достоинств! Прямо душа радуется от такого совершенства!

– Думаете, будет назначено следствие?.. – спросила я.

– Ничего нельзя исключать... – развел руками Винсент. – В любом случае при расспросах слуги будут молчать – здешний народ вообще не отличается излишней словоохотливостью. Невольники тоже предпочтут помалкивать, потому как знают, чем могут обернуться для них несколько случайно оброненных фраз. Что же касается нас... Думаю, несчастный вдовец находится в почти полной уверенности, что мы навсегда остались в той самой Темной долине, но на всякий случай все же назначил награду за нашу поимку. Он же хорошо понимает, что произойдет, если мы каким-то чудом выберемся из этой самой долины, и вздумаем рассказать хоть кому-то об увлечениях его супруги темными ритуалами.

– Надо побыстрее уходить отсюда...

– С этим никто не спорит, только досадно, что мы не знаем, где очутились... – Винсент оглянулся по сторонам. – Впрочем, если бы даже и узнали название этого поселка, то вряд ли бы поняли, где именно находимся. Я, если откровенно, ранее никогда не интересовался этой страной – просто в этом не было необходимости.

– Ярли, ты можешь хотя бы предположить, где мы сейчас оказались?... – повернулась я к девушке.

– Нет... – покачала та головой. – Я здесь раньше никогда не была.

– Давайте определимся... – Винсент потер лоб ладонью. – Нас с братом привезли в эту страну на корабле, и едва ли не прямым погнало на здешний рынок рабов. Единственное, что нам известно, так это название порта, вернее, города, где это происходило – Аярд.

– Аярд... – Ярли услышала знакомое слово. – Это мой родной город. Я в нем родилась, жила, и там мой дом. Вернее, был дом...

Девушка замолчала – как видно, вспомнила что-то весьма неприятное. Хм, а ведь в этом самом Аярде продали и меня... Что ж, теперь хотя бы знаю, как называется это место. Заодно постаралась припомнить уроки географии, и то, где именно в Тараке находится город-порт Аярд, только на ум ничего не приходило. Ну, тут можно сказать только одно – учиться надо было лучше, и память тренировать, а не всякие глупости в голове держать, да от занятий отлынивать! Так невольно и подумаешь – правильно тетя Фелисия в свое время бранила меня за недостаточное прилежание в учебе! Ох, верна поговорка: знал бы, где упадешь, соломки бы в том месте подстелил...

Меж тем Винсент продолжал:

– Когда нас еще только вели в имение, то путь от города, от этого самого Аярда, до имения занял около трех дней, а из этого следует, что и на обратную дорогу времени уйдет не меньше. Хорошо бы, конечно, добраться до столицы Тарака, только сделать это непросто – она, кажется, находится едва ли не в центре этой страны. Даже не знаю, есть ли смысл идти туда. Пожалуй, для начала стоит попробовать добраться до Аярда – что ни говори, но это в первую очередь порт, и немалый, туда иногда заходят корабли, некоторые из которых направляются в нашу страну...

– И чем же мы за поездку на корабле платить будем?.. – усмехнулся Дорен. – Что-то я сомневаюсь в том, будто на нашем пути встретятся альтруисты, готовые ради бескорыстной любви к ближнему своему потратить немалые деньги на морской круиз для незнакомых людей.

– Проблемы будем решать по мере их поступления... – отмахнулся Винсент. – В дороге же по-прежнему стоит изображать из себя крестьян, это самое надежное и безопасное. Ну, а что касается того, куда нам сейчас следует идти, то с этим определиться просто: по одной дороге мы в этот поселок пришли, по другой – уйдем из него. Надеюсь, что те, кого супруг покойной хозяйки послал сюда, к этому времени уже покинули этот поселок – не хватало еще с ними по дороге столкнуться!

– А что им тут делать?.. – пожал плечами Дорен. – Приехали, хозяину лекарство купили (интересно, что именно ему понадобилось?), о наших приметах здешним стражникам рассказали – и все, пора возвращаться назад, не стоит задерживаться, вряд ли это понравится новому господину. Сейчас он и без того не в настроении, возможно, все идет не так гладко, как бы ему того хотелось, а под горячую господскую руку лучше не попадать.

– Пожалуй, так и есть на самом деле... – согласился Винсент. – Тогда и нам пора в путь, и дальше будем действовать по обстоятельствам.

– Только вот имущества для дальней дороги у нас прихвачено не ахти сколько... – усмехнулась я. – Четыре старых корзины и кремень с огнивом. Остается надеяться только на то, что ни одна из этих корзин не рассыплется в дороге...

– Ну, тут уж, как говорится, чем богаты... Главное, с этими пустыми корзинами мы выйдем как бедные крестьяне, которые продали урожай в поселке, и теперь идут домой.

Через четверть часа мы покинули поселок, который, как выяснилось, был довольно-таки немалых размеров. Наверное, потому и людей на дороге оказалось довольно много – одни еще только направлялись в поселок, другие уже возвращались из него, так что на нас никто особо не обращал внимания. К тому же сейчас стояла дневная жара, причем солнце палило безо всякой жалости, так что ни у кого из тех, кого мы встречали на дороге, не было желания во всех

подробностях разглядывать путников. К тому же здешние стражников на таком солнцепеке тоже не испытывали излишнего служебного рвения – во всяком случае, ни одного из служителей закона на этой дороге мы пока что не встретили, а это не могло не радовать.

Мы рассчитывали на то, что эта захолустная стезя, рано или поздно, но приведет нас к большой дороге, ведущей в Аярд. Как мы поняли из обмолвок аптекаря, прямой дороги из имения в этот поселок, к счастью, не существует, и слуги, отправленные из имения за лекарством, должны были какое-то время ехать по одной дороге, а потом на какой-то развилке свернуть в сторону, на другую дорогу, ту самую, которая ведет в поселок. Н-да, хорошо бы, не доходя до той развилки, свернуть в сторону – просто так, на всякий случай, только вот знать бы, где она находится, эта самая развилка...

Пока что нам только и оставалось только внимательно смотреть по сторонам, и удивляться тому, что мы видим вокруг. Такое впечатление, будто эта дорога разделила окружающий нас мир на две половины, причем по правую сторону дороги росла трава, пусть большей частью пожухлая, иногда встречались зеленые рощицы, поля с посадками, обработанная земля, а слева находилась сухая растрескавшаяся земля, с холмами и песчаными пустошами. За несколько часов пути мы миновали несколько деревушек, которые, находились по правую сторону дороги, среди зелени, а слева, как и следовало ожидать, не было ничего, кроме унылого желто-серого пейзажа, на который лишний раз и смотреть не хотелось.

Впрочем, удивлялась не только я, но и мои спутники. Только вот если мужчины смотрели на окружающее с немалым интересом, то Ярли здесь явно что-то не нравилось, но она пока что помалкивала, а расспрашивать я ее не собиралась: на такой жаре не было ни малейшего желания вступать в разговоры, да и во время коротких привалов говорить тоже не хотелось.

Единственное, что нас радовало, так это каменные колодцы с водой, которые находились в каждой из небольших деревушек, расположенных у дороги. Не скажу, что жители этих маленьких поселений проявляли недовольство тем, что чужаки подходят к их колодцам за водой, но и особой приязни к нам они тоже не выказывали. В чем-то людей можно понять, потому как вода – это едва ли не главный источник жизни в этих засушливых местах, и

отдавать ее посторонним не очень-то хочется, но в то же время не следует отказывать жаждущему в глотке воды – это грех. Конечно, в каждой из этих деревушек никто не запрещал нам напиться и даже взять фляжку воды в дорогу, но, тем не менее, задерживаться у колодцев не стоит – местным жителям это не нравится.

Еще я обратила внимание на каменные плиты, лежащие рядом с колодцами, и Ярли нам пояснила, что этими плитами закрывают верх колодцев во время пыльных бурь, которые иногда случаются в этих местах. Да уж, жизнь тут непростая...

Через несколько часов мы, миновав очередную деревню, присели передохнуть в тени небольшой придорожной рощицы. Очень не хотелось снова вставать и выходить под горячее солнце, но сделать это все одно придется. Плохо и то, что на такой жаре глаза закрываются сами собой, особенно в тенечке...

– А вот и представители власти пожаловали... – в голосе Винсента была слышна досада. – Боюсь, что они направляются по наши души. Если это так, то наш сравнительно спокойный путь закончен.

После таких слов сон у меня враз пропал. Оглянувшись, я увидела, что со стороны той деревушки, которую мы покинули совсем недавно, по направлению к нам идут двое людей, судя по виду, стражники. Точно, они – одеты одинаково и на боку у каждого из них висит короткая сабля... Похоже, мы чем-то заинтересовали здешнюю стражу, иначе эти двое вряд ли отправились бы за нами. Сейчас, похоже, начнутся расспросы, вернее, допрос, и это плохо, потому как в этой стране при разговоре первым делом принято общаться с мужчинами, а братья очень плохо знают здешний язык. Да и я, без сомнений, говорю с заметным акцентом, так что стоит мне вмешаться в разговор, как стражники поймут – перед ними иноземка...

– Что делать будем?.. – судя по голосу Дорена, он подумал о том же самом, что и я.

– Ярли... – повернулась я к девушке, которая растерянно смотрела на приближающихся стражников. – Ярли, тебе опять придется говорить с ними...

– Хорошо... – отозвалась та. – Я постараюсь...

– Ну, мы тоже постараемся... – хмыкнул Винсент. – Только вы,

дамы, в случае чего стойте от нас подальше.

– Поняла...

Мы поднялись с земли, и уже стоя поджидали стражей порядка, а те не торопились – как видно, считали должным, что люди ведут себя почтительно по отношению к ним, как к представителям здешней власти, а также понимали, что на такой жаре вряд ли кто-то из подозреваемых кинется бежать куда подальше. Заодно осмотрелись вокруг – по счастью, кроме этих двоих, на дороге никого нет. Будним считать, что хотя бы в этом повезло.

– Кто вы такие? Откуда идете?.. – отрывисто спросил один из стражников, остановившись напротив нас.

– Господин, мы возвращаемся к себе домой и никого не трогаем... – почтительно начала Ярли, но стражник ее перебил.

– Женщина, я не к тебе обращаюсь!

– Но я всего лишь хотела...

– Мало ли что ты хотела! Пусть твой муж ответит на мои вопросы.

– Я могу ответить не хуже него!

– Замолчи!

– Мой муж еще в детстве повредил горло, говорит плохо, и потому так обычно доверяет мне все отвечать за него!

– Хватит!.. – рявкнул стражник. – Мы вас всех задерживаем! Раз ты такая разговорчивая, то в поселке и ответишь на все наши вопросы. Надеюсь, и у ваших мужей там языки развяжутся, а если нет, то мы всегда можем сделать так, чтоб каждый из вас стал словоохотливым. Пошли, нечего тут стоять на жаре!

В подтверждение своих слов служивый положил свою ладонь на рукоять сабли, и это же самое сделал второй стражник, при этом кивнув в сторону деревни – мол, идите туда. Кажется, здешним блюстителям законности даже в голову не могло придти, будто кто-то может ослушаться их приказа. Да, перед нами наглядное подтверждение того, что мы находимся в глухой провинции, где все обусловлено строгим подчинением установленным правилам. Все так, только вот в наши намерения не входил долгий отдых в этой деревушке, и потому братья, изобразив на лице страх и покорность,

повернулись в сторону деревни, и даже сделали пару шагов по дороге...

Все остальное произошло в течение нескольких ударов сердца – молодые люди, только что демонстрировавшие своим поведением полную безропотность, вдруг кинулись в сторону стражников, которые никак не ожидали ничего подобного от задержанных, и потому промедлили... Ох, господа служивые, уж очень вы расслабились на спокойной службе в тихом месте.

Я отвела свой взгляд от них совсем ненадолго, и только для того, чтоб оттащить Ярли в сторону, но когда обернулась назад, то все было уже кончено – оба оглушенных стражника лежали на земле, и свое оружие они даже не успели вытащить из ножен... Да, надо отдать должное – братья понапрасну время не теряли, быстро управились. Затем, подхватив под руки одного из лежащих стражников, братцы шустро потащили его к рощице, и нам с Ярли пришлось точно таким же образом тащить другого. Правильно: сейчас для нас главное – убраться с открытого места, а не то мало ли кто может объявиться на дороге...

Братья действовали быстро: стражников, которые все еще не пришли в себя, привязали к стволам деревьев их же кожаными поясами. На мой взгляд, деревца были довольно-таки хлипкие, но выбирать не приходилось, тем более что именно из таких чахлых деревьев и состояла едва ли не вся рощица. Времени у нас было совсем немного: что ни говори, но нападение на стражников – это достаточно серьезное преступление в любой стране. Казалось бы, нужно уходить, но необходимо кое-что выяснить, и потому, побрызгав в лица стражников водой, мы попытались разговорить пленников. Правда, те вначале пытались, было, гневаться и пугать нас всяческими жуткими карами, которые грозят на нападение на стражников при исполнении, но когда к их глазам поднесли саблю, служивые враз поумнели, и поняли, что иногда бывают такие обстоятельства, при которых лучше засунуть свой гоно́р куда подальше и честно ответить на вопросы.

Оказывается, сегодня в этой деревушке останавливались двое конных – день стоит жаркий, так что пить хочется всем. Эти двое рассказали стражникам о четверых беглых невольниках, которые удрали из господского имения, сообщили их приметы, а заодно пояснили, что за поимку беглецов можно получить очень неплохое

вознаграждение. Правда, эти четверо уже наверняка погибли, но в жизни случается всякое, и пути Всевышнего неисповедимы, а потому ничего нельзя исключать. Так что если вдруг произойдет невероятное, и беглые невольники окажутся в вашей деревушке, то немедленно задержите их, и сообщите об их поимке в господское имение, а уж наш хозяин отвалит за них неплохие деньги!.. Потом конные уехали, а стражники на всякий случай рассказали жителям деревушки о том, что им поведали верховые. Ну, народ завистливо повздыхал – это ж какие деньги предлагают за поимку нескольких человек!, да и разошлись по своим делам. Прошло несколько часов, и вдруг к стражникам подошло сразу несколько крестьян с невероятным сообщением: те люди, за которых назначено вознаграждение, только что покинули их деревушку! Хоть верьте, хоть нет, но пока эти четверо у колодца стояли, их хорошо рассмотрели, и все приметы совпадают! Это точно они, а значит, их надо немедленно задержать, и вскоре мы хоть немного, но разбогатеем, потому как за такие деньги, что обещают за их задержание, нам надо долго трудиться без продыху!.. Стражники не особо поверили в эти разговоры, но все же отправились вслед за ушедшими... А все остальное мы уже знаем...

– А почему за нами отправились только двое стражников, а остальные жители остались в деревне?.. – не поняла я. – Если б они сюда пришли всей толпой...

– Не придут... – Винсент меня даже не дослушал. – Поимка преступников – это дело стражи, и простой народ в это дело вступать не станет. Хотя... Уверен, что сейчас жители этой деревни наверняка издали следят за нами, и если поймут, что стражники ничего не могут сделать, а обещанная награда вот-вот уплывет из их рук – вот тогда они, возможно, пойдут на нас всей толпой.

– Это получается, что сюда может заявиться едва ли не вся деревня?

– Ее мужская половина – без сомнений.

– Тогда что же мы медлим?

– У меня к этим людям есть еще пара-тройка вопросов...

Через несколько минут мы уходили, причем не по дороге. Мы сошли с нее на сухую землю, находящуюся по левую сторону от дороги, и, особо не выбирая, пошли по ней, стараясь уйти как можно

дальше от рощицы. Что ж, снова придется идти по пустынным и безводным местам, не зная дороги, но иного выбора у нас нет.

Пройдя совсем немного, я оглянулась: так и есть, по дороге со стороны деревни уже двигалась небольшая толпа людей, и у многих в руках были мотыги. Ясно, что крестьяне идут на помощь стражникам, причем народ настроен по-боевому. Хм, интересно, какую же награду муженек «Звезды Востока» назначил за наши головы, раз эти люди так жаждут ее получить? Как бы они еще за нами не рискнули пойти...

По-счастью, этого не случилось, хотя с десятков наиболее храбрых крестьян (а может просто наиболее неимущих) все же решились направиться вслед за нами, и даже сумели несколько сократить расстояние, но через какое-то время повернули назад – видимо, решили не рисковать. Их можно понять – раз за наши головы назначена такая награда, то не исключено, что слуги из имения представили нас как очень опасных людей, с которыми лучше не связываться, а не то как бы хуже не вышло. И хотя крестьяне больше не старались догнать нас, тем не менее, мы продолжали идти еще долго, и остановились только тогда, когда скрылись от глаз людей за цепью холмов.

– Опять, значит, нам по сухим местам пробираться... – с досадой произнес Дорен, сидя на земле. – Ох, не нравится мне окружающее, глаз остановить не на чем – ни кустика, ни деревца... Даже камней для пращи не набрать!

– Ну, это как искать... – хмыкнул Винсент. – Зато мы ушли не с пустыми руками, хоть немного, но пощипали здешнюю стражу...

Вообще-то, если вдуматься, все обстоит не так плохо – перед уходом братья забрали у стражников сабли, а заодно фляжки с водой – в этих засушливых местах фляжки с собой носил едва ли не каждый житель. Правда, в тех фляжках, что мы забрали у стражников, воды было не так и много – чуть больше половины, но спасибо и на этом. Заодно прихватили кошельки служивых, хотя и не скажу, что мы теперь разбогатели, потому как в этих кошельках находилось всего по десятку медных монет. А еще у каждого из служителей закона при себе был кусочек мела, которые братья за ненадобностью бросили на землю, а Ярли подобрала, и сунула себе в карман. Надеюсь, она знает, что делает.

– Да уж, добыча у нас богатая... – усмехнулся Дорен. – Ну да, как говорится, все к лучшему – сейчас мы уже не с пустыми руками, даже оружие имеется. Правда, к этим саблям еще приноровиться надо – я больше привык махать шпагой и мечом... Стоит порадоваться хотя бы тому, что мы крестьянам в лапы не попали – они ради обещанного вознаграждения на многое пойдут, их никакие сабли не остановят. К тому же мотыга в умелых руках – это серьезное оружие, которым крестьяне хорошо умеют пользоваться.

– А вы ловко со стражниками управились... – говоря это, я нисколько не кривила душой.

– У нас вообще много достоинств... – хохотнул Винсент. – Только вы их не замечаете...

– Что вы от женщин хотите?.. – развела я руками. – Дамы мы невнимательные, и даже, можно сказать, рассеянные. Мы ж даже корзины потеряли, вернее, оставили их в рощице...

– Вот и доверяй вам ценное имущество...

– А если говорить серьезно... – продолжала я. – Если без шуток, то не знаю, как относиться к словам стражников насчет здешних мест – то ли они нас пугали, то ли говорили правду...

– Да, с этим, конечно, разговор особый...

Если верить стражникам, то место, куда мы направились, пользуется у местных жителей весьма дурной славой, и люди сюда стараются не соваться. Не будем вспоминать все подробности, о которых нам рассказали служивые, потому как в них нет ничего хорошего.

– Я, кажется, знаю, где мы сейчас находимся... – произнесла Ярли. – Вернее, догадываюсь...

– Где же?.. – повернулась я к ней.

По словам девушки, она уже давно стала предполагать, где мы оказались. Дело в том, что неподалеку от Аярда заканчивается пустыня, которая занимает какую-то часть страны. У этой пустыни есть даже название – Уйют. Говорят, эта безжизненная земля тянется широкой полосой до самого моря. Вообще-то пустыней в прямом смысле слова ее не назвать – там хватает всего, как песков, так и каменистой земли с солончаками. Ну, а от города она отделена высокими горами, как стеной. Что же касается людей, то они селятся

вдоль края этой пустыни, но внутрь стараются не ходить, уж очень дурная слава идет об этих местах – мол, тут нечисто. А еще говорят – бойся песков Уйюта...

– Ну, страшилок хватает везде... – я произнесла это, скорее, для своего успокоения.

– Госпожа, люди просто так говорить не будут! И потом...

– Что – потом?.. – не поняла я.

– Ничего, госпожа. У нас говорят, что если не упоминать кого-то, то встречи с ним можно избежать.

– Если я правильно понял, то дороги в этих местах идут вдоль края пустыни и на некотором расстоянии от нее?.. – поинтересовался Винсент. Кажется, он пропустил мимо ушей все опасения Ярли.

– Ну да... Хотя в самой пустыне тоже есть дороги, но по ним ходят только большими караванами.

– Братец, ты что, собрался пройти эту пустыню до самого моря?.. – приподнял брови Дорен. – Так у нас на подобное путешествие воды не хватит. Помрем от жажды.

– Если б я решил покончить с собой, то выбрал бы более легкий способ самоубийства... – отмахнулся Винсент. – Я предлагаю пройти какое-то расстояние по пустыне, направляясь в сторону дороги, ведущей в Аярд – стражники сказали нам, где она находится. К тому же так мы собьем со следа возможную погоню, хотя если они не рискнули пойти за нами с самого начала, то вряд ли отправятся позже. Конечно, можно сделать крюк, вернуться на ту дорогу, с которой мы ушли, только вряд ли это верное решение – мне хорошо известны нравы людей, обитающих в таких захолустьях, и потому в самое ближайшее время весть о нашем появлении разнесется далеко. Ну, а если учесть, сколько обещано за наши головы... В общем, задача у нас такая: далеко в пустыню не забираться, просто срежем небольшой угол, и постараемся выйти к дороге, ведущей на Аярд...

Через несколько минут мы вновь направились в путь, и, надо сказать – то, что мы сейчас видели, несколько отличалось от тех мест, где мы шли раньше. Теперь вокруг были солончаки и такыры, больше похожие на ровную каменную поверхность. Правда, подходящих снарядов для пращи братьям почти не попадалось, но пару десятков камней они все же сумели отыскать.

А потом на нашем пути стали попадаться пухляки. Что представляют собой пухляки – это нам рассказала Ярли, и она же велела обходить их стороной – дескать, если провалимся, то выбраться будет непросто. По ее словам, если тяжело груженная телега начнет скользить по такыру, то верхняя плотная каменная корка может проломиться, колесо осядет, и вытащить его будет крайне сложно. Дело в том, что лежащий под такыром рыхлый и сухой слой почвы под тяжестью колеса быстро превращается в легкую, почти невесомую пыль, которая течет, как вода. В такой пыли попавшему в нее колесу не за что зацепиться, и оно прокручивается впустую, оседая все глубже. Когда же колесо пытается опереться на каменный край такыра, то он крошится... Надо же, совсем как на наших скованных льдом реках, когда тонущий человек хватается за ледяные края полыньи, пытаясь выбраться, а лед обламывается под его руками...

До захода солнца мы прошли немалый путь, и даже более того – наши спутники смогли подбить зайца, как видно, все же какая-то живность тут водилась, во всяком случае, змей и ящериц мы видели немало. Нам повезло – мы набрали на несколько сухих кустов (Ярли сказала, что они называются кейреук), наломали веток, и зажарили зайца. Не скажу, что он полностью пропекся, но мы его и полусырого съели за милую душу, а после ужина идти уже никуда не хотелось. Впрочем, мы и без того очень устали, так что решили остановиться на ночлег. Правда, рядом не было никакого укрытия, так что было решено расположиться прямо на земле. И верно: кого нам бояться, если вокруг одно сплошное однообразное безмолвие, вместо песка – нечто вроде дорожной пыли, и ни одной живой души рядом.

Темнело, багровое солнце уходило за горизонт, и я любовалась закатом – здесь, в пустыне, это по-настоящему красиво, не хочется отрывать взгляд от прекрасного зрелища. Что ж, постараемся найти хоть немного хорошего в наших блужданиях по этой жаре.

И вот тут Ярли нас удивила. Вытащив из своего кармана кусочек мела (тот самый, что забрала у стражников), она очертила им вокруг места нашей ночевки большой круг, при этом что-то непрерывно шепча. Затем девушка протянула мелок мне.

– Госпожа, надо очертить еще круг, внутри того, который я только что нарисовала, только делать это следует с молитвой.

– Но зачем?.. – искренне удивилась я.

– Так надо... – упорствовала Ярли. – Попросите своих Богов защитить нас, грешных и ничтожных... А тот круг, что я начертила, пересекать нельзя ни в коем случае!

– Не понимаю!

– Зато я, кажется, понимаю... – помрачневший Винсент забрал у Ярли мелок. – Сейчас все сделаю...

Через минуту был начерчен мелом второй круг, после чего все расположись спать прямо на теплой земле. Вернее, спать легли не все – Винсент остался дежурить, а через несколько часов его должен был сменить Дорен. Ну и хорошо, главное, что нас с Ярли решили не беспокоить. Что же касается меня, то я уснула едва ли не сразу же после того, как моя голова коснулась земли, и даже не ощутила, как рядом со мной прилегла Ярли.

Я проснулась посреди ночи с испуганно бьющимся сердцем. Нет, ну надо же присниться такому кошмару! Мне казалось, будто нечто липкое и холодное с тихим шорохом медленно подползает к нам, дотрагивается до каждого из нас, и я никак не могу скинуть со своих ног это клейкое нечто... Кричать я тоже не могу, потому что нет голоса...

Когда я открыла глаза, то первое время не могла понять, где нахожусь. Дело в том, что в пустыне по ночам наступает гробовая тишина и непроглядная темнота, особенно в безлунные ночи. Сейчас вокруг нас было темно, хоть глаз коли, и было странное ощущение, будто я одна во всем мире. А еще я слышала тот самый шорох, который слышала во сне – такое впечатление, будто кто-то неведомый ползет по песку... Страшно, хочется спрятаться, только вот где и как?

Словно отвечая на мои страхи, на небе вдруг засияла звезда, затем вторая... Кажется, тучи на небе расходятся, и станет хоть немного светлей. Фу, прямо легче стало!

– Лиз, ты чего не спишь?.. – негромко спросил Винсент. Он сидел неподалеку, всматриваясь куда-то вдаль.

– Дрянь какая-то снится. Наверное, усталость, нервы, постоянный недосып и прочее. Лучше вообще не спать, чем такое видеть... По-счастью, это был всего лишь сон... Вокруг по-прежнему никого нет?

– Во всяком случае, я на это надеюсь.

– Я недавно слышала какие-то шорохи...

– Не ты одна – я их тоже слышал. Наверняка это какие-то мелкие зверьки. Темно, ничего не рассмотришь. Сейчас, правда, стало чуть светлее, так что кое-что все же можно увидеть.

– И что видно?

– Если честно, то ничего.

Сон окончательно меня покинул. Лучше полежать немного, и посмотреть на небо, тем более что там была уже целая россыпь звезд. Как видно, тучи на небе постепенно расходились. А вот показалась и луна, окрашивая окружающее в холодно-призрачные тона. Брр, что-то мне не по себе при взгляде на пустыню, ведь сейчас мир вокруг – словно чужой, и оттого хотелось просто слышать самый обычный человеческий голос. Наверное, именно потому я спросила первое, что пришло мне в голову:

– Винсент, а когда пираты взяли вас в плен, вы пытались сопротивляться?

– Там все далеко не так просто... – вздохнул Винсент, которого совсем не удивил мой вопрос. – Когда корабль, на котором мы находились, взорвался, то взрывной волной нас скинуло в воду. Мне повезло, остался цел и невредим, а вот Дорену пришлось куда хуже – его оглушило падающим обломком. Это великое счастье, что мы оказались в воде неподалеку друг от друга, а иначе... В общем, даже думать не хочется, чем все могло закончиться. К тому времени, как нас подняли на борт пиратского судна, мы оба едва не утонули, и так нахлебались воды, что долго еще в себя придти не могли... А это еще что такое?!

В голосе Винсента слышалось такое недоумение, что я поневоле вскочила на ноги, вглядываясь в ту сторону, куда смотрел Винсент. Он тоже встал рядом со мной, и кивнул головой:

– Видишь?

Каюсь – вначале я ничего не заметила, но немногим позже, в бледном свете луны, стали видны непонятные черные пятна, которые приближались к нам. Вернее, это были даже не пятна, а сгустки непроницаемо-черного цвета, которые подползали все ближе и ближе. Они что, живые?! Шуршание песка становилось все громче, и

было ясно, что их издают эти самые черные сгустки.

– Винсент, что это такое?.. – даже не спросила, а прошептала я.

– Самому хочется знать ответ на этот вопрос... – чуть осипшим голосом ответил тот, не сводя глаз с приближающихся сгустков. – Ясно, что ничего хорошего... Лиз, ты, главное, с места не сходи, и за начерченные мелом линии не переступай! Тогда, может, и обойдется...

– Винсент, а этот круг... Он для чего?

– А ты что, разве ничего об этом не знаешь? Если хочешь защититься от темных сил, нужно начертить вокруг себя меловой круг, только делать это надо с молитвой, и тогда будешь в безопасности. Правда, как только ты переступишь эту белую линию, то вся защита рухнет. Надеюсь, это действует и здесь...

В растерянности я оглянулась по сторонам, и увиденное меня никак не порадовало. Святые Небеса, да куда тут можно уйти, если эти черные сгустки, беспрерывно шурша, приближались к нам со всех сторон, а я со странным оцепенением смотрела на все это!.. Вот темная масса подползла к меловой полосе, и (удивительное дело!) не смогла преодолеть ее. Вместо этого черные сгустки поползли по краю линии, очерченной мелом, и через несколько мгновений кольцо шевелящейся темной массы окружило место нашей ночевки.

Скинув с себя оцепенение, мы разбудили Дорена и Ярли, и коротко прояснили им, что произошло. Если Дорен в полной растерянности смотрел на пузырящуюся черную ленту, взявшую нас в кольцо, то Ярли все увиденное испугало, но не удивило. Похоже, она имела представление, кто (или что) заявился по наши души. Так и есть, ведь не просто же так она очертила круг, оберегающий нас...

– Ярли, ты можешь сказать, что это такое?.. – спросила я.

– Утром.

– Что?

– Я об этом скажу утром, сейчас нельзя...

– И что же нам делать? Просто сидеть и ждать?

– Нет, госпожа, просто так ждать тоже не стоит ни в коем случае. Нам нужно сесть в круг и взяться за руки.

– Не понимаю!

– Так надо, а не то темнота может забрать нас себе. Рук тоже размыкать нельзя... И думать надо о чем-то хорошем, или же считать, в уме цифры перебирать...

Два раза повторять не пришлось, и мы быстро уселись в круг, крепко держа друг друга за руки. Все, что нам сейчас оставалось делать – так это смотреть на шевелящуюся черную массу, которая и не думала хоть куда-то отползать, и это постояннодвигающееся темное кольцо становилось все шире. Прошло еще какое-то время, и сплошная черная лента стала распадаться на самые настоящие щупальца, которые, извиваясь, пытались переползти за меловой круг. Все это выглядело невероятно отвратительно и жутко, просто до нервной дрожи. Я еще нам стало холодно, словно сидим на пронизывающем ледяном ветру.

Но куда хуже было другое – в моей душе стал рождаться самый настоящий страх, от которого леденело сердце и руки, хотелось вскочить на ноги и бежать отсюда без остановки. Там, в пустыне, тепло, а здесь мы замерзаем... Я попыталась что-то сказать, но горло перехватило, перед глазами поплыли круги, сердце колотилось, как сумасшедшее, не хватало воздуха. Кажется, на меня накатывала самая настоящая паника, и в то же самое время было очевидно, что на меня идет воздействие извне, и в этой схватке я могу проиграть.

Невероятным усилием воли я скинула с себя волну паники, и, вспомнила о том, что Ярли говорила о цифрах. Надо бы припоминать уроки математики, которую ранее терпеть не могла... Я принялась складывать в уме цифры, умножала их, делила... Вначале все это делалось с немалым трудом, но потом дело пошло лучше, и я ощутила, как постепенно проясняется разум, однако в следующее мгновение я ощутила, как в мой мозг пытается проникнуть нечто ледяное и холодное. Удивительно, но в этот момент я вдруг вспомнила свое сапфировое кольцо, его удивительный синий цвет, перелив света на его гранях... Припомнилось, как камни сияли на солнце, рассыпая вокруг искры... И вот тогда, словно опасаясь теплых солнечных камней, нечто темное и холодное словно шарахнулось от меня, и сразу стало легче дышать. А еще я крепко держалась за Винсента и Ярли, понимая, что наше спасение только в беспрестанной поддержке друг друга.

Трудно сказать, сколько прошло времени – лично мне

показалось, что целая вечность!, но постепенно черные щупальца стали исчезать, а темная полоса, окружающая нас, словно начала таять. Затем небо чуть посветлело, и мы увидели, что вокруг нас никого нет, лишь камень и песок. Получается, мы просидели так добрую часть ночи! Вновь подтвердилась старая истина, что все дурное исчезает с рассветом. За эту ночь каждый из нас до предела вымотался и устал, а ощущение того, что опасность минула, было настолько велико, что мы все заснули едва ли не в сидячем положении, по-прежнему не размыкая сомкнутых рук.

Когда же Ярли утром нас разбудила, то оказалось, что мы с Винсентом спим рядышком, причем едва ли не в обнимку, вернее, моя голова лежит на его плече, а он прижимает меня к себе. Конечно, это совсем не вписывается в правила хорошего поведения, но мне сейчас как-то не до их досконального соблюдения. Главное – мы живы, хотя чувствуем себя невероятно уставшими и совершенно не выспавшимися.

А еще я едва ли не первым делом посмотрела на две меловые полосы, окружающие место нашей ночевки, вернее, за них, но не увидела там ровным счетом ничего – на выжженной солнцем поверхности такыра не отпечатались никаких следов от черных сгустков, так напугавших нас этой ночью.

Чуть позже Ярли рассказала нам, что ранее ей уже довелось слышать о том, что люди, живущие рядом с этой пустыней, постоянно носят с собой мел, и на ночь обводят этим мелком круг там, где собираются ночевать – так они не подпускают к себе те темные силы, что обитают в этой пустыне. Когда она увидела, что в карманах стражников есть такие мелки, то сразу взяла и с собой, понимая, что они нам могут пригодиться. Правда, говорить о том, что здесь живет дух пустыни, она тоже не стала – мол, он придет еще на эти слова, а ночью о нем вообще говорить нельзя, чтоб не накликать беду. Да и те, кто живет неподалеку от этой пустыни, никогда не расскажут посторонним о том, какие существа обитают в этих местах – мол, этим можно привести несчастье в свой дом...

Что представляют собой черные сгустки – этого она не знает, сама увидела их впервые в жизни, но, говорят, что это приходит злой дух пустыни. Он съедает людей, и от него одно спасение – держаться вместе, хотя дух пустыни постарается сделать все, чтоб забрать себе добычу, которая появилась в его владениях. Если у него не

получается сразу схватить жертву, то он начинает давить на сознание людей, и многие не в состоянии выдержать это давление, в панике бегут прочь от опасности. А еще иногда случается так, что дух пустыни из нескольких людей выбирает для себя одного, и мысленно давит на него до тех пор, пока не сломает. Беда в другом: как только человек пытается сбежать, и пересекает начерченный меловой круг, то защита рушится, люди остаются без охраны, и дух пустыни забирает их жизни и тела... Однако если сохранять спокойствие и выдержку, то спастись можно, тем более что темные силы исчезают с наступлением рассвета.

Все, кто живет возле этой пустыни, хорошо знают обо всем этом, также как и о том, как можно защититься от опасности, только стараются не рассказывать чужакам о духе пустыни – посторонним не следует знать лишнего, да и церковники крайне не одобряют подобных разговоров, могут обвинить в ереси. Конечно, этот дух редко покидает свои места, но иногда (пусть и крайне редко) он все же подходит к краю пустыни, и старается забрать себе тех людей, чьи жилища находятся неподалеку. Вот потому-то каждый из живущих здесь людей постоянно носит при себе мелок: так сказать, на всякий случай – с ним все же спокойнее. А еще в этих местах всех детей с детства учат считать, потому как при нападении духа пустыни самое лучшее – это заниматься подсчетами, так голова дольше останется ясной...

– Откуда тебе об этом известно?.. – спросила я у Ярли.

– Рассказали... – уклончиво ответила та. Понятно, что говорить она не хочет. Ну, раз так, то не стоит на нее давить, если сочтет нужным – позже поведает сама. Нам сейчас куда важнее другое – как можно быстрее покинуть эти засушливые места.

– Не хотелось бы остаться здесь еще на одну ночь... – Дорен огляделся по сторонам. – Риск, конечно, дело хорошее, но я не любитель понапрасну щекотать нервы.

– Думаю, до конца дня мы покинем эту пустыню... – Винсент закрыл фляжку, в которой почти нее осталось воды. – Примерное направление мы знаем, ширина этих засушливых земель тоже не ахти какая большая, так что, надеюсь, выберемся. Пошли, и без того тут засиделись куда дольше, чем надо бы. Надеюсь, воды на сегодня нам хватит...

Мы снова отправились в путь, и, надо сказать, идти было легко. Под ногами был солончак, и жесткая, как камень, сожженная солнцем почва была ровной, и если б не жара, то идти по ней не составляло бы никакого труда. Шли молча, не до разговоров – берегли силы. Когда выйдем на обычную дорогу, тогда и поговорим. Я же вновь и вновь вспоминала свое сапфировое кольцо, синие отблески дивных камней... Ярли упоминала о том, что дух пустыни иногда выбирает себе в жертву одного человека, и давит на него, пока не сломает – так вот, думаю, что сегодняшней ночью этой самой предполагаемой жертвой была я. Почему? Просто в дороге мы обсудили, кто и что видел и чувствовал ночью, и, кажется, самому сильному воздействию подверглась как раз я. Ох, боюсь, если бы не воспоминания о теплых синих камнях и лучах солнечного света на его гранях, то для нас все могло бы закончиться более чем печально...

Винсент выбрал правильное направление, и вскоре после полудня вы увидели впереди холмы. Кажется, скоро мы покинем это проклятое место, а подобное не могло не радовать.

К сожалению, мы слишком рано стали надеяться на лучшее. Вскоре ровная поверхность закончилась, и пошли серо-желтые пески, идти по которым было достаточно сложно – ноги проваливались, так что мы, скорее, брели, чем шли. Ничего, до вечера времени еще полно, не раз успеем дойти до холмов...

Мы уже с полчаса пробирались по песчаному массиву, и решили передохнуть. Особо не выбирая, сели на горячий песок, сделали по глотку воды... Святые Небеса, хоть бы какая-нибудь тень была, а не то вокруг – как в печке! Ладно, посидим еще немного, все одно в такую жару даже шевелиться не хочется. Хорошо уже то, что линия холмов стала куда ближе...

И тут откуда-то сбоку раздалось сухое шуршание – такое впечатление, словно песок пересыпается. В памяти сразу возникли воспоминания о ночных шумах, и мы все едва ли не одновременно повернули головы в сторону непонятного шума, и в первый момент не могли понять, что происходит. Казалось, что по направлению к нам сам по себе движется участок поверхности, и не сказать, что он был небольшим – шагов пять в длину, и столько же в ширину... У меня что, галлюцинация?!

– Это что еще за хрень?.. – выдохнул Дорен. Хм, раз он тоже это видит, значит, галлюцинация не у меня одной. А может, это не

галлюцинация...

К нам, и верно, приближалось непонятное существо землисто-песчаной расцветки, плоское, как блин, и оно волнообразными движениями двигалось к нам. Еще стали видны десятки маленьких щупалец, куда больше похожих на бесцветных змеек, только вот ни глаз, ни рта, ни лап это существо не имело. Думаю, излишне упоминать о том, что нас охватил самый настоящий ужас, тем более что это создание явно направлялось к нам.

– Бежим!.. – закричала Ярли, вскочив на ноги. – Быстрее!

Дважды повторять не пришлось, и мы со всех ног кинулись прочь. Оглянувшись на бегу, я видела, как эта тварь, колыхаясь, скользит вслед, прямо по нашим следам. Понятно, что останавливаться нам нельзя, надо бежать, пока хватит сил. Вот мы и бежали, падали, спотыкались, вставали и снова бежали, и в ушах у каждого раздавалось то самое шуршание сухого песка...

Мы остановились только у холмов, вернее, не остановились, а упали – сил, чтоб хотя бы пошевелиться, не было ни у кого. Не знаю, сколько времени мы так лежали, переводя дыхание и оглядываясь назад. Если бы мы вновь увидели это существо, то вряд ли сумели хотя бы встать, не говоря уж о том, чтоб бежать. По счастью, позади никого не было, если, конечно, не считать маленьких юрких ящериц.

– Ярли, это что такое было?.. – даже не спросила, а выдохнула я, когда смогла говорить.

– Песчаный скат... – отозвалась та. – Он обитает только там, где есть пески... Не надо ему попадаться – он накрывает жертву собой, и съедает ее целиком, не оставив даже костей... Хорошо, что мы сумели убежать от песчаного ската – это удастся не всем.

– Сколько же гадости тут водится!.. – вырвалось у Дорена, и я с этим была полностью согласна. И еще у меня отныне никогда не появится желание вновь оказаться в этих местах – там, в пустыне, скрывается нечто, непонятное, чужеродное, чему не должно быть места среди людей.

Только к вечеру мы перешли через холмы, и оказались на проезжей дороге. Там я сразу поняла, что это именно та дорога, по которой меня когда-то вели в имение – просто я еще тогда обратила внимание на старое дерево, сплошь обвитое плющом с красно-желтыми листьями. Оно настолько выделялось из унылого пейзажа,

что не запомнить его было просто невозможно. А еще в паре часов пути отсюда должно находиться небольшое селение и постоялый двор. Надеюсь, там о нас ничего неизвестно...

Когда мы подошли к постоялому двору, уже наступила ночь. Искоса поглядев на нас, хозяин предложил всей нашей компании всего за два медяка переночевать в конюшне – все одно там сейчас пусто, а все остальные места заняты. Отказываться мы, естественно, не стали, и купив хлеб и овечий сыр, устроили себе настоящий пир. Надеюсь, хотя бы сегодня нам удастся выспаться.

Ночь прошла без происшествий, а наутро нам несказанно повезло: оказывается, здесь остановилось десятка три паломников, идущих в Аярд на поклонение какому-то местному святому – дескать, там завтра состоятся празднования в честь этого праведного человека, и им обязательно надо туда успеть. После небольшого разговора Ярли со старшим в группе паломников, нам разрешили пойти вместе с ними – дескать, надо бы нам грехи отмолить, а не то в жизни все плохо... Три медных монеты разрешили все сомнения мужчины, и нам разрешили пойти вместе со всеми, но сразу предупредили: отставших мы не ждем! Вообще-то отставать мы и не собирались.

У наших новых попутчиков было только одно намерение – не опоздать на завтрашнее празднование, и потому они шли быстро, почти без отдыха. Постепенно народу на дороге становилось все больше, то и дело появлялись стражники, но группа паломников не привлекала к себе их особого внимания, потому как почитателей местного святого на дорогах было более чем предостаточно. Вот потому-то мы сумели незнанными добраться до Аярда, после чего незаметно отошли от толпы паломников, и свернули на одну из узких улочек.

– Итак, куда мы сейчас пойдем?.. – повернулась я к Винсенту. – Уже вечер, скоро станет темно, и оставаться на улице не следует.

– Надо бы найти где-то недорогую гостиницу... – Винсент потер лоб ладонью. – Но с тремя монетами, которые у нас остались, сделать это непросто.

– Есть такое место... – подала голос Ярли. – Это гостиницы в порту.

– Ты знаешь, как туда добраться?

– Конечно! Я же здесь родилась, и это мой родной город.

– Тогда води нас...

Мы прошли, наверное, с четверть часа, когда Ярли внезапно остановилась, шарахнулась к стене, и даже повернулась к ней лицом, а потом мы услышали ее шепот:

– Прикройте меня!

Похоже, Ярли кого-то боится. Оглянулась – стражников вроде нет, обычная городская толкотня... Ладно, потом пояснит, в чем тут дело.

Прошло, наверное, минут пять, прежде чем Ярли вновь повернулась к нам, и мы увидели, что она плачет.

– Что случилось?

– Пойдемте... – Ярли направилась дальше, вытирая слезы, которые без остановки катились у нее по лицу. Ну, а нам только и оставалось, как пойти вслед за ней.

Так называемая гостиница в порту, куда нас привела Ярли, оказалась весьма потрепанным зданием, но зато с крепкими дверями. За три медные монеты мы сумели в том доме снять себе маленькую комнатку на ночь. Казалось бы – все хорошо, но Ярли плакала без остановки, и я решила выяснить, в чем тут.

– Ярли, что случилось?

– Ничего...

– Прослушай, Ярли, мы вместе пережили очень многое, и ты понимаешь, что на нас можно положиться. Ты кого-то увидела в городе, и потому очень расстроилась, верно?

– Госпожа, вы и правда хотите это знать?.. – девушка провернула ко мне лицо, залитое слезами.

– Это твое право – рассказывать, или нет, но лучше высказаться. Поверь, станет легче.

Какое-то время Ярли молчала, а потом заговорила, и у меня сложилось впечатление, что ей самой хочется выплеснуть то, что скопилось у нее в душе. Ее рассказ был коротким.

Когда-то у нее была большая и счастливая семья – отец, мать,

брат с сестрой, но потом пришла беда – от эпидемии оспы умерли мать Ярли и ее младшие брат с сестрой, так что отец с дочерью остались вдвоем. С той поры у отца было только одно желание – выдать дочь замуж за хорошего человека и дожидаться внуков.

Надо сказать, что в этой стране не девушка выходит замуж с приданым, а жених дает выкуп за невесту. Впрочем, жених у Ярли был уже давно – сын хозяина большой чайной, расположенной на одной из главных улиц Аярда. Молодые люди очень нравились друг другу, и, кажется, все было хорошо – состоялся сговор, молодые люди стали женихом и невестой. Оставалось только уплатить выкуп за невесту, и можно было справлять свадьбу, но внезапно отец жениха пришел к отцу Ярли с крайне неприятной новостью – я почти разорен, мне нечем платить выкуп за твою дочь! Больше того – мне грозит тюрьма, и никакой свадьбы не будет, а молодые люди так любят друг друга! Прошу, дай денег в долг на короткое время – я тебе все верну, а Ярли все это время может жить в нашем доме на правах хозяйки! Более того – в самое ближайшее время сыграем скромную свадьбу!..

Отцу Ярли не очень понравилась вся эта история, но он был добрым человеком, да и дочь умоляла его помочь семье жениха. Так и получилось, что он отдал семье жениха почти все свои деньги, хотя понимал, чем это ему может грозить. Он доверял людям, но, как оказалось, напрасно – отец жениха внезапно разорвал помолвку. Позже выяснилось, что его торговый партнер предложил породниться, а именно этот выгодный союз был давней мечтой папаши жениха. В результате Ярли (которая, как оказалось, уже ждала ребенка), отправили домой – дескать, девка у вас оказалась непутевой, не знаем, от кого она нагуляла своего младенца, и потому наш жених уже нашел себе новую невесту, очень достойную девушку! Что же касается будто бы взятых денег, то мы у вас ничего не брали! Где бумага насчет того, что вы ссужали нам деньги? Ее нет? Тогда и разговоров быть не может!

Отца Ярли от всего произошедшего разбил паралич, и вскоре он умер, попросив свою старшую сестру присматривать за его дочерью, и, по-возможности, заменить ей мать – дескать, ты вдова, у тебя двое сыновей, так будет еще и дочь... К несчастью, отец не знал, что семья его сестры не только была в долгах, но в той семейке все еще курили мак и опиум, так что после похорон отца жизнь Ярли превратилась в ад. Тетка без остановки бранила ее, утверждая, что она опозорила

семью, и заставляла девушку сидеть над вышивкой с утра до вечера – мол, хоть на хлеб себе заработай, бездельница!.. Все заработанные деньги уходили на опиум, а племяннице доставались только тычки и оплеухи.

Не выдержав, Ярли сбежала к бывшему жениху, но ее вытолкали вон – мол, пошла вон!, а тетка после этого стала держать племянницу под замком. Позже Ярли узнала, что дела в семье ее бывшего жениха идут просто замечательно, они открыли еще две чайных... Вот тогда несостоявшаяся невеста поняла, куда ушли деньги ее отца...

В положенный срок Ярли родила девочку, на которую просто не могла налюбоваться – такой она была хорошенькой. Беда лишь в том, что ребенок много плакал, отрывал мать от работы, чем невероятно раздражал тетку, которая стала поить ребенка маковым отваром – мол, пусть спит. На слова Ярли, что так делать не стоит – опасно!, тетка лишь отмахнулась, и продолжала втихую вливать в рот ребенка маковый отвар, и однажды девочка просто не проснулась – умерла, на что тетка заявила что-то вроде того – мол, наконец-то Всевышний смилостивился, забрал к себе это нагулянное дитячко! Мол, этой никому не нужной девчонке туда и дорога...

После похорон дочери на Ярли напало безразличие, и она целыми днями сидела, смотря в одну точку. На нее не действовала ни теткина ругать, ни побои, и она даже не дотрагивалась до иголки с ниткой. Вот тут-то тетка испугалась, ведь последнее время именно племянница содержала всю семью, и если девчонка не будет работать – всем остальным что, по миру идти?! Приглашенный врач, осмотрев Ярли, только покачал головой: такое с людьми случается от больших переживаний, но заканчивается по-разному: одни в себя приходят, а другие умирают... Вот тогда-то тетка и решила продать племянницу – хоть что-то выручу, ведь если она помрет, то вообще ничего не получу! А сама Ярли... Ей было все равно, она хотела только умереть. Мир был чужим и холодным, и когда я, единственная из всех, проявила к ней сочувствие, то девушка инстинктивно ухватилась за меня, как за спасательный круг, надеясь, что появился хоть один человек, которому она небезразлична... А остальное мы знаем.

– Понятно... – вздохнула я, выслушав рассказ Ярли. – А почему ты сегодня расплакалась?

– Я его увидела...

– Кого? Бывшего жениха?

– Да... – всхлипнула девушка. – Идет вместе со своим отцом, оба довольные, богатые, процветают... А у меня из-за них вся жизнь наперекос пошла, и доченька умерла!

– Понятно... – протянул Дорен. Они с братом поняли далеко не все, что рассказывала девушка, но главное уловили. – Так говоришь, доволен жизнью и богат... Вин, ты меня понял?

– Не совсем.

– Нам нужны деньги на проезд до дома, ведь за место на корабле платить надо, и немало... Дошло?

– Хм... – усмехнулся Винсент. – А ведь в твоем предложении есть рациональное зерно!

– А то!..

– Погодите!.. – повернулась я к молодым людям. – Вы что предлагаете?

– Если честно, то ничего хорошего. Нам нужны деньги, а кое-кому надо дать понять, что за подлость надо платить...

– Не знаю, правильно ли я вас поняла...

– Правильно. А что, есть возражения?

– Не знаю, что и сказать...

Надеюсь, тетушка Фелисия никогда и ни о чем не узнает!

Глава 8

Из гостиницы мы вышли рано, едва стало рассветать, однако улицы нельзя было назвать пустынными. Паломники, пришедшие в Аярд на празднование одного из здешних святых, уже направлялись к его могиле, вернее, к небольшой гробнице, где и был похоронен этот праведный человек. Пусть на каждой из улиц, в утреннем сумраке, мы видели всего лишь по несколько человек, идущих в одном и том же направлении, но ясно, что к началу празднования у гробницы будет не протолкнуться – хотя подле нее и есть площадь, но она, эта самая площадь, сравнительно небольшая. Как сказала нам Ярли, гробница святого находилась ближе к окраине города, и сейчас народ стекался именно туда.

Следует отметить, что ситуация складывается для нас весьма удачно, потому как место, куда мы направляемся, находится как раз в той стороне, куда сейчас идут едва ли не все эти люди. К тому же те, кого мы видели на пустынных улицах, в большинстве своем были одеты весьма небогато, если не сказать хуже – говорят, этот праведник, чей праздник сегодня отмечается, всегда жалел сирых и убогих, сам ходил в нищенских одеяниях и предпочитал жизнь аскета. Так что наше ветхое тряпье не очень выделялось среди старых и невзрачных одежд тех, кто направлялся к могиле праведника.

Не спору: поклониться святому – дело хорошее, но у нас сейчас иной интерес, куда более меркантильный, и он никоим образом не относится к праведности. Как раз наоборот – мы намереваемся нарушить одну из святых заповедей, которые необходимо чтить каждому человеку. Проще говоря, нам нужны деньги хотя бы на первое время, и вот именно за ними мы и отправились с утра пораньше. Разумеется, в планах у нас было и нечто иное, только вот пока что идти к бывшему жениху Ярли не стоит – место там шумное, хватает посторонних глаз, но зато посетить дом, где раньше жила семья Ярли, нам явно не помешает.

К несчастью, сейчас этот дом принадлежит сестре отца, той самой тетке, которая и продала в рабство свою племянницу. Как не раз говорила Ярли, ее отец был добрым человеком, и во всех людях старался видеть только хорошее. Он знал, что его сестра (которая к кому времени давно стала вдовой) живет небогато, и частенько давал

ей деньги по-родственному, чтоб той было на что жить, а незадолго до смерти отца Ярли его вдова-сестрица и вовсе лишилась своего дома за долги. Вот тогда-то отец Ярли, незадолго до своей смерти, взял с сестры клятву, что если его не станет, то она позаботится о племяннице, как о родной дочери.

К несчастью, все вышло с точностью до наоборот: сразу же после похорон отца в их дом вселилась не только тетка, но и два ее великовозрастных сына, а Ярли переселили в самую маленькую комнатку. В руки тетки перешло все имущество семьи, а заодно и власть над племянницей, которую она бранила денно и нощно, утверждая, что своим поведением ее молодая родственница опозорила их семью, и за это ей нет прощения. Да и рукоприкладством тетка не гнушалась, вымещая на девушке свое плохое настроение, а таковым у этой особы оно бывало постоянно. Все разговоры с Ярли у тетки сводились к одному: работай, племянница, не покладая рук, все одно тебе, бесстыжей, на улицу показываться не стоит, потому как ты – позор нашей семьи! Дескать, это ж надо заполучить такое бесчестье – обзавестись пузом, не выйдя замуж! Да мне соседям, мол, стыдно в глаза смотреть, имея такую родню, как ты, а потому сиди в доме и работай, ведь только труд во благо родных снимет твой грех перед Всевышним!.. Правда, при этом тетя не считала чем-то неправильным то, что двое ее сыновей не только не работают, но даже не знают никакого ремесла.

Однако куда хуже было другое: как выяснилось, вся эта пришлая семейка уже давно курила опиум, и всю прочую гадость, которая, по словам бездельников-братцев, помогает им забыть о бренности бытия и уносит в иную страну, где нет забот и волнений. Радовало хотя бы то, что братцы не стали приобщать Ярли к своим увлечениям. Причина этого проста: хоть кому-то в семье надо работать, а не то на наркоту денег не будет. Правда, свое постоянное раздражение и плохое настроение братцы вымещали как на Ярли, так и друг на друге, а потому брань и рукоприкладство были нормой поведения в доме. Понятно и то, что оба молодых человека были холосты – за невесту надо отдавать выкуп, а денег в той семейке не водилось, да и взяться им было неоткуда, ведь молодые люди не желали обременять себя трудом, да и никакими талантами не блистали.

Разумеется, денег на опиум и содержание трех взрослых людей уходило немало, но, по словам Ярли, на сегодняшний день деньги в доме должны быть, ведь за продажу племянницы, которая прекрасно

вышивала, тетке заплатили довольно-таки неплохие деньги, пусть и не такие большие, как бы ей того хотелось. Если же учесть, что времени с той продажи прошло не так и много, то кое-что от тех денег в доме наверняка должно было остаться. Вот как раз за ними мы и направляемся...

Для начала мы покинули далеко не самые чистые портовые улицы, затем пошли дома побогаче, а потом мы оказались среди аккуратных домиков, подле каждого из которых находился небольшой садик с раскидистым деревом, а то и с несколькими. Помнится, Ярли упоминала о том, что в тени этих деревьев принято собираться всей семьей по вечерам – таковы здешние правила. И верно – в каждом садике под деревьями стоят низкие столики, или же поставлены небольшие беседки, обвитые вьющимися розами. Ясно, что здешние обитатели – люди среднего достатка. Отчего-то я сразу поняла, что ранее Ярли жила именно здесь, в тихом и уютном районе города, и потому ничуть не удивилась, когда девушка негромко произнесла:

– А вот и улица, где стоит мой дом...

– И который из них твой?

– Надо еще немного пройти...

Дом, в котором ранее жила семья Ярли, ничем не отличался от прочих домиков по соседству – белые стены, покатая крыша, небольшие окна... Единственное, что бросалось в глаза, так это неухоженный садик при доме. Столик под деревьями сломан, небольшой цветник засох, листья, опавшие с деревьев и лежащие на земле, никто не убирает... Похоже, здешних владельцев не назовешь заботливыми и рачительными хозяевами.

Мы свернули с улицы и зашли на дворик, тем более что сделать это было проще простого: небольшой запор в деревянной калитке был сломан, и потому со стороны все выглядело так, будто нас в том доме уже ждут – вон, даже калитку уже открыли. Никто из паломников, идущих по улице, не обратил на нас внимания – мало ли за какой надобностью люди могут задержаться в дороге. Скорей всего, они решили заглянуть к своим знакомым, чтоб немногим позже всем вместе направиться к могиле святого...

Меж тем мы, не скрываясь, направились к бывшему дому Ярли: как нам уже говорила девушка, можно не беспокоиться из-за того,

что кто-то из соседей обратит на нас внимание – просто в такие праздничные дни те, кто шел к могиле святого, могли постучаться в двери любого дома и попросить воды. Отказов, как правило, такие люди не получали, потому как в такой день грех обидеть человека, который направляется на поклонение праведнику.

Входная дверь в дом, как и ожидалось, оказалась запертой. Ну, это не страшно – просто в саду, под камнем возле деревьев, отцом Ярли давно был припрятан запасной ключ. Зачем? Просто отец был несколько рассеянным человеком, не раз терял ключ от дома, и потому-то (на всякий случай), было решено всегда иметь запасной ключик, и прятать его в условленном месте. Об этом запасном ключе не знала ни тетка, ни ее сыновья – в свое время отцу было не до таких подробностей, а позже Ярли просто не стала об этом упоминать слишком бесцеремонным родственникам. Правда, входная дверь в дом изнутри запиралась на засов, но тетка им не пользовалась – засов немного заржавел, и когда его сдвигали, то железо издавало на редкость неприятный скрип, от которого дорогую родственницу только что не трясло. Конечно, избавиться от этого звука было просто – достаточно всего лишь смазать железный засов, только вот до столь благого дела у нынешних хозяев руки не доходили.

Ключ оказался на месте, и дверь открылась легко. Переступив через порог, я посмотрела на большой засов, находящийся на двери. Хм, а он, и верно, немного заржавел, и смазать его – дело всего лишь нескольких минут. Что ж, спасибо тебе, Всевышний, что на земле еще существуют лентяи и бездельники. А еще я невольно поморщилась – в воздухе чувствовался какой-то непривычный мне запах. Зато Ярли, в отличие от нас, враз все поняла, и чуть кивнула нам – мол, не тревожьтесь, все в порядке, семейка ее бесценных родственников ночью опять курила опиум, и сейчас находится в своем любимом состоянии, то есть хочется надеяться, что в данный момент этим людям ни до чего нет дела. Что ж, прекрасно!

Н-да, а особого порядка в доме нет – такое впечатление, что люди, живущие здесь, не относятся к числу любителей порядка и аккуратности. Грязь, сор, да еще этот запах... Ладно, переживем, все одно нам тут не жить.

Еще пара шагов – и я заглянула в приоткрытую дверь. Небольшая неубранная комнатка, и там, на низком диване у стены, лежит молодой мужчина, и неясно, спит он, или дремлет в

наркотических видениях, но судя по улыбке, застывшей на лице этого человека, он сейчас блаженствует в стране грез. Впрочем, нам без разницы, в каком состоянии сейчас находится этот тип – лишь бы на нас внимания не обращал. Понятно и то, что мы видим одного из сыновей тетки, то бишь нынешней хозяйки этого дома. Что же касается его брата, то он расположился в соседней комнате, и его состояние ничем не отличалось от того, в котором сейчас находится его братец. На мой взгляд, оба этих парня – люди довольно-таки тщедушного телосложения, да и вид у обоих не ахти какой здоровый. Если даже кто-то из них сейчас проснется и сунется к нам, то хватит одной зуботычины, чтоб вновь отправить пробудившегося в мир сна и беспамятства.

В этот момент мы услышали, как в соседней комнате кто-то, охая, поднялся с лежанки, и, шаркая, направился к дверям... Впрочем, вопросов о том, кто это такой, у нас не возникло, потому как Ярли беззвучно выдохнула:

– Тетка проснулась!

Попадаться на глаза этой особе было весьма нежелательно, и мы, все трое, забежали в комнату, где спал один из братьев, прикрыв за собой дверь. Надеюсь, этот тип еще какое-то время не проснется – впрочем, Ярли махнула рукой – не беспокойтесь, этот парень, накурившись, спит едва ли не до полудня... Что же касается дорогой родственницы, то Ярли ранее упоминала о том, что ее тетка по утрам идет на кухню, и проводит там довольно долгое время – надо приготовить хоть какую-то еду великовозрастным детушкам, да и самой требуется поесть... Но, по словам девушки, ее родственница обычно вставала куда позже. Н-да, нам, похоже, несколько не повезло.

Тем временем скрипнула дверь в соседней комнате, и вновь послышались шаркающие шаги. Ярли, прислушавшись, чуть слышно прошептала:

– На кухню идет... Что-то слишком рано она сегодня поднялась – обычно тоже спит очень долго, как и ее сыновья...

Так, нам надо поторапливаться. Понятно, что эта особа вряд ли станет заглядывать в комнаты, чтоб выяснять, как провели ночь ее милые сыночки, но, тем не менее, нам тут все одно задерживаться не стоит. Хорошо хотя бы то, что женщина ушла из своей комнаты, ведь

именно там она хранит деньги. Теперь вопрос в том, как бы нам постараться добраться до спрятанных денег, ведь проделать такое без шума вряд ли возможно.

– Скоро она пойдет в кладовую, которая находится рядом с кухней... – негромко произнесла Ярли – На кладовой имеется дверь, и она скрипучая – петли на ней тоже давно не смазаны. А еще дверь запирается на ключ, который тетка носит при себе – ее сыновья постоянно таскают еду, а денег домой не приносят, вот она и бережет припасы, держит их под замком, берет оттуда лишь то, что необходимо... Еще тетка, когда идет в кладовую, то оставляет дверь открытой, а ключ в это время находится в замке...

– Понятно... – наши спутники переглянулись между собой. – Ждем...

Пожалуй, ожидать того момента, когда женщина отправится в кладовую, нам пришлось не очень долго, хотя для нас время тянулось очень медленно, и мы ловили каждый звук, доносящийся до нас. Когда же до нас донесся скрип несмазанных петель, то каждый из нас вздохнул с облегчением.

– Я пошел... – и Дорен выскользнул из комнаты. Прошло еще несколько нестерпимо долгих мгновений, после чего мы вновь услышали скрип петель, звук захлопывающейся двери и поворот ключа в замке. Еще через секунду донесся недовольный женский голос, причем он был не очень громкий – ясно, что кричали из-за двери. Так, значит, и нам пора выходить.

Так оно и есть – тетку Ярли заперли в кладовой, но, судя по ее возгласам, женщина была уверена, что это деяние совершил один из ее сыновей, которому что-то привиделось во сне, и он еще не пришел в себя после увиденного. Ну и прекрасно, нам, главное, помалкивать – женщине не стоит знать, что в доме есть посторонние.

Ярли побежала в комнату, откуда совсем недавно вышла ее родственница. Небольшая комнатка, такая же неаккуратная и неубранная, как и все в этом доме, низкая мебель, маленькое окно... Наверно, Ярли хотелось осмотреться – ведь когда-то это была комната ее отца, в которой он и умер, но сейчас не до того, чтоб предаваться воспоминаниям. Не оглядываясь по сторонам, девушка бросилась к дивану, и, немного сдвинув в сторону его боковую стенку, вытащила из небольшого углубления два небольших, но

увесистых кожаных мешочка. Развязав тесемки, девушка заглянула внутрь каждого мешочка и кивнула головой:

– Нашла!

– Тогда уходим...

Нам, и верно, надо было поторапливаться, потому как запертая в кладовой женщина уже не только кричала все громче и громче, теряя всякое терпение, но вдобавок начала бить в дверь кулаками и ногами. Если так пойдет и дальше, то от шума проснутся не только сыновья тетки, но заглянут и соседи, привлеченные громкими криками, увидят нас, а подобного ни в коем случае нельзя допустить. Наверное, всем живущим на этой улице известно, что хозяйка этого дома сама продала племянницу в рабство, и появление Ярли в доме означает только одно – она сбежала от своих хозяев. Ну, а остальное узнать несложно, и как только станет известно, что четверо беглых рабов умудрились пробраться в город, то за нами пойдет самая настоящая охота, ведь награду за поимку беглецов никто не отменял.

Нам понадобилось не более минуты на то, чтоб покинуть дом и запереть за собой дверь, после чего мы поспешили уйти – больше нам здесь делать нечего. Уже закрывая за собой калитку, услышали крики, доносящиеся из дома – похоже, тетка уже всерьез перепугана, и теперь кричит во всю силу своих легких. Ничего, пусть ее сыночки как могут, так и освобождают мамашу из заточения, только вот ключ от кладовой мы унесли с собой, и немногим позже выбросили его в канаву. Чуть позже туда же отправился и ключ от дома – понятно, что отныне для Ярли путь в родной дом закрыт раз и навсегда.

Что же касается меня... Ох, если бы кто-то из моей родни узнал, что я только что помогла ограбить дом почтенного семейства... Ой, нет, пусть не знают! Впрочем, сейчас рассуждения о морали и допустимости тех или иных поступков должны волновать меня меньше всего. Куда важнее другое: каким-то образом нам надо покинуть эту страну, а чтоб сделать это, нам придется навестить еще кое-кого, и визитом вежливости это посещение никак не назовешь...

Чтоб не привлекать к себе излишнего внимания, мы вновь пошли по дороге, ведущей к гробнице святого, но на первом же перекрестке свернули в сторону, а затем Ярли, петляя по каким-то закоулкам, окольными путями вновь вывела нас к портовой гостинице. Не имею представления, каким образом Ярли умудрялась ориентироваться в

паутине здешних улочек и тупичков – ничего не скажу насчет наших спутников, но лично я даже под угрозой смертной казни не смогла бы повторить этот извилистый путь по незнакомым улицам и переулкам.

Не скажу, что при виде нас хозяин гостиницы пришел в восторг – как видно, он считал, что сюда мы уже не вернемся, и нашу комнату снова можно сдавать. Впрочем, он скрыл свое недовольство – в здешних местах комнаты, как правило, положено освобождать не ранее полудня, так что мы имеем полное право оставаться здесь еще несколько часов.

Заперев дверь, мы решили рассмотреть наши трофеи. Увы, они оказались куда более скромными, чем могло показаться на первый взгляд. В одном из мешочков, и верно, находились деньги – пара десятков золотых монет, столько же серебряных, и пригоршня медных. Конечно, в нашем непрестом положении это совсем неплохо, только вот наверняка не хватит на то, чтоб заплатить за каюту на корабле. Понятно, что за проезд четырех человек запросят немало, да к тому же надо еще найти тот корабль, который отправится в нашу страну. Почему четырех? Понятно, что Ярли ни в коем случае не следует оставаться здесь, да и ничто ее тут уже не держит. К тому же поговаривают о том, что капитаны торговых кораблей не особо охотно берут на борт незнакомцев, и потому может случиться так, что подходящее судно нам придется ожидать не одну седмицу.

Что касается второго мешочка, забранного из дома Ярли, то в нем оказались причудливые женские украшения из серебра – ожерелье, пара серег, браслет.

– Красиво... – сказала я, глядя на изящные вещицы. Надо же, очень необычно – серебро с изумрудами, рубинами, кораллами и бирюзой. На первый взгляд, драгоценных камней слишком много, и сочетаться между собой они не должны, но в то же время изделия вовсе не выглядят аляповато. Скорее, необычно, своеобразно, и в то же время достаточно гармонично. А еще все эти украшения смотрятся, можно сказать, почти что ажурно, хотя в действительности каждое из них довольно массивно, да и весит немало. А в этой стране хорошие ювелиры... Отчего-то мне невольно вспомнилось мое сапфировое кольцо... Конечно, сравнивать между собой мое кольцо и эти серебряные украшения никак нельзя, но, тем не менее, они мне понравились.

– Это принадлежало моей матери... – в голосе Ярли послышались слезы. – Только вот раньше украшений у нее было куда больше. А еще здесь нет ничего из того, что отец когда-то дарил мне...

– В вашей стране женщины предпочитают изделия из серебра, верно?.. – я постаралась перевести разговор на что-то другое – не хватало еще, чтоб девушка вновь расплакалась.

– Да... – Ярли взяла в руки ожерелье с позвякивающими подвесками. – У нас считается, что серебро лишает силы яд, отгоняет злых духов, сохраняет чистоту духа и тела.

– А в нашей стране женщины любят золото... – ляпнула я, понимая, что говорю глупость. Конечно, я изрекаю очевидные факты, но зато у Ярли перестал дрожать голос.

– Госпожа, и у нас никто не откажется от золотых украшений... – печальная улыбка чуть тронула губы девушки. – В нашей семье раньше тоже были изделия из золота – отец любил покупать моей матери красивые и дорогие вещи, только сейчас их уже нет. Понятно, куда они пропали...

– Тут и думать нечего – все продано... – подал голос Дорен. – Твои родственники не желают трудиться, но ведь жить на что-то надо, да и опиум стоит недешево! Вот и пускают на сторону все, что имеет цену. Ну, тут уж ничего не поделаешь, радуйся хотя бы тому, что тебе хоть что-то досталось из разоренного гнезда.

Когда я услышала эти слова, мне очень захотелось отвесить молодому человеку хорошую затрещину – тоже мне, нашел слова успокоения! Однако, как это ни странно, Ярли с благодарностью посмотрела на парня.

– Я об этом не подумала. А ведь там, и верно, все разорено – ты сказал правильные слова. Знаете, когда я там оказалась, то словно в чужом доме побывала. Везде грязь, от моих вещей совсем ничего не осталось, как будто ни меня, ни моей девочки там и не было никогда... На сердце так горько от увиденного! А стоит мне вспомнить, что тетка убила мою малышку, да еще при этом считала, что сделала хорошее дело...

– Ярли, хватит... – вздохнула я. – Уже ничего не изменишь. Ты лучше представь, что сейчас творится в твоём бывшем доме, особенно после того, как дорогие родственники поняли, что денег больше нет! Наверняка стоит крик на всю улицу!

– Жаль, что я этого не могу увидеть!.. – Ярли потрянула головой. – Кажется, все бы отдала, чтоб присутствовать при этом зрелище! К этому времени около нашего дома вся улица должна собраться, не иначе! Тетка и сама по себе скандальный человек, а уж когда она поймет, что деньги украдены...

– Я обратил внимание на другое... – ухмыльнулся Дорен. – Ну, так-то неплохо твои родственнички этой дрянью на ночь подышали! Мы ж не привидения бестелесные, а живые люди, ходили, шумели, разговаривали, их мамаша кричала в полный голос, а этим двум молодым обалдуям хоть бы что, дрыхли, как убитые! Вот вам наглядный пример того, к чему приводит увлечение дурью!

– Надеюсь, нас не заметил никто из соседей... – покачал головой Винсент. – Впрочем, будем исходить из того, что нас все же видели, хотя и не рассмотрели должным образом. Значит, так: прежде всего надо купить новую одежду, а потом будем действовать так, как ранее и договаривались.

По-счастью, далеко идти за новой одеждой нам не пришлось – здесь же, в порту, находилась лавка, торгующая самым разным товаром, в том числе одеждой и обувью, так сказать, на любой выбор и кошелек. Даже мне было понятно, что в этом месте скупают краденое, и им же торгуют, только вот ни у кого из нас и в мыслях не было возмущаться таким положением дел. Главное, что через какое-то время мы уже выглядели не как нищие крестьяне, а как люди среднего достатка, внешне ничем не отличающиеся от здешнего населения. Больше всего меня радовало, что теперь у нас с Ярли на головах были большие платки-покрывала, которыми можно прикрывать лицо, да и здешние головные уборы мужчин тоже позволяли неплохо скрывать внешность. Что же касается нашей старой одежды, то мы выкинули ее в те места, куда свозят мусор со всей округи, и вряд ли на это тряпье позарятся даже нищие. Теперь можно пойти в чайную, ту самую, которой владела семья бывшего жениха Ярли, и там уже будет видно, что нам делать дальше.

Чайная находилась на одной из центральных улиц города, и оттуда доносились просто-таки упомрачительно вкусные запахи. Большое здание, причем столы для гостей находятся не только в зале, но и на улице, вернее, в небольшом саду за чайной, как раз под деревьями. И посетителей хватает, несмотря на ранний час. Впрочем, Ярли нам уже пояснила, что здесь хватает любителей, у которых есть

привычка просиживать в чайных целые дни напролет. Ну, мы так долго задерживаться не собирались, но и быстро покидать это заведение в наши намерения тоже не входило – что ни говори, но последний раз мы ели уже давненько, и сейчас можем позволить себе настоящее пиршество.

Когда мы вошли в чайную, то Ярли сразу направилась за один из боковых столов, стоящих у стены. Правильно, не стоит садиться на виду у всех, лучше пристроиться там, где на нас не будут обращать внимания. Еще хорошо то, что неподалеку от стола открыто окно, ведущее в сад, и до нас доносятся разговоры тех, кто там находится. Если честно, то я побаивалась, как бы Ярли, оказавшись здесь, вновь не начала плакать, но мои опасения не оправдались. Как раз наоборот – она, кажется, выглядит собранной и спокойной, а ни о каких слезах даже речи нет.

– Ярли, а ты не боишься, что тебя здесь узнают?.. – задала я давно интересующий меня вопрос. – Все же ты какое-то время прожила в семье хозяина этой чайной, и слуги тебя должны знать в лицо.

– Госпожа, этого можно не опасаться... – чуть улыбнулась девушка. – Отец моего бывшего жениха – настоящий скупердяй, и работники в его чайной надолго не задерживаются, потому как он платит им очень мало. Вернее, повара, и верно, получают неплохо, ведь от их умения хорошо готовить зависит очень многое. Ну, а все остальные слуги, можно сказать, работают всего лишь за еду: по мнению хозяина, пусть обслуга живет на чаевых – тогда, мол, они и шевелиться побыстрее станут, и с посетителями будут более любезны, лишь бы получить лишнюю монетку. Помнится, однажды мой несостоявшийся свекор обмолвился, что более года в этом месте у него не проработал ни один человек. Я понимаю этих людей – чуть ли не весь день проводишь на ногах, устаешь, а от хозяина за свои труды и лишнюю медяшку не допросишься.

– Н-да... – хмыкнул Винсент. – Кажется, мы собираемся иметь дело с человеком широкой души и высоких принципов.

– О таких людях, как отец моего бывшего жениха, в священных книгах сказано, что они преисполнены алчности и корыстолюбия... – Ярли даже не считала нужным скрывать неприязнь в своем голосе. Хм, если учесть природные доброту и мягкость девушки, становится понятно, что к этому человеку она испытывает далеко не самые

лучшие чувства. – Конечно, если хозяин сюда заглянет, то может меня узнать, но по утрам он сюда обычно не приходит, появляется лишь после полудня.

– А эта чайная, судя по всему, имеет хорошую репутацию – Винсент оглянулся по сторонам. – Народу в ней хватает даже в утреннее время, и я, как человек практичный и здравомыслящий, предполагаю, что владелец этого заведения получает очень неплохую прибыль. Проще говоря, денежки у него должны водиться.

– Да, здесь место хорошее, и хозяину чайной многие завидуют, вернее, очень многие... – кивнула головой Ярли. – Потому-то он однажды едва не разорился – у него хотели каким-то образом отобрать эту чайную, и если бы не деньги моего отца, то, скорей всего, этот человек остался бы без всего.

Судя по голосу девушки, она была настроена жестко. Кажется, после того, как Ярли увидела на улице бывшего жениха и поведала нам о своей прошлой жизни, она словно открыла в себе нечто такое, на что никогда не решилась бы пойти ранее. Как говорится в священных книгах, бойтесь гнева терпеливых...

– Ярли, лучше скажи, что мы есть будем?... – только что не простонал Дорен. – А еще меня интересует, когда же, наконец, наступит долгожданный момент появления на этом столе хоть чего-то съедобного? Учти: еще немного промедления – и я этот деревянный стол грызть начну! Милая девушка, неужели вам меня не жалко?

– Сейчас все будет... – фыркнула Ярли. – Я сама скажу слугам, что нам надо принести. Только вы помалкивайте, ничего не говорите, а не то каждому станет ясно, что перед ним находятся иноземцы – хоть вы и говорите на нашем языке, но не скажу, что уж очень хорошо. Конечно, госпожу можно легко понять, а вот мужчин, к сожалению, не всегда.

– Уж как есть... – развел руками Дорен. – Вообще-то я еще полгода назад вообще не знал ни одного слова на языке этой страны, а теперь, о прекрасная вышивальщица, в состоянии даже сказать, что у тебя глаза красивые...

– Да ну вас!.. – покраснела Ярли, но в этот момент Винсент негромко произнес.

– Хватит болтать! К нам слуга направляется, так что...

– Да молчу я, молчу!.. – замахал руками Дорен.

Через несколько минут на нашем столе уже стояли чайники, чашки, лежали горячие лепешки с бараниной, а еще хлебцы с сыром и луком. К сожалению, все принесенное закончилось очень быстро, так что вновь пришлось звать слугу и отправлять его на кухню за новой порцией еды.

– Я всего лишь червячка заморил... – вздохнул Дорен, провожая взглядом уходящего слугу. – Надо было сразу заказать провизии побольше, причем раз в пять!

– Нельзя... – покачала головой Ярли. – Здесь заказывают еды столько, сколько могут съесть за один раз, и, как правило, это не очень много. Закажи больше – привлечешь к себе ненужное внимание. Пусть слуга хоть десять раз ходит на кухню и обратно, лишь бы у нас стол не был завален едой – вот это, и верно, считается чем-то вызывающим и бестактным, а всего лишь несколько лепешек на столе – это правильно. Дело в том, что в чайную приходят для того, чтоб посидеть, отдохнуть, без спешки поесть, обсудить последние новости, и целой кучи еды для этого не требуется... Да, и вот еще что: чай в чашки надо наливать до середины, а не до края, как это делаете вы – я нашей стране чай пьют именно так...

Прошло немало времени, прежде чем мы перестали гонять слугу за очередным разносом с едой. Теперь можно спокойно посидеть и поговорить, тем более что обстановка очень этому способствовала. Народу в чайной было уже достаточно много, однако никакого шума или громких перебранок мы не слышали – как нам пояснила Ярли, в местах, подобных этому, все стараются говорить не очень громко, чтоб не сердить остальных, и не отвлекать их от бесед. Ну и хорошо, потому что и мы сейчас общаемся друг с другом едва ли не шепотом – не хватало еще, чтоб кто-то услышал наши разговоры.

Как сказала Ярли, дом ее бывшего жениха находится рядом с чайной – если выглянем в окно, которое находится неподалеку от нас, то в этом случае как раз его и увидим. Что ж, посидим здесь еще немного, а потом надо будет обойти этот дом, внешне его осмотреть, а уж потом думать, как можно проникнуть внутрь. Народу вокруг много, да и сам дом находится в людном месте, на одной из самых оживленных улиц, так что перед нами стоит непростая задача.

Мы говорили о каких-то пустяках и просто наслаждались

отдыхом и покоем, но внезапно Ярли смолкла и низко опустила платок на лицо. Понятно, что просто так делать это она бы не стала. Неужели увидела кого-то из знакомых?

– Сейчас за соседним столом уселись двое мужчин... – чуть слышно прошептала девушка. – Тот, кто сидит к нам спиной – он один из тех, кто живет на моей улице, вернее, на той, где я жила раньше.

– Я так понимаю, это ваш сосед?.. – спросил Винсент.

– Да... – Ярли наклонила голову еще ниже. – Его дом находится неподалеку от дома моего отца. Точнее, теперь уже от дома моей тетки...

– То есть он тебя знает в лицо?

– Да...

– А второй мужчина?

– Я его не знаю, вижу в первый раз.

– Уже легче. Думаю, нам стоит послушать, о чем будут разговаривать эти двое. Не может быть, чтоб в беседе они не упомянули о сегодняшнем происшествии.

Нам пришлось набраться терпения, а вместе с тем помалкивать и прислушиваться к тому, о чем говорят эти двое. Как видно, встретились двое старых знакомых, причем один из них приехал из предместья, и мужчины решили просто поговорить. Голоса звучали негромко, да и в чайной было далеко не так тихо, как нам бы того хотелось, но, тем не менее, кое-что услышать мы сумели, пусть даже урывками, и далеко не все.

Вначале разговор шел о каком-то молодом человеке, так и не вкушившем сладостей жизни – он совсем недавно предстал перед Всевышним, и этого юношу, так рано ушедшего на Небеса, все еще оплакивает горюющая семья. Затем вспомнили про общего знакомого, который уже давненько уехал на чужбину, не подавая о себе вестей, не могли не упомянуть о горестях бытия, и превратностях судьбы... Нам оставалось только ждать, когда мужчины заговорят о том, что нас интересует.

По-счастью, вскоре беседа перешла на погоду, и на трудную дорогу, которую истинно верующим пришлось преодолеть в самую

настоящую жару, чтоб придти на празднование к гробнице святого. Люди задумали хорошее дело – совершить паломничество, и да поможет им в этом Всевышний! Увы, но, кажется, что в душах некоторых людей давно царит мрак – когда одни идут на святой праздник, другие в это самое время отправляются на темные дела. Подумать только: сегодня какими-то нечестивцами был ограблен дом соседей! Похоже, что в душе у некоторых совсем опустели сундуки добра, и там копится лишь темное зло! Надо ж такому случиться: ранним утром, когда паломники только направлялись к могиле святого, какие-то грешники зашли в соседский дом, и похитили все деньги, какие там были! Да после такого никакая молитва не спасет их от адских мук!

В доме, который обокрали, живет вдова с двумя своими взрослыми сыновьями, и нередко там происходят самые настоящие свары. Конечно, принято считать, что сыновья – радость для матери!, только не в этом случае – работать не хотят, шатаются целыми днями невесть где! Ох, не стало у родителей власти над детьми, а оттого и все беды!.. Как раз именно оттого, что в том доме не было лада – вот потому-то никто из соседей вначале не стал обращать внимания на шум в том доме – мол, пошумят в очередной раз, и перестанут. Однако крики не стихали, и кое-кто из живущих рядом людей все же решил посмотреть в окно. Вот тогда и заметили нескольких человек (одни говорят, что их было четверо, другие упоминают пятерых), бедно одетых, которые шли от дома вдовы, а позже на улице присоседились к паломникам, направляющимся к могиле святого. Меж тем крики продолжались, но дверь в дом была заперта, и потому соседям пришлось обратиться к стражникам. Правда, к тому времени, как стражники прибыли, хозяева все же сами открыли дверь, и рассказали, что на них напали, скрутили, заперли в кладовой, и вынесли из дома все деньги! Хорошо еще, что бедняги сумели освободиться от пут, и выбраться из кладовой! Сколько именно было грабителей, и как они выглядели – этого хозяева с перепуга не заметили. Конечно, соседку и ее сыновей никак не назовешь праведными людьми – у них, как и у каждого, хватает грехов, но и остаться без единой монеты за душой – в этом тоже нет ничего хорошего. Сейчас эта женщина рыдает, кричит на всю улицу, призывает на головы похитителей все беды мира, и требует от стражников, чтоб они отыскивали воров! Конечно, хорошо бы отыскать этих жуликов, только вот как их найти, если даже их никто в лицо не видел?!

Ох, не везет обитателям этого дома! Еще не так давно там жил знаменитый вышивальщик Омар, и деньги у него водились, и семья была на загляденье. Но, как видно, чем-то он прогневал Всевышнего, и тот отнял у него и жену, и сына, оставив лишь дочь. В то время про нее ничего плохого сказать было нельзя: и трудолюбивая, и богобоязненная, и почтительная, и нрава доброго, да и жених у нее имелся – сын хозяина этой самой чайной. Больше того – там даже сговор состоялся, готовились к свадьбе, да только у родителей жениха какие-то сложности возникли, и решено было, что невеста к жениху жить пойдет. А что, дело обычное: священник молитву над женихом и невестой прочитал, и считай, что молодые люди уже в браке, а свадьбу, после которой молодые окончательно считаются семейным союзом, решили отложить на потом – что-то там между родственниками не сложилось. Люди поговаривали, что хозяин этой чайной в то время еле с концы с концами сводил, не было денег даже на то, чтоб выкуп за невесту сына уплатить, а уж о том, чтоб шумную свадьбу устроить, пока что и мечтать не стоило. Больше того: шли разговоры о том, что вышивальщик Омар даже свои деньги отцу жениха одолжил, чтоб того из беды выручить, и ведь, по слухам, без этих денег его новому родственнику пришлось бы совсем худо. Ничего не скажешь – человек поступил благородно! По счастью, дела в чайной пошли на лад, и можно было только порадоваться тому, что беда не задела семью своим черным крылом.

Однако верно говорится: не делай добра, не получишь и зла. Оказывается, некий богатый купец был вовсе не прочь породниться с владельцем чайной, тем более что у него была дочь на выданье. К тому же купец (в том случае, если удастся договориться) намеревался вложить деньги в открытие еще нескольких чайных. Естественно, о таком можно только мечтать, и владелец чайной рассудил здраво: если есть возможность крепче встать на ноги, и стать более богатым человеком, то отказаться от подобного счастья может только глупец. Недолго думая, он вернул невесту сына ее отцу-вышивальщику, расторг сговор под благовидным предлогом, и вскоре сыграл шумную свадьбу – женил сына на дочери купца. Все бы ничего, только вот бывшая невеста к тому времени уже ждала ребенка, а ее отец не пережил всего того, что свалилось на его голову – а то как же, его дочь опозорена расчетливой семейкой жениха, теми, кому он так доверял, да и деньги вышивальщику никто не вернул! От горя бедняга скончался, оставив дочь на попечение своей старшей сестры.

Конечно, вся эта история наделала немало шума. К тому же отвергнутая невеста никак не могла поверить, что жених от нее отказался по своей воле – дескать, любовь у них была, и все тому подобное, о чем так любят мечтать наивные молодые девушки. Когда же ей стало известно, что в доме бывшего жениха готовится свадьба, то (как бы родственница за ней строго не приглядывала) бедняжка сумела сбежать из дома, и кинулась к жениху. Понятно, что ее появление никому не доставило радости, тем более что к этому времени дом был полон гостей. Жених при всех заявил, что его бывшая невеста ему изменяла, нагуляла ребенка невесть от кого, и потому даже видеть ее он отныне не желает. Пошла, дескать, вон, бесстыжая!.. Что же касается отца бывшего жениха, то при виде несостоявшейся снохи он пришел в неописуемую ярость, сам вытолкнул бедную девушку за порог, и велел слугам гнать несчастную плетками до ее дома, что те и сделали.

Скандал, конечно, вышел громкий, не делающий чести никому. Оно и понятно: если лепешка упала в навозную жижу, то в рот ее уже не возьмешь, и честь тех, кого затронула эта неприятная история, оказалась именно тем хлебом, вымазанным в навозе. Позже отец жениха пригрозил, что если эта бессовестная девка еще раз покажется у его дома, то он упечет ее в тюрьму, и заставит родственников нагой особы заплатить большой штраф за клевету. Ну, с его деньгами и связями подобное вполне возможно. С той поры молодая вышивальщица безвылазно сидела дома, не выходя на улицу. Говорят, она ребенка родила, но тот вскоре умер. Ну, а потом тетка и вовсе продала племянницу на рынке рабов – мол, хватит позора на мою голову, пусть убирается с глаз долой...

Конечно, на все воля Всевышнего, его пути неисповедимы. Наверняка он воздаст каждому по заслугам. Давай вспомним моего родственника, и то, как он обрел счастье в весьма преклонном возрасте...

Понятно, что дальнейшие разговоры мужчин можно не слушать, теперь они перешли у обсуждению иных тем. Мы же главное узнали, и вряд ли услышим что-то новенькое. Подозвав слугу, рассчитались, и ушли. Когда же оказались на улице, то я посмотрела на Ярли – девушка внешне выглядела спокойной, но на ее щеках горели красные пятна. Я ее понимаю: не очень-то приятно слышать, как некто перемывает твои кости, и вспоминает далеко не самые лучшие минуты твоей жизни, которые хотелось бы навсегда вычеркнуть из

своей жизни.

– Если я правильно понял, то нам сейчас следует хорошенько рассмотреть дом твоего бывшего жениха?.. – Дорен повернулся к Ярли. – А домина у него, и верно, отгрохана здоровенная! Всему семейству места хватит!

– Я неплохо помню этот дом, но осмотреться лишний раз, и верно, не помешает... – кивнула головой девушка. – Хотя, на первый взгляд, там ничего не поменялось, во всяком случае, я ничего такого не замечаю.

– В общем, давайте поступим так... – предложил Винсент. – Сейчас разок осмотримся, обойдем этот дом, а потом уходим отсюда. Надо будет снять комнатку в гостинице среднего пошиба, где останавливаются торговцы средней руки или небогатые купцы. Желательно, чтоб гостиница находилась ближе к порту. Такая найдется?

– Пожалуй, да.

Уже через час мы находились на постоялом дворе «Золотой гусь», где, можно сказать, вовсю кипела жизнь, и до нас никому не было дела. Здесь останавливались зажиточные крестьяне из деревень, которые привозили товар на продажу, купцы, что-то покупающие и продающие, мелкие лавочники и тому подобный люд, которых больше всего интересовали их торговые сделки, а уж потом все остальное. Как сказала Ярли, этот постоялый двор пользовался хорошей репутацией, и немалую роль в этом играло то, что здесь были крепкие двери, надежные замки и небольшие окна, ведь едва ли не каждый приезжий в город опасался за свой товар и кошелек, а потому, уходя по делам, должен быть уверен, что вернувшись, найдет свое добро целым и невредимым. Конечно, перед настоящим вором сдастся любой замок, но, тем не менее, за порядком в «Золотом гусе» следили строго, потому-то и цены здесь были немного выше, чем на большинстве постоялых дворов города – ничего не поделаешь, за спокойствие тоже надо платить.

Оказавшись в комнате, Винсент устроил Ярли самый настоящий допрос, касающийся дома, в котором жила семья ее бывшего жениха. Надо сказать, что Винсента интересовало все: сколько людей находится в доме, их привычки, расположение комнат, что именно находится в этих комнатах, где владелец чайной хранит деньги, и

многое, многое другое. Расспросы продолжались не просто долго, а очень долго, причем интерес Винсента касался самых разных вопросов, которые, на мой взгляд, были не связаны между собой. Надеюсь, наш спутник расспрашивает не просто так, а уже прикидывая дальнейшие действия.

Закончив свои расспросы, молодой человек какое-то время молчал, видимо, что-то обдумывая, а потом вздохнул.

– Мне тут в голову кое-что пришло, хотя не знаю, как вы к этому отнесетесь...

– Давай, братец, говори, не стесняйся... – хмыкнул Дорен. – Из нас двоих ты всю жизнь заводилой был, так что говори, что надумал.

– Сразу же говорю, что мне самому все это не очень нравится...

– Звучит обнадеживающе...

Когда Винсент закончил, Дорен протянул:

– Ну, не знаю... Тут наших девушек подставлять придется, а мне бы этого не хотелось...

– Я согласна!.. – не дала ему договорить Ярли. Кажется, она ни в коем случае не упустит возможность хоть чем-то отплатить за прошлое семье бывшего жениха. – Согласна!

– Но это рискованно...

– Ну и пусть!

– Присоединяюсь... – развела я руками. – На мой взгляд, рискнуть можно.

– Ну, раз вы не возражаете, то давайте обсудим все подробности... – подвел итог Винсент. – Может, я что-то упустил...

Через несколько часов мы подошли к зданию, где находился суд. Время было достаточно позднее, судьи в эту пору уже должны уйти домой, но писаришки (куда ж без них!) оставались на месте. С мелкими служащими всегда можно договориться, особенно если вести разговор наедине, а в руке у посетителя поблескивает большая монета. Правда, идти в здание суда всем четверым не стоило, и туда отправились Ярли с Дореном. Конечно, Дорену следовало помалкивать – в здешней стране собеседник из него никакой, и потому вести разговор должна Ярли. Почему они пошли вдвоем?

Сложность в том, что здешние судейские не станут общаться с женщиной на серьезную тему, но если рядом с ней будет стоять мужчина, то тут, как говорится, дело совсем иного рода. Ну, а чтоб судейским не показалось странным, что мужчина молчит, а женщина ведет переговоры – для этого шею Дорена обмотали толстым слоем полотна, да еще и его руку уложили на перевязь, и к тому же парню следовало заметно прихрамывать при ходьбе. Глянь со стороны – мужчина явно где-то серьезно пострадал, и горло повредил, так что нет ничего удивительного, что за него говорит жена. Единственное, что требовалось от Дорена – так это или согласно кивать головой, или же хмурить брови. Ничего, сообразит, что к чему.

Зачем они туда пошли? Ярли рассказала о том, что отец ее бывшего жениха имел доходы не только с чайной, но и с того, что ссужал деньги в долг, не церемонясь с теми, кто не мог вернуть деньги вовремя. Он сразу отправлял должников в суд, где у них описывали имущество, или же посылали в тюрьму, где невезучие заемщики сидели до того времени, пока за них не выплачивали долг. Правда, случалось и такое, что денег у родственников не было, и тогда из тюрьмы несчастный уже не выходил никогда.

Сейчас нам были нужны имена тех людей, кто не смог вовремя отдать долг хозяину чайной, и их дела к этому моменту были направлены в суд на взыскание. Зачем? Как раз для того, чтоб у нас было серьезное основание придти в дом бывшего жениха Ярли.

– Ох, что же их так долго нет!.. – не выдержала я.

– Терпение и еще раз терпение... – вздохнул Винсент. – Сам беспокоюсь. Давай надеяться на лучшее.

– Знаю, что надо, но все одно волнуюсь.

– Я, когда хочу успокоиться, вспоминаю, как листья на деревьях колышутся под ветром. Зеленые они, или желтые, когда осенью начинают осыпаться с ветвей – это не так и важно. Ты просто представь, какие они красивые, и неважно, покачиваются эти листья на ветру, или по ним ползет божья коровка. Главное, ты представь это наяву, и подобное помогает держать себя в руках.

– А я предпочитаю вспоминать синий цвет... – вырвалось у меня, но вовремя прикусила язык. Не хватало еще рассказывать кому-то о моем сапфировом колье!

– Почему?

– Да так... О, наконец-то!

Дорен и Ярли вышли из здания суда, и, особо не торопясь, пошли по улице. Убедившись, что за ними никто не следит, мы отправились следом. Дойдя до небольшого переулочка, Дорен снял руку с перевязи и стал разматывать ткань на горле, вернее, этим занималась Ярли.

– Как дела?.. – первым делом поинтересовался Винсент, подойдя к парочке.

– Вот... – Дорен протянул брату клочок бумаги. – Тут три имени...

– Как все прошло?.. – спросила я, пока Винсент изучал бумагу.

– Ничего неожиданного... – ухмыльнулся Дорен. – Их, то бишь судейских чиновников, на месте оказалось двое, и поначалу они нам долго и напыщенно вещали о принципах, неподкупности и чувстве долга, и я понял, что серебром тут не обойдешься. Пришлось расстаться с двумя золотыми монетами, лишь тогда дело пошло на лад – понятно, что такие высокие убеждения стоят дороже. Кстати, надо похвалить Ярли – она молодец, мне без нее было бы не справиться.

– Да что там... – покраснела от удовольствия девушка.

– Так, в этом списке двое мужчин, и женщина... – тем временем Винсент изучал документ.

– Я вот что хотела вам сказать... – заторопилась Ярли. – В числе должников есть женщина по имени Халима. Вернее, как нам сказали, деньги у хозяина чайной брал ее муж, горшечник Селим, но он внезапно скончался, не успев вернуть долг, и теперь деньги обязана отдать его жена, вернее, вдова, а денег у нее нет. Наверное, в самое ближайшее время у бедной женщины отберут дом, а ведь у нее на руках осталось несколько ребятишек...

– Откуда тебе об этом известно?

– Судейские поведали – они после получения денег стали очень разговорчивыми... – усмехнулся Дорен. – Пели так, что соловьи позавидуют! А некоторые идеалисты наивно утверждают, что золото в этом мире – вещь не самая главная. Ага, как же! Заплати мы судейским еще по золотому, они бы нам и сокровенные тайны судьи

выложили, как на духу!

– Селим был другом моего отца... – продолжила Ярли. – Больше того: когда мой отец заболел, Селим приносил ему лекарства, но после того, как отец умер, я больше не видела этого доброго человека – тетка не пускала на порог никого из наших старых знакомых.

– Сколько там она должна хозяину чайной?.. – Винсент вновь посмотрел в бумагу.

– Селим брал в долг пять золотых, а отдать нужно десять.

– Н-да, выходит, можно грабить людей и без ножа на темных дорогах – так даже выгоды больше... – Винсент убрал бумагу в карман. – Значит, остановим свой выбор на этой женщине. Надо только убедиться для начала, что она завтра случайно не заглянет к хозяину чайной с просьбой простить долг. Ярли, ты знаешь, где она живет?

– Конечно!

– Тогда сейчас отправим к той женщине посыльного. Пусть скажет ей нечто вроде того, что, дескать, в город на пару дней приехал старый знакомый ее мужа, и намерен завтра, или же послезавтра заглянуть к ним в дом – мол, собирается вернуть небольшой долг, который когда-то ему милостиво ссудил почтенный Селим. Да после получения такого сообщения женщина с места не сдвинется, будет ждать этого благородного человека, который может принести в ее бедный дом хотя бы пару монет...

Когда наступил вечер, мы вновь оказались неподалеку чайной – со слов Ярли, там работали едва ли не до полуночи. В этот раз мы уселись за одним из столов, стоящих на улице – оттуда было удобно наблюдать за домом, в котором жил хозяин чайной, но не заметили ничего примечательного. Единственной пользой от наших посиделок было то, что мы увидели воочию как бывшего жениха Ярли, так и его папашу. Не знаю, что об этих двоих думают наши спутники, а мне молодой человек показался смазливый молодчиком, бесконечно уверенным в собственной неотразимости. Ухоженный вид, дорогая одежда, украшения – этот человек денег на себя не жалеет. Такие парни, как правило, нравятся девушкам, а себя расценивают как великий подарок человечеству – это я уже поняла после общения с дорогим супругом. Правда, жаль, что это понимание пришло

слишком поздно... Что же касается отца этого молодого человека, то он мне не понравился с первого взгляда – невысокий рост, худощавый, недовольное лицо, мрачный взгляд... Кажется, этот тип не доверяет никому – вон с каким подозрением смотрит на окружающих!.. Да, этого человека вокруг пальца легко не обведешь, но попытаться это сделать все же можно. Вернее, нужно.

На постоянный двор мы вернулись ночью. Кажется, все тихо, и нами никто не интересовался. Ну и хорошо, только вот дежурство все одно надо установить – так сказать, на всякий случай.

На следующий день мы с Ярли стояли у входа в дом, где жил хозяин чайной со всем своим благородным семейством. Мы обе были закутаны в большие платки, полностью скрывающие лицо, и оставляющие незакрытыми лишь глаза – так в здешних местах ходят женщины из дальних селений. Еще перед тем, как постучать в дверь, мы капнули себе в глаза луковым соком, и сейчас рыдали без остановки, да и кожа вокруг глаз чуть покраснела. Неприятно, конечно, и глаза щиплет, но так надо для правдоподобности.

Дверь открыл слуга, и, поглядев на нас, хмыкнул:

– Чего надо?

– Мы к достопочтенному господину Хасану... – всхлипнула Ярли. – Нас прислали, чтоб отдать ему деньги.

Раз Ярли заговорила, значит, она не знает этого слугу – очевидно, это новый работник. Вот если бы она промолчала, тогда бы говорить пришлось мне – все же по голосу можно легко опознать человека, а Ярли прожила тут несколько месяцев.

– Проходите... – посторонился слуга. – Сейчас доложу о вас хозяину.

Впустив нас в дом, и заперев дверь, слуга ушел, а мы остались стоять под присмотром крепкого парня, который находился неподалеку – как Ярли и говорила, к хозяину часто ходят должники, ситуации могут быть самые разные, так что без охраны тут не обойтись. Однако охранник был спокоен – как видно, в этом доме нередко появляются люди, рыдающие от того, что несут хозяину последнее из того, что у них имеется.

Через несколько минут слуга вновь спустился к нам.

– Эй, вы, пошли за мной, хозяин вас ждет... – буркнул он. – Да

пошевеливайтесь, курицы, у хозяина и без вас есть, чем заняться.

Н-да, хозяину чайной явно не помешает поучить вежливости свою обслугу. Ох, попадись они в руки тете Фелисии, она бы их вышколила! По струнке бы у нее ходили! Ладно, не стоит отвлекаться по пустякам...

Поднялись на второй этаж, и слуга подвел нас к одной из дверей, изготовленной из тяжелого дуба (такую быстро не сломаешь!), и осторожно в нее постучал в дверь.

– Хозяин, я их привел...

Когда мы вошли в комнату, хозяин чайной сидел за столом, и первое, что он нам сказал, было:

– Зачем пришли?

Да уж, тон грубый, почти что хамский. Если он так разговаривает со всеми, то Ярли стоит порадоваться уже тому, что такой жесткий человек не попал ей в родню.

– Господин... – всхлипнула я. – Господин, мы пришли от Халимы, вдовы Селима...

– Если вы заявились сюда только для того, чтоб просить об отсрочке, то пошли вон... – а хозяина чайной никак не назовешь любезным человеком.

– Господин, мы принесли деньги...

– Вот как?.. – чуть приподнял брови хозяин. – Все десять золотых?

– Да.

– А почему Халима сама не пришла?

– Болеет, встать не может.

– Надо же, какие нежные бабы пошли... – мужчина скривил губы. – Я всегда знал, что если кого-то по-настоящему припечет, то деньги всегда отыщутся, потому как в тюрьму никому идти не хочется. Давайте деньги!

Я подошла к столу, и стала по одной выкладывать на стол золотые монеты, складывая их столбиком. Когда же была положена последняя, то я чуть поклонилась, и отступила назад, неловко махнув

рукой, край платка задел аккуратно сложенный столбик, и монеты полетели на пол.

– Ох!.. – схватилась я за голову. – Ой!

– Ты чего натворила, корова неповоротливая!.. – заорал хозяин. – А ну поднимай все!

– Да, простите...

Я бросилась поднимать монеты, причем одну из них постаралась незаметно затолкать под стол. Поднять упавшие монеты у меня не заняло много времени, осталась последняя, та, что находилась под столом.

– Господин, вы не могли бы встать?.. – как можно жалобней попросила я. – Одна из монет закатилась под стол, и мне ее не достать...

Усмехнувшись, мужчина поднялся – кажется, ему даже понравилось то, что женщина ползает у него под ногами. Монету я достала, но она вновь выкатилась из моих пальцев, но в этот раз закатилась в половую щель позади стола.

– Ой!

– Ты еще и безрукая!.. – презрительно усмехнулся мужчина. – Ну, чего глаза таращишь? Давай, доставай то, что проворонила!

Сейчас хозяин стоял спиной к Ярли, а это именно то, ради чего все и затевалось. Стараясь копать как можно дольше, я с трудом выцарапала монету из щели на полу, и протянула ее хозяину.

– Вот...

– Глупая женщина... – хозяин чайной даже не пытался скрыть насмешку в своем голосе. Кажется, произошедшее его позабавило. Открыв ящик стола, он достал оттуда лист бумаги, и бросил на пол, мне под ноги. – Забирайте вашу бумагу на заем, относите Халиме. Долга за ней уже нет, но если вновь будет брать у меня деньги, то пусть тебя не присылает – все потеряешь, овца тупая. Как у нее ума хватило тебе деньги доверить – не понимаю! Все, пошли вон!

Вот это я сделаю с огромным удовольствием, потому как лицезреть желчную физиономию этого грубияна и терпеть его хамство мне уже надоело. Надо поскорей убираться отсюда, и единственное, что меня беспокоило – так только то, успела ли Ярли

сделать то, что от нее требовалось. Хочется надеяться, что у нее все получилось.

Мы вышли из дома, и пошли, стараясь идти не очень быстро. Наши спутники ожидали нас в ближайшем переулке, и первое, что они нас спросили, было:

– Ну, как все прошло?

– У меня все получилось!.. – выдохнула Ярли.

– Молодец!.. – Дорен от избытка чувств не нашел ничего другого, как сгрести девушку в объятия.

Дело в том, что в комнату, где обитал хозяин чайной (и где, естественно, хранились все его деньги и документы), так просто не проникнешь. Да и хозяин спал очень чутко, просыпался от самого незначительного шума. К тому же окно в его комнате было забрано решеткой, а сами окна легко не откроешь – все заблокировано очень хитроумным механизмом. Казалось, постороннему человеку в эту комнату никак не попасть, но Винсент, расспросив Ярли (которая прожила в этом доме несколько месяцев, и знала очень многое о нравах и привычках здешних обитателей), кое-что придумал.

Как выяснилось, хозяин перед сном обязательно выпивал стакан другой хорошего вина, которое хранилось у него в комнате, и к которому никто не имел права прикоснуться. Как раз это обстоятельство и решил использовать Винсент. Когда я, изображая растерянность, пыталась достать монету из щели на полу, хозяин повернулся к Ярли спиной – вот тогда девушка мгновенно приподняла крышку на кувшине с вином, и плеснула туда из пузырька сонное зелье, которое мы купили у аптекаря за немалые деньги. В следующую секунду она шагнула в сторону, и нажала небольшой рычаг в стене, при помощи которого можно снять блокировку на окне. Внешне все осталось, как и было, но при желании можно легко открыть окно и сдвинуть железную решетку. Ярли же через миг стояла на прежнем месте, глядя в пол. Н-да, бойся мести разгневанной женщины! Нам же осталось надеяться только на то, что хозяин не заметит того, что рычаг кто-то тронул...

Дождавшись ночи, мы вновь пришли к нужному дому. Правда, по ночам здесь не принято бродить по городу – таких гуляк ночная стража задерживает сразу, так что нам следовало быть очень осторожными. Мы какое-то время провели под стенами этого дома,

прислушиваясь к окружающим звукам, но ничего подозрительного не заметили. Ночь, тишина, спящий город...

Я так и не поняла, каким невероятным образом Винсент сумел забраться по почти ровной стене дома, цепляясь лишь за крохотные выбоины, но это у него поручилось. Затем раздался негромкий скрип – это Винсент открывал окно, а чуть позже сверху свалилась веревочная лестница (которую мы сегодня купили в порту, причем с великим трудом), и по ней забрались наверх Дорен и Ярли. Меня же оставили внизу, так сказать, наблюдать, и в случае опасности я должна была подать условный сигнал. По счастью, все обошлось, и через какое-то время (которое показалось мне невероятно долгим) Ярли и Дорен спустились вниз, и у каждого в руках было по несколько увесистых мешочков. Немногим позже сверху вновь раздался легкий скрип – закрыли окно, на землю упала веревочная лестница, и Винсент стал спускаться вниз, но в этот раз ему не повезло – примерно на середине пути молодой человек сорвался, и упал, причем довольно неудачно. Тихонько ругнувшись, Винсент попытался встать на ноги, но чуть не упал.

– Нога, чтоб ее... Надо уходить!

Понятно, что надо – нам и без того невероятно повезло, что нас никто не заметил. Сунув мне мешочки, которые держал в руках, Дорен перекинул через свою шею руку брата.

– Пошли! Девчонки, веревочную лестницу с собой не забудьте прихватить!..

Как мы этой ночью добирались до «Золотого гуся» – это отдельная история. Нам пришлось прятаться от отряда ночной стражи, затем едва не нарвались на компанию малолетних воришек. Заодно пришлось избавиться и от веревочной лестницы – сунули ее в какую-то грязную канаву. Ну, а когда мы с рассветом заявили на постоялый двор, у нас был такой вид, будто наша четверка куролесила ночь напролет, и один из компании набрался так, что уже на ногах не стоит. Что ж, для постоялого двора это вполне нормально – тут многие заявляются в довольно-таки непотребном виде после ночных гулянок, так что мы беспрепятственно добрались до своей комнаты, и как только заперли за собой дверь, так едва ли не уселись на пол, чтоб хоть немного передохнуть и прийти в себя.

Так, сейчас, как только чуть передохну, надо посмотреть, что там

с ногой у Винсента, посчитать, сколько денег находится в тех мешочках, что забрали из дома хозяина чайной... А еще хочется надеяться, что нам удалось улизнуть незамеченными, и удастся дождаться корабля, который направится в нашу страну...

Хотя, пожалуй, не стоит однозначно надеяться на хорошее – кто знает, что еще может произойти...

Глава 9

Похоже, удача по-прежнему не покидала нас – у Винсента оказалось только растяжение, а не перелом. Конечно, в этом тоже мало хорошего, так что Ярли и Дорену пришлось сходить к аптекарю, и приобрести у него мазь, помогающую при растяжениях. Заодно в небольшом магазинчике купили полотна – надо было туго перевязать ногу нашему пострадавшему, так что как бы Винсент не отмахивался от нас, и не твердил, что с ним все «в полном порядке, заживет, как на собаке», однако сладить с нами он не смог, так что Дорен умело перевязал ногу брату. Надеюсь, все обойдется.

Заодно мне рассказали и о том, что произошло в доме бывшего жениха Ярли, вернее, в комнате, которую занимал хозяин чайной. Ночью, когда Винсент добрался до окна, то без труда сдвинул в сторону железную решетку, прикрывающую это самое окошко – по счастью, хозяин не заметил того, что рычаг, при помощи которого удерживалась решетка, находился в отключенном состоянии. Винсенту удалось раскрыть окно, почти без шума забраться внутрь, и первое, кого он увидел в комнате, был хозяин чайной, который спал на низком диване у стены, и даже не пошевелился, когда Винсент споткнулся о тяжелый табурет, стоящий у стола. Аптекарь не обманул, сонное снадобье, и верно, оказалось весьма действенным. Ранее Ярли говорила нам – ее бывший свекор проводит ночи в своей комнате, и там же спит, причем сон у него очень чуткий – человек просыпается от любого шороха, даже самого незначительного.

Ну, в чем-то его можно понять: в своей комнате он хранит все деньги семьи, а заодно и закладные, поручительства, и все прочие документы – что ни говори, но несостоявшийся свекор Ярли, помимо своего основного дохода, занимается еще и ростовщицеством, и это дело, судя по всему, приносит очень неплохой доход. По-счастью, сейчас хозяин чайной спал беспробудным сном – как видно, аптекарь был прав, когда клялся, что сонное средство, которое он нам продавал из-под полы, заставит крепко заснуть любого человека, даже такого, у которого серьезные проблемы со сном. Дескать, не сомневайтесь: тот, кто примет это снадобье, проспит не только всю ночь, но и утром проснется не сразу, и вдобавок ко всему еще какое-то время будет находиться в полусонном состоянии. Только, мол, вы

это сонное средство добавляйте в воду или чай, а вот в вино снадобье вливать не следует, а иначе у проснувшегося утром бедолаги будет довольно ощутимо болеть голова. Хм, не скажу, что предполагаемые утренние страдания хозяина чайной от утренней головной боли нас хоть немного расстроили.

Когда же по сброшенной вниз веревочной лестнице в комнату забрались Дорен и Ярли – вот тогда Винсент зажег свечу, чтоб можно было хоть что-то рассмотреть в темноте. Теперь надо было искать то, за чем мы сюда и забрались, то есть следовало отыскать деньги, и без помощи Ярли сделать это было довольно сложно. Конечно, за те несколько месяцев, что девушка прожила в доме жениха, во все тонкости здешнего бытия ее не посвящали, но, как говорил на проповедях в храме наш священник (Святые Небеса, как давно этот было!) – «имеющий уши, да услышит». Я бы добавила к этой проповеди нечто вроде продолжения, вроде того, что имеющий глаза – да увидит. Вот и Ярли за время, что провела в этом доме, поневоле что-то видела, слышала, запомнила, и, как следствие, сделала свои выводы. Нам только и оставалось, как рассчитывать на то, что с той поры никаких кардинальных изменений здесь не произошло.

Для начала сняли с шеи спящего мужчины висящие там три ключа на цепочке (которые тот постоянно носил с собой), и отомкнули замок на тяжелом столе – это было одно из тех мест, где хозяин чайной хранил деньги. Бумаги, находящиеся в столе, брать не стали, а вот пару мешочков с деньгами прихватили.

Это было не все – существовало еще одно потаенное местечко, где хозяин этого дома прятал деньги, и отыскать этот укромный уголок без подсказки со стороны было довольно проблематично. Оказывается, тут имелся еще один тайник, и он находился под полом, в углу комнаты, под ковром. Правда, где именно расположен этот тайник, Ярли не знала (ей стало известно об этом тайнике от своего бывшего жениха – тот случайно проговорился), и потому на поиски ушло какое-то время. Как сказал Дорен, они уже решили, было, махнуть рукой на тайник, и довольствоваться тем, что сумели найти в столе – и в это время Ярли заметила в полу небольшую овальную дырочку. Правда, со стороны это смотрелось так, будто на половой доске находилось отверстие от выпавшего сучка. Как оказалось, это и было то самое место, куда следовало вставлять ключ. И хотя открыть этот замок оказалось непросто, результат порадовал: под досками располагалось небольшое углубление, в котором находилось

несколько кожаных мешочков, в четырех из которых были деньги, а в одном – дорогие украшения. Естественно, все найденное забрали с собой – не для того молодые люди рисковали жизнью, пробираясь сюда, чтоб хоть что-то оставлять хозяину. Хватит с него и долговых расписок. Конечно, надо было бы и их забрать с собой и сжечь, только вот заниматься этим нет ни времени, ни возможности, тем более что на запах дыма сюда сбегутся все, кто находятся в доме, а с собой эти бумаги не потащишь, и без того руки заняты.

Не исключено, что в комнате мог быть и еще один тайник – по словам Ярли, ее бывший свекор был предусмотрительным человеком, и явно должен иметь еще какую-то ухоронку. Возможно, так оно и есть, тем более что на той цепочке было три ключа, только вот заниматься поисками невесть чего, да еще и в темноте, у молодых людей не было ни времени, ни возможности, хватит и того, что уже сумели найти. Осталось только навести порядок, вновь запереть замки, придать комнате прежний вид и повесить на шею крепко спящему хозяину ключи – пусть утром разбирается, что к чему...

– Нам повезло в который раз... – мне только и оставалось, как порадоваться от души. – Что дальше делать будем?

– Ждать, пока в порт придет корабль из нашей страны... – отозвался Винсент. – Только вот неизвестно, когда он появится. Хотелось бы поскорей убраться из этих мест... Ну, а до этого времени нам четверым надо сидеть тихо, как мыши под веником, только вот, боюсь, это не получится.

– Н-да, сегодня в доме хозяина чайной будет стоять даже не крик, а настоящий вопль... – хохотнул Дорен. – Жаль, что я не могу быть свидетелем столь увлекательного зрелища – нам сейчас и близко к той чайной подходить не стоит. Надеюсь, нас, грешных, вряд ли заметил хоть кто-то посторонний, но, тем не менее, лишняя предосторожность не помешает, и понапрасну рисковать не стоит.

– Слухи о таких происшествиях быстро разносятся по городу... – подала голос Ярли. – Здесь говорят: у плохих вестей быстрые ноги. Скоро и до этого постоянного двора дойдут разговоры о том, что у хозяина большой чайной ночью побывали грабители. Наверное, узнаем и мы...

– Лично меня куда больше интересуется ответ на другой вопрос... – вздохнула я. – Когда хозяин чайной поймет, каким образом грабители

проникли в его комнату (а это наверняка станет известно в самое ближайшее время), то на кого он подумает?

– Госпожа, в первую очередь подозрение падет на домашних... – отозвалась Ярли – похоже, она тоже задумывалась над этим вопросом. – Потом мой бывший свекор начнет вспоминать тех посторонних, что приходили к нему в комнату. Припомнит и нас, тем более что память у него хорошая. Может и догадаться, в чем дело. Меня он, видимо, не признал, тем более что у меня лицо было почти полностью закрыто платком...

– Почти наверняка к Халиме пойдут... – предположил Дорен. – Ох, как бы не обвинили невесту в чем бедную женщину!

– Пусть идут, вряд ли им это хоть что-то даст... – отмахнулся Винсент. – Нас там никто не видел, а зная местные нравы, можно быть уверенным: еще вчерашним вечером все соседи Халимы уже знали о том, что в город приехал старый знакомый ее покойного мужа, и обещал помочь деньгами несчастной женщине, оставшейся без помощи. Готов побиться об заклад, что обитатели той улицы, где живет Халима, глаз не смыкают, желая увидеть такого благодетеля и бессребреника! Когда же станет известно о том, что некто избавил несчастную женщину от долгов, то этого человека едва ли не причислят к лику пророков!

Мы еще вчера разорвали заемное письмо, которое нам вернул хозяин чайной, и с посыльным отослали эти обрывки Халиме – пусть знает, что долга у нее больше нет. Вместе с клочками бумаги положили несколько серебряных монет – надеюсь, для бедной женщины это окажется настоящим подспорьем.

– Надеюсь, у Халимы хватило сообразительности спалить эти обрывки... – продолжал Винсент. – Естественно, она будет утверждать, что не в курсе происходящего. Дескать – да, был долг, но не так давно объявился старый знакомый мужа, обещал помочь, тем более что она осталась одна, с детьми. Наверное, этот благородный человек и помог несчастной вдове, оплатил долг ее покойного супруга...

– Звучит не очень достоверно.

– Возможно, но в жизни случается всякое, в том числе и великодушные поступки праведных людей. Не стоит забывать и другое: скорей всего, вчера наши дамы были далеко не

единственными посетительницами дома хозяина чайной. Наверняка были и еще гости, так что подозрение в равной мере может падать и на них. В любом случае вам, милые девушки, надо будет пореже выходить с постоянного двора, а заодно одежду сменить не помешает. Так, для большей надежности.

– Это верно... – согласилась я. – Кстати, деньги хоть кто-то посчитал? Интересно все же знать, насколько мы разбогатели.

– Или, если говорить точнее, насколько кто-то обеднел?.. – хмыкнул Дорен.

– Ну, можно и так сказать.

– Сейчас займемся подсчетами. Ух, как же я люблю считать чужие деньги! Вернее, теперь уже свои...

Из шести кожаных мешочков, которые забрали у владельца чайной (кстати, мешочки были довольно плотно набиты), три оказались заполнены золотыми монетами, два серебряными, а в третьем оказалась медь. Скорей всего, медные монеты находились в столе у хозяина – так сказать, для текущих расчетов, и на всякий случай. Ничего, мы люди не гордые, ни от каких денег не откажемся.

В еще одном, седьмом по счету мешочке, оказалась пригоршня золотых и серебряных украшений, причем все они были из числа тех, какие носят женщины этой страны. Необычные, красивые и затейливые изделия, которые стоят немало. Сейчас Ярли занималась тем, что раскладывала украшения в ряд – надо же их лучше рассмотреть. Ну, что тут можно сказать? Действительно, неплохо, здешние ювелиры хорошо знают свое дело. Что же касается Ярли, то она смотрела на украшения, не скрывая своего восхищения.

– Госпожа, вы только гляньте!.. – девушка держала в руках серебряные серьги, усыпанные рубинами и бирюзой. – Как красиво!

– Да, действительно, очень красиво... – мое внимание привлекла совсем иная вещь.

– Дорогие наши спутницы, сразу говорю: забирайте себе эти побрякушки... – Винсент оторвался от подсчета денег. – Продавать их нет смысла, да и украшения сами по себе – вещь приметная. Будь на то моя воля, я б эти безделушки вообще не трогал, оставил бы там, где они и находились, то есть в тайнике, да только подобное выглядело бы достаточно подозрительно. Потому-то мы вынуждены

были их прихватить...

– Ярли, эти украшения принадлежат семье хозяина чайной?.. – спросила я.

– Нет, госпожа, эти вещи я ранее никогда не видела... – покачала головой Ярли.

– А у женщин в семье хозяина чайной много драгоценностей? И они дорогие?

– Как у всех... – пожала плечами Ярли. – Не больше и не меньше. Те украшения, конечно, недешевые, но уж очень дорогих убранств в семье моего бывшего жениха тоже нет – его отец считал, что нельзя дарить женщинам излишне дорогие подарки: мол, потеряют еще, так что баб не стоит баловать понапрасну. И потом, если покупались украшения, то с какой-то определенной целью, и мой бывший свекор их у себя не оставлял. Он предпочитал иметь золото и серебро в монетах, а не в виде таких вот дорогих предметов, которые часто не продашь по той цене, за которую их приобрели.

– Согласен: для торговца желательно всегда иметь при себе деньги, а не изделия ювелиров, хотя тут вопрос спорный... – заметил Винсент. – Лиз, а почему ты об этом спрашиваешь?

– Да так... Значит, эти украшения, которые находились в тайнике – они или отданы в залог, или же их вовремя не смогли выкупить... – предположила я.

– Может статься, что хозяин чайной по дешевке скупает краденое... – предположил Дорен.

– Нет!.. – замотала головой Ярли. – За такое виновному положено наказание плетью на площади, а еще ему придется уплатить большой штраф.

– Это ты скажи тем, кто в порту скупает все, что только можно украсть... – хохотнул Дорен. – Что-то я сомневаюсь в том, что они очень испугаются.

– Госпожа, а какие из этих украшений вам больше всего нравятся?.. – поинтересовалась Ярли. Кажется, эти изделия произвели на нее должное впечатление.

– Видишь ли... – вздохнула я. – Видишь ли, все это, конечно, красиво, дорого, но, по-сути, почти ничего необычного здесь нет, и

все эти украшения можно увидеть на женщинах этой страны. Однако среди этих дорогих вещиц есть одна, которую я тут никак не ожидала увидеть.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду... – поинтересовался Винсент.

– Смотрите... – я взяла в руки массивный серебряный браслет, который сразу привлек мое внимание. Довольно простой, без особых изысков, с множеством небольших зеленых камешков, а еще среди потемневшего от времени серебра располагался большой камень зеленого цвета. – Знаете, сколько может стоить такой браслет?

– Не знаю... – пожал плечами Дорен. – А что, разве очень дорого? Надо же, а по виду и не скажешь!

– Да уж... – хмыкнула я. – Господа хорошие, не обижайтесь, но, судя по всему, в драгоценных камнях вы не очень разбираетесь, верно?

– Да как-то не было необходимости...

– Ярли, а ты что скажешь?... – повернулась я к девушке.

– Сразу видно, что это мужской браслет – именно в них обычно вставляются камни одного цвета... – кажется, девушка не впечатлена. – Красиво, конечно, но выглядит браслет уж слишком просто, да и понятно, что он изготовлен уже давно – вон как серебро потускнело. К тому же камень очень большой – вряд ли он настоящий. Зато в женских украшениях дорогих камней, как правило, много больше, и смотрятся они по-другому.

– Тогда вас кое-что удивит... – я положила перед братьями браслет. – Чтоб вы знали: этот огромный зеленый камень, что вы видите – настоящий изумруд.

– Великоват что-то для настоящего... – с сомнением в голосе протянул Винсент. – На мой взгляд, такие хм... изумруды стеклодувы горстями изготавливают, и продают едва ли не на вес. Да и цвет у него какой-то не такой...

– Господа хорошие, спешу сообщить: вы изволите видеть самый настоящий изумруд, причем это камень редкой красоты. Обратите внимание на то, какой у него чистый, насыщенный и глубокий зеленый цвет. Заодно советую глянуть на прекрасную огранку – прямоугольник с усеченными краями. Если вы не поняли, то

поясняю: такая огранка позволяет подчеркнуть роскошь цвета и сияние обработанного камня. Чувствуется, что здесь работал хороший мастер – вы только посмотрите, какая симметрия, насколько хорошо отполирована поверхность! Что касается размера... На мой взгляд, в этом камне немногим более двадцати каратов, а это очень много. Лично я такой большой изумруд встречаю второй раз в жизни. Такие прекрасные камни достаточно редки, и стоят они чрезвычайно дорого.

– Говоришь, встречаешь такой изумруд второй раз в жизни?.. – чуть сощурил глаза Винсент. – А когда был первый?

Проговорилась! Да уж, слишком увлеклась излишними подробностями... Пожалуй, мне следует внимательней следить за своим языком, и не болтать лишнее. Во всяком случае, я не собираюсь сообщать всем о том, что почти такой же большой изумруд находится в фамильном перстне тети Летиции, моей дальней родственницы. Правда, если мне не изменяет память, тот камень – он чуть более темного цвета, и огранка у него несколько иная... Помнится, тетя Летиция рассказывала мне даже историю того, каким образом в их семье оказался этот большой изумруд – один из предков сотню лет назад привез его с войны...

– Спрашиваете, где видела?.. – я постаралась изобразить равнодушие. – Да так, просто однажды довелось лицезреть нечто подобное.

– Ясно... – кивнул Дорен. – А эти мелкие зеленые камешки? Тоже изумруды?

– Да, это кабошоны или изумрудные жемчужины.

– Чего-чего?

– Скажем так – эти камни несколько похуже, в них изначально присутствует много примесей, и потому для подобных изумрудов куда больше подходит обработка способом кабошон, или, проще говоря, полусферой. Не спору: браслет выглядит достаточно просто, но как раз в этом и есть его основное достоинство – именно эта кажущаяся простота лишь подчеркивает красоту огромного изумруда! Правда, и стоит эта роскошь немало.

– Могу только позавидовать твоим познаниям о драгоценных камнях. И откуда тебе все это известно?.. – поинтересовался Винсент. – И про камни, и про то, что с ними связано?

– В прежней жизни приходилось сталкиваться... – отмахнулась я. Не буду же я всем объяснять, что, по мнению тети Фелисии, умение разбираться в драгоценных камнях – одно из главных составляющих настоящего аристократа, а уж на обучение тому, что нужно знать каждому из высокородных – на это тетушка денег никогда не жалела.

– Если я правильно понял, то это мужской браслет, так?.. – почесал в затылке Дорен. – Мне непонятно другое – на кой ляд нормальному мужчине такое бабское украшение?

– То есть как это – зачем?.. – удивилась Ярли. – Здесь все господа носят браслеты, причем как женщины, так и мужчины. Вспомните хотя бы мужа «Звезды Востока»! У него на каждой руке было нацеплено аж по два браслета!

– Вот уж кого не хочется вспоминать – так это его!.. – поморщилась я. – Да мне на того самовлюбленного молодчика и смотреть-то лишний раз не хотелось! Пропади он пропадом, сейчас речь не о нем. Дело в том, что такие потрясающие камни, вроде этого изумруда – они уникальны, и, как правило, считаются семейной ценностью, передаваемой из поколения в поколение, а потому каждый день их на себе никто носить не станет. Это слишком дорого и рискованно, ведь мало ли какому завистливому и жадному взгляду приглянется такой камень. То, что мы видим – это украшения для праздников, приемов, торжественных дат. И потом, о таких редких драгоценностях известно очень многим, а здешние ювелиры, если можно так выразиться, знают этот камень в лицо. К чему я это говорю? Потому, что просто так столь уникальные изделия к владельцам чайных не попадают.

– Думаешь, кто-то взял в долг у хозяина чайной большие деньги под залог этого браслета?

– Скорей всего, хотя... Вряд ли у этого человека, занимающегося ростовщичеством, могли найтись такие большие деньги. Не спорю – чайная дает неплохой доход своему владельцу, но это уж слишком дорогой заклад... В общем, не знаю, каким образом к бывшему родственнику Ярли попало это украшение. Не удивлюсь, если выяснится, что этот человек не имел представления, что за ценность попала к нему в руки. Это ж надо до такого додуматься – сунуть такой камень среди прочих изделий! Да его надо хранить отдельно, в особом футляре!

– Это все, разумеется, интересно... – пожал плечами Винсент. – Но меня пока что куда больше интересует, когда хозяин чайной обнаружит пропажу, и какие силы стражники бросят на розыск украденного.

Утром Дорен и Ярли отправились в порт – надо было узнать, нет ли там кораблей из нашей страны, или хотя бы тех, что собираются туда пойти. Что же касается нас с Винсентом, то нам пришлось остаться на постоялом дворе – у молодого человека болела нога, так что какое-то время ему лучше никуда не выходить из комнаты. Ну, раз такое дело, то пусть Винсент и остается на дежурстве, прислушивается к шагам и разговорам в коридоре, а заодно поглядывает в окно, наблюдая за тем, что происходит на улице. Хотя мы и не заметили, чтоб за нами кто-то следил, но все же нельзя быть полностью в чем-то уверенным.

Ну, а я решила немного поспать – все же за последнее время мы очень устали. Присутствие Винсента меня несколько не смущало – не сомневаюсь, что он и сам бы не отказался от нескольких часов сна, но если молодой человек галантно предоставил мне эту приятную возможность, то отказываться я, естественно, не стала.

К сожалению, сон, как назло, не шел – я все время мечтала о том, как вернутся Ярли и Дорен, и, если повезет, принесут нам радостное известие о том, что в порту стоит корабль из нашей страны... Ох, быстрее бы домой! Правда, надо бы подумать и о том, что будет после моего возвращения в родные пенаты, и дело тут даже не в моем муже (смею надеяться, уже бывшем). То, что я не только внезапно умерла, но еще после этого мое тело невесть пропало – об этом, без сомнения, сейчас уже известно едва ли не всей аристократии нашей страны, и когда я вернусь домой из дальних стран (искренне надеюсь, что так и произойдет), нужно будет сделать все, чтоб моя репутация не особо пострадала, потому как в итоге потерпевшей могу оказаться не только я, но и все члены нашего семейства. Почему? Это мужчинам рискованное и несколько неясное прошлое придает легкий ореол таинственности, и только притягивает к ним лишний интерес, а вот что касается женщин, то тут все происходит с точностью до наоборот. Умолчание, неясность, или же попытка что-то скрыть приводит к тому, что начинают рождаться весьма неприятные слухи и сплетни, которые множатся без счета, и в итоге могут не только оставить несмываемые пятна на репутации женщины, но и бросить тень на всю ее семью.

Разумеется, то, что стряслось со мной, может произойти с любой другой женщиной, только вот простолюдинке, скорей всего, все простят, и даже посочувствуют – мол, бедная, как же ей не повезло! Что же касается высокородной аристократки, то ей на подобное снисхождение можно не рассчитывать – с элиты и спрос другой! То, что я вышла замуж за простолюдина, и без того заставило окружающих говорить обо мне в несколько снисходительном тоне – мол, у некоторые по глупости чуют, и думают не головой, а сердцем. По счастью, мой развод обещал все поставить на свои места – многие по молодости совершают ошибки, главное их вовремя исправить. Чего уж там говорить, если сама королева-мать, будучи юной девушкой, по излишнему романтизму и юношескому неразумию вышла замуж за неотразимого красавца-поэта, у которого из всего имущества имелось лишь перо, и стопка бумаги! Говорят, тот брак не продлился и пары месяцев – уж слишком много было поклонниц у очаровательного поэта, и он вовсе не стремился сохранять верность своей юной супруге-аристократке...

Ну, это дела давно минувших дней, а вот что касается нынешнего времени... Если только станет известно о том, что меня продали, как самую обычную вещь, и что я какое-то время жила (вернее, обитала) в бараке для рабов... Далее можно не продолжать, потому как и этого за глаза хватит для того, чтоб все остальное додумали, причем эти дальнейшие повествования пойдут с такими пикантными подробностями, после которых одни будут шарахаться от меня, словно от прокаженной, а другие смотреть, как на великую грешницу, опустившуюся (пусть и невольно) до грязи и порока. Проще говоря, отныне любые двери (причем не только в среде аристократов) будут закрыты для меня раз и навсегда. В этом случае, для спасения чести своей семьи мне, самое малое, придется уйти в монастырь, причем вынуждена буду выбрать обитель из числа тех, где устав пожестче, и оставаться там до конца своих дней, замаливая грехи, и тут уже неважно, выдуманные они, эти самые грехи, или настоящие. Думаю, понятно, что подобная перспектива меня особо не привлекает.

В общем, хочется мне того, или нет, но, судя по всему, в самое ближайшее время надо будет задуматься о том, как бы о моем невольном пребывании в дальних странах придумать нечто достоверное, и в то же самое время изображающее из меня непорочное создание с ангельскими крыльями или же без оных...

А еще мне очень хочется узнать, нашлось мое сапфировое кольцо, или нет? Не сомневаюсь, что тетя Фелисия привлекла все силы, какие только были в ее власти, а может она очень многое! Беда в том, что когда речь идет о такой драгоценности, как фамильное кольцо, то нельзя утверждать что-то наверняка...

– Лиз, ты чего не спишь?.. – спросил меня Винсент, который все это время сидел у окошка, глядя на то, что происходит подле постоянного двора.

– Да так, ерунда всякая в голову лезет. Кстати, что там за окном?

– Обычная городская суeta, не более того... Меня, если честно, тоже думы одолели. Отца вспоминаю, мать...

– Винсент, если я правильно поняла, то ты не женат, верно? А невеста у тебя есть? А у твоего брата?

Если честно, то я задала эти вопросы только потому, что поняла – молодой человек собирается расспросить меня о родных и близких, а в таком случае лучше перевести разговор на другое. Дело не в том, что я не доверяю Винсенту – просто стараюсь не говорить лишнее. До этого времени я почти ничего не рассказывала о себе, сообщив попутчикам лишь то, что попала сюда стараниями любовницы своего мужа. У меня не было желания говорить ни о своем прошлом, ни о родных и близких, ни про то, как я оказалась здесь, и для этого была серьезная причина. Какая? Возможно, это звучит напыщенно, но я с детства уяснила, что именем своей семьи без крайней на то нужды козырять не стоит, и потом, не всегда другим следует знать, с кем они имеют дело – мало ли какие обстоятельства впоследствии могут сложиться в жизни.

– Нет, перед тобой холостяк... – чуть улыбнулся Винсент. Кажется, он понял, что я намеренно перевела разговор на другое. – Вернее, два холостяка – брат тоже не женат. Увы, парни мы небогатые, перспективы впереди не ахти какие блестящие, так что среди невест наша пара высоко не котируется.

– Прости, не верю... – улыбнулась я. – Чтоб души военные не пользовались вниманием девушек? Да быть такого не может!

– Это как сказать... – усмехнулся Винсент. – Все же жениху, кроме мундира, не помешало бы иметь кое-что в кармане, а иначе в семейной жизни будет хватать попреков и недовольства. Потому-то многие военные и женятся только после того, как закончат службу и

немного скопят на будущую жизнь.

– Ох, что-то я сомневаюсь в том, что мужчины в молодые годы будут столь рациональны и рассудительны... – покачала я головой. Тут явно что-то не то – скорее всего, причиной всему неразделенная любовь, или же нечто подобное. – Но если не хочешь говорить, то я не обижусь – сама не люблю, когда ко мне лезут с бестактными вопросами.

– Тут нет ничего бестактного, просто не очень хочется вспоминать... – вздохнул Винсент. – Это старая история, она произошла несколько лет назад, и я тогда получил, если можно так выразиться, ощутимый удар по самолюбию. Была у меня невеста, очень милая девушка, родом из семьи полностью разорившегося дворянина, так что ни о каком приданом за невестой и речи не шло. Она симпатизировала мне, а я испытывал к ней нешуточное влечение. Более того: я даже попросил у ее отца руки его дочери, и тот был совсем не против породниться с сыном графа, пусть даже впоследствии мне не достанется титул отца – все же происхождение в нашем кругу значит немало. Дело оставалось за малым – собрать деньги на свадьбу, чем я и занялся. Ну, в полку с такими делами поступают просто: как правило, частенько в армию идут весьма небогатые люди, и потому, когда эти люди решают создать семью, то им на свадьбу выделяют какую-то сумму из полковой казны, вдобавок скидываются друзья-офицеры...

– Если я правильно поняла, до свадьбы дело не дошло?

– Так и есть... – чувствовалось, что молодому человеку даже сейчас неприятно вспоминать о прошедшем. – У отца моей невесты была сестра, весьма неприятная особа преклонного возраста. В свое время она вышла замуж за весьма состоятельного человека, возрастом значительно старше себя, а после его смерти стала богатой вдовой, и, так сказать, благодетельницей всех своих бедных родственников, которые боялись ей сказать хоть слово поперек. Узнав, что ее племянница собирается выходить замуж за военного, тетка враз встала на дыбы, и заявила, что этой свадьбы не будет.

– И чем же ты ей так насолил?

– Не я конкретно, а некто иной. В весьма давние дни, когда тетка была еще незамужней молодой девушкой, она влюбилась в красавца-военного, но тот между делом вдребезги разбил ей

сердце, и вскоре отправился на новое место службы. Думаю, для него это было самое обычное легкое увлечение, а для молодой особы это значило куда больше. Через какое-то время девице улыбнулась судьба, она удачно вышла замуж, но, как я понял, того красавца-военного дама так и не простила, и в его лице возненавидела всех, кто имел хоть какое-то отношение к армии. В моем случае дама поступила просто: она предложила племяннице хорошее приданое, но получить его девушка могла только в том случае, если выйдет замуж за кого угодно, только не за военного.

– Оригинальный способ расстроить свадьбу. И, судя по всему, девушка согласилась на подобное предложение?

– Да, хотя справедливости ради стоит признать, что какое-то время она колебалась. Естественно, на приданое враз нашлись женихи, так что у нее появился выбор.

– И кто же в итоге получил главный приз, то бишь невесту с хорошим приданым?

– Помощник судьи. Человек строгий, основательный, положительный во всех смыслах, пунктуальный до невозможности, правильный до мозга костей. Я видел его только единожды, еще до того времени, как возникла вся эта история с приданым. Так вот, мне одного раза общения с этим человеком хватило с лихвой, и не думай, что я уж очень пристрастен. Чтоб ты имела представление, о чем идет речь... Скажем так: это тип с физиономией унылой лошади, монотонным голосом, постоянно изрекающий благоглупости, а его интересы ограничиваются только сводом законов с параграфами и подпунктами. Лично я смог вынести его присутствие рядом с собой всего лишь несколько минут, а потом мне хотелось оказаться как можно дальше от этого зануды. Как сказала жена одного из моих полковых друзей – рядом с этим человеком даже мухи от тоскидохнут. Я, знаешь ли, тоже далек от совершенства, но, тем не менее, был уверен, что моя невеста все же одумается. Впрочем, я не вправе осуждать ее выбор.

– И как сложилась семейная жизнь у твоей бывшей невесты?

– Чего не знаю, того не знаю. Наверное, у нее все в порядке, во всяком случае, хочется на это надеяться – уж слишком они разные как по характеру, так и по отношению к жизни...

Надо же, а ведь то, что произошло с Винсентом, чем-то

напоминает мою историю – я имею в виду барона Корд, на предложение которого о помолвке со мной тетя Фелисия когда-то дала свое согласие. Правда, тогда жена барона в своем завещании оставила тому выбор: она оставляет свое состояние младшей сестре, на которой барон должен жениться после смерти своей супруги, чтоб получить доступ к этим деньгам. Если же ее муженек захочет жениться на мне, то он получит только тысячу золотых, которых, как выяснилось позже, не хватит даже на то, чтоб покрыть его долги. В итоге наша помолвка была расторгнута, чему я была невероятно рада, барон Корд женился на сестре своей покойной жены, а вскоре и я вышла замуж за Вогана.

Разумеется, до меня доносились слухи о том, что происходит в семье барона, и, судя по тому, что я слышала, этот брак, говоря мягко, назвать удачным никак нельзя. Все деньги, согласно завещания, находились в руках жены, которая не считала нужным потакать хоть каким-то прихотям мужа, и держала законного супруга (присутствие которого она, если честно, с трудом переносила) в черном теле. Ну, а после рождения сына жена барона сочла свой долг в отношении семьи и продолжения рода исполненным, выделила барону отдельные покои, и отныне полностью урезала расходы муженька, мотивируя это тем, что ее неразумный супруг мот и лодырь, а ей надо позаботиться о будущем сына. Дескать, этот человек, которого она вынуждена называть своим мужем, уже пустил по ветру все свое состояние, и потому она не позволит поступить также со своими деньгами, которые позже перейдут по наследству ее сыну.

Вообще-то я прекрасно понимаю эту даму: их брак был заключен не по любви, а по условиям завещания, и рождение сына (а новой жене барона было за сорок) явилось для нее огромным счастьем, и она, что вполне естественно, стремилась обеспечить будущее ребенка. Правда, сам барон был крайне недоволен тем, что его урезали в средствах, и попытался, было, возмутиться, и даже пригрозил разводом. Не знаю, на что он рассчитывал, потому, как ему сразу же сунули под нос брачный договор, где было ясно сказано, что в случае развода барон Корд останется гол, как сокол – ничего своего в этой семье у него нет. Вполне естественно, что после того, как ему указали на то место, которое он занимает в семье, барон притих, и отныне вынужден изображать перед всеми семейное счастье.

Несколько месяцев назад я случайно встретилась с бароном.

Дело в том, что незадолго до того в лавку, торгующую тканями, привезли кхитайские шелка, и мне хотелось купить себе несколько отрезков на новые платья. Однако стоило мне выйти из кареты, как я едва ли не столкнулась с бароном Корд, который направлялся куда-то по своим делам. У меня не было ни малейшего желания разговаривать с этим человеком, и я думала, что все ограничится парой обычных любезных слов, но не тут-то было. При виде меня барон расплылся в улыбке, и стал рассыпать комплименты. Похоже, он действительно был рад нашей встрече, и потому я поневоле слушала его слова, прикидывая, как бы повежливей распрощаться, хотя этот человек, кажется, и не думал заканчивать разговор. Более того: очень скоро он перешел к жалобам на свою несчастную жизнь, сообщал, как одинок в этом мире, и что его не понимает жена, это черствое и бессердечное создание с ледяным сердцем.

– Элизабет, если бы вы только знали, как я раскаиваюсь в том, что вынужден был разорвать нашу помолвку!.. – вздыхал барон. – О, если бы только можно было вернуть прошлое, я б никогда не совершил такую ошибку! Как я был слеп, когда думал о том, что смогу выбросить ваш образ из своего сердца! Судьба давала мне шанс на счастье, а я им пренебрег, и теперь жестоко наказан! А вы... Вы стали еще более прекрасны, чем были ранее, и я глубоко сожалею, что мы не вместе!

Зато я-то как этому рада, просто словами не описать! Сейчас барон постарел, несколько обрюзг, почти полностью полысел, и выглядит старше своих лет. Его можно понять: за душой нет ни единой монеты, полностью зависит от жены, которую не любит, и которая с великим трудом выносит навязанного ей супруга. От такой жизни поневоле сдашь.

– Надеюсь, все обстоит не так плохо, как вам может показаться...
– я изо всех сил пыталась быть любезной.

– Элизабет, я понимаю вашу холодность и отчужденность! Вы были оскорблены до глубины души, когда я вынужден был разорвать нашу помолвку!

Оскорблена? Еще чего! Да я была невероятно рада, что наконец-то избавилась от такого жениха, как вы, господин барон! Можно сказать, что это был один из самых счастливых дней моей жизни! Просто как камень с сердца свалился при новости о том, отныне мне не грозит брак со столь неприятным человеком.

– Барон, нам не стоит говорить об этом, и вспоминать печальные моменты нашей жизни.

– А я считаю, стоит!.. – бывший ухажер попытался взять меня за руки. – Элизабет, вы хорошо умеете скрывать свои чувства, но я же прекрасно помню, как вы радовались, когда мы виделись в последний раз! В тот день я пришел к вашей тете, чтоб сообщить о том, что вынужден разорвать помолвку, но как же вы были рады, увидев меня! Такой счастливой я вас никогда не видел! В тот момент я понял, что вы испытываете ко мне глубокие чувства, которые до того таили в своей душе, и с нетерпением ждете нашей свадьбы! Элизабет, вы даже представить себе не можете, как мне было тяжело уходить от вас! Никак не могу забыть тот день, и ваши эмоции по отношению ко мне, которые вы уже не хотели скрывать! Как бы мы с вами могли быть счастливы! А теперь... Я прекрасно понимаю и то, что вы вышли за этого мужлана только из-за обиды на меня! О, если бы я мог все исправить!

Надо же, а еще говорят, что мужчины не умеют мечтать! Похоже, барон все это время рассматривал мои поступки в свете того, что будто бы я все эти годы безмерно страдала от любви к нему! И с чего это ему такая чушь в голову пришла? Н-да, такой самовлюбленности и глупости от этого человека я никак не ожидала!

– Господин барон, думаю, пора заканчивать наш разговор!.. – я собиралась, было, пойти дальше, но бывший ухажер вновь меня задержал.

– Элизабет, я знаю, что вы несчастны в этом ужасном браке, на который вы решились только из желания досадить мне! Ваш муж, этот неотесанный человек – он неверен вам, и об этом знает едва ли не каждый!

К несчастью, барон говорил правду – не так давно вернулась Тирла, и сейчас Воган переживал период возвращения счастливой влюбленности, то время, когда задурманенной голове нет дела ни до кого, кроме предмета своего обожания. Пусть даже и так, но у меня нет ни малейшего желания позволять посторонним соваться в наши дела, и уж тем более я не желала выслушивать чьи-то соболезнования.

– Простите, барон, но вам не кажется, что вы вторгаетесь на запретную территорию?.. – холодно спросила я. Святые Небеса,

неужели этот человек не понимает, что он переходит границы дозволенного? – Заодно попрошу вас держать при себе все оценки, относящиеся к моей семейной жизни и отношениям с супругом.

– Элизабет, мы с вами оба одиноки и несчастны... – заторопился тот, не обращая особого внимания на мою отповедь. – Так почему бы нам не встретиться наедине, и хоть немного скрасить наше горькое существование?

А вот это уже слишком! Подобное даже не назовешь бестактностью – это наглость и неуважение. Тоже мне, герой-любовник нашелся! Интересно, он в зеркало на себя часто смотрит, и если смотрит, то кого там видит? Прекрасного принца в плену у злой ведьмы (то бишь своей жены), о котором любящая его принцесса (то есть я) выплакала все глаза? Не знаю, что за надуманные истории этот человек рисовал в своем воображении, но его необходимо поставить на место.

– Господин барон... – в моем голосе был лед. – Господин барон, считаю, что я не давала вам повода обращаться ко мне с предложением, которое считаю оскорбительным. Если вы забыли, то спешу сообщить вам, что у вас есть жена, а у меня муж, и вам не помешало бы помнить о тех клятвах, которые вы давали в церкви. Надеюсь, что наш разговор окончен, и отныне я более не увижу вас, и не услышу тех инсинуаций, которые вы позволили себе по отношению ко мне.

Не обращая внимания на барона, который только что не открыл рот от удивления, я направилась в лавку, краем глаза отметив про себя, насколько растерян и сбит с толку этот человек – судя по всему, он рассчитывал на совершенно иной итог нашего разговора. Ну, у меня просто нет слов! Конечно, мы все любим сказки, но на жизнь надо смотреть реальным взглядом, а не через призму своих фантазий. Ничего, бывший ухажер, впредь тебе наука, хотя в таком возрасте люди обычно уже не меняются...

Тьфу ты, это ж надо, о чем я сейчас вспомнила! Лучше бы что приятное пришло на ум, а вместо этого припоминается то, о чем лучше забыть!..

... Когда же Дорен и Ярли вернулись, то хорошими вестями они нас, увы, не порадовали. Как удалось выяснить, сейчас в порту нет ни одного подходящего судна, но, тем не менее, надежды терять не

стоит – корабли из нашей страны сюда заходят довольно часто. На обратном пути наша парочка заглянула в несколько лавочек, и купили всем нам новую одежду – на всякий случай надо переодеться. Что же касается возможных разговоров об ограблении хозяина чайной, то Ярли, как ни прислушивалась, но так ничего и не услышала. Ничего, думаю, у нас еще все впереди.

А еще надо было как-то объяснить наше позднее ночное (вернее, почти что утреннее) возвращение на постоялый двор. Конечно, в этом нет ничего удивительного – не мы одни заявили под утро в «Золотого гуся» – ночных гуляк тут хватает. Тем не менее, следовало дать какое-то объяснение – просто так, нам всякий случай, ведь в таких местах, как это постоялый двор, у слуг глаз цепкий. Надо признать, что с этим заданием Ярли справилась легко: между делом она пожаловалась хозяину гостиницы насчет того, что ночью нашим мужьям захотелось пойти на петушинные бои (а такие тут проходили едва ли не каждую ночь – мы знали об этом от случайно подслушанного разговора слуг). Разумеется, азартные игры здешними властями не поощрялись, но в порту, где так много иностранцев, за порядком уследить сложно, и потому кое на что стражникам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы (хотя стражники наверняка имели с этих боев свой навар).

Вздыхая, Ярли подсадовала: все бы ничего, развлечься – дело хорошее, только вот нашим мужьям не повезло – они едва ли не каждый раз они ставили не на того пернатого бойца, а потом, в стремлении отыгаться, мужчин и вовсе охватил азарт. Если бы не жены, которые все же сумели остановить своих мужей от очередной ставки, то на этих боях могли остаться все деньги, какие были взяты с собой из дома. Тем не менее, на этих развлечениях мужья потеряли кучу денег, после чего с горя напились, и дело закончилось тем, что приятель моего мужа споткнулся и повредил ногу! Вот беда, теперь этот человек вынужден сидеть на месте, ждать, пока у него заживет нога, а ведь мы приехали сюда по делам!

Хозяин постоялого двора вполуха выслушал слова Ярли – таких историй он, без сомнения, наслушался более чем достаточно, и все они мало чем отличались одна от другой. Единственный вывод, который он сделал – так это только то, что у этих людей (то есть у нас), несмотря на проигрыш, есть чем платить за комнату, а остальное его не интересовало. Для приличия буркнув что-то сочувствующее, хозяин «Золотого гуся» занялся своими делами,

более не обращая на Ярли никакого внимания. Ну и хорошо, нам больше ничего и не надо.

Что же касается известий про ограбление дома хозяина чайной, то новости не заставили себя ждать – Ярли была права, когда говорила, что у плохих вестей быстрые ноги. Немногим позже полудня на постоялом дворе стало известно о том, что произошло в доме владельца большой чайной, расположенной на одной из главных улиц города. Вы только представьте себе: оказывается, сегодняшней ночью там произошло ограбление! Откуда об этом узнали? Как выяснилось, один из работников чайной был отправлен в портовую лавочку, куда еще вчера был доставлен груз пряностей, и, естественно, этот человек не мог не заскочить на постоялый двор к своему старому другу, чтоб, по его словам, «выпить стакан воды в такую жару»! Понятно – это был всего лишь благовидный предлог для того, чтоб рассказать о том, что произошло в доме его хозяина. Что ни говори, но потрепать языком любят не только женщины – такие находятся и среди мужчин.

Оказывается, сегодня владелец большой чайной проснулся довольно поздно, хотя обычно он встает едва ли не с рассветом. Вернее, хозяин проснулся не сам – его разбудили, потому как к нему пришел некий посетитель за какой-то надобностью, тем более что о встрече договаривались заранее. Хотя, если говорить честно, всем было понятно, что этот ранний гость пришел к хозяину за деньгами, или же наоборот, долг принес – чего уж там скрывать, и так все знают, что владелец чайной не гнушался и ростовщичеством, причем драл со своих заемщиков три шкуры. Какой там происходил разговор, о чем говорили – об этом никто не знает, известно лишь то, что через какое-то время из хозяйской комнаты раздался крик, вернее, возмущенный вопль владельца, сбежались слуги, посетителя обыскали и вытолкали вон. Затем взбешенный хозяин послал сына за стражниками, а слугам строго-настрого запретили не только покидать дом, но им было не велено даже подходить к дверям. Тогда-то и стало известно о том, что ночью некто ограбил владельца, утащил все деньги, что хранились в его комнате, так что сейчас под подозрением находятся все, потому как, по мнению хозяина, подобное мог совершить только кто-то из своих.

Прибывшие стражники устроили в доме обыск, перевернули все, заглянули едва ли не в каждый угол, и обнаружили, что железная решетка на окне легко сдвигается в сторону, да и само окно

находится без запора. Все это лишний раз убедило хозяина в том, что здесь не обошлось без помощи кого-то из тех, кто находится в его доме, и он требует найти предателя. Так что сейчас стражники допрашивают всех обитателей дома, а заодно грозят всяческими карами тем, кто имеет хоть какое-то отношение к этой истории. Что же касается хозяина, то он кричит, будто его ограбили, разорили, обманули, пустили по миру, и обещает сгноить в тюрьме всех виновных. Больше того: стражники заявили даже в чайную, чтоб поговорить с тамошними работниками – может, тем что-то известно... Ну, это они зря делают, потому как хозяин никого из тех слуг даже на порог своего дома не пускал – мол, не по чину им туда являться...

Стражники и сейчас еще с пристрастием расспрашивают как тех, кто живет в доме, так и тех, кто трудится в чайной. Понятно, что о происшествии уже поползли самые разные слухи, так что в данный момент возле чайной хватает зевак и любопытствующих. Несостоявшийся свекор Ярли не пользовался любовью здешних жителей, и потому тех, кто искренне сочувствовал беде этого человека, было совсем немного.

Думаю, излишне говорить о том, что это повествование все присутствующие слушали с неослабевающим интересом. Как рассказал мужчина, его самого отпустили сюда только потому, что сегодня надо обязательно забрать специи, потому как на кухне чайной они уже заканчиваются, и если их запас срочно не пополнить, то уже завтра у поваров при приготовлении еды могут возникнуть сложности... Однако если судить по довольному лицу слуги, то понятно, что подобное развитие событий его бы несколько не расстроило.

Вполне естественно, что у разговорчивого слуги поинтересовались, что он сам думает обо всем произошедшем, но тот лишь улыбался с многозначительным видом – дескать, может, и догадываюсь, но никому ничего не скажу. Сами, мол, должны понимать, что иногда язык лучше держать за зубами... Ну, тут все ясно – этот человек ничего не знает, но пытается придать себе значимости в глазах других людей. Что ж, такое случается.

Слуга ушел за своими специями, а посетители, сидя в обеденном зале, еще долго обсуждали произошедшее, после чего сделали ожидаемый вывод – за своими деньгами внимательней следить нужно. С этим утверждением никто не спорил.

Вечером Ярли и Дорен вновь ходили в порт, и вновь вернулись ни с чем – пока что в порт не пришло ни одного корабля из нашей страны, и туда никто не отправлялся. Ничего не поделаешь, придется подождать.

На следующий день в порт мы отправились уже втроем, оставив Винсента в комнате – его больной ноге стало немного лучше, он уже мог ходить, прихрамывая. Ничего, пусть еще денек посидит в комнате – если уж на то пошло, то кому-то надо приглядывать за деньгами и драгоценностями, что находились у нас в комнате.

В порту, как обычно, было шумно, многолюдно, всюду кипела жизнь. Уже пришло торговое судно из южных стран, и сейчас всюду шла выгрузка товара. Выкатывали бочки, выносили товары, обмотанные холстиной... Я невольно задержала взгляд на тюке павлиньих перьев... Интересно, что еще за диковинки там привезены?

Тем временем Ярли успела перекинуться несколькими словами с таможенниками, стоящими возле корабля, и отрицательно покачала головой – это судно через несколько дней отправляется назад, в жаркие страны. Значит, нам это не подходит.

Можно было бы отправляться на постоялый двор – не стоит лишний раз вертеться на улице, но к соседнему причалу подходил еще один корабль – не будет ничего плохого в том, если мы выясним, откуда он пришел, и куда собирается отправиться дальше.

Стоя в толпе зевак, мы смотрели на то, как люди сходят по трапу. Э, да здесь хватает пассажиров, да и люди, судя по одежде, здесь в основном их северных стран. Кто знает, может, этот именно тот корабль, которого мы ждем.

Внезапно мой взгляд остановился на молодом мужчине, спускающемся по трапу – не знаю отчего, но в душе словно что-то царапнуло. В чем дело? Вроде обычный мужчина, светловолосый, простая одежда, за плечами дорожная сумка, на лбу небольшое родимое пятно... Стоп, кажется, я знаю этого человека, вернее, узнала его по родимому пятну. Не может быть! Это же кто-то из приятелей Вогана, моего мужа! Правда, друзей Вогана я знаю плохо, да и знакомиться с ними особо не стремилась, хотя у каждого из них было немалое желание быть представленным мне. Тем не менее, кое-кто из тех людей в моей памяти все же отложился, и этот молодой человек – один из них. Еще я никогда не озадачивалась тем, чтоб запомнить

имена приятелей Вогана – мне это было совсем не нужно, так что не знаю и то, как звать этого молодого человека с родимым пятном на лбу. Непонятно, за какой такой надобностью он прибыл в эту страну? Насколько мне помнится, приятели моего бывшего мужа не относились к числу любителей бродить по белому свету. У них несколько иные интересы которые включают только веселое времяпрепровождение, и не более того.

Меж тем мужчина сошел на берег, и в растерянности озибался по сторонам. Кажется, его никто не встречал, но, судя по поведению мужчины, он и не рассчитывал на встречающих. Потоптавшись какое-то время на месте, он направился прочь.

– Пошли за этим человеком!.. – кивнула я головой в сторону уходящего мужчины. Ой, даже не ожидала, что в моем голосе появятся командные нотки.

– Это еще кто такой?.. – поинтересовался Дорен.

– Кажется, приятель моего мужа, но вот что этот человек здесь делает – представления не имею!

– Госпожа, а как же корабль... – чуть растерянно спросила Ярли.

– В ближайшее время это суденышко никуда не денется!.. – махнула я рукой. – Потом выясним насчет того, куда корабль отправится дальше.

– Как скажешь... – пожал плечами Дорен. – Если ты считаешь нужным, тогда пошли, не будем терять время понапрасну.

Я внезапно вспомнила о том, что Воган всегда немного ревновал этого человека к Тирле – поговаривали, что парень с родимым пятном на лбу влюблен в рыжую красотку, и она ловко водит за нос влюбленного олуха, понемногу дуруя ему голову. Помнится, у моего бывшего мужа из-за той рыжей ведьмы даже рухнула дружба с этим своим приятелем, а ведь какое-то время они были не разлей вода...

Тирла... Если она имеет хоть какое-то отношение к появлению здесь этого человека, то, думаю, здесь замешана очередная грязная история, которая может каким-то боком относиться ко мне. В этом деле необходимо разобраться, потому как оставлять неясности за своей спиной не стоит ни в коем случае.

А я-то надеялась на то, что нам удастся спокойно отсидеться до самого отъезда...

Глава 10

Мы уже чуть ли не полчаса шли за парнем с родимым пятном на лбу. Надо сказать, этот молодой человек становился все более растерянным, да и внешне выглядел подавленным. Кажется, еще немного – и он будет близок к панике. К этому времени нам уже было понятно, что он или не знает, куда ему следует идти, или же просто теряется в паутине здешних улочек, которые, и верно, тут очень запутаны – лично я, во всяком случае, без посторонней помощи буду очень долго блуждать по переплетениям узких улиц этого города. Если честно, то я опасалась, что этот парень заметит, что мы следим за ним, но, кажется, подобное ему даже в голову не приходило. Ну и хорошо, нам проще.

Когда же, после долгих блужданий, мы вновь оказались в порту, то на душе стало легче – все же для меня эти места уже немного знакомы. Правда, этого никак не сказать о молодом человеке – для него явилось полной неожиданностью то, что он снова вернулся в порт. Сейчас парень пытается о чем-то расспросить прохожих, но, как я понимаю, без особого на то успеха, и дело тут даже не в том, что очень многие не понимают чужой речи. Люди в этой стране вообще немногословны, с заметной долей неприязни относятся к иностранцам, и уж тем более не стремятся к разговорам в порту – еще неизвестно, с кем вступишь в беседу! Лучше уж сразу оборвать все возможные разговоры, так спокойнее. Как нам объяснила Ярли, здесь хватает жуликов и проходимцев, которые с легкостью обманывают людей, выдавая себя за наивных чужестранцев. Впрочем, немало и таких, что обводят приезжих вокруг пальца, обирая их до нитки.

– Кажется, пора... – повернулась я к Дорену, который шел рядом со мной. – Попробуйте сделать так, как мы договаривались.

– Ясно... – кивнул головой тот. – Только ты сама находишь неподалеку.

– Не сомневайся... – усмехнулась я. – Глаз с вас не спущу!

– Отрадно слышать... – хмыкнул Дорен. – Прямо душа радуется. Ладно, мы с Ярли пошли, а если что пойдет не так, то сообразишь, чем нам помочь.

К этому времени я уже пояснила своим спутникам, что мне бы

очень хотелось знать, для чего этот молодой человек объявился в здешних местах. Дескать, я вам немногим позже поясню, в чем тут дело, но пока обойдемся без подробностей – там история достаточно долгая. В данный момент у меня, мол, появились кое-какие подозрения, и пусть даже они, скорей всего, беспочвенны, но все же кое-что проверить не помешает.

Как я и думала, Дорен не отказался помочь, а Ярли только кивала головой – мол, госпожа, как скажете... Мне же только и оставалось, как стоять невдалеке, закутав лицо в платок так, чтоб были видны одни глаза – а что такого, дело обычное, так ходит половина женщин в этом городе.

Сейчас Дорен шел, не торопясь, по направлению к молодому человеку, приятелю Вогана, который к этому времени уже совсем пал духом. Ярли семенила рядом с Дореном, отставая от него на шаг – как правило, так в этом городе ходят семейные пары. Что же касается самого парня, оглядывающегося по сторонам с растерянным видом, то он находится от меня на расстоянии нескольких десятков шагов, и потому мне хорошо видно все происходящее. Вот Дорен, поравнявшись с этим молодым человеком, спотыкается на ровном месте, чуть не падает на землю, и ругается сквозь зубы, причем делает это на языке нашей страны... Как мы и предполагали, этого оказалось вполне достаточно для того, чтоб парень с пятном на лбу только что не востепенулся, и, можно сказать, едва ли не кинулся к Дорену, и этого человека можно понять – в незнакомой стране он, кажется, встретил человека со своей родины, а в сложившихся обстоятельствах подобное не могло не радовать. Можно сказать – счастливый случай свел вместе двух соплеменников! Частенько в таких случаях люди невольно рассказывают своим новым друзьям многое из того, о чем в иных обстоятельствах не проронили бы ни слова. Судя по тому, что я вижу, парень с пятном на лбу тоже вскоре поведаст своему новому знакомому о себе если не все, то очень многое...

– Почему вы так задержались?.. – к тому времени, когда мы вернулись на постоялый двор, Винсент уже начал всерьез беспокоиться из-за нашего долгого отсутствия, и его тревогу можно понять – мы отсутствовали несколько часов. – Я уж не знал, о чем думать, в голову лезла разная чушь! Что произошло?

– Да как сказать... – пожал плечами Дорен. – Возникли

непредвиденные обстоятельства...

– Дело в том, что я увидела знакомого из прошлой жизни... – начала, было, я, но Винсент меня перебил.

– И кто он такой, этот знакомый?

– Да никто, обычный лоботряс из семьи мелкого лавочника, не желающий помогать отцу... – отмахнулась я. – Постоянно крутился возле моего мужа, называл себя его приятелем. В этой стране молодому человеку явно делать нечего, даже представить себе не могу, каким ветром его сюда занесло. Потому и попросила за ним проследить. Надеюсь, мы ходили не напрасно.

– Можно узнать, чем закончилось дело?.. – поинтересовался Винсент. – И что это за знакомый такой?

– Да его даже знакомым не назовешь, так, видела несколько раз... – с трудом удержалась, чтоб не поморщиться. – Один из приятелей моего мужа. Даже имени его не запомнила – просто не считала это необходимым. Ничего не могу сказать об этом человеке – ни хорошего, ни плохого. И вот, узрела сегодня в порту этого красавца – сходил с корабля...

– А почему было бы прямо не подойти и не спросить, за какой надобностью он тут оказался?

– Не хотелось показываться ему на глаза... История это долгая, и, пожалуй, мне стоит вам рассказать кое-что о себе...

Если честно, то мне не очень-то хотелось говорить о том, кто я такая, и что со мной произошло – все же мне с детства внушали, что посторонним не стоит знать лишнего, но сейчас складывались не те обстоятельства, чтоб хоть что-то утаивать от своих спутников. Впрочем, они и сами наверняка кое о чем уже догадываются...

– Значит, вы, вернее, ты – маркиза Алверст... – произнес Винсент после того, как я закончила свое повествование. – Я с самого начала предполагал нечто подобное – все же манеры и воспитание не скрыть.

– Госпожа, а я с самого начала поняла, что вы не из простых людей... – кажется, Ярли ничуть не удивлена.

– Если не ошибаюсь... – продолжал Винсент. – Если не ошибаюсь (заранее извиняюсь, но я не очень хорошо разбираюсь в

аристократических семействах), то Алверст – это один из самых древних родов нашей страны, так? И если мне не изменяет память, то там все несколько непросто с передачей титула: ходили какие-то разговоры на эту тему, я краем уха об этом слышал, но в детали не вдавался – не отношусь к числу любителей разбираться в сложных родственных связях знатных семейств нашей страны. Вроде упоминали о том, что носительницей титула в данный момент является дама...

– Верно... – мне только и оставалось, что вздохнуть. – Вся сложность в том, что я являюсь обладательницей титула «по праву».

– Госпожа, а почему вы называете это бедой?.. – спросила Ярли.
– Если по праву, то, значит, так и должно быть.

– Видишь ли... – надо в доходчивой форме объяснить девушке некоторые шероховатости. – Видишь ли, по законам нашей страны старший сын обладателя титула является его прямым наследником – с этим не поспоришь. Однако в исключительных случаях титул может передаваться по наследству по женской линии, и я как раз попадаю под этот закон. Мой отец – последний в своем роду, сыновей у него не осталось, есть только дочь, то есть я. Потому-то именно я становлюсь как бы хранительницей титула, и затем должна буду передать его своему старшему сыну. Если же сыновей у меня не будет, а родится дочь, то титул на тех же условиях перейдет к ней для того, чтоб впоследствии передать этот самый титул уже ее сыну. Проще говоря, при рождении наследника мужского пола титул переходит к нему. Только вот тут имеется один нюанс: если женщина, обладающая титулом «по праву», выходит замуж, то ее супруг титул не получает, остается с тем, что имел ранее.

– Госпожа, но разве это так плохо?.. – не поняла Ярли.

– Да как сказать... – пожала я плечами. – Просто некоторых мужчин подобное положение дел, рано или поздно, может начать бить по самолюбию.

– Госпожа, но почему?

Невольно вспомнилась семья Вогана. Его родители (хотя и не говорили об этом) были невероятно горды тем, что их внуки будут носить титул древнего рода, и возвысятся над всем остальным семейством. Дескать, вот нашей семье счастье-то привалило, с маркизами в родстве оказаться!.. Что же касается Вогана, то тут дело

обстояло иначе: если вначале ему, и верно, невероятно льстило то, что его женой стала девушка, происходящая из знатного семейства, но постепенно подобное стало раздражать его все больше и больше. Кажется, его стали выводить из себя одни лишь намеки на то, что по праву рождения я куда выше своего мужа, и не столько он на мне женился, сколько я выбрала его. Пожалуй, в чем-то Вогана можно понять: жениться на маркизе, и при том оставаться худородным дворянином, хотя твои дети будут носить высокий титул... Да, тетя Фелисия была права, когда говорила о том, что подобное неравенство не пойдет на благо семейной жизни, особенно если самолюбие мужа (в том случае, если у него не хватает такта и воспитания) будет серьезно уязвлено. Так оно и произошло... Позже я несколько раз слышала от Вогана разговоры о том, что, дескать, где уж нам, серым, подняться до некоторых чванливых особ, которые свое происхождение ценят куда больше, чем законного мужа! Спасибо, мол, хотя бы за то, что снизошли до нас, сиволапых... А может, он просто искал себе ровню по духу, и Тирла для жизни подходила ему куда больше, чем я...

– Все люди разные... – пожалуй, такое объяснение подходит больше всего. – Что же касается молодого человека, которого мы сегодня увидели в порту... Пока что я не хочу привлекать к себе внимание посторонних – еще неизвестно, как поведет себя этот человек, увидев меня. Что ни говори, но дома меня считают умершей, а мое тело пропавшим невесть куда, и потому сложно предугадать поступки этого человека, если узрит меня здесь, причем живую и здоровую. Как бы крик с перепуга не поднял – с него станется.

– Понимаю... – кивнул головой Винсент. – Тогда скажите, как дальше повел себя тот парень – ведь Дорен намеревался с ним познакомиться...

– Почему это – намеревался?.. – хмыкнул тот. – Все было сделано в лучшем виде – заслышав родную речь, он мне едва ли не на шею кинулся. Можно сказать, после знакомства ни на шаг от себя отпускать не хотел!..

А ведь и верно: поняв, что видит соплеменника, приезжий бросился к Дорену. Из его сбивчивой речи стало понятно, что он сегодня прибыл в эту страну, ничего и никого тут не знает, языка здешнего тоже не понимает, так что встретить человека с общей родины – это великое счастье и благоволение Богов, не иначе! И если

новый знакомый проявит милость, и поможет своему земляку, то за этого благородного человека приезжий будет молиться едва ли не до конца своих дней! Я сюда по важному делу приехал, так что от помощи бы не отказался, хотя и понимаю, что у вас своих забот полно! Ну, а для начала, не отведет ли его новый знакомый в какую-нибудь гостиницу подешевле, пусть даже сама гостиница будет не из числа лучших – стыдно признаться, но сейчас у него с деньгами плоховато, можно сказать, каждая монета на счету! Я бы и сейчас уже пошел, куда собирался, только вот надо бы немного отлежаться от дороги (ненавижу море и качку!), а заодно и перекусить – это мне явно не помешает!..

Как и договаривались, Дорен тоже изобразил великую радость по поводу встречи: мол, я здесь живу уже давно – как и вы, приехал в эту страну по делам, но обстоятельства сложились так, что поневоле пришлось задержаться, так что обитаю здесь я уже давненько. Вон, даже женой обзавелся, на нее не нарадуюсь, всюду за мной ходит и не перечит! Еще дело у меня тут свое налажено, пусть и небольшое, но на жизнь хватает. Что за дело? С торговлей связано, и потому в порт я хожу по делам едва ли не каждый день! Ну, а соплеменников тут немного, едва ли не каждый на счету, можно сказать, едва ли не в лицо знаем друг друга! Конечно, можно и помочь вновь прибывшему человеку с родины – каждый из живущих здесь соотечественников хорошо помнит, как в свое время сам оказался в этой чужой стране, не зная, куда идти и что делать!

Дело кончилось тем, что приезжего отвели в небольшую двухэтажную припортовую гостиницу, носившую название «Веселая устрица», и, чего уж там греха таить – это было место весьма низкого пошиба, где на первом этаже было нечто вроде захудалой портовой таверны, а номера для постояльцев находились на втором этаже.

Вообще-то в то место парней отвела Ярли – все одно Дорен представления не имел, где и что тут находится, но у девушки хватило сообразительности понять, куда лучше отправить этого человека – неизвестно, какие у него намерения, так что лучше пусть не покидает территорию порта. При этом Ярли молчала, не произносила ни слова – она просто шла чуть впереди обоих мужчин, показывая дорогу, но прибывший не обращал внимания на такие мелочи: мол, возможно, тут такие законы, пусть баба идет, как хочет, лишь бы от разговора не отвлекала!..

Хотя парень с пятном на лбу и просил найти ему гостиницу из числа тех, что подешевле – мол, денег почти нет!, но от этой «Веселой устрицы» был явно не в восторге. Его можно понять: тут жили (если можно так назвать веселое кратковременное пребывание) в основном моряки, которые отрывались здесь на полную катушку, тратя с трудом заработанные деньги, да и в таверне посетители шумели едва ли не сутки напролет, так что отдохнуть тут вряд ли удастся. Однако цена за комнату была совсем небольшой – всего пара мелких медных монет за сутки, а для человека с пустым карманом это едва ли не самое главное. Тут уж, как говорится, не до особых капризов, бери, что есть...

О чем говорили с этим парнем? Да, по-сути, разговаривал как раз он один – жаловался на тяжелую дорогу, на то, что у него на корабле кто-то стащил половину из тех денег, которые он взял в путь-дорогу, и что сейчас не знает, куда ему идти дальше – здесь же все чужое... Мол, если бы не крайняя на то нужда, то никогда бы не отправился за тридевять земель, но отказаться от поездки никак не мог – просто так сложились обстоятельства. Нет, он знает место, куда ему следует обратиться, чтоб раздобыть деньги, но как туда пройти, не зная города и здешнего языка – об этом он не имеет никакого представления, и потому душевно просит своего нового знакомого помочь, чем может: дескать, поверьте, я в долгу не останусь, расплачусь с вами полностью при первой же возможности, которая мне представится очень скоро... Кстати, он представился – мол, зовут меня Квез, очень рад знакомству!.. Хм, а ведь и верно, я вспомнила, что Воган именно так и называл этого человека! Ну, хорошо уже то, что не врет, и при знакомстве назвался своим именем.

– Не нахожу в его словах ничего странного или необычного... – пожал плечами Винсент. – Прибыл сюда человек из нашей страны – так что с того? Многие отправляются за море в поисках удачи, или же выполняя чье-то поручение. Понятно и то, что приезжий не желает обсуждать с первым встречным то, для чего сюда приехал – на его месте любой бы относился чуть настороженно к незнакомому человеку. Не думаю, что стоит вновь встречаться с этим парнем – нас сейчас наверняка ищут, так что лучше сидеть, не высываясь, и уж никак не ходить по городу, рискуя быть опознанным. Пока что удача с нами, но все может измениться в любой момент – может статься, нас кто-то заметил и запомнил...

– Все так, но... – я замялась, не зная, что сказать.

– Но все же хочется знать, для чего этот парень оказался здесь, верно?.. – усмехнулся Винсент.

– Да. Возможно, этот глупо, но я не могу отделаться от впечатления, что его приезд может иметь какое-то отношение ко мне, или же к моему мужу, чтоб его!.. Скорей всего, я неправа, но, тем не менее... Ну не верю я, что этот лоботряс может отправиться так далеко без достаточно серьезной на то причины! Помнится, муж как-то упоминал о том, что Квез за пределы нашего города никогда не выезжал, если, конечно, не считать поездками охоту с рыбалкой, или веселые гулянки у друзей в пригороде, да и тогда его брали, скорей, за компанию, потому как денег у молодого человека никогда не водилось. Это обычный прихлебала, не более того, и всерьез к нему никто и никогда не относился. И вдруг этот парень отправляется так далеко от дома!..

– Возможно, отец решил все же заставить сыночка работать, и послал его сюда по делу. Ты говорила, у его отца имеется небольшая лавочка...

– Насколько мне известно, его отец уже давно махнул рукой на ленивое дитяtko, которое не желает ударить палец о палец, и в лавке ему помогают младшие сыновья. Кстати, денег бездельнику-сыночку папаша тоже не дает, придерживаясь самого простого правила – на жизнь надо самому зарабатывать. Да и вряд ли интересы небогатого лавочника, торгующего овощами, простираются так далеко от родины. Нет, тут что-то другое.

– Дорен, что скажешь?.. – Винсент повернулся к брату.

– Вообще-то время у нас есть, и безвылазно в комнате тоже сидеть не хочется... – тот почесал в затылке. – К тому же я особо не расспрашивал этого самого Квеза о том, за какой такой надобностью он сюда заявился – просто не хотел выглядеть в его глазах излишне любопытным. Так что если хм... госпожа маркиза желает получить ответ на кое-какие вопросы, то я бы не стал отказывать даме в ее просьбе.

– Ты еще скажи – как желаете, Ваше Сиятельство!.. – фыркнула я. – Сейчас самое время и место расшаркиваться друг перед другом! А я буду обращаться к вам – ах, виконт, Ваша Милость, как вы любезны, что так горячо откликаетесь на просьбу дамы!.. Мне осталось только потребовать себе веер и нюхательную соль, после

чего будем обращаться друг к другу строго по этикету, не позволяя себе малейшего отклонения от установленных правил!

– Все, понял, шутка была неудачной!.. – Дорен поднял руки вверх. – В качестве извинения согласен составить компанию этому самому Квезу, и стать ему закадычным другом!

– Ну, насчет закадычной дружбы – в этом у меня как раз и нет особой уверенности... – покачала я головой. – Насколько мне помнится, мой дорогой супруг недолюбливал Квеза, да и остальные приятели мужа держались по отношению к этому человеку немного настороженно – мол, уж очень легко он меняет свои пристрастия, и всегда склоняется в ту сторону, которая ему выгодна. Как говорится, куда ветер подует – туда и он... Ненадежный человек.

– Понятно... – кивнул Винсент. – Что ж, можно попытаться выяснить, каким ветром сюда занесло этого человека, тем более что время у нас, и верно, пока что есть. Дорен, когда вы с ним договорились встретиться?

– О точном времени разговора не было... – пожал тот плечами. – Я сказал, что загляну, если сегодня сумею выкроить часок-другой. Дела, мол, хлопоты повседневные, и заботы о добыче хлеба насущного... Если честно, то у меня и намерений не было продолжать знакомство с земляком: пообщались немного – и хватит, он не ахти какой интересный собеседник, да к тому же себе на уме! Еще этот парень сказал, что сегодня будет меня ждать в гостинице – уж очень, дескать, ему помощь нужна, и без меня он по городу долго блуждать будет... Хм, можно подумать, я знаю, где и что тут находится! Если б не Ярли, то не знаю, что бы и делал! Кстати, я без нее, как без рук, так что, красавица, приглашаю тебя на очередную прогулку!

– Ну уж... – покраснела Ярли. Она, кажется, стала привыкать к шуткам молодого человека.

– Жаль, с вами пойти не могу... – подсадовал Винсент. – Только меня легко запомнить можно – нога болит, прихрамываю. Если этот парень хотя бы несколько раз оглянется, то поневоле обратит на меня внимание. Надеюсь, уже завтра буду чувствовать себя лучше, во всяком случае, постараюсь не припадать на ногу так заметно. Думаю, что и Лиз в этот раз с вами идти не стоит – кто знает, возможно, этот человек мог заметить женщину, которая шла за ним.

– Пожалуй... – неохотно согласилась я.

– Так и решим...

Спустя какое-то время Дорен и Ярли ушли, и нам с Винсентом только и оставалось, что дожидаться их возвращения. Время текло медленно, мы по очереди сидели у окна, глядя на улицу, но ничего подозрительного было не заметно. Обычная суeta, шум, повозки, куда-то спешащие люди, несколько раз на улице появлялись стражники... Все правильно: место тут оживленное, народу хватает, так что служители закона должны бдеть за порядком. Хуже другое: прошло уже несколько часов, а наши спутники пока что не вернулись.

– Ох, ну что так долго?.. – наконец не выдержала я.

– Ничего не поделаешь, надо ждать... – у Винсента терпения и выдержки было побольше, чем у меня.

– Так уже темнеет!

– Вижу... Лиз, а что ты можешь еще сказать об этом парне? Я имею в виду Квеза.

– Даже не знаю, потому как видела его всего несколько раз. У моего супруга (очень надеюсь, что к этому времени уже бывшего) приятелей всегда хватало. Воган, если можно так выразиться, был первым парнем на деревне, любил находиться в центре внимания, а заодно обожал шумные компании и веселье. Всех его приятелей я не знала, а Квеза запомнила именно из-за внешности...

– Ты имеешь в виду родимое пятно на лбу?

– Да. Это единственное, что выделяет молодого человека из толпы, потому как наружность у него совершенно неприметная – невзрачный, ростом и статью тоже не удался, так что среди девушек симпатией он не пользуется. Помнится, мой супруг как-то называл Квеза невзрачным дохляком – как ты понимаешь, в устах мужчины это далеко не лучшая характеристика. Думаю, мой дорогой супруг всерьез недолюбливал Квеза... К тому же, как я уже говорила, у отца этого парня торговля идет не лучшим образом, так что лишних денег для развлечений великовозрастного дитя как не было, так и нет, а сам сынок зарабатывать их не желает.

– А тебе довольно много известно про этого человека... – заметил Винсент.

– Просто постаралась вспомнить все, что о нем знала... – развела

я руками. – Человеческая память странно устроена – вроде ничего не помнишь, но стоит вдуматься, как припоминается очень многое, в том числе и то, что ты, кажется, давно забыл.

– С этим я не спору.

– И вот еще что: потом, когда я уже ушла от мужа, то служанки в доме тетушки (вот уж любительницы сплетен!) рассказали мне, что Квез давно страдает по Тирле – мол, влюблен в нее без памяти, ради этой девицы готов в лепешку расшибиться! Правда, самой красоте этот парень был никак не нужен – внешне совершенно не в ее вкусе, да и в кармане у обожателя пусто, но, тем не менее, женщине всегда приятно иметь подле себя преданного поклонника! Естественно, моему дорогому супругу все это не нравилось, так что Квез в последнее время получал от ворот поворот, или, проще говоря, стал в доме Тирлы нежелательным гостем....

– Хм, а как же красавица отнеслась к тому, что рядом с ней теперь нет еще одного поклонника, который ее безмерно обожает?

– С этим как раз все просто. Уж если мой дорогой муж (каюсь – наш брак был огромной ошибкой с моей стороны!) оплачивает все расходы этой рыжей особы, и исполняет все ее капризы, то кое в чем и она должна пойти ему навстречу. Например, по его просьбе отказать от дома излишне назойливому ухажеру.

– Довольно обычная история... – заметил Винсент. – Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку.

– Можно и так сказать... – кивнула я.

– Так говоришь, парень с пятном на лбу крепко влюблен в ту роковую красотку?... – продолжал расспросы Винсент.

– Похоже на то. Вернее, там один любит, второй позволяет себя любить...

Невольно подумала – а ведь так оно произошло и со мной. Воган едва ли не с самой первой нашей встречи понял, что я влюбилась в него, причем беззаветно, а иначе он бы просто не решился подойти ко мне с предложением о браке. А еще, после побега Тирлы, Воган явно хотел доказать всем, что легко может найти себе новую невесту, причем такую, которая будет куда лучше беглянки. Ему только оставалось, как дожидаться отъезда тетушки Фелисии, которая относилась к нему весьма неприязненно, и переговорить со мной,

надавив на жалость и сочувствие... Что ж, у него все получилось, и красавец сумел обзавестись обожающей его супругой, то есть мной... Ох, не хочется вспоминать о собственной глупости и наивности!.. Мне было настолько неприятно даже думать об этом, что я решила сменить тему разговора.

– Давай больше не будем об этом, ладно?

– Давай... – легко согласился Винсент. – И о чем бы ты хотела поговорить?

– Знаешь, у меня дома никто не знает, куда я пропала, вернее, куда делось мое брэнное тело, которое в умершем состоянии бродило по улицам... – невесело усмехнулась я. – Если не вернусь, то это так и останется неразгаданной тайной. А вот как насчет вас двоих, братья дорогие? Хоть кто-то знает о том, что вы отправились на корабле?

– Должны знать... – пожал плечами Винсент. – К этому времени наверняка стало известно и о том, что корабль захвачен и потоплен. Что касается экипажа и пассажиров, то об их судьбе тоже догадаться несложно, только вот вряд ли кто-то начнет искать пленников по всем невольничьим рынкам, коих тут просто не перечесать.

– Да уж, не повезло нам с вами...

– Это еще как посмотреть. Мы живы, руки-ноги на месте, да и из оков вырваться сумели, так что полдела сделано.

– Со второй бы половиной еще разобраться...

– Согласен... О, кажется Дорен с Ярли идут! Точно, они!

– Ну, наконец-то!.. – на сердце сразу стало легче. – И где хоть они так задержались?

– Сейчас узнаем...

Наши спутники пришли усталые – им пришлось сегодня немало пройти по городу, и если говорить откровенно, то к концу дня каждому из них очень хотелось послать куда подальше своего нового знакомого, потому как он надоел хуже горькой редьки. Из рассказа Дорена следовало, что когда они с Ярли пришли в «Веселую устрицу», то их встретил весьма недовольный Квез, и сразу же стал высказывать претензии – чего это, мол, друг новый, тебя так долго ждать пришлось, да и бабу свою зачем с собой притащил? Только ее еще не хватало! Мы бы и вдвоем сходили, куда надо, нечего лишним

людям под ногами вертеться, так что гони домой свою супружницу!.. Как сказал Дорен, после такого заявления у него было огромное желание повернуться и уйти – дескать, не больно-то ты мне и нужен, землячок хамоватый, разбирайся со своими делами сам, а у меня своих забот полон рот! Впрочем, тут и сам Квез понял, что явно хватил лишнего в своих претензиях к новому знакомому, который, и верно, ему ничем не обязан. После извинений от Квеза – прости, друг, нервничаю!, Дорен сменил гнев на милость, и согласился отвести земляка туда, куда тому необходимо.

Вообще-то к месту, о котором говорил Квез, мужчин вела Ярли. До этого она успела негромко сказать Дорену, что их путь лежит на одну из тех улиц города, которые в вечернее время считаются, скажем так, местами для развлечений, и потому там всегда хватает стражи. Конечно, не стоило бы рисковать, направляясь в такое место, но тут уж Дорен решил выяснить, куда это настолько торопиться этот парень, да притом вдобавок еще и нервничает.

До нужной улицы дошли без происшествий, да и сам приехавший помалкивал, особо не разговаривал во время пути. Правда, дойдя до места, Дорен намеревался попрощаться, однако Квез попросил его не уходить: мол, друг, душевно прошу, обожди меня здесь! Опасаюсь, что сразу дорогу назад не найду – вон тут улицы какие путанные!, по городу блуждать придется, так уж ты, приятель, не откажи в любезности, дождись меня здесь! Дорен согласился, скрепя сердце, потому как не хватало еще, чтоб этот тип стал бродить по городу, расспрашивая всех о своем новом приятеле (то есть о Дорене), обрисовывая его приметы, и спрашивая, как можно отыскать такого человека.

Однако стоять на месте тоже не следует, но тут нашим спутникам повезло. Неподалеку отсюда уличный проповедник собрал небольшую толпу, и Дорен сказал Квезу, что будет ожидать его там – жена, де, очень любит послушать таких бродячих служителей, так что я постою рядом с ней до того времени, пока этот краснобай не закончит свои разговоры. Тут нас и отыщешь, только особо не задерживайся – мы на тебя и так много времени потратили, а ведь у нас и домашние дела имеются! Если тебя долго не будет, то мы уйдем, а ты уж сам как-нибудь до места добирайся, только учти, что в темноте тут по улицам бродить нельзя, с этим здесь строго. Нарвешься ночной порой на стражников, сам в кутузке окажешься, а выбраться оттуда (особенно иноземцу) ой как непросто! Там парни

хваткие, знают, как вытряхивать из карманов своих постояльцев все деньги, причем до последней монетки. К тому же может произойти такое, что после освобождения еще и должен останешься! Подобная перспектива, похоже, всерьез напугала Квеза, и он обещал закончить с делами как можно скорее.

Квез ушел, а наши спутники, хотя и подошли к толпе, слушающей обтрепанного проповедника, но следили за тем, куда дальше пойдет их новый знакомый. Тот, то и дело оглядываясь по сторонам, добрал почти до конца улицы, после чего остановился перед одним из домов, и постучал в дверь. Его впустили, и теперь Дорену и Ярли оставалось только ждать, когда этот парень вновь окажется на улице. Если честно, то выслушивать крики проповедника не хотелось ни Ярли, ни Дорену, но делать нечего, не будешь же уходить.

Прошло не менее получаса, и когда проповедник уже заканчивал свою долгую речь (и хватает же сил у человека на такой жаре громогласно призывать присутствующих к праведности, строгости и незыблемым соблюдениям заветов предков!) – только тогда Квез вновь оказался на улице. Когда же он подошел ближе, то стало заметно, что у него под глазом наливается здоровенный синяк, да и настроение у молодого человека хорошим никак не назовешь – Квез был явно подавлен и растерян. Увидев своих спутников, которые, судя по всему, уже собирались уходить, парень припустил к ним едва ли не бегом – похоже, был рад увидеть хоть одно знакомое лицо.

– Пошли отсюда!.. – выпалил он еще до того, как Дорен успел хоть что-то сказать. – Нечего тут задерживаться!

Ну, нечего – так нечего, тем более что здесь, и верно, было не то место, где хочется оставаться. Что же касается обратной дороги, то вскоре Квез стал ругаться – похоже, сдерживать свои эмоции у него не было сил. Все, что сумел понять Дорен из обрывочных фраз земляка – так только то, что Квеза, беднягу, обманули, причем во всем! Более того – его ограбили в прямом смысле этого слова, и теперь у него за душой нет ни единой монетки! На вопрос Дорена – как же это, мол, произошло?, Квез только рукой махнул: а что иного можно ожидать от бандитов и разбойников?! Меня, когда я туда пришел, вначале обыскали, все из карманов забрали – мол, вернем, когда будешь уходить! Думаете, вернули? Ага, как же – назад получил только пустой кошелек! Когда потребовал назад свои

деньги, то в ответ только руками развели – вашего языка, де, мы не знаем, а этот кошелек с самого начала пустой был, хоть бы одна медяшка в нем завалялась! Мы народ честный, никого не обманываем, а на ваши обидные слова рассердиться можем, так что вы, господин хороший, шли бы отсюда подобру-поздорову, а не то как бы дело для вас хуже не обернулось! Вполне естественно, что Квез, возмущенный такими словами, стал кричать и возмущаться, требуя вернуть свои деньги, и, что вполне ожидаемо, получил сильный удар в глаз с предупреждением, что если гость сию же секунду не заткнется и не уберется восвояси, то заработает синяк и под второй глаз. Аргумент был достаточно весомым и весьма болезненным, так что Квез решил более не искушать судьбу, и без возражений покинул этот более чем негостеприимный дом.

Много чего пришлось услышать нашим спутникам, пока они добирались до «Веселой устрицы», однако более всего Квез горевал о том, что у него при себе совсем не осталось денег. Дескать, и зачем я только эту рыжую ведьму послушался, и отправился неведь куда за тридевять земель?! И это называется выполнить небольшую просьбу? Да в гробу, мол, я видел такие поручения и такие поездки! Ну, Тирла, тварь такая, ловко ты меня вокруг пальца обвела, умело сыграла на чувствах!.. Что мне теперь делать, как домой вернуться, раз в кармане пусто?! Ясно, что за просто так меня на корабль не возьмет, всем деньги нужны! Да и тех людей, к которым сейчас ходил – я их побаиваюсь, мало ли что им еще в голову придет! Убираться мне отсюда надо, и поскорей, только вот как это сделать? Ох, мне бы только до дому добраться, там у меня эта рыжая будет по струнке ходить! И ведь какие песни пела, когда уговаривала меня сюда отправиться – ты, де, на мир посмотришь, себя покажешь, потому как кроме наших мест и не бывал нигде, и когда еще сможешь в дальних странах оказаться, на окружающее подивиться!.. Мол, и всего-то надо кое-какую ерунду моим знакомым передать, а я же твоей услуги вовек не забуду, навсегда должницей твоей останусь!.. Я-то, олух такой, на эти сладкие речи и повелся!.. Вот ведьма, любого уболтает! Ну да ничего – эта рыжая стерва теперь у меня в кулаке зажата, отныне будет делать то, что скажу, а не то все узнают, кто она есть на самом деле!.. Только вот все в деньги упирается, не знаю, как мне до дома добраться!..

... Значит, предчувствия меня не обманули... – подумалось мне. – Этого человека сюда наверняка прислала Тирла. Видимо, у нее было

какое-то крайне важное дело, раз она сумела уговорить своего верного поклонника отправиться в дальние края. Знать бы только еще, для чего Квез прибыл сюда...

... Меж тем Дорен продолжал свое повествование:

После того, как наш товарищ пропустил мимо ушей все намеки Квеза насчет денег, тот, видимо, решил, что стоит говорить прямо, и в конце пути уже без околичностей стал просить одолжить ему денег на обратную дорогу, а заодно и на проживание. Дескать, неизвестно, когда корабль, на котором я прибыл, отправиться в обратный путь: может через день от причала отойти, а может и через седмицу – все от груза зависит, вернее, от того, когда трюмы загрузят... Так что ты, добрый человек, прояви ко мне Божескую милость, денег одолжи, а уж я как домой вернусь – так все деньги тебе назад отошлю, да еще и с процентами, в этом тебе честью клянусь! И вообще, мы же земляки, друг другу помогать должны!..

Квез был так настойчив и бесцеремонен, что, по словам Дорена, у него было огромное желание потрясти наглеца за шиворот, а заодно послать куда подальше. С превеликим трудом отвязавшись от назойливого парня, молодые люди ушли, причем со вздохом облегчения.

– Вот уж кого снова не хочется видеть – так этого самого Квеза!..
– Дорен вытер пот со лба. – Ну и надоедливый же тип! А еще нудный, да и доверять ему я бы никогда не стал – поверьте мне на слово, парень достаточно беспринципный.

– За вами никто не следил?.. – поинтересовался Винсент.

– Нет... – покачал головой Дорен. – Я и сам смотрел, опасался слежки. Позже понял, что нет смысла пускать вслед за нами хоть кого-то – Квез и без того сообщил тем, кого посещал, где он остановился.

– Откуда ты об этом узнал?

– То есть как это – откуда?.. – даже удивился Дорен. – Дорогой соотечественник мне об этом сам сказал, когда возвращались назад. Он тогда на жизнь жаловался, а заодно досадовал – мол, пришлось сказать о том, что остановился в «Веселой устрице».

– И кому он об этом сообщил?

– Не сказал, но и без того понятно, что речь идет о тех людях, с

кем он встречался.

Лично меня куда больше заинтересовало упоминание о рыжей девице. Тут, как говорится, к бабке не ходи – и так ясно, что речь идет о Тирле. Непонятно, зачем ей пришлось идти на такой риск – посылать сюда кого-то, причем далеко не самого надежного человека. Вряд ли он мог привезти что-то ценное...

– Дорен, а этот тип не упоминал о том, что именно его просили передать? Письмо, небольшую посылку, или нечто похожее?

– Как я понял, это было небольшое послание на словах. Квез говорил о том, что ему с самого начала следовало сообразить: тут что-то не то! Мол, странно мотаться за море для того, чтоб сообщить какому-то Сухеману о том, что где-то отыскалось зеленое платье, которое не уничтожили, так что теперь из-за этого возникают большие сложности, а кого-то и вовсе задержали, и теперь трясут многих. Дескать, именно потому-то пока что ни в коем случае не стоит приезжать в нашу страну – многое под наблюдением, и самому Сухеману надо хорошо подумать обо всем... Ну, в общем Квез говорил разрозненно, я половину из его слов не понял, передаю примерно то, что запомнил...

Дорен говорил еще что-то, но я его не слушала. Зеленое платье... Возможно, речь идет о моем зеленом платье из дорогого кхитайского шелка, которое было велено сжечь в то время, когда меня еще только намеревались вывезти из родной страны. Помнится, тогда какая-то женщина сказала, что не может сунуть в печь такую красоту, и она хочет отвезти это платье своей племяннице – та замуж выходит, так что теперь у нее будет, в чем под венец идти, тем более что у молодых с деньгами дела обстоят неважно... Да, так оно и было! Похоже, та женщина не подумала о том, что если на небогатой свадьбе у невесты появляется такое, по-настоящему роскошное платье, которое, без сомнений, стоит больших денег, то окружающие просто не смогут не обратить на это внимания. Более того: кое-кто из завистливых бабонек при виде такой необычайно красивой обновки наверняка стал люто завидовать невесте, а бабская зависть – страшное дело. В таких случаях и до стражников могут добраться слухи и шепотки об излишне дорогом платье на более чем скромной свадьбе. Если учесть, что мое зеленое платье, и верно, было очень приметным, то вполне может оказаться так, что им заинтересовался кто-то из слугителей закона, ведь в розыскных листах наверняка

было указано, что именно было надето на мне в то время, когда мое брренное тело пропало из морга... В этом случае толковый дознаватель может уцепиться за конец цепочки (то бишь за это самое зеленое платье), и начать распутывать столь неприятное дело. Судя по всему, так оно и произошло. Если же это платье опознала и тетя Фелисия, то с ее влиянием и связями при королевском дворе розыск должен принять весьма немалые размеры, и на ноги должны быть подняты все, кого только можно было привлечь к расследованию столь непростого случая. Не удивлюсь, если о произошедшем известно даже королю...

... – Ну, что скажете, господа хорошие?.. – поинтересовался Винсент после того, как Дорен закончил свой рассказ, а заодно и я сказала все, что думала обо всей этой истории.

– На мой взгляд, от цели приезда Квеза в эту страну веет весьма неприятным душком... – развел руками Дорен. – Тут замешаны или контрабандисты, или криминал, а может еще что-то, столь же опасное и неприятное. Надо же, какие интересные связи имеются у рыжей красотишки по имени Тирла! Могу предположить, что этого олуха прислали сюда с каким-то посланием – мол, только отвези бумагу по такому-то адресу, больше от тебя ничего не требуется, а потом сразу же вернешься домой...

– А откуда же ему текст послания известен?

– Чего не знаю – того не знаю. Может, этот самый Квез набрался наглости, и прочитал письмо.

– Не думаю, это довольно дерзко... – покачала я головой. – Но исключать ничего нельзя.

– Вообще-то такие вот свидетели, вроде Квеза, на свете, как правило, не заживаются – мало ли что брякнут, кому не надо, по глупости и скудоумию... – Винсент потер рукой лоб. – От такой мелко сошки избавляются сразу, потому как цена ей невелика. Обычный расходный материал... Удивляюсь, как ему позволили уйти живым и здоровым. Впрочем, тут я неправ – все это как раз вполне обосновано: нечего устраивать себе сложности и долгуую возню с мертвым телом. Этот бестолковый парень сказал, где остановился, а больше ничего и не требуется. «Веселая устрица» находится в порту, а тут наверняка частенько вылавливают из воды неопознанные трупы – как говорится, быстро и без особых хлопот.

– Мне бы хотелось с ним поговорить... – сказала я.

– Зачем?

– А разве непонятно? Надо узнать, как обстоят дела с моими поисками – тетя Фелисия там наверняка подняла все и всех. Что ни говори, но о том, что я исчезла, знает вся округа, так что Квез должен быть в курсе многих новостей.

– Лиз, это очень рискованно, хотя в чем-то я тебя понимаю – сам бы тоже не отказался побеседовать с этим молодым человеком... – Винсент побарабанил пальцами по столу. – Уж очень меня заинтересовала эта история с посланием. Хотелось бы узнать поточнее, что там было написано. Судите сами: рыжеволосая девица не пожалела денег на то, чтоб отправить сюда человека с письмом, а это удовольствие наверняка обошлось ей недешево.

Ну, деньги для Тирлы вряд ли являются серьезной проблемой... – подумалось мне. – Воган не жалеет для нее ничего, и потому скопить кое-что на черный день она была в состоянии. Надеюсь, к этому времени тетушка уже обрезала моему бесценному супругу главные денежные поступления, хотя перекрыть полный доступ к моему приданому, она, конечно, не смогла. Ничего, пусть муженек довольствуется малым, а с остальным я разберусь, когда вернусь домой.

– Братец, я слышал, что чужие письма читать некрасиво... – хмыкнул Дорен. – Так может, забьешь на это дело, то бишь на желание ознакомиться с чужой эпистолой?

– Да у меня и раньше-то с хорошим воспитанием были проблемы... – отмахнулся Винсент. – А сейчас и вовсе не время учиться стоящим манерам. Так что мы уж как-нибудь, по-простому, разберемся с этим делом.

– Что ты предлагаешь?

– Прежде всего, не думаю, что уже сегодняшней ночью кто-то придет, чтоб свернуть голову нашему земляку – возможно, у тех, кому Квез привез письмо, появятся какие-то вопросы к приехавшему иноземцу, а спустить человека под пирс тут всегда успеют. Денек-другой жизни у него еще будет, тем более что деться твоему новому знакомому некуда – один в чужой стране, не зная языка и не имея денег... В любом случае, завтра нам надо будет посетить дорогого соотечественника, и побеседовать по душам.

– Ничего он нам не скажет... – вздохнул Дорен. – Во всяком случае, по доброй воле. Тут только припугнуть можно, и то как бы с перепуга не забыл последнее, что знает.

– Посмотрим... Значит, решим так: Дорен и Ярли, пожалуй, вам в «Веселую устрицу» больше ходить не стоит. Поступим по-другому...

На следующее утро мы с Винсентом отправились в «Веселую устрицу», и сняли там номер, который находился рядом с комнатой, в которой располагался Квез. Стены между комнатами были достаточно тонкие, так что, приложив ухо к обшарпанной стене, можно было слышать если не все, то очень многое. Надо сказать, что обстановку в узенькой комнатенке никак не назвать богатой – грязное окно, расшатанная кровать, два колченогих табурета, чуть живой стол... Н-да, за такой паршивый номер и две мелких медные монеты отдавать жалко – здорово переплачиваем.

Нам пришлось ждать не менее нескольких часов, и за это время мы успели наслушаться в комнате Квеза охов, вздохов и стенаний, только вот никакой дамы там не было. Все куда проще: наш сосед только что за голову не хватался, без устали ругая себя за то, что согласился на просьбу Тирлы отправиться в эти края. Как видно, Квез относился к числу тех людей, которые предпочитают не молча переживать неприятности, свалившиеся на их шею, а шепотом высказывать вслух свои беды, пусть даже обращаясь не кому-то постороннему, а к себе, любимому. Ну, меня подобные страдания особо не интересовали, и слушать все это нытье мне очень скоро надоело, а вот у Винсента хватало сил выслушивать все это бесконечное бурчание.

Гость к соседу пожаловал ближе к полудню. Не знаю, как внешне выглядел посетитель, и о чем шла речь тоже не знаю – все это время я смотрела в окно, наблюдая за тем, что происходит снаружи, но было тихо и спокойно, хотя эти понятия не очень-то соответствуют здешнему злчному местечку. Впрочем, гость пробыл в комнате Квеза не более десяти минут, после чего и вовсе удалился.

– Ну, чего там?.. – чуть слышно спросила я.

– Ничего... – так же тихо ответил Винсент. – Квез ходит по комнате взад и вперед, ругается сквозь зубы. Кажется, он готов убраться отсюда куда угодно, только вот сделать это не может – не на что, и, судя по всему, именно невозможность унести отсюда ноги сию

же минуту угнетает его больше всего.

– Как думаешь – его посетитель не вернется?

– Нет, сказал, что вечером заглянет – Квез жаловался ему, что у него денег нет – мол, все из карманов выгребли... Гость обещал помочь, подкинуть золотишка на проживание. Не знаю, что по этому поводу думает наш сосед, но я бы на его месте в эти сказки не поверил.

– Что будем делать?

– То, о чем заранее договаривались...

Через несколько минут я стучала в дверь комнаты, где находился Квез. Не буду описывать лицо этого человека, когда он видел меня: скажем так – он был полностью ошарашен, смотрел на меня, как на привидение, и несколько секунд не мог произнести ни звука.

– Госпожа маркиза, вы?! – наконец выдохнул он.

– Я могу войти?.. – у меня не было намерений разговаривать, стоя на пороге.

– Да, конечно!.. – Квез, по-прежнему растерянно глядя на меня, посторонился, давая пройти, а потом закрыл дверь. – Госпожа маркиза, но как...

– Я вчера утром увидела тебя, когда шла в порт, чтоб узнать, не собирается ли какой корабль идти в нашу страну... – я без приглашения уселась на старый табурет. – Ты тогда разговаривал с двумя людьми, а потом прошел в эту... забегаловку. Чуть позже я узнала, что ты снял номер в этой гм... гостинице, и пришла поговорить.

– О чем?

– Судя по всему, ты только что приехал. Так вот, меня интересует, что произошло после моего исчезновения, о чем говорят люди... Думаю, ты сможешь ответить мне на эти вопросы.

– Да, конечно... – судя по сосредоточенному лицу Квеза, он пытался сообразить, что происходит, и как ему себя вести в этой ситуации. – Только я человек бедный, а...

– Здесь десять золотых монет... – я положила на стол маленький кошелек. – Итак?

– О чем говорить-то?.. – как видно, мой собеседник все еще не мог прийти в себя от удивления, однако кошелек со стола исчез мгновенно. – Ну, это, ваша родственница там такую бучу подняла, что ого-то! Так сейчас такое творится! Хвосты всем хорошо прижимают, да и стражники всех подряд трясут...

– Можно поподробнее и пояснее?

– Да чего там, и так все ясно... – Квез замолчал, и, кажется, его посетила некая гениальная мысль, потому как его лицо внезапно просветлело. – А вы-то чего здесь делаете?

– Скажем так: я собираюсь отправиться домой, и навести там порядок, воздать каждому по заслугам. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Домой, значит... Тогда я еду с вами. Вот в дороге обо всем и поговорим, я на все вопросы отвечу. А может, придумаем что-то толковое.

– А тебе не кажется, что ведешь себя излишне дерзко? И потом, я тебе уже заплатила, так что будь любезен ответить на мои вопросы.

– Ну заплатила, и че с того?.. – Квез уселся на соседний табурет. – Тут народ живет по другим правилам.

– Я не давала разрешения садиться в моем присутствии... – надеюсь, мои слова были произнесены достаточно холодно.

– А оно мне и не надо, это самое разрешение!.. – ухмыльнулся тот. Надо же, как быстро этот человек перешел к дерзостям! – И пальцы передо мной гнуть не надо. Это вам, госпожа маркиза, надо подумать о том, что скажете дома, когда там объявитесь.

– Тебя это не касается.

– Как сказать, госпожа маркиза, как сказать...

– Ваше Сиятельство.

– Чего?

– Если тебе неизвестно, то сообщаю, что именно таким образом должно обращаться к тем, кто имеет титул маркиза. Надеюсь, второй раз объяснять тебе это не придется.

– Ох ты, какие мы чванливые!.. – с каждой минутой настроение у Квеза улучшалось. – Хотя че там выделываться-то! Пропала так

называемая маркиза невесть куда, таскалась невесть с кем, а теперь распальцовку перед другими устраивает!

– Что-что?.. – кажется, наглость этого человека переходит все пределы.

– А то! Если я у нас дома хоть кому-то расскажу, где вас встретил, да еще в таком виде, так вас даже в купеческие семьи на порог не пустят!.. – довольно ухмыльнулся тот. – А еще у меня тут друзья имеются из числа тех, кого вам опасаться надо. Скажу им хоть слово – и пропадете вы тут, госпожа маркиза, с концами, никто и ничего о вашей судьбе не узнает.

– И к чему была вся эта речь?

– Да к тому, что со мной дружить надо. Для начала гонору поубавьте, госпожа маркиза, или какое-то там сиятельство, а потом и разговор у нас другой будет.

А ведь это выглядит просто нелепо: кажется, этот человек хочет меня запугать. Похоже, Дорен был прав, когда говорил, что по доброй воле Квез ничего не скажет.

– И что же ты хочешь?

– Договорчик один заключить. Я вам много чем помочь могу, вернее, очень даже многим, но и вам, госпожа невесть-где-шляющаяся маркиза, надо мне навстречу пойти. Сами понимаете, что будет, когда я дома расскажу о ваших похождениях в этой стране.

– Каких еще похождениях?

– Можно подумать, вы тут праведную жизнь вели! Знаем мы таких...

– И сколько же ты денег хочешь?

– Это вам самим надо знать, во сколько честное имя обходится. Я, считайте, могу подтвердить любые ваши слова о том, как вы жили здесь, или же напрочь опровергнуть их...

Вообще-то мне уже давно следовало поставить на место вконец охамевшего парня, но пока что я сдерживалась. Всему свое время...

Раздался стук в дверь, и с лица парня враз исчезла наглая ухмылка. Он оглянулся, а потом спросил меня дрогнувшим голосом:

– Это кто?

– Представления не имею.

Делать нечего, и Квез неохотно слез с табурета, и поплелся к двери.

– Кто там?

– Обед принесли... – раздался из-за двери голос Винсента.

– Какой еще обед? Я ничего не заказывал!

– Ничего не знаю. Хозяин сказал, что вам оплатили еду на седмицу вперед, причем ее велено приносить в номер.

– На седмицу, говоришь? Хм...

Квез открыл дверь, и Винсент с разносом вошел в номер. Если принять во внимание, что в таверне посетителей обслуживали в основном крепкие парни (чтоб вовремя гасить потасовки, постоянно возникающие между подвыпившими гостями), то и появление в номере человека с разносом в руку не могло вызвать подозрение. Правда, этот разнос с едой в соседнюю комнату мы принесли уже несколько часов назад, и вся еда давно остыла, но тут уж ничего не поделаешь.

– Еще хозяин просил передать вам, что и за комнату оплачено на седмицу вперед... – Винсент вошел в комнату, и поставил разнос на стол. – Ну и за еду тоже. Тут мясо, хлеб и вино.

– А почему все холодное?

– Какое есть... – равнодушно ответил Винсент. – Всем сейчас такое подают. Зато вино хорошее. Хозяин как раз новую бочку открыл...

– Вот как?... – Квез наполнил вином стакан, и хорошо отхлебнул из него. – Обычное пойло, ничего хорошего!

Все – он выпил вино, в которое намешано сонное зелье. Надо же – опрокидывает в себя еще один стакан! Теперь у нас осталось не так много времени на то, чтоб переговорить с этим человеком, и потому Винсент, не обращая внимания на Квеза, подошел к двери, и задвинул на ней засов. Затем, повернувшись к растерявшемуся парню, Винсент холодно усмехнулся:

– Молодой человек, у меня есть к вам пара вопросов. В ваших интересах честно и как можно более правдиво ответить на них. В

противном случае... Надеюсь, до такого не дойдет, а иначе вы вряд ли вновь встретитесь с вашей рыжей прелестницей. Во всяком случае, на этом свете.

– Я... Я не понимаю, о чем вы говорите... – пролепетал Квез.

– Разве?.. – чуть приподнял брови Винсент. – А если хорошо подумать?

– Меня всего лишь просили передать письмо, что я и сделал.

– Что было в этом письме?

– Не знаю!..

– Жаль... – я поднялась с места. – Прощай, Квез!

– Госпожа маркиза, Ваше Сиятельство!.. – заторопился Квез. – Вы на меня рассердились? Не надо! Я просто пошутил неудачно!..

– Я должным образом оценила твое чувство юмора, и потому теперь будешь шутить с этим человеком!.. – я кивнула в сторону Винсента. – Правда, тебе его вряд ли удастся развеселить, но тут уж как повезет. Надеюсь, он развлечется от души, хотя пристрастия у него довольно-таки негуманные.

– Ваше Сиятельство, постойте!.. – едва ли не взвыл Квез. – Я знаю, где сейчас находится ваше сапфировое кольцо!

– Что?.. – остановилась я. – Так его еще не нашли?

– Откуда!.. Его уже давно увезли очень далеко, потому и отыскать не могут... – трясущейся рукой Квез вылил остатки вина из кувшина в стакан, и одним махом выпил его. – Простите, госпожа маркиза, в горле пересохло!

– Где кольцо? Куда его спрятали?.. – надо было торопиться, пока этого типа не свалил сон: зелье-то проверенное, испытано на несостоявшемся свекре Ярли. – Говори быстро!

– Оно здесь, в этой стране... Если еще здесь...

– Отвечай, где?

– Сейчас, сейчас...

Квез говорил заплетающимся языком, и чтоб расслышать его слова, нам пришлось подойти к нему совсем близко. Впрочем, не прошло и минуты, как этот человек уже спал крепким сном.

– Все... – вздохнул Винсент. – Больше мы от него ничего не добьемся.

– Жаль... – это мягко сказано. Мне с трудом удалось скрыть свое разочарование – отчего-то ранее я была уверена, что кольцо уже отыскали, и теперь оно находится у тети Фелисии.

– Понимаю... – Винсент повернулся ко мне. – Давай его вещи осмотрим.

Багажа в дорожном мешке Квеза отыскалось совсем немного – смена одежды, еще какая-то мелочь. Я бы не стала во всем этом копаться, но Винсент самым внимательным образом перетряхнул, и достал сложенный лист бумаги.

– Что там написано?

– А этот парень вовсе не так прост, как может показаться... – Винсент пробежал глазами текст. – Судя повсему, он еще в дороге скопировал письмо, с которым его отправили сюда – то ли позже намеревался кого-то шантажировать, то ли просто собирался продать эту бумагу. Это он зря – в таких делах надо быть очень осторожным, а не то в два счета без головы можно остаться. Что ж, больше ничего интересного здесь нет, твой кошелек с десятком золотых монет я забрал. Собираем в мешок его пожитки – и пошли.

Когда мы спускались вниз по лестнице, таща с собой безвольное тело Квеза, на нас никто не обратил ни малейшего внимания – подумаешь, кто-то тащит с собой вдребезги пьяного человека! Да тут подобные сцены случаются по полсотни за день, если не больше! Тут моряки свои деньги просаживают, заработанные после долгих странствий, так что в здешних местах можно увидеть еще и не такое!

Немного отойдя от «Веселой устрицы», Винсент закинул себе на плечо спящего Квеза, и направился к пирсу, а я шла рядом. Сейчас Винсент изображал из себя вербовщика матросов: как мне сказали, тут подобное происходило не так и редко – человека спаивали и продавали матросом на корабль. Несчастный приходил в себя уже в море, где деться ему было некуда, и бедолаге поневоле приходилось осваивать морское дело...

Винсент отправился едва ли не на самый край пирса, где стояли под погрузкой небольшие суда. Теперь оставалось только предлагать капитану приобрести себе нового члена экипажа.

– Чего он умеет делать?.. – на ломаном языке спросил темнокожий человек, брезгливо глядя на Квеза.

– Ничего!.. – честно ответил Винсент. – Но быстро учится.

– Дохлый какой-то...

– Вот пусть у вас мускулы наращивает.

– Сколько за эту дохлятину попросишь? Говори поскорей, а не то мы вот-вот отходим. Отлив...

– Дохлятина – она и есть дохлятина. Считай, за так отдам, со всеми его немногочисленными пожитками. Потом рассчитаемся, когда снова в этот порт придешь.

– Да мы сюда почти никогда не ходим. Я впервые за несколько лет здесь появился, и неизвестно, когда снова буду.

– Меня это устраивает.

– Тогда по рукам!.. – мужчина повернулся, и кому-то крикнул. – Забирайте этого парня, и мешок с его вещами прихватите – там все его барахло...

Уже через несколько минут судно отошло от причала, и, глядя на след за кормой, я понимала, что иначе поступить мы не могли. Брать с собой Квеза – значит подвергать свою жизнь постоянной опасности – это не тот человек, на которого можно положиться. Понятно, что в сложной ситуации он без раздумий предаст и продаст любого из нас. Оставить его здесь тоже не стоит – вряд ли он долго проживет, а никакого корабля в наши края не предвидится, об этом мы уже узнали... Что ж, парень, ты сам во всем виноват – нечего было идти на поводу у Тирлы. Знал ведь, что дело нечисто, но решил сыграть в свою игру, но проиграл.

– Что дальше?.. – спросила я, по-прежнему глядя вслед уходящему судну.

– Дальше будем искать твое кольцо.

– Правда?.. – я повернулась к Винсенту. – Ты хочешь...

– Да. Не знаю, сумеем ли мы его раздобыть, но стоит попытаться этот сделать.

Просто не знаю, что на это можно ответить...

Глава 11

– К сожалению, это все, что нам удалось узнать от Квеза... – вздохнула я. – Сонное снадобье и тут подействовало, как надо, только в этот раз мне бы хотелось, чтоб оно сморило нашего знакомого хотя бы на минуту позже. Ну, а дожидаться его пробуждения, как вы понимаете, у нас не было ни времени, ни возможности...

Это верно – Квез, в лучшем случае, проснется на следующее утро, причем с сильной головной болью, и не думаю, что пробуждение доставит ему хоть малейшую радость. Ничего, переживет, хотя, конечно, ему придется тяжело, особенно в первое время, и, если уж говорить совсем откровенно, то еще неизвестно, сумеет ли этот парень хоть когда-то вернуться домой – все же владелец суденышка, на котором мы отправили Квеза, живет в очень далекой стране. Чего уж там скрывать – на причале Винсент искал людей из числа тех, кто изначально обитает как можно дальше отсюда, и ему посчастливилось отыскать именно то, что нужно. Корабли из тех дальних (а еще и диких) мест в здешние края обычно не приходят, или же заглядывают сюда достаточно редко, так что нашему другу предстоит непростая жизнь на краю света. Конечно, при большом желании возвратиться в родные места всегда можно, только вот, боюсь, что произойдет подобное в довольно-таки отдаленном будущем, а до этого времени Квезу придется ой как несладко, особенно если учесть, что этот молодой человек всю жизнь умудрялся увиливать от любой работы. Ну, а на кораблях, да в долгом плавании, его поневоле заставят работать, причем заниматься долгими уговорами никто не будет – там другие методы убеждения, причем весьма действенные, и потому свою лень Квез поневоле вынужден будет забыть, тем более что белоручек среди команды нет. Конечно, все это время молодой человек станет вспоминать нас последними словами, и даст себе зарок жестоко отомстить при случае. Что ж, тут возразить нечего, только вот до этого олуха пока что не дошло очевидное – мы, можно сказать, таким далеко не самым гуманным образом спасли его жизнь, потому как отправлять Квеза назад вряд ли кто-то собирался, а от ненужных свидетелей, как правило, принято избавляться.

Правда, меня несколько удивило то, с какой легкостью капитан

суденышка воспринял сообщение о том, что за нового матроса ему не надо платить, потому как вербовщики в портах тем и жили, что поставляли за плату работников на корабли. Оказалось, этому есть простое объяснение: в случаях, когда за нового матроса (как правило, находящегося в невменяемом состоянии) вербовщики не требовали деньги, а предлагали просто забрать человека – тут, как правило, причина состояла в семейных разборках. Вернее, таким, далеко не самым благопристойным образом, в семье частенько избавлялись от ненужного родственника, справиться с дурными пристрастиями которого уже не было никаких сил. Кто попадал под эту категорию? Моты, лодыри, воры, любители азартных игр, или же те, кто подсел на наркоту... Конечно, нередко были случаи, когда таким образом кое-кто избавлялся от соперников, богатых наследников, и тому подобных людей, которые мешали чужим планам. Разумеется, некоторым из тех, от кого постарались отделаться столь необычным образом, позже удавалось вернуться, но к тому времени менялось уже очень многое...

– Увы, мы узнали далеко не все, но главное Квез нам все же успел сказать... – Винсент потер лоб ладонью. – А он, оказывается, парень шустрый – много чего успел разнюхать. Все верно – некоторый неприметных людей никто не принимает в расчет, их просто не замечают, считают мелкой сошкой, не стоящей внимания, а они все видят, слышат, и делают нужные выводы...

– Госпожа, а это ваше кольцо – оно очень красивое?.. – поинтересовалась Ярли. Я ее понимаю – сама бы, узнав о подобной драгоценности, стала задавать такие вопросы. Что ни говори, но некоторые вещи женщин интересуют едва ли не в первую очередь.

– Очень красивое... – вздохнула я. – Синие сапфиры потрясающего цвета в обрамлении бриллиантов... Это просто потрясающе! В свое время оно было изготовлено по заказу любящего человека для своей девушки, с которой он был вынужден расстаться... Знаешь, от кольца просто глаз нельзя оторвать! Надеюсь, ты его увидишь своими глазами!

– Хотелось бы...

– Да и мы бы не отказались поглядеть на то, из-за чего произошел весь сыр-бор... – протянул Дорен. – Конечно, что я, что Винсент – мы в драгоценных камнях особо не разбираемся, но все же...

– Есть вещи, только глянув на которые, можно понять, насколько они красивы и дороги... – я перебила молодого человека. – Если нам повезет, и вы увидите это кольцо, то все вопросы отпадут сами собой!

– Кто бы спорил!..

Да уж... Из того, что успел сказать нам Квез, стало понятно, что это кольцо однажды попало на глаза Тирле, и оно, как и следовало ожидать, произвело на нее должное впечатление. Вернее, девица уже тогда решила, что такому колье нечего находиться у супруги ее бывшего жениха – для одного человека слишком много иметь разом и одно, и другое. Где Тирла увидела кольцо? Да на моей шее, и это произошло с полгода назад... Тогда мой дорогой муж находился в полнейшем блаженстве как от возвращения Тирлы, так и от присутствия этой рыжеволосой чаровницы рядом с собой – можно сказать, Воган летал, как на крыльях, при этом полностью игнорируя меня. К тому же дорогой супруг уже не считал нужным скрывать свои чувства к вновь обретенной невесте (пусть даже бывшей), и при том считая меня чем-то вроде помехи своему долгожданному счастью. Надо заметить, что и сама Тирла не упускала возможности лишний раз появиться перед Воганом, чтоб бросить на него взгляд, полный любви и обожания, а заодно намереваясь позлить меня своим присутствием. Именно тогда-то эта наглая девица увидела мое кольцо.

Я прекрасно помню тот день: тогда нас пригласили на праздничный прием в доме тети Фелисии – у нее был юбилей, и я направились туда вместе с мужем. Справедливости ради надо признать, что ехать туда Воган никак не хотел – там, дескать, шумно, многолюдно, все смотрят на него, как на неотесанную деревенщину, не умеющую связать двух слов, да и отношение у присутствующих к нему далеко не из самых лучших. Говоря откровенно, в чем-то Вогана можно понять, но и сам он на приемах вел себя не по правилам этикета, а просто стоял у стены с кислым и недовольным видом. Ясно, что мало у кого возникнет желание общаться с человеком, который раздражен и находится не в духе.

Тем не менее, нравится это моему супругу, или нет, но раз приглашение было получено заранее, то от визита отказываться нельзя (впрочем, у меня и намерений таких не было), да и портные уже изготовили нам новую одежду, подходящую для подобного торжественного случая. Наряд из черного бархата очень шел Вогану, делал его еще более красивым, и дорогой супруг это прекрасно

понимал, несмотря на проявляемое им раздражение – дескать, нечего мне делать у твоей родни, могу занятие получше найти!.. У меня же было простое лаконичное платье с глубоким вырезом, сшитое из роскошного синего бархата, причем цвет бархата полностью совпадал с синим отблеском сапфиров в колье. Для такого колье не надо много вычурного богатства в одежде – тут как раз подойдет то, что попроще, потому что правило «скромно, но дорого» в моем случае подходит как нельзя лучше, и только лишний раз подчеркивает красоту удивительного украшения.

Несмотря на все недовольство Вогана, он вынужден был согласиться с этой поездкой, и мы отправились в дом тетушки – что ни говори, но надо соблюдать внешние приличия. Когда же наша карета выехала из ворот, то Воган внезапно приказал кучеру остановить карету – оказывается, на дороге стояла Тирла, и мой дорогой супруг намеревался сказать ей что-то крайне важное. Правда, моим мнением по поводу остановки и столь наглядного пренебрежения к своей жене Воган не счел нужным поинтересоваться.

Хотя Воган вышел из кареты, но дверь закрывать не стал, и я видела, как к мужу подошла, вернее, подбежала Тирла, и обняла его так, будто встречает любимого после долгой разлуки. Впрочем, девица хорошо должна была меня рассмотреть, потому как весь этот спектакль был устроен в расчете на меня. Несмотря на то, что эта рыжая особа влюблено глядела на Вогана, и, трогательно улыбаясь, что-то говорила ему – тем не менее, я понимала, что каким-то боковым зрением девица рассматривает меня. Более того: когда мой супруг, закончив разговор, вновь направился к карете, то Тирла уже в открытую стала смотреть не на него, а на меня, причем в ее взгляде было нечто вроде плохо скрытой зависти и неприкрытого восхищения. Надо сказать, я еще тогда поняла, что она не сводит глаз с моего колье. Впрочем, подобная реакция меня не удивила – все, кто в первый раз видел это восхитительное украшение, не мог оторвать от него свой взгляд... К сожалению, в случае с Тирлой все оказалось несколько иначе: она, как и все остальные, вначале была просто очарована этим украшением, а потом ее мысли приняли более практичное направление. Очевидно, рыжая девица уже тогда стала прикидывать, сколько можно выручить за столь прекрасное колье, и как сделать так, чтоб в случае исчезновения этой восхитительной драгоценности сама красотка могла остаться в стороне от возможных

подозрений.

Квез рассказал нам далеко не все, да и вся эта история ему наверняка была известна не полностью, но кое-что я все же могла предположить. Возможно, Тирле с самого начала хотелось бы заполучить это кольцо для себя, но в то же время она прекрасно понимала, что для нее этот слишком дорогое украшение, за которое могут голову ненароком свернуть. Да и не покажешься на людях в такой красоте – враз слухи по округе разнесутся. Как говорится в известной поговорке: каждому – свое. Ну, а когда Воган рассказал о том, что кольцо, столь приглянувшееся его прелестной подружке, является семейной ценностью в семье его жены, то именно тогда рыжеволосая девица решила прибрать эту драгоценность к своим рукам.

На мой взгляд, дело тут было не только в стремлении получить хорошие деньги от продажи кольца, но и в желании таким образом наказать ту, что заняла место возле Вогана. Конечно, Тирла сама виновата в случившемся: что ни говори, но это она бросила жениха, а не он ее – тут не поспоришь. Тем не менее, по извечной женской логике (которую посторонние не всегда могут понять) виновницей всех своих бед следует считать удачливую соперницу, ту, что теперь на законном основании находится возле брошенного жениха, то есть меня. Дескать, если бы не эта пронырливая особа, то влюбленный кавалер обязательно дождался бы возвращения раскаявшейся беглянки, простил ее со слезами на глазах, и все у них должно было сложиться хорошо, а теперь, волей – неволей, но надо мириться с присутствием супруги возле своего обожателя. Конечно, вернуть себе бывшего ухажера удастся далеко не всегда, но зато хоть немного отплатить счастливой сопернице – от подобного не откажется едва ли не каждая из обиженных девиц.

План Тирлы был прост, надо было лишь дождаться подходящего момента, а вместе с тем следовало найти нужных людей. Со вторым было посложнее, но Тирла за время своего пребывания в дальних странах успела обзавестись кое-какими хм... знакомствами (причем далеко не самыми лучшими), так что постепенно она сумела решить и этот вопрос. Все остальное не составило особого труда: для начала она уговорила Вогана украсть мое кольцо и заложить его у ростовщика – кстати, это было сделать не так и сложно, потому как денег на веселую и беззаботную жизнь влюбленной парочке стало не хватать, а продавать мое приданое – дело довольно непростое и хлопотное.

Золота, полученного от заложенного кольца, хватило на то, чтоб рыжеволосая прелестница объехала все близлежащие лавки, балуя себя дорогими покупками. Впрочем, уже через пару дней Тирла предложила и вовсе продать кольцо все тому же ростовщику – мол, переживет твоя женушка, у нее денег много, и дорогих побрякушек в ее благородном семействе тоже хватает! Одним больше, одним меньше – им какая разница!?, а вот нам с тобой золотишко, полученное за эту безделицу, очень даже не помешает!.. И потом, эта блестящая безделушка – ваше общее имущество, а своим добром ты можешь распоряжаться, как вздумается!.. Думаю, излишне упоминать о том, что Вогану даже в голову не пришло возражать предмету своего обожания, и он со спокойной душой продал кольцо ростовщику.

Дальше все пошло так, как и рассчитывала Тирла. Дело в том, что ростовщик по имени Куонг, которому Воган продал украшение, занимался своим делом в наших краях уже много лет, и кое-какие из его привычек многим были уже известны, только вот Куонг об этом совсем не задумывался. Увы, но иногда постоянное повторение одних и тех же действий не приводит ни к чему хорошему. Что именно имеется в виду? Дело в том, что одной из этих постоянных привычек было то, что после того, как в его руки попадала по-настоящему дорогая и ценная вещь, ростовщик сразу же отправлял ее с надежными людьми к своим родственникам, живущим в другом городе. Дескать, у них и сейфы покрепче, и охрана получше, и продать полученное они сумеют с хорошей выгодой. Известно было и то, куда, и по какой дороге обычно направляются люди, сопровождающие ценный груз, и что их, как правило, всего двое...

Стереотип сработал и в этот раз, и на сопровождающих, которые везли кольцо, напали в дороге, устроив засаду. Посланники Куонга были хорошими бойцами, но справиться с нападающими не сумели – тут сработал как фактор внезапности, так и то, что вороги оказались очень умелыми воинами, и в коротком бою сумели одержать верх. Схватка заняла всего минуту, и, причинив охранникам тяжелые увечья, напавшие забрали кольцо, и были таковы. Понятно, что все это было придумано Тирлой, которая рассчитывала впоследствии получить часть денег, вырученных от будущей продажи украшения – как видно, девица намеревалась еще раз разжиться деньгами после продажи дорогого украшения. Разумеется, в этом случае надежды на получение кошелька с золотом выглядят довольно призрачными, если, конечно, не учитывать того, что к столь рискованным делам,

как правило, привлекают только проверенных людей, или же тех, кого хорошо знают, и рассчитывают, что впоследствии их не обманут...

Естественно, что те люди, что сумели раздобыть кольцо, увезли его из нашей страны, намереваясь продать украшение где-либо в ином месте, потому как оно было слишком приметным, и сбыть его следовало там, куда не дотянется рука нашего правосудия. По удивительному стечению обстоятельств кольцо оказалось не только в этой стране, но и в том городе, где мы сейчас находились, хотя, говоря откровенно, ничего странного в этом нет – именно здесь живут те люди, к чьей помощи Тирла прибегла, чтоб не только выкрасть кольцо, но и расправиться со мной.

Н-да, а ведь метр Мойс, поверенный тетушки Фелисии, был прав, когда говорил о том, что в семье Вогана, или же в его окружении имеется некая тоненькая ниточка, которая ведет к похищенному колье, только вот эту ниточку еще найти надо. Мол, поверьте моему опыту, тут есть какая-то связь, я ее просто нутром чую!.. Надо же такому случиться – метр Мойс, при всей своей опытности, эту самую ниточку, возможно, пока еще не нашел, а вот Квез, обычный неприметный человечек, сделал правильные выводы.

Как это ему удалось? Не знаю, Квез сказал лишь, что постоянно следил за рыжеволосой чаровницей, в которую влюбился еще с юности, только вот красotka не обращала никакого внимания на влюбленного в нее замухрышку. К тому же, несмотря на всю свою влюбленность, Квез хорошо понимал, что кавалер с пустым карманом Тирле совсем не нужен. Все так, только этот невзрачный человек, стараясь постоянно созерцать предмет своего обожания, подмечал всех, на кого обращала внимание дама его сердца, следил за ее поступками, и, если удавалось, то вслушивался в разговоры... Можно сказать, держал красотку едва ли не под непрерывным надзором, тем более что обстоятельства этому благоприятствовали – свободного времени у Квеза было, можно сказать, в излишке, желание понравиться Тирле тоже никуда не делось, и потому парень всеми силами искал возможность привлечь к себе внимание избалованной девицы. Как и следовало ожидать, при таком пристальном наблюдении за рыжей чертовкой, до влюбленного молодого человека постепенно стало доходить, что его ненаглядная красавица далеко не так проста, и бесхитростным созданием ее никак не назовешь.

Раздумывая над происходящим, и сопоставляя кое-какие факты, Квез сделал правильные выводы, которые, говоря откровенно, удивили даже его самого. Что ж, не он первый, и не последний из числа тех, кто внезапно осознает, что у прекрасного ангела, которому он едва ли не поклоняется, не только на голове растут острые рожки, но имеется еще и чертячий хвостик. Тем не менее, молодой человек наивно решил, что теперь красotka у него в руках, отныне никуда от него не денется, и под угрозой разоблачения своих делишек враз бросит Вогана, и отныне будет только с ним, то бишь с Квезом. Оставалось только хорошенько припугнуть рыжую колдунью – и все, дело сделано, после чего ему можно наслаждаться бесконечным счастьем!

Сказано-сделано, и в один далеко не прекрасный день, подгадав, когда Тирла на какое-то время осталась в одиночестве, молодой человек пришел к ней, и сообщил, что ему много чего известно о проделках прекрасной чаровницы, причем такого, что не останется без внимания стражников. Между прочим, эти доблестные слуги закона сейчас только что землю носом не роют, пытаясь выяснить, что произошло с молодой маркизой Алверст. Стражу обязательно заинтересуют беседы рыжей красавицы с неким подозрительным человеком с Востока, их тайные ночные встречи, а также он, Квез, знает о том, что Тирла имеет прямое отношение к похищению драгоценного колье маркизы Алверст, да и к смерти самой маркизы тоже. И вообще, дескать, мне много чего известно о том, какие грешки водятся за тобой, красotka, так что только от тебя, милая, зависит, узнают об этом служители закона, или нет... Да к тому же тетушка пропавшей маркизы такую цену назначила за достоверные сведения о судьбе исчезнувшей племянницы, что я с трудом сдерживаюсь, чтоб не посетить эту благородную даму, и рассказать ей кое-что небезынтересное, после чего я получу из ее рук кошелек, туго набитый золотыми монетами...

Как видно, Тирла враз поняла, что в жизни случаются непредвиденные ситуации из числа тех, когда следует проявить гибкость, и при кое-каких нежданных – негаданных обстоятельствах будет правильней временно отступить, и сделать вид, что испугана, и согласна со всеми условиями шантажиста. Похоже, она сумела убедить новоявленного кавалера в том, что ничего не имеет против того, чтоб сменить ухажера (тем более что Квез, дескать, ей давно небезынтересен), только вот требуется немного времени, чтоб под

благовидным предлогом расстаться с Воганом. Мол, иначе никак, потому как столь внезапный разрыв с преданным кавалером будет выглядеть слишком подозрительно. Уж не знаю, каким именно образом Тирла сумела заверить Квеза в своем полном подчинении его воле, но тот очень скоро полностью уверился в том, что все идет так, как он и хотел, и красotka Тирла теперь никуда от него не уйдет. В общем, сбывается мечта идиота...

Правда, у рыжей девицы насчет Квеза были совсем иные планы, куда более жесткие – она мечтала избавиться от шантажиста, который свалился невесть откуда на ее шею, однако сделать это нужно было так, чтоб даже следов от наглеца не осталось. Наверное, ей пришлось хорошо постараться (вернее, даже очень хорошо), чтоб уговорить Квеза отправиться в далекую страну, и каким образом ей удалось добиться желаемого – это отдельный вопрос, но понятно, что рыжей красотке пришлось приложить для этого немало сил и умения. Как говорила Тирла, Квезу нужно было привезти из той заморской страны деньги, которые к этому времени наверняка должны быть получены за продажу колье, а заодно доставить туда письмо, без которого, мол, деньги нам никто не отдаст. Конечно, отправляться за море Квезу совсем не хотелось, но Тирла оказалась настойчивой и убедительной, а еще пообещала, что будет ждать возвращения своего нового ухажера, и за то время, пока Квез будет отсутствовать, она расстанется с Воганом.

Все так, но, похоже, Квез склонился на эту рисковую поездку только потому, что он должен был привезти из той поездки кучу золота: что ни говори, но им с Тирлой без денег придется нелегко, ведь у Квеза в кармане всегда было пусто, а красавица привыкла к обеспеченной жизни.

Ну, то, что Квез очень скоро раскаялся в своем согласии – это мы уже поняли, а уж когда он оказался в этом городе, то совсем упал духом. То место, куда молодой человек принес письмо от Тирлы, Квез назвал бандитским притоном, где отношение к нему было крайне неуважительным, а на требование отдать ему деньги за колье там только посмеялись. Как сообщил Квез, на ломаном языке ему было сказано следующее: мол, запомни – продано украшение кому-то, или нет, но тебя это не должно касаться никоим образом, и уж тем более мы не собираемся тебе, незнакомому нам человеку, отваливать целую кучу золота. Ты свое дело сделал, привез письмо, за что прими от нас благодарность, а остальное тебя не касается, так что иди

отсюда, и не оглядываясь. Когда понадобится, найдем тебя сами, а пока что тихо сиди в своей гостинице, вернее, в той комнатенке, которую ты снял, и не высывайся наружу, потому как подобное для здоровья вредно, усек? Понятно, что Квез рассчитывал на совершенно иной прием, и потому уходить с пустыми руками не пожелал, потребовал, чтоб ему заплатили хотя бы часть денег от продажи колье, а заодно вернули все то, что вытащили из его карманов, когда обыскивали при встрече. Чем закончились эти требования? Синяком под глазом, короткой зуботычиной, и советом убираться как можно дальше отсюда, причем было понятно, что эти люди не шутили. Естественно, Квез поспешил удалиться, просто-таки мечтая о том, что более к этому дому он и близко не подойдет.

На следующий день в «Веселую устрицу» пришел один из тех, с кем Квез разговаривал вчера в том доме, куда привез письмо. Гость задал кое-какие вопросы, а перед уходом вновь велел Квезу никуда не уходить из комнаты – мол, вечером к тебе еще разок заглянем, денег на проживание принесем. Впрочем, к тому времени Квезу уже и деньги были не нужны, и уж тем более он не хотел встречаться с новым гостем – молодого человека стали одолевать дурные предчувствия. Конечно, в дороге он прочитал письма Тирлы, и ему очень не понравилось то, что рыжая подружка написала о нем – дескать, прошу оказать подателю сего письма знак благодарности за услугу, оказанную мне этим человеком. Непонятно по какой причине, но Квезу очень не понравилось это выражение, какое-то оно странное, да и, положив руку на сердце, следует признать, что никакой доброй услуги красоте он не оказывал, все было с точностью до наоборот. Будь на то его воля – удрал бы из этого города на первом же корабле, только вот если у тебя в кармане нет ни единой монетки, то совершить подобное весьма проблематично.

А еще он осознавал – как это ни печально, но никто не собирается возвращать его на родину, и уж тем более никто не намерен отдавать деньги малознакомому человеку. В этих местах куда проще, быстрее и надежней расправиться с неудобным человеком, чем отсыпать ему хоть пяток монет. Тут его никто не знает, и если пропадет какой-то иноземец, то этого никто и не заметит. Ох, и зачем он вздумал пугать Тирлу тем, что раскроет перед всеми ее темные делишки? Вот и доигрался... Верно говорят: не стоит лезть в чужие дела – чревато. Ох, и не буди лихо, пока оно тихо...

Что же касается сапфирового колье... Когда Квез, еще находясь в

том доме, куда привез письмо Тирлы, все же заикнулся об этом украшении, то мужчина, который читал привезенное письмо, между делом бросил ему в ответ нечто вроде того, что, де, эта вещь уже ушла с торгов. На вполне обоснованное опасение Квеза – как же, мол, выставлять прилюдно, колье-то ищут!, ему велели заткнуться и не совать свой нос в чужие дела. Что же касемо сложностей, то с ними мы разберемся сами, да и опасаться нам нечего, потому как торги были только для своих...

Вот и все, что мы сумели узнать у Квеза. Конечно, это не так и много, но все же лучше, чем совсем ничего.

– Если я правильно понял, то твоя фамильная драгоценность ушла с молотка... – сделал вывод Дорен.

– Похоже на то... – мне только и оставалось, что вздохнуть. – Однако в главном Квез был прав – колье краденое... Конечно, наша страна находится далеко отсюда, но сапфировое колье – вещь слишком приметная, и потому, несмотря ни на что, его вряд ли рискнули выставить в открытую.

– Тут ты не совсем права... – Винсент покачал головой. – Существуют разные торги, в том числе и, так называемые, «для своих». На таких хм... аукционах всем изначально известно, что товары, которые там выставляются, приобретены, скажем так, не совсем законным путем, и потому покупатель осознанно берет на себя некие риски, а уж как он потом будет бороться с возможными щекотливыми ситуациями – это его заботы.

– Например?

– Есть разные способы, но вот что касается драгоценностей... – Винсент на секунду задумался. – Ну, такую приметную вещь могут увезти в еще более дальние страны, или же продать кому-либо из тех, кто прячет драгоценности в тайники, никому их не показывая – на свете существует немало богачей, которые коллекционируют уникальные украшения. И, наконец, следует сказать о самом неприятном исходе: некоторые драгоценности, вроде броши, ожерелья или того же колье – впоследствии они могут быть просто разобраны на отдельные камни, и тогда уже не будет никакой возможности хоть что-то доказать.

Ой, неужели у кого-то поднимется рука, чтоб разломать такое поразительно красивое украшение?! От восхитительного колье,

когда-то изготовленного для любимой девушки, останется только кучка сапфиров, горстка бриллиантов, и слиток белого золота... Хотя исключать ничего нельзя, в том числе и столь печального итога.

– Но если кольцо уже продано, то где его искать?.. – этот вопрос сейчас интересовал меня больше всего.

– Прежде всего, будем надеяться, что украшение все еще находится в этой стране, а не отправилось с кем-то в еще более дальние края. Если окажется, что оно уже спрятано в чем-то багаже, и пустилось в очередной путь по пустынным дорогам или морским волнам – вот тогда у нас уже точно не будет возможности до него добраться.

– И как это можно выяснить?

– Надо подумать... – Винсент повернулся к Ярли. – Твой отец вышивал золотом, верно?

– Да.

– Золотую нить покупал у ювелиров, верно?

– Да... – вновь кивнула головой девушка. – У них продается специальная нить из золота для дорогих вышивок.

– Ты знаешь тех ювелиров, у которых твой отец покупал эту самую нить?

– Только по именам – сама я к ним никогда не ходила.

– Но ведь что-то о тех людях ты должна знать? Наверняка отец рассказывал тебе о них, советовал, к кому из мастеров-ювелиров стоит обращаться, а кого лучше обходить стороной?

– Говорил, причем не раз... – кажется, Ярли была сбита с толку. – Дело в том, что у одних ювелиров золотая нить хуже, у других лучше, так что...

– Меня интересует несколько иное, вернее, мне бы хотелось знать, что представляют собой эти люди. Кому из тех мастеров золотых дел можно доверять, о ком ходят дурные слухи, или кто из них скупает краденое...

– Да, отец не раз говорил мне обо всем этом... – Ярли постаралась не выдать своего удивления. – Так, на всякий случай. Он боялся, как бы меня впоследствии не обманули, когда сама буду

покупать золотые или серебряные нити.

– Твой отец был совершенно прав, но ты меня немного не поняла. Меня интересует то, что ты знаешь о тех ювелирах, какие есть в этом городе, причем желательно рассказать все, что тебе о них известно. Тут важны даже самые незначительные подробности.

– Но я знаю только то, что говорил мне отец, а это было несколько лет назад!

– И что с того? Ювелиры – народ особый, в свои ряды новичков пускают неохотно, так что за год-другой вряд ли многое изменилось.

– Ты хочешь кого-то из них нанять для поисков кольца?.. – не поняла я.

– Ни в коем случае!.. – отмахнулся Винсент. – Тут никто ничего искать не будет, хотя деньги за поиски возьмут без проблем. Ювелиры – люди особые, недоверчивые, они с чужими людьми, и уж тем более с иноземцами, откровенничать никогда не станут. Это, так сказать, особенность рода их занятий, так что тут нужен совсем иной подход.

Ну, насчет ювелирных изделий мне и самой известно многое, и, смею надеяться, что разбираюсь в них неплохо, а вот насчет отношений мастеров-ювелиров между собой я никогда не задумывалась.

– Ты что-то придумал?

– Как сказать... Видите ли, на таких тайных торгах обычно присутствует ограниченный круг проверенных людей, а много их, или мало – это уже другой вопрос. Однако на такие вот торги приходит немало ювелиров, которые стараются по дешевке скупать дорогие безделушки их числа тех, которые не стоит выставлять в открытую продажу. На твоё кольцо должно было найтись немало желающих его приобрести. В любом случае, все должны знать, кто купил сапфировое кольцо.

– А если тот человек, к которому мы обратимся, не присутствовал на тех торгах?

– Ранее я упоминал, что ювелиры – это особое сообщество, несколько закрытое, стоящее чуть в стороне от всех остальных, и все более или менее значимые новости, касающиеся драгоценностей, становятся известны едва ли не каждому из них. Проще говоря, такие

сведения разносятся между ними, как круги по воде.

– Сомневаюсь, что хоть кто-то из здешних ювелиров откроет нам имя этого человека.

– Естественно, просто так его никто не скажет, тут нужен совершенно иной подход. Милые дамы, по этому поводу у меня появилась одна мысль. Беда в том, что нам опять придется прибегать к вашей помощи – без этого никак.

В ответ я только закивала головой – какие тут могут быть сомнения! Сделаю все, что смогу лишь бы внести хоть какую-то ясность в поиски! Думаю, Ярли тоже не откажет нам в помощи.

Через несколько часов мы с Ярли подходили к торговым лавкам, находящимся в центре города. Я уже знала, что здесь расположены самые дорогие магазинчики, в том числе и те, что торговали драгоценностями. Как раз одна из таких лавочек нас и интересовала. Плохо то, что в таких местах хватало стражников – вот и на этой улице они находились едва ли не на каждом углу, но мы их, кажется, не заинтересовали. Впрочем, мы сейчас выглядели как служанки из богатых домов – простая, но добротная одежда, лица прикрыты так, что видны только глаза... Еще Ярли сказала, что иногда в таком виде богатые женщины заглядывали в здешние лавочки – не каждой хотелось, чтоб родственники и знакомые знали о том, что они оставляют немалые деньги в дорогих магазинчиках, или же покупают товары в долг, за которые позже придется расплачиваться их мужьям. Хм, вообще-то в нашей стране подобное случается тоже довольно часто...

Маленькая лавочка, в которую мы вошли, выглядела неплохо как снаружи, так и внутри. Ясно, что людям с тощим кошельком здесь делать нечего. Низкие столики, мягкие диванчики, пара красивых молодых продавцов... Н-да, некоторых покупательниц такие красавцы должны привлекать едва ли не больше тех драгоценностей, что здесь продают.

– Что вам угодно?.. – шагнул нам навстречу один из красавчиков. Кроме нас, посетителей в лавочке не было, так что можно говорить в открытую.

– Нам бы хотелось поговорить с уважаемым господином Байханом... – произнесла Ярли.

– Вам нужен хозяин? Могу узнать, зачем?.. – красавчик прямо-

таки излучал обаяние.

– У меня к нему важное дело...

Через минуту мы уже стояли в небольшой комнатке, находящейся в глубине лавочки, и смотрели на немолодого мужчину, сидящего на простой жесткой скамье. Борода с проседью, глубокие морщины на лице, мрачный взгляд, скромная одежда... Надо же, как выглядит один из тех ювелиров, с кем отец Ярли советовал дочери не иметь никаких дел – мало ли что может произойти... Дескать, мастер он хороший, и на его товар пожаловаться нельзя, только вот слухи об этом человеке ходят очень дурные. Конечно, каждый из нас не без греха, и лишнюю монету тоже никто не откажется заработать, но все одно шли разговоры о том, будто мастер Байхан связан с темными, воровскими делами. Потому-то, выслушав Ярли, Винсент и предположил, что этот человек почти наверняка был на тех торгах, и, возможно, даже участвовал в них. Кто знает, может мое сапфировое кольцо сейчас находится у него? Разумеется, могло случиться и такое, что Байхан не присутствовал на торгах в то время, когда продавали мое кольцо, но в любом случае должен знать, кто приобрел столь редкое украшение – как говорил Винсент, такие новости в определенных кругах разносятся очень быстро.

– Вы хотели меня видеть?.. – вместо приветствия заговорил мужчина. Вообще-то мог бы и не спрашивать – кроме нас посторонних людей тут нет. – Желаете продать мне что-то?

– Нет, господин... – почтительно ответила Ярли.

– Намерены купить нечто особенное?

– Нет, господин.

– Тогда что вам нужно?

– Прошу простить, нас с поручением к вам прислала моя госпожа...

– Если она из тех, кто желает получить отсрочку по своим долгам, то наш разговор закончен. Деньги должны быть выплачены точно в срок, и никаких бесед со слугами на эту тему я не веду.

– Господин, мою хозяйку интересует совсем иное... – в голосе Ярли появились извиняющие нотки. – Недавно она узнала о том, что в нашем городе появилось удивительно красивое ожерелье, привезенное из дальней страны.

– В наш город много чего привозят... – равнодушно уронил мужчина.

– Ей сказали, что это прекрасное ожерелье из сапфиров с бриллиантами. Когда моей хозяйке подробно описали красоту этого ожерелья, то она захотела его получить.

– Рад за нее, но при чем здесь я?

– После того, как она узнала об этом сапфировом ожерелье – с того времени бедняжка потеряла покой и сон. Больше всего на свете она хочет иметь у себя эту вещь.

– Повторяю вопрос – какое отношение все это имеет ко мне?

– Моя госпожа просит помочь приобрести ей это прекрасное украшение. Она говорит, что ее... муж не пожалеет золота, чтоб порадовать свою любимую.

– Щедрые... мужья – в наше время это достаточная редкость... – Байхан с едва уловимой насмешкой повторил слова Ярли. – Но я все еще не понимаю, отчего ваша хозяйка направила вас ко мне.

– Говорят, вы знаете все и обо всех, а потому можете ей помочь... – теперь голос Ярли звучал едва ли не умоляюще. – Не сердитесь на меня, я всего лишь выполняю поручение своей госпожи.

– Все знает только Всевышний, а мы всего лишь люди, обремененные грехами... – пожал плечами мужчина. – Если твоей хозяйке лучше меня известно о том, какие украшения появляются в нашем городе, то для нее не составит никакого труда получить желаемое. Это все?

– Господин Байхан, моя хозяйка просит вашей помощи в поисках этого ожерелья... – продолжала Ярли. – Слышать можно о многом, но где же искать то, что ей нужно?

– В моей лавке твоей госпоже вряд ли могут помочь. Я ювелир, а не дознаватель в страже.

– Моя хозяйка понимает, что в этом печальном мире все совсем непросто... – продолжала Ярли. – И она знает, что ваше время бесценно, и потому просила передать, что если вы случайно вспомните, или хотя бы предположите, где может находиться это дивное ожерелье, то я должна буду вручить вам за это двадцать золотых.

– Вот даже как?.. – чуть приподнял брови мужчина. – Она так щедра?

Насколько мне известно, в этих местах и один золотой считается весьма немалой суммой, а уж за двадцать можно купить кольцо с бриллиантами, или же приобрести небольшой домик в пригороде.

– Моя госпожа привыкла получать то, что хочет... – такое впечатление, что девушка готова развести руками – мол, ничего не поделаешь, хозяйка избалована до невозможности.

– И сейчас она возжелала получить это ожерелье, верно?

– Да.

– Кто ей о нем рассказал?

– Не знаю.

– Предположим. И как же звать эту немыслимо щедрую и богатую женщину?.. – поинтересовался ювелир.

– Господин, простите меня, но я не могу это сказать.

– А что говорит по поводу ожерелья ее муж?

– Говоря честно, он ей не муж... – Ярли немного понизила голос. – Ну, вы, наверное, понимаете, в чем тут дело... Моя хозяйка – его любимая женщина, ради которой он согласен на все. Что же касается ожерелья, то госпожа уверена: ее... муж обязательно приобретет для нее это украшение, только ей надо знать, к кому следует обращаться по поводу покупки столь дивного ожерелья.

– Купить, значит, желает... – на лице ювелира промелькнула гримаса раздражения. – К сожалению, исполняются далеко не все наши желания.

– Верно, только муж моей госпожи – пошли ему Всевышний процветания!, делает все, чтоб она осталась довольна.

– Покажите мне ваше лицо... – внезапно сказал мужчина.

– Что?

– Не люблю иметь дело с людьми, которые прячут от меня свои лица. Так дела не ведутся.

Не говоря ни слова, мы с Ярли откинули покрывала, и я лишний раз порадовалась тому, что перед тем, как пойти сюда, покрыла лицо

и кисти рук мазью, придающий коже очень смуглый оттенок. Хорошо, что такая мазь нашлась в той портовой лавке, где мы покупали себе новую одежду. Сейчас внешне я почти не отличаюсь от загорелых местных жителей, глаза опустила долу, а светлые волосы спрятаны под покрывалом. Надеюсь, ювелир не заметил ничего подозрительного.

– Мы встречались раньше?.. – после короткого молчания спросил Байхан.

– Нет... – покачала головой Ярли. – Я, во всяком случае, такого не помню.

– Все равно мне странно, что вы пришли ко мне... – чуть пожал плечами ювелир. – Я стараюсь не вести лишних разговоров с женщинами. Пусть ко мне придет... муж этой женщины – возможно, я что-то вспомню.

– Дело в том, что хозяин живет не в этом городе – здесь он бывает лишь наездами... – заторопилась Ярли. – Госпожа ждет его появления через три-четыре дня, и к тому времени ей надо знать, к кому следует обратиться ее господину для того, чтоб купить это самое ожерелье. Поверьте – моя хозяйка сейчас не может говорить ни о чем ином, кроме как об этом украшении, и считает даже не дни, а часы до приезда своего... мужа! Мне страшно подумать, что нас ждет, если госпожа не получит то, что хочет! Всевышний отблагодарит вас за проявленную доброту.

– Боюсь, что ничем не могу вам помочь.

– Сожалею... – Ярли чуть поклонилась. – Благодарю за то, что выслушали, и прошу прощения за то, что мы отняли у вас столько драгоценного времени.

– Погодите!.. – мужчина поднял руку. Похоже, увидев, как мы собираемся уходить, он все же решил, что не стоит отказываться от хороших денег, которые сами плывут к нему в руки. – Все, что я вам могу сказать, так это обратиться к торговцу Фаттаху. Возможно, то, что ищет ваша госпожа, находится у него, но я бы не советовал ходить к этому человеку.

– Почему?

– Просто не стоит. Поверьте, я знаю, что говорю. Он никогда и никому не продаст это ожерелье.

– Почему.

– Просто знаю.

– И все-таки?

– Я и так сказал вам куда больше, чем допустимо.

– А где можно найти этого Фаттаха?

– На окраине города есть постоянный двор «Отрада странника». Там его и найдете. Это все, что я вам могу сказать.

– Спасибо, господин... – Ярли протянула кошелек с двадцатью золотыми монетами, который сразу же исчез в руке мужчины. – И да прикроет вас Всевышний от бед своей ладонью...

Через минуту мы уже шли прочь от лавочки ювелира. Я несколько раз оглядывалась, но, кажется, за нами никто не шел – вряд ли мы всерьез могли заинтересовать ювелира. Тем не менее, увидев наших спутников, стоящих на улице, мы прошли мимо – пусть они поглядят со стороны, не идет ли вслед за нами кто подозрительный. Но, кажется, братья не заметили ничего подозрительного, потому как через какое-то время и сами присоединились к нам.

– Ну, как закончился разговор?... – поинтересовался Винсент.

– Да как сказать... – протянула я.

– Говори, как есть.

– Первым делом должна сказать, что Ярли – молодец. Если б не ее умение разговаривать с такими людьми...

– Что вы, госпожа!.. – покраснела Ярли.

– Говорю, как есть. Что же касается всего остального... Кое-какой результат у нас, по счастью, имеется. Ювелир упомянул, что надо идти к постоянному двору под названием «Отрада странника», и искать там торговца по имени Фаттах.

– Ярли, ты не знаешь, где находится этот постоянный двор?

– На другом конце города. Там начинаются дороги, которые ведут в пустыни.

– Можно подумать, там, откуда мы удрали, нет этих самых пустынь!.. – усмехнулся Дорен.

– Таких нет... – покачала головой Ярли. – В настоящих пустынях

жить невозможно. По ним можно идти десять дней, и за все это время не встретить ни воды, ни зелени. Одни пески, глина, пухляки и солончаки, а еще палящее солнце.

– Чего-то мне туда идти совсем не хочется... – протянул Дорен. – Я имею в виду те сухие места, где жизни нет. А вот к тому постоянному двору я бы сходил, посмотрел, что и как. Может, там готовят хорошо...

– Уже вечер, и часа через два потемнеет, а идти до того места довольно долго... – Ярли оглянулась по сторонам. – Я не возражаю – пойти, конечно, можно...

– Лучше отправимся туда завтра с утра... – решил Винсент. – А там посмотрим, можно ли что-то сделать. Пока же пойдем к себе, в «Золотого гуса». Спокойно пообедаем, а вы, прекрасные дамы, расскажете, что и как...

В «Золотом гусе» мы устроились едва ли не в самом углу обеденного зала. Тут самое подходящее место для того, чтоб обсудить дальнейшие планы, и для начала мы с Ярли постарались как можно точнее передать наш недолгий разговор с ювелиром.

– Значит, нам нужен торговец по имени Фаттах... – Винсент подытожил наши слова. – Что ж, хотя бы знаем, к кому обращаться. Надеюсь, ювелир сказал вам правду.

– Возможно, мне кое-что показалось... – я вздохнула. – Однако не могу отделаться от впечатления, будто хозяин ювелирной лавки чуть раздосадован тем, что у него нет этого сапфирового кольца. Могу предположить, что во время торгов он сам хотел приобрести кольцо, но не вышло. Возможно, торговец Фаттах просто дал более высокую цену, увел желанную вещь из-под носа нашего ювелира, и потому тот не считает нужным скрывать его имя. Так сказать, небольшая месть более удачливому конкуренту. Может, только потому и нас к нему направил, хотя искренне советовал не ходить.

– Значит, как и решили, завтра идем к «Отраде странников»...

– Тихо... – внезапно до моего слуха донеслись знакомые слова. – Слышите?

– Что?.. – не понял Дорен.

– Послушайте, о чем говорят люди за тем столом... Это весьма интересно. Кажется, в какой-то мере речь идет о нас...

Вообще-то не услышать столь захватывающую беседу было довольно сложно. Компания мужчин, сидящая за пару столов от нас, к этому времени уже успела немного выпить, и сейчас эти люди разговаривали несколько громче, чем принято, но, судя по всему, остальные посетители «Золотого гуся» ничего не имеют против подобного. Такое снисходительное поведение можно понять – уж очень интересный разговор происходил у подвыпившей компании, такое не грех и послушать. Дело в том, что мужчины обсуждали смерть «Звезды Востока», то есть той женщины, из имения которой нам удалось сбежать. Все верно – следовало ожидать, что вести о произошедшем дойдут и до этих мест. Оставалось только удивляться, отчего столь интересную новость еще не обсуждают на всех перекрестках, хотя, возможно, этим уже начали заниматься.

Сейчас же из разговора мужчин следовало, что прекрасная «Звезда Востока» тихо и замкнуто жила в своем имении, ведя праведную и скромную жизнь (не знаю, что подумали мои спутники после таких слов, а я, услышав подобное, едва кружку из рук не выронила). Конечно, – продолжали мужчины, конечно, места там не из лучших, дряни всякой обитает в избытке, и люди туда обычно стараются не соваться, но эта женщина была настолько красива, что даже хищники в благоговении смотрели на немыслимое очарование этой красавицы, не решаясь причинить ей хоть малейшее зло!..

... Да уж... – подумалось мне. Интересно, кто придумал такую немыслимую чушь? Ох, увидел бы кто из этих фантазеров воочию эту самую «Звезду Востока» – и у них не только бы восторгов заметно поубавилось, вдобавок они навсегда бы зареклись болтать то, во что хочется верить самим!..

Меж тем мужчины продолжали свой разговор, и из их слов я поняла, что история смерти красавицы выглядела так: в имение приехал гость, который назвал себя умелым лекарем, но в действительности оказавшийся черным колдуном, и при помощи нескольких рабов (которые решили ему помочь), колдун заманил в подвал дома прекрасную затворницу, и стал проводить над ней какой-то колдовской обряд. Непонятно, что нужно было этому человеку, но кто их, чернокнижников, поймет?!, только ничего хорошего из его колдовства не вышло – «Звезда Востока» от ворожбы погибла, потому как ее светлая душа не выдержала страшного чародейства. Колдуна сумели схватить, а те рабы, что вздумали ему помогать, умудрились сбежать из имения – оно и понятно,

догадывались, какое наказание их может ожидать. Где беглецы сейчас – неизвестно, может, погибли в тех беспокойных краях, а может, им повезло, и они сумели уйти, но в любом случае за их поимку назначена хорошая награда... Что же касается горюющего вдовца, то есть супруга «Звезды Востока», то он еще долго обливал горькими слезами обезображенное тело свой любимой супруги, обещая сделать все, чтоб ее смерть не осталось без отмщения. Во всяком случае, бесконечно страдающий вдовец за наши головы назначил более чем солидную сумму в золоте, так что осталось дожидаться тех, кто принесет горемычному страдальцу головы этих людей.

Что ж, теперь ясно, какую сказку умудрился придумать несчастный вдовец, чтоб самому выйти сухим из воды. Ведь если станет известно, что потерявшая былую красоту «Звезда Востока» занималась черными обрядами, чтоб вернуть ушедшую молодость, то разразится страшный скандал – подобное колдовство под запретом во всех странах. В этом случае суровое наказание грозило бы и несчастному вдовцу – почему не сообщил о том, что твоя супруга погрязла в черных обрядах? А может, вы действовали заодно? Естественно, чтоб обелить себя, горюющий супруг и придумал всю эту историю – все всем виноваты беглые рабы и колдун, те, кто осмелился поднять руку на прекраснейшую из женщин. Правда, эта сказочка – она не ахти какая умная, и никто не сказал, зачем смерть «Звезды Востока» была нужно как колдуну, так и нам, но таким вопросом задаваться как-то не принято. Злодеи – они и есть злодеи, этим все сказано.

Ох, только этого нам еще не хватало! Толпа тех, кто желает нас поймать, становится еще больше, и такое внимание радовать нас никак не может. Теперь нам следует быть вдвойне, а то и втройне осторожными, если желаем покинуть эту страну живыми и здоровыми.

– Ну, господа хорошие, что скажете?.. – спросил Винсент, когда стало понятно, что больше мы не услышим ничего нового.

– По большому счету, я ничего нового не услышал – мы с самого начала предполагали, что окажемся виновными едва ли не во всех прегрешениях, какие только можно придумать... – Дорен отодвинул от себя пустую тарелку. – Зато сегодня узнал, что судно под названием «Морской конек» – то самое, на котором Квез прибыл в

эту страну – оно через три дня отправляется к родным бегам, то есть к нам домой. Как узнал? Пока наши красавицы еще только готовились идти в гости к ювелиру, и в здешней лавочке выбирали себе одежду, я стоял у входа, и наблюдал за тем, что происходит снаружи. Тогда-то я и заметил капитана «Морского конька» – внешность у него запоминающаяся. Ну, я остановил капитана, и сказал ему, что хотел бы взять на его корабле четыре пассажирских места. Тот ничего не имел против, и даже взял у меня аванс. К чему я это говорю? Да к тому, что у нас на поиски кольца остается всего три дня, так что нам с вами следует поторапливаться. Если за наши головы назначена солидная награда, то хочется нам того, или нет, но ноги надо уносить.

– Согласны...

На следующий день мы отправились к постоялому двору под названием «Отрада странников» – надо же было выяснить, где остановился торговец по имени Фаттах, который, похоже, и купил мое кольцо. Для начала можно было попробовать каким-то образом договориться с этим человеком – вдруг удастся вернуть кольцо. Надежда на столь счастливый исход была, разумеется, совсем крохотной, но попробовать все же стоило. Ну, а если это не получится – вот тогда стоит подумать, как будем действовать дальше.

Хорошо, что мы не пошли туда вчера: Ярли была права, постоялый двор находился едва ли не на противоположном краю города, и мы почти час добрались до нужного места. Ну, что сказать? Здесь в основном находились небольшие домишки не очень богатых людей, зато сам постоялый двор был весьма немалых размеров.

– Что-то «Отрада странников» со стороны выглядит пустовато... – заметил Винсент, когда мы стали приближаться к постоялому двору. – Вроде место здесь достаточно оживленное, но не скажу, что посетителей здесь уж очень много. Конечно, народ там есть, но...

– Значит, номер там будем снимать?

– Да. Ну, а дальше действуем по плану...

Мы прошли совсем немного, как Ярли внезапно остановилась:

– Стойте!

– Что такое?

– Давайте пока подождем! Я не хочу туда идти! Нет, лучше

пройдем мимо этого постоянного двора, а то еще он посмотрит на нас!

– Кто «он»? В чем дело?

– Видите, кто вышел из дверей?

– Мужчина какой-то... Ты его знаешь?

– Упаси Всевышний от такого знакомства! Это же турег!

Мне это слово ничего не говорило, да и моим спутникам, судя по их недоуменным лицам, тоже. Я посмотрела на мужчину, который так напугал Ярли – вроде внешне обычный человек, высокий, сухопарый... Единственное, что привлекает внимание, так это ножи и кинжалы, висящие на его поясе (все же с десяток хищно изогнутых предметов холодного оружия на одном человеке – это, по-моему, перебор), а еще в глаза бросался тюрбан на голове мужчины. Этот тюрбан даже не назовешь большим – он был огромным. Не понимаю, для какой надобности человеку следует носить на своей голове такое сооружение – это же неудобно, и наверняка тяжело.

Мы прошли мимо постоянного двора, и направились дальше по улице. Ну, раз Ярли не решилась зайти на постоялый двор, то у нее для этого должны быть серьезные основания.

– Ярли, а кто такой турег?.. – спросила я. – И чем он тебя так напугал?

– А вы разве не знаете?

– Нет.

Вздохнув, девушка принялась рассказывать. Оказывается, турегии живут в пустынях, причем в самых жарких местах, и как они там умудряются выживать – это еще тот вопрос. Говорят, что в тех краях имеется множество подземных пещер и галерей, где и обитают эти люди. Ходят слухи, что турегии общаются с подземными жителями, о которых простым людям лучше не знать. А еще там много золота, целые россыпи. Где? Все там же, где обитают турегии, или же им приносят золото подземные жители, с которыми те живут в мире и согласии. Несколько раз в год турегии отправляют большие караваны в города, где на золото покупают продовольствие и все остальное, необходимое для жизни в тех местах. Потом они вновь возвращаются в свою пустыню, а через какое-то время, скопив золото, вновь идут в города...

Хотя появление турегов в городе несет прибыль многим торговцам, этих жителей пустынь все одно не любят. Надменные, чванливые, презирующие других людей, считающие себя высшей расой... А еще туреги при любом недоразумении сразу же хватаются за оружие, так что с ними без крайней на то нужды стараются не иметь дела. Вдобавок ко всему это очень скупой народ, который не потратит понапрасну и лишней крупинки золота, однако на то, что им по-настоящему понравится, туреги денег не жалеют...

– Извини, Ярли, но я не понимаю, чем эти люди отличаются от прочих?.. – поинтересовался Винсент. – И почему ты так испугалась этого человека? Только из-за того, что туреги общаются с подземными жителями?

– Так у них же рога!

– Какие рога? Где? У кого?

– На голове у турегов!

– Не может быть!

– Еще как может...

Оказывается, туреги рождаются с некой особенностью: у каждого из них на голове растёт пара рогов, причем достаточно острых, пусть и не очень длинных – как правило, такое «украшение» немногим превышает длину ладони, но смотреть на это все одно неприятно. Потому-то, приезжая в города, они и носят свои огромные тюрбаны – прячут свои рога от взглядов посторонних (у турегов с этим связано какое-то верование), а вместе с тем как бы показывают окружающим, кто находится перед ними. Вполне естественно, что люди шарахаются от турегов, считая, что те связаны с нечистой силой. Впрочем, те и сами охотно поддерживают такие слухи...

– Ни хрена себе!.. – почесал в затылке Дорен. – Я о таком ранее и слыхом не слыхивал.

– Теперь мне понятно, почему постоянный двор сейчас не пользуется популярностью в здешних местах... – согласился Винсент.
– Когда там останавливаются эти жители пустынь, то вряд ли отыщется много желающих жить рядом с ними.

– Как правило, туреги любят жить одни... – кивнула головой Ярли. – Они любят только своих соплеменников, и с заметной неприязнью относятся к тем людям, которые могут находиться рядом

с ними.

– Но ведь Фаттах тоже живет здесь... – и тут я споткнулась на полуслове. Вспомнились слова ювелира о том, что он не советует ходить нам к нынешнему владельцу ожерелья – он все одно его не продаст. А если припомнить тень раздражения на лице ювелира, то можно с уверенностью говорить, что Фаттах предложил столько золота за мое кольцо, что разом перебил все возможные ставки, и спорить готова, что ювелир Байхан все еще переживает свою неудачу в торгах. Все верно – Ярли упоминала о том, что если турегу по-настоящему понравится какая-то вещь, то денег жалеть он не станет...

Я посмотрела на своих товарищей, и поняла, что их мысли текут в том же направлении, что и у меня.

– Кажется, мы все думаем одинаково... – произнес Винсент.

– Пожалуй... – растерянно произнесла я. – Фаттах – это один их турегов, и, скорее всего, здесь он главный...

– А зачем ему кольцо?.. – брякнул Дорен.

– Оно очень красивое... – я почувствовала, что готова разрыдаться. Надо же – мое кольцо совсем близко, где-то за стенами постоянного двора «Отдых странников». Можно сказать, я отыскала дорогую мне вещь, только вот как до нее добраться?

– Каюсь – мне тоже очень хочется посмотреть на это кольцо, вокруг которого столько шума... – чуть улыбнулся Винсент.

– И я бы не отказался глянуть... – добавил Дорен.

– Госпожа, от вашего украшения наверняка глаз не оторвать... – вздохнула Ярли. – Хоть бы разок на него бросить взгляд...

– Ну, раз мы все такие ценители прекрасного, то неплохо бы увидеть это кольцо воочию, а еще лучше поддержать его в руках... – подытожил Винсент. – Все согласны? Вижу, что возражений нет.

Да какие тут могут быть возражения...

Глава 12

– Дан, мне кажется, что за нами следят... – негромко произнес Винсент. – Обрати внимание на невысокого мужчину с зеленым поясом...

– Я тоже его заметил... – отозвался Дорен. – Этот человек идет за нами уже несколько минут.

– О ком вы говорите?.. – не поняла я. Сейчас мы находились на одной из улиц, примыкающих к базару, и вокруг было достаточно многолюдно.

– Только головой не верти... – предостерег меня Винсент. – Тот мужчина, о котором мы говорим – он стоит у стены, шагах в десяти отсюда, и с нас глаз не сводит. Даже не считает нужным скрываться.

– Понятно... – я сделала вид, будто люблюсь чахлыми розами в небольшом саду, одновременно с тем искоса рассматривая мужчину, о котором говорили мои спутники. Явно здешний уроженец, немногим ниже среднего роста, молодой, довольно тщедушного телосложения, обычная одежда, лицо чуть осунувшееся, и в то же время неприятное, словно испитое... – Я его раньше никогда не видела, хотя... Возможно, я ошибаюсь, но в его лице, кажется, есть что-то знакомое... Ярли, а что скажешь ты?

– Ой... – растерянно произнесла девушка, которая тоже увидела молодого человека. – Это же Фулах, младший сын моей тетки! Как видно, он меня узнал...

Так вот в чем дело! Точно – я видела этого человека в доме Ярли, когда пришли туда, чтоб забрать те деньки, которые тетушка выручила за продажу своей племянницы. Помнится, тогда нам пришлось спрятаться в одной из комнат, где спал глубоким сном (правильней сказать, плавающим в опиумном блаженстве) один из сыновей нынешней хозяйки этого дома. Правда, внешность этого человека я запомнила не очень хорошо, да и, говоря откровенно, запоминать там было нечего – счастливая физиономия с вытекающей изо рта струйкой слюны... Нет уж, такой облик лучше сразу выкидывать из памяти, что я и постаралась сделать. Увы, но судьба снова свела нас с этим человеком.

Итак, случилось именно то, чего мы и опасались – нас опознали. Остается только удивляться, отчего нам так долго везло. Надеюсь, этот тип случайно натолкнулся на нас, и узнал свою молодую родственницу, которую его мамаша продала в рабство. Видимо, решил выяснить, где она сейчас обретается – судя по рассказам Ярли о своей родне, этим людям все одно заняться нечем, дни напролет ходят по городу в расчете на случайный заработок – главное, чтоб вырученных денег хватило на дозу опиума или какой-то иной дури. Ну, пусть что хотят, то себе и покупают, хоть из опиумных курилен никогда не вылезают, но сейчас отпускать этого человека нам никак нельзя.

– Что будем делать?.. – спросила я.

– Он обязательно расскажет всем, что видел меня... – прошептала Ярли.

– Без сомнений, расскажет, да еще и с подробностями... – отозвался Винсент. – Надо как-то заткнуть ему рот.

– Но как же... – растерялась я.

– Не бойся, никто его убивать не собирается... – чуть усмехнулся Дорен. – Мы люди добрые, в глубине души даже мягкосердечные, да и побеседовать с этим человеком нам не помешает. Братец, я, кажется, догадываюсь, что ты намереваешься делать.

– Что именно?.. – не поняла я.

– Сейчас поясню... – Винсент достал свой кошелек. – Только действовать надо слаженно...

– А если этот мужчина сейчас уйдет?

– Никуда он не денется...

Через минуту мы вновь двинулись по улице, но перед этим Винсент, вынув из кошелька большую серебряную монету, сунул ее себе в карман. Только вот беда в том, что этот рассеянный человек, занятый разговором со своими спутниками, не заметил, что промахнулся, и монета упала вовсе не в карман, а в кучу пыли и мусора. Вполне естественно, что родственник Ярли, следивший за нами во все глаза, упустить такой счастливый случай просто не мог. Он даже не стал дожидаться, чтоб мы отошли на достаточно большое расстояние от упавшей монеты – как видно, опасался, что деньги увидит кто-то иной и подберет их первым. Потому-то мужчина едва

ли не бросился к тому месту, куда упала монета, и стал копаться в мусоре. Ему не понадобилось много времени на поиски, но когда он поднялся на ноги, сжимая монету в кулаке, то рядом уже стояли мы. У Винсента не было намерений дожидаться, когда родственник Ярли поднимет крик, а потому почти незаметным движением ударил растерявшегося человека в живот, после чего мужчина мог только беззвучно хватать ртом воздух. Хорошо еще, что на ногах удержался.

– Не дергайся... – посоветовал Винсент. – Если будешь себя хорошо вести – тогда жив останешься, не больно-то ты нам нужен. Понял? Если да, то кивни головой, а если нет, то врежу тебе еще разок – враз все поймешь.

В ответ мужчина без остановки закивал головой – мол, все ясно. Ну и хорошо.

– Здравствуй, Фулах... – сказала Ярли. – Зачем ты шел за нами?

– Я неее... – просипел мужчина, который все еще был не в состоянии нормально дышать.

– Тогда пошли, поговорим чуть позже и в другом месте – уж очень тут шумно, а ты, пока будем идти, отдышишься... – скомандовал Винсент, но мужчина не тронулся с места.

– Я неее... – снова засипел родственник Ярли, не желая двигаться с места, но умолк, потому как почувствовал, как ему в бок уткнулось что-то очень острое.

– Выбор у тебя небольшой – или ты идешь с нами, или же сию же секунду скончаешься на месте от удара ножом в сердце, и поверь, мы сумеем уйти до того времени, когда окружающие обратят внимание на твое остывающее тело.

Этого оказалось вполне достаточно для того, чтоб мужчина на не сгибающихся ногах побрел вместе с нами. Его можно понять – вряд ли станешь сопротивляться или звать на помощь, если острый кончик ножа по-прежнему упирается тебе в бок. По счастью, далеко идти нам не пришлось – через несколько десятков шагов мы свернули на грязную узкую улочку, где почти не было людей. На нас особо никто не обращал внимания: мы уже знали, что на такие вот извилистые улочки, где хватает тупичков, частенько заглядывают люди невысокого достатка, чтоб наедине обсудить кое-какие вопросы – увы, но не у всех имеется время и деньги на долгие разговоры в чайной. Перед тем, как зайти на эту улочку, мы еще раз огляделись –

кажется, кроме родственника Ярли, мы не привлекли какого-либо внимания. Ну и хорошо.

– А вот теперь пообщаемся... – голос у Винсента был холоден, да и нож он убрал. Все верно – здесь, в небольшом тупичке, находящемся неподалеку от входа, можно поговорить, особо не скрываясь. – С чего ты вздумал идти за нами? Ну, чего молчишь? Я, конечно, плохо говорю на языке вашей страны, но понять меня можно.

– Я ее увидел... – поколебавшись, мужчина кивнул в сторону Ярли.

– Ну, увидел, и что?.. – пожал плечами Винсент. – Все одно твоя мать продала эту девушку, так что о внезапно вспыхнувших родственных чувствах сейчас говорить не стоит, и тебе до нашей спутницы не должно быть никакого дела. Шел бы себе дальше, и не задерживался.

– А награда?.. – буркнул мужчина, и тут же прикусил язык – понял, что сболтнул лишнее.

– Какая еще награда?.. – поинтересовался Винсент. – Да, и вот еще что: убери, наконец, эту серебряную монету, которую подобрал с земли – что ты ее в кулаке держишь? Раз нашел деньги, то они твои по праву, мы ничего не собираемся у тебя отбирать.

Два раза повторять не пришлось, и монета враз исчезла в кармане мужчины. Похоже, то, что Винсент убрал нож и разрешил забрать себе найденные деньги – все это в какой-то мере успокоило родственника Ярли, во всяком случае, он уже не глядел на нас так испугано, однако те взгляды, которые он бросал на девушку, добрыми никак не назовешь.

– Ну, долго еще в молчанку играть будем?.. – чуть нахмурился Винсент. – Или мне каждый вопрос тебе надо два раза задавать? О какой награде идет речь?

– Так за вашу поимку хорошую награду обещают... – вздохнул мужчина, не скрывая в голосе зависть. – Очень хорошую!

– С чего это вдруг?

– Не знаю... – пробурчал мужчина. – Только вот большие деньги просто так предлагать не будут!

– И сколько же обещают, если не секрет?

– Да какой там секрет... – подсадовал тот. – Двадцать золотых...

В голосе родственника Ярли проскальзывали завистливые нотки – похоже, он прикидывал, сколько опиума можно закупить на эти деньги. Н-да, у каждого свои заботы...

– И за что же мы в такую немилость от стражников попали, если они за наши души столько золота дают?.. – теперь уже и Дорен влез в разговор.

– Вам лучше знать, что вы натворили, а я о том не ведаю... – пробурчал мужчина, и, зло глядя на Ярли, только что не прошипел. – Слышь ты, бывшая родственница, верни деньги по-хорошему, а иначе плохо тебе придется! У нас из-за тебя одни беды! Это ж надо такую тварь в родне заиметь! Что, отомстить нам решила? Только попадись мне в руки...

– Не пугай... – негромко произнесла Ярли. – Ты только что сам сказал, что я – бывшая родственница, так что мне уже нет дела ни до тебя, ни до твоих угроз. После того, как твоя мать убила мою девочку, а потом продала на рынке рабов и меня...

– Да ты больше ни на что была не годна!.. – повысил голос мужчина. – На кой ты нам сдалась, а? Ладно б деньги зарабатывала, тем более что от заказчиков отбоя не было! А ты чего делала, вместо того, чтоб работать? Сидела на месте, только тем и занималась, что слезы лила, а за работу браться не хотела! Никаких слов не понимала, только и бубнила, что жить не хочешь, да о своей девчонке скулила! Что еще нашей матери оставалось делать? Ждать, когда ты, и верно, померешь? Так за похороны еще и платить придется... Вот и продали тебя, от греха подальше – хоть какие-то деньги надо получить за такую квелую девку! Правильно мать рассудила – пусть отныне с тобой новый хозяин разбирается! И без того мамаша досадовала, что в деньгах прогадала – в любое другое время за тебя можно было бы выручить куда больше, если б ты во время продажи не ныла, что помереть желаешь!

– Да... – устало бросила девушка. – Да, деньги для вас всегда были самым главным в жизни.

– Можно подумать, что тебе до них дела нет!.. – рявкнул дорогой родственник. – Не просто же так ты свою семью обворовала, все деньги унесла! Да если я знал, что у тебя в голове такие черные

мысли...

– Семья... – Ярли даже не пыталась скрыть горечь в своем голосе. – Мы никогда не были семьей! Вы пришли в наш дом после смерти моего отца, и стали считать себя хозяевами, а я у вас была чем-то вроде служанки. У меня в душе по отношению к вам не осталось ничего, кроме ненависти.

– Да мне дела нет до того, что ты о нас думаешь! Верни все, что украла! Где наши деньги?

– О каких деньгах идет речь?.. – спросил Винсент.

– Да ладно, вы же у нас дома были, и все денежки вынесли, до последней монеты... – мужчина сжал кулаки – похоже, при воспоминании о краже его страх стал проходить.

– С чего ты это решил, что в вашем доме были мы?.. – усмехнулся Винсент. – Что, в этом городе нет любителей шарить по чужим углам?

– Таких хватает, только в нашем доме были вы... – с вызовом заявил мужчина.

– С чего это ты решил?

– Все с того же!..

Оказывается, после того, как мы побывали в доме Ярли, тамошние обитатели решили, что их ограбили здешние воришки – любителей поживиться чужим добром хватает везде. Стражники, которые через какое-то время пришли на горестные крики обворованного семейства, расспросили соседей и выяснили, что кое-кто из них мельком заметил нескольких человек, которые в спешке покидали дом, причем одеты эти люди были едва ли не в лохмотья. Расследование было недолгим, и очень скоро служители закона сделали вывод – у вас, господа хорошие, слишком много друзей-приятелей из числа тех, кто просаживает все имеющиеся деньги на опиум, так что свои пропавшие денежки ищите среди таких же, как вы, любителей мака, а нас больше не беспокойте понапрасну. Ясно, что кто-то из них вас и обобрал. Сами должны знать – с кем поведешься... С тем стражники и ушли, оставив горюющее семейство оплакивать свои потери.

Однако пару дней назад стражи порядка (в этот раз настроенные куда более сурово) вновь посетили дом бывшего вышивальщика, и

удивленные хозяева узнали, что их тихая и бессловесная племянница, которую они продали в рабство, не только осмелилась сбежать от своего нынешнего хозяина, но еще и совершила нечто такое, после чего ее разыскивает стража. Перепуганные родственники клялись и божились – дескать, не имеем ни малейшего представления, где может прятаться эта наглая девица, которую им стыдно называть своей родственницей – и без того, мол, мы от нее натерпелись позора! Хотя... Мол, единственное, что мы предполагаем – уж не спряталась ли эта бессовестная у бывшего жениха? Чтоб вы знали – речь идет о сыне владельца большой чайной, той, что находится едва ли не в центре города. Ведь если вдуматься, то эти молодые люди какое-то время жили вместе, у них и ребенок общий имелся, а старая любовь, говорят, не ржавеет...

Услышав подобное, и вспомнив о том, что хозяина упомянутой чайной тоже недавно, если можно так выразиться, «обнесли по-полной», служители закона провели кое-какое расследование, после которого вполне обоснованно связали между собой эти два ограбления. Так что теперь Ярли считается едва ли не главной подозреваемой, а вместе с ней и все мы, так что с той поры вся наша четверка усиленно разыскивается стражниками всего города, тем более что награда в двадцать золотых – для многих это огромные деньги. Что же касается несостоявшегося свекра Ярли, то он, узнав о том, кто может иметь отношение к ограблению его дома, уже пришел (вернее, едва ли не прибежал) к родственникам девушки, и кричал на всю улицу, требуя вернуть украденное и не прятать беглянку, а иначе, мол, их всех ожидают самые страшные кары. Более того: появился даже бывший жених, и сказал следующее: если родственники вдруг увидят Ярли, то пусть они передадут ей следующее – дескать, если его бывшая невеста вернет все украденное, то он даже согласен на ней жениться...

Пока мои спутники расспрашивали родственника Ярли (который к этому моменту уже полностью пришел в себя, и стал наглеть, принимая наше относительное миролюбие за слабость), я думала о том, что нам невероятно повезло хотя бы в том, что за то время, пока мы находимся в этом городе, нас никто не опознал, хотя наши приметы наверняка уже имеются едва ли не у каждого, кто имеет отношение к здешней страже. Кто нас может искать? Прежде всего, это горюющий вдовец «Звезды Востока» – этому нужно заткнуть нам рты, и сделать это следует как можно быстрее, чтоб мы никому не

могли рассказать о том, какие обряды творили в имении по просьбе его покойной женушки. Что ни говори, а оказаться в тюрьме по обвинению в сокрытии черных обрядов (к чему прилагается полная конфискация имеющегося имущества) никому не хочется. Конечно, рабы, находящиеся в имении, будут молчать, зная, что их ждет за длинный язык, да и слуги не скажут ни слова против хозяина – в тех отдаленных местах хорошей денежной работы, такой, какая существует в имении, им больше не отыскать. Все эти люди будут твердить лишь то, что им прикажет хозяин, опасаясь сказать хоть одно лишнее слово, и от своих показаний ни за что не откажутся. Понятно, что главную опасность для несчастного вдовца в первую очередь представляет наша четверка, а раз так, то и денег на нашу поимку этот человек жалеть не станет. Не удивлюсь, если окажется, что двадцать золотых – это так, всего лишь небольшое вознаграждение для простолюдинов, а настоящая награда для начальства во много раз больше. Невесело...

– Я так понимаю, что после того, как появилась возможность добыть двадцать золотых – с того времени вы с братцем решили на какое-то время позабыть лень, и немного поработать, то есть походить по улицам в надежде встретить одного из нас... – подвела итог Ярли.

– А хоть бы и так!.. – родственник скривился. – И ты, женщина, не имеешь права говорить такие слова мужчине! Не надейся меня уязвить – у тебя это не получится. Ты как раньше беспутной была, так и сейчас такой же осталась, все с мужиками таскаешься. Что касается нашей встречи, то Всевышний смилостивился надо мной, свел наши пути, а это значит, что его милость на моей стороне.

– Ага, теперь тебе остается только до денег добраться, вернее, до стражников... – согласился Дорен.

Как видно, к этому времени наш собеседник решил, что разговор слишком затянулся, и появился удобный момент для побега, а потому кинулся бежать, но Винсент был настороже. Один удар ребром ладони по шее – и родственник Ярли уже лежит на земле, вновь пытаясь перевести дыхание.

– Куда ж ты рванул-то, родимый... – усмехнулся Дорен. – Мы так хорошо беседовали, что душа радовалась...

– Отпустите меня... – прохрипел мужчина. – Я никому ничего о

вас не скажу...

А вот насчет этого у меня есть большие сомнения. Ясно, что этого человека ни в коем случае нельзя отпускать. Даже если он поклянется всеми святыми, что не скажет никому ни слова о нас, все одно его слова ничего не стоят. Он не только расскажет о нас первому же стражнику, которого увидит, но и в подробностях опишет то, как мы сейчас выглядим, и во что одеты. Вообще-то наши приметы к этому времени и без того должны быть у всех стражей порядка, но лишнее дополнение им не помешает...

– Не скажешь, значит... – протянул Винсент, и я его понимаю. Если бы наш разговор проходил неподалеку от порта, то можно было бы со спокойной душой пристроить родственничка Ярли на одно из отходящих суденышек – ему там быстро прочистят мозги, а заодно и работать заставят, хотя, судя по всему, сделать это будет непросто. К сожалению, порт находится достаточно далеко от того места, где мы сейчас находимся, и тащить этого человека туда через весь город нет никакой возможности. Что же делать? Конечно, на крайний случай возможны гм... самые нежелательные действия, чтоб родственник Ярли замолчал раз и навсегда, но об этом пока что даже думать не хотелось. Все же хочется обойтись, как говорится, малой кровью, без пролития настоящей.

Тем временем Ярли присела возле мужчины, который все еще лежал на земле – похоже, ей хотелось сказать родственнику несколько слов.

– Фулах, ты помнишь, как швырнул на пол мою девочку, когда она плакала? Просто удивительно, что она себе голову не проломила!

– Да не плакала эта сопля, а орала, как недорезанная!.. – огрызнулся тот. Судя по всему, он все еще не воспринимал Ярли всерьез – как видно, все еще думал о ней, как о забитой родственнице, с которой можно не считаться. – Надоела! Сколько можно было говорить, чтоб ты ее утихомирила? Да у всех нас головы болели от воплей этой девчонки, а ты ее заткнуть никак не могла!

– Ты в тот день ей ручку сломал... Помнишь, как она кричала?

– Скажите, какая беда! Ну, сломал, так что? Твоя девка все время орала. Этому отродью надо было головенку сразу же после рождения свернуть, только ты свою доченьку из рук не выпускала, сюсюкала не переставая... – скривился дорогой родственник. – Да еще и от работы

постоянно отвлекалась, лишь бы свою мелкую дрянь на руках лишний раз поддержать... Хорошо еще, что моя мать догадалась, как можно избавиться от этой нагулянной девчонки – подсыпала ей кое-что в маковый отвар.

– Так она отравила ее специально?.. – я заметила, как Ярли сжала кулаки.

– Мамаша так и думала, что до тебя это не дойдет... – ухмыльнулся тот. – Глупая ты женщина! Хотя все бабы такие...

Хотя Ярли внешне оставалась спокойной, я понимала, что в ее душе сейчас поднялась самая настоящая буря, вновь захлестнули воспоминания о погибшей дочери. Однако когда девушка вновь заговорила, ее голос был по-прежнему ровным.

– Фулах, судя по тому, как ты себя ведешь и разговариваешь, могу предположить, что ты уже давно обходишься без своего любимого зелья. Да и вид у тебя плохой...

– А с чего ему хорошим быть?.. – едва не зашипел мужчина. – И все по твоей вине! На какие деньги мне сейчас дурь взять? Ты же сама у нас все утащила, всех обобрала, тварь такая! Видишь же – плохо мне! Подкинь монет хотя бы на пару трубок – денег наворовала кучу, а для родни и монетку жалеешь?! Лучше б ты и верно, тогда сдохла!

– Так говоришь, не курил давно... – задумчиво протянула девушка.

– А то ты не видишь?! Деньги верни, змея!

Не отвечая, Ярли поднялась, и что-то негромко сказала Винсенту. Тот призадумался на мгновение, а затем кивнул головой – мол, не возражаю. Так, кажется, они знают, как поступить с этим человеком.

– Слышь, а если мы заплатим тебе эти двадцать золотых, ты будешь молчать?.. – теперь уже Винсент присел возле мужчины, который к этому времени уже сидел, а не лежал на земле.

– Конечно!!

– Значит, договорились. А еще у нас к тебе есть дело...

– Какое еще дело?

– Ну, для начала сходим с тобой в курильню. Там, за трубочкой, этот вопрос и обсудим.

– Я никого грабить не буду! И убивать не стану!

– Тебя об этом никто и не просит. И потом, дела бывают разные – есть такие, что закон не нарушают.

– Не знаю... – в голосе Фулаха было слышно сомнение. – Если не врешь, то я, конечно, согласен... Только с чего вдруг такая щедрость?

– Конечно, можно тебе и кровь пустить, но разумные люди всегда могут договориться между собой. Вот я и предлагаю: мы тебе – деньги, а ты о нашей встрече забываешь раз и навсегда. Если же обманешь, тогда и разговор будет совсем другой.

– Хм... – мужчина явно сбит с толку. – Вообще-то... А ближайшая курильня совсем близко, только там в долг не дают...

– А мы заплатим, и можем расщедриться даже не за одну трубку. Я, если честно, не отношусь к любителям этого дерьма, но наш приятель на этом деле сидит довольно крепко... – Винсент кивнул в сторону Дорена, который изо всех сил пытался делать вид, что не имеет ничего против таких слов о себе. – Вот с ним и потолкуете о жизни, и о цене твоего молчания – иногда, знаешь ли, лучше заплатить, и разойтись подобра-поздорову. Ты, конечно, можешь удрать от нас по дороге и броситься к первому же стражнику, но учти, что если даже нас поймают, то обещанную награду тебе придется делить со стражами порядка. Вернее, ты получишь всего пару монет, а остальное заберут себе доблестные защитники закона, которые будут нас задерживать. Если будешь возмущаться – отберут и те несколько монет, что тебе дали, и скажи спасибо, если после всего сам не окажешься за решеткой. Или ты в этом сомневаешься?

– Да так оно, пожалуй, и будет... – подсадовал тот. Как видно, родственник Ярли не питал особых иллюзий относительно честности здешней стражи.

– Тогда что мы все еще стоим на месте?

– Ну, пошли... – а сомнения в голосе Фулаха никуда не исчезли.
– Но если вы хотите меня обмануть...

– Главное – ты нас не обмани.

Не знаю, то задумал Винсент, но он явно не собирается

отправлять на тот свет этого человека. Неизвестно, что ему сказала Ярли, однако хочется надеяться, что каким-то образом мы сумеем избавиться от ее дорогого родственника.

Идти нам, и верно, пришлось совсем немного, и вскоре Фулах, Дорен и Ярли зашли в какой-то обшарпанный домишко весьма непрезентабельного вида, а мы с Винсентом остались ждать снаружи. Оно и понятно – в кое-какие места, вроде этой курильни, не принято ходить большими компаниями, обычно сюда заглядывают поодиночке. Надеюсь, у Ярли получится сделать задуманное. Ну, а нам оставалось только дожидаться возвращения наших спутников.

Далеко уходить от курильни мы не стали – мало ли какие случайности могут произойти внутри этой обшарпанной хибары, вполне может оказаться, что нашим спутникам понадобится помощь: опиумная курильня – это не то место, куда можно заходить без опаски. Нельзя исключать и того, что наши приметы уже известны и там. По-счастью, все было тихо, только вот время текло уж очень медленно, и пока мы ожидали возвращения Ярли и Дорена, Винсент рассказал мне о том, что было придумано для того, чтоб хотя бы какое-то время этот самый Фулах не мог никому рассказать о нас. Все проще некуда – от родственника Ярли требовалось всего-то выкурить трубочку с особым составом дурманящей смеси, после которой он крепко уснет, вернее, погрузится в долгий сон. Правда, у меня возникли определенные сомнения в том, что подобное возможно – ну, проспит он полдня, так что с того?, но, как сказал Винсент, Ярли обещала – ее дорогой родственник задержится в курильне куда дольше. Ну, хорошо, если так.

Прошло, наверное, не менее получаса, и я уже стала подумывать о том, не пойти ли в эту курильню и нам с Винсентом, но, по счастью, Дорен и Ярли наконец-то показались из дверей, а еще через пару минут наша четверка уже находилась довольно далеко от этого места. Как рассказал нам Дорен, когда они вошли в курильню, то увидели, что кроме них в большой комнате, лежа на потрепанных циновках, находится еще полтора десятка человек, глотающих дым из трубок или же просто лежащих в блаженном состоянии. Возможно, желание Фулаха позвать кого-то на помощь так никуда и не делось, но когда он услышал, что Ярли просит у хозяина курильни, который находился тут же, трубку с двойным «Пурпурным лотосом», то дорогой родственник сразу позабыл о своих первоначальных намерениях. Дальнейшее предугадать несложно: как только Футах

выкурил трубку, так сразу же провалился в глубокий сон, после чего наши спутники, оставив хозяину еще несколько золотых монет, благополучно ушли...

– Но ведь он же вскоре проснется!.. – вырвалось у меня.

– Вряд ли... – по губам девушки скользнула улыбка. – Прежде всего, «Пурпурный лотос» – это очень дорогостоящая курительная смесь, едва ли не одна из самых хм... убойных, как ее называли мои любимые родственнички. Насколько мне известно, однажды они пробовали этот самый «Пурпурный лотос», и с той поры только о нем и говорили, мечтая еще раз повторить для себя столь приятный момент – мол, ощущения сказочные, волшебство неопишное. Единственное, что их останавливало от покупки этой дряни – очень высокая цена: одна доза стоит золотую монету, и понятно, что позволить себе подобное могут немногие. Зато сейчас перед Фулахом «Пурпурный лотос» распускает все свои лепестки, после чего тот опускается в глубочайший сон, и проспит часов десять, не меньше, да и потом в себя будет приходить очень долго. Как мне говорили, из тех сонных грез, бывает, выходят весь последующий день – вернее, просто лежат, плавая по волнам сладких видений. Если принять во внимание, что я попросила дать дорогому родственнику двойную дозу «Пурпурного лотоса», то еще неизвестно, когда Фулах покинет курильню.

– Но все же...

– Я оставила владельцу курильни еще четыре золотые монеты – мол, когда наш друг придет в себя, то сделайте ему еще двойной «Пурпурный лотос», а остальное золото возьмите себе за труды.

– Не обманет?

– Нет. Курилен в нашем городе хватает, и их владельцы очень заботятся о своем... добром имени, если это можно так назвать.

– А стражники...

– Владельцы курилен стараются не иметь с ними дела, и причиной тому все та же забота о своем добром имени... – усмехнулась Ярли. – Частенько им несут ворованное, или же тащат последние семейные деньги. Если станет известно о том, что некий владелец курильни связывается со стражей (а такие новости разносятся очень быстро), то в его заведении будет пусто – в этом городе хватает и других курилен, хозяева которых держат язык за

зубами.

– Ты, похоже, хорошо разбираешься как в этих смесях, так и в тамошних нравах...

– Еще бы... – махнула рукой Ярли. – Это было главной темой разговоров в нашем доме с того времени, когда туда вселилось семейство тетки – что, где, как, сколько стоит и каким образом действует... Если честно, то я боялась, как бы семейка тетушки и меня не посадила на это дело, но обошлось, и причина подобного отношения из тех, что проще некуда – им самим было мало всей этой дряни, не делиться же еще и со мной! И потом, кто-то должен был работать, зарабатывать деньги на всю эту дурь, а от тех, кто сидит на этих смесях, толку немного.

– Владельца курильни не смутило то, что вы не желаете взять себе по трубочке?

– Думаю, он уже насмотрелся всякого, и понял, для чего мы пришли, однако до наших проблем ему нет никакого дела. Мы платим деньги – и это главное, а в чужие дела влезать не стоит, неизвестно, чем это может обернуться.

– Твой родственник не помрет от такого количества «Пурпурного лотоса»?.. – поинтересовалась я. – Мало ли что...

– Не думаю... – покачала головой Ярли, но судя по той улыбке, что вновь скользнула по ее губам, подобный итог не исключен. – Такие, как Фулах – они живучи. Он куда быстрее умрет от горя, когда, отойдя от дурмана, не найдет в своем кармане обещанных ему двадцати золотых. Но если даже случится такое прискорбное событие, что мой дорогой родственник предстанет перед Всевышним, то жалеть об этом человеке я не стану.

– Будем считать, что все обойдется... – Винсента интересовало другое. – Сколько времени у нас есть до того момента, когда этот человек придет в себя?

– Два дня. Возможно, немногим больше...

– Значит, у нас есть всего два дня... – сделал вывод Винсент. – Из этого и будем исходить. Для начала прикинем наше нынешнее невеселое положение. Корабль в нашу страну отходит через три дня, вернее, теперь уже через два, так что времени у нас в обрез. Еще надо принять во внимание, что нас наверняка ищут не только по городу, но

заглядывают во все гостиницы и постоялые дворы, а у нас почти все, что мы раздобыли, находится в «Золотом гусе»...

– Туда идти нельзя!.. – Дорен перебил брата.

– Все верно, но... К сожалению, у нас там остались почти все деньги, а ведь надо заплатить за места на корабле – одним авансом тут не обойдешься. В общем, придется рискнуть и пойти на тот постоялый двор.

– Это очень опасно...

– Для нас сейчас везде риск... – пожал плечами Дорен. – Увы, но с пустым карманом мы имеем все шансы остаться в этой стране навсегда, так что особого выбора, как сами понимаете, нет. Давайте договоримся так: мы с Лиз идем на постоялый двор за деньгами, а вы двое – на базар...

– Зачем?

– Для начала кое-что приобрести. Так сказать, начнем обрывать имуществом. Пока мы вас дожидались, у меня было время подумать о том, что нам следует делать дальше.

– И каков результат долгих раздумий?.. – поинтересовался Дорен.

– Ничего нового – придется в очередной раз ввязываться в неразумные поступки, но для нас это, похоже, норма. Сейчас я вам коротко скажу, что придумал, только сразу не отказывайтесь...

Через час мы с Винсентом подходили к «Золотому гусю». На первый взгляд все спокойно, но все же было решено зайти на постоялый двор через конюшню, тем более что сейчас там самая горячая пора – разгружался небольшой обоз, так что на нас никто не обратил внимания. Прошли конюшню, и по неширокой лестнице для прислуги поднялись на второй этаж, подошли к своей комнате, и Винсент, посмотрев на краешек двери, кивнул мне головой – мол, все в порядке, за время нашего отсутствия сюда никто не заходил. Как он об этом узнал? Просто когда мы уходили, Винсент зажал в створке дверей небольшую нитку, и если бы кто-то посторонний открывал дверь, то нитка упала бы на пол. Что ж, просто, но действенно.

Отперев дверь, мы не стали терять время – достали все припрятанные мешочки и положили их в холщовую сумку, которую приобрели по дороге. Еще раз огляделись, чтоб проверить, не

оставили ли чего... Все, можно уходить.

Однако это оказалось не так просто – кто-то снаружи попытался открыть дверь. Мы ее заперли сразу же, как только вошли в комнату, и эта предосторожность оказалась не лишней. Вряд ли это слуги – если им надо войти в комнату постояльцев, то они обычно спрашивают разрешения войти. Впрочем, уразумев, что дверь заперта, в нее стали стучать, только вот деликатным постукиванием это не назовешь – в дверь заколотили. Так, что делать? Если кто-то заявился по наши души, то нам, грешным, скрыться из этой комнаты нам невозможно – оконца здесь небольшие. Если даже мы в них протиснемся, то дотянуться до крыши вряд ли сумеем, а прыгать на землю с высоты второго этажа слишком опасно, тем более что у Винсента и без того все еще нога побаливает. Да и окна выходят на оживленную улицу, и наше падение (или прыжок) враз привлечет к себе всеобщее внимание, а совсем рядом отсюда, насколько мне помнится, расположен пост стражи...

Мы с Винсентом стояли у дверей, и все, что нам оставалось – прислушиваться к тому, что происходит снаружи. Вскоре стук в дверь прекратился, и до нас донеслись чьи-то голоса. Дверь была крепкая, и плотно подогнана к косяку, так что слышимость тут была далеко не самая лучшая, но, тем не менее, кое-что разобрать все же можно.

– Нет там никого... – раздался хриловатый мужской голос.

– А мне кажется, я слышал какие-то шорохи... – у второго человека, который находится за дверями, явно не хватает зубов – заметно шепелявит.

– Надо дверь открыть... – даже не сказал, а приказал первый мужчина.

– Так у меня же ключа нет... – а в голосе третьего человека звучит явный испуг. – На нашем постоялом дворе от каждой двери всего два ключа – один у постояльцев, а второй у хозяина. Я ж не могу у него ключ забрать! Да если он только узнает, что я вас сюда привел, он меня враз выгонит! У нас за порядком следят строго! Да вы хоть знаете, что будет, если постояльцы узнают, что к ним кто-то в комнату заходил? «Золотой гусь» тем и славится, что все, кто у нас останавливается, могут быть спокойны за свое добро, которое оставляют в номерах!

Понятно – судя по всему, эти двое расспросили слуг на постоялом дворе (без нескольких монет тут дело не обошлось), и один из них рассказал о нас – дескать, есть у нас похожие постояльцы. Теперь эти двое сами решили удостовериться, что мы – именно те, кого они ищут, а тот слуга, что рассказал о нас, и привел их к нужной комнате.

– Ладно, сам попытаюсь открыть... – в голосе хриповатого прозвучала насмешка.

– Если вас кто увидит?.. – теперь слуга всерьез струхнул.

– Тогда какую-нибудь отмазку придумаешь – зря, что ли, серебряную монету у нас взял! Вот и отрабатывай.

– Замок не ломайте... – едва ли не простонал слуга.

– Не бойсь...

– А это долго?

– Если ты заткнешься, то управлюсь быстро.

Несмотря на обещание, повозиться с замком все же пришлось немало, и за это время Винсент знаками показал мне, что надо делать, когда откроется дверь. Ладно, надеюсь, что у нас все получится...

Замок, наконец, поддался, дверь распахнулась, и в комнату вошли два человека. Ну, слово «вошли» тут не очень подходит, потому как они сюда, скорее, вбежали, но мы и сами ждали этого момента, стоя по обеим сторонам двери. Первое, что сделал Винсент – ударил ребром ладони по шее того человека, который оказался ближе к нему, а я, в свою очередь, врезала тяжелой сумкой по голове другому незваному гостю. Результат наших действий оказался не совсем такой, как нам бы того хотелось: если тот, кого ударил Винсент, мешком осел на пол, то голова второго мужчины оказалась очень крепкой, или же я ударила его недостаточно сильно. В результате он был всего лишь оглушен, и ему понадобилось пара мгновений, чтоб придти в себя, и повернуться ко мне. Однако этих же самых мгновений Винсенту вполне хватило для того, чтоб оказаться возле чуть оглушенного мужчины, и хорошенько ударить его сзади, отчего тот рухнул на пол. Одновременно с тем слуга, стоявший в коридоре и растерянно наблюдающий за происходящим, испуганно взвизгнул, и бросился наутек. Ловить мы его, конечно, не стали – не до того. Потом, когда все откроется, ему хозяин всыплет от души,

причем так, как нам и не снилось. Но это дело будущего, а сейчас, пока незваные гости лежат на полу, нам надо уходить отсюда, и чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Едва мы успели запереть дверь в комнату, как услышали, что кто-то поднимается по лестнице. Возможно, некто из слуг обратил внимание на крики, или же это был один из здешних постояльцев, но встречаться с кем-либо в наши планы не входило, и потому мы едва ли не бегом бросились все к той же двери, ведущую на лестницу для прислуги. Нам повезло – спускаясь вниз, мы опять никого не увидели, а потом нам вновь удалось пройти незамеченными через конюшню.

Мы перестали опасаться окрика за спиной только тогда, когда отошли на довольно-таки большое расстояние от «Золотого гуся». Дорен был прав, когда говорил о том, что нам не следует идти за деньгами, оставленными на постоялом дворе – это слишком опасно, но иначе поступить мы не могли. Кажется, нам опять повезло, но понятно, что отныне к этому постоялому двору никому из нашей четверки и близко подходить не стоит. Теперь нам во все глаза надо смотреть за тем, не следит ли кто за нами – вполне может оказаться так, что у «Золотого гуся» нас заметил кто-то глазастый... А еще хочется надеяться, что у Дорена и Лиз все в порядке...

По счастью, наши спутники ждали нас в условленном месте, и не одни – рядом с ними стоял ослик, на которого были навьючены седельные сумки. Глянь со стороны – семейная пара что-то куда-то собирается по своим делам... Да, в этих людях, хлопочущих вокруг своего ослика, вряд ли хоть кто-то опознает разыскиваемых преступников.

– Наконец-то!.. – если бы Дорен мог, то он бы бросился нас навстречу. – Я уже начал всерьез волноваться!

– Все обошлось... – отмахнулся Винсент.

– Обошлось, говоришь?.. – Дорен покачал головой. – Значит, были какие-то шероховатости?

– Вроде того, но об этом потом... – Винсент посмотрел на ослика. – У вас как все прошло?

– Слушай, на здешних базарах дерут три шкуры!.. – возмущение Дорена было неподдельным. – Ослик старенький, а просили за него, как за породистого рысака в полном расцвете сил! Если б Ярли цену

не сбивала, то не знаю, что бы я делал! Знаешь, Вин, мне, грешным делом, так и вспомнилась наша мама – она, когда ходила на рынок, тоже умудрялась цены сбивать, причем делала это так, что смотреть и слушать – одно удовольствие. Помнишь, она и нас пыталась этому учить, но, увы – подобным искусством я так и не овладел. Ты, впрочем, тоже.

– На наших базарах и положено торговаться... – даже удивилась Ярли. – Как же без этого? Первая цена всегда высокая, и ее положено постепенно уменьшать, продавец и покупатель должны договариваться между собой, а иначе никак! В вашей стране разве не так?

– Да как тебе сказать... – почесал в затылке Дорен. – Бывает по-разному... Ладно, перейдем от лирики к делу. Вин, сам видишь – мы все купили, как договаривались, и хотя сэкономили, как могли, но сейчас в наших карманах пусто.

– Не страшно, мы сейчас, как говорится, при деньгах... – тряхнул сумкой Винсент. – Ну, пошли, не стоит задерживаться, а не то еще вычислит нас какой-то цепкий глаз. В нашем нынешнем невеселом положении, чем быстрее мы отсюда уйдем, тем будет лучше.

– Ты не передумал? Как и договаривались, направляемся в «Отраду странников»?

– А то куда же еще! Лиз, как будем приближаться к постоялому двору, так сразу же пересаживайся на ослика, изображай умирающую, а ты, Ярли, иди рядом, поддерживая несчастную...

Итак, мы направляемся на постоялый двор под названием «Отрада странника», туда, где сейчас остановились туреги. На первый взгляд может показаться, что идти туда – сплошное безумие, но если вдуматься, то это не так. Прежде всего, когда на том постоялом дворе останавливаются туреги, то никто из стражников к нему и близко не подходит, а значит, сейчас для нас «Отрада странников» – едва ли не самое безопасное место в городе. Почему стражники более чем неприязненно относятся к тем пустынным людям? Скажем так – у них между собой имеется взаимная неприязнь, которую можно охарактеризовать как вынужденный худой мир, который все же лучше доброй ссоры. Стражники и туреги не любят друг друга – дело в том, что эти жители пустыни считают, что они и здесь должны жить по своим законам, которые частенько

противоречат здешним нормам поведения, да и особым человеколюбием туреги не страдают, при любом недовольстве готовы к кровопролитию, а управу на этих рогатых искать сложно.

Как нам сказала Ярли, туреги считают себя высшими существами, и потому вообще не любят людей, относятся к ним соответствующим образом. Дело в том, что мир турегов – это безжалостное солнце пустынь или же темнота подземных пещер, и потому человеческая цивилизация и скопления людей вызывает у турегов чувство острой неприязни. Впрочем, люди отвечают турегам тем же, а еще их пугает несколько необычная внешность жителей пустыни, и их необузданный нрав. Что же касается стражников, то их совсем не радует привычка жителей пустыни хвататься за нож при любых недоразумениях, даже самых мелких, а уж то, с какой легкостью туреги пускают в дело свои ножи, и вовсе вызывает к ним глухую вражду. Когда туреги приезжают в город, то даже те, кто промышляет несправедным трудом – даже они стараются держаться как можно дальше от «Отрады странников». Бывали уже прецеденты, которые закончились более чем печально, а потому существовало негласное правило: лучше не трогать рогатых чужаков, или же свести с ними общие дела к минимуму. Что ни говори, но у турегов было полно золота, которое они в немалых количествах оставляли в лавках и магазинах этого города – тут поневоле станешь вести себя почтительно с этими неприятными созданиями.

Вот потому-то, когда туреги приезжают в город, «Отрада странников», как правило, пустеет – никому не хочется иметь дело с этими людьми, для которых иногда самый обычный человеческий поступок может стать причиной немалой ярости. Вполне естественно, что и мы бы ни за что не отправились на этот постоянный двор, но чтоб добраться до колье, надо выяснить, где именно оно находится, а за пределами «Отрады странников» сделать это невозможно. Хотя немногие решаются останавливаться на постоя на постоялом дворе, когда там находятся туреги, но подобное все же случается, и мы решили стать одним из тех несчастных случаев.

Когда мы подошли «Отраде странников», то все те, кто находился на дворе (а там были два человека и три турега) уставились на нас, хотя ни чего интересного увидеть они не могли – мужчина ведет ослика, на котором, чуть наклонившись вперед, сидит женщина, еще одна поддерживает свою подругу, второй мужчина идет позади... Ничего особенного, обычная картина, только вот на

этот двор гости сейчас заходят нечасто.

– Вам чего надо?.. – без особого интереса поинтересовался один из мужчин.

– Нам бы хозяина... – робким голосом произнесла Ярли.

– Ну, я хозяин... – неохотно отозвался высокий человек с осунувшимся лицом.

– Можно у вас комнатку снять на денек-другой?.. – спросила Ярли.

– Почему же нельзя, все можно... – пожал плечами мужчина. – Только почему вы ко мне решили пойти?

В ответ Ярли, торопясь, пояснила, что мы, дескать, семья, идем к родственникам, но вот женщина заболела, совсем не может идти, даже с ослика сваливается. Боимся, как бы не померла. Вот и надо денек-другой отдохнуть, а потом пойдем дальше...

– Чем она больна? Заразно? Если так, то пошли отсюда... – хозяин грубо оборвал Ярли.

– Нет, господин, что вы!.. – всплеснула та руками. – Моя родственница ждет ребенка, но чувствует себя так плохо, что даже ходить не может! Ее тошнит, в обморок постоянно падает...

– В таких случаях дома сидеть надо, а отправляться невесть куда... – махнул рукой хозяин, теряя к нам интерес.

– Господин, мы все понимаем, но...

– А почему не остановились на других постоянных дворах?

– Мы как-то не подумали, что сюда нельзя...

– За комнату – одна серебряная монета в день... – хозяин не стал дослушивать, что ему скажут. – За еду плата отдельная, вина нет. И еще я не люблю, когда по моему постоялому двору блуждают без дела.

– Господин, мы все сделаем, как вы скажете! Нам всего-то остановиться на день-два...

– Тогда платите вперед две серебряные монеты.

– Конечно, господин!

Пока Ярли разговаривала, к нам подошли трое турегов, и безо

всякого стеснения стали рассматривать нас, так что и мы могли неплохо их разглядеть: удлинённые лица, очень смуглая кожа с неприятным серым оттенком, темные глаза с удлинённым зрачком... Бррр! А ещё они кажутся высокими из-за своих больших головных уборов, хотя в действительности каждый из них ростом даже ниже меня. Не знаю почему, но смотреть на этих людей неприятно – возможно, причиной тому высокомерно-неприязненное выражение их лиц...

Когда мы оказались в небольшой комнатке (причем Винсенту пришлось нести меня туда на руках – я же делала вид, что почти не могу ходить), то вслед за нами зашел и хозяин.

– Вот что я вам скажу... – без предисловий заговорил он. – Лучше бы вами сейчас уйти отсюда, но если ваша баба, и верно, идти не может...

– Не может... – подтвердила Ярли.

– Тогда, коли ты такая разговорчивая, а ваши мужики помалкивают, то запомни и передай остальным: поодиночке не ходите – в первую очередь это касается женщин, и лишний раз из комнаты не высовывайтесь – в комнаты они не заходят...

– Почтенный, вы имеете в виду турегов?

– А то кого ж ещё?.. – а здешний хозяин явно не в настроении. – Да, и не вздумайте взять хотя бы крошку их еды – враз на ножи поднимут. Через комнату он вас живет турег по имени Фаттах – он тут за старшего, так что будьте с ним поосторожней. У этих... людей свои законы, так что если жить хотите, то помалкивайте. Я вечером загляну, скажете, что вам надо, а сами особо не треплитесь – у этих слух хороший. Все поняли?

– Да...

Когда за хозяином закрылась дверь, Винсент повернулся к нам.

– Кто мне скажет, что это было?

– Кажется, здешний хозяин нас или расколол, или в чем-то подозревает... – высказал предположение Дорен, и я была с ним согласна. – Тем не менее, не могу отделаться от впечатления, что по отношению к нам настроен довольно лояльно.

– Не стоит обольщаться... – Дорен повернулся ко мне. – Лиз, ты,

как больная, располагайся на кровати, и иногда постанывай, а мы будем изображать обеспокоенных родственников. Ярли, там нашего ослика обещали в конюшню поставить – посмотри, его со двора увели, или он, бедный, все еще на солнце стоит?

– Увели... – Ярли выглянула в окно. – О, Всевышний, эти-то что тут делают?!

– Ты о ком говоришь?.. – Винсент подошел к окну.

– О моем бывшем женихе и несостоявшемся свекре! Зачем-то они сюда пожаловали... Надеюсь, не за нами...

Теперь мы все столпились у окошка – точно, это хозяин чайной со своим сыном. Топчутся во дворе, о чем-то спрашивают хозяина постоянного двора. Неужели нас кто-то выследил? Нет, вряд ли, Винсент несколько раз проверял, не идет ли кто за нами, но ничего подозрительного не заметил. Впрочем, исключать ничего нельзя...

Через несколько минут бывший свекор Ярли со своим сыном уже шли по коридору, вернее, мы слышали их шаги, только возле нашей двери эти люди останавливаться не стали, проследовали дальше. Они что, направляются к этому самому Фаттаху? Похоже на то... Не знаю насчет остальных, а я уже ничему не удивляюсь.

Стоя к двери, мы слышали, как кто-то постучал в дальнюю дверь, и гортанный голос произнес длинную фразу на незнакомом нам языке. Ох, ну и звуки – просто слух режут! Похоже, это говорит турег. Так, а вот теперь все тот же голос говорит на языке здешней страны – мол, уважаемый Фаттах проявит милость, и соизволит принять тех, кто к нему пришел, а потому ждите в комнате для гостей. Чуть позже заскрипела соседняя дверь – судя по всему, там и находилась эта самая комната.

Потянулись минуты ожидания, и мы молча сидели, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за стены, по пока что там было тихо. Наконец один из гостей не выдержал:

– Ну, долго нам еще ждать?.. – кажется, это говорит бывший жених Ярли.

– Помолчи... – негромко оборвал его отец. – Сколько понадобится, столько и будем дожидаться. Сам должен понимать, не такое у нас положение, чтоб свое недовольство показывать, и без того не знаю, как выкручиваться станем. Ведь если не договоримся, то

всей нашей семье по миру идти придется, и это в лучшем случае. Сам знаешь, какие нравы у турегов.

– Даже думать об этом страшно...

Прошло еще немного времени, как вновь заскрипела открывающаяся дверь, а затем раздался голос бывшего свекра Ярли:

– Я счастлив видеть вас, бесконечно уважаемый Фаттах! Поверьте, что тот день, когда мы видимся, наполнен для меня радостью и удачей!

Ого, а хозяин чайной только что соловьем не заливается! Голос-то какой почтительный, и даже заискивающий! Кажется, если б он мог, то завил бы хвостом перед рогатым посетителем постоянного двора. Интересно, какие могут быть дела у бывшего свекра Ярли с этим самым Фаттахом?

– Надеюсь, вы пришли ко мне по важному делу, а не просто так... – фу, какой мерзкий голос у этого жителя пустыни – говорит, как лает! Хотя не стоит обижать собак – их слушать куда приятней. – Принесли то, что обещали?

– Многоуважаемый Фаттах, мы пока что не можем это сделать! Если помните, мы вам уже говорили...

– Меня не интересуют ваши разговоры... – Фаттах резко оборвал хозяина чайной. – Мне нужен тот камень, о покупке которого мы с вами договаривались. Вы сказали, что раздобудете его для меня, я вам дал деньги, и теперь хочу видеть то, за что заплатил.

– Я же вам уже говорил – нас обокрали, и унесли все!

– Тогда найдите вора.

– Ищем, но пока не можем найти.

– Я не понимаю – какое мне дело до всего этого? В любом случае вы отдадите мне или камень, или деньги, и сделать это надо в самое ближайшее время. Скоро мы возвращаемся к себе домой, так что...

– Многоуважаемый Фаттах, но у нас украли почти все!

– И что с того?

– Нам нечего отдавать.

– Я не понимаю, почему вы говорите мне все это.

– Но мы с вами уже давно знаем друг друга, и я надеялся...

– Как раз поэтому я проявляю к вам великую милость – разрешаю всего лишь вернуть то золото, которое я вам дал на покупку камня. Конечно, я предпочел бы иметь сам камень, но вы можете постараться отыскать его к нашему следующему приезду в этот город.

– Мы не можем это сделать! У меня нет денег!

– Мне до этого нет дела, я всего лишь хочу получить то, за что заплатил. Я думал, вы позвали меня по важному делу, но слышу пустые речи... – голос Фаттах стал еще более неприятным. – Когда придете в следующий раз, то несите или камень, или деньги, а если попробуете снова говорить мне то, что я сейчас услышал – тогда пеняйте на себя. Все.

Вновь заскрипела дверь – кажется, Фаттах ушел к себе, оставив своих гостей в состоянии полной растерянности – недаром они не хотят уходить, на что-то еще надеются.

– И без того было ясно, чем закончится этот разговор... – снова подал голос бывший жених Ярли. – Напрасно надеялись... Что будем делать?

– Искать эту дрянь Ярли, и ее дружков, другого выхода нет... – процедил папаша. – Найду – своими руками ее придушу. Вот уж никак не ожидал, что она на такое способна! А ведь такой тихоней казалась! Верно говорят – внешность обманчива.

– Я уже ходил к ее родным...

– Это бесполезно!.. – скрипнул зубами тот. – Или думаешь, что она все еще по тебе вздыхает, стоит тебе пальцем поманить, и она побежит? Нет, такого нам уже не дождаться. Эта тварь мстит, и уговорами тут ничего не добьешься. Здесь другие методы нужны.

– Какие?

– Придется кое-кому заплатить из последних денег, хотя скоро самим впору будет милостыню просить.

– Ну не все так плохо!

– Понимал бы что...

– А зачем турегам так нужен этот изумруд?

– Не знаю, и знать не хочу, да и тебе советую этим голову не забивать. Ох, надо было бы его отдать турегам раньше, как только я его раздобыл, но тянул, все ожидал, что Фаттах еще золота подкинет... Вот и дождался. Если мы не вернем этот проклятый камень, или же не соберем деньги, то... О последствиях даже говорить не хочется.

– Ох, как же мне хочется разложить костры возле этого постоянного двора, и набросать туда сосновой смолы!.. – зло произнес молодой человек. – Последних денег на это бы не пожалел! Представляешь, что б тут творилось!..

– Замолчи!.. – испуганно зашипел хозяин чайной. – Вдруг кто услышит – представляешь, что тогда будет?! Жалею, что в свое время тебе об этом рассказал!.. Все, пошли отсюда, больше нам тут делать нечего...

Через минуту, глядя в окошко на то, как уходят бывшие родственники Ярли, Дорен произнес:

– Интересно, тот камень, о котором шла речь – это не тот изумруд в старом браслете, который так понравился Лиз? Других больших изумрудов вроде больше не было...

– Меня куда больше интересует другое... – Винсент присел на скособоченную лавку. – Во-первых, хорошо бы узнать, что имел в виду это парень, когда говорил о сосновой смоле...

– А второе?

– Зачем хозяин «Отрады странников» поселил нас в этом месте – он же понимал, что мы будем слышать многие разговоры здешних обитателей. Вполне мог отправить нас в другую комнату, поспокойней, и подальше от турегов, а вместо этого он сунул нас едва ли не под нос Фаттаху. Готов прозакладывать свою голову – здешний хозяин нас узнал, только не знаю, что ему от нас надо. Думаю, он к нам сегодня еще не раз подойдет...

– Что, уходить придется?

– Подождем, да и не затем мы сюда пришли. Наша цель – вернуть Лиз ее колье, хотя, если честно, я пока не знаю, как это сделать. Со стороны все казалось куда проще...

– Мне тоже... – вздохнул Дорен.

А уж про себя я и не говорю...

Глава 13

Мы с Винсентом ждали возвращения Ярли и Дорена, которые уже несколько часов назад покинули «Отраду странников». Надо сказать, что ушли они не просто так: в нашу комнату с утра пораньше заглянул хозяин постоялого двора, и посоветовал сходить в город – мол, в любой из здешних аптекарских лавочек сможете купить лекарство для вашей больной, то есть для меня. Ну, а чтоб мы поняли, что это не обычная дежурная любезность, хозяин негромко произнес «Поговорить надо, жду вас в храме. Да, и промеж собой болтайте потише – тут кое у кого слух очень хороший...», после чего ушел. Не скажу, чтоб мы все находились в великом удивлении от услышанного – к тому времени нам стало понятно, что у этого человека относительно нас имеются свои планы, только вот хотелось бы знать, какие именно. Разумеется, первым делом появилось предположение о том, не желает ли хозяин отдать нас в руки стражников, и для удобства разбивает наш небольшой отряд надвое, но, подумав немного, от этой мысли отказались. Почему? Ну, прежде всего, для этого человека было бы куда проще позвать сюда стражников – какие бы у здешних стражей порядка не были неприязненные отношения с турегами, но к преступникам везде относятся крайне недоброжелательно, так что при нашем аресте вряд ли бы возникли серьезные проблемы. Повязали б нас безо всяких сложностей, а туреги, вдобавок ко всему, еще и помогли бы служителям порядка.

Поразмышляв какое-то время над предложением хозяина постоялого двора, мы решили согласиться – риск, конечно, имеется, и немалый, но и оставлять без внимания слова этого человека тоже не стоило. Кто знает – а вдруг он нам поможет? Потому-то мы и сошлись на том, что все же стоит пойти на встречу. Надеюсь, что Ярли и Дорен не очень задержатся, потому как мне пока что из комнаты выходить нельзя – все еще изображаю больную и немощную. Правда, я не поняла, о каком храме говорил здешний хозяин, но Ярли, которая хорошо знает город, сказала, что в этом месте есть только один храм, и он находится неподалеку отсюда, так что понятно, где назначена встреча.

Глядя в окно, мы видели, как хозяин постоялого двора вышел за

ворота, и куда-то направился. Турег в серо-зеленом головном уборе, стоящий во дворе, даже не повернул голову вслед уходящему мужчине – похоже, владелец этого заведения каждый день уходит со двора в одно и то же время, так что ничего необычного тут нет. Зато спустя четверть часа, когда к воротам направились Ярли и Дорен, турег шагнул им навстречу и что-то им сказал. До меня и Винсента, стоящих неподалеку от окна, донесся резкий, лающий голос жителя пустыни, правда, отсюда было не разобрать, какой вопрос он задает нашим спутникам. Как видно, ответ его устроил, потому как турег больше ничего спрашивать не стал, лишь проводил уходящих долгим взглядом, а затем устремил взгляд в наше окно. По счастью, мы стояли не у самого окна, а в паре шагов от него, так что турег нас не заметил. Нам только и оставалось, как дожидаться возвращения Ярли и Дорена, а еще переговариваться шепотом.

Когда вчера мы оказались в «Отраде странников», то столкнулись с весьма неприятной действительностью – оказывается, на здешнем постоялом дворе, за пределами этой комнаты, невозможно сделать хоть что-то, не привлекая к себе внимания. У турегов острый слух, и они прекрасно видят не только днем, но и ночью. Это вполне объяснимо – если большую часть жизни проводишь среди песков и подземных галерей (а в тех местах, как говорят, обитают весьма опасные твари), то слух и зрение поневоле станут острыми. Да и с дисциплиной, по словам Винсента, у этих рогатых дела обстояли так, что можно только завидовать – постоянное дежурство днем и ночью как вокруг постоялого двора, так и внутри, на этажах. Вдобавок ко всему в ночное время на дворе постоянно горели костры. Стоило нам только открыть окно (неважно, днем, или ночью) как внизу появлялся один из турегов, который молча смотрел на нас, и потому окно приходилось закрывать почти сразу же. Понятно, что первоначальный план Винсента – ночью пробраться на крышу, и через окно забраться в комнату Фаттаха – увы, этот план никуда не годился, потому как мы постоянно находились под наблюдением турегов. Да и когда Ярли с Дореном ночью на минуту вышли в коридор, то увидели, как у лестницы маячит чья-то тень, и тут не было сомнений, что это один из многочисленных караульных. Н-да, тут все присмотром, причем постоянным, и нет никакой возможности укрыться от всевидящего взгляда жителей пустыни. Более того: нам следует вести себя очень спокойно, стараясь не вызывать никаких подозрений своим поведением, потому как эти люди жестоки, при малейших признаках

опасности без раздумий пускают в ход ножи, которых у каждого из турегов при себе имеется не менее десятка, да и пользуются ими рогатые просто виртуозно.

Вообще-то турегов можно понять: они из своей пустыни везут сюда столько золота, что при одной только мысли об этих туго набитых мешочках у одних замирает сердце, а у других, наоборот, оно начинает усиленно биться. Ярли говорила нам, что туреги приезжают в город как раз для того, чтоб закупить себе необходимые товары, причем в виде платежного средства они признают только золото или же (на крайний случай) серебро, презирая мелкие медные деньги. Здешнее население старается держаться подальше от турегов, потому как неизвестно, что от них можно ожидать – бывает, их выводит из себя такая мелочь, на которую никто из здешних жителей не обращает никакого внимания, а вот жители пустынь сразу же хватаются за ножи. По слухам, эти рогатые люди не ходят по лавкам, а закупаются на складах, и после того, как туреги сочтут, что приобретено все необходимое, их тяжело груженный караван вновь уходит в те далекие жаркие места, где и обитают эти странные создания. Конечно, среди здешнего населения всегда находятся любители риска, желающие наложить свою руку на золото турегов, только вот ничем хорошим эти стремления не закончились. Если верить слухам, в том случае, если пойманных воров туреги не убивают на месте, то они увозят их с собой как пленников, и никто не знает, что происходит с этими людьми дальше, во всяком случае, ни один из этих бедолаг так и не вернулся домой.

Если обобщить все происходящее, то можно сказать так – наши дела обстоят куда хуже, чем можно было предположить. Если честно, то у меня нет ни малейших предположений, как можно забрать мое сапфировое кольцо. Неужели придется уйти отсюда с пустыми руками? А ведь похоже на то... От осознания этого становилось горько на душе – к сожалению, нам до этой драгоценности, кажется, не добраться. Может, предложить изумруд в обмен на кольцо? Боюсь, такой обмен сочтут неравнозначным, и к тому же неизвестно, как туреги отнесутся к подобному предложению – изумруд могут и просто отнять, без всяких обменов и разговоров. Вернее, так наверняка и сделают...

Конечно, кое-что мы придумали, но тут еще неизвестно – получится задуманное, или нет. Кто его знает, чем в итоге все может закончиться...

Сейчас же мы с Винсентом сидим, ждем возвращения наших спутников, и время тянется невыносимо долго. Даже разговаривать особо нет возможности – так, шушукаемся между собой, едва ли не на ухо друг другу, только вот ничего толкового предположить не можем.

– Ой, ну что их так долго нет!.. – наконец не выдержала я. – А вдруг с ними что-то произошло?

– Терпи... – посоветовал Винсент, который уже добрый час стоял у окошка. – Сам не знаю, на что думать, всякая дурь в голову лезет... Так, вроде здешний хозяин к воротам подходит!

– А Ярли и Дорен с ним?

– Нет, он один... Надеюсь, этот человек заглянет к нам хотя бы ненадолго, а то я уже начинаю волноваться...

Нам пришлось ждать едва ли не четверть часа, когда, наконец, хозяин постоялого двора постучал в дверь нашей комнаты с вопросом, не надо ли нам чего. Затем он открыл дверь, заглянул на несколько секунд, и чуть слышно посоветовал подождать – мол, ваши скоро придут, вместе нам возвращаться не стоило, турег очень подозрительны... Ладно, ничего не поделаешь, подождем еще.

Дорен и Ярли вернулись через полчаса, и не с пустыми руками – несли с собой сумки, в которых были лепешки и еще какая-то еда. Это хорошо, а не то в тех седельных сумках, которые мы в свое время навьючили на ослика, и сейчас принесли сюда – в них, кроме мешочков с деньгами и драгоценностями, находились только сушеные фрукты и запас воды. Турег, который увидел возвращающихся людей, подошел к ним, и только что свой нос не сунул в сумки, проверяя, что принесли постояльцы. Как видно, содержимое сумок рогатого не особо заинтересовало, и он отступил в сторону – мол, идите, не задерживаю... Н-да, вот еще одно подтверждение того, отчего на этом постоялом дворе, кроме нас, нет иных постояльцев из числа обычных людей.

– Чем это вы так заинтересовали турега?.. – поинтересовался Винсент, когда Ярли и Дорен вошли в комнату. – Он вас останавливал и тогда, когда вы только уходили, и когда возвращались...

– Вначале интересовался, куда мы направляемся... – Ярли поставила сумку на дощатый стол. – Я ответила, что мы идем в лавку

лекаря – для заболевшей женщины надо лекарство купить, потому как легче ей никак не становится. Когда возвращались, он и спрашивать нас ни о чем не стал – просто пожелал посмотреть, что мы принесли...

– Так вы купили мне... лекарство?... – поинтересовалась я.

– Конечно же, госпожа... – улыбнулась Ярли. – Надеюсь, поможет.

– Вас так долго не было...

– За этим... лекарством нам пришлось зайти не в одну аптекарскую лавку... – добавил Дорен. – Только в третьей по счету отыскалось то, что нам нужно, и то, можно сказать, случайно – кто-то свой заказ не забрал, вот нам его и продали. Повезло. Я даже не думал, что в здешних местах самая обычная живица – такая большая редкость! Цена, естественно, была соответствующей.

Что такое живица? Иногда хвойные деревья плачут – трещина на стволе, сломанная ветка, рана от топора или ножа... Тогда-то дерево выделяет для своего лечения капли прозрачной, или же чуть мутноватой вязкой жидкости с чуть одуряющим запахом – это и есть живица, смолистый сок дерева, который заживляет раны, нанесенные дереву. А еще живица на воздухе твердеет и приобретает белесый цвет... В здешних краях хвойных деревьев отродясь не росло, так что тут живица – настоящая экзотика.

Для чего нам нужна эта застывшая смола? А разве не ясно? Помнится, бывший жених Ярли проговорился, что ему хотелось бы отомстить этим пустынным людям – набросать сосновой смолы в костры, которые они жгут по ночам вокруг постоянного двора. Правда, что произойдет после этого – мы не знаем, но если судить по тому, как быстро хозяин чайной оборвал своего сына после этих слов, то можно предположить, что воображаемая угроза бывшего жениха Ярли имеет под собой какие-то основания.

– За живицу дорого заплатили?

– Об этом лучше не говори!.. – махнул рукой Дорен. – Поверь – с нас мало не запросили, и уменьшить цену почти не удалось, тем более что аптекарь утверждал, что кроме как у него, живицу более мы ни у кого не отыщем, во всяком случае, в этом городе ее точно нет ни у кого! Знаешь, в этом утверждении я склонен ему верить.

– Хорошо, что сумели раздобыть эту смолу... – улыбнулась я. – Хотя могу только представить, сколько золота с вас содрал аптекарь!

– Не стоит о печальном... – хмыкнул Дорен. – Нам для тебя ничего не жалко!

– Это радует...

– Беда в том, что здесь не только сосновая живица, но и кедровая – увы, аптекарь продавал все вместе. Мы, естественно, спорить не стали.

– Правильно сделали – мы сейчас не в том положении, чтоб воротить нос.

Чуть позже, собравшись в кружок, Ярли и Дорен шепотом рассказали нам о встрече с хозяином постоянного двора. Как Ярли и предполагала, он ждал их в храме, который посещал каждое утро. Что ж, теперь мне стало понятно, отчего турег не обратил никакого внимания на то, что хозяин «Отрады странников» отправился со двора с утра пораньше – а чего смотреть лишний раз, если всем известно, что этот человек каждый день в одно и то же время посещает храм! Если я правильно поняла, то насчет здешнего хозяина у турегов не было никакой опаски. Похоже, зря.

Расположившись у самой стены храма, так, чтоб их видело как можно меньше людей, хозяин едва ли не сразу же сообщил Ярли и Дорену, для чего он их сюда позвал. Как этот человек рассказал нашим спутникам, он почти сразу же опознал нас – хотя стражники старались лишний раз не подходить к «Отраде странников», когда там останавливались туреги, но земля все же слухами полнится, да и знакомые в храме о многом поведали. Вот потому-то сейчас очень многим известно о том, кого именно ищут по всему городу, и как выглядят эти люди, так что владелец постоянного двора был в курсе всех последних городских новостей. Кроме того, этот человек рассказал и о том, что несколько лет назад он как-то имел дело с отцом Ярли, и даже вспомнил, как тогда выглядела дочь вышивальщика – по его словам, девушка сейчас, конечно, изменилась, но, тем не менее, узнать ее можно без особых сложностей. Более того – хозяину постоянного двора было известно, что за беда приключилась потом с семьей этого мастера – да, на свою память и наблюдательность этому человеку грех жаловаться. Проще говоря, он почти сразу узнал Ярли, да и приметы тех людей, кто ее

сейчас окружал, вполне соответствовали тому, о чем говорили стражники – дескать, в нашем городе объявились беглые рабы, воры и разбойники, которых надо опасаться, а увидев этих душегубов, надо сразу же бежать к стражникам.

Казалось бы, нашей свободе должен придти конец, но владелец «Отрады странников», опознав нас едва ли не сразу, вовсе не торопился лететь сломя голову к стражам порядка, и получать обещанную награду. Почему? Ну, тут отдельный разговор.

Оказывается, еще пять лет назад «Отрада странников» была довольно-таки доходным местом, и пользовалась хорошей репутацией – дескать, цены умеренные, неплохое обслуживание, да и на кухню никто не жаловался. Место бойкое, постояльцев хватало, особых проблем у хозяина не было – как говорится, живи и радуйся.

К сожалению, все было хорошо, пока в «Отраде странников» не стали останавливаться туреги. До этого времени рогатые люди во время своих приездов в город всегда располагались в «Шелковом ветре» – имеется тут такой постоялый двор, и вдруг туреги решили сменить место, где отныне собираются останавливаться! Если принять во внимание, что жителей пустыни разом заявлялось аж несколько десятков человек, и они приводили с собой верблюдов, то становится понятным, что места новым постояльцам требовалось немало. По-сути, они занимали почти весь постоялый двор, и не скрывали своего недовольства, если в гостинице находились иные постояльцы. Вдобавок ко всему, во время своего пребывания в городе гости жили только по законам и обычаям той местности, где они обитают, и эти законы частенько шли вразрез с общепринятыми правилами, что, естественно, отнюдь не добавляло комфорта и спокойствия тем людям, которые все же решались остановиться на этом постоялом дворе.

Именно с того времени, когда туреги «осчастливили» «Отраду странников» своим появлением, дела на постоялом дворе становились все хуже и хуже. Жители города и окрестностей вполне обоснованно опасались турегов, и потому старались избегать тех мест, где можно столкнуться с рогатыми обитателями пустынь. Даже слуги, которые до того годами работали на этом постоялом дворе – даже они покинули «Отраду странников», а нескольким слугам, что рискнули остаться, владелец поневоле вынужден был платить тройную цену – это было что-то вроде вынужденной награды за риск.

Снижать высокую оплату оставшимся работникам было нельзя, иначе ушли бы и эти немногие, а новую службу найти невозможно – не находилось желающих устраиваться на работу в столь опасное место. Все знали, что разгневанные туреги обычно не тратят времени на разговоры, а сразу пускают в ход ножи – может, в итоге и не убьют, но кровь пустят.

Более того: даже когда туреги покидали постоянный двор, то посетители большей частью все одно обходили стороной «Отраду странников» – уж слишком плохие разговоры ходили об этих обитателях пустынь, одно лишь посещение которых накладывало негативный оттенок на то место, где они жили. Об этих рогатых людях говорили много чего, причем далеко не самое лучшее – сразу всего и не упомнишь, но едва ли самым скверным в рассказах о турегах было то, что у этих жителей пустыни будто бы дурной глаз, и они знают с нечистой силой.

На мой взгляд, немалую роль во всех этих страшилках сыграли рога, украшающие головы жителей песков. Мол, каждый и без того знает, у кого из двуногих имеются рога, так что если хотите сохранить душу в целости, то от некоторых созданий Темных Небес лучше держаться подальше. Дескать, даже то место, где останавливались эти рогатые люди, после их отъезда лучше лишний раз освятить, а не то мало ли что... Впрочем, привычки и характер турегов только подтверждали самые плохие разговоры о них, и потому обычные люди постепенно стали держаться подальше от «Отрады странников», тем более что постоянных дворов в округе хватало.

Разумеется, все можно было бы исправить, если б эти жители пустынь решили в свои последующие приезды останавливаться на ином постоялом дворе, но рассчитывать на подобное счастье хозяину «Отрады странников» не стоило. Дело в том, что турегов можно назвать рабами своих привычек, а еще они очень не любят хоть каких-то изменений в жизни, и крайне неприязненно относятся к тому, что выходит из привычного ритма жизни. Проще говоря, если эти рогатые люди привыкли останавливаться в «Отраде странников», то без достаточно серьезной на то причины менять этот постоянный двор на другой, пусть даже и лучший, они не станут.

К нынешнему времени рогатые жители пустынь останавливались в «Отраде странников» уже несколько лет подряд, и сейчас хозяин

этого заведения был на грани разорения, вернее, за этой горестной гранью. Говоря проще, он был практически разорен. Даже в то время, когда турегов не было в городе – даже тогда обычные люди очень неохотно посещали данный постоялый двор, и хотя владелец заметно скидывал цены, все одно в «Отраде странников» останавливались, как правило, лишь немногие из тех бедняков, у которых не хватало денег на ночевку в иных местах.

Что же касается турегов, то хотя они и привозили с собой в город кучи золота, но, тем не менее, их характеру присуща редкая скупость, и потому туреги платили за свое пребывание здесь совсем немного, сущую мелочь, даже наполовину не покрывающую расходов на свое содержание. Как видно, жители пустыни считали, что и этого вполне достаточно, хотя на некоторые из своих покупок рогатые люди денег не жалели, и, случалось, что на понравившуюся вещь туреги тратили золото, не считая. Однажды хозяин постоялого двора все же набрался храбрости, и попытался, было, поговорить с турегами об увеличении оплаты за проживание – дескать, те деньги, что вы платите за постой, не покрывают даже части расходов, которые я вынужден платить на ваше пребывание здесь!, только вот ничем хорошим этот короткий разговор не закончился. Как сказал владелец «Отрады странников» – стоит радоваться хотя бы тому, что после этой короткой беседы я остался живым. Похоже, эти жители пустынь считали, будто они оказывают людям честь одним своим присутствием, а требование денег за проживание – едва ли не оскорблением.

Дело осложнялось еще и тем, что немыслимо было даже подумать о том, как бы выставить со своего постоялого двора турегов, или же отказать им в крыше над головой – подобную обиду люди далеких пустынь никогда бы не простили, а их месть бывает страшна. Самое плохое в том, что в этом случае под отмищение попадет не только владелец постоялого двора, но и вся его родня – когда-то уже случалось нечто подобное...

Несчастный хозяин «Отрады странников» даже пытался обращаться к властям – мол, помогите мне хоть немного, я ж скоро совсем разорюсь! Похоже, туреги считают едва ли не обязанностью людей содержать за свой счет жителей пустыни, когда они заявляются в город! Вы же видите, что творится – мне даже налоги платить не на что, и все по вине этих рогатых! Сделайте хоть что-нибудь, потому как если я прогорю, то вскоре жаловаться на этих козломордых вам станет кто-либо из других владельцев постоялых

дворов, тот, у кого они поселятся после меня... Может, проблему надо решать сейчас, и выделить этим рогатым определенное место, где они и будут постоянно останавливаться, но не за мои деньги, а за счет городской управы?.. Однако власти, как и следовало ожидать, лишь разводили руками – все понимаем, только помочь вам ничем не можем! Туреги, конечно, народ своеобразный, но необходимый, тем более что золота от них в казну поступает немало, да и те пустынные места находятся под их постоянным приглядом, а это дело государственное. Так что нравится вам это, или нет, но злить этих обитателей пустыни не стоит, обижать их тоже не рекомендуется, а потому справляйтесь со своими сложностями сами...

Бедняга уже не раз пытался продать свой постоялый двор, причем даже в убыток себе, лишь бы получить в итоге хоть что-то, только все его попытки ничем не закончились – покупателей так и не нашлось. Впрочем, если бы даже владелец стал отдавать даром «Отраду странников», все одно не отыскались бы желающие взять его себе – каждый знал, что пока туреги будут останавливаться на этом постоялом дворе, ни на какую прибыль рассчитывать не стоит, зато убытки станут постоянными.

Казалось бы – если дела обстоят так плохо, то почему бы владельцу «Отрады странников» не объявить себя банкротом и не закрыть убыточный постоялый двор? Все одно толку от него никакого, зато головной боли и неприятностями столько, что и не сосчитать! Как это ни досадно, но, к несчастью, в жизни случаются такие непростые ситуации, когда лучше махнуть рукой на происходящее, и начать бытие с чистого листа.

Увы, но, оказывается, что и тут все далеко не так просто, и дело упирается в своеобразную логику этих необычных созданий: если турегам станет известно, что закрылся постоялый двор, на котором они привыкли останавливаться, то сочтут подобное проявлением крайнего неуважения к себе, а такое они не прощают. В этом случае хозяину «Отрады странников» лучше заранее помереть самому, чем дожидаться встречи с разгневанными турегами, которые за подобное непочтение к своим персонам все одно расправятся с хозяином. Вернее, не просто расправятся, а сделают это так, чтоб остальные надолго запомнили, что случается с теми, кто по-настоящему разозлит жителей пустыни. То, что закрытие постоялого двора произошло из-за разорения, причиной которого были как раз они сами, турегов совершенно не интересует – мол, нам до всего этого

нет никакого дела, ищите деньги, где хотите, а мы желаем останавливаться только там, где и раньше!.. Единственной уважительной причиной для турегов, по которой мог навсегда закрыться постоялый двор, является только смерть хозяина этого заведения – тут, дескать, поделаться ничего нельзя, жизнь есть жизнь...

Как сказала Ярли, хозяин «Отрады странников» к этому времени уже доведен до такого состояния, когда в голову начинают приходить греховные мысли – пожалуй, для того, чтоб избавиться от турегов, имеет смысл даже умереть...

– Я, разумеется, сочувствую этому человеку... – вздохнул Винсент. – Мне только непонятно, за какой такой нуждой он позвал вас в храм? Думаю, отнюдь не для того, чтоб вы все вместе помолились о том, чтоб эти рогатые жители пустынь раз и навсегда покинули «Отраду странников», и никогда больше там не появлялись.

– Не совсем так... – усмехнулся Дорен. – Этот человек просит нашей помощи.

– Нам бы кто помог... – покачала я головой.

– И что он хочет?.. – поинтересовался Винсент. – Готов поспорить, ничего хорошего, во всяком случае, для нас.

– Можно сказать и так...

Как мы уже знали, едва ли не больше всего на свете владелец «Отрады странников» мечтал избавиться от турегов, которые во время своих приездов в город всегда останавливались на его постоялом дворе. Все это время хозяин постоялого двора без остановки перебирал у себя в голове самые разные способы, прикидывая, как бы ему суметь отделаться от надоедливых постояльцев. Что ни говори, но владелец «Шелкового ветра» (того места, где ранее по приезду в город останавливались жители пустыни) все же умудрился отвадить от себя турегов, хотя, скорей всего, это произошло случайно, хотя это еще как сказать... Дело в том, что у турегов одним из самых страшных преступлений считалось воровство. Нет, если кто-то из обитателей пустыни забирал нечто у людей (по счастью, это случалось не так часто), то туреги не находили в этом ничего предосудительного – по их мнению, все это укладывается в нормы поведения, но вот если люди осмеливались украсть что-то у турегов – ну, тут виновным не позавидуешь. Если вора поймают (а уйти от турегов очень сложно, почти невозможно),

то его дальнейшей судьбе завидовать ни в коем случае не стоило.

Однако подобное наказание относилось к тем воришкам-одиночкам, которые на свой страх и риск пытались залезть в карман турега, или же кое-что стащить у зазевавшегося жителя пустынь. Но вот когда некто совершал более серьезную кражу (например, в «Шелковом ветре» молодой наглец умудрился похитить у старшего из рогатых людей несколько мешочков с золотом) – вот тогда туреги считали, что это место, где они остановились (то бишь все тот же постоянный двор) навеки опозорен, и отныне им там делать нечего. Какая судьба постигла молодого воришку – об этом никто не знает (позже его друзья говорили, что молодой человек пропал без следа), а вот туреги, разобиженные до глубины души, покинули «Шелковый ветер», не заплатив хозяину ни монетки за свое проживание, но на прощание хорошо поддав тому по шее. Надо сказать, что подобное нисколько не расстроило владельца «Шелкового ветра» – для него было куда важнее то, что после произошедшего туреги никогда более не переступят порог его дома. И верно: рогатые люди сочли, что им нанесено жестокое оскорбление уже одним фактом кражи в этом доме, и потому отныне даже близко не подходили к «Шелковому ветру». Если говорить честно, то подобное положение дел бесконечно радовало тамошнего владельца. За несколько лет, прошедшие с того момента, когда оскорбленные туреги навечно покинули его заведение, хозяин «Шелкового ветра» отремонтировал свой постоянный двор, постепенно его вновь заполнили постояльцы, и к этому времени владелец даже сумел расплатиться с долгами, которых у него после долгого обитания турегов скопилось немало.

Естественно, что хозяин «Отрады странников» мечтал только о том, как бы и ему избавиться от нежелательных жителей пустыни, а потому мечтал найти тех, у кого хватило бы храбрости поднять руку на добро турегов. Он даже хотел нанять какого-либо ловкого человека, чтоб тот украл что-либо серьезное у рогатых людей, но таких смельчаков не находилось. Нет, конечно, на то, чтоб заполучить золото турегов, желающих всегда хватало, только тут главное не только стащить, но и уйти с добычей, а это сделать весьма непросто. Ко всему прочему у турегов был потрясающий нюх, и некоторые из этих рогатых людей могли идти по следу немногим хуже поисковых собак. Правда, в этой стране собак все одно не было.

– То есть он желает нас нанять для того, чтоб мы ограбили турегов?.. – чуть усмехнулся Винсент.

– Не собирается он нас нанимать... – махнул рукой Дорен. – Там все куда проще. Хозяин выдвинул нам нечто вроде ультиматума...

– Дай угадаю... – Винсент перебил брата. – Этот человек предложил нам выбор: или вы утащите у турегов что-то очень дорогое, или я иду к стражникам. Верно?

– В общих чертах... – согласился Дорен. – Ему, и верно, позарез надо избавиться от турегов, причем так, чтоб они отныне брезговали даже приближаться к «Отраде странников». Если следовать логике этих рогатых людей, то в доме, где их ограбили, то есть едва ли не смертельно оскорбили, им более делать нечего, и если они покинут это место, то уже навсегда.

– Ну, я так и предполагал, что в лояльном отношении здешнего хозяина по отношению к нам нет никакого душевного благородства, один голый интерес... – сделал вывод Винсент.

– Так и есть... – подтвердил Дорен. – А еще этот человек едва ли не прямым текстом сказал: в этом деле я вам помогу всем, чем смогу, но ваша попытка свалить, не сделав дело, потерпит неудачу.

Надо же, этот человек сам требует от нас совершить кражу в его доме! Не ожидала, что наши намерения будут настолько совпадать с его желаниями.

– И что ты ему сказал?

– Применил свои небольшие актерские способности, и для начала изобразил великие страдания, возмущение, гнев и испуг... – хмыкнул Дорен. – Потом умолял нас не выдавать, только что слезу не пустил, затем согласился выполнить то, о чем он нас просит, но при условии, что и с его стороны тоже будет помощь. Кажется, этот человек изначально не сомневался в нашей согласии. Ну, я, естественно, расспросил его во всех подробностях о том, что и где находится в его гостинице, как расположились туреги, где у них хранятся деньги, да и все остальное тоже. Кстати, через несколько дней эти рогатые люди уходят в свои родные места, так что владелец «Отрады странников» велел нам поторопиться: дескать, хочу, чтоб эти рогатые образины убрались от меня раз и навсегда – мол, тогда я могу спокойно заниматься делом спасения своего постоянного двора. Разговор с этим человеком у нас затянулся, но, надеюсь на то, что обманывать меня хозяину не было смысла.

Значит, туреги уходят из города через несколько дней, а вот наш

корабль – уже завтра, так что времени у нас осталось в обрез, всего одна ночь.

– Что делать будем?.. – спросила я.

– То, что и намеревались... – пожал плечами Винсент. – Правда, меня беспокоит то, что туреги, как оказалось, умеют идти по запаху своих врагов – я, если честно, о таком раньше не слыхивал. Уйти от них будет сложно, но, как помните, на всякий случай мы уже и об этом позаботились.

А ведь хозяин постоянного двора особо и не рискует... – подумалось мне. Если верны слова о том, что туреги, поймав вора, сразу же отправляют его на тот свет – тогда понятно, что владельцу «Отрады странников» опасаться нечего. Эти жители пустынь не склонны к долгим разговорам – они расправляются с обидчиками сразу же.

– Да, и вот еще что... – Дорен покосился в мою сторону. – У этих жителей пустыни очень цепкий взгляд, и один из них сразу заметил, что внешность Лиз несколько отличается от облика здешних жителей. Светлые волосы и голубые глаза его, кажется, несколько удивили.

– Можно подумать, он в этом городе иноземцев не встречал!

– Почему же, встречал, хотя жителей из северных стран здесь не так много. Очевидно, Лиз ему понравилась, а эти рогатые считают, что оказавшись в этих местах, у них есть возможность купить едва ли не все, что им приглянется. Как сказал хозяин постоянного двора, туреги уже дважды увозили с собой молодых женщин, причем обе были как раз светловолосые и голубоглазые. Похоже, именно такие красотки считаются у рогатых наиболее ценным и экзотическим приобретением. Правда, бедняжки были в ужасе от своих новых хозяев, но поделать ничего не могли.

– И к чему все это было сказано?

– Владелец «Отрады странников» сообщил нам следующее: если этим жителям пустыни понравилась ваша приятельница, то можете с ней заранее распрощаться – они от нее уже не отступятся.

– В смысле?

– Пожелают купить, хотя много золота за нее, скорей всего, не дадут – народ скуповатый. Кстати, желание турегов взять себе все,

что им понравится – это еще одна из причин того, что люди предпочитают обходить стороной те места, где останавливаются рогатые жители пустынь: неизвестно, что им взбредет в голову, и что может приглянуться. Вот хозяин и велел Лиз безвылазно сидеть в комнате, если она не хочет огрести себе неприятностей на шею. Туреги в комнату ломиться не будут – у них существует нечто вроде категорического запрета посещать жилище обычных людей, и рогатые строго придерживаются этого правила, даже находясь далеко от дома.

– Ладно, оставим это. Надеюсь, у козломордых не хватит совести сунуться к нам с подобным предложением... – Винсента интересовало нечто более серьезное. – Дорен, расскажи все, что тебе поведал хозяин «Отрады странников» – похоже, кое в чем можно поменять наши первоначальные планы...

Днем нас ждало еще одно неприятное известие, вернее, если вспомнить предупреждение владельца «Отрады странников», чего-то подобного и следовало ожидать. Во второй половине дня в нашу дверь громко постучали, и было понятно, что это не хозяин – уж слишком сильно колотили в дверь. Так оно и оказалось – к нам пожаловали гости, вернее, за дверью находился турег, а рядом с ним стоял хозяин постоянного двора, переминающийся с ноги на ногу. Не обращая внимания на стоящего в дверях Винсента, турег произнес (вернее, пролаял) нечто совершенно невразумительное, и молодому человеку оставалось только развести руками – мол, не понимаю. Однако хозяин поторопился перевести нам эти странные звуки – видимо, кое-как научился разбирать речь своих постояльцев.

– Этот почтенный господин знает, что среди вас есть светлокожая женщина с голубыми глазами... – в голосе хозяина скользили нотки сочувствия. – Он желает ее увидеть.

– Зачем?.. – мрачно поинтересовался Винсент.

– Послушайте доброго совета, не злите вы их... – хозяин чуть покосился в сторону турега. – Лучше сделайте то, что вам сказали.

– Наша спутница нездорова.

– Я им это уже сказал, но для них это не имеет никакого значения.

– Но...

– Не злите вы их... – теперь хозяин повысил голос. – И чужое терпение понапрасну не испытывайте – как бы хуже не обернулось. Эти люди очень не любят, когда их не слушаются. Сейчас выхватит нож, чиркнет тебе по лицу, или по руке – сам свою бабу притащишь. Да не тряситесь, вам пока что опасаться нечего.

– Ладно... – Винсент на мгновение задумался. – Если только на минуту...

– Давайте побыстрей, а? Сейчас не время торговаться.

Ничего не поделаешь, пришлось мне почти что сползать в кровати, на которую я улеглась сразу же после того, как постучали в дверь. Изображая на лице страдание, и опираясь на руку Ярли, я с трудом добрела до двери и встала рядом с Винсентом, под изучающий взгляд турега. Впрочем, тот не стал долго разглядывать меня, что-то коротко сказал хозяину и пошел дальше по коридору.

– Не уходите!.. – остановил меня хозяин. – Сейчас старший подойдет.

– Какой еще старший?.. – нахмурился Винсент.

– Тот, который среди здешних турегов главный, и звать его Фаттах... – покосился в сторону хозяин. – Он сюда частенько приезжает. Этот, который только что тут был, он как раз за Фаттахом и пошел – у него комната находится в конце этого коридора.

– Я не совсем понял...

– Да чего тут понимать... – негромко ответил хозяин. – Сейчас старший поглядит на вашу женщину, и решит, подходит она им, или нет. Но этому, который на нее сейчас смотрел, она точно приглянулась.

– С чего ты это решил?

– У меня глаз наметанный.

– Мне это совсем не нравится... – буркнул Винсент, но хозяин постоянного двора замотал головой из стороны в сторону.

– Говорите потише! И я вас предупреждал, что может произойти, так что думайте, как поступить дальше. Если туреги на вашу женщину глаз положат, то можете с ней распрощаться – они привыкли получать свои хотелки, и не желают слышать слова «нет»... Да, и этих рогатых не злите, свой язык придерживайте, потому как

они вначале хватаются за нож, а уж потом думают... Все поняли?

– Да...

– И еще раз хорошо пораскиньте мозгами о том, что я вам сказал.

– Подумали уже...

А вот и Фаттах появился, собственной персоной. Значит, вот тот человек, у кого сейчас находится мое сапфировое кольцо... Сейчас счастливый обладатель фамильной драгоценности нашей семьи стоит напротив, уставился на меня своими узковатыми глазами с чуть удлинненными зрачками, и под его взглядом мне стало весьма неуютно. Казалось бы, в туреге нет ничего особенного – невысокий человек с очень смуглой кожей, явно немолод, на удлинненном невозмутимом лице нет никаких эмоций, зато хватает морщин. Еще я невольно отметила, насколько богато одет этот житель пустыни, да и драгоценностей на нем хватает с избытком, причем как тех, что изготовлены прекрасными ювелирами, так и тех, всю ценность которых составляет варварски обработанный драгоценный камень немалой величины. Теперь я понимаю, почему этот человек купил мое кольцо – кажется, этим людям нравится все, что ярко блестит. Вон, за золототканым поясом Фаттаха находится не менее полудюжины ножей с дорогими рукоятками, усыпанными дорогими камнями – вряд ли это оружие годится для боя, но, похоже, для этих людей куда важнее продемонстрировать перед всеми свое богатство. Не знаю, какое впечатление Фаттах произвел на моих спутников, но лично я при взгляде на этого человека ощутила настоящую неприязнь, граничащую с отвращением. Возможно, причиной тому была надменность, и то неприкрытое презрение к людям, которое житель пустыни не считал нужным скрывать.

Пауза затягивалась, и, наконец, Фаттах произнес, чуть скосив взгляд в сторону Винсента:

– Ты муж этой женщины? Я покупаю ее у тебя.

Ой, ну до чего у него голос противный, хоть уши затыкай! Такое впечатление, будто тебя облаивают... Так поневоле и посочувствуешь владельцу «Отрады странников» – если каждый день слышать такой голос, то и сам поневоле озвереешь.

– Я не собираюсь продавать свою жену!.. – столь бесцеремонное предложение удивило бы любого.

– Если хочешь покинуть этот дом живым, то продашь... – равнодушно уронил турег. – В том случае, ежели ты настолько глуп, что откажешь мне, то эту женщину мне продадут твои соплеменники, которые находятся в этой комнате. Вернее, они отдадут ее мне бесплатно, потому как тебе к тому времени золото будет уже без надобности.

– Но она ждет ребенка!.. – именно эту причину мы называли, когда пришли на постоялый двор – дескать, женщина плохо себя чувствует и потому не может дальше продолжать свой путь, и ей надо только отлежаться пару дней...

– И что с того?.. – в голосе Фаттаха было безразличие. – Ее ребенок – отныне это наша забота.

– Зачем вам моя жена?

– Глупый вопрос.

– Но почему вы выбрали именно ее? Идите на здешний рынок рабов, там продают немало женщин, выбирайте любую!

– Я всегда приобретаю то, что мне приходится по вкусу. Сейчас я решил, что мне подходит эта женщина, и потому я ее покупаю.

– Но мне она тоже нравится! И потом, у нас семья!

– Меня это не интересует... – пожал плечами турег. – Я заберу эту женщину перед своим отъездом, а ты за нее получишь две золотые монеты. И мне надо, чтобы к тому времени она выздоровела.

Вот жмот! А может, он просто издевается, или никогда не заглядывал на рынок рабов? Насколько мне известно, молодые рабыни стоят куда дороже! Эти рогатые обитатели пустынь находятся тут достаточно давно, так что они должны хорошо знать все здешние цены на невольников. Что касается Фаттаха, то он, видимо, просто возжелал забрать себе то, что ему приглянулось, причем забрать как можно более дешево, и мнение другого человека по этому вопросу его совершенно не интересует. Теперь я понимаю хозяина «Отрады странников» – с такими постояльцами точно не разбогатеешь.

– Какие две монеты?.. – возмутился Винсент. – Моя жена стоит во много раз дороже! Знаете, какой выкуп я заплатил родителям этой женщины, чтоб взять ее в жены, а теперь вы желаете забрать ее почти что даром? Это что у вас за цены такие?

– Хорошие цены... – турег не сводил с меня взгляда. – В наших пустынях такие женщины со светлой кожей долго не живут, быстро умирают, так что я не собираюсь платить большие деньги за рабыню, которая вряд ли протянет длительное время. И потом неизвестно, сумеет ли она выдержать долгую дорогу до тех мест, где мы живем. Я и без того считаю, что переплачиваю за этот товар. Две монеты – больше она не заслуживает.

Ну, ничего себе: я – товар! Конечно, меня уже разок продавали, но при этом у продавцов и покупателей были хотя бы какие-то человеческие эмоции, а тут отношение к людям примерно такое же, как к грязи под ногами. Ох, жители жарких пустынь, рога бы вам всем обломать!

– Я... Я должен подумать!.. – выпалил Винсент.

– Это уже сделал я, а что ты думаешь – до этого мне нет никакого дела. Перед нашим отъездом ты получаешь деньги и уходишь, оставляя нам эту женщину. Все, разговор закончен.

Глядя на Фаттаха, уходящего от нас по коридору, я подумала – жаль, что не могу швырнуть ему в спину чем-то потяжелее. Вот скотина рогатая! Ясно, что эти жители пустынь презирают и ненавидят людей, и мне оставалось только искренне пожалеть тех несчастных женщин, которым выпало несчастье оказаться в руках турегов.

– Хозяин, загляни к нам позже, к тебе дело есть... – чуть слышно произнес Винсент, и тот в ответ лишь чуть заметно кивнул головой – мол, я все понял. Ну и хорошо.

Время до вечера тянулось медленно. Как и договаривались, к нам ненадолго зашел хозяин постоянного двора – дескать, принес лечебное питье вашей больной. Нам понадобилось всего несколько минут для того, чтоб пояснить этому человеку, что от него требуется, и для начала он должен был принести в нашу комнату железный котелок, и желательно, чтоб размеры котелка были побольше. Увы, но без помощи хозяина постоянного двора нам было не обойтись. Должна сказать: владелец «Отрады странников» немного струхнул – как видно, надеялся остаться в стороне, но все же вынужден был согласиться.

Наступила ночь, на землю упала темнота, и подле постоянного двора зажгли несколько костров. К тому времени хозяин «Отрады

странников» успел принести к каждому из костров по целой куче дров и хвороста. Невольно вспомнилось, как Ярли и Дорен рассказывали о горестных повествованиях хозяина, который говорил о бесконечных убытках, кои он несет от останавливающихся у него турегов. Помимо всего прочего, хозяин упоминал и о том, что каждую ночь гости сжигают немалое количество дров, потому как костры раскладываются большие, дров туда бросается без счета, и горят эти самые костры до самого рассвета. Если же учесть, что древесина в этих местах стоит недешево, а туреги требуют, чтоб костры горели каждую ночь, то становится понятно, что владелец «Отрады странников» вынужден завозить дрова на постоянный двор раз в два дня, и его убытки растут не по дням, а по часам.

Когда на дворе взвилось к небу пламя костров, мы сразу же запалили в котелке небольшой костер, котором щепки были перемешаны с сосновой смолой. Дурманивший запах горячей смолы быстро заполнил нашу комнату, а затем стал распространяться и дальше, благо к тому времени мы приоткрыли окно и дверь. Вначале казалось, что ничего не происходит, но через какое-то время мы услышали, как туреги, находящиеся во дворе, стали говорить все громче, а потом до нас донесся их смех, куда больше похожей на блеяние. Затем шум стал раздаваться и в коридоре, после чего в нашу комнату вбежал один их турегов, на шею которого Винсент обрушил колченогий табурет. Как и следовало ожидать, турег рухнул на пол, и хотя сознание он не потерял, но и двигаться вновь у него уже не было желания, а может, и сил. Судя по округлившимся глазам, вертикальным зрачкам и белой пене на губах, сейчас этот рогатый пребывает несколько не в себе. Ну и пускай остается в таком состоянии как можно дольше – мы подобному только порадуемся. Похоже, бывший жених Ярли был прав – даже легкий запах горячей сосновой смолы действует на этих рогатых созданий самым немилосердным образом, приводя их в одурманенное состояние. Надеюсь, жители пустынь не придут в себя еще какое-то время, и чем дольше это продлится, тем лучше. Пока что для нас главное – то и дело подкидывать в котелок новые кусочки смолы.

Когда турег рухнул на пол, то с его головы свалился огромный тюрбан, и нашему взору предстала почти лысая голова, покрытая редкими волосами, и два острых желтоватых рога, каждый длиной с ладонь. Весьма неприятное зрелище, надо сказать. Странное дело: кажется, перед нами находится обычный человек, но когда смотришь

на его округлившиеся глаза с вертикальным зрачком и острые рога на голове, то появляются серьезные сомнения принадлежности данного индивидуума к человеческому роду.

– Да уж, красавец... – Винсент окинул взглядом лежащего турега.
– Прямо глаз не оторвать от такого совершенства... Да, а что нам происходит во дворе?

– Одни из наших рогатых соседей бродят по двору, как неприкаянные, другие проявляют излишнюю активность или уже сидят на земле, головами трясут... – Дорен стоял у окна. – Вообще-то бродячих совсем немного, турегов больше к земле клонит... А не хило им по мозгам стукнуло, или что там у них находится в голове. Могу предположить, что сосновая смола для турегов – это примерно то же самое, что опиум для человека, или какая-нибудь другая дурь, только куда сильнее и забористей.

– Подождем еще немного... – Винсент выглянул в коридор. – Там, а конце коридора, еще двое рогатых у стены сидят, слюни пускают... Да, кто бы сказал, что простая сосновая смола способна оказывать на гм... некоторых людей такое воздействие – никогда бы не поверил!

– Вообще-то там не только сосновая смола, но еще и кедровая...

– Надеюсь, эта смесь подействует еще убойнее, хотя кто знает... Главное – не стоит терять время, ведь мы не знаем, долго ли будет длиться такое воздействие на рогатых. Через минуту-другую мы с Лиз пойдем в комнату Фаттаха, а ты, Дорен...

– Да я все помню!

– Ну и хорошо...

Через несколько минут мы открывали дверь в комнату Фаттаха тем ключом, который нам дал хозяин постоянного двора – у него, как и положено хорошему хозяину, имелись запасные ключи от всех замков в его доме. К этому времени дверь Фаттаха оставалась закрытой, и если на него не подействовал запах смолы, который к этому времени ощущался, кажется, во всем доме, то нам следует быть настороже: Фаттах наверняка прекрасно владеет ножами, и умеет их бросать точно в цель.

Нам повезло: когда мы вошли в комнату, освещенную неярким светом двух свечей, Фаттах лежал на полу, хотя еще делал слабые

попытки подняться. Винсент, отстранив меня в сторону, подошел к лежащему человеку, и без разговоров врезал лежащему турегу ребром ладони по шее, после чего тот сразу же затих.

– Лиз... – повернулся ко мне Винсент. – Лиз, начинай искать свое кольцо...

– А чего его искать... – только что не прошептала я осипшим голосом. – Вот оно...

– Где?

Вместо ответа я бросилась к низкому столику, стоящему в самом дальнем углу комнаты, как раз туда, где горели свечи. На этом столике находилось небольшое каменное изваяние какого-то отвратительного рогатого существа, а подле этой мерзкой статуи были разложены самые разные украшения, причем их было так много, что они казались затейливым ковром, разложенным на столешнице. Вряд ли турег привезли с собой эти сокровища, очевидно, все приобретено здесь. Да, похоже, эти жители пустыни привозят сюда очень много золота, если могут позволить себе закупить столько драгоценностей. Но меня эти блестящие вещицы ничуть не интересовали, потому как среди этих подношений, прямо у основания каменного изваяния, лежало мое кольцо, и грани синих сапфиров тускло сияли среди сверкающих бриллиантов. Судя по всему, мое восхитительное кольцо было приобретено в дар этому уродливому изваянию.

Схватив украшение со стола, я прижала его к сердцу. Наконец-то! Вот оно, мое сапфировое кольцо, находится в моих руках, и больше я его никому не отдам! Не знаю, что я испытывала в тот момент – чувство радости, облегчения, или счастья, но мне хотелось чуть продлить это мгновение. А еще, глядя на синие камни, я словно ощутила связь с домом, который находился невероятно далеко от меня, и я знала, что обязательно должна вернуться туда.

– Это оно?.. – спросил Винсент, мельком глянув на кольцо. Кажется, оно не произвело на него особого впечатления – все верно, тут темно, особо не рассмотришь.

– Да! Только посмотри, какая красота!

– Пошли отсюда, восхищения оставим на потом.

– Погоди минутку...

Куда бы подложить мое кольцо? Взгляд упал на какой-то темный мешочек, лежащий возле столика с изваянием. Схватив какой-то невесомый шарфик, я дрожащими руками замотала в него кольцо, после чего засунула небольшой сверток в тот самый мешочек, плотно завязала тесемки, и повесила мешочек себе на шею. Все, теперь точно не потеряю.

– А вот теперь уходим... – перевела я дыхание. – И побыстрее...

Когда мы вновь оказались в нашей комнате, то увидели, что Дорен и Ярли связывают владельца «Отрады странников», у которого под глазом наливался синяк, а турег, лежащий на полу, по-прежнему находится в бессознательном состоянии.

– Вы чего делаете?! – пыхтел хозяин постоянного двора. – Я же вам помог!..

– То и делаем, чтоб ты сейчас к стражникам не рванул со всех ног... – хмыкнул Дорен. – А заодно в глазах турегов тебя обеляем – дескать, ты тут совершенно ни при чем, сам пострадал безвинно – считай, это тебе наша благодарность за твои немалые труды...

– Что тут происходит?.. – спросил Винсент.

– Ничего особо страшного... – Дорен стал затягивать узлы. – Этот господин к нам в комнату с ножом заявился – дескать, у вас денег много, оставьте хоть немного на пропитание бедному человеку!.. Вот мне и приходится применять те меры, которые я счел необходимыми... Рисковый ты парень, как я погляжу – пришел к нам, не побоялся!

– А чего такого?.. – пробурчал мужчина. – Мне постоянный двор надо восстанавливать, а денег совсем нет, одни долги!.. От этих рогатых ни монетки не дождешься, они с собой еще и мое последнее добро могут уволочь – с них станется! А вы не обеднеете, если мне деньжонок подкинете – все одно вас турег поймает, все отберут... А я бы за ваши души потом не раз в храме помолился...

– Не стоит утруждаться, мы уж как-нибудь сами... – Дорен ловко воткнул кляп в рот мужчины и повернулся к нам. – Ну, как дела?

– Все в порядке, нашли. Уходим.

– Давно пора...

Надо сказать, что пока мы шли до выхода из здания, то

встретили с десятков турегов, которые сидели у стены, или же лежали на полу в невменяемом состоянии. Некоторые что-то бормотали или хихикали, разговаривая сами с собой, и до чужаков никому из них не было дела, вернее, они даже не замечали нас, когда мы шли мимо них. А вот те туреги, что находились во дворе, вели себя несколько иначе – бесцельно бродили по двору, сидели на земле, глядя в одну точку, или же что-то бормотали себе под нос... Видимо, на воздухе дым от сосновой смолы действовал чуть иначе, чем в помещении. С головы многих турегов слетели их высокие шапки, и потому наблюдать за бродящими по двору рогатыми созданиями было несколько жутковато. Если же учесть, что в темноте глаза этих жителей пустыни чуть отливали красным светом, то у каждого из нас в глубине души появилось желание кинуться отсюда прочь, и мчаться едва ли не со всех ног. Тем не менее, мы все же чуть задержались, чтоб подбросить поленьев в затухающие костры, а заодно отправить туда же и остатки смолы. Очень надеюсь, что еще какое-то время турегам будет не до нас.

– Что, идем к порту?.. – спросила я, когда мы отошли от «Отрады странников».

– К нему, родному... – оглянулся Винсент. – Не забывайте, что утром уходит наш корабль, так что нам надо поторапливаться, а не то останемся здесь надолго, если не навсегда. Только вот идти придется долго, и через весь город, пусть даже ночной порой... Как бы нам на стражников не нарваться.

– Я могу вас провести обходными путями... – предложила Ярли. – Только это вдвое длиннее...

– Так мы особо и не торопимся, время от отхода корабля у нас пока что есть. Главное – уйти отсюда поскорей, ведь неизвестно, что будет дальше.

Дальше был бесконечно долгий путь по каким-то закоулкам. Как я позже поняла, Ярли привела нас к окраине города, вернее, к той дороге, которая шла к морю. Идти приходилось медленно, потому как ночь сегодня стояла темная, и кое-где было не видно дороги. Первое время мы прислушивались, не слышна ли сзади погоня, но все было тихо. Тем не менее, на одну лишь удачу полагаться не стоило, тем более что нюх у турегов, как утверждают, просто замечательный, и они легко берут любой след. Не страшно: как сказал Винсент, мы тоже не лыком шиты, знаем, как сбить со следа преследователей,

пусть они хоть того лучше нюхают землю. Как раз для того, чтоб сбить со следа возможную погоню, мы время от времени посыпали дорогу позади нас смесью из молотого жгучего перца и соли – по словам Винсента, такая мешанина хорошо закладывает нос любому существу, на какое-то время полностью лишая его обоняния. Откуда у нас взялся перец с солью? Дорен с Ярли купили, когда живицу искали по лавкам аптекарей – Винсент еще тогда предполагал, что нам придется таким образом уходить от преследования. Я же, в свою очередь, когда мы с Ярли еще только смешивали у себя в комнате соль с перцем, вовсю чихала и думала о том, что уж очень много у нас получилось этой ядреной смеси. Дескать, куда ее столько? Вон, у нас получился целый увесистый мешочек, от запаха которого свербело в носу даже у нас. Сейчас мне кажется, что не помешало бы сделать и побольше этого жгучего состава. Зачем? А на всякий случай.

Рассвет мы встретили на небольшой дороге, ведущей из бедного предместья в порт. Этой дорогой, как правило, обычно пользовались ремесленники, портовые рабочие или здешняя беднота, насчитывающая заработать в порту несколько медяков. На нас никто особо не обращал внимания – мало ли кто здесь ходит, всех не упомнишь, да и дорога была оживленной даже в столь ранний час – сказывалось близкое присутствие порта, который почти никогда не спит.

– Успеваем?.. – спросила я. Как же хотелось оказаться на борту корабля, в полной безопасности, оставив здесь всех врагов и неприятелей. Там, в каюте, я как следует рассмотрю свое вновь обретенное кольцо, а потом буду долго-долго спать, приходя в себя от всего произошедшего, и дожидаясь прибытия на родину.

– Ярли, сколько нам еще идти?.. – Винсент повернулся к девушке.

– Еще с четверть часа. Сейчас пойдет рыбацкая деревушка, вернее, это уже начало порта.

– Ну и хорошо. Тогда мы не только успеем к отходу корабля, у нас еще и время останется... Только смотрите внимательней по сторонам – мало ли что...

– Или кто...

– Верно, или кто.

Мы все невольно прибавили шаг, стараясь как можно скорей оказаться на борту корабля, который сейчас казался нам всем чем-то вроде долгожданного избавления. Вот и порт, людей, несмотря на ранний час, тут уже хватало, так что в толпе можно легко затеряться. Кажется, совсем скоро мы дойдем до того места, где находится наш корабль, и тут Винсент, шедший впереди, негромко произнес:

– Быстро все остановились, изображаем из себя зевак, смотрим на корабли...

– Что случилось?.. – спросила я, а у самой сердце защемило от ожидания возможной неприятности.

– Ярли, посмотри туда... – Винсент кивнул головой в сторону причала. – Посмотри на того молодого человека, в зеленоватой одежде...

– Ой... – растерянно произнесла Ярли. – Это же...

– Да, твой бывший жених... – кивнул головой Винсент. – Интересно, что он тут делает?

– Может, отец прислал его сюда за каким-то товаром?.. – предположила я.

– Возможно... – неуверенно произнесла Ярли.

– Судя по тому, что он без остановки смотрит на наш корабль, у него задание несколько иное... – Винсент задумался. – В любом случае нам нельзя идти дальше, пока мы не выясним, что этот человек делает здесь.

– Но корабль скоро уходит!

– Нам на него еще попасть надо... – мрачно заметил Винсент. – И потом, если нашу милую компанию собираются арестовать, то стражникам нет ничего проще, чем забрать нас прямо с корабля.

– Как ты умудрился заметить парня в этой толпе?.. – поинтересовалась я.

– В отличие от вас, господа хорошие, я не вперед смотрю, а по сторонам – будет обидно, если нас сцапают в самый последний момент.

– Что, уходим?.. – упавшим голосом спросила я, чувствуя, как все мои мечты осыпаются, словно пересохший песчаный домик.

– Погоди... – Винсент на мгновение задумался. – Вот что, с этим молодым человеком нам надо бы побеседовать.

– Зачем?

– Кое-что выяснить. Поступим так...

Стоя немного в стороне, я наблюдала за тем, как бывший жених Ярли направляется к Дорену, стоящему к нему спиной. Дело в том, что сейчас к сыну владельца чайной подбежал мальчишка из числа тех, которых всегда хватает на пристани и сказал, что его сию же секунду желает видеть какой-то господин. Думаю, понятно, что этого мальчишку отправили мы – здесь всегда хватает желающих заработать лишнюю монетку.

– Ну, что вам надо?.. – недовольно произнес бывший жених Ярли. – У меня совсем нет времени на разговоры с вами...

Тут молодой человек замолчал, и я его понимаю – когда тебе в бок весьма ощутимо упирается нож, то поневоле станешь вежливым.

– Что вам надо?.. – почти прошептал он.

– А сам как думаешь?.. – негромко произнесла Ярли, подходя к бывшему жениху с другой стороны. Сейчас и в ее руках находится нож, который она более чем ощутимо прижала к телу молодого человека. – Если бы ты только знал, как давно я ждала нашей встречи! Мечтала о ней с того самого времени, как ты выгнал меня из своего дома.

– Ты?! – ахнул тот, бледнея на глазах. – Но как же...

– Как, разве не меня, дорогой, ты высматривал все это время?

– Да, но я не думал...

– А, ты думал о том, что вот-вот поймаешь меня, и получишь обещанную награду, так?

– Так вам все одно не уйти... – пролепетал бывший жених Ярли. – Известно, из какой страны родом те рабы, которые бежали с тобой, так что все корабли, идущие в ту сторону, перед уходом досматриваются...

– А еще нас пытаются перехватить еще до того, как мы подойдем к кораблю, так?

– Ну, так...

– И сколько же вас здесь, любителей охотится за беглыми?

– Я видел семерых. Все смотрят как за кораблем, так и за людьми в порту...

Вот это удар! Что же делать? Пока что ясно только одно – путь на корабль для нас закрыт. Плохо дело...

Что ж, значит, нам нужно искать другой путь отступления, причем немедленно. К сожалению, времени на промедление у нас нет, только вот кто бы сказал, что тут можно сделать...

Глава 14

Мы сидели в небольшой полуразвалившейся хибарке на дороге, ведущей из предместья в порт. Еще недавно наша четверка шла по ней, направляясь к кораблю, чтоб отправиться на родину, но все пошло не так, и теперь нам поневоле пришлось покинуть пределы порта, и отправиться назад по этой же самой дороге. Увы, но более идти нам было некуда, а тут можно прятаться какое-то время, пусть и недолго. Следует радоваться хотя бы тому, что за нами никто не следил – как видно, нас ожидали рядом с кораблем, чтоб взять всех разом...

Подле этой дороги хватало старых строений, когда-то сооруженных на скорую руку для здешней бедноты, только вот с годами эти халупы уже начинают разваливаться. Наверняка ночной порой в эти места лучше не показываться – в подобных развалинах по ночам любят останавливаться бродяги и нищие, но днем тут никого не бывает, а с рассветом ночные гости уходят по своим делам, точнее, добывают себе хлеб насущный. Но эти чужие сложности нас не касаются, потому как мы тут до вечера задерживаться не собираемся – для нас сейчас куда важнее решить, что будем делать дальше.

Вдобавок ко всему с нами находится бывший жених Ярли. Понятно, что на причале с ним особо не потолкуешь, а вот расспросить его кое о чем явно не помешает, потому и пришлось вести его с собой. Конечно, никакого желания идти с нами по доброй воле у него не было, а раз так, то нам уводить силой молодого человека, стараясь незаметно держать нож у его тела: мол, только дернись, враз напорешься на нож, а с разрезанной печенью ты отныне не жилец. Так что веди себя хорошо – тогда жив останешься, а иначе сам понимаешь – мы уйти сумеем, но вот твоей молодой супруге придется себе нового мужа искать, да и похороны твоей семье обойдутся недешево, а с деньгами у вас сейчас туговато... Бывший жених Ярли оказался человеком понятливым, так что особых хлопот с ним не было.

Что же касается меня, то я то и дело прикладывала руку к мешочку на груди, в котором находилось мое сапфировое кольцо, ради которого нам и пришлось пойти на риск. У меня было огромное желание хотя бы на минуту достать наше фамильное украшение,

посмотреть, все ли с ним в порядке, полюбоваться на волшебный свет синих камней и яркие всполохи бриллиантов... К сожалению, сейчас не стоит отвлекаться даже на мгновение – мы сейчас не в том положении, чтоб позволять себе расслабиться хоть на минуту.

Очень далеко уходить не стали – остановились у первой же подходящей развалюшки. Главное – тут стены целы, и нам никто не помешает побеседовать по душам. Правда, бывший жених Ярли отнюдь не горел желанием заходить в это чуть живое строение, только его хотениями никто не интересовался. Ну, а оказавшись в старом домишке, где кроме нас, четверых душегубов, никого не было, несчастный пленник не стал упираться, и предпочел честно ответить на все вопросы.

Оказывается, Ярли вчера опознали в городе, вернее, ее узнал один из давних знакомых ее отца, и произошло это в то время, когда Дорен и Ярли ходили по аптекарским лавкам, разыскивая сосновую живицу. Этот человек (то есть знакомый ныне покойного отца девушки) ранее не раз видел Ярли, и слышал о том, что позже произошло с дочерью вышивальщика. Знал он и про то, что сейчас за ее поимку обещают хорошие деньги, которые бы ему явно не помешали. Разумеется, он был вовсе не прочь рискнуть, и выяснить, где теперь прячется дочь его бывшего знакомого, после чего получить обещанную награду (что ни говори о дружбе, однако деньги всем нужны!), но нас спасло то, что мужчина оказался трусоват. Он уже слышался о том, что тех людей, с кем сейчас находится дочь вышивальщика, обвиняют не только в кражах, но и в убийстве прекрасной «Звезды Востока», причем, по слухам, те опасные люди каким-то образом связаны с колдовством, а от подобных вещей каждому честному горожанину следует держаться как можно дальше. Тем не менее, желание подзаработать оказалось сильнее, мужчина набрался храбрости, и уже хотел, было, пойти вслед за дочерью старого приятеля, чтоб выяснить, где она обитает, но ее спутник несколько раз оглядывался, и преследователю показалось, что незнакомец смотрит едва ли не прямо на него, причем со зверским выражением на лице. Подобное настолько напугало незадачливого сыщика, что он враз отказался от своих намерений, и едва ли не бегом кинулся в другую сторону, молясь Всевышнему о том, чтоб тот лиходеи никогда его не нашел.

Как позже сказал нам Дорен, он тоже обратил внимание на идущего за ними человека, но тот очень быстро пропал, и более

Дорен его не видел, как ни всматривался по сторонам. Помнится, тогда парень решил, что это какой-то мелкий воришка хотел немного поживиться за их счет, но потом благоразумно отстал. Увы, все оказалось куда хуже... Впрочем, положив руку на сердце, следует признать, что нам и без того слишком долго везло.

Убежавшему мужчине понадобилось немало времени, чтоб прийти в себя, успокоиться, набраться храбрости и пойти к стражникам. Те, в свою очередь, сразу организовали поиски, стали расспрашивать всех, кого только могли, заглянули и в ту аптекарскую лавку, куда не так давно заходила Ярли, и постепенно стражники стали выходить на наш след...

Поиски беглых преступников продолжались до вечера, и у стражи было серьезное намерение поинтересоваться, какие постояльцы находятся в «Отраде странников», а заодно и пообщаться с ними, однако столь похвальное желание отложили на утро. Причина проста: никто из здешних служителей закона даже днем без приказа не хотел подходить к «Отраде странников» в то время, когда там останавливались туреги, приехавшие в город, а уж о том, чтоб прийти туда с проверкой в темное время суток – о таком даже речи не шло. Никому не хочется лишний раз иметь дело с турегами, которым никакой закон не писан, и которые, даже находясь в городе, безнаказанно творят едва ли не все, что хотят. Потому было решено пока что ограничиться немногим – начальство направило к постоялому двору дополнительный отряд стражников (по счастью, в так называемом отряде было всего несколько человек), чтоб те следили за округой, вернее, за тем, не покажутся ли беглецы где-то близости. Ну, а утром уже можно безбоязненно заглянуть в гостиницу, где остановились жители пустыни. Служители порядка честно выполняли приказ, добросовестно несли свое дежурство, правда, находясь при этом на довольно-таки значительном расстоянии от «Отрады странников», не стремясь подходить ближе – дескать, в ту гостиницу, пока темно, лучше не соваться, наслышаны, что бывает с теми, кто суется туда не вовремя. Ну, а когда со стороны постоялого двора стали раздаваться непонятные звуки – вот тогда стражи порядка и вовсе решили отойти подальше, так, на всякий случай, потому что эти рогатые способны на многое.

Правда вскрылась через пару-тройку часов, когда туреги стали покидать постоялый двор, и по их поведению было ясно, что они кого-то разыскивают. Более того: несколько рогатых обитателей

пустыни отправились к стражникам, и потребовали, чтоб те немедленно отправились на поиски нескольких человек, которые только что осмелились поднять руку на почтенных гостей города, то есть на турегов. Естественно, что половина стражников поневоле вынуждена была отправиться на постоялый двор, а вторая половина убыла к начальству, докладывать о том, что, дескать, у турегов недавно произошло нечто странное, возможно, имеющее отношение к тем людям, кого мы ищем...

Несколько часов назад о произошедшем стало известно и бывшему свекру Ярли: стражники (кое-кому из которых хозяин чайной платил неплохие денежки) пришли к нему домой посреди ночи, и сообщили, что беглецы, которые не так давно ограбили его дом, вновь умудрились уйти от стражи, причем в этот раз они улизнули из «Отрады странников». Услышав такое, бывший свекор Ярли со своим сыном даже не пошли, а помчались к постоялому двору, чтоб разобраться, что там произошло.

По прибытии на место взору владельца чайной предстала необычная картина – там было не только шумно, но вдобавок ко всему не замечалось никакого порядка. Складывалось впечатление, что недовольство и раздражение турегов словно пеленой висело над «Отрадой странников», добавляя неразберихи в происходящее. Ну, кое в чем жителей пустыни можно понять – в воздухе все еще чуть ощущался запах сосновой смолы, и, наверное, оттого рогатые люди большей частью находились будто бы в полусонном состоянии, не всегда понимая, что от них требуется, многое делая невпопад, роняя вещи и отвечая на вопросы не по делу. Тем не менее, туреги, все еще пошатываясь и плохо ориентируясь в окружающем мире, собирались переезжать в другую гостиницу – дескать, здесь на них совершено покушение, проявлено величайшее неуважение к постояльцам, да еще и совершена кража!.. По мнению рогатых людей, это место теперь навек осквернено, а раз так, то понятно, что отныне жителям пустыни здесь больше делать нечего, и с этого времени к «Отраде странников» не подойдет ни один уважающий себя турег!..

Хм... подумалось мне. – Хм, не сомневаюсь, что хозяин постоялого двора (который находился там же, причем, судя по словам бывшего жениха Ярли, вид у него был довольно-таки потрепанный, а еще у мужчины наливался синяк под глазом), услышав такие слова, с трудом сумел скрыть радость – еще бы, все складывается именно так, как он и хотел.

Конечно, стражники устроили ему настоящий допрос – дескать, ты что, не знал, кого взял к себе на постой?! Приметы этих людей многим известны, стражники об этих беглых расспрашивают всех и каждого, только что на перекрестках о том не кричат!.. Почему не сообщил? Да знаешь, что мы с тобой сделаем за сокрытие преступников?!..

Впрочем, владелец «Отрады странников» сам был настроен побоевому, и вовсе не собирался брать на себя все грехи – дескать, а откуда я мог знать, кто они такие, эти мои новые постояльцы? С виду обычные люди, пришли, попросили комнатку, а я, естественно, и не думал не отказывать – и без того нахожусь на грани разорения, рад любой лишней монетке! И откуда мне могло быть известно, кто они такие? Это раньше я знал едва ли не все, что происходит в городе, а в последнее время никто из стражников к моему постоялому двору и близко не подходит, все новости узнаю только в храме, когда хожу туда на утреннюю молитву, только там обычно говорят на другие темы... Так что если я ничего не слыхивал об этих преступниках, то это моя беда, а вина во всем лежит на стражниках – они меня не предупредили, кого именно ищут уж который день подряд!.. Да разве ж я не предупредил власти, если б знал, кто ко мне пришел?! Пока у меня находятся туреги, никто из стражников сюда и близко не подходит, так какой с меня может быть спрос?! Гляньте только, что я сейчас имею: меня самого эти разбойники схватили, связали, напугали, и я уж было с жизнью попрощался... Ну, и что мне теперь делать, когда всем в округе станет известно, что тут произошло?! Я ж во всей этой истории и есть главный пострадавший! Страшно представить, какие теперь разговоры начнутся про «Отраду странников»! У людей язык без костей, придумают невесть что! Сами знаете, что убивает не меч, а злое слово! Кто отныне пойдет на мой постоялый двор, а? Теперь у меня осталась одна надежда – на милость Всевышнего! Может, хоть он проявит ко мне милость, поможет не пойти по миру с протянутой рукой...

Судя по тому, что мы слышали, хозяин «Отрады странников» не только сумеет без потерь выйти из этой истории, но еще и умудрится обрести славу невинно пострадавшего, а таким всегда сочувствуют и симпатизируют. Наверняка некоторые заглянут на постоялый двор только для того, чтоб посмотреть на то место, где сумели обидеть турегов – как я поняла, этих рогатых жителей пустыни здешние жители очень не любят. Да, владелец «Отрады

странников» – шустрый человек, наверняка кое-что просчитал заранее.

Думаю, можно не упоминать о том, в какой ярости находился Фаттах, когда встретился со стражниками и бывшим свекром Ярли. Достаточно сказать, что турег (который выглядел ничуть не лучше своих соплеменников) едва ли не прямо угрожал стражникам теми жуткими последствиями, которые их ожидают, если немедленно не отыщут преступников, и не возвратят украденное. По словам Фаттаха, похищено бесценное сапфировое ожерелье с бриллиантами, которое он приобрел за большие деньги, и которое намеревался принести в дар Богине турегов на ежегодном празднике в ее честь, а этот праздник ожидается уже в следующем месяце. Если же ожерелье не будет возвращено в самое ближайшее время, то, дескать, турегии сами будут искать пропажу, но тогда пусть поберегутся все, кто имеет хоть какое-то отношение к похитителям, а заодно к тем, кто велел украсть ожерелье. А еще он, Фаттах, знает тех, кто мог послать сюда грабителей – это те жадные и алчные люди, которые сами хотели купить то прекрасное ожерелье, только у них ничего не вышло, потому как если турегу что-то нравится, то он готов заплатить любую цену за приглянувшуюся вещь. Тогда, на тайных торгах, Фаттах выложил за это украшение (которое должно безмерно порадовать Богиню турегов) куда больше золота, чем могли предложить остальные покупатели, и он до сих пор помнит недовольные и завистливые взгляды тех людишек, кому не достался вожаемый товар, тем более что на тех торгах хватало желающих купить ожерелье. Можно сказать, из-за этого прекрасного украшения между покупателями произошла едва ли не самая настоящая схватка – никто не хотел отступать. Ясно, что заказчика ограбления надо искать среди этих самых обиженных – похоже, кто-то из них так и не смирился с проигрышем, и по-прежнему желает получить украшение, только теперь уже бесплатно. Ну, с заказчиками этого преступления (когда выяснится, кто они такие) будет отдельный разговор, но для начала надо найти похитителей – с ними турегии разберутся сами, причем так, чтоб другим неповадно было. Так что, господа стражники, поймать этих преступников необходимо в самое ближайшее время, а не то!..

А ведь Фаттах в чем-то прав... – подумалось мне. Не сомневаюсь: очень многим из тех, кто присутствовал на торгах, хотелось купить мое сапфировое кольцо, но турег сразу предложил

такую огромную сумму, с которой никто не мог потягаться. Могу поспорить, что тогда же Фаттах приобрел на торгах еще кое-какие уникальные украшения, причем сделал это в той подчеркнута бесцеремонной манере, которая присуща всем турегам, и которая отнюдь не прибавляет симпатии к этим жителям пустыни. Вполне может быть такое, что ювелир Байхан (который подсказал нам, где следует искать кольцо) не стал скрывать от нас правду как раз потому, что его уже давно и всерьез злило поведение Фаттаха. Без сомнений – когда турег заявлялся на торги, то, не стесненный в средствах, он беззастенчиво забирал все, что ему приглянулось. В чем-то я понимаю недовольство людей: когда некто без счета сыплет золотом, презирая тех, кто вынужден придерживаться неких разумных пределов – подобное поведение, знаете ли, безмерно раздражает и выводит из себя. Наверное, именно потому ювелир Байхан (он явно догадывался, что мы не те, за кого себя выдаем) направил нас по нужному следу – как видно, он надеялся на то, что мы (если, конечно, сумеем) хоть немного, но потреплем нервы наглому турегу.

Меж тем бывший жених Ярли продолжал свой рассказ. По его словам выходило, что нас решили ловить в порту – дескать, нечего бегать за похитителями по ночному городу, потому как при свете солнца их ловить сподручнее, тем более что они вряд ли решатся покинуть город до рассвета. Кроме того, стражники уже заранее поинтересовались, из каких стран прибыли корабли, которые сейчас стоят в порту, и когда они намерены отойти от причала. Потому-то и было решено организовать на нас засаду неподалеку от корабля, отправляющегося на нашу родину, а заодно поставить вторую засаду у входа в порт – ждали, когда беглецы к ним сами в руки придут. Никто из преследователей не подумал о том, что мы можем воспользоваться другой дорогой, той, по которой в порт ежедневно идут работники...

– А ты зачем в порт пошел?.. – поинтересовался Винсент у бывшего жениха Ярли. – Чего дома не остался? Сидел бы в своей чайной, гонял слуг на кухню с очередным подносом с едой, и ждал известий о нашей поимке...

– Рад бы!.. – огрызнулся тот. К этому времени сын владельца чайной уже более-менее пришел в себя, а заодно сообразил, что убивать его мы не собираемся. – Только кто бы это мне позволил?! Чтоб вы знали: меня отец отправил в порт как раз потому, что на этом стражники настаивали – я же Ярли в лицо знаю! От меня требовалось

одно – я должен был сигнал подать, как только ее увижу. Папаша мой, кстати, тоже на пристани был, только с другой стороны...

Да, нам, похоже, повезло, что стражники немного перехватили в своих усилиях сделать все, лишь бы не дать нам уйти. Если бы Винсент не заметил на причале бывшего жениха Ярли, то мы бы сунулись прямо в заранее приготовленную ловушку. Не знаю, как мои спутники, а я в то время находилась в полной уверенности, что вот-вот окажусь на палубе судна, которое по волнам понесет нас домой. В таких случаях можно даже отмахнуться от тревожного предчувствия и едва ли не бежать туда, где, как считаешь, ты наконец-то окажешься в безопасности... Кажется, можно радоваться очередному удачному стечению обстоятельств – мы все еще на свободе, только вот корабль уже отошел от причала, а мы по-прежнему остаемся здесь...

– А сигнал ты, случайно, не этой свистулькой должен был подать?.. – Винсент держал в руках небольшую пластинку на цепочке.

– Ну, этой самой... – неохотно пробурчал молодой человек.

– Чего ж не свистнул?

– Так я думал, что меня кто-то из стражников к себе подзывает, что-то сказать хочет, вот к нему и пошел... – подсадовал тот. – А оказались, это вы меня решили с места сдернуть, да еще и нож приставили... Конечно, я растерялся, не до свистка было! Потом вы меня обыскали, забрали все, что нашли в карманах, а затем и вовсе с причала увели! Тут хоть свисти, хоть нет, толку все одно не будет.

– Это верно...

– Я вот о чем спросить хочу... – бывший жених Ярли деликатно кашлянул – кажется, глядя на нас, он несколько осмелел. – Откуда вы знаете о том, что от запаха сосновой смолы туреги становятся вообще никакие? Вернее, силы теряют, дуреют, и не соображают ничего...

– А ты откуда об этом знаешь?

– Отец рассказал... – неохотно отозвался сын хозяина чайной. – Он случайно об этом узнал, и сам мне однажды невольно проговорился, а потом все боялся, как бы я кому про то не сболтнул – за такое рогатые кому угодно голову смахнут в два счета. Что же касается смолы, вернее того, как она действует на рогатых – это

великая тайна турегов, о которой никто не знал, а сейчас эту тайну раскрыли, и от этого они в бешенстве. Дело в том, что туреги считаются, можно сказать, непобедимыми воинами – и вдруг такое! Оказывается, если запалить возле них сосновую смолу – и все, можно не воевать, победа тебе уже обеспечена. Остается только брать этих обдолбанных вояк едва ли не голыми руками, не торопясь сворачивать им шеи, а трупы в штабеля складывать! Да уж, не завидую я Фаттаху – когда он вернется к себе домой, и расскажет о том, что случилось, то его соплеменникам такие новости совсем не понравятся, и старейшины турегов потребуют крови виновного. В общем, как ни крути, но Фаттаху обязательно нужно провозгласить кого-то ответственным за все произошедшее, и привезти его с собой в пустыню, связанного по рукам и ногам – надо же хоть на ком-то отыграться за раскрытие тайны...

– То есть ты считаешь, мы на эту роль подходим идеально?.. – поинтересовался Винсент.

– А то! Знаете, сколько у этих рогатых накоплено золота и драгоценностей? Самые настоящие горы, только турегам все мало! Это здесь они ходят без особых украшений, зато у себя дома едва ли не с головы до ног обвешиваются дорогими побрякушками! А знаете, сколько они отсюда сокровищ увозят? Да об этом посторонним лучше не знать, потому как за любую пропавшую дорогую безделушку туреги вырежут всех, кого сочтут причастным к этому делу! Да и своих рогатых богов эти жители пустынь не забывают, в подземных храмах скоплены едва ли не груды драгоценностей! Давно кое-кто на эти сокровища зуб точит, мечтает в блестящие кучи свои лапы запустить, да не решается – знает, что будет, если рогатые его поймают! А оказывается, есть реальная возможность хорошо покопаться в золоте тех жителей пустынь, ведь теперь есть подсказка, как это дело можно повернуть... Ох, будет сейчас у турегов веселая жизнь!

Похоже, молодой человек уже прикидывает возможные последствия, то бишь поход к турегам за сокровищами, и свое предположительное участие в том опасном турне. Золото, значит... Да, очень практичный юноша, весь в отца.

– Вообще-то до тех мест, где живут туреги, еще добраться надо... – напомнил Винсент.

– Это верно... – вздохнул бывший жених Ярли, возвращаясь к

реальности. – В том-то и беда, что туда можно только на верблюдах добраться – любое другое животное в тех песках просто сдохнет от жары и жажды. Это еще не все: в тамошних пустынях обычным людям выжить сложно – там только эти рогатые себя уверено чувствуют, даже под песками ползать могут, набрасываются на врагов, словно призраки, пришедшие ниоткуда! А вот что касается обычных людей, то им без большого запаса воды в пустынях делать нечего. Турегам на тех, кто пришел на их земли, можно даже не нападать – достаточно всего лишь разрезать меха с водой, и у людей остается всего три выхода: или помереть в песках от жажды, или повернуть назад (но тут нет никакой уверенности в том, что сумеешь вернуться), или пойти в вечное рабство к этим рогатым... Так откуда вы про смолу узнали?

– Совершенно случайно, но сейчас речь не об этом... А ты много знаешь об этих обитателях пустыни!

– Это понятно – отец с ними какие-то дела ведет... Слушайте, может, мы с вами как-то договоримся, а?.. – я заметила, что молодой человек избегает смотреть в ту сторону, где находится Ярли. – Верните то, что вы забрали из нашего дома, и я помогу вам покинуть город.

– Не утруждайся.

– Но я действительно могу это сделать!

– Спасибо, но мы уж как-нибудь сами.

– Ничего у вас не получится! Я слышал, как стражники говорили: если не выйдет поймать вас на причале, то дороги из города перекроют, в том числе и ту, подле которой мы сейчас находимся. Даже если вы сумеете уйти, и отправитесь в какой-то другой город, то за вами все одно пойдут стражники, и от них вы не уйдете! И потом, думаете, вас туреги искать не будут? Как бы ни так! Знаете, какой нюх у этих рогатых? Они чуть ли не на четвереньках за вами побегут, каждую ямку и выбоину обнюхают...

– И что, дни уже много чего вынюхивали?.. – чуть усмехнулся Винсент. – Пока что мы их не видим.

– То-то и оно, что пока... – пробурчал сын владельца чайной. – Только у турегов, как видно, то ли от смолы нос заложило, то ли еще по какой иной причине, но те, кто пошли за вами, вернулись назад ни с чем, причем злые до невозможности. Вначале, вроде, шли по следу,

а потом что-то пошло не так. Похоже, хваленое чутье им отказало, но это ненадолго. С утра нос прочистят, и снова вас искать отправятся...

Ох... – подумалось мне, – ох, как хорошо, что Винсент придумал посыпать дорогу позади нас смесью из перца и соли: по его словам, это должно на какое-то время сбить нюх у преследователей. Кажется, все так и произошло.

– Как видно, туреги быстро в себя приходят после смолы, если потом сразу же были в состоянии бежать за нами... – подал голос Дорен.

– Этот запах на рогатых по-разному действует... – подсадовал бывший жених Ярли. – Одни из них очухиваются почти сразу, а есть и такие, что все еще на земле сидят и башкой трясут, ничего понять не могут... Да какими бы они ни были, а от вас точно не отстанут! Знаете, какие они злопамятные? Обиды никогда не забывают, и обязательно отомстят!

– Это уже не твоя забота.

– Да как же, не моя!.. – только что не взвыл молодой человек. – Хрен с ними, с турегами, верните то, что забрали из нашего дома! Воры! Как вас только земля носит?! Ну, если не хотите возвращать все, то отдайте хотя бы половину! Я вам за это помогу из города скрыться, слово даю! Побожусь, на чем хотите!

– Ты мне уже разок дал слово... – негромко сказала Ярли, которая до этого не произнесла ни звука. – Тоже клялся и божился, даже Всевышнего в свидетели призывал, когда просил моего отца спасти вас от разорения, а заодно и породниться.

– Я не виноват!.. – сын владельца чайной картинно схватился за голову. – Я всегда любил только тебя, но обстоятельства сложились не так, как нам бы того хотелось, да и отец у меня человек суровый... Понимаю тебя – обидно, конечно, но на все воля Всевышнего, и потому роптать не стоит...

– Ты и твой отец – бесчестные, неблагородные люди... – кажется, Ярли говорила то, что давно копилось у нее в душе. – А еще очень расчетливые.

– Ярли... – начал, было, говорить бывший жених, но девушка его не слушала.

– Помнишь, что сказал твой отец, когда выгонял меня из вашего

дома? «Всевышнему было угодно, чтоб мы свое слово взяли обратно»... Дескать, что такого особенного произошло? Мол, у моего сына появилась новая невеста, ты вернешься домой, только и всего, не драться же нам промеж собой! «С помощью Всевышнего разойдемся подобию-поздорову, а ни о каком ребенке, которого будто бы ждешь от моего сына, я слышать не желаю, ищи его папашу в другом месте»... Так было? Эти его слова и сейчас стоят в моих ушах! Но разве мы лезли к вам в родственники? Вы сами сватались! Неужели порядочно поступать так, как это вы сделали со мной? Вспомни, как по приказу твоего отца ваши слуги гнали меня плетью до дома, когда я пришла к вам перед твоей свадьбой, чтоб еще раз напомнить тебе о тех обещаниях, которые раньше ты давал мне.

– Ярли, ты так изменилась!.. – кажется, сыну хозяина чайной не хотелось отвечать ни на один вопрос девушки.

– Да, той влюбленной в тебя овцы больше нет.

– Ярли...

– Если бы не вы, то и мой отец, и моя девочка – они оба были бы живы!

– Ярли, все еще можно исправить!.. – едва ли не взвыл бывший жених. – Я даже могу взять тебя своей второй женой! Мы будем счастливы, как прежде, и у нас еще будут дети, да услышит Всевышний мои слова!

– Можешь не рассыпаться в любезностях – меня твои лживые обещания больше не трогают, а то, что между нами было, умерло вместе с моим отцом, и моей девочкой.

– Тогда верните все то, что вы утащили из нашего дома!.. – кажется, парню надоело разыгрывать из себя попорченную добродетель, и он повысил голос почти до крика. – Ярли, это же ведь ты привела своих новых друзей-разбойников в наш дом – знала, что и где лежит, и как можно добраться до денег. Не отрицай – доказательств хватает! Такого я от тебя никак не ожидал, да и все остальные тоже! Понятно, что сама ты так поступить не могла, а значит, твоей душой овладели темные силы! Если не желаешь вернуть все, то в память о нашем прошлом отдай хотя бы часть! Ярли, ты согласна? Вспомни о том, как мы любили друг друга!

– После всего, что произошло, я тебя ненавижу... – негромко произнесла девушка. – Знал бы ты, как мне хотелось не держать нож

возле твоего тела, а посильней нажать на рукоять. Может, я это еще и сделаю...

– Ты должна знать еще кое-что... – заторопился парень, который явно струхнул после слов Ярли. – Твоя тетя и один из ее сыновей арестованы, и отправлены в тюрьму! Сейчас ищут ее второго сына, и как только найдут, отошлют все туда же, в застенки! Твои родственники будут сидеть там до того времени, пока стражники не отыщут тебя. В темнице им придется плохо, да и тюремщики народ бессердечный... Если же тебя не отыщут, то твоя родня останется в тюрьме на веки вечные, и выпускать их оттуда никто не собирается, а ваш дом перейдет в собственность городской казны.

– Хоть одна хорошая новость... – девушка и бровью не повела.

– Неужто тебе не жаль своих родственников?.. – продолжал взывать молодой человек.

– Нисколько... – Ярли покачала головой. – Надеюсь, они получат по заслугам. А я буду молить Всевышнего, чтоб твои слова оказались правдой, и мои дорогие родственники никогда не вышли из того острога. Что же касается дома, то он уже давно не мой – тетя забрала его себе, и не удивлюсь, если к этому времени она его успела заложить.

Кажется, бывший жених напрасно пытается разжалобить Ярли, во всяком случае, он использует для этого не те аргументы. Девушка вовсе не намерена вспылать сочувствием к тетке, которая убила ее дочку, да и сына тетки Ярли не намерена жалеть – этот человек знал о намерениях своей матери, и не остановил ее. Что касается второго сына тетушки, того, который находится сейчас в курильне опиума, то отчего-то мне кажется, что он вряд ли оттуда выйдет, а если это все же произойдет, то он очень быстро присоединится к матери с братом...

– Верни хотя бы кое-что из того, что забрали у нас!.. – продолжал свои увещевания бывший жених. – Хотя это наше добро, но я согласен поделиться! Допустим, вы возвратите нам золото и серебряный браслет с большим камнем, а остальное, так и быть, забирайте себе!

– Какая щедрость!

– А то! Мы даже стражникам можем сказать, что вы все вернули, и они от вас отстанут!

Ну, тут парень явно перехватил со своими обещаниями. Пожалуй, пора заканчивать с разговорами, тем более что ничего нового мы, скорей всего, больше не услышим.

– О браслете с каким камнем идет речь?.. – спросил Винсент.

– С зеленым! Я говорю о большом изумруде! Вы что, его не заметили?

– А зачем этот камень так нужен турегам?

– Вы откуда об этом знаете?.. – удивился молодой человек, но тут же махнул рукой. – Впрочем, какая разница... Вы же догадываетесь, о чем идет речь, верно? Туреги заплатили моему отцу, чтоб он нашел этот браслет с камнем – вот и все. Теперь они желают его получить, так что лучше отдать рогатым камень – может, успокоятся.

– И откуда твой отец взял этот изумруд?

– Не знаю, купил где-то за большие деньги – все же связи у него немалые... Так мы договорились?

– О чем?.. – поинтересовался Винсент.

– Ну, вы мне возвращаете хотя бы часть похищенного, а я вывожу вас из города... Клянусь Всевышним, я честно исполню свои обещания, и у меня нет дурных намерений! И не стоит думать обо мне плохо – в действительности все обстоит совсем иначе!

– Возможно... – согласился Винсент, который до того крутил на пальце цепочку с небольшой пластинкой – тот самый свисток, который мы отобрали у бывшего жениха Ярли. И вот надо же такому случиться: цепочка внезапно слетела с пальца Винсента, и упала прямо под ноги нашего пленника, а тот, в свою очередь, сразу же схватил ее и сунул свисток себе в рот, только вместо залиистой трели до нас донеслись звуки, куда больше похожие на приглушенное кряканье.

– Надо же, какая незадача... – хмыкнул Винсент, глядя на растерянное лицо молодого человека. – Я знаю такие свистки – если в них хорошо дунуть, то у окружающих уши заложит, а звук разносится очень далеко. Однако если в этой свистульке чуть надломить край, то мы услышим надтреснутое кряканье осипшей утки на болоте. Впрочем, в этой стране болот нет, так что подобное

сравнение для вас, молодой человек, может быть несколько непонятно...

Бывший жених Ярли не стал далее слушать, о чем ему хотел сказать Винсент, и бросился, было, у двери, висящей на одной петле, но Дорен был наготове, и в следующее мгновение сын владельца чайной уже лежал на земле, пытаясь вдохнуть в себя хоть немного воздуха.

– Да, вот и верь после этого клятвам о собственной честности и порядочности... – сделал вывод Винсент. – Я получил еще одно тяжкое жизненное разочарование... Ладно, хватит пустой болтовни, а этого красавца надо связать покрепче...

По счастью, у нас при себе отыскался кусок крепкой веревки: мы ее на всякий случай прихватили в «Отраде странников», благо этого добра на постоялом дворе хватало с избытком. Связать молодого человека не составило труда, тем более что он особо не сопротивлялся – похоже, вновь испугался, причем едва ли не до онемения, наших угроз расправиться с ним. Конечно, не стоило оставлять нашего связанного пленника посреди этой полуразрушенной халупы – мало ли кто может заглянуть сюда в самое ближайшее время!, но подле одной из стен была вырыта неглубокая яма – судя по всему, когда-то она использовалась вместо погреба. Вот туда мы и потащили связанного пленника.

– Вы что делаете?.. – просипел бывший жених Ярли – голос у него, похоже, осип от страха.

– Ровным счетом ничего... – пожал плечами Винсент. – Полежишь в тишине, прохладе и покое, подумаешь о жизни – очень, знаешь ли, полезное занятие. И заруби на носу – девушек обижать не стоит. Они создания ранимые, иногда могут ответить так, что на всю жизнь запомнишь.

– Да чего я ей сделал? Подумаешь, расстались! Бывает, не она первая... А девка, тварь такая, нас после этого ограбить решила! За такое убить мало! Ну, попадись ты только в руки моему отцу, он с тебя кожу по лоскутку спустит!..

– Вот беда, никак до тебя, милоч, не доходят очевидные истины... – Винсент ловко воткнул кляп в рот парня. – Ну, раз так, то предоставляю тебе простор для размышлений о тайнах женской души. А заодно подумай о том, отчего люди так удивляются, когда с

ними ведут себя таким образом, как и они поступают с другими...

Через несколько минут мы уходили от полуразвалившегося дома, в котором остался бывший жених Ярли, связанный по рукам и ногам. Вообще-то мы спихнули его в яму, из которой он может выбраться без особых сложностей, правда, это произойдет только тогда, когда молодой человек сумеет распутать намотанные на него веревки, а это случится не скоро, потому как узлы на веревках затянуты крепко. Кроме того, сверху на яму положили несколько трухлявых досок, маскирующих углубление в земле – пусть какое-то время бывшего жениха Ярли будет не видно и не слышно, а уж когда он сумеет выбраться наверх и избавиться от кляпа – вот тогда пусть делает все, что хочет, и говорит, что пожелает. Если же сам от веревок не освободится, то его освободят те, кто тут ночует – ясно, что здесь по ночам останавливаются бродяги и бездомные. Надеюсь, то, что с ним сегодня произошло, он запомнит на всю жизнь.

– Куда дальше?.. – спросила я, когда мы немного отошли от дома.

– Это, конечно, вопрос... – Винсент оглянулся по сторонам, но поблизости от нас никого не было, хотя людей на дороге было не так и мало. По счастью, они пока что находились вдалеке. – Судите сами: в город нам идти нельзя, все дороги скоро тоже будут перекрыты, так что если даже мы решим добираться пешком до соседнего города, то это у нас вряд ли получится – перехватят в пути. К тому же нам следует искать другой портовый город, только вот где его найти, и знать бы, какие дороги туда ведут...

– Что ты предлагаешь?

– Как всегда – ничего хорошего, но у нас иного выхода все одно нет... Отправляемся в рыбацкую деревню, тем более что идти до нее всего ничего. Постараемся раздобыть лодку побольше и покрепче, такую, чтоб выдержала долгий переход по морю.

– Ты хочешь...

– Да, надо попытаться уйти отсюда по воде. Отправляться в путь на рыбацкой лодке – дело, конечно, крайне рискованное, но шанс покинуть этот город у нас все же есть. Море на хлипком суденышке нам, конечно, пересечь не удастся, но добраться на нем до другого портового города вполне возможно. А если мы останемся здесь, то, в лучшем случае, у нас будет всего несколько часов свободы – пешком

мы много не нагуляемся, а чтоб купить повозку и лошадей – для этого надо идти в город, вернее, на базар. То, что до него мы вряд ли дойдем – это даже не обсуждается, сцапают в два счета.

– Ярли, ты когда-нибудь была в этой рыбацкой деревушке?.. – спросил Дорен.

– Нет, никогда... – покачала та головой. – Да и знакомых рыбаков у моего отца не было.

– Винсент, а ты умеешь управлять лодкой?.. – поинтересовалась я.

– Ну, веслами-то я работать могу, но для моря, где надо идти под парусом, это не подходит. Ладно, что-нибудь придумаем. Плохо то, что времени у нас совсем мало – сейчас стражники могут начать наши поиски уже в открытую.

Нам понадобилось совсем немного времени, чтоб дойти до рыбацкой деревушки. Даже на первый взгляд было понятно, что тут живут небогатые люди: глинобитные дома, огороженные друг от друга невысокими глиняными заборчиками, дворы, на которых сушатся сети, узкие улочки, берег с причалами, лодки, кучи водорослей и мусора на прибрежном песке... Многие рыбаки уже выгрузили свой утренний улов, и, отмахиваясь от нахальных чаек, несли живое серебро в высоких корзинах на небольшую площадь – как видно, ждали перекупщика, который забирал у них рыбу. Один из перекупщиков только что отъехал с площади, и его тележка была заставлена тяжелыми корзинами, а вот и второй торговец – запряженный осликом возок еще только подъезжает к стоящим людям. Судя по внешнему виду тех рыбаков, которых мы видим, здешних перекупщиков ни в коем случае нельзя назвать щедрыми людьми.

Наше появление на здешних улочках не привлекло особого внимания – все же дорога проходила рядом с деревушкой, и прохожие нередко заходили в это место, причем некоторые просто из любопытства. Ну и хорошо, пусть бы так продолжалось и дальше.

Правда, как выяснилось, к детям, живущим здесь, подобное не относилось – когда мы стояли на берегу, глядя на лодки, то рядом раздался детский голос:

– А вы к кому пришли?

Подле нас появился босоногий мальчишка лет семи, одетый в потрепанную одежду. Парнишка с любопытством смотрел на нас – как видно, надеялся, что сумеет заработать на пришлых зеваках хотя бы самую мелкую монетку.

– Ты здесь живешь?.. – спросила Ярли. Мы заранее решили, что переговоры стоит вести ей – у каждого из нас был очень заметен акцент, да и сама речь была не из лучших, а к иноземцам отношение везде несколько настороженное, и уж тем более здесь, в этом ограниченном мирке.

– А где ж еще!.. – даже удивился мальчишка.

– Твой отец рыбак?

– Конечно!

– И лодка у вас есть?

– Как не быть?.. – а вот теперь в голове парнишки была настоящая обида – кажется, он счел вопрос Ярли по меньшей мере странным.

– Она хорошая? Большая?

– Не хуже, чем у остальных!

– А где сейчас твой отец?.. – продолжала Ярли.

– Рыбу перекупщику продает... – пожал плечами мальчишка.

– Нам бы с ним поговорить надо.

– А зачем?

– Дело к нему есть.

– Ладно, пошли...

Глинобитный дом рыбака находился всего лишь в нескольких шагах, так что меньше, чем через минуту, мы оказались на небольшом дворике, где сушились сети, и парнишка закричал во все горло:

– Мама, папа, к вам какие-то господа пришли!

Господа, значит... Ну, если сравнивать нашу добротную одежду с потрепанными одеяниями здешних рыбаков, то, пожалуй, можно сказать и так. Плохо то, что звонкий голос мальчишки разносится едва ли не по всему поселку, но тут уж ничего не поделаешь.

Из мазанки вышел жилистый мужчина средних лет, с обветренным и выцветшим лицом, а из-за его спины выглядывала женщина, прикрывая платком лицо. Кажется, в здешних местах посторонние люди редко напрашивались в гости. А еще, если судить по мокрым разорванным сетям, которые только что развесили для просушки, хозяин совсем недавно вернулся домой после лова. Верно, мальчишка же упоминал о том, что сейчас отец продает рыбу перекупщику. Значит, рыбак уже вернулся домой, только он вряд ли получил много медяшек от перекупщика за свой улов.

– Добрый день... – поприветствовала хозяев Ярли, а мы все чуть склонили голову. – Да пошлет вам Всевышний удачу и хороший улов!

– И вам Всевышний пусть ниспошлет столько же радостей, сколько шагов вы сделали по дороге сюда... – после паузы отозвался мужчина.

– Мы ищем лодку, чтоб добраться до соседнего города... – Ярли сразу приступила к делу.

– И куда, уважаемые, вам надо добраться?

– Я же сказала – в соседний город! Вернее, в соседний порт.

– В Наррас, что ли?

– Да... – кивнула Ярли.

Положа руку на сердце, должна сказать – нам все равно, куда отправляться, лишь бы поскорей покинуть эти места.

– Так до него ж добираться два дня, не меньше!.. – удивился мужчина. – Конечно, если будет попутный ветер, то быстрее управимся, только мне потом назад возвращаться...

– Мы хорошо заплатим, если отправимся сейчас же.

– Ну, не знаю... – озадаченно протянул мужчина. – Это такое дело...

– Десять золотых... – оборвала Ярли слова рыбака.

– Сколько?! – выдохнул тот, а женщина за его спиной тихонько ахнула. Похоже, о таких деньгах здесь даже мечтать не могли.

– Вы их получите только в том случае, если мы сейчас же отправимся в путь.

– Но, это... У меня же лов... – кажется, мужчина произнес первое, что пришло ему в голову.

– Ваша рыба никуда не денется.

– Но меня не будет несколько дней, а сети уже поставлены. За эти дни рыба в сетях загниет, ее выкидывать придется, а потом с сетями возиться, чтоб в порядок их привести...

– Хорошо... – Ярли подняла руку. – Раз такие хлопоты, то получите пятнадцать золотых – этого вам с лихвой хватит на новые сети. Подумайте, сколько лет вам надо ловить рыбу, чтоб получить такие деньги.

– Да понимаю я... – э, да рыбак, похоже, пытается торговаться. Вот жук! Ему же и без того предлагают немалые деньги, а он хочет получить еще пару монет. – Просто я только что с лова домой вернулся, и если совсем не отдыхать, то можно заснуть у руля или выпасть за борт...

– Последняя цена – двадцать золотых, и мы отправляемся в путь сейчас же.

– Не знаю...

– Тогда мы идем к вашим соседям – надеюсь, они согласятся отвезти нас в Наррас и за пять золотых...

– Стойте!.. – только что не сорвался на крик рыбак. – Я согласен!

– Значит, договорились. Собирайтесь.

– А деньги... – начал, было, рыбак, но Ярли покачала головой.

– Пятнадцать золотых получите, когда мы пойдем к вашей лодке, а оставшиеся пять – после прибытия в Наррас.

– Ладно, по рукам...

– Только вы поторапливайтесь.

– Я быстро...

Мужчина вместе с женой ушли в дом, а Ярли повернулась к нам.

– Кажется, дело движется на лад.

– Что-то мне этот рыбак совсем не нравится, не знаю, и почему...
– Винсент хмурился. – Главное, чтоб он воды с собой взял побольше
– не знаю насчет вас, а мне на море всегда пить хочется...

Через несколько минут мужчина вновь появился на пороге, и в его руках находилась большая потрепанная сумка.

– Ну, пошли!

– Уважаемый, вы ничего не забыли?.. – холодно спросила Ярли.

– Госпожа, вы о чем?

– Насколько мне известно, с собой в дорогу по морю берут воду, а у вас ее что-то не видно.

– Ох, забыл!.. – мужчина только что не ударил себя ладонью по лбу. – Я сейчас...

Странная забывчивость – можно подумать, что этот человек, когда уходит в море на промысел, то воду с собой не берет. Хотя, вообще-то, подобное поведение можно списать на волнение. Во всяком случае, когда рыбак вновь появился на пороге, то помимо все той же старой сумки, у него в руках находился бочонок с водой, а его жена несла большую связку вяленой рыбы – как видно, это нам еда в дорогу. Что ж, ничего не имею против, особенно если учесть, что мы, все четверо, не ели со вчерашнего дня. Конечно, не мешало бы прихватить в дорогу и что посытней, но обойдемся тем, что есть. Надеюсь, рыбак больше ни за какой надобностью возвращаться не станет. Ох, что-то мне не особо нравятся эти задержки... А еще, когда мы отошли от дома рыбака, я заметила, что все тот же мальчишка со всех ног куда-то припустил по улице. Винсент тоже обратил на это внимание, но промолчал, лишь проводил бегущего долгим взглядом.

Путь до причала, где стояла лодка рыбака, занял всего несколько минут. Лично на меня она не произвела особого впечатления – лодка как лодка, ничего особенного, кроме, разве что, того, что она сильно пахнет рыбой, да и чешуи в ней с избытком. Наверное, если кто-то вздумает привести эту лодку в порядок, то этой самой рыбьей чешуи здесь наберется не одно ведро. Ну да не страшно, пару дней можно и потерпеть такие мелкие неудобства, нам привередничать не с руки.

– Дорен, что скажешь?.. – негромко спросил Винсент.

– Лодка, кстати, неплохая... – тихо ответил тот. – Глубокий киль, достаточно длинная, не очень широкая, высокая прочная мачта... – Эта посуда должна быть весьма ходкой, а это не может не радовать.

– Ну, хотя бы с лодкой повезло...

Меж тем рыбак поставил в лодку бочонок с водой, и положил рядом связку вяленой рыбы, а Ярли протянула его жене пятнадцать золотых монет, после чего женщина едва ли не бегом просилась прочь от причала, прижимая к себе обретенное богатство. Без сомнений, сейчас спрячет эти деньги в самое укромное место, причем так, чтоб их никто посторонний не сыскал. Мы, тем временем, тоже забрались в лодку, а вот рыбак отчего-то топтался у причала.

– Хозяин, ты еще долго будешь время тянуть?.. – не выдержала я, глядя на то, как рыбак оглядывается по сторонам. Сейчас меня уже не особо беспокоило, заметит мужчина мой акцент, или нет. Если ему что-то не понравится, то мы и сами управимся с суденышком, без него, а рыбак пусть себе новую лодку приобретает, благо денег у него сейчас хватит. – Учти: мы и сами можем поставить парус, но в этом случае ты останешься на причале, а мы уйдем на лодке. Естественно, что в этом случае тебе придется распрощаться со своей посудиною.

Этих слов вполне хватило для того, чтоб рыбак, косо глянув на меня, заторопился, и очень скоро суденышко отошло от причала, сильно качаясь на волнах. Захлопало под ветром полотнище, которое отвязывали от мачты, лодка взяла на север, и пошла вдоль причалов, постепенно набирая ход, и чуть покачиваясь. Ну, а я смотрела на берег, уходящий за корму, и думала о том, что наконец-то покидаю этот город, и чем дальше мы уходим отсюда, тем спокойней становится у меня на душе. Конечно, порт Наррес, в который мы направляемся, тоже находится в этой же стране, но хочется надеяться, что там нам будет легче сесть на другой корабль, пусть он даже направляется не в нашу страну, ведь сейчас для нас главной – убраться из этих мест. На крайний случай, в Нарресе можно даже нанять корабль, чтоб отправиться на родину, тем более что в средствах мы не стеснены.

Снова прижала к себе мешочек, в котором находилось мое сапфировое кольцо. Как это ни досадно, но сейчас совсем не то время, чтоб доставать кольцо и рассматривать его. Ничего, потерплю, главное то, что оно, наконец, вновь возвратилось ко мне.

Мужчины устроились на корме, а мы я Ярли сидели ближе к носу лодки, и я заметила, что девушка неотрывно смотрит на волны. Конечно, она все еще переживает последний разговор со своим бывшим женихом. А еще я подумала о том, что за все это время мы

даже не спросили у девушки, хочет ли она уйти с нами – как-то само собой подразумевалось, что мы все вместе намереваемся покинуть эту страну.

– Ярли... – негромко спросила я у девушки. – Ярли, а ты не жалеешь, что ушла с нами? Ты ведь вряд ли сумеешь хоть когда-то вернуться назад...

– Что вы, госпожа! Разве меня здесь что-то держит?.. – девушка оторвала взгляд от воды и посмотрела на меня. – У меня больше нет дома, нет родных, и если бы не вы, то я бы давно оборвала свою жизнь, которая в то время казалась мне никчемной, и я больше всего на свете хотела умереть. А сейчас... Госпожа, вы ведь никогда не оставите меня?

– Конечно, нет!

– Госпожа, иногда мне становится страшно, когда я думаю о том, что мы делаем, и в то же самое время я понимаю, что ни за что не хотела бы вернуться в свою прошлую жизнь. В последнее время я себя просто не узнаю – совсем недавно я и помыслить не могла о том, что могу решиться на такие поступки! Меня учили быть покорной мужу, и послушно принимать свою судьбу, а вместо этого я творю такое, что сейчас удивляет меня саму.

Ох, Ярли, как я тебя понимаю! Я бы тоже не поверила никакому провидцу, даже самому знаменитому, если бы несколько месяцев назад он предсказал, что я стану беглой рабыней, у которой к тому же окажутся авантюрные наклонности... Вновь подумала о том, что не представляю, как буду объяснять тете Фелисии свое нынешнее поведение, и то, на что я вынуждена была пойти, чтоб выжить! Я поставлю тетушку в весьма непростое положение, когда расскажу ей обо всем, что со мной произошло, а скрывать от нее ничего не стоит... Даже думать об этом не хочется, ведь для тети Фелисии едва ли не на первом месте находится благородное имя семьи и незапятнанные герб и титул. А еще я хорошо знаю нашу аристократическую среду: там снисходительно посмотрят на неравный брак, тем более, что он очень скоро будет расторгнут – дескать, случается и такое, кто из нас по молодости не ошибался?!, а вот мое пребывание в рабстве и все остальное... Если об этом станет известно, то передо мной закроют двери едва ли не все знатные семейства нашей страны, причем подобное отношение может распространиться и на моих родных, причем в первую очередь это касается детей тети Фелисии, то есть моих

кузенов... Нет, об этом пока что думать не стоит, тем более что до дома мне добираться еще ой как долго!

Тем временем Ярли продолжала:

– А уж после того, как вы наказали моих обидчиков... Я рада, что сумела хоть немного отомстить им. Единственное, о чем я жалею – так это о том, что не смогла побывать на могилах моего отца, и моей девочки. Беда в том, что я даже не знаю, где они находятся: тетка решила сберечь деньги, и их похоронили в общей яме, там, где закапывают безродных и бродяг. Вернее, это даже не ямы, а просто длинные и глубокие рвы за городом, так что точное место, где похоронен каждый из двух моих родных людей, я вряд ли сумею найти. Что касается моей матери и брата, то они умерли в другом городе, от оспы, а всех, кто умер во время этого мора, тоже хоронили в общей яме.

– Но почему твоего отца, и твою дочку тоже захоронили в общей могиле?

– Просто тетке оба этих так называемых погребения обошлись всего в две медных монеты – она сказала, что мертвым все равно, им уже ничего не требуется, а ей деньги нужны на другое. Я, конечно, пыталась что-то сказать, но меня никто не слушал...

Судя по всему, после того, как мы отправились в путь на лодке, наша девушка немного захандрила. В чем я ее могу понять – как бы она не храбрилась, но понимает, что навсегда покидает свою страну. Надо попытаться переключить ее внимание на что-то другое.

– Ярли, я вижу, что ты не отрываешь взгляд от воды...

– Да, госпожа... – вздохнула девушка. – Я никогда раньше не отдалялась на лодке так далеко от берега. Мне просто немного страшно – вокруг так много воды, а я не умею плавать...

Вообще-то из меня тоже пловец никудышный, вернее, ровным счетом никакой, и если окажусь за бортом, то смогу только барахтаться на месте – и более ничего.

– Ну, я тоже, знаешь ли, могу только бултыхаться, так что, в случае чего, у нас одна надежда – на мужчин...

Посмотрела на Винсента и Дорена. Оба сидят на корме, то и дело поглядывают назад. Лично я ничего подозрительного не замечаю – синее небо с облаками, крики чаек, небольшие волны за бортом, кое-

где находятся лодки рыбаков, на горизонте виден парусник... Наша лодка идет на достаточно большом расстоянии от берега, так что нас оттуда не рассмотреть при всем желании. Кажется, можно отдохнуть, но я замечаю, что Винсента что-то всерьез беспокоит, хотя он ничего не говорит. Что ж, подождем, возможно, все его сомнения вскоре развеются, словно дым.

Вяленая рыба, которую взял в дорогу рыбак, оказалась очень даже неплохой, и этого мнения придерживались все. Правда, Винсент велел каждому из нас съесть только по одной рыбке – она была солоновата, а вот воды в бочонке, как выяснилось, находилось не так и много, немногим более половины. Винсент был прав: если бы мы от души наелись этой соленой рыбы, то пили бы воду, не переставая.

– Что ж ты, господин хороший, водой в дорогу не запасся?.. – поинтересовался Винсент. – Вроде те, кто уходят в море, об этом всегда помнят.

– Забыл... – коротко ответил рыбак. – Но дальше есть место, где можно запастись питьевой водой. Через пять-шесть часов можно подойти к берегу – там ручей в море впадает, можно воды набрать.

– Посмотрим... – уклонился от ответа Винсент. – Ты лучше ход у лодки не сбрасывай.

– Да я и не думал!

– Ну-ну...

Шел час за часом, лодка покачивалась на волнах, было жарко, и мои глаза поневоле стали закрываться. Мы не спали сегодняшнюю ночь, да и вчерашнюю, можно сказать, дремали вполглаза, и потому я почти что клевала носом, хотя понимала, что делать этого не стоит. Вот и Ярли, сидящая рядом, уснула, привалившись к моему плечу. Однако стоило мне услышать слова Винсента, как сонная дурь пропала, будто ее и не было.

– А я говорю, перестань уменьшать ход лодки!.. – ого, какой у него жесткий тон!

– Господин, да с чего вы взяли... – начал, было, оправдываться рыбак, но Винсент его перебил.

– Да потому что я не слепой, и вижу, что лодка идет не прямо, а зигзагами. А еще за нами следуют две лодки, вернее, не следуют, а вовсе приближаются, вернее, догоняют нас, тем более, что ты

делаешь все, чтоб идти как можно медленней.

– Какие еще лодки?

– Это тебе лучше знать, к кому ты отправил своего парнишку – я еще у вашего дома заметил, как ты ему знак подал, только говорить ничего не стал.

Я бросила взгляд за корму – верно, вдали виднелись две лодки, причем они шли довольно близко друг к другу. Да, хорошо, что Винсент, в отличие от нас, не спал, а не то приблизились бы к нам эти лодки, и вряд ли мы бы смогли долго сопротивляться.

Хм, а ведь этому человеку мы сразу не понравились. Интересно, отчего это мы вызвали у него такую неприязнь? Пожалуй, всему этому есть только одно объяснение – тот посредник, что покупал улов у рыбаков, наверняка сказал им, что ловят опасных бандитов, и даже наши приметы мог перечислить. Ну, если дело обстоит таким образом, то, значит, к нашим поискам привлекли всех, кого только можно. Пожалуй, можно считать великим счастьем, что нам удалось живыми уйти из города.

– Господин, не знаю, о чем вы говорите... – продолжал гнуть свое рыбак, хотя было ясно, что слова Винсента его здорово напугали.

– Значит так, слушай меня внимательно, второй раз говорить не буду... – вступил в разговор Дорен, который до этого помалкивал. – У твоей лодки хороший ход, и потому сделай все, чтоб мы оторвались от преследователей. Сразу предупреждаю: если ты не сумеешь оторваться, и они к нам приблизятся, то первое, что я сделаю – тебе горло перехвачу, и за борт отправлю. Ты это заслужил. Или ты, голубь, рассчитывал, что мы ничего не заметим, покорно руки поднимем и сдадимся, а ты останешься довольным и невредимым? Должен тебя разочаровать: нам терять нечего – одним убитым больше, одним меньше – без разницы, а вот тебе, как я думаю, не очень-то хочется на дно, рыбу кормить. Ну, а мы, если будет на это благоволение Светлых Небес, с парусом на твоей лодке уж как-нибудь справимся.

– Да вы чего...

– И вот еще что... – продолжил Винсент. – Хватит идти вдоль береговой линии, отправляйся в море. Надо стряхнуть погоню с хвоста.

– Зачем в море?.. – струхнул рыбак. – Опасно, да и погода портится...

А ведь и верно – поднимается ветер, серые облака затягивают небо, волны стали выше... Неужели, и верно, будет шторм? Ну как все это не ко времени...

– Если б ты за нами погоню не послал, то все могло быть иначе... – отрезал Винсент. – А сейчас делай, что тебе приказывают.

– Говорю же – погода портится... – осипшим голосом повторил мужчина. – Как бы шторма не было, а если мы в это время окажемся в открытом море...

– Вот как?.. – Винсент достал нож с длинным лезвием – его он прихватил, когда мы еще находились в комнате Фаттаха на постоялом дворе. Тогда Винсент забрал у турега два ножа, и один из них отдал брату. Сейчас Дорен, уловив чуть заметный кивок Винсента, вытащил свой нож с хищно изогнутым лезвием, вид которого мог напугать едва ли не каждого обывателя. – Кстати, должен тебе сказать, что у наших дам тоже имеются ножи, и если ты по-прежнему будешь упрямиться, то я не вижу смысла в дальнейших переговорах. И запомни: ты останешься жив только в том случае, если мы сумеем уйти от погони, которую, кстати говоря, именно ты и организовал...

Угрозы возымели должное действие, и теперь уже рыбак делал все, чтоб оторваться от преследователей. Правда, вначале нам казалось, что лодки даже сокращают расстояние между нами, но затем стало понятно, что мы удаляемся от них, а еще через какое-то время лодки, отправленные за нами, и вовсе повернули назад. Вообще-то тех людей, кто был на лодках, можно понять – мало того, что мы направились в открытое море, все дальше и дальше удаляясь от берега, так вдобавок ко всему менялась погода, и надвигался шторм. Небо темнело, порывы ветра становились все сильнее, а волны выше. Наши преследователи, оценив опасность, благоразумно повернули назад, торопясь вернуться на берег до начала шторма. Мы бы тоже не отказались укрыться в безопасном месте, только такая роскошь нам сейчас недоступна.

Рыбак убрал парус уже после того, как не стало видно преследователей. Вернее, парус он убирал не один – ему помогали Винсент и Дорен, потому как к тому времени в одиночку с этим

справиться было невозможно – поднялся такой сильный ветер, что рвал парусину из рук. Лодку мотало по волнам все сильнее, и каждый раз, когда с гребня высокой воны лодка едва ли не падала вниз, у меня замирало сердце. Все, что мы могли сделать – это убрали наши вещи в ящик на корме, а заодно привязали себя к лодке – кто к мачте, а кто к сидению. Это было необходимо сделать для того, чтоб никого из нас не смыло за борт...

Позже рыбак сказал, что шторм задел нас лишь краем, и только потому лодка не затонула, но, тем не мене, сильный ветер нес нас куда-то по волнам, и все, что нам оставалось – это бесконечно вычерпывать воду из лодки, молясь всем Светлым Богам, чтоб непогода закончилась как можно быстрее.

Ветер стих только ближе к утру, но эта ночь показалась мне бесконечной. Когда же взошло солнце, оно осветило все вокруг, в том числе и нас, насквозь вымокших, бесконечно усталых и измотанных до того, что у каждого не было сил даже пошевелиться. День обещал быть жарким, и мы надеялись, что горячее солнце быстро высушит нашу одежду, промокшую насквозь. От бесконечно усталости мы все уснули, сидя рядом друг с другом, и не обращая внимания на окружающее, хотя на что там смотреть – вокруг одна соленая вода. Очень хотелось пить, но воды не было ни капли – во время шторма бочонок с пресной водой смыло за борт...

Я проснулась оттого, что Винсент тряс меня за плечо:

– Просыпайся!

– Что случилось?.. – я с трудом открыла глаза.

– Сама смотри, а я пока остальных подниму...

А посмотреть было на что – оказывается, лодка дрейфовала все то время, пока мы спали, и сейчас течение принесло ее то ли к небольшому острову, то ли к гряде скал, кое-где покрытых зеленью. Наконец-то земля, пусть хоть такая! Наверное, не только у меня, но и у остальных при виде этой картины словно камень с души свалился – кажется, Светлые Небеса вновь сжалились над нами. Надо туда, на этот остров – там можно отдохнуть и отоспаться. А еще эта зелень, покрывающая темные скалы... Без сомнений – там есть вода! Ох, как же хочется пить! От соленой воды, которой нам пришлось поневоле наглотаться, во рту сухо, как в пустыне, и язык распух.

– Надо же, остров!.. – обрадовано выдохнул Дорен. – Смотрите,

какая зелень! Значит, там и вода имеется... Надо бы побыстрее добраться до этого благословенного места, а то я сейчас от жажды помру!

– О, Всевышний, за что ты наказываешь меня!? – раздался растерянный голос рыбака, который испуганно смотрел на остров. – Как же так могло случиться, что ты привел меня в эти места? Видно, велики мои грехи...

– В чем дело?.. – Винсент повернулся к рыбаку.

– Это плохое место... – вздохнул тот. – Все стараются обходить его стороной.

– И что же тому причиной?

– Не знаю... – чуть поколебавшись, ответил тот. А ведь он что-то недоговаривает, но с этими недомолвками можно разобраться потом.

– Нам сейчас не до того, что пугаться – если воду не найдем, то от жажды умрем, а вода тут, похоже, имеется... – отмахнулся Винсент. – Давай, не болтай лишнего, правь на остров – там разберемся, что к чему. А то, что здесь будто бы место плохое – так нам в последнее время только такие места и встречались. Одним больше...

Все верно, но вот кто бы мне сказал, когда у нас закончатся неприятности...

Глава 15

Нам вновь повезло, причем дважды. Прежде всего, посреди отвесных скал, о которые бились волны, отыскалось нечто вроде небольшой бухточки, в которую рыбак сумел направить лодку, а там мы благополучно причалили к берегу. Но главное – на острове отыскалась вода. Вернее, это был небольшой источник у основания одной из скал в глубине острова, и вода из него тоненьким ручейком струилась по узенькой ложбинке, вернее, трещине в скале, которая тянулась до моря. Надо сказать, что времени на поиски воды у нас ушло немало, но до того мы успели напиться дождевой воды из ямок и выбоин в скалах – похоже, ночью здесь бушевала настоящая гроза с ливнем, и вытекшая с небес вода, заполнившая все каменные углубления, еще не успела высохнуть. Что ж, от жажды мы здесь точно не умрем, а это уже немало.

Вообще-то островом это место можно было назвать с большой натяжкой – скорей, мы оказались на гряде из нескольких базальтовых скал, кое-где покрытых растительностью, то бишь низкорослым чахлым кустарником и серо-зеленым мхом. Никакой живности тут тоже не было видно – ни животных, ни птиц. Это понятно – кто ж станет селиться на небольшом островке посреди моря, едва ли не на скалах, обдуваемых всеми ветрами... Н-да, спаслись, называется.

Усевшись на толстый слой мха, растущий подле ручейка, все мы какое-то время сидели молча, приходя в себя после пережитого. Что ни говори, но мы сумели выжить в шторм, нашли хоть какую-то твердую землю под ногами, отыскали воду... Жизнь продолжается, только вот не знаем, что нам делать дальше.

Наверное, эти мысли беспокоили каждого из нас, и потому Винсент повернулся к рыбаку, который устроился чуть в отдалении от нас, и сидел, схватившись за голову.

– Где это мы оказались, не подскажешь?

– И зачем только я с вами связался?.. – вместо ответа простонал тот. Кажется, этот человек находился в весьма подавленном состоянии духа.

– Да потому что мы тебе хорошо заплатили... – чуть усмехнулся Винсент.

– Тут и деньгам рад не станешь!.. – сорвался на крик рыбак. – Что теперь делать – ума не приложу!

– А кто в этом виноват?.. – теперь и Дорен подал голос. – Если бы твоего парнишку за стражниками не отправил, то бы мы сейчас спокойно добирались в Наррас на твоей лодке, причем шли бы едва ли не вдоль берега, без всякого риска для жизни. Надвигающийся шторм могли пересидеть в укромном месте, причем на суше и под крепкой крышей, в одном из тех рыбацких поселков, которых, как я понимаю, по берегу расположено немало. Ну, а уж если за нами отправилась погоня, причем как раз по твоей наводке, то тут, как говорится, не взыщи.

– Так кто ж знал, что шторм будет?

– Чтоб ты, который всю жизнь прожил на море, да об этом не догадывался?.. – приподнял брови Винсент. – Наверняка имел это в виду, когда сына за помощью послал – дескать, перед надвигающейся непогодой лодке поневоле придется к берегу пристать.

– А что я, по-вашему, должен был делать?.. – рыбак явно не собирается раскаиваться. – С утра в нашу деревушку приехал перекупщик – он у нас не только рыбу забирает, но и еще и последние новости привозит. Перекупщик и рассказал, что стражники по всему городу ищут опасных преступников, ваши приметы сообщил, да еще и поведал о большой награде, которая обещана за поимку этих злодеев. Городская стража уже с утра об этом стала предупреждать жителей едва ли не на каждом перекрестке. Ну, мы с мужиками помечтали о том, как было бы хорошо, если бы эти деньги нам в руки попали... И тут вы пришли – все один в один, как и сказано было! Я, грешным делом, при виде вас даже ошалел малость.

– А разве мы тебе мало заплатили? Сделал бы вид, что нас не узнал, и без разговоров отправился бы с нами до того места, о котором мы договаривались!

– Не, заплатили-то вы, как раз, хорошо... – вздохнул рыбак. – Только вот вас, как людей опасных, везде разыскивают, и в нашей деревушке ваше появление наверняка уже кто-то заметил. Думаете, у меня одного глаза имеются? Наш рыбацкий поселок маленький, в нем все знают обо всех, вплоть до того, кто и что кому сказал. Ясно, что если я про вас страже не сообщу, то потом мне плохо придется.

Знаете, что у нас за недоносительство полагается? Стражники в поселке суровые, шутить не любят, и если им что покажется подозрительным, то я и сам могу в застенке оказаться! Вот и решил не рисковать, потому как никогда не помешает соломки подстелить. На всякий случай.

– Да, было заметно, что ты, голубь, тянул время так, как только мог... – хмыкнул Винсент. – Только вот стражники вашего поселка на твой зов что-то не торопились, хоть ты и утверждаешь, что это народ суровый.

– Опять, похоже, оба с утра в кабачке зависли... – махнул рукой рыбак.

– Оба?

– Для нашего поселка и двух служителей закона за глаза хватает! Служба у них спокойная, а народ в нашей рыбацкой деревушке законопослушный, так что поселковые стражники могут позволить себе многое, в отличие от нас, простых работяг, которые вкалывают с утра до вечера! К тому же вчера к одному из наших стражников брат приехал, причем после долгой разлуки – вот они и отмечали встречу. Как видно, лишнего себе позволили...

– Тебе виднее, чем ваша поселковая стража занимается.

– Да тут и так все ясно... – подсадовал мужчина. – Понятно, что с утра им голову надо было полечить, а в таких случаях еще не сразу и сообразишь, что к чему! Похоже, до стражников не сразу дошло, о чем им мой парнишка говорил! Потом-то, когда поняли, о чем идет речь, наверняка забегали, когда в голове ясность появилось, только вот время было уже упущено...

– Откровенный ты мужик... – хмыкнул Винсент.

– А чего сейчас скрывать-то?.. – только что не огрызнулся рыбак.
– Вы, как я вижу, и без моих слов все правильно поняли.

– Так ведь у вас же вроде насчет вина в стране строгий запрет... – съехидничал Дорен. – Чего ж ваши стражники его употребляют?

– А где их нет, этих самых запретов?.. – а этого человека, кажется, не отнесешь к числу молчунов. – И потом, разбавленное вино даже лекари советуют для лечения – как раз для того это самое вино в кабачки и завозят! Ну, а то, насколько вино надо водой разбавлять – это каждый сам для себя решает!

– Ну, если лекари такое говорят, то я понимаю, отчего некоторые за микстурой то и дело в кабачок ходят... – хохотнул Винсент. – Здоровье поправляют, бедняги!

– Я б и сам сейчас туда заглянул... – вздохнул рыбак. – После того, как мы едва живы остались, попав в шторм – теперь я сам бы подлечиться не отказался, только вот как бы до него добраться, до нашего деревенского кабачка... Я б даже вино сильно разбавлять не стал!

– Так может, скажешь, как тебя звать?.. – поинтересовался Винсент. – Ты уже не раз слышал, как мы друг к другу обращаемся, так что знаешь наши имена, а вот как тебя величать? Все одно нам придется какое-то время провести вместе, а постоянно обращаться на «ты» – это, знаешь ли, невежливо.

– Имя у меня простое – Суад... – после паузы ответил мужчина, и вновь горестно вздохнул – И как нас только сюда занесло, в эти воды?!

– Ты, друг, уже упоминал разок об этом, когда узрел сей милый островок... – Винсент огляделся вокруг себя. – Помнится, при виде этих скал ты враз упал духом, хотя должен был обрадоваться, что мы увидели сушу, где можно передохнуть. Может, расскажешь, в чем тут дело? И не скрывай ничего – мы, если можно так выразиться, в одной лодке, так что и выгребать отсюда надо всем вместе.

– Да все я понимаю... – вздохнул мужчина. – Оттого-то у меня на душе так хреново! Ладно, можно и рассказать – все одно таить что-то нет смысла...

По словам рыбака, то место, где мы оказались, пользуется дурной славой, причем как у рыбаков, так и у мореплавателей. Этот небольшой островок находится как бы на отшибе, в стороне от привычных всем морских путей. Название у этого места тоже не радует – Темный Утес. Что ж, в чем-то я могу понять это название – цвет этих скал, и верно, темноват.

По словам рыбака, он так и не понял, каким образом мы могли оказаться здесь – похоже, сильный ветер отогнал лодку куда дальше, чем можно было предположить первоначально. К тому же, как говорят, в этих местах имеются небольшие течения, в одно из которых, судя по всему, и попала лодка, а остальное предсказуемо – нас принесло сюда. Хорошо еще, что ветер стих, а не то нашу лодку

сильным прибоем могло разбить о скалы.

Теперь рыбака больше всего интересует ответ на вопрос – как можно отсюда убраться? Конечно, рыбацкая лодка – это не то судно, на котором следует пускаться в дальний путь по морю, но, тем не менее, рискнуть, и вновь отправиться на поиск другого берега все же можно – кто знает, если Всевышний проявит милость, то все же есть шанс (пусть и призрачный) добраться до настоящей земли. Сложность в другом: во время шторма смыло за борт единственный бочонок для пресной воды, а никакой другой емкости для хранения воды у нас нет, и вряд ли мы ее тут отыщем. Увы, но пускаться в долгий путь по морю, не имея при себе запаса пресной воды хотя бы на несколько дней – это самое настоящее самоубийство. Как сказал Суад: если рискнем уйти отсюда без воды, то все одно помрем, только вот нет смысла выбирать такую долгую и мучительную смерть от жажды посреди моря – помереть можно и тут, причем значительно быстрее...

Конечно, случается и такое, что корабли все же оказываются неподалеку от этого островка, но к нему никто не подходит – люди стараются держаться как можно дальше от этих скал, потому как они (так же как и здешние воды), имеют очень дурную славу, а моряки – народ суеверный, и без крайней на то нужды соваться сюда не станут. Считается, что здесь обитают какие-то опасные создания, или же имеются призраки, которые отнюдь не питают любви к человечеству. Мол, чтоб вы знали – нечисти хватает не только на суше, но и на море. Правду говорят об этом островке, или нет – это другой вопрос, но люди стараются держаться от него подальше, и на пустом месте таких слухов обычно не рождается...

Рыбак говорил много, но мне все же показалось, что он был с нами не совсем искренен, и кое-что утаивал. Надеюсь, в его недомолвках нет ничего уж очень неприятного.

– Ну, люди любят страшные истории, так что придумать можно многое, а фантазия у многих неумная... – сделал вывод Винсент, выслушав рассказ рыбака. – В любом случае нам стоит быть осторожней в незнакомом месте. Пока же нам стоит думать о более насущных вещах – о том, что будем делать дальше. Для начала надо отыскать еду, ведь та вяленая рыба, которую мы взяли с собой – ее, как я понял, тоже смыло за борт.

– А что тут можно найти?.. – оглянулась я по сторонам. – Как бы

есть не хотелось, но жевать мох мы вряд ли станем...

– Эх, сети у меня в лодке нет – как назло, домой отнес, для починки... – подсадовал рыбак. – Что же касается еды, то на здешних скалах хватает мидий, а они вполне годятся в пищу. Правда, мидии находятся в воде, и чтоб их добыть, придется промочить ноги. Жаль, что огня у нас нет, будем мидии сырыми есть...

– За огнем дело не станет, мы люди запасливые... – отмахнулся Винсент. – И испечем, и нажарим... Может, в здешних водах, помимо мидий, еще что-то съедобное в воде отыщется?

– Все может быть... – пожал плечами мужчина. – Поглядеть надо. Только это... В общем, запомните: собирать мидии надо очень осторожно, а не то можно легко пораниться. Чтоб вы знали: кровь в воде, пусть даже ее туда попало совсем немного, может привлечь невесть кого, а уж если учесть плохую славу здешних мест...

– Кого именно?

– Знал бы – сказал! Просто я в море уже очень давно хожу, и знаю, что бывает. Иногда достаточно всего лишь нескольких капель крови, чтоб возле твоей лодки появились акулы, а это, скажу я вам, еще те твари... Кто его знает, может, и здесь есть нечто похожее, то, что идет на запах человеческой крови...

– С этим трудно спорить.

– И вот что еще... – почесал в затылке рыбак. – Мне лодку надо осмотреть хорошенько – там, похоже, с мачтой неладно. Не скажу, что она ходуном ходит, но и устойчивости уже нет, а так оставлять нельзя. Обязательно надо привести мачту в порядок, если что не так, потому как с такой мачтой в море выходить не стоит. Правда, чинить-то особо нечем, ну да я уж как-нибудь... И вот еще что: вы можете мне не верить, но в этом месте поодиночке лучше не ходить.

– Почему?

– Люди не будут без причины давать такое название – Темный Утес... – уклончиво ответил рыбак.

– Суад, не могу отделаться от впечатления, что ты нам что-то не договариваешь... – чуть нахмурился Винсент.

– Это уж вы как хотите, так и думайте, а я вам так скажу – в незнакомых местах, о которых идет дурная слава, лучше не

рисковать... – стоял на своем рыбак. – О Темном Утесе болтают много чего плохого, и хотя всему верить нельзя, поостеречься лишний раз все же не помешает. Я вот сейчас к лодке собираюсь, так надо бы, чтоб кто-то из вас со мной пошел: я лодку осматрю, а вы тем временем мидии собирайте. В той бухточке мелководье, вода чистая, и я успел заметить, что мидий там хватает.

– Ладно... – кивнул Винсент. – Давайте решим так: Суад, Дорен и Ярли идут к лодке, а мы с Лиз осмотримся, и заодно веток для костра наломаем.

– Договорились... – Дорен поднялся на ноги. – Только и вы далеко не уходите.

– Да куда ж мы уйдем!..

Глядя вслед уходящим людям, я спросила Винсента:

– Тебе этот Суад не нравится, верно?

– Так и есть... – согласился тот. – Он напуган, хотя и хорохорится, но нас всерьез побаивается – как видно, стражники говорили о нас, как о душегубах с большой дороги. А еще этот человек способен на неразумный поступок.

– Например?

– А ты поставь себя на его место, и подумай, что бы ты стала делать, если б оказалась в его ситуации. В данный момент единственное желание этого человека – удрать от нас.

– Для начала ему надо в себя придти от долгого путешествия по волнам.

– Одно другому не противоречит, так что подобный вариант развития событий вполне возможен. Если уж на то пошло, то Суаду ничего не стоит забраться в свою лодку, поднять парус, и направиться в свою деревушку – думаю, что пару дней без пресной воды он как-нибудь выдержит. Наш дорогой рыбак может говорить все, что угодно, но мне отчего-то кажется, что здешние воды ему известны – я не утверждаю, будто он когда-то тут был, но не исключаю возможности, что ранее он уже видел эти скалы, но, скорей всего, издали.

– Ты имеешь в виду, что дорогу домой от этого места он отыщет без труда?

– Насчет того, что без труда – в этом я не уверен, но добраться до нужного ему места сможет, если, конечно, но его пути не встретится новый шторм. Ну, а по прибытии в свою деревушку Суад первым делом сообщит страже, что мы находимся на Темном Утесе, да еще и изобразит дело так, будто туда нас он привез специально. Дескать, все сделал, как надо, оставил преступников на далеком острове, забирайте их оттуда, и не извольте беспокоиться – все одно им с того острова деться некуда!.. Не сомневаюсь, что едва ли не с момента нашего прибытия на эту каменную гряду Суад начал прикидывать, как бы ловчее повернуть то, что он задумал, и вдобавок остаться героем в глазах стражников и своих соседей.

– Но почему же ты не стал возражать, когда он направился к своей лодке? Если этот человек сбежит, то нам отсюда, и верно, не уйти! Без лодки мы рискуем остаться здесь надолго, если не навсегда!

– Пока что насчет этого можно не волноваться: Суад не убежит до той поры, пока мачту в порядок не приведет – она, и верно, заметно разболталась, а на такой лодке в долгий путь по морю отправляться негоже. Мачта может просто не выдержать, упадет, и что тогда делать? Только по морю болтаться, потому что весла унесло за борт. Мы себя к мачте привязывали во время шторма, и я еще тогда обратил внимание, что под нашей тяжестью она постепенно расшатывается, причем все заметнее. Такие повреждения за один раз не починишь, особенно если у тебя под руками из инструментов – всего один нож... Так, хватит о нем, пошли по острову – осмотримся, да и веток наломать надо.

– Погоди немного, успеем, несколько минут у нас есть... – я оглянулась по сторонам, чтоб лишний раз убедиться, что рядом никого нет, после чего сняла с шеи мешочек, висящий на крепком шнурке. – И без того еле дождалась, когда рыбак уйдет от нас. Каюсь – давно хочу посмотреть на свое кольцо, которое мы с таким трудом добыли, только вот возможности сделать это у меня пока что не было.

– Ох, женщины... – покачал головой Винсент. – Во всем-то вам нужно удостовериться своими глазами!

– Ты не понимаешь! Когда я забирала кольцо у Фаттаха, то толком его даже не рассмотрела – не до того было, просто была счастлива, что наконец-то нашла свою пропажу! Если помнишь, тогда я схватила кольцо, и сразу же его убрала – думала, потом на него

полюбуюсь! Увы, но с той поры у меня не было времени на то, чтоб посмотреть на кольцо хоть одним глазом, и сейчас от моего терпения уже ничего не осталось!

– Ну, смотри, ничего не имею против... – усмехнулся Винсент. – Мне тоже любопытно глянуть, ради чего мы обидели турегов, этих милых и кротких жителей пустыни. Если честно, то я особо не смотрел, что ты там со столика забрала – видел лишь, что это нечто блестящее, да и в комнате турега стоял полумрак...

– Сейчас, сейчас... – развязав мешочек, я достала оттуда тонкий шарфик, в который было завернуто кольцо, и чуть подрагивающими руками стала разворачивать почти невесомую ткань. – Вот, смотри! Это оно, мое кольцо...

Затаив дыхание, я смотрела на восхитительное украшение, которое вновь оказалось в моих руках. Хотя правильной будет сказать – оно наконец-то вернулось ко мне. Святые Небеса, как же давно я не видела нашу семейную драгоценность, о которой так часто вспоминала в последнее время! Под яркими лучами солнца бриллианты в колье сияли всеми цветами радуги, а уж от переливов синих бликов, которые рассыпали грани сапфиров, оторвать взгляд было невозможно.

В эту минуту я хотела только одного – петь во все горло и прыгать на месте, настолько меня переполняла радость, вернее, она захлестнула меня с головой! Колье снова со мной, и синий свет, идущий от сапфиров – это словно мостик, который связывает меня с домом, и я знаю, что должна вернуть кольцо в свою семью! Кажется, еще немного – и от счастья я или засмеюсь, или сотворю какую-нибудь глупость!

Тем не менее, я сумела сдержаться от подобного всплеска эмоций – сказывалось все то же строгое воспитание, полученное от тети Фелисии. Бедная тетушка – сейчас я понимаю, сколько бед и сложностей доставил ей мой брак, который она совершенно обоснованно считала мезальянсом! Все, что я могу сказать в свое оправдание – так это только то, что я ошиблась в выборе спутника жизни... Между прочим, тетя Фелисия тоже будет невероятно рада, когда я не просто вернусь домой живой и здоровой, но еще и привезу с собой наше пропавшее семейное украшение, которое она сейчас, без сомнений, тоже всюду разыскивает!

– Ну, что скажешь?.. – держа кольцо в руках, я все еще любовалась переливами драгоценных камней. – Правда, красиво? Сейчас я пытаюсь осмотреть свою вновь обретенную семейную реликвию – мало ли что могло произойти с кольцом с того времени, когда его украли.

– Я, конечно, в дорогих камнях особо не разбираюсь, и знатоком женских украшений меня никак не назовешь, но сейчас не знаю, что и сказать... – заговорил Винсент. Судя по его голосу, кольцо произвело должное впечатление на молодого человека. – Признаюсь, как на духу: такой красоты я еще никогда не видел! Понимаю, отчего вокруг этой вещи было столько суеты! Это же украшение, достойное королей!

– Тут ты прав: в свое время наш король (вернее, тогда он был еще принцем) подарил это кольцо своей любимой девушке, то бишь моей прабабушке. Они очень любили друг друга, однако обстоятельства вынудили их расстаться, и это украшение было его прощальным подарком.

– Лиз, не обижайся, но как ты могла допустить, чтоб у тебя увели из-под носа подарок короля? Проворонила? Неужели ты не понимала, что украшения, подобные этому, нужно хранить за десятью замками!

– Ты правильно сказал – проворонила... – вздохнула я. – Слово подобрано очень верно. Моя глупость и наивность не имеет никаких оправданий. До сих пор не понимаю, как у меня хватило ума отдать кольцо на хранение своему свекру, хотя сомневаться в честности этого человека у меня нет никаких оснований. Кольцо из сейфа утащил мой дорогой супруг, которому нужны были деньги для своей подружки.

– Должен признать, что это кольцо – оно, и верно, уникальное... – в голосе Винсента было неприкрытое восхищение. – Как сказала бы моя мать – красота неопишемая. Представляю, что творилось на тех тайных торгах, когда на продажу выставили это кольцо. Желающих его приобрести наверняка было в избытке.

– Согласна – купить его, без сомнений, хотели очень многие, только кольцо настолько понравилось присутствующему на торгах турегу по имени Фаттах, что тот сразу перебил все возможные ставки, предложив самую высокую цену. Возможно, она даже превышала стоимость кольца, так что никакого торга, по-сути, и не было. Понятно, что остальным покупателям это очень не

понравилось, только вот в этой ситуации сделать ничего нельзя, да и высказывать турегам свое недовольство не имеет смысла – в итоге все может обернуться только хуже.

– Знаешь, а я рад, что мы сумели забрать кольцо у тех жителей пустыни... – улыбнулся Винсент. – Через несколько дней они увезли бы это украшение куда-то очень далеко, затем отнесли в один из своих подземных храмов, подложили бы на кучу иных подношений – и все, отныне никто из людей никогда бы не увидел твое кольцо. Считай, что для мира оно было бы потеряно навсегда. Насколько я понял, турегі – это не те люди, которые кому-то отдадут хоть что-то из своего добра. Они скорее перетащат сокровища, которые их народ копит веками, в глубокие подземные катакомбы, и там замуруют в условном месте... Так что можно с чистой совестью считать, что мы спасли кольцо от вечного исчезновения... Ну все, убирай свое фамильное сокровище, посмотрела – и хватит!

– Кажется, все драгоценные камни на месте, не один не заменен, что и требовалось доказать... – вздохнув, я вновь стала заворачивать кольцо в тонкий шарфик. – Ты прав: все, смотрины пора заканчивать и убирать украшение с глаз подальше, а нам с тобой следует заняться сбором веток для костра. Ярли и Дорену я кольцо немногим позже покажу, когда Суада рядом не будет – не доверяю я нашему рыбаку. Боюсь, что увидев это кольцо, он решится сойти с праведного пути, и может нарушить заповедь «не укради». Да, кстати, в носовой части лодки остались все наши вещи и деньги – когда мы пристали к этому островку, то ничего с собой брать не стали, просто со всех ног побежали искать пресную воду.

– Не страшно – на острове все одно никого нет! И потом, не сомневаюсь, что Ярли первым делом заберет из лодки все наше добро – она, как и все женщины, любит украшения, а их у нас предостаточно...

Низкорослый кустарник мы отыскиали в небольшой ложбинке между скалами, только вот срезать ветки этого кустарника оказалось сущим наказанием. Крепкие, и в то же время гибкие ветви, едва ли не стелющиеся по земле, с немалым трудом резались ножом, и у нас ушло немало времени для того, чтоб нарезать пару охапок этих тонких веток, покрытых мелкими зелеными листочками, после чего мы с Винсентом снова направились в бухточку. Костер предпочтительней разложить неподалеку от нее – тут и наш

недовольный рыбак под приглядом, и мидии под руками.

Как оказалось, к этому времени Ярли и Дорен успели добыть целую кучу этих самых створчатых моллюсков, так что нам оставалось только развести костер, а потом готовить мидии на углях. Я, если честно, никогда не была особым любителем этого морского деликатеса (в отличие от тетушки Фелисии), но сейчас особого выбора не было, так что мидии у всех пошли за милую душу. Что ж, это далеко не самый плохой обед, особенно если принять во внимание, что последний раз мы ели уже давненько.

После еды настроение у всех немного улучшилось, и даже Суад уже не был таким мрачным. Более того: он сказал, что завтра намерен заняться ремонтом лодки, и, возможно, ему понадобится помощь, потому как нашел несколько повреждений. Никто не возражал против подобного, а я, посмотрев на заметно покосившуюся мачту, поняла, что Винсент прав в своих предположениях – не следует выходить в море на такой лодке, и пока Суад не приведет ее в порядок, он никуда от нас не денется.

– Ничего не имею против починки лодки... – кивнул головой Винсент. – Дело хорошее, поможем, как сумеем. А сейчас, пока есть время, давайте осмотрим этот самый Темный Утес, на котором мы оказались. К тому же до темноты нам надо найти место для ночлега, потому как не следует спать на открытом пространстве.

– До ночи еще долго.

– И хорошо – значит, есть возможность все хорошенько осмотреть.

Блуждания по острову затянулись надолго, но почти везде была одна и та же картина – темный камень, небольшие пятна зелени, отвесные скалы, со стороны моря слышится шум прибоя. Ни птиц, ни животных, ни единой живой души, если, конечно, не принимать во внимание мелких паучков и еще каких-то насекомых, которых мы то и дело замечали на камнях. А еще здесь хватало юрких ящериц, которые всю гонялись за насекомыми. Такое впечатление, что ящерицы – это единственные обитатели на здешних базальтовых скалах.

Печально, но куда хуже то, что нам очень долго не встречалось подходящее место для ночлега. Кое-где мы видели небольшие каменные козырьки, нависающие над маленькими площадками, но

они не могли укрыть от ветра и дождя. Но даже не это было самым неприятным – просто хотелось найти такое место, где в темное время можно чувствовать себя в сравнительной безопасности, особенно если принять во внимание недомолвки Суада насчет предполагаемой опасности, которая может нас ждать на этом каменном островке.

Мы уже почти отчаялись отыскать подходящее укрытие, когда нам все же повезло – в одной из скал, расположенных довольно высоко над уровнем моря, мы отыскивали небольшую пещерку, вполне достаточную для того, чтоб не только вместить нас всех, но и расположиться там весьма вольготно. Правда, чтоб зайти в это укрытие, нужно было немного согнуться – мешал выступ над входом, зато внутри пещеры можно стоять во весь рост. Больше того – по одной из стен пещеры стекала крохотная струйка воды, так что в случае чего тут вполне можно пересидеть какое-то время.

Однако нас удивило другое – внутри пещеры, неподалеку от входа, находилось темное пятно старого кострища, а чуть дальше, у стены, несколько импровизированных лежанок – охапки срезанных веток, на которые был набросан примятый мох. По всей видимости, здесь когда-то прятались люди, только, судя по всему, это было достаточно давно: в кострище не было золы – как видно, со временем ее всю выдуло, и сейчас там осталось лишь несколько полуобгоревших кусочков дерева, а мох на лежанках от наших прикосновений рассыпался почти что в труху. Похоже, последний раз люди находились здесь достаточно давно, но уходя, оставили здесь следы своего присутствия – пара треснутых деревянных кружек, три деревянных ложки, помятый и закопченный железный котелок, клочки одежды, обрывки рыболовной сети...

– Похоже, не только нам выпало такое счастье – попасть на Темный Утес, или как там называется этот остров... – сделал вывод Дорен, осмотрев пещеру. – Интересно, кем были наши товарищи по несчастью?

– Кто ж их знает... – пробурчал Суад, которому увиденное вовсе не прибавило оптимизма. – Может, кого из рыбаков сюда занесло, или здесь оказались жертвы кораблекрушения. Тут они и прятались – место для этого дела очень даже подходящее...

– Нечего гадать попусту, тем более что занятие это пустое... – махнул рукой Винсент. – Так, до темноты надо обустроиться, и первым делом соорудим лежанки – нарежем веток, насобираем мха...

– А что со старыми лежанками делать?

– Они уже давным-давно пересохли, спать на них не стоит, но для костра вполне сгодятся, да и гореть будут без копоти, дыма и запаха.

Несколько часов у нас ушло на то, чтоб натаскать в пещеру ветки и мох, тем более, что ходить за всем этим нам пришлось довольно далеко – рядом с пещерой не было растительности. Когда же мы стали складывать ветки из старых лежанок в одну кучу, то нас ждала еще одна находка – под ветками отыскалась небольшая холщовая сумка, и когда мы ее открыли, то внутри нашли пригоршню медных и серебряных монет, потемневших от времени. Из всего этого напрашивается невеселый вывод – люди вряд ли ушли бы отсюда, бросив деньги. Н-да, тут не знаешь, на что и подумать.

К вечеру мы вновь спустились в бухточку, набрали в воде мидий, и приготовили их на костре. Правда, в этот раз мы прихватили с собой найденный в пещере котелок – было решено поджаривать в нем мидий, словно на сковородке. Что ж, так готовить тоже можно – мне, во всяком случае, понравилось.

Возвращались в пещеру, когда на землю уже падали сумерки. Надеюсь, сегодня мы сможем выспаться, а то всерьез вымотались за последнее время. Уже подойдя к пещере, оглянувшись по сторонам – солнце скрывалось за морем, скоро наступит темнота... Надеюсь, ночь пройдет спокойно. Я уже шагнула, было, к пещере, когда до меня донесся протяжный то ли рев, то ли стон – не знаю насчет своих спутников, но у меня от услышанного едва дыхание не перехватило.

– Что это?.. – испугано прошептала Ярли.

– Не знаю... – сдавленным голосом ответила я, а про себя подумала – от таких жутких воплей можно потерять как покой, так и сон.

– Чего только не померещится в пустынных местах... – бодро начал Дорен, но тут же умолк, потому что протяжно-тоскливый звук повторился вновь.

– Кажется, то, что мы слышим – оно доносится снизу, вернее, с моря... – задумчиво произнес Винсент, и с этим я была согласна – пожалуй, как раз оттуда и идет это жутковатое завывание.

– А ты что скажешь?.. – Дорен повернулся к рыбаку.

– Ничего... – пробурчал тот, не глядя на нас. – В темноте много чего можно услышать.

– Кто это может быть? То, что мы только что услышали – это голос живого существа.

– Так в море какие только твари не живут! Может, это одна из них голос подала...

– Что будем делать?.. – Ярли готова была схватить меня за руку.

– В пещеру забираться и спать... – отозвался Винсент. – Мы все устали. Для полного спокойствия установим дежурство, и костер запалим, а к огню вряд ли подойдет хоть кто-то из здешних обитателей.

– Так мы вроде никого не видели... – кажется, этими словами я, в первую очередь, пыталась успокоить себя.

– Надеюсь, и дальше никого не увидим, а сейчас все отправляемся на отдых... – скомандовал Винсент. – Хватит разговоров! И ночью из пещеры – ни ногей. Ну, а завтра посмотрим, еще раз по острову пройдемся...

В пещере было уже темно, и к своим лежанкам мы пробирались едва ли не на ощупь, но когда загорелся костер, то каждый из нас почувствовал, как на душе становится легче. Кое-как устроившись на жесткой лежанке, я смотрела на огонь, и на Винсента, который сидел рядом с костром, и подкладывал в него ветки. Тихо, только слышно дыхание людей и потрескивание горячей древесины... Наш сон охраняют, и, кажется, можно безбоязненно засыпать, только вместе с чувством покоя в голову отчего-то лезут мысли о том, что кострище в пещере находится что-то уж очень близко к входу, хотя обычно костры стараются располагать внутри. Невольно складывается впечатление, будто те люди, что прятались когда-то в этом месте, огнем пытались закрыть вход в пещеру... Ой, что-то мне всякая ерунда в голову лезет, и, похоже, я себя накручиваю на пустом месте. Скорей всего, это от усталости. Пожалуй (как в таких случаях говорит тетя Фелисия) сейчас лучше отойти ко сну, а утром мир покажется совсем иным...

Ночь прошла без происшествий, и утром ночные страхи показались нам чем-то несерьезным, тем более что Винсент и Дорен – оба твердили одно: было тихо, снаружи не доносилось ничего, кроме обычных морских шумов. Ну и хорошо.

Было решено отправиться по уже известному маршруту, то есть к той же бухточке, где находилась лодка. С утра у всех был просто-таки зверский аппетит, а мидии нам пока что еще не надоели, так что завтрак нам обеспечен. К сожалению, пока что никакой другой еды мы здесь не нашли. Надо будет походить по берегу, постараться найти крабов, или попытаться поймать рыбу – должна же она здесь водиться! Тут потребуются помощь нашего рыбака – надеюсь, он нам не откажет... Но это будет потом, а пока мы с Ярли, придя в бухточку, бродили по воде, собирали мидии, а мужчины тем временем осматривали лодку. Видимо, ночью был прилив, и лодка, которую еще вчера вытащили на берег, сейчас полностью оказалась в воде. Подумав, мужчины решили, что к починке нашего суденышка приступят сразу же после того, как поедем.

Настроение у всех было хорошим, так что Винсент и Дорен вскоре присоединились к нам, вернее, к сбору мидий, в результате чего этих ракушек насобирали столько, что и не съесть. Пока мидии готовились на костре, Суад, который бродил по воде дольше всех, притащил к костру целую охапку странных водорослей с толстыми листьями.

– Вот... – гордо заявил он. – Посмотрите только, что я нашел!

– Ну, водоросли...

– Понимали бы что!.. – возмутился рыбак. – Это ж асна!

– Чего-чего?.. – переспросил Дорен.

– Асна – это морской деликатес, причем довольно дорогой... – улыбнулась Ярли. – Обычно его могут позволить себе только состоятельные люди. А еще лекари говорят, что тех, кто ест асна, не берет никакая хворь. В свое время мой отец несколько раз покупал асна у рыбаков – ему эти водоросли очень нравились, да и мне тоже. Правда, я слышала о том, что в последнее время цена на асна выросла в несколько раз.

– Верно! Такие водоросли перекупщик у нас с руками отрывает, да при том еще и спасибо говорит, хотя в любое другое время от него доброго слова хрен дождешься!.. – Суад все еще не мог смириться с мыслью, что мы не можем должным образом оценить то, какую необычную еду он нам принес. – Чтоб вы знали: корзина таких водорослей стоит куда дороже всего моего дневного улова! Беда в том, что асна в последнее время у наших берегов почти не

встречается, а тут, как я погляжу, ее навалом... А чего это с вашими руками?

– Порезались, пока мидии собирали...

Мы хорошо помнили слова рыбака о том, что ракушки нам следует собирать очень осторожно, и ни в коем случае не пораниться, но сегодня у нас это не получилось. Или мы с утра были неловкими, или у раковин оказались слишком острые края, но поранились не только Ярли и я, но и Дорен. Ранки были не очень глубокие, так что мы не стали обращать на них особого внимания – это же не первые наши царапины!

– Я ж просил быть осторожнее!.. – разозлился Суад. – Мало ли что...

– Извини, так получилось... – развел руками Дорен, которому явно не хотелось ругаться. – Впредь обещаем быть осторожнее.

– Да чего с вами говорить, все одно ничего не слушаете... – пробурчал рыбак, у которого при виде наших ранок враз испортилось настроение. По-счастью, больше он ничего не стал нам говорить, так что и на том спасибо.

Ярли оказалась права: водоросли под названием асна обладали поистине удивительным вкусом, очень смахивающим на салат из свежих огурцов с приправами, которые так хорошо готовил повар тети Фелисии. А уж в виде гарнира к мидиям это была просто волшебная еда, которую можно с гордостью подавать гостям на торжественных приемах в доме тетушки Фелисии! Съешь такое удивительное блюдо – и забудешь все печали мирские. Не знаю, что думали мои спутники, пробуя мягкие темно-зеленые листья, но очень скоро от целой кучи асны не осталось и следа – мы подчистую съели эти на диво вкусные водоросли, не обращая внимания на то, что на наших зубах то и дело поскрипывал песок.

– Суад, а где ты умудрился отыскать эту самую асну?.. – поинтересовалась я.

– Что, понравилось?.. – покосился на меня рыбак.

– Есть такое дело... – смысла отпираться не было. – Причем понравилось настолько, что хочу еще раз за ними сходить.

– В этой бухточке асны хватает... – махнул рукой Суад. – Как только в воду по колено зайдешь, так сразу ее и заметишь. Эти

водоросли на большой глубине не живут, они любят места помельче, где посветлей и потеплей. Видишь тот серый камень у кромки воды? От него и направляйся воду, благо там помельче...

– Понятно... – я поднялась на ноги. – Сейчас вернусь, и, надеюсь, не с пустыми руками...

Предвкушая, что в скором времени мы снова будем всюду наворачивать эти водоросли с удивительным вкусом, я направились, было, к указанному месту, но остановилась, не дойдя до линии воды всего лишь нескольких шагов. Не могу понять, в чем дело – вроде все хорошо, а у меня словно холодок по душе пробежал, и сердце стало биться чаще, но главное – мне совсем не хотелось заходить в воду. Возможно, раньше я не обратила бы никакого внимания на тревожные звоночки в своей душе, но в последнее время я привыкла доверять своим предчувствиям. Не понимаю, в чем тут дело... Может, в воду внимательней посмотреть, благо она достаточно чистая, и сквозь нее неплохо видно дно, и там нет ничего особенного – все тот же темный базальт, ил, водоросли, камни... Ой!

Первое, что я заметила – это злые горящие глаза, а в следующий миг до меня дошло, что передо мной лежит непонятное существо, почти полностью сливающееся с дном. Как оно выглядит, это странное создание – этого я пока что рассмотреть не смогла, поняла лишь, что оно весьма немалых размеров, и залегло передом к берегу. Ясно и то, что передо мной находится хищник, и он охотится, причем так искусно, что если б не красные змеиные глаза с черным вертикальным зрачком, то я бы его и не заметила, сочла, будто на дне находится груда камней, или нечто подобное. Зато сейчас я смотрела на большую, удлинённую морду непонятного зверя, а также на широкий хребет чудовища, покрытый темными гребнями, и осознавала, что этот хребет уходил куда-то далеко, в глубину бухты – во всяком случае, мне так показалось. Но самым страшным было то, что неведомый морской зверь меня уже заметил, и теперь не спускает глаз с возможной жертвы. Ясно, что ничего доброго этот взгляд мне не предвещает – хищник замер и ждет добычу.

Несколько мгновений я стояла неподвижно, ни жива, ни мертва, чуть ли не окаменев от страха, но потом враз пришло понятие – надо спасаться. Первым моим желанием было закричать во весь голос и броситься прочь, куда глаза глядят, но в то же время я осознала, что стоит мне это сделать, как жутковатое создание сразу же выберется

из воды, и бросится на меня. Нет, надо действовать по-другому, и, преодолевая страх, я стала понемногу пятиться назад, причем вначале шаги были крохотные, едва заметные, а потом они становились все больше и больше, только мне все одно казалось, что я по-прежнему стою на месте.

– Лиз, что случилось?.. – донесся до меня голос Винсента, но я лишь чуть махнула рукой – быстро уходите! Мне надо пройти еще немного, к скалам, туда, где сейчас находятся мои товарищи, а потом всем следует бежать наверх, по пологому склону. Вряд ли этот зверь из воды направится вслед за нами, и будет карабкаться по скалам, хотя ничего нельзя утверждать наверняка.

По-счастью, все правильно поняли мой жест, и когда я, по-прежнему пятясь, оказалась у тлеющего костра, там находился один лишь Винсент. Не говоря ни слова, он схватил меня за руку, и мы бросились бежать. Уже через минуту, стоя на небольшой площадке, откуда хорошо была видна бухточка, я рассказывала остальным, кого увидела в воде. Должна признать, что мои слова произвели должное впечатление, тем более что с площадки, находящейся над морем, можно было неплохо рассмотреть длинное дело под слоем прозрачной воды. Точно, это какое-то морское существо залегло в засаду, и я едва не пришла к нему в пасть...

– Это еще кто такой?.. – спросил Винсент у рыбака.

– Так сразу трудно сказать... – буркнул тот.

– Не знаешь его, значит?

– Я просто сомневаюсь...

– Сейчас все сомнения у тебя пропадут... – Винсент поднял с земли довольно-таки увесистый камень, и швырнул его вниз, стараясь, чтоб камень упал подле лежащего в воде хищника.

– Стой! Так нельзя! Что ты делаешь?! – закричал Суад, но было поздно – булыжник уже летел вниз. Правда, в лежащее на дне существо он все же не попал, камень рухнул чуть дальше кромки воды, подняв при этом кучу брызг, но, как оказалось, и этого было вполне достаточно. Хищник немного шарахнулся в сторону, а потом стал выбираться на берег – как видно, у него было твердое намерение найти того, кто сейчас взбаламутил воду неподалеку от него, а это наверняка могло сделать какое-то живое существо.

То, что предстало перед нами, можно представить себе только в кошмарном сне: темно-зеленая (точнее, почти черная) шкура, морда, очень похожая на крокодилю, только над красными глазами располагались острые наросты, и такие же наросты шли по бокам головы. От самого носа и до кончика огромного хвоста, на хребте зверя располагался гребень, состоящий из роговых пластин и длинных острых шипов, при одном взгляде на которые становилось жутко. К этому следует добавить короткие мощные ноги с широкими лапами-перепонками, страшную зубастую пасть, толстую шкуру, состоящую из роговых пластин и крупной чешуи, покрытой мелкими шипами. Если же принять во внимание, что длина этого существа превышала три человеческих роста, то становится понятным тот легкий ступор, в который мы все впали при виде появившегося перед нами морского чудища.

Н-да, лично я не знала, что тут и сказать: с одной стороны, то, что мы сейчас видим перед своими глазами – это страх Божий, и в то же самое время ужасная и совершенная красота этого существа просто завораживает, не дает возможности отвести свой взгляд в сторону...

– Это что, дракон?.. – хриплым голосом спросила я, потому что горло перехватило от страха.

– Скорее, крокодил... – неуверенно произнес Дорен. – Только он какой-то странный и слишком большой...

Тем временем хищник, переваливаясь на коротких лапах, подошел к каменному склону, по которому мы забрались наверх, и тоже начал подниматься: понятно – хочет добраться до вожака добычи, тем более что красные глаза морского зверя, не отрываясь, смотрят на нас. Что делать? Бежать? Конечно, в данный момент это кажется самым верным поступком, но если зверь начнет бродить по острову, разыскивая нас, то о последствиях лучше не думать.

Не сговариваясь, мы обрушили на поднимающегося хищника целый град камней, несмотря на призыв Суада прекратить этим заниматься, и не злить зверя. Вообще-то наш рыбак кое в чем прав: шкура этого существа не просто толстая – она напоминает крепкий панцирь черепахи, от которого все наши камни отскакивают, словно от стены. Ясно, что страшилище этим не остановишь, и Винсент с Дореном, не сговариваясь, столкнули вниз по склону довольно-таки большой камень, который хоть и не смахнул зверя вниз, но зато

отдавил ему лапу. Понятно, что подобное все же доставило боль морскому обитателю, и, немного задрав вверх пасть, он издал тот самый тоскливый рев, который мы слышали вчера вечером. Теперь хотя бы ясно, что за существо его издавало. Ой, а пасть-то какая страшная у этого зверя! Мало того, что мощные челюсти сплошь утыканы длинными острыми зубами самого угрожающего вида, так еще и часть этих зубов чуть загнута назад, и напоминает крючки. Да, если в эту пасть попадет добыча, то вырваться оттуда нет ни малейшей возможности.

Что бы там ни говорил Суад, но зверь, получив отпор, не стал более пытаться добраться до нас – он повернул назад, и направился вниз, а затем устремился к морю, то и дело издавая свой унылый рев. Тем не менее, было ясно, что морской обитатель всерьез разъярен, и через несколько минут мы в этом убедились. Чудище, вновь оказавшись в воде, отправилось не вглубь заливчика, а напрямик к нашей лодке. Разумеется, рыбацкое суденышко была привязана крепкой веревкой к большому камню, и когда чудище, вцепившись зубами в лодку, попыталось оттащить ее от берега, то туго натянувшаяся веревка удержала лодку на месте, но зато деревянные доски на рыбацкой посудине явственно затрещали. Затем чудовище выпустило из пасти дерево, повернулось в воде, и в следующий миг из воды вылетел огромный страшный хвост, и, словно мечом, ударил по лодке. Щепки и доски полетели во все стороны, но широкий хвост вновь и вновь показывался из воды, разрубая в мелкую щепу крепкое дерево. Через минуту взбаламученная вода в бухточке была покрыта мелко изрубленным деревом, а как и куда ушло морское чудовище – этого мы так и не заметили. Не знаю, как теперь решиться спуститься сюда за мидиями, а про чудесные водоросли асну нам и вовсе придется забыть. Ну, а уж о том, что без лодки мы вряд ли сможем покинуть этот остров – о таком даже думать не хотелось.

– Так кто это был?.. – Винсент повернулся к рыбаку, который только что за голову не схватился, глядя на то, что осталось от его лодки.

– Его называют морской ящер... – чуть помолчав, тяжело уронил Суад. – Правда, рыбаки промеж собой кличут его проще – Схватка...

– Как-как?

– Схватка... – повысил голос Суад. – Вы его зубы видели? То-то и оно! Если схватит – то все, еще никто не вырывался. Морской ящер

на море встречается нечасто, у него свои места для охоты имеются, и от людей он старается держаться подальше. Я эту зверюгу вживую только однажды видел, и то издали. Это произошло много лет назад – я тогда подростком был, но кое-что в памяти остается на всю жизнь. Ну, и рыбаки, конечно, рассказывают промеж собой о всяких тварях, что водятся в море – там иногда такие зверюги встречаются, что своим глазам не веришь! Заодно люди говорят друг другу о привычках морских обитателей, и о том, как избежать опасности при встрече с ними.

– Так ты еще вчера понял, кто подает голос?

– Ну, понял... – неохотно ответил Суад.

– А нам почему не сказал? Мы же тебя спрашивали!

– Неужто неясно? Всем известно: если о чем-то плохом вслух не упоминать, и о том не рассказывать, то, может, беда обойдет стороной. Вот я и думал, что если промолчу о морском ящере, то мы с ним и не встретимся. А оно вон как повернулось...

– Так ты уже когда-то был в этих местах?

– На этом острове – нет, но... Однажды, много лет тому назад, нескольких рыбаков из нашего селения попросили отправиться на Темный Утес – тогда какой-то очень важный господин вышел в море на своем корабле, и пропал. Вот его и разыскивали всюду, где только можно, в том числе решили поискать и в этих дурных водах. За риск заплатили хорошо, мой отец согласился, да еще и меня с собой взял.

– И чем же закончились поиски?

– Да, можно сказать, ничем. Тогда сразу четыре лодки к Темному Утесу пошли, и в них находилось где-то десять человек – в одиночку отправляться никто не соглашался. Когда пришли в эти воды, то три лодки близко к острову подходить не стали – остановились чуть подальше, а одна лодка, как заранее и договаривались, причалила к берегу – кстати, она встала в этой же бухточке. Рыбаки высадились, несколько часов остров обходили, только без толку. Они потом сказали, что никого за это время не встретили и ничего подозрительного не нашли – мол, не похоже, что на этот остров ступала нога человека, да и никаких следов кораблекрушения тоже не было. Все, мол, пусто, можно уходить. Ну, мы тянуть не стали, сразу же подняли паруса, тем более, что к тому времени уже стало темнеть. Так вот, от Темного Утеса мы отошли

всего ничего, когда на одну из наших лодок напал морской ящер. Вынырнул, зараза, на ровном месте, завыл, и сразу же в лодку зубами вцепился, а потом и хвостом поддал по людям, что барахтались в воде. Сразу говорю – из тех, кто был в той лодке, никто не спасся. Потом и на вторую лодку напали, только это был уже не морской ящер.

– А кто?

– Неважно... – отмахнулся Суад. – Только люди и там не спаслись.

– И что же было дальше.

– Улепетывали мы отсюда так быстро, как только могли. А еще мы все тогда дали себе слово: если уйдем живыми, то отныне к Темному Утесу никто из нас и близко не подойдет. И вот надо же было вам придти в мой дом!..

– Все равно ты должен был нас предупредить о том, кто здесь обитает, а не надеяться невесть на что.

– Предупредить?.. – разозлился рыбак. – А разве я этого не делал? Сказано же было – нельзя, чтоб кровь в воду попадала, не стоит ронять туда даже несколько капель, только вот толку от моих слов было чуть! По-вашему, мне больше делать нечего, кроме как воздух впустую сотрясать? Я вам уже говорил, что кое-кто из этих морских обитателей кровь издалека чувят! Это мне сегодня крепко повезло – успел собрать водоросли еще до того, как в бухточке появился морской ящер, а иначе он бы меня уже давно сожрал, и косточек не оставил! Хорошо уже то, что ваша баба воды не успела коснуться – вот он ее и не тронул, а шагни она на мелководе – и все, не увидать ей больше белого света!

– Чего ж тогда морской ящер не только на берег вышел, но и за нами охотился, а?

– Вы ж в него камнем запустили, едва не в нос попали, водой плюхнули! Вот он и полез за добычей! Правда, на суше морской ящер мало охотится, выходит на берег только в том случае, если очень голодный и злой, но далеко от воды все одно старается не отходить. Так что шуганули вы его правильно, только он в отместку мою лодку расхвастал! Ну, и что теперь делать будем? Только не надо мне снова говорить, что это я во всем виноват, раз погоню за нами послал! Было дело, но вы тоже не безгрешны! Неужели не ясно: нам же теперь

отсюда ни за что не убраться, здесь навсегда и останемся! А если даже и спасемся, то что я без своей лодки делать буду, чем на жизнь зарабатывать?

– Это, по-моему, сейчас не так и важно... – отмахнулся Винсент.
– Если выберемся, то подкинем тебе на новую лодку. Меня сейчас куда больше беспокоят насущные вопросы, то бишь чем мы отныне питаться будем, если в бухту отныне ходить не стоит.

– Наверное, ходить сюда все же можно, хотя и не сегодня... – рыбак почесал в затылке. – День-другой лучше выждать. Старики говорят: там, где обитает морской ящер, ночью или ранним утром к воде ходить не стоит – пропадете. Днем – другое дело, при ярком солнце он обычно не показывается.

– Тут ведь еще водятся некие твари? Ты что-нибудь о них знаешь?

– Ничего пока говорить не буду!.. – замотал головой рыбак. – Может, и не заявятся по наши души, авось пронесет!

Н-да, кажется, с этим человеком разговаривать бесполезно. Ладно, надо расспросить его про другое.

– Я так понимаю, что это название – Темный Утес возникло не на пустом месте?

– Есть такое дело... – рыбак потер лоб ладонью.

– Может, хоть что-то просто расскажешь об этом месте? Почему здесь может быть так много опасных морских обитателей?

– Еще старики утверждали, что все то место, на котором стоит Темного Утеса, вернее, дно в этих водах – оно какое-то странное. Отмели соседствуют с огромными впадинами, а кто там обитает – об этом знает только Всевышний. Я о том, что знаю, пока говорить не буду, а не то еще заявится кто из тех тварей по наши души... И вот еще что – нам лучше ходить всем вместе, а не то мало ли что может приключиться! А так, если кто нападет, то всей толпой можем и отбить пострадавшего...

То, что Суад знает куда больше того, что говорит – это даже не обсуждается, только вот говорить об этом он по-прежнему не хочет. Ладно, немного подождем – может, со временем рыбак станет более словоохотлив.

Все, то нам оставалось – это пойти в свою пещеру, хотя сидеть нам день напролет тоже не имело смысла. К тому же раз в пещере были обрывки сетей, то, получается, вышедшие обитатели этого убежища как-то умудрялись ловить рыбу, хотя ни одной рыбьей кости в пещере мы не нашли. Возможно, их просто сожгли в костре... Правда, сейчас эти старые сети не годятся ни на что: не скажу, что они расползаются в наших руках, но при небольшом натяжении сразу рвутся. Мы отложили обрывки сетей в сторону – позже можно их в костер кинуть...

После недолгих споров было решено заняться отловом здешних ящериц, причем следует ловить только тех особей, у которых шкурка зеленая, или же зеленовато-серая. Зачем? По словам Суада, они вполне годятся в пищу (во всяком случае, многие мальчишки в рыбацком поселке охотились на этих ящериц как раз для приготовления похлебки), да и железный котелок мы умудрились не потерять, так что из этих ящерок можно приготовить вполне сносное варево. Н-да... Сразу скажу: мысль о подобном блюде не вызвала у меня никакого восторга – уж лучше мидии в пищу употреблять, причем есть этих моллюсков можно хоть каждый день! Все так, но лишь стоило вспомнить то морское чудище, что разбило лодку, и то, что мидии надо собирать в бухточке, куда приплывает это создание... При таком положении дел суп из ящериц вовсе не казался чем-то странным или несъедобным – скорее, он выглядит, как нечто экзотическое, а пробовать экзотические блюда в аристократической среде считается чем-то вроде привилегии. Более того – на торжественных приемах одним из правил хорошего тона считалось предложить гостям нечто необычное, привезенное из дальних стран. Что ж, из этого и будем исходить.

День прошел без происшествий, и даже более того: мы так увлеклись ловлей ящериц, что это превратилось в какую-то игру со смехом, шутками и подковырками. Мы на недолгое время словно забыли о том, где находимся, и чего стоит опасаться. Наверное, это было что-то вроде разрядки после долгого напряжения, в котором мы так долго находились. Да и погода сегодня стояла просто замечательная, легкий ветерок, голубое небо, и главное – в острую пасть здешнего обитателя мы все еще не попали, а это уже немалый повод для радости. Даже вечно хмурый Суад – и тот улыбался, похоже, поддался общему веселью и приподнятому настроению. Ну и хорошо, надо иногда переставать быть таким серьезным.

Ближе к вечеру на костре у входа в пещеру уже тихонько булькал котелок, распространяя по сторонам вкусные запахи – кроме мяса ящериц, Суад покрошил в котелок какие-то травы, которые он собрал по дороге, так что ужин, судя по всему, у нас будет неплохой. Скоро будет закат, и он здесь очень красивый, и я ненадолго вышла наружу – просто хотелось посмотреть на красивое зрелище.

Я стояла неподалеку от пещеры, и любовалась золотисто-красными лучами, окрашивающими легкие облака в нежные цвета. Невероятно восхитительное зрелище, жаль только, что оно продлится не более четверти часа. Что ж, сколько есть... Сейчас, на фоне этого удивительного неба, даже темные скалы выглядели на диво чарующе, и ни о чем плохом даже думать не хотелось.

Закат был настолько красив, что в первый момент я не обратила внимание на то, что вершины острых утесов словно немного изменились, и лишь спустя с десятков ударов сердца я поняла – происходит нечто странное, а потом, когда я кое-что рассмотрела, меня обуял ужас.

– Опасность!.. – закричала я, и бросилась к пещере, но (как это часто бывает при спешке) споткнулась о камень, упала, и немного скатилась вниз по склону, отчетливо понимая, что в этот раз, кажется, мне уже не спастись.

Те скалы, на которые я только смотрела – с противоположной стороны они отвесно спускались к морю, и сейчас, по этой отвесной стене со стороны моря приползло нечто огромное, и я заметила это существо только в то время, когда оно пробралось (вернее, переползло) через вершину скалы. Тогда я еще не поняла, что это такое, но то, что предстало передо мной сейчас, не просто пугало – оно парализовало страхом.

Ранее я не раз слышала, что в морях живут огромные осьминоги, и то существо, которое двигалось ко мне, чем-то его напоминало, только вот каждое из восьми щупалец этого огромного создания было толщиной с крепкое дерево, а уж про их длину я и не говорю – они казались мне просто бесконечными. А еще щупальца были покрыты как круглыми присосками, так множеством мелких шипов: кажется, иметь на теле колючки – это особенность все обитателей здешних вод. Но больше всего пугали не щупальца, а голова этого создания. Насколько мне известно, у осьминогов на месте головы находится нечто вроде мешка, а у этого существа щупальца выходили из самой

настоящей головы огромных размеров, отдаленно напоминающей страшную морду дракона, только куда более зубастую, и с огромными круглыми глазами. Эта морская тварь была настолько велика, что у меня не было ни малейшего шанса спастись. Хотя почему это у меня одной? Похоже, у всех...

Быстро перебирая по земле щупальцами, существо поползло ко мне, и я понимала, что не успею забраться по холму и спрятаться в пещеру. Кажется, это последние секунды моей жизни, которая вот-вот закончится в пасти этой твари...

Я не поняла, что случилось, но внезапно передо мной оказался Винсент, прикрывая меня от чудовища. Неужели парень решил, что одного блюда на обед этому чудищу будет мало, и решил предоставить второе? Это он напрасно, жил бы, хотя от этого уroda все одно живым никто не уйдет...

– Винсент, зачем... – прошептала я, но молодой человек шагнул вперед, к подползающему монстру, который был уже совсем близко, и в следующий миг страшилище остановилось. Ой, ну какой же Винсент маленький по сравнению с этим огромным монстром! Сейчас житель моря ударит человека своим огромным щупальцем, скрутит его, разорвет на несколько частей, отправит в свою огромную пасть, в которой полно зубов, куда больше смахивающих на длинные кинжалы... Кажется, у меня перед глазами все зеленеет – наверное, я схожу с ума. Что ж, так умирать легче...

Однако то, что произошло дальше, не поддавалось никакому объяснению: монстр внезапно стал пятиться назад, а Винсент двинулся ему навстречу. Еще несколько мгновений – и чудище повернулось, и, шустро перебирая огромными щупальцами, стало двигаться к скалам, а Винсент, не отставая, шел следом за ним. Надо сказать, что со стороны это выглядело более чем невероятно, или, как сказала бы тетя Фелисия, сюрреалистично. Меж тем осьминог (или как там его правильно называть) дополз до вершин скал, лихо перевалил через них, и скрылся с глаз, а Винсент, подойдя к все тем же вершинам, долго смотрел вниз, а потом направился ко мне. Вообще-то к этому времени около меня оказались уже все, даже Суад, который явно не мог поверить в происходящее. Я, впрочем, тоже. Если же судить по растерянным лицам Дорена и Ярли, то ясно, что они испытывали сходные эмоции.

– Дорен, что происходит?.. – спросила я.

– Мне бы кто пояснил... – развел руками тот. – Ничего не понимаю...

Когда же Винсент дошел (вернее, добрел) до нас, то сел на землю рядом со мной, и какое-то время молчал, а затем устало произнес:

– Святые Небеса, как я испугался! Думал, все...

– Винсент... – негромко спросила я. – Винсент, ты зачем спустился ко мне? Это же было смертельно опасно!

– Куда не заведет тоска по тебе...

– А если серьезно?

– Брат, объясни, что случилось?.. – Дорен только что не тряхнул брата за плечи. – Я от увиденного чуть не поседел, чтоб тебя, паразита!.. Как ты смог его прогнать?

– Да все просто... – Винсент протянул руку. – Вы что, не видите?

Сейчас на запястье молодого человека красовался старый серебряный браслет с изумрудом, тот самый, который мы в свое время утащили у свекра Ярли. Помнится, позже туреги требовали от хозяина чайной, чтоб тот принес им камень, за который они заплатили ему большие деньги. Мы еще тогда поняли, что речь идет о большом изумруде, который был вставлен в этот серебряный браслет... Все верно, но при чем здесь то, что мы только что узрели своими глазами?

– Ну, мы видим браслет...

– Я тоже так думал... – кивнул Винсент. – Несколько минут тому назад, когда мы еще сидели в пещере, я заметил, что одна из сумок Ярли словно засветилась зеленым светом. Я, честно говоря, даже растерялся. Взял сумку в руки, а в ней оказались драгоценности, те самые, что мы забрали у несостоявшегося свекра Ярли, а зеленый свет шел как раз от этого самого браслета. Я вначале не знал, на что думать, но тут Лиз закричала об опасности, и мне внезапно вспомнились рассказы о том, что кудесники древности умели бороться с нечистью при помощи волшебных зеленых камней, которых эти существа боялись едва ли не до смерти. Что же касается зеленого цвета, то волшебные камни всегда светились, если неподалеку оказывалось создание Темных Небес... Сопоставить все эти факты оказалось секундным делом, так что я надел браслет на

руку, и пошел изображать рыцаря, выходящего на бой с драконом ради прекрасной дамы. Остальное вы видели...

– Но это же смертельно опасно!.. – вырвалось у меня. – А если бы ты ошибся! В этом случае монстр тебя первого разодрал бы на куски!

– Но ведь не разодрал же.

– Винсент, я просто не знаю, что тут можно сказать!..

– Лиз, как приятно слышать, что ты обо мне беспокоишься!

– Я серьезно говорю!

– И я серьезно. Лиз, ты же помнишь, что я перед тобой очень виноват – ну, тогда, при нашем знакомстве, я совершил огромную глупость, и с той поры не знаю, как загладить свою вину. Вот и делаю, что могу...

Нет, у мужчин точно ума нет! Я-то думала, он скажет что-то вроде того, что испытывает ко мне хоть небольшие, но искренние чувства, которые вызваны совместными преодолениями бесконечных трудностей. Если честно, то мне сейчас не до романов, но поднять хоть немного собственную самооценку я бы не отказалась, но слышать «я ваш должник, и просто искупаю долг...»... Это, знаете ли, не совсем то, что желает слышать дама.

Ладно, спишем все на душевное потрясение, которое накрыло молодого человека после близкого общения с очередным кошмарным монстром...

Глава 16

– Так, говоришь, этот ползающий осьминог называется трапен?..
– почесал затылок Дорен.

– Наверняка это он... – Суад все еще не мог окончательно придти в себя от того, что ему пришлось увидеть совсем недавно. – Кроме него быть некому...

Сейчас на небе догорали последние лучи солнца, и нам пора уходить в пещеру, но вместо этого мы все сидели у входа в наше каменное убежище – уж очень тихим и красивым выдался вечер. За сегодняшний день мы получили достаточно не самых лучших эмоций, так что имели полное право позволить себе подобное легкомыслие, пусть и на недолгое время. Конечно, нельзя исключать того, что перед нами вновь появится кто-то из здешних «милых» обитателей, но после огромного, ползающего по земле осьминога (или, правильней говоря, трапена) нас, кажется, не могло напугать уже ничего, во всяком случае, сегодня.

Суад, находящийся в полной растерянности от увиденного, без всяких просьб рассказал нам все, что знал об этом существе, хотя, говоря по-правде, известно ему было немного. Дело в том, что про это жуткое создание жителям деревушки когда-то поведал старый рыбак, причем тот чуть живой старик во время своего повествования находился в хорошем подпитии, так что язык у него развязался сверх меры. Правда, тогда не все поверили словам этого человека, потому как разговор происходил в кабачке, и многие из присутствующих были уверены, что старик или что-то придумывает, или просто передает одну из тех страшных историй, коих между рыбаками ходит превеликое множество.

Первым делом следует сказать, что этот старый рыбак когда-то, будучи совсем юным, больше всего на свете желал вырваться из маленького поселка, а еще у него была мечта – посмотреть мир. Сказано – сделано: парнишка удрал из дома, и пристроился юнгой на корабль. Ну, что сказать... На мир он, конечно, посмотрел, довольно долгое время мотался по морям и дальним берегам, после чего в один прекрасный момент осознал, что все эти заморские чудеса ему надоели, возраст берет свое, и он хочет спокойной жизни, вернуться домой, в свой небольшой поселок, заниматься обычной рыбной

ловлей, и иметь постоянную крышу над головой. Возвратившись в родные края, он зажил спокойной жизнью немолодого человека, в свое время помотавшегося по миру, рыбачил в свое удовольствие, а по вечерам частенько рассказывал людям о том, где побывал и что видел. Жители поселка, выслушивая долгие былины, чему-то верили, чему-то нет, но слушать повествования рыбака (вернее, старого морского бродяги) было интересно, тем более что увлекательных баек у него хватало.

Трапен... По словам старика, с этим страшным созданием он встретился в одной из дальних (едва ли не диких) стран, куда их корабль пришел по крайне выгодному фрахту. Вообще-то желающих отправиться в те места, как правило, не находилось: слишком опасно, да и законов в той далекой стране особо не наблюдалось – у власти стояли жрецы и колдуны, а у них имелось свое видение мира, во многом отличающееся от правил жизни более развитых стран. Так получилось, что уже через несколько дней после того, как судно оказалось у причала столицы той дальней страны, весь экипаж начал мечтать лишь о том, как бы поскорей покинуть этот город-порт – уж слишком тут неприязненное отношение к чужеземцам, которое местные жители даже не пытаются скрыть. Члены экипажа уже поняли: будет лучше, если они начнут вести себя в этом порту тише воды и ниже травы – здесь были собственные правила поведения, и то, что рассматривалось моряками из иных стран как вполне обычное дело, в этой стране могло считаться оскорблением, а с согрешившими тут не церемонились. Более того: прибывшим дали понять, что для их же пользы будет лучше, если они вообще не будут покидать свой корабль без особого на то дозволения. Откровенно говоря, подобное не вписывалось ни в какие правила поведения, негласно установленные для мореплавателей, но с законами той или иной страны вступать в конфликт не стоит, тем более что об этих дальних краях и без того ходили далеко не самые лучшие слухи.

На четвертый день пребывания в этой жаркой стране моряки узнали, что сегодня в городе состоится большой праздник, и в этот день все иноземцы могут беспрепятственно покидать свой корабль и без опаски ходить по городу. Как сказал морякам один из хозяев здешнего порта: этот праздник у нас в столице происходит каждый месяц, и длится всего один день, так что, считайте, вам крупно повезло, и в этот день вы имеете право позволить себе многое из того, что обычно запрещено. Кстати, этот праздник носит красивое

название – День Воздаяния.

Такой удачный случай никому упускать не хотелось, да и смотреть на берег с борта корабля всем уже осточертело до невозможности, так что моряки в приподнятом настроении отправились прогуляться по здешним местам (желательно, злачным). Заодно им посоветовали посетить некое подобие огромного театра, расположенного под открытым небом едва ли не у самой береговой линии – дескать, главные развлечения праздника пройдут именно там. Мол, поверьте – вы увидите незабываемое зрелище, которое запомните на всю жизнь!

Морякам ранее уже приходилось видеть амфитеатры, то бишь огромное круглое здание без крыши, где вокруг арены находятся постепенно возвышающиеся ряды для зрителей. Здесь же, если можно так выразиться, была только половина амфитеатра, вплотную примыкающая к морю, и места для зрителей располагались полукругом, но, тем не менее, это строение было весьма немалых размеров, и моряков еще тогда немало удивило, что сцена (или арена) уходит прямо в море. Ну, мужчины есть мужчины, и они решили: раз дело связано с морем, то зрителей ждет веселое представление с красивыми ныряльщиками (а что такого, во многих жарких странах подобные выступления – это обычное дело!), и кое-кто из моряков даже решил после представления поближе познакомиться с самыми привлекательными артистками.

К началу представления театр был полон, можно сказать, под завязку – кажется, сюда пришли все жители столицы, причем вместе с обитателями пригородов, и, судя по оживлению присутствующих, они ожидают увидеть интересное зрелище.

Правда, немногим позже выяснилось, что никакого веселья тут не предвидится, и даже более того – сейчас на арене развернется весьма трагическое зрелище. Оказывается, раз в месяц сюда со всей страны привозят тех осужденных, кого здешние суды приговорили к смертной казни за те или иные преступления, и все эти казни приводятся в исполнение как раз здесь, в столице, причем на глазах у толпы. Отсюда и название праздника – День Воздаяния. Именно казнь преступников считается в этой стране одним из самых главных развлечений, и кое-кто из любителей пощекотать себе нервы старается не пропускать ни одну из этих гм... кровавых потех, несмотря на то, что для этого им приходится приезжать из других

мест, частенько расположенных довольно далеко от столицы.

Узнав о том, какое «оптимистическое» представление им предстоит увидеть, моряки хотели, было, уйти, но это оказалось невозможным. Причина этого проста: по здешним правилам те, кто желает покинуть театр во время казни, считаются едва ли не сообщниками преступников, которым тяжело видеть казнь своих товарищей, а раз так, то и этим людям место на арене, среди осужденных, и тут никто не станет смотреть, иноземец ты или здешний житель. Да уж, при таких условиях поневоле останешься на месте до того времени, пока тебе не разрешат встать. В общем, выбора у моряков не было, так что им пришлось досидеть до конца этого так называемого представления.

Как и следовало ожидать, зрелище оказалось, как говорится, на любителя и не для слабонервных. Все происходящее произвело на моряков крайне неприятное впечатление, хотя остальные зрители были не только полностью поглощены тем, что происходило перед их глазами, но и находились в восторге от происходящего, то есть от своеобразной казни осужденных.

Все совершалось достаточно просто: стражники вытаскивали на сцену осужденных, которые были связаны по рукам и ногам, после чего служители порядка сразу же убегали прочь, стараясь убраться как можно дальше от арены. Неподалеку от сцены располагалось нечто вроде особой ложи, в которой находилось несколько человек – как позже выяснилось, это были колдуны или здешние жрецы, и именно эти люди каким-то образом умудрялись вызывать на сцену из моря самых странных морских существ, один вид которых внушал настоящую оторопь. Надо сказать, что некоторые из тех водных обитателей морякам были уже знакомы (доводилось встречаться в море), но имелись и такие, коих они ранее и в глаза не видели (как позже сказал старый рыбак – если бы их никогда не узрели, то ничего не потеряли). Эти морские создания, которые выплывали, выскакивали или выползали из воды, первым делом стремились к связанным людям, разрывали бедолаг на куски и пожирали их на глазах у замершей от восторга толпы, или же утаскивали свои жертвы в воду...

Зрелище, говоря откровенно, было мерзким и более чем неприятным. Казалось, что морские чудища полностью подчиняются приказам магов, однако в какой-то момент все происходящее едва не

вышло из-под контроля колдунов. Появившееся из воды странное существо, очень похожее на огромного осьминога, только со страшной драконьей головой, между делом разорвало двух связанных людей, но вместо того, чтоб сунуть добычу в свою огромную зубастую пасть, страшилище вдруг поползло к зрителям. Быстро преодолев расстояние до первых рядов, осьминог накинута, было, на бегущих от него людей, но колдуны все же сумели каким-то образом задержать это страшное создание, и огромный осьминог через недолгое время неохотно пополз в море, прихватив с собой несколько жертв, в числе которых оказалась и четверо убитых зрителей.

Именно этот жуткий осьминог произвел на моряков самое ужасающее впечатление, и для этого были все основания: когда страшилище поползло на зрительские ряды, то оно оказалось совсем близко от сидящих там моряков, а одно из невероятно длинных щупалец морского существа несколько раз проползло совсем рядом с моряками, почти касаясь их ног. Более того – это толстое щупальце, покрытое круглыми присосками и мелкими шипами, схватило сидящего неподалеку мужчину, который вскочил на ноги, пытаясь бежать, и поволокло несчастного вниз. Все это время моряки сидели, едва ли не парализованные ужасом, и в то же время не в силах оторвать взгляд от огромной пасти страшилища, покрытой невероятно длинными зубами, а круглые черные глаза осьминога почти лишали сил тех, на кого чудище устремляло свой взор...

Позже, оказавшись в портовом кабачке, от здешних жителей (которые тоже отмечали так называемый праздник) моряки узнали, что этого огромного осьминога (или кто он там) местные жители называют трапен, и очень его боятся. Говорят, что это существо обитает едва ли не в самых глубоких впадинах морского дна, но, тем не менее, частенько в поисках добычи, вечером или ночью трапен выползает на сушу, и горе тому, кто встретится на его пути, ведь еды этому существу надо немало, и отсутствием аппетита он не страдает. Считается, что это страшное существо когда-то создали Темные Боги для каких-то своих дел, потому даже могучие здешние колдуны, которые умеют повелевать самыми дикими и опасными зверями, не всегда могут справиться с этим существом. То, что произошло сегодня в амфитеатре, когда трапен убил нескольких зрителей – это, так сказать, обычное дело, бывает, что случаются истории куда хуже, и с более печальными последствиями... То, что здешние колдуны умудряются справляться с трапеном, внушает соседним странам

настоящий страх, ведь совладать с этим чудовищем невозможно, так что морские границы страны защищены – трапен по приказу колдунов затопит любое судно. И вообще, если этот огромный осьминог голоден, то он просто топит судно, идущее по морю, и живым от него не уйдет никто... А еще посетители портового кабака поинтересовались у гостей: в ваших краях ничего не знают о трапене, верно? Так и есть, еще неизвестно, удастся ли вам уйти из этих мест: вам, парни, не помешает знать – если на вас рассердится некто из здешних власть имущих, то все, натравят на вас кого-либо из здешних морских зверей, и все, а судно отойдет на нужды здешнего флота... Вот то-то и оно, сами понимаете, отчего о наших водах идет такая дурная слава...

Несмотря на то, что к тому времени головы моряков были несколько затуманены хмельными парами пальмового вина, они все же сообразили, отчего в эти дальние места настолько неохотно идут торговые корабли. Вернее, стало понятно, почему они отсюда редко возвращаются, а те, кому посчастливилось вернуться, отнюдь не горят желанием вновь идти в эту страну, даже по самому выгодному фрахту. От осознания происходящего хмель брал плохо, и потому моряки отправились из кабака на свое судно куда раньше, чем намеревались первоначально – похоже, сейчас вопросы надо решать быстро и на трезвую голову. Ну, а на корабле моряки первым делом устроили нечто вроде собрания, и решили, что отсюда надо убираться, пусть даже и с пустыми трюмами. Конечно, хозяева здешнего порта пообещали им в самое ближайшее время более чем выгодный фрахт, только нет смысла дожидаться, когда в столицу прибудет нужный товар, чтоб загрузить его на корабль. Жизнь – она, знаете ли, куда дороже. Пока же для моряков гораздо важнее было то, что трапен, этот огромный осьминог, сейчас вряд ли вновь отправится за новой добычей – он, утащив под воду разом шесть человек, какое-то время должен быть сытым, и в это время наверняка прячется в одной из глубоких морских впадин.

До наступления полной темноты моряки успели запастись необходимой провизией и пресной водой, смогли даже немного выспаться, а с рассветом корабль поднял паруса и покинул берега этой жаркой страны: пока здешний народ не проспался после вчерашнего праздника, у экипажа было время незаметно уйти из порта. По счастью, ничего особо страшного с ними в пути не произошло, и корабль благополучно прибыл в родную страну, но

моряки все же решили более никогда не ходить в эти далекие воды. Заодно договорились никому ничего не говорить про трапена, да и промеж собой о нем более не упоминать: по старой морской традиции тем, кто еще ходит по морям, лучше вслух не вспоминать о тех существах, к которым имеют отношение колдуны, а ведь, по словам тамошних жителей, трапена создали Темные Боги. Говорят, что если рассказывать о таких созданиях, имеющих отношение к черным силам, то с ними еще придется встретиться...

– Так оно и произошло... – закончил свой рассказ Суад. – Только встретиться с трапеном пришлось не бывшему моряку, а мне! Доболтался старик, хотя должен был помалкивать... Если откровенно, то мы в тот день мы не особо поверили в рассказ рыбака – мало ли что брякнешь под хмельком!, да и он, протрезвев наутро, сам струхнул, и сказал, что ничего не помнит... А оказывается, дед не соврал... Вот что происходит, когда люди нарушают правила, говоря про то, о чем положено молчать!

– Если я правильно понял, то трапен должен обитать весьма далеко от этих мест... – подсадовал Дорен. – И как же этот осьминог тут оказался?

– Да наш старик тогда же упоминал о том, что позже в ту страну корабли вообще ходить перестали... – поморщился Суад. – Там у них какая-то серьезная заварушка началась: поговаривали, что пара соседних государств сцепились между собой, власть и земли делят. Ну, а когда в стране неразбериха, то держать все морское зверье под своим постоянным присмотром вряд ли получится. Этот осьминог, или кто он там... Наверняка в той стране трапен находился не в одиночестве, были еще такие же твари, так что кто-то из тех уродцев удрал на свободу, и, похоже, поселился неподалеку от Темного Утеса – как видно, тут самое подходящее место для самых мерзких морских обитателей.

– Пожалуй... – согласился Винсент. – Вполне может оказаться и так, что по наши души, вернее, тела, может заявиться еще кто-то из жителей моря.

– В этом не сомневайтесь... – пробурчал Суад. – На Темном Утесе нас ничего хорошего ждать не может. Одна надежда – на эту вашу штуку. Похоже, она хорошо нечисть гоняет.

– Нечисть – да, а вот на обычных обитателей моря она вряд ли

подействует... – Винсент вновь внимательно рассматривал браслет, который сейчас выглядел как самое обычное украшение, и никакого зеленого света от него не исходило. Оно и понятно – камень начинает светиться лишь в том случае, когда рядом появлялись создания Темных Небес. – Думаю, что рядом с морским ящером камень вряд ли начнет хоть как-то сиять, да и сомневаюсь в том, что ящер испугается какого-то там зеленого света.

– Ну, хоть что-то у нас имеется – это уже хорошо, все какая-то защита... – рыбак то и дело бросал заинтересованные взгляды на браслет, который Винсент не снимал со своей руки. – А где это вы камень такой волшебный раздобыли?

– Да вот, сумели... – Винсент поднялся с земли. – Сидеть тут, конечно, хорошо, но вот-вот стемнеет, так что пошли в нашу пещеру – там и поговорить можно. Да и перекусить перед сном не помешает – зря, что ли, мы ящериц так долго ловили...

В пещере было почти темно, и потому пришлось вновь разжигать костер, причем в него положили побольше веток – просто для того, чтоб было посветлей, да и запаса сухой древесины нам должно хватить на эту ночь. Суп из ящериц, кстати, оказался вполне съедобным, и котелок быстро опустел. К тому времени снаружи наступила темнота, и все мы невольно старались держаться ближе как друг к другу, так и к теплоте костра.

– Винсент, ты что делаешь?.. – поинтересовалась я у молодого человека, когда он, взяв в руки обрывки рыболовной сети, стал что-то рассматривать у входа в пещеру.

– Я тут кое-что прикинул... – парень повернулся к нам. – Конечно, мы вряд ли узнаем, кто были те люди, что когда-то прятались в этой пещере – может, это рыбаки, которых пригнало сюда бурей, или те, кого прибило на плоту с затонувшего судна... Если судить по тем вещам, что остались здесь, то можно сказать – те, кто до нас прятались в пещере, явно не относились к числу богачей. А еще я вижу, что у входа они натягивали рыболовную сеть – как видно, надеялись, что она сумеет остановить хищников. Не знаю, с кем из здешних милых созданий столкнулись эти люди, но от того же трапена сеть никак не защитит. Во всяком случае, существо, напавшее на прячущихся здесь людей, сеть порвало в клочья. Судьба тех, кто находился здесь, думаю, понятна.

– Думаешь, люди погибли?

– Без сомнений, иначе они не ушли бы отсюда, оставив деньги. Судя по всему, эта беда произошла достаточно давно... Не знаю, сумеем ли мы защититься от обитающих тут хищников, но от трапена точно отобьемся. Как говорится: пустяк, а приятно. Решим так: каждый, кто будет дежурить ночью, надевает на свою руку этот браслет, и в случае опасности сразу будит остальных. Заодно определимся: вначале дежурю я, потом Дорен, а последним – Суад. Что же касается наших девушек, то дадим им поспать. Надеюсь, возражений нет?

– Нет... – буркнул Суад. – Только мне все одно интересно, где это вы такой камень умудрились раздобыть?

– Утащили... – пожал плечами Винсент.

– У кого?.. – продолжал допытываться рыбак.

– У того, кто обидел эту девушку... – Дорен чуть повернулся к Ярли, которая все это время молчала. – Тот человек где-то сумел раздобыть этот камень, вернее, браслет с вставленным в него изумрудом, причем, судя по всему, уплатил за него большие деньги.

– А зачем ему нужен был этот браслет?.. – все никак не мог успокоиться рыбак.

– Знаю лишь, что он где-то приобрел этот изумруд по поручению турегов... – Дорен пристроился на свою лежанку. – Нетрудно понять, для чего им требовался этот волшебный камень. Как нам сказали, туреги живут в жаркой пустыне, только не на поверхности, где безжизненные пески, а в пещерах и подземных галереях, находящихся в этой пустыне. Ясно, что в подземных убежищах кого только не водится, хватает и всякой нечисти, и в этом случае волшебный камень может оказаться просто незаменим. Мы же своими глазами видели, как трапен дал деру от этого изумруда, так что туреги при помощи удивительного камня наверняка собирались гонять нечисть в своих подземных галереях.

– Туреги, значит... – голос Суада чуть изменился. – Так вас искали из-за того, что вы утащили у этих уродов волшебный камень?

– В том числе и по этой причине... – усмехнулся Винсент. – Вообще на нас сейчас столько преступлений и нарушений висит, что перечислять надоест, так что кража драгоценного камня, будто бы

принадлежащего турегам – это далеко не все. Мы, если честно, помимо всего прочего так успели обидеть рогатых обитателей пустыни, что теперь за нами гоняется вся городская стража – надо же защитить несчастных страдальцев!

– И как же вы их обидели, этих козломордых?.. – никак не мог успокоиться рыбак.

– Поверь на слово – очень крепко, век помнить будут.

– Вы правду говорите?

– А какой смысл обманывать?.. – пожал плечами Винсент. – И с чего тебя так заинтересовали туреги?

– Я этих тварей ненавижу!.. – выдохнул рыбак. – Всех бы своими руками передушил! Если вы их, и правда, хотя бы немного потрепали, то я для вас сделаю все, что хотите! Даже попрошу прощения за то, что сдал вас страже!

– Чем это тебя так туреги достали?.. – удивился Дорен.

– Они у меня двух сыновей убили... – тяжело уронил Суад.

История, рассказанная рыбаком, была простой и горькой. Оказывается, еще два года назад в семье Суада был не один сын, а трое, причем двое были близнецами, и в то время им было по восемь лет. Однажды близнецы, насобирав полные корзины мидий, отправились с ними в город, вернее, на городской рынок: конечно, за две корзины мидий в приморском городе много не дадут, но мальчишкам не помешает заработать несколько мелких монет, тем более что родители разрешали детям тратить вырученные деньги на сладости.

Так получилось, что один из турегов (которые тогда находились в городе – в очередной раз заявили из своей пустыни) ходил по рынку. Что он собирался покупать – сейчас это никому не интересно, но вот мальчишки, увидев смуглокожего мужчину в огромном тюрбане, сразу поняли, кто находится перед ними. Об этих жителях пустыни ходило много самых разных слухов, но больше всего ребят интересовали утверждения о том, что у турегов имеются рога, которые они прячут под большим тюрбаном. Парнишкам, как видно, хотелось убедиться, правда это, или нет, и они не нашли ничего лучше, чем увидеть своими глазами это «украшение» на голове чужестранца. Каким образом можно рассмотреть то, что скрыто под

высокой шапкой? Сделать это можно проще простого: у каждого из мальчишек рыбацкой деревушки при себе всегда имелся рыболовный крючок на длинной леске, и парнишки решили при помощи них сдернуть тюрбан с головы турега. По мнению ребят, это была самая обычная шутка из числа тех, за которые в рыбацком поселке всего лишь драли уши!..

Конечно, если бы в тот момент рядом с ребятами был кто-то взрослый, то он никогда б не позволил им совершить подобную глупость, но что случилось – то случилось. Каждый из братьев, держа в руках конец лески, ловко раскрутил ее над головой, и крючки, пролетев по воздуху небольшое расстояние, впились в тюрбан турега. Рывок – и головной убор полетел на землю, а растерявшиеся люди увидели пусть и недлинные, но острые рога на лысоватой голове жителя пустыни...

Остальное произошло мгновенно: турег резко повернулся, его желтые глаза уставились на растерявшихся братьев, а в следующий миг в руках рогатого человека оказались ножи, которые тут же полетели в братьев...

– Потом стражники еще и нас во всем обвинили... – устало закончил Суад свой недолгий рассказ. – Дескать, все по закону: это мои дети нанесли страшное оскорбление почтенным гостям города, и должны понести за это должное наказание, тем более что кара постигла их от лица обиженного человека, который вполне обоснованно счел себя униженным! Да уж, нашли наказание – убить детей за сдернутый с головы тюрбан! Эти козломордые так наострились ножами бросаться, что мои парнишки были убиты сразу – у обоих ножи вошли прямо в сердце... С нас потом еще и штраф потребовали: дескать, с уважаемыми господами так поступать нельзя, тем более что по законам турегов сбить с их головы тюрбан, прикрывающий рога – это тяжкое преступление, за которое надо платить по самым строгим уложениям. Потому-то нам такие взыскания наложили за обиду, нанесенную турегам, что хоть последнего сына в рабство продавай – иначе не расплатиться!

– И как же вы выкрутились?

– Можно сказать, повезло: в нашей семье незадолго до всей этой истории как раз деньги появились – родственница умерла, и нам все свои накопления отписала, а их у нее было не так и мало. Я-то до всей этой истории считал, что плохие времена для нашей семьи

остались в прошлом, да куда там... Дело кончилось тем, что у нас забрали почти что все, что мы имели, да при том еще и заявили: мол, скажите спасибо, что туреги с вас куда больше денег не потребовали! Дескать, если б вы не сумели заплатить наложенный на вас штраф, то они бы и все ваше семейство с собой увели, в свои пустыни, там бы вы стали долги отрабатывать. Ну, а тех местах люди долго не живут...

– Крепко вас туреги держат.

– Не без того... – неохотно отозвался рыбак. – Рогатых только власть привлекает, хотя и не любит, а все остальные их просто ненавидят. Несмотря на то, что нас виноватыми сделали, я видел, что стражники нам сочувствовали, хотя старались этого не показывать. Думаю, если б они могли, то сами бы этих турегов перебили – эти рогатые всем надоели, они людей за грязь считают!

– А что ж ты тогда нас им выдать решил?

– Так нам сказали, что ищут беглых рабов, бандитов и разбойников, которые честных людей грабят, а таких стражникам заложить – благое дело! Если бы стало известно, что вы турегов серьез зацепили, то вряд ли многие кинулись бы помогать страже. Вспоминать об этих рогатых не хочется!

– Тогда и не надо... – подвел итог разговора Винсент. – Лучше скажи: как считаешь, нас искать будут?

– Должны... – неохотно отозвался тот. – Если дело связано с турегами – то, без сомнений, нас станут искать. Говорят, они в казну много золота приносят, Владыке преданно служат, так что обижать их не принято. Власти землю носом рыть будут, лишь бы турегов не злить. К тому же этот пустынный народец настолько мстительный, что с ними лучше не связываться, а исполнить то, что они требуют. То есть если они говорят, что им нужны ваши головы, то стражников заставят в лепешку разбиться, но выполнить то, что просят туреги. Вернее, они не просят, а почти что приказывают, и если рогатым не нравится, как исполняют их требования, то они берут это дело в свои руки. Не скажу, что они в этом случае творят, что хотят, но нечто близкое к этому имеется. Если я правильно понял, то туреги знают, что камень у вас, верно?

– Думаю, да.

– Ну, коли так, да еще ежели судить по тому, сколько денег уже обещано за ваши головы... Могу побиться об заклад, что к нашим

поискам привлекли всех, кого только можно. Могут и рыбаков отправить на поиски – раз мы ушли морем, то там нас и искать станут, а заодно и все побережье прочешут.

– Могут и сюда кого-то послать с проверкой?

– Да кто их знает... – почесал в затылке рыбак. – По своей воле сюда, конечно, никто не отправится, но могут и заставить...

– Ладно... – вздохнул Винсент. – Давайте-ка все на боковую. Утром поговорим, а я, как и договаривались, дежурю первым.

Против этого никто не возражал. Устроившись на своей лежанке, я смотрела на горящий костер, и невольно вслушивалась в звуки, доносящиеся снаружи. Пока, кажется, все тихо... Пусть так, но все же мне было бы куда спокойней, если б перед входом была натянута сеть – конечно, это наивно, и тех людей, что были здесь до нас, она не спасла, однако давала какую-то иллюзию защиты. Надеюсь, ползающий осьминог к нам больше не заявится, хотя на этом островке нельзя быть уверенным хоть в чем-то.

Положила руку на кожаный мешочек, в котором находилось мое сапфировое кольцо – в последнее время у меня появилась привычка то и дело держаться за кольцо, словно за какой-то оберег, который должен оберегать меня от всех бед. Вот и сейчас, ощущая под пальцами драгоценные камешки, я начинаю успокаиваться, и приходит уверенность в том, что все будет хорошо. Какие бы трудности нас не ждали, я должна выжить, и вернуть это украшение домой, в нашу семью, а раз так, то предаваться унынию мне не следует, во всяком случае, до того времени, пока я не отдам кольцо в руки тети Фелисии. Зная характер тетушки, не сомневаюсь, что она будет счастлива вновь увидеть свою пропавшую родственницу, и в то же самое время меня ждет более чем серьезный разговор – надо каким-то образом сберечь честь семьи, потому как в любом случае пойдут разговоры о том, где все это время могла находиться молодая маркиза Алверст. Подозрения, намеки, сомнения... Конечно, тетя Фелисия сделает все, чтоб выйти из непростой ситуации с наименьшими потерями, но мне, скорей всего, придется согласиться со всем, что она скажет...

Еще неизвестно почему мне вспомнился Воган, дорогой супруг – наверное, ползающий осьминог пробудил в памяти далеко не самые лучшие воспоминания. Надо же, столько времени я не думала о муже,

и вдруг его образ всплыл в моей памяти, хотя, кроме раздражения и неприязни, не пробудил никаких иных чувств. Святые Небеса, как быстро куда-то пропала моя многолетняя влюбленность в этого человека, вернее, она исчезла без следа! Не знаю, как сейчас живет мой дражайший муж и его любимая подружка, но то, что тетя Фелисия устроила им обоим весьма некомфортное существование – в этом у меня нет ни малейших сомнений. Более того – я уверена и в том, что гм... высокая и прекрасная любовь Вогана и Тирлы сейчас трещит по всем швам.

Ночь прошла спокойно, хотя дежурные неохотно признали, что несколько раз слышали странные звуки, доносящиеся снаружи. Конечно, при свете солнца на ночные страхи смотришь проще, и они не кажутся чем-то уж очень жутким, но все же мне очень хотелось как можно быстрее покинуть этот остров. Знать бы только, как это сделать...

Для начала было решено еще раз обойти остров, причем осмотреть все как можно более внимательно. Прежде всего, каждый из нас не отказался бы перекусить, но вновь идти в бухточку за мидиями никому не хотелось – хоть Суад и говорит, что днем морской ящер обычно не охотится, проверять это утверждение ни у кого не было желания. Может, в другом месте острова сумеем отыскать что-то съестное, или же, на крайний случай, снова придется заниматься ловлей ящериц. Хм, а интересно, что скажет тетя Фелисия, когда я поведаю ей о том, чем нам тут приходилось питаться? Ну, если повезет, то узнаю, что она думает по этому поводу...

Шли вместе, стараясь не отходить друг от друга – кто знает, что нас тут может ожидать, остров не зря заслужил свою печальную славу. Нам повезло: прошло, наверное, с полчаса, когда мы нашли место, где скалы, спускающиеся к морю, были не столь высокими и отвесными, а еще имелось нечто вроде покатого склона, по которому можно спуститься к воде. Более того – внизу находилась небольшая каменистая отмель, а значит, там можно попытаться отыскать что-то съестное. Пожалуй, при сильном ветре на том мелководье делать нечего – прибой разобьет о скалы, но сейчас море было спокойным, вода прозрачной, и никаких морских обитателей поблизости не наблюдалось. Правда, спуск вниз был довольно крутой, но на этом острове голову можно свернуть где угодно. Разумеется, просто так лезть в эти опасные воды не стоило, и потому Дорен не стал

спускаться вниз и остался наверху – оттуда хорошо просматривалось все, что происходит не только на отмели, но и дальше, в море – если в воде появится какое-то существо, то он сразу даст нам знать об этом.

Пока мы с Ярли, стоя по щиколотку в воде, аккуратно собирали в котелок мидии, стараясь не порезаться об острые края раковин, мужчины занялись ловлей рыбы – оказывается, за время своего дежурства Суад умудрился изготовить из найденных в пещере железок нечто вроде крючка, а крепкая бечевка отыскалась в кармане его куртки. Вскрыв несколько мидий, и насадив их мясо на крючок, мужчинам за короткое время удалось выудить двух довольно больших рыб, когда Дорен вдруг скомандовал:

– Быстро уходите! Кажется, я кого-то заметил...

Этого оказалось вполне достаточно для того, чтоб мы без разговоров стали карабкаться наверх – все понимали, что просто так Дорен поднимать тревогу не станет. Надеюсь, что тот, кого сейчас заметил Дорен – это не морской ящер и не трапен. Все, что мне оставалось – так это досадовать на себя: как бы я не старалась аккуратно собирать мидии, но все одно умудрилась порезаться, и в воду попало немного крови, и теперь на ее запах, похоже, к мелководью ползут хищники. А еще, забираясь по пологой каменной стене, я старалась хотя бы сейчас быть очень осторожной – боялась выронить или опрокинуть котелок, до верха заполненный мидиями. Не хватало еще снова собирать их по мелководью...

– Ты кого увидел?.. – первым делом поинтересовался Винсент у брата, когда мы поднялись наверх.

– Не знаю, что и сказать... – развел руками тот. – Смотри сам...

– Куда? Вроде никого в воде нет...

– Левее... Вон, оно уже совсем близко от отмели!

Теперь и я заметила кого-то в воде, то в первый миг мне показалось, что это просто большая рыба, потом подумала, что это, скорей всего, дельфин... Впрочем, когда это существо показалось из воды, вернее, поднялось над водой во весь рост, то ни о каком дельфине речи уже не шло – на какой-то миг мне пришло в голову, что вижу человека, но в следующее мгновение выбросила эту мысль из головы. Нижняя часть этого существа чем-то напоминала рыбье тело, покрытое крупной серо-сизой чешуей, только вместо оперения хвоста находилось множество небольших щупалец, при помощи

которых это непонятное создание могло скользить по поверхности воды, как по твердой земле. Не меньше удивляла и верхняя половина тела этого морского обитателя – прежде всего, у него была самая настоящая человеческая голова, чем-то напоминающая голову постриженного монаха, хотя и покрытую все той же чешуей, пусть и более мелкой. Почему монаха? Просто вокруг головы этого существа шел черный обруч из волос, очень похожий на монашескую тонзуру. Более того – казалось, что на голову этого создания накинута самый настоящий чешуйчатый капюшон, а передние плавники чем-то напоминали уродливые руки...

– Это еще кто такой?.. – ахнула я.

– Не знаю... – растерянно произнес Суад. – Всевышним клянусь – это чудище я вижу первый раз в жизни!

– Госпожа... – пролетала Ярли, которая не могла оторвать взгляд от непотного существа. – Я тоже не знаю, кто это такой!

– А вот я, кажется, догадываюсь... – судя по голосу, Винсент был весьма раздосадован увиденным. – Это морской монах.

– Точно, он... – согласился Дорен. – Я в первый момент и не сообразил – просто растерялся от неожиданности.

– При чем тут какой-то монах?.. – не поняла я.

– Так называется это существо – просто есть что-то схожее во внешности, пусть даже на первый взгляд...

Тут Дорен прав – действительно, имеется что-то общее, хотя это еще как сказать... Осталось только выяснить, стоит нам опасаться морского монаха, или нет.

Тем временем это непонятное существо, легко скользя по поверхности воды, приблизилось к мелководью, и подняло вверх голову, глядя на нас. Не знаю, что тут и сказать, но то, что мы увидели, не очень похоже на лицо человека, скорее, перед нами было гротескное изображение рыбьей головы: круглые глаза, рыбий нос и большой рот, можно сказать от уха и до уха. Страшновато и неприятно, чем-то напоминает пугало на огороде...

Я не успела ничего сказать – морской монах внезапно высоко подпрыгнул в воздух, затем ушел в воду, потом вновь оказался в воздухе, крутя невероятные кульбиты... Скачки по воде, прыжки, веера брызг... Как замороженные, мы смотрели на то, что вытворяет

на воде это существо, кажущееся таким веселым и беззаботным, а потом я поняла, что улыбаюсь, не в силах оторвать взгляд того радостного представления, которое разыгрывается перед нашими глазами. У морского монаха был настолько комичный вид, что мне невольно вспомнились цирковые шуты, которых я несколько раз видела на рыночных площадях – они тоже дурачились, вызывая веселье публики.

– Может, спустимся вниз?.. – спросила Ярли, которая только что не смеялась, глядя на то, что вытворяет в воде морской монах. – Смотреть на все это так забавно! Ой, смотрите, их уже двое!

И верно – сейчас по воде скользили две забавные фигуры, поднимая целые фонтаны брызг и совершая головокружительные прыжки. Если говорить откровенно, то я была полностью согласна с Ярли – тоже не отказалась бы оказаться на берегу, чтоб принять участие в этом беспечном развлечении, глядя на которое, забывалось все плохое, и на душе становилось легче.

– Не вздумайте!.. – надо же, какой сейчас резкий голос у Винсента. – Не двигайтесь с места! Морской монах достаточно опасен, несмотря на свой более чем странный внешний вид. Если этот шутник распахнет свой рыбий рот, то вы поймете, что он питается отнюдь не планктоном, а кое-кем посерьезней. А еще эти существа обладают пусть и небольшим, но гипнотическим влиянием. Они подманивают к морскому берегу как животных, так и людей, и если на животных они нападают из засады, то люди сами идут к берегу, глядя на веселые прыжки морских монахов, и ощущая при том удивительную безопасность. Остальное просто: когда человек оказывается достаточно близко, морской монах прыгает на свою жертву, запускает в него свои зубы, тащит несчастного в воду, где и съедает пойманную добычу. Проще говоря: все, что мы видим сейчас – это обычная охота, когда хищник подманивает жертву.

– Откуда ты все это знаешь?.. – спросила я, по-прежнему не желая отводить взгляд от шумного веселья на воде, особенно если учесть, что внизу плескались уже трое морских монахов. Интересно, сколько же таких существ обитает подле острова?

– Мы с Дореном как-то довелось увидеть этих обитателей моря, и это была очень неприятная встреча... – махнул рукой Винсент. – Несколько лет назад нас с братом по делам службы отправили на север, и как раз там мы услышали про это хм... веселое счастье,

скачущее по воде, а потом увидели его своими глазами! Более того: в один далеко не прекрасный момент мы оказались свидетелями того, как морской монах утащил в воду раззяву-солдата, который тоже хотел немного повеселиться, и слишком близко подошел к воде, несмотря на приказ командира. Тело этого недотепы так и не нашли, но, как нам сказали местные жители, морской монах съедает свою жертву полностью, вместе с костями... Кстати, они, как я слышал, тоже кровь любят, и на ее запах быстро подходят. В общем, Суад, неудивительно, что ты ранее ни когда не видел это существо – оно, как правило, обитает в холодных северных водах.

– Пошли отсюда... – пробурчал Суад. – Какие бы страсти вы нам сейчас не рассказывали об этих созданиях, мне все одно от них трудно взгляд отвести, да и вид у морских монахов какой-то шуточный, несерьезный, и потому ваши слова всерьез не воспринимаются. А еще мне тоже хочется спуститься вниз, можно сказать, что ноги прямо сами туда идут! Я, конечно, понимаю, что вы врать не будете, но когда глядишь на эти прыжки, то словам про опасности верить не хочется...

Рыбак был прав: нам действительно пришлось приложить немало душевных сил, чтоб покинуть это место – никак не хотелось уходить. Да, если бы мы оставались на берегу, то уйти было бы еще сложнее, во всяком случае, когда мы шли прочь, я невольно прислушивалась к плеску воды, доносящемуся снизу, и чувствовала досаду, что более не вижу веселых прыжков морских монахов. Пожалуй, надо каким-то образом постараться отвлечься, и думать о том, что у нас на завтрак, кроме мидий, имеются две большие рыбины, которые можно запечь на костре или в горячей золе.

– Слышь, Вин... – заговорил Дорен, когда мы шли в пещере. – Нам говорили, что морские монахи водятся только в холодных морях, а здешние места такими точно не назовешь.

– Помню... – неохотно отозвался Винсент. – Еще кто-то сказал, что эти существа плохо переносят тепло, и потому из холодных вод никуда не уходят. Тогда, конечно, возникает вопрос – откуда тут взялись морские монахи? К колдовству они не имеют особого отношения: хотя камень в браслете чуть светился – и ничего больше, а это может говорить только о том, что у морских монахов существуют некие гипнотические способности – но и только.

– Здесь и трапен обитает, а старый моряк нам говорил, что он

может жить лишь в теплых южных морях... – пробурчал Суад. – И что с того? Место тут плохое, и кого тут только не водится – как видно, темные силы оберегают всех здешних зверюг! Натаскали на этот остров всяких пакостных созданий, словно червей в банку... И хватит болтать о всякой ерунде: давайте лучше поторопимся, а не то есть хочется, а рыбу еще готовить надо...

Времени на приготовление обеда у нас ушло немало, а после полудня было решено еще раз пройти по острову. Надо вновь проверить, нет ли у нас возможности каким-либо образом покинуть Темный Утес, а заодно не помешает посмотреть, нет ли еще места, где можно спускаться к морю за, так сказать, дарами моря – понятно, что одними ящерицами сыт не будешь. Увы, но в бухточке, как выяснилось, обитал ящер, на мелководье поселились морские монахи, так что в те места лишний раз нам соваться не стоит.

К тому времени, когда мы, уставшие, обошли свесь остров, стало понятно, что на Темном Утесе более нет иных мест, где можно спускаться к воде – везде отвесные скалы, о которые бьет вечный прибой. Правда, на противоположном конце острова мы отыскивали большой грот, который, скорей всего, вел к морю, но зайти в ту пещеру со сводчатым потолком и широким входом мы не рискнули, и тому была серьезная причина – камень на браслете, который Винсент не снимал со своей руки, чуть засветился зеленоватым светом. Но даже не это было самым неприятным, а то, что огромный округлый камень зеленовато-серого цвета, лежащий неподалеку от грота, зашевелился, когда мы оказались неподалеку, и через мгновение перед нами оказалась огромная черепаха. Конечно, я и раньше видела черепашек, но они были небольшими, милыми и безвредными, но то, что мы сейчас увидели перед собой, производило достаточно жуткое впечатление. Когда черепаха поднялась на лапы, выяснилось, что ростом она едва ли не превышает нас, а уж про ее длину и говорить не стоит – она, по меньшей мере, втрое превышала свою высоту. Да уж, такой громадине не составит никакого труда раздавить человека!

Но даже не это было самым страшным, а то, что черепаха, поднявшись на свои лапы-ласты, довольно шустро направилась к нам, вытянув вперед голову на длинной морщинистой шее, а уж при взгляде на огромный клюв этой громадной черепахи, у меня только что не потемнело в глазах. Больше того: черепаха умудрилась настолько далеко вытянуть свою шею, что этот клюв почти что дотянулся до Дорена. Э, да эта громадина уже считает нас своей

добычей! Думаю, можно не упоминать о том, что мы со всех ног кинулись прочь от этого места, а у меня в голове крутились воспоминания о том, что морские черепахи, кажется, любят мясо и рыбу, то есть наша милая компания может казаться этой громадине весьма желанной добычей.

Отбежав на безопасное расстояние, мы остановились, и посмотрели назад – черепаха-великанша по-прежнему ползла за нами, и, должна заметить, что двигалась она не так медленно, как нам бы того хотелось.

– Ну и громадина!.. – Суад вытер пот со лба. – Это ж надо вымахать до такой величины! Интересно, сколько ей лет?

– Думаю, немало... – я не могла отвести взгляд от медленно приближающейся черепахи. – Кажется, мы ее заинтересовали...

– И когда же она отстанет от нас?.. – испуганно произнесла Ярли.

– Как только мы исчезнем с ее глаз... – предположил Дорен. – Не поползет же она за нами через весь остров! Насколько я понимаю, эта махина живет в воде, а значит, на суше долго обитать не может.

– Да кто ее знает... – перевел дыхание Винсент. – Уходим отсюда, а то ее упорство мне что-то совсем не нравится.

– Не тебе одному...

Вечером, уже привычно наломав веток для костра, мы снова забрались в свою пещеру. Настроение у всех было далеко не самым лучшим – увы, но к этому времени всем стало ясно, что дурная слава этого острова вполне заслужена, и наше пребывание на Темном Утесе становится все сложнее и опаснее. Если так пойдет и дальше, то как бы нам не разделить судьбу тех несчастных, кто ранее оказался на этом острове. Ох, подсказал бы нам кто, как можно покинуть Темный Утес – я бы за того человека день и ночь возносила Светлым Богам молитвы о здравии и долголетию.

Выспаться в эту ночь у нас не получилось, и причина этому проста – к нам заявили гости. Кем именно были те незваные посетители – этого мы не поняли, потому что проснулись посреди ночи от шума. Как оказалось, бдящий у костра Винсент давненько слышал какие-то звуки неподалеку от нашей пещеры, а затем некто очень долго скребся по камням совсем недалеко от входа. Тем не

менее, гость (или гости) все же боялись огня, и в нашу пещеру не совались. Время шло, и Винсент, опасаясь, что заготовленной древесины не хватит, чтоб поддерживать огонь до утра, стал подкладывать в костер меньше веток, и результат не заставил себя ждать – какое-то существо попыталось пробраться в пещеру, и Винсенту пришлось сунуть горящую ветку прямо в морду нежданного гостя. Раздался визг с шипением, запахло паленым, чужак убрался, а мы все вскочили на ноги. На вопрос «кто это был?» Винсент лишь пожал плечами – не знаю, не рассмотрел, как следует. Ясно, что молодой человек недоговаривает – наверняка не хочет нас пугать, а все, что я успела разглядеть спросонья – так это уползающее прочь темное чешуйчатое тело. Естественно, что после произошедшего всем было не до сна. Кто-то еще долго скребся и шипел неподалеку от входа, но залезть внутрь не пытался, и это уже хорошо.

Возможно, этот глупо, но я присела рядом с Винсентом – с этим молодым человеком мне спокойнее, и не так страшно. Говорить не хотелось – мы просто сидели рядом, ломая ветки, и подкидывая обломки в костер.

– О чем думаешь?.. – негромко спросил меня Винсент.

– Честно?.. – не знаю почему, но в этот момент мне вдруг вспомнился новогодний бал у губернатора – тогда в ночном саду были тоже разложены костры, в которые гости бросали ветки. – Мечтаю, как окажусь на балу, в роскошном платье, и во вновь обретенном сапфировом колье. Надеюсь, ты составишь мне пару на том празднике?

– С моими-то манерами?.. – усмехнулся Винсент. – Не хочется ставить тебя в неловкое положение.

Ну, если вспомнить, сколько трудов в свое время мне пришлось положить для того, чтоб заставить Вогана вести себя более или менее прилично на приемах и светских раутах... Правда, как оказалось, все это дорогому супругу было совсем не нужно, или, как он мне однажды сказал, «стояло поперек горла»...

– Не вижу в твоих манерах ничего, что позволило бы сделать такой вывод... – развела я руками. – И потом, неужели тебе не хочется посмотреть, как на даме будет смотреться то прекрасное украшение, ради которого нам пришлось обидеть турегов?

– Против этого, конечно, трудно хоть что-то возразить...

С рассветом неприятные звуки, доносящиеся снаружи, затихли, и когда утром мы рискнули выйти из пещеры, то рядом никого не было, хотя кое-где на камнях появились глубокие царапины. Глядя на лица своих спутников, я понимала, о чем они думают: если так будет продолжаться и дальше, то нет никакой уверенности в том, что в какую-либо из ночей мы не проснемся в пасти одного из обитателей Темного Утеса, благо желающих перекусить человечинкой тут хватало. Беда еще и в том, что к этому времени мы срезали почти весь кустарник не только вблизи пещеры, но и на довольно значительном расстоянии от нее. Тут думай, не думай, я каждому из нас понятно: если даже мы подчистую вырежем на дрова весь кустарник, находящийся на этом острове, то надолго его не хватит – ветки горят быстро, а ночи тут темные, и довольно долгие. Что тогда мы сможем предпринять, чтоб остаться в живых – на этот вопрос пока что ответа нет.

Впрочем, этот вопрос быстро отошел куда-то на задний план после того, как Ярли, взглядевшись в сторону, растерянно произнесла:

– Это мне кажется, или нет?

К сожалению, Ярли первой заметила все ту же огромную черепаху, которая, неторопливо перебирая своими лапами-ластами, приближалась к нашей пещере. Конечно, пока что черепаха находилась достаточно далеко от нас, но через какое-то время должна добраться до места нашей ночевки. Понятно, что эта громадина проползла более чем половину острова отнюдь не из внезапно возникших дружеских чувств по отношению к нам – здесь был явный гастрономический интерес. Эта огромная черепаха намерена хорошо перекусить, и от этого решения отказываться она не намерена. Если она устроится возле входа в нашу пещеру, а мы там спрячемся, то эта громадина не уйдет оттуда до того времени, пока нас всех оттуда не перетаскает. Шея у нее длинная, а пещера не ахти какая глубокая, так что нам всем грозит серьезная опасность.

– Она что, по нашему следу идет?.. – удивился Дорен.

– Похоже на то.

– Так она же, вроде, морская черепаха...

– Похоже, что она и на суше чувствует себя очень даже неплохо, и в море совсем не торопится... – при виде ползущей к нам

громадины мне стало не по себе.

– Так... – Винсент мрачно смотрел на ковыляющую к нам громадину. – Забираем все наше добро, у кого какое находится в пещере, и уходим.

– Куда?.. – упавшим голосом поинтересовался Суад. – Она ж за нами отправится.

– А ты что, предлагаешь встретить ее здесь?.. – только что не огрызнулся Винсент. – Какой смысл? Извини, но справиться с ней мы не сможем при всем нашем желании.

Сборы были недолгими. Да уж, положение у нас – хуже не придумаешь. В море не сунешься – там хватает опасного зверья, здесь за нами устроила охоту огромная черепаха, и неизвестно, что нас ждет дальше на этом небольшом утесе среди водной глади. В общем, хочется нам того, или нет, но надо снова идти к морю, все одно на здешнем островке особо прятаться негде. Заодно можно попытаться отыскать что-то съестное, а иначе придется переходить на подножный корм, то есть на мох, а к этому мы еще не готовы.

Повздыхав и прикинув, куда можно пойти – к ящеру в бухточку, или к морским монахам на мелководье, все же решили отправиться к бухточке – может, удастся каким-то образом спровадить черепаху в море, которая, без сомнений, пойдет за нами. Правда, надеемся, что никому из нас заходить в воду не придется – для этого постараемся что-нибудь придумать. Ну, а заодно соберем то, что осталось на камнях после отлива – водоросли, мелких рыбешек, бегających крабов – какая-никакая, а все же еда...

Однако стоило нам дойти до места, где начинался спуск в бухточку, как рыбак внезапно остановился, и, закрывая глаза ладонью от солнца, стал вглядываться вдаль.

– Лодки... – спустя мгновение выдохнул он. – Точно, лодки!

– Где?!

– Вон, смотрите, идут прямо сюда!

– Ты уверен?.. – поинтересовался Винсент.

– А то!

Ой, неужели нам повезло? Убраться бы отсюда поскорее, здесь не то место, где стоит задерживаться даже лишнюю минуту.

– Может, сигнал подать?.. – предложил Дорен.

– Не надейтесь, мимо острова не промахнуться... – пробурчал Суад. – Нас и так заметят.

– Лодки, говорите... – я всматривалась в морскую даль – там, и верно, были видны темные точки, только из-за слишком ярких бликов на воде рассмотреть эти самые лодки мне было сложно. – И сколько же их?

– Две... – Суад по-прежнему вглядывался вдаль. – Пожалуй, это баркасы – лодки сюда вряд ли пойдут...

– А что, есть разница?.. – не поняла я.

– В нашей деревушке баркасы имеются только у троих, но те люди вряд ли сюда отправятся... – Суад потер лоб ладонью. – Боюсь, что кто-то посторонний отправился по наши души, потому как просто так в эти воды никто не пойдет.

А ведь он прав! Как это ни неприятно признать, но, возможно, к острову приближаются те, кого стражники отправили на наши поиски.

– Два баркаса, значит... – Винсент задумался. – Сколько человек может быть в каждом из них?

– Нам хватит, и даже с излишком... – мрачно заявил Суад. Его можно понять: если окажется, что на тех баркасах находятся стражники, то и нашего рыбака могут обвинить в пособничестве беглым преступникам. – Главное, нам и уходить некуда, и прятаться смысла нет.

– Ладно, подождем, пока баркасы подойдут поближе к острову... – Винсент не сводил глаз с приближающихся судов. – Тогда и решим, что будем делать.

Спустя недолгое время баркасы приблизились достаточно близко, чтоб можно было рассмотреть людей, находящихся в этих самых баркасах. Впрочем, к острову стало подходить только одно судно, второе остановилось в отдалении. Что ж, все верно – опасаются дурной славы острова, и потому отправляют на разведку только одно судно – второе наблюдает за всем происходящим.

– Вы видите, кто находится на баркасе?.. – внезапно спросил Суад.

– Ну, люди...

– Ясно, что люди! Я имею в виду двоих, высоких тюрбанах! Да это же туреги, чтоб их!.. Надо же, а говорят, что они воды, как огня боятся, а к морю и близко не подходят! Даже от порта в отдалении держатся...

– Похоже, ты прав – там, помимо остальных, находится и парочка турегов.

– Туреги... – протянул Суад. – Вот что: вы думайте обо мне все, что хотите, но я знаю, что сейчас можно сделать!

Мы не успели ничего сказать, как рыбак сорвался с места и бросился вниз, в бухточку. Не знаю, что он задумал, но баркас находится пока что достаточно далеко от берега, а Суад, добежав до моря, присел у кромки воды. Неужели... Невольно посмотрела на прозрачную воду бухточки – кажется, на дне никого нет, но если рыбак пошел на то, чтоб приманить свой кровью морского ящера, то ему надо быть очень внимательным.

– Он что делает?.. – растерянно спросила Ярли.

– Кажется, при виде турегов он забыл об осторожности... – Дорен готов был ругнуться. – У него с жителями пустыни свои счеты, а причаливать на Темном Утесе можно только в этой бухточке.

– Стоит ли сейчас заниматься такими рискованными делами?

– А, все одно хуже, чем есть, нам уже не будет...

– Наверное, с баркаса видят Суада...

– Конечно, видят. Они, я уверен, и нас лицезреют, и могу только предполагать, какие там сейчас идут разговоры насчет каждого из нас, грешных.

– И что будет дальше?

– Увидим, но пока что уходить отсюда нам точно не стоит.

Когда же Суад отошел от воды и поднялся по склону горы к нам, я заметила, что он придерживает руку.

– Я перевяжу... – у Ярли в руках был небольшой кусок полотна. – Сейчас...

– Пожалуй, я в воду из себя кружку крови вылил, не меньше... –

скривился рыбак, пока девушка хлопотала над его раной. – Надеюсь, кое-кого в бухту приманит запах крови. Что касается турегов... Поверьте мне на слово: эти рогатые наверняка первыми на берег сойдут – похоже, их послали как раз за вами, и их больше ничего не интересует, а никаких слов об осторожности они все одно слушать не будут. Слишком уверены в себе – прут напролом, не обращая внимания ни на кого. Если мне повезет, они хоть одной ногой в воду ступят...

Тем временем баркас уже входил в бухточку. Вот судно уткнулось в каменный берег и борта спустили деревянные сходни... И тут я убедилась в словах рыбака: или сходни были неудобные для спуска, или по какой причине, но один из турегов легко спрыгнул с борта, и приземлился на самой кромке воды, вернее, чуть за кромкой...

Все остальное произошло мгновенно – я не успела уловить тот миг, когда длинные челюсти схватили тело турега поперек хребта, и длинные зубы-крючья впились в тело жителя пустыни. Рывок – и ящер потащил свою жертву в воду на глазах у потрясенных людей, которые не в силах пошевелиться, смотрели на то, как дергающееся живое тело, оставляя за собой красные полосы, стремительно уходит в глубину морской воды. Понятно, что у тех, кто находился на баркасе, не было никакой возможности спасти того, кого морской зверь утаскивает себе на обед...

Все остальное было предсказуемо: сходни сразу же подняли на борт, и баркас оттолкнули от берега длинными шестами. Можно сказать, что сейчас мы наблюдали самое настоящее бегство, и я могу понять испуг людей – а вдруг это существо еще раз набросится, но уже на тех., кто находится на баркасе? В столь жуткой ситуации предпочтительней оказаться как можно дальше от этого места, и сделать подобное следует как можно быстрее!..

– Так, одного турега нет... – усмехнулся Суад. – Остался еще один. Ничего, я и до него доберусь. Никуда он от меня не денется. Это в городе до них и пальцем дотронуться нельзя, а тут, в море, свои законы.

Глядя на то, как баркас покидает бухточку, Ярли чуть растерянно произнесла:

– Эти люди... Они уходят и больше не вернутся?

– Не для того сюда послали разом аж два баркаса с людьми, чтоб они ушли ни с чем... – заметил Винсент. – Вернутся, как миленькие, иначе по возвращении в порт им придется не просто плохо, а очень плохо.

– И когда вернутся?

– Думаю, скоро.

– И что мы тогда будем делать?

– Посмотрим, но у меня есть намерение покинуть этот остров, и не под конвоем. Да и наше пребывание тут, надо сказать, приятным никак не назовешь. В общем, надо подождать.

Ну, надо – так надо, тем более ничего иного нам не остается...

Глава 17

– Я же говорил, что они вернутся... – сидя на земле, Винсент смотрел на море, вернее, на два рыбацких баркаса, что вновь показались перед нашими глазами. – Уж если кое-кто заявился сюда в поисках нас, грешных, то уходить с пустыми руками эти люди точно не намерены. То, что у них была неудачная попытка высадиться на Темный Утес – это, по большому счету, ничего не меняет.

С этим никто не спорил, тем более что все было предсказуемо. После того, как турега, который первым сошел на островок, утащил морской ящер, баркас отошел от берега, а потом и вовсе покинул бухточку, присоединившись ко второму судну. Через недолгое время оба баркаса повернули в сторону, а потом и вовсе исчезли с наших глаз. Ну, тут все понятно – решили обойти остров в надежде, что сумеют отыскать иное место для высадки. Что ж, ничего не имеем против, ищите, все одно через какое-то время оба судна вернутся сюда, в бухточку. Насколько мы успели понять, это единственное место на островке, куда можно причалить. Конечно, есть мелководье, где мы видели морских монахов, но там каменистое дно, и баркасы вряд ли сумеют пристать к берегу, то есть людям придется высаживаться в воду, брести по ней до берега, а потом еще и карабкаться на довольно крутой склон... Э, нет, подобное я исключаю сразу. Разумеется, на противоположной стороне островка может отыскаться подходящее место для высадки, только вот я очень сомневаюсь в том, что хоть кто-то из людей, прибывших на баркасах, рискнет пешком пробираться к нам через весь остров – уж очень нехорошая слава идет про Темный Утес. Так что нам оставалось только ждать.

Сейчас все мы сидели на скалистом выступе, откуда хорошо просматривалась бухточка. В чистой воде не было видно никаких живых существ, кроме рыбешек и крабов, лишь на некотором отдалении от берега начинались заросли асны, тех самых водорослей с широкими листьями, которые с полным правом можно назвать морскими деликатесами. Ох, как бы я сейчас хотела вновь попробовать те свежие листья с удивительным вкусом, да и остальные мои спутники вряд ли откажутся от подобного! Все так, только вот соваться в прозрачную воду бухточки я бы сейчас не стала

даже под страхом смертной казни: уж если наш рыбак вылил в ту воду свою кровь, причем в немалом количестве, то неподалеку отсюда должны собраться многие из здешних любителей перекусить свежатиной, и свою добычу они не упустят. Турег, утащенный в воду морским ящером – яркое тому доказательство: вон, его высокий тюрбан все еще валяется у кромки воды – слетел с рогатой головы в тот миг, когда морское чудище захватило свою жертву, ударило оземь, а затем утянуло вглубь...

Трудно сказать, сколько времени у вновь прибывших ушло на то, чтоб обойти на баркасах весь остров. Лично мне показалось, что время тянется бесконечно, хотя я старалась не показывать свое беспокойство. Если уж на то пошло, то каждый из нас стремился покинуть столь негостеприимные места, и чем скорей это произойдет, тем лучше – здесь мы точно не выживем. Правда, на этих баркасах мы можем быть только пленниками, что нас, естественно, устроить никак не может.

– Спорим, что к нам опять только одно судно подойдет?.. – оглянулся по сторонам Дорен, и у него невольно вырвалось. – А, чтоб тебя!

– Что такое?.. – повернулась я к молодому человеку.

– Вон, посмотрите! Да не туда, а по той дороге, что мы шли сюда! Видите? Эта черепаха – чтоб из нее суп сварили!, так и ползет по нашему следу, не сворачивая!

– Шустра, однако... – хмыкнул рыбак.

– Да уж!.. – согласился Дорен. – Так за нами припустила, что остановиться не может! Ну, скажу я вам, и упертое же создание! Только представьте: идет за добычей, прямо как охотничий пес в наших лесах! Интересно, эта черепаха хоть когда-то спит? Впрочем, это уже не важно. Если мы отсюда не уберемся, то сия туша с панцирем на спине тихой сапой нас все одно достает!

– Не исключено... – вынуждена была согласиться я.

– Погодите вы с черепахой!.. – оборвал нас Винсент. – Конечно, будем иметь ее в виду, но она еще достаточно далеко, и у нас есть время. К тому же пока что не до этой громадины, ведь к нам опять гости изволят пожаловать. Один баркас, как и прежде, стоит в отдалении, а второй опять направляется сюда, в бухточку, хотя, спорить готов: все, кто находится на этом баркасе, перепуганы до

смерти – они видели, как морской зверь уволок турега под воду, и вполне обоснованно боятся, что ящер покажется еще раз. Теперь приехавшие сделают все, лишь бы не сходить на берег. Нас они видят, значит, как мы и предполагали, постараются договориться. Им, главное, нас заманить на баркас, а уж там... Ладно, об этом пока что говорить не стоит. Будем действовать по обстоятельствам, вернее, так, как мы и договорились.

– А если что пойдет не так?.. – поинтересовался Суад, у которого после гибели турега было весьма боевое настроение.

– Сообразим по обстоятельствам.

Тем временем баркас уже стоял у берега, и с него даже скинули на землю трап, только вот по нему никто не спускался, хотя на судне находилось, по меньшей мере, человек семь-восемь. Один из них в большом светлом тюрбане – это, без сомнений, турег. Хм, а мы все же надеялись на то, что в этот раз к берегу причалит второй баркас, где, похоже, нет ни одного рогатого жителя пустыни: как я поняла со слов Ярли, для турега отправиться в путь по морю – это великий подвиг, о котором остальные жители пустынь должны рассказывать легенды. Дело в том, что туреги невероятно боятся большой воды – что моря, что озера, а уж чтоб пуститься в путь по морю – для рогатых это, если можно так выразиться, нечто совершенно запредельное, и для подобного путешествия должно быть более чем серьезное основание. Да, как видно, жителям пустынь этот светящийся камень нужен едва ли не позарез, а заодно и с нами посчитаться не помешает.

Итак, что мы имеем? На баркасе людей больше, чем нас, у них наверняка хватает оружия, и прибывшие вполне могут спуститься на берег небольшой группой, но вместо этого те, кто находился на судне, замахали нам руками – мол, идите сюда! Надо сказать, что не только мы их, но и они нас хорошо видели – вся наша пятерка, не скрываясь, сидела на каменном выступе над бухточкой.

Ну, тут все ясно – те, кто прибыл на Темный Утес, боятся даже ступить на эту землю. Что ж, их вполне можно понять – они недавно наяву получили подтверждение одного из тех жутких слухов, которые во множестве рассказывают про этот островок. Конечно, есть небольшая вероятность того, что нас могут достать стрелой, но насчет этого мы не беспокоились: стрелять в нашу сторону – это не выход, потому как вряд ли среди стражников, которые сейчас

находятся на баркасе, можно отыскать умелых лучников, да сомнительно, чтоб стражники прихватили с собой луки со стрелами. Тут куда важней мечи и кинжалы.

– Эй!.. – донесся до нас крик с баркаса. – Чего там расселись? Идите сюда!

– Не шумите... – подал голос Винсент. Он говорил значительно тише, но, не сомневаюсь, что его голос прибывшие слышали хорошо. – Что, хотите, чтоб на ваши вопли сейчас еще кто-то заявился? Так за этим дело не станет, тут всяких тварей хватает.

– Тогда чего вы медлите?.. – теперь уже не кричат, а говорят, хотя делают это достаточно громко. – Радовались бы, что велика милость Всевышнего – вас отсюда забирают!

Так, пожалуй, теперь нам пора – все одно ничего нового мы не услышим. Особо не торопясь, спустились в бухточку, но близко к баркасу пока что подходить не стали. Подождем немного, хотя это ничего не решит.

– Чего встали?.. – немолодой мужчина стоял на баркасе, рядом со сходящими. – Забирайтесь поскорей, и уходим отсюда!

– Знаю, что вы пришли сюда за нами... – Винсент сделал шаг вперед. – Давай договоримся так Мы заходим на баркас, но вы нас не связываете – здесь такие воды, из которых еще надо суметь убраться, и вполне может оказаться так, что понадобятся лишние свободные руки.

– Не вам условия ставить! Сами-то, небось, с трудом удерживаетесь, как бы к нам не броситься со всех ног. Наверное, всем Богам благодарственные молитвы вознесли, когда нас увидели! Так что нечего болтать понапрасну, поднимайте руки и идите сюда!

– Тогда я вам не завидую... – пожал плечами Винсент. – Мы развернемся, и пойдем отсюда – есть тут надежное местечко, где мы прятались, там вполне можно отсидеться сколь угодно долго, причем без опаски за свою жизнь.

Конечно, то, что говорил Винсент, можно смело назвать блефом, но просто так идти на баркасы тоже не стоит, надо оставить за собой хоть какое-то преимущество. Раз этих людей прислали за нами, то они не уйдут, бросив нас здесь, тем более что и им самим нельзя возвращаться с пустыми руками.

– Что-то уж очень ты храбрый!.. – в голосе немолодого мужчины проскальзывала насмешка. – Уж не думаешь ли ты, что мы будем уговаривать вас убраться с Темного Утеса? Если вам тут все так нравится, то оставайтесь, препятствовать не будем! Хоть сейчас поднимем парус и уйдем!

– Нам тут довелось прожить какое-то время, так что сумеем протянуть и дальше, а вот что касается вас... Тут я бы призадумался, потому как находиться на суше все же поспокойнее, зато в здешних водах обитают такие зверюшки, с которыми никому из людей ни в коем случае не стоит встречаться. Это сейчас спокойно и светит солнце, а вот с наступлением темноты, если вам дорога жизнь, от темных вод, что рядом с этим островком, надо держаться подальше. Если мы сейчас убежим вглубь острова – а мы это сумеем сделать!, то вам поневоле придется тут задержаться, чтоб нас поймать, только вот прятаться на этом острове нам поневоле пришлось научиться. Сразу предупреждаю: времени на наши поиски у вас уйдет немало. Вот и подумайте, сумеете ли вы пережить на Темном Утесе не только ночь, но хотя бы сегодняшний вечер.

– Ну, коли вы хорошего обращения к себе не понимаете, то можно и по-плохому... – мужчина чуть повернулся назад и приказал кому-то. – Поднимай синий флаг. А вы... – пожилой человек вновь обратился к нам. – Сейчас сюда подойдет второй баркас, там людей тоже хватает, так что не рассчитывайте, что сумеете скрыться от нас. К тому же среди нас есть кое-кто, мечтающий утыкать вас ножиками и порезать на куски. Можно сказать, мы с трудом удерживаем их от этого. Так что лучше вам нас не злить.

– Ладно... – не стал спорить Винсент. – Только для начала, не желаете ли посмотреть наверх? Вон туда, на тот уступ...

– Чего я там не видел?.. – усмехнулся мужчина.

– Такого точно никто из вас никогда не видел. Только смотрите повнимательней...

Как видно, вначале люди на баркасе не поняли, в чем дело, но постепенно до них стало доходить, кого они видят – вон, какие лица стали растерянные, кое-кто даже оружие опустил.

– Что, черепаха показалась?.. – негромко спросила я. Оттуда, где мы сейчас стояли, было сложно рассмотреть, что находится на уступе, а вот Винсент находился немного впереди, так что у него

обзор был куда лучше.

– Да... – негромко ответил тот. – Причем она спешит сюда со всех ног, а это значит, что нам надо поторапливаться, а не то будем первыми, кого эта громадина пустит на пропитание.

Тем временем люди на баркасе не сводили глаз с черепахи, а все тот же немолодой мужчина, стараясь сохранить невозмутимость, поинтересовался:

– Неужто это черепаха?

– Она самая... – кивнул головой Винсент. – И таких милых созданий тут хватает, причем все, как одна, голодные. Вот и подумайте сами, что произойдет, если в самое ближайшее время баркасы не успеют отойти от Темного Утеса на большое расстояние. Вы лучше меня знаете, что черепахи в воде плавают достаточно быстро, а такая громадина, если ваш баркас догонит, то потопит его без труда, или же своим клювом как долбанет в борт суденышка, что враз в нем дыру пробьет. Надеюсь, вы не думаете, что сумеете отмахаться от черепахи мечами? Да на панцире этой громадины даже царяпин от ваших железок не останется. В общем, господа хорошие, времени, чтоб убраться отсюда подобру-поздорову, у вас осталось совсем мало.

– Так вам надо в первую очередь эту черепаху опасаться, а не нам!.. – здраво рассудил мужчина, не сводя глаз с приближающейся громадины.

– За нас не беспокойтесь – сумеем в живых остаться... – легкомысленно махнул рукой Винсент. – Знаем, как это делать, поневоле пришлось научиться. А вот насчет вашего благополучия уверенности нет. Ну, так что, договариваемся? Вы нас не связываете, а мы делаем все, чтоб помочь вам благополучно уйти отсюда.

– Согласен!.. – мужчина не колебался ни мгновения. – Да поторапливайтесь вы, что стоите, как стадо овец!..

Дважды нам повторять не пришлось, так что менее чем через минуту баркас отходил от берега, а нас тем временем окружили стражники. Ну, тут все понятно – так действуют при аресте. Больше того – тот самый немолодой мужчина скомандовал:

– Веревку сюда! Связать им руки, да и ноги заодно стянуть не помешает!

– Что-то вы своего обещания не держите... – уронил Винсент.

– Имею полное право обманывать преступника. Для меня главное – выполнить приказ, а каким образом я это сделаю, никого не интересует...

В этот момент к нам подошел турег, вернее, протолкался. Вообще-то не заметить его высокий светлый тюрбан было просто невозможно, а уж когда этот житель пустыни приблизился к нам, стало ясно, что он в ярости – едва ли не расшвыривает всех на своем пути. Первое, что он спросил (вернее, пролаял), когда приблизился к нам:

– Где камень?

В это время браслет с изумрудом находился на руке Винсента, скрытый длинным рукавом от взглядов посторонних, и понятно, что утаить эту вещь нам не удастся. Как только начнут связывать руки – враз найдут и снимут, а турег без разговоров заберет браслет себе.

– Об этом поговорим потом... – начал, было, Винсент, но рогатый не стал слушать. В его руке, словно по мановению волшебной палочки, появился огромный кинжал, и турег прижал его к шее молодого человека.

– Где камень?

– Скажите этому дураку, чтоб он убрал свой ножик... – Винсент старался не делать лишних движений. – На море не стоит понапрасну играть острым оружием – чревато. А главное, хорошенько запомните: если в воду попадет хоть капля крови, то сюда сбегутся едва ли не все подводные обитатели из числа тех, что населяют воды подле Темного Утеса. Оно вам надо?

– Вначале туда, в эти самые воды, полетит твоя голова... – зашипел турег, но в этот момент за нашими спинами раздался голос:

– Он прав. Убери нож, если хочешь, чтоб мы все остались живы.

Оглянувшись, я только что не ахнула – этого человека я никак не ожидала увидеть! Передо мной находился тот самый колдун, который в свое время помогал «Звезде Востока» вновь и вновь становиться молодой и красивой. Вот уж кого не ожидала увидеть, так это его! Помнится, после смерти этой дамы ее охранники так отделали колдуна, что он едва не испустил дух. Более того: я была уверена, что к этому времени чернокнижник уже покинул сей грешный мир.

Кажется, побои ему были нанесены такие, что выжить невозможно. Н-да, тут не знаешь, что и сказать...

С трудом передвигаясь, и опираясь на трость, колдун подошел к нам. Невольно бросалось в глаза то, что не заметить было невозможно: хотя каждый шаг дается ему непросто, чернокнижник с трудом прячет довольную улыбку. Этому-то что от нас надо, и как он тут оказался? Да уж, это не тот сюрприз, который нам хотелось бы получить!

– Повторяю – убери нож, мы и так скоро все узнаем... – продолжал колдун, обращаясь к турегу.

– Мне нужен камень... – почти что пролаял рогатый. – Немедленно!

– Если надо, то получишь, не сомневайся... – отозвался колдун. – Мне нужно выяснить, где они его прячут.

– У этой женщины в руках сумки – поищите в них!

Ярли прижала к себе сумки, с которыми не расставалась – еще бы, в них все наши деньги и те украшения, что мы утащили в доме хозяина чайной. В чем-то я ее понимала: мне эти украшения не нужны – с меня за глаза хватит сапфирового кольца, которое мы сумели вернуть, наши спутники тоже не проявляют ни малейшего интереса к женским побрякушкам. Так что Ярли вполне обосновано считала эти украшения чем-то вроде своего приданого, и расставаться с ними у нее не было ни малейшего намерения. Там, в сумках, находится настоящее богатство (во всяком случае, многие могут посчитать его таковым), и когда сумки откроют, то те люди, что сейчас находятся на баркасе, почти наверняка разделят деньги и украшения промеж собой – увы, но блеск золота застилает глаза многим. Ну, а когда найдут мое сапфировое кольцо, то понятно – с того момента я его больше не увижу. Что ни говори, но туреги купили его на торгах, и потому желают его вернуть. Ой, только не это!

– Уважаемый, не стоит кричать... – чуть поморщился колдун. – Сказано же было: пока мы находимся возле Темного Утеса, следует несколько сдерживать свои эмоции.

– Я хочу видеть камень! Он уже должен находиться у меня в руках!

– Многоуважаемый, меня для того и отправили с вами, чтоб я предпринял все для того, чтоб помочь вам...

– Вот и помогайте, и для начала этих ничтожных людишек надо обыскать!.. – турег и не думал хоть немного сбавить свой требовательный тон. – Сейчас же!

– Почтенный, мы все успеем, сейчас на это время тратить не следует – надо как можно быстрее уйти из здешних вод, тут задерживаться не стоит ни в коем случае... – надо же, колдун пытается что-то втолковать рогатому жителю пустынь. – Да, и не следует без нужды пускать в ход оружие! Глубокоуважаемый, вам, кроме камня, велено привезти из этой поездки не только камень, тех людей, кто осмелился вас оскорбить, то есть тех, кто сейчас стоит перед вами. Не мне напоминать вам о том, что несколько ваших соплеменников остались ждать вашего возвращения, чтоб всех виновных доставить в те дальние жаркие места, где вы обитаете. Вот там и накажете их самым достойным образом, а пока что придется немного погодить с расправой, ведь эти люди нужны вам живыми.

– Пусть отдаст камень!.. – продолжал твердить турег. Кажется, эти жители пустыни слушают только себя, и не желают воспринимать то, что им говорят другие.

– Сейчас некогда этим заниматься, но как только мы отойдем на безопасное расстояние от острова, как их сразу же обыщем. Не сомневайся – как только камень найдется, так сразу же окажется в ваших руках.

– Хорошо... – неохотно процедил рогатый и повернулся к колдуну. – Но если я не получу камень, то ты за это заплатишь – окажешься в воде с перерезанным горлом. А заодно отправляю туда же еще кое-кого из тех, кто находится на этой плавающей лоханке – они давно заслужили это своим непочтением.

– Не стоит заранее настраиваться на плохое, все будет так, как вы уважаемый, пожелаете.

Немного помедлив, турег неохотно убрал свой кинжал от горла Винсента, и, прошипев пару непонятных слов, отошел в сторону, бросив на нас убийственный взгляд. Не знаю, хватит ли у него терпения еще на четверть часа ожидания, потому как эти рогатые привыкли, чтоб их требования исполнялись сразу же, без промедления. Судя по взглядам, которые бросали на турега

стражники, они бы сами с превеликой охотой отправили за борт надменного жителя пустыни, только вот кто бы им разрешил это сделать...

Что же касается хромого колдуна... Хм, не сойти мне с этого самого места, если маг не ведет какую-то свою игру – ведь именно по его просьбе нас не обыскали, хотя сделать это должны были в первую очередь. Ну, тут причина лежит, можно сказать, на поверхности – этот камень нужен самому чернокнижнику, и отдавать его жителям пустыни он не намерен. Оттого и время тянет: как только нас начнут связывать и обыскивать, то браслет с изумрудом найдут сразу же, и турег в тот же миг заберет его себе, а это, похоже, в планы колдуна совсем не входит. Вообще-то чернокнижника можно понять: я успела узнать этих жителей пустыни настолько, чтоб сделать невеселый вывод – если турегам что-то попадает в руки, забрать назад эту вещь практически невозможно. Проще говоря, колдун считает так: пусть лучше камень (если он есть), побудет у нас до того времени, пока чернокнижник не сочтет, что изумруд пора забирать. Ну что тут скажешь – верные рассуждения.

Меж тем колдун повернулся к тому пожилому мужчине, который ранее разговаривал с нами, и который, судя по всему, находится тут за старшего.

– И вот еще что: не следует связывать этих людей – это можно будет сделать после того, как мы отделимся на достаточно безопасное расстояние от Темного Утеса. Обещаю вам, что они никуда не денутся – посадите их посреди этого суденышка, и пусть не двигаются с места.

– Хорошо... – неохотно отозвался мужчина, и вдруг замолк на полуслове, а потом растерянно выдохнул. – А это еще кто такие?

Сейчас наш баркас подходил ко второму судну, которое стояло в отдалении. К этому времени на нем уже подняли парус, и начали движение от острова, но не это привлекло всеобщее внимание, а забавные существа, прыгающие и кувыркающиеся в воде рядом с баркасом. Святые Небеса, это же морские монахи! Вот только их еще не хватало! Сколько тут этих морских любителей скачек? Трое, четверо, или больше? Мало нам черепахи, оставшейся на берегу, теперь еще и эти...

Пока люди, находящиеся на баркасах, во все глаза смотрели на

резвящиеся темные фигуры, одна из них внезапно появилась возле нашего баркаса. Опять высокие прыжки, веера брызг по сторонам, кувырки в воздухе... Вон, у кое-кого из экипажа на лице появляются улыбки, и на нас уже никто особо не обращает внимания. Да, у этих существ явно имеются пусть и небольшие, но гипнотические способности – вон как заморожено люди смотрят на прыжки и кульбиты, глаз отвести не могут.

– Это же морские монахи!.. – подал голос чернокнижник. Похоже, появление этих существ немало его удивило.

– Никогда о них не слышал... – пожилой мужчина не сводил взгляда со странного существа, прыгающего в воде, и постепенно приближающегося к баркасу.

– Неудивительно – морские монахи живут только в холодных северных морях, и их появление здесь совершенно необъяснимо, во всяком случае, для меня... – пожал плечами колдун. – Никогда не думал, что хоть когда-то доведется увидеть этих существ вживую.

– Они что, стаями живут? Вон их тут сколько...

– Я бы назвал это не стаей, а небольшой группой.

– Да по мне один хрен! Что это за твари такие?

– К сожалению, ранее я никогда особо не интересовался этими существами – они не входили в сферу моих пристрастий...

– Не стоит на них смотреть... – вмешалась я в чужой разговор, понимая, что колдун отчего-то умалчивает о морских монахах, хотя явно знает больше, чем говорит. – Это опасные создания. Скажите своим людям, чтоб они отошли от борта, а не то и до беды недалеко!

– Молчи, женщина!.. – негромко, но резко оборвал меня немолодой мужчина. – Твоим мнением тут никто не интересуется.

– Наше спутница сказала правду, и вам следует быть очень осторожными... – начал, было, Дорен, но мужчина его перебил.

– Если кто-то из вас скажет еще хоть что-то, или вмешается в наш разговор – в этом случае я прикажу всем вам заткнуть рот! Второго предупреждения не будет. Надеюсь, понятно?

Да что тут не понять? Ладно, помолчим, раз нас не хотят слушать. Более того: как нам и было велено, мы уселись едва ли не посередине баркаса – так все же спокойнее, да и, находясь рядом со

своими спутниками, чувствуешь себя куда увереннее.

– Медленно двигаемся... – пробурчал Суад.

– Что?.. – не поняла я.

– Все то же самое!.. – рыбак был явно не в настроении. – Не скажу, что на море штиль, но и ветра особого нет. Хотя сейчас на обоих баркасах паруса поставлены, только вот ветер в них едва ловится, и потому мы плетемся еле-еле, а из этих вод надо лететь во всю прыть. И эти еще привязались, прыгуны, чтоб их!..

А ведь Суад прав! Баркас, и верно, движется достаточно медленно, и паруса заметно обвисли... Да, с такой скоростью нам до берега и за седмицу не добраться!

Меж тем морские монахи приближались к судам все ближе и ближе, и я невольно замечала то, что сложно было разглядеть ранее – например, оказалось, что эти существа всего лишь немного ниже роста среднего человека, и на их руках-плавниках имеются длинные острые когти с перепонками...

Я не уловила момент, когда что-то изменилось, вернее, когда «развеселые» создания поняли, что им пора заняться охотой. Внезапно один из тех морских монахов, которые крутились возле второго баркаса, выпрыгнул из воды совсем рядом с бортом, но когда, сделав в воздухе очередной кувырок, он стал падать в воду, то вместе с ним рухнул вниз и один из тех, кто, облокотившись на борт, посмеивался над забавными прыжками морских обитателей. Все произошло очень быстро, и всех подробностей нам было не рассмотреть, но я не могла отделаться от впечатления, будто человек и морской монах, падают вниз едва ли не вместе, вцепившись друг в друга. При падении вода сразу же сомкнулась над ними, причем в этот раз при погружении не было веера брызг – все как-то сразу поняли, что перед нашими глазами разыгралась самая обычная картина нападения хищника на свою добычу.

Люди, находящиеся на втором баркасе, на несколько мгновений растерялись, и тут же поплатились за это – второй морской монах, описав в воздухе кувырок, распрямляясь, вцепился в невысокого человека, стоящего рядом с бортом. Остальное было предсказуемо: короткий крик, падение за борт, после чего несчастный уже не появился на поверхности – ясно, что это существо утащило беднягу на дно.

Лишь после второго погибшего оставшиеся на баркасе люди словно стряхнули с себя наведенный дурман, и шарахнулись от бортов, едва ли не сбившись в толпу посреди суденышка. Глядя на то, что творится на соседнем баркасе, те, кто сейчас окружали нас, тоже отпрянули от бортов – что ни говори, но рядом с тем судном по-прежнему совершали свои прыжки два морских монаха, только сейчас их кульбиты уже не выглядели такими безобидными и забавными. Теперь эти существа казались страшными человекоподобными фигурами, на которых было жутковато смотреть. Хорошо, что хоть сейчас до людей дошла та простая истина – в этих местах не следует терять осторожность, а иначе неминуемы весьма печальные последствия. Ох, хоть бы паника на борту не поднялась, вот тогда будет еще хуже!

Однако и на нашем баркасе дела обстояли немногим лучше – рядом совершал прыжки еще один морской монах, и его вид уже пугал людей. Конечно, сейчас судно идет под парусом, понемногу удаляясь от острова, но было бы куда лучше, если б рядом не имелось такого неприятного сопровождения. Надо бы каким-то образом отогнать от баркаса этого прыгуна, только вот как это сделать? Понятно, что морской монах видит добычу, и потому просто так от нас ни за что не отстанет.

– Избавил бы кто-нибудь мир от этого отродья Темных Богов – я б за того человека до конца своих дней молился... – вздохнул кто-то из мужчин, и все остальные были полностью согласны с этим высказыванием. Знать бы еще только, как можно прогнать морского монаха...

Однако никто не ожидал того, что произошло дальше: внезапно к борту шагнул турег, и в тот же миг с его руки сорвался нож, вонзившийся в морского монаха, который в тот момент совершал свой очередной прыжок. Как видно, бросок оказался не просто точным, а еще и смертельным, потому как морской монах рухнул вниз безо всякого изящества, дергаясь и изгибаясь всем телом. Если же принять во внимание, что вода вокруг него сразу же окрасилась бледно-розовым цветом, то стало понятно, что отныне ни на какие прыжки это существо уже не способно, а еще через несколько мгновений морской монах и вовсе скрылся под толщей воды. Тут любому ясно, что это существо вряд ли еще хоть раз покажется на поверхности. Ну и хорошо, на сердце стало чуть легче.

Правда, увидев в воде бледную кровь морского монаха, я почему-то подумала – как бы сюда сейчас не пожаловали и другие обитатели здешних вод, они ж так падки на чужую кровь! В следующую минуту пришло понимание того, что кроме этого морского монаха в воде уже оказались два человека, которых к этому времени уже наверняка грызут чьи-то острые зубы на морском дне, так что крови в здешних водах к этому времени уже должно хватать.

Итак, теперь возле баркасов больше нет морских монахов. Кажется, они пропали из виду сразу же после того, как турег сбил своим ножом их приятеля. Очень надеюсь, что более я никогда не увижу этих любителей водных прыжков.

Что тут еще можно сказать? Только одно: спасибо этому обитателю жарких пустынь за то, что избавил нас от опасности. Верно говорят о том, что турегов с детства учат бросать ножи, недаром у каждого из рогатых при себе всегда имеется не менее десятка разных остро заточенных кинжалов и ножей. Вот и сейчас рогатый житель пустыни продемонстрировал нам свою удивительную ловкость и умение, только вот симпатий к нему это все одно не вызвало, во всяком случае никто не сказал турегу ни одного доброго слова. Впрочем, насколько я понимаю, слова благодарности от людей этим жителям пустыни совершенно не нужны. Предупреждения о том, что стоит быть осторожным, он тоже пропускает мимо ушей. Вон, сейчас турег стоит у борта, наглядно демонстрируя всем, что он никого не боится, и вместе с тем презирает страх людей. Н-да, а эти рогатые, вдобавок ко всему еще и позеры, каких мало. Только вот я бы на его месте поостереглась вести себя настолько вызывающе – мало ли что...

– Чего столпились в одном месте, как стадо баранов?.. – вновь раздался голос пожилого мужчины. – А ну разошлись по своим местам!

Ну, на этом баркасе не так много места, чтоб позволить себе прогуливаться по судну от носовой части к корме, и потому люди стали рассаживаться по скамейкам, но в этот момент произошло то, чего никто не ожидал. Внезапно возле самого борта показался еще один морской монах, причем не просто показался, а можно сказать, вылетел из воды с одной-единственной целью – добраться до турега, который все еще стоял у борта. Не знаю, что видели остальные, а я отчего-то обратила внимание на широкий рот морского монаха:

сейчас этот рыбий рот (правильней сказать – пасть) был открыт, и я увидела ряды острых зубов, которые впились в тело турега, а перепончатые лапы этого существа ухватили тело рогатого жителя пустынь. Рывок – и под тяжестью морского монаха турег перекувырнулся через борт...

Последнее, что мы слышали, был громкий плеск воды за бортом... Ясно, что это звук упавшего тела, только вот проверять подобное предположение никто не рискнул – вполне может оказаться так, что тот, кто будет стоять у борта, смотря вниз, окажется следующей жертвой морского монаха. Очевидно, у Темного Утеса этих прыгунов обитает не так и мало. Все, на что решились люди – так только на то, чтоб посмотреть на воду за кормой, но там не было ничего, кроме небольших волн. Морских монахов, по счастью, более тоже не было видно.

– А, чтоб вас!.. – ругнулся пожилой мужчина. – Да мне за гибель этих козломордых в порту голову оторвут! Велено было с них пылинки сдувать, а оно вон как получилось!

– Не расстраивайтесь... – в голосе колдуна было искреннее сочувствие. – Любой из тех, кто находятся на этом судне, с готовностью расскажет о том, как погибли эти э-э... люди, которые оказались вне среды своего обычного обитания. Нет никакой вашей вины в том, что туреги вели себя на борту крайне неразумно, не слушали ничьих советов, и поступали так, как считали нужным. Результат, как говорится, налицо.

– Ваши бы слова – да начальству в уши... – махнул рукой мужчина. – Боюсь, главе города надо будет свалить на кого-то эти огрехи, и я для этого подойду как нельзя лучше!

– До порта еще дойти надо... – напомнил чернокнижник. – И для начала следует покинуть эти прибрежные воды, потому как находиться в них крайне опасно. Так что не стоит тревожиться раньше времени, или хотя бы до того момента, когда баркасы окажутся достаточно далеко от Темного Утеса.

– Тоже верно...

Когда мужчина отошел, то колдун уселся рядом с нами и негромко заговорил, так чтоб слышали только мы:

– Предлагаю вам сейчас же отдать мне камень.

– Не думала, господин хороший, что мы еще раз встретимся... – мне хотелось выяснить, каким образом чернокнижник, которому давно следовало отправиться на Небеса, был не только жив, но и оказался на этом баркасе.

– Рассчитывали на то, что я испущу дух? Ну, это вы напрасно – с чародеями вроде меня так легко не справиться, я бросил все свои силы на собственное выздоровление, и результат вы видите перед собой. Правда, до полного восстановления еще далеко, но это дело времени. Вас интересует причина нашей встречи? Извольте. Вдовец «Звезды Востока» поднял большой шум, обвиняя вас и меня в смерти своей супруги, совал взятки всем, кому можно, и мне действительно грозили очень большие неприятности. Однако через какое-то время у властей города появилась нужда в моих услугах, а трезвомыслящие люди всегда сумеют договориться промеж собой. Я должен помочь турегам вернуть камень, поймать вас, и сделать все, чтоб эта экспедиция закончилась благополучно. Увы, все складывается не совсем так, как мне бы того хотелось.

– Начались потери?

– Вроде того, и подобное далеко не лучшим образом может сказаться на моей репутации... Итак, отдайте мне камень.

– Какой еще камень?... – покосился на него Винсент. Излишняя любезность и показное дружелюбие колдуна мне совершенно непонятно – что ни говори, но расстались мы при весьма неприятных обстоятельствах, после которых вряд ли станешь испытывать к своему противнику теплые чувства.

– Речь идет об изумруде. Если я правильно понял, он вставлен в серебряный браслет, который находится на руке этого молодого человека. Кстати, он стал чуть светиться, когда появились морские монахи, но при свете солнца это может заметить только наметанный глаз. Молодой человек, будьте добры отдать мне этот камень, вернее, серебряный браслет, причем немедленно – это в ваших же интересах. Не забывайте, что вы – мой должник, ведь именно вы позволили себе меня ударить, когда я приходил в себя после избиений, которые обрушили на меня охранники «Звезды Востока». Обычно я не прощаю оскорблений, но если вы сию же секунду отдадите мне камень, то тот неприятный инцидент будет мною забыт.

– Похоже, вы с самого начала знали, что камень находится у

меня, но турегу ничего не сказали... – Винсент и не думал отдавать колдуну браслет. – Могу узнать – почему?

– Меньше всего мне хотелось, чтоб этот артефакт попал в руки турегов. Для них это слишком лакомый кусок.

– Собираетесь забрать его себе?

– Почему бы и нет?.. – пожал плечами чернокнижник. – У нас говорят: и кошка поймают павлина, коль ей повезет.

– А для чего он вообще нужен, этот камень?

– Для красоты... – скривился колдун. – Что, не устраивает такое объяснение? Ладно, можно и правду сказать. Изумруд выявляет нежить, охраняет своего владельца от темных сил, гоняет нечисть, помогает ее отыскать и в какой-то мере нейтрализовать... Для таких мастеров, как я, то есть тех, кто увлекается запретными знаниями, такой уникальный артефакт – это незаменимая вещь, и с ее помощью можно достичь небывалых высот!

– Хм...

– В свое время некий великий маг створил с десяток подобных артефактов, но, как это обычно происходит, камни разошлись по разным рукам, разбредись по миру, и стали жить своей жизнью. Позже кто-то из толковых магов, которому попал в руки этот изумруд, заключил его в соответствующую оправу, придав вид мужского украшения – это привычней для человеческого глаза.

– Ну, для чего вам нужен изумруд – это понятно, но для чего он так необходим турегам? Как я посмотрю, они ради него даже рискнули пойти в море.

– То есть как это – для чего?.. – даже удивился колдун. – Вы что, не знаете, что эти рогатые хоть и обитают в пустыне, но живут все же под землей, в подземных лабиринтах. Там у них целые поселения созданы. Казалось бы, все хорошо, только вот под землей, кроме турегов, проживают самые разные существа, как более-менее дружелюбные, так и те создания тьмы, от коих следует удирать со всех ног. Говоря точнее, некоторые из тех подземных обитателей носят турегам из глубин земли золото и драгоценные камни, а для других ваши рогатые недруги являются желанной добычей. Частенько случается и такое, что подземные твари устраивают на турегов самую настоящую охоту, и наносят им весьма ощутимый

урон. Как вы думаете, отчего туреги с головы до ног увешаны оружием? То-то и оно, что без умения хорошо владеть ножами и кинжалами в тех подземных катакомбах не выжить. А уж если у них будет этот изумруд, который хорошо гоняет нечисть, то жизнь у тех рогатых станет не в пример легче, а их владения под землей значительно расширятся.

– А откуда туреги узнали про этот изумруд?

– Точно не скажу, но кто-то им про него рассказал, и даже предложил продать этот камень. Правда, этот некто заломил немилосердную цену, и туреги (что вполне естественно) захотели получить изумруд бесплатно – увы, такова человеческая натура. Конечно, следовало бы поторговаться и сбить цену, но для турегов подобное неприемлемо – дескать, это унижает их достоинство. Уж не знаю, что там между ними произошло, но дело кончилось тем, что сделка сорвалась, а продавец был вынужден бежать и затаиться ото всех, и в первую очередь от своих предполагаемых покупателей. Прошло немало времени, и среди неких людей (занимающихся, скажем так, не совсем законными делами) распространились слухи о том, что все тот же продавец предложил волшебный камень одному из здешних магов, правда, по сравнительно приемлемой цене. Беда в том, что у мага не нашлось даже половины нужной суммы, и он решил поторговаться. Дело хорошее, и эти двое наверняка бы столковались промеж собой, но в дело вмешался случай. Точнее, слухи о предполагаемой продаже камня дошли до турегов, и они снова возжелали приобрести камень, но беда в том, что продавец наотрез отказался продавать изумруд рогатым – мол, кому угодно, только не вам, с меня хватит общения с теми, кто думает не головой, а оружием!.. Вот и пришлось рогатым задействовать одного хитрого мужичонку – владельца чайной, тем более что он давно втихую вел дела с турегами. Правда, мужик оказался излишне пронырливым: получил от рогатых обитателей пустыни немалые деньги, он купил-таки камень, но не отдал его своим нанимателям, а оставил у себя. Турегам же хозяин чайной заявил – мол, продавец поднял цену, требует еще золота за изумруд. Называя вещи своими именами; мужичок хотел неплохо заработать на сделке, положив лишнее золотишко в свой карман. И это бы у него получилось, но что-то пошло не так, его дом обнесли, украли камень, который лежал в тайнике вместе с остальными драгоценностями, и теперь хозяин чайной не знает, как вернуть деньги турегам.

– И откуда все это вам известно?

– Сами туреги рассказали, вернее, их старший по имени Фаттах. Ну, еще кое-что добавил владелец чайной, который сейчас не знает, как выкрутиться из того непростого положения, в которое он себя загнал. Что же касается турегов, то сейчас они находятся в великом гневе, требуют немедленного возвращения изумруда, и не верят успокаивающим словам властей города. Потому и было решено отправить двоих турегов на том корабле, который направляется к Темному Утесу – пусть сами забирают свой камень у тех, кто его стащил.

– Скажите, отчего это было решено искать нас не где-нибудь в ином месте, а именно на Темном Утесе?.. – спросила я. – Это вы подсказали им, куда нужно отправиться, верно? Как вы узнали, где нас нужно искать?

– Конечно, это был я... – колдун и не думал отпираться. – Милая девушка, если вы помните, то во время нашей предыдущей встречи у вас было взято некое количество крови...

– Еще бы я об этом забыла!

– Так вот, кровь у всех людей, скажем так, имеет свое лицо, и если хотя бы несколько капель чьей-то крови попало мне на руку, то я запомню это лицо навсегда. То же самое произошло и с вами. При помощи заклятия поиска мне довольно долго пришлось искать вас, и к своему удивлению понял, что вы находитесь на Темном Утесе. Все остальное было предсказуемо – в течение нескольких часов власти города собрали пару больших лодок и направили их сюда. Кстати, милая девушка, за вами имеется должок: именно из-за вас у меня не получился тот обряд, который восстановил бы красоту «Звезды Востока».

– Подобное может меня только радовать.

– Зато я не в восторге от того, что произошло в доме «Звезды Востока».

– А вы отправились в путь к Темному Утесу по доброй воле?.. – поинтересовался Дорен.

– Не совсем. Я вообще морские прогулки не очень люблю – меня немного укачивает. Однако сейчас никому нет дела до моих желаний и хотений. Во время этого пути я должен был присмотреть за

турегами, но, увы, моя миссия провалилась... Итак, отдайте мне браслет с камнем, и я обещаю, что сделаю все, чтоб по возвращении высадить вас не в порту, а в ином, куда более безопасном месте, и вы сможете в очередной раз уйти от погони, тем более что это у вас хорошо удается. Советую соглашаться, не раздумывая, потому как иных условий я вам предложить не могу.

– То, что вы нам сейчас рассказали – это, конечно, все очень познавательно... – согласился Винсент. – Только вот уверенности в том, что вы исполните ваши обещания, у меня отчего-то нет. На словах, знаете ли, можно сказать все, что угодно.

– Я могу расценить ваши слова, как неприкрытое оскорбление... – кажется, колдун собирался услышать от нас нечто иное. – И я не давал вам повода так думать обо мне!

– Думаю, камень вам действительно нужен... – согласился Винсент. – Иначе второй турег остался бы жив.

– Не понял, что вы имеете в виду.

– Да что там понимать, и так все ясно. Каким бы упертым не был турег, но он уже видел, насколько опасные здешние воды, наблюдал за смертью своего соплеменника, и потому вряд ли без видимой причины стал бы кидать нож в морского монаха, который, к тому же, в тот момент не представлял для него реальной опасности. Это же вы мысленно подтолкнули его к столь несуразному поступку, да еще и заставили позже стоять у борта, изображая собой идеальную жертву. Не думаю, что подобное для вас составило хоть какую-то сложность. Похоже, вы уже избавляетесь от ненужных людей. Что, туреги настолько внушаемы? Кто следующий на очереди?

– Можете думать все, что вам заблагорассудится. Кстати, вам следует сказать мне спасибо за то, что этот рогатый представитель племени турегов не потребовал сразу же забрать у вас какое-то там необыкновенное ожерелье. Похоже, туреги очень раздосадованы тем, что не могут принести это восхитительное украшение в дар своей Богине, для которой оно и было приобретено. Насколько я понял, вы умудрились утащить и его, нанеся рогатым жителям пустыни немалый урон, так что теперь туреги вполне обоснованно требуют возвратить весьма дорогостоящую вещь, за которую они заплатили полновесным золотом. Я даже знаю, у кого из вас находится ожерелье: эта очаровательная дама, которая так лихо провела меня в

доме «Звезды Востока» – она то и дело неосознанно подносит руку к груди, как будто желает лишний раз в чем-то удостовериться. Похоже, украшение находится там, в каком-нибудь мешочке на крепкой тесемке, верно?

– Вы очень наблюдательны... – вообще-то мне хотелось сказать колдуну кое-что другое, куда более неприятное, но я сдержалась.

– Фу, последней представительнице древнего рода заниматься пошлым воровством!.. Куда катится этот мир? Не сомневаюсь, что ожерелье действительно уникальное (судя по реакции турегов, так оно и есть), но в подобном поступке есть нечто непорядочное, или вы так не считаете? Предлагаю сделку: вы отдаете мне камень, а я забываю о том, что эта милая дама решила взять себе чужое украшение. По-моему, сделка для вас более чем выгодная.

– А иначе что, прикажете, чтоб у меня забрали этот волшебный камень?.. – усмехнулся Винсент. – Не смешите меня. Да его сразу же заберет себе тот мужчина, который всем командует на этом баркасе – ему надо хоть каким-то образом оправдаться перед начальством за гибель турегов, и камень для этого пригодиться как нельзя лучше. Изъять изумруд у него вы не сможете – по своей воле мужчина вам его не отдаст, а заставить его добровольно вручить вам изумруд невозможно – камень защищает своего нынешнего владельца от колдовских чар. Приказать команде забрать камень силой, что у меня, что у старшего – на это вы не решитесь по одной простой причине – эта затея обречена на провал. Схватка на баркасе – верный способ очутиться за бортом, и никогда не добраться до берега. Здесь места плохие, как только окажешься в воде – враз сожрут, не будет ни единого шанса остаться в живых. Да, и запомните еще одно: если вы только попытаетесь забрать украшение у нашей спутницы, то я в тот же миг отправлю браслет за борт – поверьте, я успею это сделать, тем более что ваша магия не действует на человека, у которого находится этот камень, так что воспрепятствовать вы мне не сможете.

– Вы не посмеете... – покачал головой колдун.

– С чего вы так решили?.. – приподнял брови Винсент. – Я, знаете ли, с опаской отношусь ко всяким колдовским штучкам, считаю их ненужными, и если в мире будет меньше на один так называемый артефакт, то ничего плохого, кроме хорошего, не будет.

– Я бы не советовал вам столь легкомысленно относиться к тому,

что вы не понимаете... – сухо отозвался колдун. – Впрочем, такова особенность многих людей: дескать, если я чего-то не понимаю, то и знать не хочу... В отличие от вас, неразумных, я призываю всех Богов, чтоб они уберегли это хлипкое суденышко в здешних водах.

– А это, уважаемый... – кашлянул Суад. – Не скажете, отчего и на Темном Утесе, и вокруг него обитает так много невесть кого из числа тех, о ком не стоит говорить вслух? Про здешние воды такие страсти рассказывают! Места тут вроде не так и много, зато знали бы вы, кого мы тут только видели!

– Кого вы встречали на Темном Утесе – об этом, надеюсь, вы мне расскажете во время пути. Тема небезынтересная – те, кто попадает в эти места, как правило, уже ничего и никому поведать не может. Что же касается вашего вопроса... Думаю, не открою вам никакой тайны, если скажу, что когда-то, очень и очень давно, в этом месте находился небольшой остров, на котором жили и творили ученые.

– И какие же науки они изучали?.. – поинтересовался Дорен. – Странное место было выбрано для научных изысканий – море и отдаленность от людей. Так делают те, кто не желает, чтоб об их делишках стало хоть кому-то известно.

– К вашему сведению, магия – это такая же наука, как и все остальные!

– Если я правильно понял ваши слова, то тут обитало целое скопище колдунов?.. – почесал в затылке Суад. – И они творили свои пакостные дела?

– Ну и выражения!.. – скривился колдун. – Впрочем, считайте, как хотите, тем более что доказывать вам иное нет смысла. Здесь, на острове, был настоящий город, где жили ученые, находились библиотеки, полные уникальных книг с древними знаниями, имелись лаборатории, в которых трудилось множество талантливых магов! Сюда со всего мира приезжали те, кто желал приобщиться к великим знаниям!

– Колдовать, что ли, хотели научиться?.. – продолжал расспросы Суад.

– Крайне грубое и бестактное определение! Судя по всему, вы не понимаете разницы между высоким искусством и его грубой подделкой! Это все равно, что сравнивать между собой истинного

мага и деревенского знахаря! Тут обитали подлинные мастера высокой магии, и попасть на этот остров было мечтой очень и очень многих! К несчастью, все закончилось в один момент, и никто не знает, что именно произошло на острове, и что разом погубило его – то ли землетрясение, то ли крайне неудачный научный опыт, приведший к катастрофическим последствиям. Просто в один момент весь остров ушел под воду, а чуть в стороне с морского дна поднялись несколько скал, которые позже стали называть Темным Утесом.

– И что же, погибли все, живущие на острове?

– Почему же – всегда найдутся те, кто сумеет выкарабкаться даже из, казалось бы, безнадежной ситуации... – усмехнулся чернокнижник. – Несколько человек умудрились не только остаться в живых, но еще и спастись! Вот они-то и рассказали о произошедшем катаклизме. Мне до сих пор досадно думать о том, какие тайны были потеряны во время той страшной катастрофы! Знаете, по молодости я хотел побывать здесь, посмотреть на то, что осталось от некогда великого центра высокой науки... Увы, то, что я увидел сейчас, повергло меня в уныние, ведь от славного прошлого тут не осталось ровным счетом ничего. Верно говорят, что все в мире – это тлен, смыаемый безжалостным течением равнодушного времени...

– Все равно не понимаю, какое это имеет отношение к тем тварям, коих просто в избытке обитает вокруг Темного Утеса, да и на нем тоже... – оборвал Винсент философские рассуждения чернокнижника.

– А что тут неясного?.. – даже удивился колдун. – Повторяю: те ученые, что когда-то жили здесь, занимались высокой наукой, и проводили множество экспериментов, в том числе занимались и теми существами, что выжили на земле с самых древних времен. Некоторых из них, говорят, к тому времени осталось всего лишь по нескольку особей. Конечно, во время катастрофы на острове почти все они погибли, а те, что каким-то образом остались в живых, оказались навсегда привязаны к здешним местам, в том числе и к Темному Утесу. Эти странные создания могут отходить отсюда на достаточно большие расстояния в поисках еды, но, тем не менее, они все одно будут возвращаться сюда, на затопленный остров – как видно, в свое время кто-то из ученых сделал им привязку к этому месту. Возможно, они, эти существа, выполняют функцию охраны

здешних территорий, или нечто подобное...

– Это «нечто подобное», если я правильно понимаю, тесно связано с гастрономическими пристрастиями этих тварей?.. – уточнил Винсент.

– Не без того... – согласился колдун. – Но мы отвлеклись от темы. Мне нужен камень, и я его получу, а вот что касаясь того, каким образом я это сделаю... Не забывайте, что я – маг, так что у вас еще есть шанс договориться со мной по-хорошему и остаться в живых. В противном случае, как говорится, не обессудьте...

Колдун встал, и тяжело опираясь на палку, двинулся к носу лодки. Мы же продолжали сидеть, даже не пытаясь сдвинуться с места.

– А о каком ожерелье говорил этот хмырь?.. – поинтересовался Суад. – Вы его что, и верно, сперли у рогатых?

– Это мое ожерелье, вернее, колье... – сказала я. – В свое время у меня его забрали, и я просто возвратила себе украденное. Если вас интересует мое колье, то, как только мы окажемся в безопасном месте, я могу его показать.

– Ну, это ваши дела, мне до бабских побрякушек дела нет.

– Вот что... – негромко произнес Винсент. – Давайте-ка сейчас не отходить друг от друга ни на шаг. Так надежней, да и те, кто находятся рядом с тем изумрудом, могут чувствовать себя в полной безопасности.

– Думаешь, колдун что-то предпримет против нас?.. – поинтересовался Дорен.

– Можно подумать, ты так не считаешь!.. – отмахнулся Винсент. – Ему позарез нужен камень, и он пойдет на все, чтоб его добыть. От турегов он уже избавился, теперь ему надо отделаться еще кое от кого. Суад, скажи, что у вас в стране бывает с тем человеком, которого обвиняют в смерти богатого и знатного человека?

– Ничего хорошего его не ждет.

– Это понятно. Допустим, речь идет о смерти «Звезды Востока». Ранее ты слышал о такой женщине?

– О той женщине, которая была красивей всех на свете? Конечно, слышал! Об этом у нас в поселке немало говорили, жалели,

что погибла такая красавица. Понятно, что тот, кто ее убил, понесет заслуженное наказание – без этого никак нельзя! И потом, она происходит из семейства Владетелей, а их кровь священна!

– То есть без наказания тот, кто убил «Звезду Востока», не останется?

– Да ни в жизнь! Это и в законе сказано: тот, кто поднимает руку на кого-то из семейства Владетелей, должен быть наказан, иначе нельзя. А в чем дело?

– Просто так...

Понятно, что угроза над головой колдуна так никуда и не пропала. Скорей всего, его выпустили просто на какое-то время, за обещание смягчить наказание, и колдун сделает все, чтоб вновь не попасть в руки стражников. Он должен хорошо понимать, что может ожидать его в дальнейшем, несмотря на слова и посулы. Одно дело – если тебя обещают простить, а вот исполнить обещания – это совсем иное. Странно было бы ожидать, что колдун не станет прикидывать, как вырваться на свободу, а для этого надо, чтоб погибли все, с кем он прибыл в эти воды. А что, в итоге все будет выглядеть вполне естественно, да и трудно было ожидать иного исхода для тех, кто отправился к Темному Утесу.

Для начала колдуну требовалось избавиться от турегов, что он благополучно сделал. Теперь ему нужно забрать себе тот самый волшебный изумруд, затем отделаться от лишних свидетелей, добраться до земли, а уж там-то спрятаться он сумеет. Не исключая, что расправившись со всеми, он возьмет меня с собой, и дело тут не в личных симпатиях – помнится, маг, узнав о том, что моя кровь не годилась для обряда, досадовал, что не может написать трактат по этому поводу, вернее, о воздействии небольших доз яда на организм человека. Скорей всего, мечта о написании трактата у колдуна никуда не исчезла, и ему необходим объект для исследования, то есть я. Нет уж, спасибо, избавьте меня от подобной чести.

Меж тем с кормы раздался испуганный голос одного из стражников – оказывается, та огромная черепаха уже давненько оказалась в воде, и сейчас отправилась вслед за нами. Ясно – пустилась вдогонку за убегающей добычей, то есть за баркасами. Если эта громадина приблизится к нашим суденышкам, то нам придется плохо – черепаха без проблем сумеет опрокинуть баркас. А

то, что она нас догонит – в этом можно не сомневаться! Ох, если б сейчас поднялся хотя бы небольшой ветерок, то оба судна уходили бы от острова куда быстрее, а не ползли со скоростью неторопливо идущего человека. На втором баркасе тоже заметили черепаху, и тоже делают все, чтоб поймать в паруса больше ветра, только это не очень-то получается, и людей на обоих суденышках стала одолевает некая нервозность, потому что никак не удастся быстро уйти из этого опасного места.

Тем временем Винсент чуть заметно кивнул в сторону колдуна, который стоял с сосредоточенным лицом, глядя на воду. Вроде внешне все нормально, но я почему-то уверена, что нам всем стоит ожидать от него какой-то пакости. Ох, не нравится мне этот человек, совсем не нравится.

Внезапно со стороны второго баркаса раздались крики, и оно заметно накренилось на борт, а затем длинные щупальца оплели мачту. Еще миг – и на палубе баркаса показался трапен, тот самый осьминог с головой дракона. Все дальнейшее не заняло и нескольких секунд: длинные щупальца трапена схватили двух человек, стоящих на палубе, после чего трапен скрылся под водой вместе с двумя несчастными. Не буду говорить, в каком шоке были люди, оставшиеся на палубе. Впрочем, растерянность быстро сменилась страхом, и люди стали возиться у мачты, пытаясь сделать все, чтоб в паруса попало хоть немного больше ветра, ну, а мы с опаской смотрели на воду, молясь про себя, чтоб на поверхности не показалось никакое иное чудище. Хватит и тех, на кого мы к этому времени уже спели насмотреться.

Увы, Небеса оказались глухи к нашим просьбам, и внезапно на поверхности воды показалась огромная змея, на угольно-черном теле которой находились длинные колыхающиеся плавники. Высоко подняв над водой огромную голову, змея какое-то время описывала круги вокруг баркасов, а потом скользнула ко второму баркасу, просто-таки взвилась в воздух, и, оказавшись на палубе, мгновенно обвила кольцами одного из стоящих там людей, после чего, перевалившись за борт, змея ушла в глубину, едва не затопив баркас.

К несчастью, к этому времени сюда подоспела и все та же огромная черепаха. Она подплыла к раскачивающемуся баркасу и уцепилась лапами за борт, после чего суденышко, как и следовало ожидать, перевернулось, и люди, что находились там, оказались в

воде. Все, что за этим последовало, оказалось настоящим кошмаром: пока мужчина на нашем баркасе приказывал развернуть парус и идти на помощь тонущим людям, на поверхности показались еще какие-то существа, хотя рассмотреть их как следует никому не удалось. Мы лишь видели щупальца, клешни, покрытые чешуей длинные гибкие тела... Все эти обитатели вод Темного Утеса устремлялись к барахтающимся людям, которые пытались спастись, только силы были неравны, и не прошло полминуты, как на поверхности не оказалось ни одного человека, хотя нам были видныдвигающиеся в воде странные существа. Пока что они все снуют в сторону баркаса, который плавает килем вверх. Теперь все это существа – они что, на нас накинутся? Хорошо хотя бы то, что черепахи не видно – как видно, сумела урвать свою часть добычи и с ней скрылась.

Я посмотрела на Винсента, который же не скрывал того, что на его руке сияет зеленый камень. Так вот почему наш баркас не трогают обитатели здешних вод! Просто камень отгоняет всех... Кажется, это понимают даже те люди, что находятся на нашем суденышке, и жмутся к нам, лишь колдун стоит в отдалении. Похоже, он начинает приводить в действие свой план по избавлению от лишних свидетелей. Не удивлюсь, если именно он и вызвал сюда морских тварей...

Эти же мысли пришли в голову немолодому мужчине, который был здесь за старшего, и он едва не побагровел от злости.

– Эй, ты!.. – крикнул он колдуну. – А ну, прекращай это дело!

Однако чернокнижник даже не покосился в сторону мужчины. Более того – он уже не считал нужным скрывать свои действия, и, отбросив в сторону свою палку, поднял вверх руки. А вот теперь отпали все сомнения в его намерениях... Уж не знаю, что за черную волшбу творил колдун, но внезапно на борт нашего баркаса стало заползать странное существо. По внешнему виду можно было подумать, что еще один спрут, только вот от его головы отходило не восемь щупалец, а добрая сотня, и каждое из этих щупалец не превышало толщину бечевки. Да и цвет у этого спрута был ярко-зеленым, но еще ярче и пронзительно-зеленее были огромные круглые глаза этого существа, которые сразу же уставились на нас. А еще я обратила внимание на то, как тяжело дышит колдун, а по его лбу стекают капли пота – кажется, ему очень непросто дался вызов этого существа, и то, что оно сумело забраться на баркас.

В следующий миг несколько щупалец-бечевок метнулись в нашу сторону, и ударили одного из тех мужчин, что сейчас толпились возле нас. Удар пришелся по руке и шее, и едва ли не на наших глазах кожа у человека вспухла, а сам он страшно закричал. Похоже, одно только прикосновение к этим щупальцам приносит страшную боль. Однако крик быстро оборвался, потому как чернокнижник шагнул к кричащему от боли человеку, и сильным толчком отправил того к борту, и в тот же миг на несчастного обрушились щупальца-бечевки, враз отплели беднягу, и в следующий миг он вместе со спрутом пропали с наших глаз...

И тут меня удивил тот немолодой мужчина, что был за старшего на этом баркасе. Мы еще не успели услышать, как тело упало за борт, когда мужчина едва ли не одним прыжком преодолел расстояние до колдуна, и от сильного удара в челюсть чернокнижник просто-таки отлетел к борту. Мужчина не отступал – еще один удар, и чернокнижник с воплем перевалился через борт. Попад в воду, он что-то кричал, звал на помощь, умолял спасти, но никто из нас не двинулся с места, а спустя совсем короткое время его крик замолк. Думаю, всем понятна дальнейшая судьба мага.

Меж тем мужчина, не мешкая, вернулся на свое место, и приказал:

– Все оставаться тут и не двигаться с места до той поры, пока не покинем здешние воды.

– А ловко вы его... – заметил Дорен.

– Надо было бы куда раньше отправить этого мерзавца на корм здешних зверюшек... – отозвался мужчина. – Колдун, чтоб его!.. По его вине я столько людей потерял!

– Хоть бы ветер поднялся... – с тоской вздохнул один их оставшихся.

– Будем надеяться, что Всевышний не оставит нас своей милостью.

Небольшой ветерок стал пониматься спустя несколько часов, когда мы уже достаточно далеко отошли от Темного Утеса, и он скрылся в отдалении. Только тогда мы смогли перевести дух и немного успокоиться. Судя по всему, нам предстоял путь в тот же порт, откуда мы не сумели уйти к себе на родину, каждому из нас следовало хорошо подумать о том, что мы будем делать дальше.

Ладно, немного обождём, а потом прикинем дальнейшие действия.

Сложности начались очень скоро – оказывается, тот самый зелёный спрут был настолько ядовит, что даже те следы, что он оставил после себя на борту, причинили людям немалый вред. Это наша пятерка послушно сидела на месте, можно сказать, как приклеенные, не поднимаясь со скамейки, а остальные ходили по баркасу и держались за борта, не думая о том, что там могут остаться ядовитые следы. Увы, там были, и, как оказалось, в немалом количестве...

К вечеру люди, находящиеся на борту, почувствовали себя далеко не лучшим образом, слегли в лихорадке, а к утру многие из них чувствовали себя настолько плохо, что впали в забытие. На ногах оставался лишь тот немолодой мужчина, который был старшим на этом баркасе, хотя было заметно, что и он чувствовал себя далеко не лучшим образом.

Нам тоже следовало поторапливаться, тем более что баркас шел достаточно быстро, и по расчетам днем мы должны прибыть в порт, а такое развитие событий радовать нас никак не могло.

– Ну, как чувствуют себя ваши люди?.. – спросил Винсент у мужчины. Вообще-то вопрос был задан для проформы – к тому времени из всего экипажа он один оставался на ногах.

– А вы что, сами не видите, что творится?.. – только что не огрызнулся мужчина. – Такого провала у меня давно не было. Один баркас потерян полностью, да и на оставшемся дела обстоят немногим лучше. Судите сами: когда мы выходили из порта, на этом баркасе было восемь человек, включая меня. Двое турегов погибли, колдуна я выбросил за борт, одного из моих людей утащило это мерзкое создание, которому и названия нет... Это не просто потери, это конец всему!

– Вы объясните своему начальству...

– Да кого интересуют мои объяснения?.. – мужчина почти что сорвался на крик. – Из-за погибших турегов меня наверняка вышвырнут со службы, и куда я тогда пойду?

– Ну почему сразу вышибут...

– Да потому, что на мое место уже есть немало желающих. Я всю жизнь занимаюсь охраной портов и слежу за порядком, всего

добился сам, и вот чем все может закончиться!.. Начальству придется на кого-то свалить вину, и, боюсь, что я окажусь этим самым виноватым, причем виноватым во всем! Я вылечу со службы с треском и позором! Знаете, остаться к старости без единой монеты за душой никому не хочется.

– Мы можем договориться.

– Уж не взятку ли вы мне предлагаете? Не по адресу обращаетесь!

– Если вы так уверены, что вас уволят, то вам терять нечего. Подумайте сами: вы высаживаете нас на берег, затем идете в свой порт, и рассказываете о том, что мы от вас удрали. Вон, ваши люди отравились, скажете, что и вы отравились тоже. Впрочем, вы действительно отравлены, так что в этом обмана нет. А наш рыбак приведет ваш баркас в порт...

– Вы с ума сошли, раз предлагаете мне такое?

– Пятьдесят золотых. Вряд ли вы скопили такие деньги к старости.

– Перестаньте!

– Я взываю к вашему разуму. Судите сами: ваша команда в беспамятстве, вы один, вот-вот свалитесь с ног, так что нет ничего странного в том, что ваши пленники сумели сбежать...

– Прекратите!

– И все же давайте об этом поговорим...

Через несколько часов мы высадились на берегу. Как нам сказали, рядом проходит дорога, и если мы по ней отправимся, то через какое-то время придем в небольшой портовый город. Дальше, как говорится, будем действовать по обстоятельствам.

Ну, а баркас отправился дальше, только сейчас им правил Суад: он и этот немолодой мужчина – оба нанесли себе небольшие раны на голове, сделали перевязку, и теперь имели полное право сказать, что мы сбежали, нанеся охранникам серьезные увечья. Вряд ли их повествование вызовет хоть какие-то подозрения, тем более что каждый из двоих получил от нас по шестьдесят золотых, а это очень большие деньги. Мужчины за такие деньги никогда не откажутся от своих свидетельских показаний, будут держаться за них до

последнего. Пока что деньги припрятали в тайнике на баркасе, но у меня нет сомнений в том, что эти двое друг друга не обманут.

Глядя на то, как от нас удаляется баркас, я думала о Суаде. Рыбак просил не держать на него зла, а заодно пожелал нам поскорей добраться до родных мест. Надеюсь, его тоже ждут дома, и будут счастливы, когда он возвратится в родной поселок.

– О чем думаешь?.. – поинтересовался у меня Винсент.

– О словах Суада. Он сказал нам на прощание – лишь дорога сокращает путь...

– Верно. Значит, прислушаемся к пожеланиям доброго человека.

Кажется, к этому времени мы и так прошли немало. Надеемся, что идти до дома нам осталось куда меньше...

Глава 18

Место, где нас высадили на берег, находилось едва ли не на окраине этой страны. Почему именно здесь? Как нам сказали: здешние края достаточно пустынные и необжитые, и потому считаются чем-то вроде здешней глухомани, так что вашей высадки на берег тут, скорей всего, никто не заметит, а для вас это сейчас едва ли не самое главное. Все верно: наши поиски никто не прекращал, и приметы преступников (то есть нас) к этому времени могут быть разосланы достаточно далеко. Единственная опасность, на которую нам стоит обратить внимание – эти места имеют далеко не лучшую славу (когда-то тут очень неплохо чувствовали себя контрабандисты), да и сейчас на кое-каких дорогах тут пошаливают, ходят плохие слухи о том, что тут творится. Что именно говорят? Много чего, не знаешь, чему и верить. Если говорить откровенно, то в здешних краях надо надеяться, в первую очередь, на себя, а заодно и на милость Всевышнего. Как сказал Суад: в любое другое время он нас ни за что бы не высадил на этот берег, искал бы место понадежнее, но сейчас для нас главное – это скрытность.

Итак, наша первая попытка покинуть эту страну ни к чему не привела – так получилось, что мы вновь вернулись сюда. Хочется надеяться, что наша вторая попытка будет куда удачней.

Что же касается того, что тут нам стоит быть поосторожней... Ну, если принять во внимание, что нашей компании вообще «везет» на места с дурной репутацией, то мы не услышали ничего нового.

Нам с самого начала было сказано: если вы хотите покинуть нашу страну, причем как можно скорей, то самое лучшее для вас – добраться до порта Аяс. Это портовый город, и кораблей, приходящих из разных стран, там более чем достаточно, так что вполне можно уйти на одном из этих судов, а если к тому же будете вести себя в Аясе осторожно и осмотрительно, то и стража не обратит на вас особого внимания. В городе-порте народу хватает, причем самого разного, близость к границе диктует свои правила, и потому в Аясе вам следует держать ухо востро. Впрочем, вы и сами должны понимать, что вас не просто ищут – все куда хуже: за ваши головы назначена большая награда, а наблюдательные люди с цепким взглядом и пустым карманом встречаются нередко, особенно в таких

местах. Так что если допустите оплошность и попадетесь – то все, вас вряд ли кто спасет. Что же касается здешней дороги, то постарайтесь особо не задерживаться в здешних маленьких селениях – это для вашей же пользы, потому как тамошний народ хорошо запоминает тех, кто к ним заглядывает. И о себе в дороге много не говорите...

Мы уже едва ли не час шли по пыльной дороге, но за все это время на нашем пути встретилось всего лишь несколько человек, причем было ясно, что все эти люди не относились к числу богачей – наверняка крестьяне или же рыбаки. Бедная одежда, старые корзины, почерневшая от солнца кожа на лице, натруженные руки... Еще меня удивило то, что все эти люди, встретив нас, словно смотрели мимо, и даже не оборачивались нам вслед, а это необычно: в таких пустынных местах жители невольно отмечают появление едва ли не каждого встреченного человека – все же какая-никакая, а новость, пусть и очень незначительная, и потому подобное безразличие вызывает подозрения. Я бы даже сказала: складывается впечатление, что здешние люди словно стараются отстраниться от чужаков, во всяком случае, на вопросы Ярли не ответил ни один из встречных, все проходили мимо. Не думаю, что здешнее население сплошь страдает глухотой, скорее, тут желание держаться в стороне от чужих дел. Н-да, что-то подобное мне совсем не нравится.

Как нам сказал Суад, в Аяс ведут две дороги – новая прямая дорога, то которой до города-порта можно добраться достаточно быстро, и старая стезя, как раз по которой мы сейчас идем. Разница между ними была в том, что путь до Аяса по новой дороге занимал куда меньше времени, и к тому же эта самая новая дорога была достаточно оживленная и неплохо охранялась. Именно это и заставляло нас отказаться от этого нового, более безопасного пути – что ни говори, но прежде всего нам следовало уклоняться от любых встреч со стражниками, а на новой дороге постов стражи должно быть немало. Что же касается второй дороги, по которой мы сейчас шли... Как нам сказали, ее называют «старой дорогой», что вполне соответствует окружающей обстановке: заметно, что в последнее время эта грунтовая дорога находится в запустении – на ней хватает песка, мелких камней, кое-где даже пробивается короткая пожухлая трава... Чувствуется, что по этой запущенной стезе сейчас мало кто передвигается, и людей в чем-то можно понять: дорога находилась не так далеко от береговой линии, едва ли не в точности повторяя ее изгибы. Понятно – при наличии куда более хорошей, удобной и

охраняемой дороги вряд ли найдется много желающих пускаться в путь по старой стезе.

Несколько раз мы видели небольшие деревушки в десяток дворов, только вот у нас не было ни желания, ни намерения туда заглядывать. Нам там делать нечего. Хочется только одного – придти на постоянный двор и отдохнуть, а не то путь по морю нас вымотал.

Вечерело, и нужно поторапливаться. Если верно то, что сказал Суад (а вместе с ним нам давал советы и тот немолодой мужчина, что был старшим на баркасе), значит, вскоре мы должны дойти до небольшого рыбацкого поселка, вернее, до небольшого то ли трактира, то ли постоянного двора. Ранее, еще до того, как была проложена новая дорога, все шли в Аяс как раз по этой старой дороге, и здешний трактир процветал, а вместе с ним неплохо жил и поселок – тамошние жители поставляли в трактир рыбу и овощи, а иногда и сами напрямую кое-что продавали проезжающим. Увы, хорошие времена остались в прошлом, и сейчас в трактир ходят только местные жители, да изредка заглядывают нечастые путешественники из числа тех, кто по какой-то причине отправился в Аяс старым путем. Понятно, что при таком раскладе хозяин постоянного двора должен быть доволен тем, что к нему заглядывает хоть кто-то из редких прохожих, и потому нам никак не откажут в комнате на ночь. По словам Суада, на этом старом постоялом дворе вполне можно переночевать, а на следующий день мы доберемся до Аяса, тем более что идти там останется не так и много. Правда, нам вновь посоветовали быть осторожными, и для этого были все основания...

– И когда же, наконец, покажется этот поселок?.. – первой не выдержала я. – Мы уже час идем, не меньше, а Суад говорил, что дорога до места не займет много времени. Скоро темнеть начнет...

Словно в ответ на мои слова почти сразу же, пройдя невысокие холмы, мы увидели вдали небольшой поселок. Кажется, дошли. Побыстрей бы добраться до трактира, а уж там можно поесть и передохнуть.

Небольшая деревушка в несколько десятков небольших глинобитных домиков, лодки у причалов, развешанные сети во дворах, небольшие огороды... А вот и постоянный двор – довольно крепкое двухэтажное здание, стоящее у дороги. Здесь все очень напоминает тот рыбацкий поселок, в котором живет Суад. Людей в поселке было немного, но те, кого мы видели, во все глаза смотрели

на нас. Ох, не хотелось бы становиться центром внимания, то в этих местах, кажется, без этого не обойтись.

Когда мы вошли в трактир, оказалось, что обеденный зал заполнен почти наполовину, хотя темнота еще не наступила. Все верно – в таких маленьких деревушках по вечерам принято собираться в местных трактирах, которые тут считаются едва ли не самым главным местом поселка. При нашем появлении головы всех сидящих, словно по команде, повернулись к нам. Похоже, что посторонние люди тут, и верно, редкие гости, так что тем, кто сейчас находится в трактире, будет о чем поговорить сегодняшним вечером, во всяком случае, к нам точно должен кто-то подойти с разговорами. Никого из служителей закона здесь не видно, что совсем неудивительно в этом сонном поселке – скорей всего, стражники наведываются сюда время от времени, и потому сообщения о том, что разыскивается четверо опасных преступников, вряд ли дошли до этого тихого места, забытого всеми Богами.

– Уважаемый, нам бы комнатку на ночь... – подала голос Ярли, когда мы подошли к хозяину, стоящему за стойкой. – Надеюсь, у вас есть свободное место, где могут преклонить колени и ноги усталые путники?

С самого начала было решено, что именно Ярли будет вести все разговоры, потому как любой из здешних жителей, услышав нас, враз бы понял, что перед ним иноземцы. Возможно, это и не имеет особого значения, но не стоит лишний раз привлекать к себе внимание, особенно если принять во внимание, что в таких вот глухих местах к чужакам, как правило, относятся с неприязнью.

– Гости – посланники Неба, и если у вас в чем-то есть нужда, то с помощью Всевышнего мы всегда договоримся... – несмотря на вежливые слова, хозяин – мрачноватый толстяк, довольно-таки хмуро смотрел на нас. – Вам две комнаты или одну?

– Одной хватит... – пожала плечами Ярли.

– Тогда с вас серебряная монета.

Для этого захоlustья цена за комнату была слишком высокой, можно сказать, запредельной, но мы сейчас находились не в том положении, чтоб возражать, хотя поторговаться для вида все же не помешает.

– Что-то очень дорого!

– Комната хорошая, держим для господ. Лучше в нашем поселке не найти, как не старайся!

– Хорошо, мы согласны... – вздохнула Ярли. – А заодно нам бы и поесть не помешало. У вас, как я вижу, уже готова жареная рыба?

Ну, это сложно не заметить – едва ли не за спиной хозяина была открыта дверь на кухню, и было видно, что там, на длинных решетках, жарилась рыба. Впрочем, аппетитные запахи из кухни говорили сами за себя. Хватало и уже приготовленной рыбы, которая горкой лежала на большом разносе. А еще рядом стопкой стояли недавно испеченные лепешки, которые вкусно пахли теплым хлебом.

Через минуту мы уже сидели за отдельным столом, и всюю расправлялись с рыбой и хлебом. Конечно, на баркасе были небольшие запасы продовольствия и воды, но сухари и вяленое мясо не идут ни в какое сравнение с только что приготовленной едой. Правда, ужинать под взглядами присутствующих было достаточно неприятно, но понятно, что по-другому никак не получится – мы сейчас находимся в центре внимания. Если я правильно понимаю, то к нам вот-вот должны подойти с разговорами.

Так и есть: невысокий крепкий мужчина подошел к нам, и довольно-таки бесцеремонно уселся рядом, вольготно расположившись за столом. Впрочем, нам вряд ли стоит ожидать хороших манер в этом тихом месте, хотя этот мужчина держится уж очень по-хозяйски.

– Скажите, уважаемые, как это вы оказались в нашем поселке?.. – поинтересовался мужчина. – После того, как построили новую дорогу, проезжие люди в здешних местах – редкие гости.

– Мы ошиблись... – вздохнула Ярли. – Нам казалось, что идти по дороге вдоль моря будет не в пример легче, чем по новой дороге. Лишними разговорами отвлекать не будут, да и морским воздухом хорошо бы подышать... А потом стало понятно, что выбранный нами путь оказался дольше, и места здесь безлюдные, только вот поворачивать назад нам уже не хотелось. Слишком поздно поняли, что ошиблись с выбором дороги, но уж ничего не поделаешь.

– То есть вы идете одни? Лишь вчетвером?

– Только Всевышний с нами... – кротко ответила девушка. Не знаю, что думают мои спутники, но мне вопросы этого человека

совсем не нравятся.

– А направляетесь куда?.. – мужчина и не думал прекращать разговор.

– В Аяс, куда ж еще!.. – даже удилась Ярли.

– Женщина, почему ты отвечаешь на мои вопросы, а те мужчины, что пришли с тобой, молчат?.. – нахмурился наш собеседник. – Это непорядок, женщина должна знать свое место, и говорить лишь тогда, когда ей разрешат. Или там, где вы живете, это разрешено?

Ага, не хватало еще столкнуться с ревнителем здешних моральных ценностей! Хотя, если вдуматься, то ничего иного в этих забытых Богами местах ожидать и не стоило – здесь у людей строгие патриархальные устои, и на этот случай у нас заранее было подготовлено более-менее сносное объяснение тому, отчего наши мужчины помалкивают, и не участвуют в разговоре. Дескать, мы все идем на поклонение в храм Святой Фатуш – есть в этой стране такая святая, которая почти всю свою жизнь провела в бедности, молитвах и молчании. По преданиям, эта святая бродила по свету, молясь о благе людей, и с той поры ее милость распространяется на всех, кто в нее верит. Считается, что Святая Фатуш охраняет семью, а вместе с тем дарит людям здоровье и благополучие, но чаще исполняет просьбы тех, кто до ее храма добирается пешком, причем этот человек должен пройти довольно значительное расстояние, а идти следует молча, лишь читая про себя молитвы. Мол, таким людям святая особенно благоволит, и потому находится немало желающих перенести некоторые невзгоды ради достижения своей цели. Правда, никто не знает, где похоронена эта праведница, и потому храмы Святой Фатуш имеются едва ли не в каждом городе, так что мало кому придет в голову добираться пешком едва ли не на край страны, если имеются места поближе. Однако у каждого человека есть свои предпочтения: одни идут на поклонение святой в соседний город, а другие, относящиеся к числу самых преданных почитателей Святой Фатуш, не прочь прошагать едва ли не всю страну, от края до края, лишь бы воздать должное этой праведнице. Вот сейчас мы идем вчетвером на поклонение Святой Фатуш, и промеж нас заранее было решено, что трое из паломников будут молчать, а за них станет говорить только одна из женщин...

– Понятно... – протянул мужчина, хотя, как мне показалось, он

не особо поверил словам Ярли. – Идете, значит, на поклонение к Святой Фатуш.

– Да.

– А чем вы занимаетесь в ваших родных краях?

– Женщине не особо положено знать, чем мужчина зарабатывает на хлеб.

– Значит, как я понимаю, вы бросили все свои дела и отправились в путь?

– Разве есть такие мирские заботы, которые нельзя отложить ради благого дела?

– Вас всего четверо... Это небезопасно. Неужели вы не сказали никому, куда идете?

– Мы делим дорогу с Всевышним. Он не оставит нас в пути, доведет до святого места, а потом поможет вернуться в родные края.

– И о чем же вы хотите просить святую?

Вопрос был более чем бестактный – это было понятно даже мне, и Ярли имела полное право не отвечать, но все же девушка решила сгладить грубость мужчины.

– Надеемся, что Святая Фатуш пошлет нам глоток счастья, и хотелось бы, чтоб он не был единственным.

– Хм... – придаться к словам Ярли было невозможно, и мужчина заговорил о другом. – Так из каких мест вы сюда пришли?

– Издалека... – вздохнула девушка. – Все ноги в дороге истоптали. Только вот о новостях меня не спрашивайте – ничего о том, что творится в нашем грешном мире, я не знаю. В последнее время нам было не до слухов и пустой молвы, тем более что непонятно, чему из услышанного можно верить. Да и говорят в основном о том, что Владыка вновь хочет поднять налоги, а такие новости радовать не могут.

– Это верно... Так значит, ваш путь был долгим?

– Да. Скажите, почтенный, как называется ваш поселок? К своему стыду должна признать, что никто из нас не знает здешних мест.

– Вряд ли кому-то интересно то, что наш Богами забытый поселок называется Ташет.

– Никогда ранее не слышала этого названия, но теперь буду знать.

– Как я погляжу, двое из вас родом из чужих краев. Они-то с чего направились к Святой Фатуш? Насколько мне известно, иноземцы наших Богов не очень жалуют...

– Вы не совсем правы, почтенный... – покачала головой Ярли. – Эти люди много лет живут в нашей благословенной стране, и придерживаются веры во Всевышнего.

– Мыши приняли истинную веру, но число праведников не увеличилось, так что ли?.. – ухмыльнулся наш собеседник. – Я б не стал верить в правдивость иноземцев – нет у меня к ним доверия... Ладно, не сердитесь, это у меня шутки такие.

– Не все видят, куда ведут забавы и веселые разговоры... – хотя эти слова девушка произнесла кротким голосом, было ясно, что мужчина хватил через край.

– Будем считать, что шутка неудачная, так что не сердитесь!.. – улыбнувшись, мужчина поднял руки вверх. – Я даже готов извиниться. Вы, как я вижу, только одну воду пьете? После тяжелого пути, да перед сном, можно позволить себе что-то покрепче, так что мне бы хотелось угостить вас вином.

– Уважаемый, Святая Фатуш не одобряла хмельного.

– Вы не поняли – я хочу таким образом извиниться перед вами за свою неудачную шутку, тем более что у хозяина трактира есть неплохое вино, во всяком случае, мы его считаем таковым! Может, оно вам и не понравится, но не так часто в нашу деревушку приходят праведные люди, так что предлагаю вам просто выпить за то, чтоб ваш путь был удачен!

– Спасибо, не стоит.

– Я не привык, когда мне отказывают... – нахмурился мужчина.

– Почтенный, я благодарю вас за честь, которую вы нам оказываете, но на время пути к Святой Фатуш мы дали себе слово воздерживаться от многих соблазнов, в том числе и от вина. Как вы понимаете, надо сдерживать обеты, которые мы даем. А сейчас нам

бы хотелось отправиться в комнату и отдохнуть после трудной дороги – за день пути под палящим солнцем мы очень устали. Если же Всевышнему будет угодно, то мы с вами еще не раз встретимся для приятной беседы.

На столь вежливый отказ возразить было нечего, и мужчине не оставалось ничего иного, кроме как уйти. Мы тоже не стали задерживаться, поднялись из-за стола, и к нам тут же подошел хозяин.

– Прошу меня простить, но на нашем постоялом дворе принято расплачиваться сразу.

– Да, конечно... – и Ярли вручила хозяину две серебряные монеты. – Это за ночлег и за ужин. Мы завтра уходим рано, так что здесь плата и за утреннюю еду – надеюсь, вы ее приготовите нам вовремя.

– Конечно, почтенная, не сомневайтесь, все исполним, как надо!

Забрав у хозяина ключ, в сопровождении старого слуги поднялись на второй этаж постоялого двора. Как и следовало ожидать, мы оказались тут единственными постояльцами. Правда, радовало то, что комнатка, и верно, оказалась неплохой, с крепкими дверями и небольшим окном, что не могло не радовать. Заперев дверь, Винсент первым делом осмотрел потолок, пол и окно. Увиденное его немного успокоило – все сделано основательно и надежно. Однако мы уже привыкли к тому, что ко всему происходящему следует подходить с осторожностью, и потому было решено переговариваться шепотом – вполне может оказаться так, что кто-то из здешних обитателей вздумает подслушивать за дверью. А что, такую возможность нельзя исключать!

– Ярли, ты молодец!.. – мне хотелось сказать девушке что-то приятное. – Так умело и сдержанно разговаривала с этим грубияном!

– Что вы, госпожа!.. – засмущалась Ярли. – Просто я умею вести разговоры с такими дерзкими людьми: в свое время насмотрелась на то, как отец успокаивал раздраженных заказчиков, которые иногда вели себя довольно невежливо, а то и откровенно грубо.

– Ярли у нас вообще умница!.. – добавил Дорен, глядя на девушку. – Так и подумаешь, что Светлые Боги послали тебя нам для того, чтоб облегчить путь! Что бы мы без тебя делали, красавица?

– Придумали бы что-нибудь... – Ярли с трудом сдерживала улыбку. – Только вот...

– Тебя что-то тревожит?

– Да... – девушка вновь стала серьезной. – Этот мужчина сказал, что здешний поселок называется Ташет. Кажется, ранее я уже слышала это название, только не помню, что мне о нем говорил, и что именно тогда было сказано. Вертится что-то в голове, только вот вспомнить не могу...

– Тот мужчина, что подсел к нам – он мне совсем не понравился... – подсадовал Винсент. – Слишком уверенный в себе, дерзкий и излишне любопытный. Не похож он на здешнего обитателя, да и ухватки у него не те. Как правило, люди в провинции по отношению к незнакомцам ведут себя не в пример сдержанней. И почему к нашему столу, кроме того человека, больше никто не подходил? Что ни говори, но большинству людей, особенно живущими в небольших селениях, всегда интересно переговорить с прохожими людьми...

– Может, просто здешний народ уж очень нелюдимый?... – предположила я.

– Ну, рыбаки вообще народ не ахти какой разговорчивый, но, тем не менее, к нам должен был подойти еще кто-то, чтоб поговорить, узнать, что происходит в мире, а вместо этого все сидели и слушали с отсутствующим видом. Никто даже голоса не подал. Непорядок.

– Может, их смущало, что разговор ведет одна Ярли, а мужчины молчат? Ты же знаешь, что тут не особо принято вести беседы с женщинами.

– Возможно... – согласился Винсент. – Только ты не обратила внимания на руки этого человека?

– А что в них такого необычного? Лично я ничего странного не заметила.

– Я тоже обратил внимание на то, что руки этого человека не очень-то похожи на длани рыбака... – почесал в затылке Дорен. – Да и не скажу, что у него обветренное лицо.

– Так ведь тут не одни рыбаки живут... – пожала я плечами. – Может, это торговец, или здешний охранник – наверняка такой здесь

имеется... Тебе в этом поселке что-то кажется подозрительным?

– Понимаешь, когда мы еще только подходили к здешней деревушке, я заметил, что за ними следят. Двое мужчин двигались в отдалении от нас, стараясь не попадаться нам на глаза. Я бы сказал, что это некто вроде дозорных, которые следят за дорогой. Не спору: возможно, я излишне недоверчив, но в нашем положении лучше быть избыточно осторожным, чем слишком беспечным. А еще меня смущает та настойчивость, с какой нас расспрашивал мужчина в зале.

– Думаешь, хотел выяснить, знает ли кто, что мы отправились в Аяс по старой дороге?

– И это тоже. Так поневоле и подумаешь о том, что в здешнем поселке все далеко не так тихо и гладко, как может показаться на первый взгляд. Кстати, как там здешняя деревушка называется? Кажется, Ташет... Кстати, Ярли, что может означать это слово?

– Я не могу сказать с полной уверенностью, но, кажется, так в старину называли дым, на котором коптят еду. Знаете, в нашей стране не очень-то принято есть копченое мясо или рыбу – это еда на любителя, а многие ее вообще считают чем-то вроде иноземного кушанья... Хотя... – Ярли подняла руку. Погодите, я, кажется, кое-что вспомнила! Вернее, вспомнила то, где я раньше слышала это название – Ташет...

– И где же?

– Это произошло достаточно давно. В то время я еще жила в доме бывшего свекра, и однажды к нему приезжал какой-то торговец. Какие там у них промеж собой были дела – этого я не знаю, да и не интересовалась. Через какое-то время нам велели подать чай в комнату, где мой несостоявшийся свекор принимал гостей – там разговоры вели, и дела обсуждали. Конечно, отец моего бывшего жениха обычно встречался со своими гостями в чайной, но чаще эти деловые встречи проходили в его доме, особенно в том случае, когда он опасался, чтоб их беседу кто-то не подслушал. Так вот, в тот раз служанка несла чай, а у меня в руках был поднос со сладостями. Знаете, почему я запомнила того гостя? Он отказался от сладостей, и с отвращением посмотрел на фисташковую пахлаву – мол, я весь этот сахар терпеть не могу, а пахлаву вообще на дух не переношу, тем более фисташковую! Этим он меня немало удивил – я всегда считала, что сладости любят все!

– Многие бы тоже удивилась, услышав такие слова насчет нелюбви к сладкому... – вздохнула я. Если честно, то мне на память частенько приходили те восхитительные десерты и чудесные варенья, которые просто-таки изумительно готовили повара в доме тети Фелисии. Ох, попробовать бы их сейчас, хоть немного, пусть даже с чайную ложечку! А уж про чудесные иноземные конфеты я стараюсь даже не вспоминать...

Меж тем Ярли продолжала:

– Помнится, мой бывший свекор даже извинился перед гостем за то, что забыл о его особых вкусах и пристрастиях в еде, после чего меня отправили за пирожками с мясом и лепешками с зеленью и бараниной. Ну, а когда я вернулась в комнату, и стала раскладывать угощение, то слышала, как гость говорит о том, что тот товар, который отправили из Аяса, так и не дошел до места. Я тогда еще считалась членом семьи, так что никто не считал нужным что-то скрывать от меня. Дескать, отправка по старой дороге раньше была надежной, а в последнее время эта заброшенная дорога пользуется дурной славой – там много чего и кого пропадает без следа, причем исчезает как товар, так и люди. Мол, то ли разбойники на той дороге завелись, то ли еще кто-то, но разбираться с этим никто не хочет, даже стражники рукой машут – дескать, рано или поздно выясним, в чем там дело, а пока нам и других забот хватает. Так что хочется нам того, или нет, но надо искать новые каналы поставки контрабандных грузов, причем как можно скорей, потому как мы начинаем терпеть убытки. Конечно, кое-кто из деловых людей пытался найти пропавший груз – все же он стоит немалых денег, которые терять никому не хочется!, но все поиски закончились ничем, и в результате было принято решение не рисковать понапрасну, и по старой дороге больше ничего не отправлять. Свекор тогда еще удивлялся – мол, как может такой большой груз исчезнуть без следа?, надо было лучше искать!.. Гость ему ответил так: на старой дороге совсем мало селений, в основном там находятся рыбацкие поселки, и самый большой из них – Ташет, но ни в одном из них не отыскалось следов исчезнувшего товара, и тамошний народ ничего не знает. Мол, и запугивали кое-кого, и деньги предлагали, но так ничего и не выяснили: жители тех деревушек или молчат, или, и верно, ничего не знают. Единственной пользой от поездки в Ташет было то, что оттуда привезли немало копченой рыбы, которую, как оказалось, гость моего свекра очень любил. Я еще тогда подумала – фу, на дух не выношу

копченую рыбу!..

– Это все?

– Да, после этого мой бывший свекор отослал меня из комнаты. Я, естественно, ушла, но в дальних уголках моей памяти, как видно, отложились воспоминания об этом человеке. А еще он мне не понравился.

– И все из-за того, что он сладкое не любит?.. – хохотнул Дорен.

– В основном из-за этого... – согласилась Ярли. – Но все одно я бы не вспомнила, если б сейчас не заговорили о том, что означает это название – Ташет, то есть дым для копчения.

– Винсент, что скажешь?.. – спросила я.

– Ну, если отбросить в сторону все лишнее... – Винсент чуть помолчал. – Из того что я видел и слышал, с большой долей уверенности можно предположить – в свое время тут находился канал по доставке и перевозке контрабанды, однако по какой-то причине он перестал действовать. Пожалуй, стражники к перекрытию этого канала не имеют никакого отношения – тут произошло что-то другое. Кстати, о возможных неприятностях нас предупреждал и Суад – как видно, и до него доносились кое-какие слухи об этих местах, хотя он и не говорил ничего определенного. Скорей всего, ему и самому точно ничего неизвестно, потому как таить что-либо от нас он бы не стал. Не знаю, сумели ли контрабандисты к этому времени восстановить свои позиции, или в здешних краях появилось нечто иное. В любом случае никто не любит ненужных свидетелей.

– Так мы, вроде, и не видели ничего!.. – возмутилась я.

– Кто-то может считать иначе... – подсадовал Винсент.

– Если твои предположения верны, то мне становится понятным замкнутость здешних жителей... – Дорен потер лоб ладонью. – Там, где творятся темные дела или незаконные делишки, длинный язык может очень повредить здоровью, вплоть до того, что есть шанс полностью потерять его, это самое здоровье, причем вместе с жизнью.

– Это вполне объясняет отношение здешних жителей к чужакам... – согласился Винсент. – И раз живущие тут люди по-прежнему держатся очень насторожено, значит, в этом месте за несколько прошедших лет ничего не изменилось. Не знаю, что тут

сейчас происходит, но ясно и то, что в этих местах ничего не остается без присмотра. Когда мы подходили к поселку – за нами следили, да и тот человек, что недавно разговаривал с нами, тоже не просто так к нам подошел. Наверняка хотел узнать, кто мы такие, не представляем ли мы какой-то опасности, и не станет ли нас кто-то разыскивать, если мы вдруг внезапно исчезнем. Как видно, он все же пришел к каким-то определенным выводам, а иначе не стал бы предлагать нам вино. К тому же угощать паломников хмельным – это грех.

– Думаешь, вино было отравлено?

– Или в него было добавлено какое-то зелье, вроде сонного. Эти снадобья, как правило, не безвкусны, их не скрыть в еде или в воде, но зато в вине могут остаться незамеченными.

– Интересно, что им от нас надо?

– Боюсь, что все дело в самом обычном грабеже – деньги, знаете ли, никогда лишними не бывают. Вот и Ярли упоминала о том, что в свое время тут у контрабандистов грузы пропадали без следа. В любом случае нам ни на что хорошее нам рассчитывать не стоит, и без дежурства в эту ночь нам никак не обойтись. Давайте договоримся так: первыми дежури́м мы с Лиз, а потом Дорен и Ярли. Если что-то покажется подозрительным, то спящих сразу же следует разбудить.

– Конечно...

Прошло несколько часов, на землю спустилась ночь, и за окном давно была сплошная темнота. Мы несколько раз подходили к окну, но в непроглядной темноте южной ночи не было видно ничего, что происходит снаружи. У нас в комнатке горела небольшая лампа, вернее, фитилек в ней всего лишь немного светился – с нас вполне хватало и такого света. Что же касается поселка, то там было тихо, ни огонька в окнах, ни шороха на улицах – можно подумать, что жители деревушки, все до единого, дружно легли спать. Надо же, а у нас в стране молодежь обычно по вечерам как раз и начинает гулять по улицам...

Ярли давно спала на кровати, Дорен пристроился на тростниковой циновке, лежащей на полу, а нам с Винсентом только и оставалось, что сидеть рядом на соседней кровати и переговариваться шепотом, произнося слова едва ли не в ухо друг другу. О чем мы говорили? Да о всякой ерунде. Он рассказывал мне забавные случаи

из своей жизни, причем у молодого человека оказалось неплохое чувство юмора, и рассказчиком он был отменным, так что я, слушая рассказы Винсента, только что не хохотала, уткнувшись лицом в подушку – увы, но шуметь было нельзя. Возможно, это глупо, но у меня уже давно не было так легко на душе, и не хотелось думать ни о чем дурном. Больше того: несмотря на дневную усталость, мне совсем не хотелось спать. И вообще, оказывается, это совсем неплохо – просто сидеть так вдвоем, в темноте, с неподдельным интересом слушая всякие глупости, которые в любое другое время сочла бы полным вздором. Более того: я не имела ничего против того, что Винсент приобнял меня за плечи – нет ничего плохого в том, что ты чувствуешь подле себя тепло человека, которого к тому же считаешь своим другом.

На какое-то мгновение мне вдруг вспомнился бывший муж. Надо же, а ведь мы с ним никогда не сидели просто так, смеясь и разговаривая о всякой ерунде. Конечно, у нас в семейной жизни были и неплохие моменты, но все же для полного счастья чего-то не хватало, возможно, именно таких минут, когда тебе просто настолько хорошо с кем-то находиться рядом, что невольно хочется продлить это время. С того времени, когда я оказалась в этой стране, у меня была возможность хорошо обдумать свою так и не сложившуюся семейную жизнь, и я с горечью осознала, что основная беда нашего с Воганом брака состояла в том, что один из нас любил, а второй всего лишь позволял себя любить. Понятно, что при таких обстоятельствах (как пишут в дамских романах) не стоит говорить о полной гармонии в семейной жизни и единении душ. Впрочем, о ком мне сейчас меньше всего хотелось думать – так это о своем неверном супруге, и очень надеюсь, что к этому времени он уже стал моим бывшим благоверным. Ну, а если по какому-то юридическому казусу мы с ним все еще состоим в браке, то после моего возвращения домой это недоразумение можно исправить очень быстро.

Меж тем Винсент начал рассказывать очередную забавную историю о самой обычной вороне, которая оказалась очень умной птицей, и умудрялась в одиночку доводить часовых при штабе едва ли не до белого каления. Слушая смешное повествование, я в очередной раз пыталась не расхохотаться, но Винсент внезапно умолк на полуслове.

– Это еще что такое?.. – вырвалось у него.

В первый момент я не поняла, что Винсент имеет в виду, но в следующее мгновение стало заметно, что браслет на руке молодого человека чуть светится зеленым светом. Ясно, что свет идет от того самого зеленого изумруда на серебряном браслете, который Винсент, не снимая, носил на руке. Пусть пока что свет был не очень ярким, но и без того понятно – неподалеку находится какое-то создание Темных Небес. Если же учесть, что зеленый свет постепенно становился чуть ярче, то было понятно – эта нечисть приближается к нам.

Первое, что мы сделали – это разбудили Ярли и Дорена, а вместе с тем чуть прибавили света в нашей масляной лампе. Конечно, в темноте по-прежнему было плохо видно, но не хотелось, чтоб кто-то заметил, как постояльцы зажигают свет.

– Интересно, кто в этот раз пожаловал по наши души?.. – пробурчал Дорен.

– А что, есть разница?.. – покосился Винсент.

– Как сказать... Просто не помешало бы знать, что за твари тут обитают, в этой тихой деревушке.

– Знаешь, ты, пожалуй, прав... – Винсент снял с руки браслет, и сунул его под подушку, после чего положил туда же и вторую подушку – зеленый свет немного проникал даже сквозь птичье перо, которым были набиты подушки. – Попробуем выяснить, кто эта очередная пакость, и что ей от нас надо.

– Так ведь темно же!

– У нас с Лиз глаза к полутьме привыкли, вскоре и вы начнете различать окружающее.

Мы сидели тихо, пытаясь расслышать хоть что-то. Кажется, все тихо, но ведь камень просто так светиться не будет – это мы уже поняли. Пока что ничего не происходило, но внезапно мне показалось, будто моего плеча кто-то легонько коснулся. Это было почти невесомое прикосновение, и в любое другое время я бы его ни за что не уловила, но сейчас мои чувства были невероятно обострены.

– Кто здесь?.. – чуть дрогнувшим голосом спросила я, и в тот же миг, как мы и договаривались, Ярли включила нашу масляную лампу на полную мощность, и этот слабый свет показался нам очень ярким. А еще мы увидели, что под потолком, в воздухе, висит полупрозрачное существо, чем-то смахивающее на морскую медузу,

только вот размерами это полупрозрачное существо занимало едва ли не половину потолка. Вдобавок ко всему с этой... медузы свешивалась целая бахрома длинных бесцветных нитей, которые тянулись к нам, и именно одна из них и коснулась меня. Не понимаю, откуда здесь могло взяться столь странное создание, хотя от тех, кого создали Темные Небеса, можно ожидать что угодно!

Меж тем Винсент не стал терять время понапрасну, выхватил из-под подушки браслет, на котором изумруд сиял чистым зеленым светом. При виде камня медуза просто-таки шарахнулась в сторону, а Винсент вдруг совершил невероятное – швырнул в это создание серебряный браслет с сияющим изумрудом. Все последующее произошло очень быстро: едва камень коснулся полупрозрачного существа, как мы услышали то ли вой, то ли стон, а в этой самой медузе, там, где ее коснулся зеленый камень, появилась дыра с оплавленными черными краями. Вдобавок ко всему мы все ощутили на редкость отвратительный запах горячей плоти, перехватывающий дыхание и вызывающий резь в глазах.

Браслет, нанеся неизвестному созданию немалый урон, упал на пол, и я всего лишь на мгновение отвлеклась, чтоб посмотреть на сияющий изумруд, а когда вновь подняла глаза, но поняла, что этой так называемой медузы в комнате больше нет. Куда она пропала – я не знаю, может, прошла сквозь стены, или просочилась в какую-то щель, да, впрочем, какая разница? Главное, что волшебный изумруд снова спас нас, и прогнал это более чем непонятное существо.

– Это что за дрянь такая была?.. – Дорен перевел дух. – И откуда она тут взялась?

– Я о таком создании никогда не слышала... – растерянно проговорила Ярли.

– Мы вообще о многом ранее слыхом не слыхивали, и уж тем более видом не видывали... – Винсент поднял браслет с пола, и я увидела, что сияние камня стало понемногу уменьшаться. – Кажется, наш ночной гость куда-то удаляется... Конечно, можно предположить, что это существо забрело в нашу комнату по ошибке, но мне в подобное что-то плохо верится. Наверняка эту полупрозрачную дрянь натравили прямо на нас. Может, нам окно хоть немного приоткрыть, а не то от этого отвратительного запаха меня вот-вот стошнит. Хотя, как я понял, окно заделано наглухо, его никак не открыть... Лиз, ты чего за плечо хватаешься?

– До меня, вернее, до моего плеча эта медуза дотронулась, или как там ее правильно звать. Вначале я ничего не ощущала, а сейчас жечь начинает, причем довольно ощутимо.

– Показывай плечо!

– Не стоит...

– А я говорю – показывай! Сейчас нам не до стеснения, церемоний и расшаркиваний...

Как оказалось, у меня на плече появилось пятно, словно от самого настоящего ожога. К тому же оно довольно ощутимо болело, так, словно меня, и верно, прижгли чем-то раскаленным. Ничего себе – уж если у меня через одежду появилось такое ранение, то не хочется даже думать о том, что могло произойти, если б эта медуза (или как там ее правильно называть) прямо коснулась моей кожи своим щупальцем.

Пока Ярли, охая, промывала мою рану водой, Дорен стоял у дверей, а Винсент смотрел в оконце. Кажется, к нам пока что никто не идет, но это ничего не значит. Мы уже слышали какой-то шум, и до нас донеслись встревоженные голоса, но нас пока никто не тревожил. Остается ждать развития событий.

Через четверть часа кто-то подошел к нашим дверям, и попытался, было, открыть замок, но ничего не получилось – с нашей стороны в замке был вставлен ключ, и вытолкнуть его было невозможно. Спустя еще какое-то время в дверь постучали, и Ярли сонным голосом поинтересовалась, кто это будит людей посреди ночи, на что ей ответили, что просто интересуются, все ли в порядке у постояльцев, а не то, дескать, хозяину послышался какой-то шум из нашей комнаты. И вот, так сказать, хозяин интересуется, проявляет заботу о гостях... В ответ Ярли ответила, что у нас все в порядке, и беспокоить нас не стоит, потому как все спят после долгого дня пути. После этого визитер удалился, хотя кто его знает – мог и остаться неподалеку, наблюдать за дверью.

Нам же оставалось только дожидаться утра. Было решено, что уходить будем, как только чуть рассветет, и хорошо бы уйти не через дверь, а в окно – вряд ли нас кто-то будет ждать внизу. К сожалению, окно не открывалось, так что хочется нам того, или нет, но надо идти самым обычным путем.

Как только небо чуть посветлело, мы вышли из комнаты. По

счастью, в коридоре не было никого, но когда мы спустились в обеденный зал, то там, помимо хозяина, находилось несколько мужчин, вид у которых был весьма мрачный. Похоже, сегодня здесь у многих бессонница. Что же касается того мужчины, что вчера разговаривал с нами, то среди присутствующих его не было, но увиденная картина все одно никак не радовала: двое из крепких молодцев сидели у дверей, и было понятно, что просто так нам выйти не дадут. Ладно, пока что попробует взять нахальством – зря, что ли, мы придумывали, как отсюда можно уйти без потерь.

– Хозяин... – заговорила Ярли. – Хозяин, мы уходим, но есть не будем.

– А что это вы с голодным животом в путь отправляетесь?.. – подал голос один из мужчин, постукивая о ладонь тяжелой палкой внушительного вида, а его сосед перекидывал из рук в руку нож немалых размеров. Да, поведение весьма демонстративное. Тут не надо быть излишне прозорливым человеком, чтоб понять то, что нам хотят сказать.

– Так положено... – вздохнула Ярли, и кивнула на Винсента, который по-прежнему сохранял молчание. – Знаете, кто этот человек? Один из тех, кто в нашей стране берется с колдовством, насылаемым на наши головы Темными Небесами, и когда он в очередной раз убивает какую-то чародейную тварь, то после этого он обязан поститься целый день. Да вы должны были слышать о таких людях!

– Колдун, что ли?.. – в голосе мужчины была слышна небольшая растерянность.

– Что вы, он как раз из числа праведников, которых охраняет Всевышний... – замахала руками Ярли, и повернулась к хозяину постоянного двора, который растерянно смотрел на нас. – Знаете, ночью у нас в комнате оказалось какое-то странное существо, и нашему спутнику пришлось прогнать этого незваного гостя. Возможно, он поступил с этим созданием довольно грубо, но иначе было нельзя – оно вздумало напасть на нас.

– Чего-чего?.. – кажется, такое мужчина никак не ожидал услышать.

– Я говорю, что наш сон был прерван, и чтоб прогнать летающую тварь нашему товарищу пришлось нарушить обет молчания, и теперь он не знает, как отмолить свой грех у Святой

Фатуш.

– Вот как... – промямлил хозяин, который не знал, что тут можно еще сказать. Впрочем, у остальных мужчин лица тоже были ошарашенные.

– И как же ваш приятель расправился с тем существом, которое вас побеспокоило?.. – как видно, нашего собеседника очень интересовал этот вопрос.

– Как всегда... – пожала плечами Ярли. – Кудесники могут вершить то, что нашему разуму недоступно.

Ответом было молчание, мужчины лишь переглядывались между собой, не зная, что тут можно сказать, но желания напасть на нас у них явно поубавилось.

– Это, конечно, не наше дело... – продолжала девушка. – Только вот вам не помешало бы пригласить сюда священника, чтоб он изгнал тех существ, которые могут мешать благостности и праведной жизни. А теперь мы покидаем ваш дом, и надеемся, что благословление нашего святого человека принесет вам всем богатство и процветание.

Винсент, сохраняя на лице отсутствующее выражение, поднял вверх руки, и делал несколько непонятных пассов, после чего направился к дверям, а мы пошли вслед за ним. Задерживать нас никто не стал, и мы без проблем покинули постоянный двор. Сейчас нам надо поскорей покинуть этот поселок – здесь не то место, где хочется остаться надолго.

Из рыбацкой деревушки мы направились быстрым шагом. Надо поторапливаться, тем более, что, по словам Суада, от этого селения до Аяса всего несколько часов пути. Это, конечно, хорошо, только вот боюсь, боюсь, что здешние «доброжелатели» нас так просто не отстанут, наверняка отправятся вслед за нами.

Так оно и произошло, во всяком случае, не прошло и часа, как наши спутники, то и дело оглядываясь назад, увидели, что следом за нами идут, вернее, бегут, двое. Что-то немного людей отправили вслед за нами, здесь что-то наверняка не так. Естественно, мы никого не дожидались, но эти двое, почти что, добежав до нас, упали перед нами на колени, умоляя взять с собой в город – дескать, сами они пойти туда не рискнут, но со святыми людьми, то есть с нами, им ничего не страшно. По виду это были обычные рыбаки, и не похоже, чтоб в их старой одежде было спрятано хоть какое-то оружие.

Конечно, такие спутники в дорогу нам никак не нужны, но и гнать прочь этих людей смысла нет, лучше уж держать их при себе, пусть и на некотором отдалении.

Постоянно оглядываясь во время пути, мужчины говорили, перебивая друг друга, рассказывая все, что происходило в рыбацкой деревушке, и вскоре нам стало понятно, что произошло в поселке с названием Ташет. Оказывается, несколько лет назад в поселок вернулся один из жителей – он и раньше был не в ладах с законом, оттого и удрал на чужбину, спасаясь от заслуженного наказания. Не один год этот человек бродил невесть где, а потом вернулся, и не с пустыми руками. Оказывается, он привез с собой в большом кувшине некое ужасное создание, похожее на медузу, и убивающее одними своими прикосновениями. К тому же полупрозрачной существо слушалось только его одного – как позже выяснилось, это был дар какого-то колдуна из дальних стран за оказанную услугу. По внешнему виду существо представляло собой сгусток какого-то полупрозрачного вещества, но этот «сгусток» выполнял команды только одного человека – своего хозяина. Думаю, излишне упоминать, что этим умельцем был тот самый мужичина, который вчера пытался вести с нами беседы.

Как следует запугав своей медузой всех жителей поселка (те, кто не боялся, или же пытался возражать – всех находили мертвыми) мужичина подчинил своей власти всех и вся в округе, его боялись и поневоле служили – знали, что будет как за неповиновение, так и за излишне длинный язык. Все остальное было просто: при помощи этой самой «медузы» на дороге стали грабить всех, у кого были с собой деньги или дорогой груз. Убивать людей при помощи послушной твари было несложно, тем более что никто не пачкал свои руки кровавыми убийствами, деньги в карман текли ручейком, а тела убитых закапывали на пустыре. Единственной проблемой для хозяина это полупрозрачной твари было лишь то, что она могла выходить из своего кувшина лишь ночью, или же в полной темноте, а под солнечным светом легко могла погибнуть. Так что те, кто проходил по дороге днем, могли не опасаться за свою жизнь и свое имущество, а вот насчет тех, кто останавливался в этих местах на ночлег, такого сказать было нельзя. Кроме того, как бы люди, живущие в округе, не были запуганы, и держали язык за зубами, боясь сказать хоть одно лишнее слово, но постепенно стали распространяться дурные слухи об этих местах, пусть даже у

стражников не было ни одной зацепки насчет того, что же в действительности происходит в этих краях.

А сегодняшней ночью все изменилось. Присмотрев очередные жертвы, мужчина отправил свою полупрозрачную тварь туда, где остановились эти люди, но что-то пошло не так. Вновь появившись перед своим хозяином, медуза в ярости набросилась на него, а заодно и на нескольких человек, кто в тот момент был рядом с ним. Погибли все, кто не сумел спрятаться, а потом сдохла и сама медуза, растекшись грязной лужицей, но еще до того стало понятно, что кто-то всерьез поранил эту тварь. Немногим позже стало известно, что ее убил праведник, который шел на поклонение Святой Фатуш, и тронуть этого человека никто не посмел – как бы хуже не обернулось, потому как Всевышний накажет виновного в смерти праведника, который умеет сражаться с созданиями Темных Небес...

Что сейчас творится в поселке? Да там сейчас просто как разворошенный термитник! Одни забирают припрятанные деньги и собираются бежать, другие молятся, третьи собираются уезжать, но все без исключения почувствовали огромное облегчение – все же жить годами под страхом смерти очень тяжело! Ну, а эти двое направились в город под нашей защитой – мол, там у нас свои дела, не спрашивайте какие!.. Впрочем, все стало понятно из их обмолвок: когда-то стражники обещали хорошие деньги тому, кто расскажет о том, что происходит в Ташете, только вот желающих откровенничать не нашлось. Сейчас же эти двое рыбаков (у которых, как я поняла, в кармане нет ни монеты, и в поселке считаются едва ли не последними бедняками), решили первыми придти в город, вернее, к стражникам, рассказать правду и получить обещанную награду. Что ж, каждый выживает, как умеет...

Слушая рассказ рыбаков, мы и сами не заметили, как преодолели расстояние до Аяса. Обычный портовый город – вначале идут небогатые хибарки бедняков, затем дойма побогаче... Что касается рыбаков, то придя в город, они явно воспрянули духом, а через какое-то время и вовсе ушли от нас под благовидным предлогом – все верно, не делить же обещанную награду с нами!

– Ну, наконец-то, думал, не выдержу!.. – Дорен вытер пот со лба. – Так хотел этих двоих кое о чем расспросить, но был вынужден молчать, изображая паломника. Даже не знал, что это так трудно – молчать несколько часов подряд! У нас в полку один из офицеров

говорил, что когда поссорится с женой, то она молчит по несколько дней, и это здорово действует ему на нервы! Увы, но тогда я не понимал, что это такое! Если мы с ним еще раз встретимся, то посочувствую бедняге!

– Куда мы сейчас?.. – спросила я.

– В порт... – Винсент оглянулся по сторонам. – Надеюсь, нам хотя бы сейчас удастся покинуть эту страну.

А уж как я то на это надеюсь!..

Глава 19

Как бы нам ни хотелось первым делом отправиться в порт, все же пришлось набраться терпения, и пройти по нескольким лавкам, в которых торговали старой одеждой, благо таких магазинчиков в этом портовом городе хватало. Для начала нам нужно было переодеться: что ни думай, а Винсент прав, говоря о том, что будет лучше, если внешне мы не станем отличаться от здешних обитателей. Хотя в этом городе хватало людей из разных мест и стран, но и городская стража не дремлет, у здешних служителей порядка глаз наметанный, так что нам желательно выглядеть как можно проще и незаметней.

В результате через час мы все были одеты в далеко не новую, выцветшую на солнце серо-зеленую полосатую одежду, сшитую из дешевых тканей. Почему мы выбрали именно такое одеяние? Так посоветовала Ярли (которая когда-то была в этих местах со своим отцом) – оказывается, именно так одеваются крестьяне в тех поселках, что находятся в глубине страны, и потому для нас сейчас самое лучшее – это выглядеть столь же непрезентабельно. К тому же следует принять во внимание, что за молчаливыми деревенскими жителями стражники приглядывали вполглаза, потому что крестьяне, приезжая в город, делали все, чтоб не ввязаться ни в какие неприятные истории, и вообще старались как можно быстрее покинуть Аяс, который считали едва ли не рассадником всех пороков на земле. Наверное, потому приезжие селяне всегда держатся несколько отстраненно, ходят небольшой толпой, боясь отстать от своих спутников, да еще и все свои вещи при себе таскают, боясь оставить их без присмотра на постоялом дворе. А уж если принять во внимание, что у здешних крестьян принято закрывать лицо краем головного убора, внешне напоминающего намотанную на голову косынку, то лучшей маскировки для нас придумать просто невозможно.

Именно в таком виде мы и добрались до порта, не привлекая к себе излишнего внимания – а что такого, приехали люди из глубинки по каким-то своим делам, оглядываются по сторонам с растерянным видом, боятся города и стараются держаться поближе друг к другу... Эка невидаль, деревенских недотеп тут хватает, все время в город

лезут из своей глуши, считая свой приезд сюда едва ли не величайшим риском для своей жизни! Так что не стоит лишний раз глядеть на этих недалеких провинциалов: подумают еще невесть что, шум до Небес поднимут, а то и к стражникам побегут жаловаться – дескать, за нами кто-то следит, не иначе, обокрасть хотят, и ваше дело нас защитить, какие-то меры принять, чтоб от нас всякие подозрительные люди отвязались!..

Нам повезло – оказывается, в порту стояло аж два корабля из нашей страны, правда, как выяснилось, один из них намеревается отойти от причала завтра днем, а второй – через четыре дня. Более того: капитан «Белого дельфина» – того судна, что собирается покинуть порт завтра днем, оказался в своей каюте, и ничего не имел против того, чтоб взять на борт нескольких пассажиров, так что договориться о проезде Винсенту удалось быстро. Как ему было сказано – завтра в полдень поднимайтесь на борт, и спустя четверть часа мы отходим от причала.

Правда, капитан запросил аванс, и за этим дело не стало. Конечно, было заметно, что его смущала наша потрепанная одежда, но несколько золотых монет враз прекратили все расспросы. Думаю, что за свою жизнь капитан успел насмотреться на самых разных пассажиров, так что наш неказистый внешний вид не должен его особо беспокоить.

– Что-то капитан на нас косился, когда ты положил перед ним четыре золотых... – заметил Дорен, когда мы отошли от корабля. – Похоже, глядя на нашу потрепанную одежду, он крепко сомневался в нашей платежеспособности.

– Ну, на свете много чего странного...

Конечно, это глупо, но лично мне чуть удивленный взгляд капитана отчего-то напомнил о графе де Сюгр, вернее, я вспомнила о более чем своеобразных поступках этого высокородного господина, про которые мне несколько раз рассказывала тетушка. Правда, сама я графа ни разу в жизни не видела, но, по словам тети Фелисии, это был довольно-таки состоятельный человек, находящийся в весьма преклонном возрасте, причем славился граф как большой оригинал и сумасброд. Правда, следует признать, что его чудачества частенько выходили за рамки приличий и здравого смысла, что списывали на преклонные лета этого человека, и его более чем странное чувство юмора. Например, одна из гм... шуток графа состояла в том, чтоб в

стоптанной обуви и старой рваной одежде (как говорят, там заплата была нашита на очередную заплату) придти в захудалую харчевню из числа тех, что похуже и победней. Там граф заказывал себе самый дешевый ужин, состоящий из каши на воде и куска хлеба, и при этом жаловался всем окружающим на дороговизну и безденежье, ругался со слугой из-за мелкой медной монетки, в которую ему обошелся ужин, а уходя, оставлял все тому же слуге «на чай» пару-тройку полновесных золотых монет. Говорят, те, кто видел эту сцену, долго не могли придти в себя от удивления, и в растерянности переводили взгляд с уходящего человека, одетого в рвань, на золото, блестевшее на столе.

На взгляд тети Фелисии (и в этом я была с ней полностью согласна) это была шутка несколько дурного тона, только вот объяснять это графу де Сюгр не имело смысла – он считал свои розыгрыши тонким и умным развлечением, а еще его невероятно забавляли растерянные и недоуменные лица людей, сидящих в зале. Как утверждал граф – дескать, просто не всем дано понять, насколько интересным и забавным могут быть подобные шутки! Ну, старый граф может считать потешным и необычным все, что придет ему в голову, но мнению тетушки, у некоторых представителей древних семейств, позволяющих себе близкородственные связи и гордящихся чистотой крови, подобная дурость отмечается не так и редко...

Интересно, с чего это мне вспомнились рассказы о шутнике-графе? Все последнее время я, по возможности, старалась лишний раз не думать о том, что когда-то было в моей жизни – просто боялась сглазить, да и просто не до того. Пожалуй, до той поры, пока я не окажусь на море, не стоит забивать свою голову лишним!..

Итак, дело сделано, но нам надо где-то отсидеться до завтрашнего дня, вернее, до того времени, когда корабль должен будет отправиться в путь – капитан велел подойти за час до отхода судна. Тут нам опять помогла Ярли – оказывается, в порту есть нечто вроде гостиницы под гордым названием «Летающий альбатрос». Заведение это, надо признать, не очень высокого пошиба для людей с не ахти каким толстым кошельком, но, тем не менее, считается довольно-таки неплохим местом, и там вполне можно снять комнатку на несколько дней. Разумеется, в порту имелась гостиница рангом повыше, и в ней, как правило, останавливаются богатые и состоятельные люди, только нам туда и соваться не стоит – понятно, что бережливым и небогатым крестьянам номера в той гостинице не

по карману.

Без труда сняв небольшую комнатку, спустились в обеденный зал, и присев за маленький стол в углу, заказали ужин. После дороги и бессонной ночи больше всего хотелось спать, так что надолго в этом шумном зале мы не стали задерживаться. На нас никто не обращал ни малейшего внимания, и это было именно то, что нам нужно.

Ночь прошла спокойно, нас никто не побеспокоил, и мы особо не торопились выходить из комнаты, тем более что у нас оставалось немало времени до полудня, когда «Белый дельфин» намеревался отойти от причала. Тем не менее, спать особо не хотелось – у каждого из нас в голове было только одно – побыстрее бы оказаться на корабле, который доставит нас на родину! Наверное, момент, когда я увижу удаляющийся берег, станет одним из самых счастливых в моей жизни.

Стараясь не думать о том, что вскоре нам, наконец-то, удастся покинуть эту страну, мы направились в обеденный зал. Уже с раннего утра тут было многолюдно и шумно, что неудивительно, если принять во внимание, что кормили здесь сравнительно неплохо (хотя и безо всяких изысков), да и цены для большинства людей были вполне приемлемы.

Усевшись в уголке большого зала, мы без спешки расправлялись с простой едой, до моего слуха внезапно донеслось слово – Ташет. Если честно, то услышав название поселка, из которого мы вчера ушли, я едва не подавилась. Это еще что такое? А может, мне это только послышалось? Нет, его повторили еще раз, и, кажется, об этом поселке говорят четверо мужчин, что сидят неподалеку от нас, только вот услышать их разговор почти невозможно – в зале шумно, и до нас долетают только отдельные слова.

– Вы слышали?.. – спросил Винсент. – Мне кажется, я услышал слово Ташет...

– Мне тоже так кажется... – упавшим голосом сказала я.

– Лично я ничего такого не слышал... – замотал головой Дорен.

Словно отвечая на наши слова, в зале появились трое стражников. Не торопясь, они несколько раз прошли по обеденному залу, рассматривая сидящих людей и едва не заглядывая в тарелки. Возможно, в Аясе такие проверки – это самое обычное

дело, но мне стало не по себе, и я лишь глубже склонилась над своей широкой треснувшей чашкой, в которой была жидкая каша. Невольно подумалось о том, что мы поступили правильно, заказав здесь ту еду, которую купили бы экономные крестьяне – конечно, хотелось бы чего повкусней, только вот для сельских жителей цена на плов или пирожки с мясом покажется если не заоблачной, то чем-то вроде того, и покупать такие дорогие яства они не станут.

Не только я, но и вся наша четверка словно чуть съежилась под пристальными взглядами служителей закона, и, кажется, именно это произвело на стражников нужное впечатление – они увидели перед собой обычную деревенщину, которая трясется от страха при виде внезапно появившихся служивых. Как правило, так себя и ведут крестьяне, приехавшие в шумный город из своего глухого поселка, а в тех местах появление хотя бы одного стражника означает неприятности для многих.

Мы перевели дух только после того, когда служители закона, наконец, покинули обеденный зал, перед тем сказав что-то хозяину и слугам. Теперь, похоже, и нам можно уходить, только вот не будет ли это выглядеть подозрительно? Пожалуй, стоит подождать еще немного, и лишь потом вставать из-за стола. Скорей всего, стражники просто совершают свой обязательный обход, только вот нам все равно как-то не по себе.

Однако когда мы еще только собирались встать, к нам подошел немолодой слуга с вопросом:

– Будете еще что-то заказывать?

В голосе мужчины были чуть слышны усталость и раздражение, и его можно понять: сидят тут четверо крестьян (то есть мы), заказали себе только кашу, хлеб и чай, так что от этих жмотов, кроме стоимости заказа, можно сверх того не ожидать ни медяшки. Крестьяне вообще народ скупой, сверху ни монетки не подкинут, зато уселись тут, место занимают, и уходить не собираются...

– Нет, не будем... – покачала головой Ярли, положив на стол три медные монеты. Вообще-то за еду было достаточно и двух монет, а потому слуга решил, что женщина просто ошиблась, только вот поправлять ее он вовсе не собирался, а просто забрал деньги со стола. Явно лишнюю монету себе прикарманит, а может, и две, зато, хочется надеяться, станет добрей. – Почтенный, уж вы меня

простите, но почему стражники ходят по залу, да еще и в лица смотрят? У нас в деревне такое обращение не принято, а заглядывать в лицо женщине – это вообще грех. Что-то случилось, раз стражники нарушают заповеди предков?

– А то!.. – вообще-то слуге надо было идти, но иногда можно и поговорить, тем более что есть новость, которую можно сообщить другим. Слуга и сам узнал ее не так давно, и теперь ему хотелось с кем-то поделиться тем, что ему сказали. – Ищут четверых преступников, они в наш город недавно пожаловали. Вот и проверяют все гостиницы и постоялые дворы.

– И что такого они натворили, раз их так усиленно ищут?

– Чего не знаю – того не знаю. Нам лишь сказали, что они в соседнем городе настолько лихо пошумели, что за их головы назначена хорошая награда. Понятно, что за просто так, или за какое-то пустяковое нарушение большие деньги давать не будут, а значит, это какие-то головорезы. Говорят, их долго ловили, но они все одно умудрились удрать, и, как видно, решили пойти в наш город.

– И откуда об этом стало известно?

– Когда эти четверо в Аяс направлялись, то в поселке под названием Ташет они убили одного из тамошних жителей, знающего с темными силами. Вот люди из того рыбацкого поселка и прибежали в наш город, сообщили о том, что произошло, а заодно сказали и о том, кто расправился с отступником, сошедшим с праведного пути...

Вот и помогай после этого людям!.. – подумалось мне. Двое рыбаков из деревушки под названием Ташет увязались за нами в надежде как можно скорей добраться до города. Вообще-то уже тогда можно было предположить, чем нам это может грозить, но отвязаться от прилипчивой парочки все одно не представлялось никакой возможности. В итоге все произошло именно так, как мы и опасались: когда двое обитателей Ташета оказались в городе, то они первым делом бросились к стражникам с рассказом о том, что произошло в их поселке. Ну, а стража, выслушав рассказ рыбаков, сопоставила наши хм... портреты с приметами тех людей, кого повсюду разыскивают в другом городе за серьезные преступления, и сделала определенные выводы – как видно, наши приметы разосланы во многие места, к поискам привлечено немало людей, и никто не

собирается прекращать охоту на обидчиков турегов.

– Так они еще и чудодеи, раз сумели расправиться с колдуном?..
– Ярли осенила себя знаком, отпугивающим нечисть. – О, храни нас Всевышний от страшных дел неправедных людей, и сохрани наши души под своей ладонью!

– Не знаю... – пожал плечами слуга. – Может, эти люди знают с темными силами, а может, им просто повезло расправиться с колдуном и ускользнуть от стражи.

– А как узнали, что они в Аяс пришли?

– Так вместе с ними из Ташета двое тамошних жителей заявили, чтоб сообщить, что произошло. В том рыбацком поселке давно кто-то подозрительными делами занимался, с нечистью знал, только прихватить этого человека было не на чем, да и тамошние жители колдуна боялись, никому о нем не говорили, а сейчас, когда того убили, то можно уже ничего не скрывать. Вот потому-то сейчас немало стражников нашего города отправилась в Ташет, чтоб разобраться, что там произошло – все ж дело с колдовством связано!, а оставшиеся в Аясе стражи по всем подозрительным местам ищут этих четверых, благо имеются приметы преступников.

– И когда вам обо всем этом стало известно?

– Да сейчас об этом уже многие знают! Нам про то знакомый стражник еще утром рассказал, а сейчас, сами видели, наши служители закона едва ли не по углам рыщут, ищут этих преступников. Все же награда за них обещана немалая.

– Так эти люди, наверное, уже из города ушли!

– Может, и ушли... – не стал спорить слуга. – А может, рассчитывают здесь затеряться. Только наши стражники свое дело хорошо знают, и если говорят, что эти люди еще в городе, то, значит, так оно и есть.

Слуга отошел, да и нам пора собираться. Да, ничего не скажешь, быстро новости разносятся по городу! Ох, кажется, рановато мы почувствовали себя в безопасности, все еще далеко не кончено.

Первым делом нам надо было посмотреть на «Белого дельфина», то есть на то судно, капитан которого обещал доставить нас домой, благо идти до корабля было не очень далеко. Может, нам уже сейчас разрешат зайти на него? Пожалуй, для нас так будет лучше и

спокойней.

Среди толпы, которой всегда хватало возле причалов, мы, особо не торопясь, прошлись прогулочным шагом какое-то расстояние, потом повернули назад. Кажется, все спокойно, только возле «Белого дельфина» скучал какой-то стражник. Возможно, этот человек скоро уйдет, но вполне может оказаться и так, что к нему подойдет подкрепление...

– Все в порядке?.. – спросила я наших спутников, надеясь на положительный ответ.

– Если бы... – пробурчал Винсент. – Смотрите: три судна уже готовы уйти, но сделать это им не дают – похоже, стража самым тщательным образом обыскивает корабли. Слышите, какая ругань раздается на палубе? Не исключая, что там нашли беспощинные товары... У трапа каждого из этих судов стоит по стражу порядка... Возможно, ищут не нас, но, тем не менее, соваться на «Белого дельфина» нам сейчас не стоит.

После таких слов я почувствовала, что вот-вот зарыдаю. Кажется, рушатся все мои надежды на возвращение домой. Неужели нам снова не повезло, и придется вновь смотреть на то, как корабль отходит от причала, но, увы, без нас...

– Что ж нам так не везет?.. – Дорен озвучил то, о чем сейчас думал каждый из нас. – Значит, опять все впустую?

– Разумеется, мы можем выждать какое-то время, затаиться в какой-нибудь дешевой каморке, и, если повезет, отправиться в нашу страну на том корабле, который собирается уйти отсюда через четыре дня... – мрачно уронил Винсент. – Беда в том, что в нашем нынешнем положении эти четыре дня, боюсь, продержаться мы не сможем, тем более что здешняя стража, как нам и говорил слуга в гостинице, свое дело знает неплохо. Нам пока что везет – потрепанная крестьянская одежда в какой-то мере спасает нас, и стражники особо не всматриваются в бедных селян, но долго это продолжаться не может.

– Так что же делать?.. – выдохнула я, стараясь удержать слезы.

– Пока не знаю, но можно попробовать пойти по самому простому пути... – Винсент посмотрел на Ярли. – Нам бы надо купить чернила и бумагу. Сможешь?

– Да.

Должна сказать, что в здешних местах чернила и бумага считаются дорогим товаром для знати и чиновников, а потому продаются не в каждой лавчонке. Понятно, что если крестьянка будет приобретать столь дорогой товар, то это поневоле привлечет ненужное внимание, и позже продавцы будут рассказывать о том, что какая-то бедно одетая селянка из дальней деревни вздумала покупать то, до чего ей не должно быть никакого дела. Что ни говори, а в этой стране для подавляющего большинства живущих здесь людей все письма, просьбы, сообщения и прочие послания – все это (разумеется, не бесплатно) по просьбе того или иного человека составляли писцы, сидящие в особых местах на площадях или возле храмов. Впрочем, в моей родной стране грамоту знали тоже далеко не все.

– А зачем тебе все это надо?.. – не понял Дорен. – Ты вроде никогда не любил заниматься писаниной, и сейчас не время для нежных посланий.

– Не задавай глупых вопросов... – отмахнулся Винсент. – Лучше иди с Ярли, а не то ей одной не продадут ни пузырька с чернилами, ни листа бумаги. Совсем другое дело, если рядом с ней будет мужчина.

– Так это я завсегда, пожалуйста!.. – Дорен старался бодриться. – Никогда не прочь прогуляться с красивой девушкой, пусть даже всего лишь до магазинчика!

Лавку, в которой торговали писчими принадлежностями, мы отыскали через четверть часа, и Ярли с Дореном зашли в этот небольшой магазинчик. Стоя неподалеку от входа, мы с Винсентом слушали, как Ярли долго и нудно объясняет приказчику: они, де, с мужем приехали в город из своей деревни к больной тете, у которой со здоровьем в последнее время стало совсем плохо, боимся, как бы ни померла. Сами понимаете, какое это будет горе для семьи!.. А еще перед их отъездом староста деревни велел привезти ему из города бумагу, писчие перья и чернила – дескать, это ему нужно для разных важных дел, потому как их староста умеет читать и писать, ведь он ученый человек! Вот мы и просим вас, уважаемый, продать нам то, что велел купить староста, потому как мы люди простые, и можем приобрести совсем не то, а ведь этот товар денег стоит, которые нам так тяжело достаются...

Сама покупка не заняла много времени, потому что приказчик и

сам хотел как можно быстрее выставить из лавочки деревенских раззяв. Его можно понять: мало того, что прибыли особой от них нет, так еще и эта покупательница (то есть Ярли), узнав, что ей придется заплатить за покупку небольшую серебряную монету, только что за сердце не схватилась от ужаса – мол, почему так дорого?! Хорошо еще, что торговаться не стала! Одним словом – деревенские жители, здешних цен не знают, что с них взять...

– Ярли, ты умница!.. – у меня даже на сердце стало легче, когда мы все отошли от лавчонки.

– Госпожа, вы слишком добры!.. – девушка чуть покраснела от похвалы.

– Все, помалкиваем, идем в гостиницу, и внимательно смотрим по сторонам!.. – скомандовал Винсент. – Не хватало еще натолкнуться на человека с цепким взглядом, а такие тут наверняка имеются...

Когда же мы оказались в своем номере, то первым делом Винсент обратился ко мне:

– Лиз, ты хорошо пишешь?

– Думаю, да.

Еще бы я не умела! Если учесть то количество учителей, которые в доме тетушки ежедневно занимались с нами по многу часов подряд, то было бы удивительно, если б я не освоила письменность, причем на нескольких языках.

– Тогда ты сейчас напишешь письмо под мою диктовку.

– А почему бы тебе самому...

– Нет, что ты!.. – замахал руками Винсент, не дослушав меня. – С горечью должен признать, что почерк у меня скверный.

– Что, все настолько плохо?

– Увы, да. Эстетического удовольствия от моей писанины никто не получит. Стыдно в том признаться, но если бы ты видела мой почерк, то у тебя враз отпали бы все вопросы – те неровные строчки, которые я вывожу на бумаге, разобрать, конечно, можно, но для этого надо приложить немало усилий. На Дорена тоже можешь не смотреть – у него почерк еще хуже, чем у меня, хотя подобное почти невозможно, но, как говорят умные люди – нет предела

совершенству.

– Вот-вот... – усмехнулся Дорен. – Самому стыдно глядеть на собственные каракули – недаром мать сказала, что я пишу примерно так же, как курица лапой...

– Все ясно... – со вздохом сказала я, усаживаясь за стол. – Диктуй...

Письмо предназначалось для капитана «Белого дельфина». Если коротко, то в нем было сказано следующее: господин капитан, к вам обращается тот человек, который вчера просил вас отвезти его с друзьями на родину, и даже в счет этого оставил небольшой аванс. За короткое время, прошедшее с того времени, обстоятельства несколько изменились. Дело в том, что сейчас по всему городу идут обыски, и мы не исключаем, что ищут именно нас, хотя в действительности все обстоит не совсем так, как утверждает здешняя стража. Должны сказать, что мы всего лишь стремимся вернуться домой из плена, и потому просим вас о помощи. Конечно, господин капитан, вы имеете полное право отказаться, если не желаете брать на себя излишний риск, и если не считаете возможным подвергать свой экипаж ненужной опасности. Мы поймем ваш отказ, и более не станем вас беспокоить, но если вы все же решите оказать нам содействие, то для короткого разговора можно встретиться, и обсудить подробности, в том числе и то вознаграждение, которое вы посчитаете должным запросить за помощь и немалый риск. Понимаем, что у вас осталось совсем немного времени до принятия решения – через несколько часов «Белый дельфин» собирается отойти от причала, так что мы примем любой ваш выбор. Если же вы решитесь нам ответить, то ждем вас или в «Летящем альбатросе», или в любом другом месте по вашему выбору.

– Думаешь, капитан нам поможет?.. – поинтересовался Дорен.

– Он мне показался нормальным мужиком... – пожал плечами Винсент. – Конечно, от этого человека не стоит ожидать изысканных манер, но иногда подсознательно чувствуешь, кто стоит перед тобой. На мой взгляд, капитан человек слова... Лиз, дай-ка мне письмо, прочитаю, как ты записала то, что я говорил.

Однако когда в руках молодого человека оказался лист с текстом, он удивленно протянул:

– Ничего себе!

– Что случилось?.. – не поняла я. – Ты где-то нашел ошибку?

– Нет, ошибки тут точно быть не может... – похоже, что Винсент подбирает нужное слово. – Здесь другое... У меня просто слов нет!

– В чем дело?.. – подошел к нему Дорен.

– Смотри сам!.. – и Винсент протянул тому лист. – Ну, что скажешь?

– Вот это да!.. – Дорен даже с уважением посмотрел на меня. – Такого я точно не ожидал! Загляденье! Лиз, где ты так красиво писать научилась?

Так вот в чем дело! Я-то никак не могла понять, что так удивило моих спутников, а оказывается, причина была в моем почерке, которым я имела полное право гордиться. Тетя Фелисия считала, что для женщин нашего круга крайне важно не только воспитание, манеры и умение держаться, но не менее важен красивый почерк. Сама тетушка писала просто изумительно, и при взгляде на ее записки можно было понять, что это такое – настоящая высокая каллиграфия, которую способны повторить очень и очень немногие. Хуже другое: тетя Фелисия требовала столь же безупречного написания и от членов своей семьи, а потому наши многострадальные учителя потратили огромное количество сил и терпения, чтоб мы, их не очень прилежные ученики, достигли одобрения тети Фелисии. Сколько времени (точнее, лет) у меня ушло на эти нудные, выматывающие занятия с пером и бумагой – об этом лучше не вспоминать, но в конце моих тяжких мучений тетушка осталась если не полностью довольной результатами моих трудов, то сказала, что «это пусть и не идеально, но сравнительно неплохо». Ну, в устах тети Фелисии это была достаточно высокая оценка.

– У меня были хорошие учителя... – я не стала впадать в ненужные подробности.

– Лиз, я такую красоту вообще в первый раз вижу!.. – кажется, Дорен говорил совершенно искренне. – Вот это почерк, куда там художнику! Такое письмо надо в рамку вставить и на стенку повесить! Не поверишь, но глядя на то, как ты пишешь, я завидую белой завистью!

– Присоединяюсь!.. – подал голос и Винсент.

– Госпожа, как замечательно!.. – подала голос и Ярли, которая

через плечо Дорена смотрела на письмо.

– Да ну вас!.. – я даже немного растерялась от таких слов, но все одно мне было очень приятно искреннее восхищение. – Нашли время говорить не по делу!

Интересно, что бы сказали мои спутники, если бы я вздумала писать затейливым почерком, с завитушками и вензелями, как это принято на карточках с поздравлениями или приглашениями? Вот это действительно красиво, хотя излишняя наглядность и вычурность немного сбивают с текста и смысла.

А еще внезапно вспомнился дорогой супруг, которого почему-то невероятно выводили из себя любые мои записи, и я никак не могла понять, что же его так раздражает? Неужели он завидовал тому, насколько красиво я пишу? Вряд ли, хотя, если вдуматься, то Воган с детства во всем старался быть первым, и чужие успехи, какими бы они ни были, всегда выводили его из себя. Хм, надо же: раньше я считала такие поступки мужа чем-то очень непосредственным и искренним, а сейчас меня раздражают одни только воспоминания о них...

– Лиз права, не будем терять время!.. – скомандовал Винсент, свертывая письмо в трубочку, и обматывая его бечевкой. – Пошли на причал. Надеюсь, капитан на месте, да и где ему быть незадолго до отхода судна...

Мы снова отправились на причал, вернее, к судну под названием «Белый дельфин». Ничего не поменялось, стражник все так же стоял у корабля, без особого интереса наблюдая за толкотней на причале, благо народу тут хватало. Ясно и то, что уходить отсюда он не намерен. Каким бы полусонным и расслабленным не выглядел стражник, но он наверняка заметит тех, кто поднимается на борт «Белого дельфина», и в случае чего вызвать помощь ему ничего не стоит – вон, недаром на шее у стражника висит свисток, которым он, без сомнений, воспользуется при первой же необходимости.

Мы встали так, чтоб смешаться с небольшой толпой зевак, стоящей не очень далеко от «Белого дельфина». Собравшиеся смотрели на то, как от причала собирается отойти длинное узкое судно, борта которого были покрыты изображениями непонятных зверей, причем на некоторые из тех, более чем странных рисунков, не хотелось даже смотреть. Какой-то всезнайка из толпы рассказывал

окружающим о том, что в кое-каких южных странах принято рисовать чудовищ на бортах корабля – мол, считается, что это отпугивает от корабля морских хищников. Ну, не знаю как насчет морских обитателей, но лично на меня на эти цветные картинки (кстати, нарисованные не без таланта и кричаще-яркими красками) произвели довольно-таки угнетающее впечатление.

Тем временем Ярли, немного отойдя от нас, поманила к себе пальцем худого замызганного мальчишку лет десяти – таких ребятшек всегда хватает в порту, потому как тут у них есть возможность заработать мелкую монетку. Не знаю, что там ему говорила Ярли, кивая на «Белого дельфина», но мальчишка мотнул головой, забрал у Ярли свернутое в трубочку письмо и медную монету, после чего направился в сторону корабля. Когда же мальчишка, добравшись до «Белого дельфина», стал подниматься по трапу, то стражник, который кажется, дремал, враз пробудился ото сна и хотел прогнать парня вон, но тот помахал в воздухе свернутым листом – мол, я ж не просто так сюда иду, а по просьбе некой особы. Меня, дескать, к капитану послали, велели письмо отнести, так что нечего мне мешать – дело-то обычное, я таких посланий разным людям в день по десятку таскаю, не меньше, так что ты, дядя, не мешай мне зарабатывать...

Как мне сказали, именно таких вот парнишек здесь обычно нанимали для того, чтоб что-то отнести или же, наоборот, отсылали с мелкими поручениями, и потому стражник, чуть поколебавшись, махнул рукой – мол, иди, после чего парнишка враз оказался на палубе «Белого дельфина». Теперь нам оставалось только ждать.

Не знаю, сколько прошло времени (на мой взгляд, оно тянулось невероятно долго), когда мальчишка сбежал с трапа. Ну и хорошо, а не то к этому времени корабль с разрисованными бортами уже не только покинул место своей стоянки, но и отошел довольно далеко, так что толпа стала расходиться. Что касается парнишки, то он сразу же направился к Ярли.

– Слышь, ты... – заговорил он. – Твой ухажер сказал, что согласен на встречу. Говорит, скоро буду там, где договаривались.

– А что еще сказал?.. – спросила девушка, протягивая мальчишке монетку.

– Ничего он не говорил, злой был. Сопел только недовольно,

когда письмо читал, а потом сидел, сдвинув брови, да бурчал чего-то себе под нос. Чего, поссорилась с кавалером, что ли?

– Вроде того... – вздохнула Ярли. – Виновата была, теперь помириться хочу. Спасибо за помощь.

– Ладно, если что – зови. Могу еще раз сбегать...

Мальчишка убежал, а нам оставалось только ждать, и, по счастью, ожидание не было долгим. Не прошло и минуты, как с трапа сошел коренастый мужчина средних лет – капитан этого корабля. Он оглянулся по сторонам, а затем пошел туда, где находилась гостиница «Летящий альбатрос». А ведь мальчишка прав – капитан, и верно, сегодня выглядит очень хмурым, а недовольство, можно сказать, написано на его лице крупными буквами. Мы немного подождали, но более с корабля не сходил никто, так что наша четверка отправилась вслед за мужчиной.

Когда до гостиницы оставалось идти совсем немного, Винсент догнал капитана, и чуть тронул того за плечо.

– Я рад, что вы откликнулись на мое послание.

– Зато я не очень доволен... – капитан довольно неприязненно смотрел на молодого человека. – Скоро отход, у меня каждая минута на счету, так что не тратьте время понапрасну.

– Может, поговорим наедине, без свидетелей?

– Попробуем...

Когда же мы оказались в нашей комнатке, то капитан без приглашения сел за стол, и мрачно посмотрел на нас.

– Ну?

Н-да, особо разговорчивым человеком его не назвать. Однако и у нас не было желания заниматься долгими расшаркиваниями.

– Прежде всего, хочется сказать вам спасибо за то, что, несмотря на нехватку времени, вы откликнулись на наш зов... – начал, было, Винсент, но капитан перебил его.

– Мне нет дела до ваших сложностей и неприятностей, тем более что, похоже, именно из-за вас отход «Белого дельфина» будет задержан – мне было сказано, что кораблям запрещено уходить из порта до того времени, пока они не будут обысканы. Причиной всего

этого указано то, что разыскиваются опасные преступники. Кстати, их приметы очень совпадают с тем, что я сейчас вижу перед глазами.

– Однако вы все же согласились на встречу с нами.

– Верно. Не хотелось бы бросать соотечественников в беде, тем более что они просят о помощи. Тем не менее, за вашу поимку власти обещают хорошую награду, а ее просто так не дают. Сами понимаете: в сложности некоторых людей лучше не ввязываться, потому как впоследствии именно ты можешь отказаться виноватым. Проще говоря, вы – темные лошадки, а от таких я всегда старался держаться подальше. Так оно, знаете ли, спокойней и куда полезней для здоровья. Знаете, почему я здесь? Дело в вашем письме, вернее, в том, как оно написано. Я всего лишь раз в жизни видел такое красивое послание. Ясно, что это писал не простой человек, а раз так, то короткая беседа все же имеет смысл. И кто это у вас такой грамотный?

– Так вас что, заинтересовал автор?

– Может быть.

– Письмо писала я... – не думаю, что стоит скрывать очевидное.

– Хм... – в этом коротком звуке капитан выразил свое недоверие к моему высказыванию. Похоже, он был разочарован – вряд ли этот человек относится к числу женоненавистников, скорее, он не очень высоко ценит женский пол.

– Хорошо... – я уселась на колченогий табурет, взяла в руки перо и придвинула к себе пузырек с чернилами и лист бумаги, благо писчие принадлежности все еще оставались на столе. – Скажите, как вас звать?

– Хайтес. Капитан Хайрес.

– Понятно...

Я написала имя капитана на листе бумаги и протянула ему.

– Теперь верите, что письмо писала я?

Капитан взял лист, посмотрел на него, но ничего не сказал. Кажется, его сомнения все же никуда не ушли.

– А остальные так могут?

– Нет... – покачал головой Винсент. – Такими талантами мы не

обладаем.

– Погодите... – я вновь написала на еще одном листе имя капитана, только в этот раз добавила вензелей и завитушек, так, словно писала приглашение на торжественный прием. – Вот, возьмите. Ну, что скажете?

Капитан не менее минуты смотрел на свое имя, затем отложил лист в сторону.

– Н-да... Кажется, вы меня не обманываете. Я уже говорил вам, что только однажды видел, чтоб кто-то так писал, и это был высокородный господин, дальний родственник самого короля. Он тогда нанял меня для того, чтоб я доставил его в... В общем, неважно. А еще этот человек в дороге много писал, и вот тогда-то я и заметил, как он буквы выводит...

А капитан-то наш непрост! Скорей всего, если бы письмо было написано кем-то другим, вернее, не столь приметным почерком, то он не стал бы предпринимать никаких действий – время поджимает, да и по одному короткому посланию нельзя понять, с кем имеешь дело. Иногда лучше не связываться с непонятными людьми, потому как в итоге может выйти себе дороже. Похоже, прочитав мою эпистолу, капитан сообразил, что так хорошо поставленный почерк, которым написано письмо, может быть только у высокородного, а раз так, то можно рискнуть, попытаться договориться, ведь благодарность за помощь от таких людей может быть очень значимой.

– Наша спутница относится к высокородным, причем к одному из самых родовитых семейств страны... – вновь заговорил Винсент. – Уж извините, ее имя я вам пока что называть не буду. Ее похитили из дома в надежде на хороший выкуп, но она сумела сбежать. Что касается остальных – мы пленники, которые стремятся вернуться домой. Поверьте, если вы нам поможете, то в накладе не останетесь. Пятьдесят золотых получите сейчас, и пятьдесят после того, как мы окажемся на родном берегу.

Конечно, неплохо бы предложить капитану награду побольше, но у нас оставалось чуть больше ста золотых, так что приходилось исходить из того, что есть.

– Не исключаю, что оказавшись дома, мы можем увеличить стоимость нашего проезда... – сказала я. – Кстати, сейчас это тоже можно обсудить.

– Заманчиво... – пробурчал мужчина.

– Сами понимаете, что мы сейчас не в том положении, чтоб диктовать свои условия. Все зависит от вас.

– Понятно... – капитан помолчал. – Значит, вам нужно попасть на борт «Белого дельфина», но сделать это в данный момент совсем непросто. В любое другое время это не составило бы никого труда – вы просто зашли бы на палубу, и все. Но сейчас... Видели, возле «Белого дельфина» сидит подремывающий стражник? Если вы считаете, что он спит, то вы крепко ошибаетесь – это старый служака, а такие все видят и слышат. До того времени, пока мой корабль не придут обыскивать, этот человек с места не сдвинется, а если ему покажется что-то подозрительным, то враз подаст сигнал опасности.

– А если ему заплатить?

– Заплатить можно... – усмехнулся капитан. – Возьмет, не откажется, да еще и спасибо скажет, после чего сразу же сообщит о вашем появлении куда надо, благо свисток всегда при нем. Стражнику от всей этой истории двойная выгода – и деньги получит, и от начальства благодарность заимеет. Здесь, в Аясе, народ такой, что не отказывается ни от какой возможности заработать, а начальство, если человек верно служит, довольно снисходительно смотрит на такие дела, как мелкие взятки.

– Может, к вашему кораблю как-то подобраться на лодке...

– Хм, а вы вообще-то имеете представление, что такое порт? Это только неопытному взгляду кажется, что здесь шум и неразбериха, а на самом деле все и все видят и слышат. Думаете, все вокруг слепые и глухие, и ваше появление в воде или на лодке никто не заметит? Ага, как же! Если бы можно было дожждаться ночи, то в темноте есть реальная возможность пробраться палубу на «Белого дельфина», но при свете дня это невозможно.

– То есть нам надо дожждаться ночи?

– Не получится... – покачал головой капитан. – Я уже предупредил управление порта о том, когда мы уходим, и в какое время. Если я сообщу, что решил отложить отход, то это вызовет подозрения. Конечно, ситуации бывают разные, иногда, и верно, нужно задержаться, но в этом случае с «Белого дельфина» глаз не спустят.

– А обыскивают уходящие корабли очень тщательно?.. – спросила я.

– Конечно!.. – даже удивился капитан. – Здешние служивые – парни хваткие, ничего не упустят, тем более что Аяс – приграничный город, то есть стражи порядка научены искать контрабанду и находить тайники. Да и подозрительных личностей они отлавливают неплохо. Считайте, что вам крупно повезло, раз вы все еще на свободе. Кстати, рядом с «Белым дельфином» у причала стоял «Дорст»...

– Кто?

– Не кто, а что... – буркнул мужчина. – Вы наверняка видели судно с разрисованными бортами (руки бы оторвать тому мазилю, который пачкал красками борта судна). Так вот, «Дорст» собирался отойти еще два часа назад, но вынужден был задержаться – корабль обыскивали со всем тщанием все по той же причине – ищут четверых преступников, то есть вас. Между прочим, на «Дорсте» что-то умудрились найти – то ли беспошлинный товар, то ли не задекларированный, а может, и контрабанду отыскали... Ну, при желании можно откопать много чего. Наверняка изъяли все, да еще и штраф наложили! В общем, если бы вы слышали, как ругался капитан «Дорста»!.. Скажем так – его слова можно было понять и без перевода.

– Может, нам стоит отойти от порта на лодке, и вы нас потом поднимете на борт?

– Перестаньте... – поморщился капитан. – Это уже из области мечтаний. Думаете, стражники не предупредили лодочников о том, что кое-кого ищут? Как бы ни так! Ну, а лодочники сразу сообщение стражникам пошлют – как правило, не находится желающих отказываться от награды. Конечно, много им не достанется, но лучше хоть что-то, чем совсем ничего. Вы далеко от берега отойти не сумеете, как вас прихватят...

Мне вспомнился Суад, тот рыбак, с которым мы оказались на Темном Утесе. Да, так все и было – он нам и отказывать не стал, и сына к стражникам с сообщением послал. Пожалуй, эту историю повторять не стоит...

Меж тем капитан продолжал:

– Ну, предположим, умудритесь вы нанять лодочника, выйдете в

море, будете ждать меня в сравнительно безопасном месте, где-нибудь в море... Ну, подниму я вас на борт... Думаете, лодочник по возвращению на берег будет молчать о том, кого и куда вез? Сразу же говорю – на это можно не рассчитывать, и к тому же в этом случае велика вероятность погони – уж раз вас так усиленно ищут, то могут не поскупиться отправить вслед патрульное суденышко, благо их тут хватает, а беглые корабли тут останавливают весьма грубым способом. Ладно, допустим, нам удалось уйти, вы оказались дома, а вот мне с той поры в эту страну лучше не соваться – если не арестуют сразу же, то в качестве компенсации отберут все, вместе с «Белым дельфином». Вот и подумайте сами – зачем мне такая головная боль? Сто золотых – деньги хорошие, кто ж спорит!, но в итоге я могу потерять много больше.

– Если я правильно понял, вы нам отказываете?.. – поинтересовался Винсент.

– Мне бы этого не хотелось... – вздохнул капитан. – Признаюсь честно: сегодняшний рейс не принесет мне больших денег, он всего лишь покроет убытки и оплату команды, так что, то золото, которые вы мне предлагаете – для меня это может быть решением многих проблем. Тем не менее, вы задали мне серьезную задачку, и ее надо каким-то образом решать, причем нам надо торопиться – мне необходимо в самое ближайшее время быть на борту «Белого дельфина»...

Через четверть часа капитан ушел (прихватив с собой оба листа, на которых было написано его имя) – ему, и верно, нужно было торопиться, да и мы не стали задерживаться. Времени у нас было не так много – нам необходимо каким-то образом за короткое время умудриться добраться до Зеленого маяка, который расположен не так далеко отсюда. Оказывается, этот старый маяк находится как раз на границе двух государств, и неофициально является местом, куда обычным людям лучше не сорваться. Почему? Просто частенько по ночам туда со стороны моря разгружаются контрабандные грузы, и наоборот – запрещенные товары из здешних мест грузятся на суда. Проще говоря, Зеленый маяк – это словно территория крошечного государства, не принадлежащего никому, через которое, как выразился капитан, идет перевалка как грузов, так и людей, и где для посторонних не действуют никакие законы. Об этом знают все, в том числе и стража, но помалкивают – пока что удастся уживаться между собой более или менее мирно. Конечно, активная ночная жизнь

происходит на маяке далеко не каждую ночь, но в любом случае чужакам там делать нечего.

Капитан Хайтес должен был как можно дольше затянуть обыск на «Белом дельфине», и уйти из порта как можно позже. Во всяком случае, пара-тройка часов в запасе у нас имеется. За это время мы должны были добраться до маяка, куда придет и «Белый дельфин», после чего капитан отправит за нами лодку. На маяке наверняка будут люди, но там действует правило – ничего не вижу, не слышу, и не знаю. Кстати, уйти с маяка следует до ночи, потому как в темноте там начинают действовать свои законы, весьма нелюбезно настроенные к чужакам.

Понятно, что мы не знаем, как добраться до маяка, да и Ярли представления не имела, где он находится, но не попросишь же везти нас прямо к маяку. Там, как сказал капитан, кроме домика смотрителя, других построек не было, а раз так, то следовало туда доехать, благо в этом городе перевозчиков хватало. На припортовой площади, где дожидались работы извозчики, мы выбрали небольшую повозку, в которую был запряжен крепкий ослик. Правда, всем понятно, что крестьяне вряд ли будут тратить деньги на то, чтоб ехать – куда дешевле идти пешком, а раз так, то мне пришлось изобразить обморок. Все остальное было просто: несмотря на недовольство старика – хозяина повозки, меня положили в эту скрипучую повозку, а Ярли уселась рядом. Объяснение было таким: мол, жене моего брата стало плохо, так что вы за серебряную монету довезите нас до родных – мы приезжие, и остановились в деревушке Доор, а это совсем недалеко отсюда. Недовольный возница забрал серебряную монету у Ярли, и мы отправились в путь. Так, нам, главное, добраться до маяка, а дальше видно будет.

Нам опять повезло – мы не привлекли внимание стражи, но когда миновали город, и закончились домишки бедноты, возница недовольно заявил:

- Путь долгий, еще бы денег подкинуть надо...
- Это можно... – согласилась Ярли. – Давай иди к маяку, там еще пару монет и получишь.
- Куда?!.. – возница от растерянности остановился.
- К Зеленому маяку. Там и рассчитаемся.
- Не пойду я туда, нечего мне там делать!.. – замотал головой

возница. – И вообще уходите из моей повозки!

– Мы с тобой серьезно говорим!

– И я серьезно! Уходите!

– А если мы тебе золотую монету дадим?.. – поинтересовалась Ярли.

– Золотую?.. – возница враз сбавил тон. Кажется, для него это была более чем солидная оплата за труды. – Ну, не знаю... А она у вас имеется, монета-то золотая? Врете, поди?

– Не сомневайся, мы тебя обманывать не собираемся. Ты нас довезешь до места, и разойдемся по-хорошему.

– Ну, если так...

– Значит, договорились... – кивнула головой Ярли.

– Только я вас к маяку не повезу... – продолжал возница. – Неподалеку от него высажу.

– Ничего не имеем против.

Сколько времени заняла дорога – этого я не знаю, может, час, а может и все три. Вокруг была все та же унылая местность, дорога шла вдоль моря, которое было скрыто за высокими холмами, а у меня в голове словно отсчитывались минуты... Успеем или нет? Если нам и в этот раз не повезет, и корабль уйдет без нас, то просто не знаю, что я буду делать дальше...

Маяк показался внезапно, когда мы обогнули небольшой холм. Высокое узкое строение из серого камня, с небольшой площадкой наверху, рядом небольшой каменный дом, пологий каменный берег с деревянным причалом... На первый взгляд, это тихое место, и уж никак не подумаешь, что тут могут твориться противозаконные дела. Но меня куда больше интересовало другое – не видно ли неподалеку «Белого дельфина»? Но на море пока не видно ни одного корабля. Значит, будем ждать...

– Все, дальше я не поеду... – возница остановил повозку. – Вылезьте.

– А почему этот маяк называется Зеленым?.. – спросила я, спускаясь с повозки на землю. – Он же серый...

– Свет у него зеленый... – пробурчал возница. – Что, не знаете?

Все, счастливо оставаться.

Глядя на то, как повозка скрывается за холмом, я спросила:

– Как вы думаете, он о нас сообщит страже?

– Конечно... – пожал плечами Винсент. – Даже не сомневайся. Ладно, пошли.

Дорога до маяка не заняла много времени, и я просто-таки ощущала, как за нами издали кто-то наблюдает. И хотя считается, что днем здесь находиться безопасно, все одно хотелось бы покинуть это место как можно быстрее.

Когда мы приблизились к домику смотрителя, дверь распахнулась, и оттуда вышел высокий крепкий мужчина. Это что, и есть смотритель? Да такому молодцу самое место деревья в лесу ворочать, а не маяк по ночам зажигать! Впрочем, понятно, что абы кого здесь смотрителям не поставят.

– Здравствуйте, почтенный... – заговорил Винсент.

– Ну?.. – вместо приветствия пробурчал мужчина.

– Почтенный, вы не позволите ли нам посидеть у вас на берегу, неподалеку от маяка?.. – продолжал Винсент.

– Зачем?.. – любезности в голосе мужчины и близко не было.

– Нам хотелось бы полюбоваться вечерним небом, но к ночи мы покинем это прекрасное место.

– И что вы тут забыли?.. – судя по тесаку, висевшему у мужчины на поясе, было понятно, что это оружие он носит не для красоты, и в случае необходимости, не задумываясь, пустит его в дело.

– Наш друг хотел забрать нас отсюда на свой корабль.

– Что, другого места не нашли? Чего сюда проперлись?

– Увы, но так сложились обстоятельства, что чем меньше людей знает о нас, тем лучше.

– Я вас не знаю.

– Каемся – мы вас тоже. Может, лучше остаться неизвестными друг для друга.

– Вы мне не нравитесь.

– Должен сказать, что в последнее время мы не нравимся многим, в том числе и страже. Увы, такова жизнь. Вот потому-то мы и решили покинуть эту благословенную страну, чтоб поискать тихий уголок в ином месте.

– И когда же ваш дружок сюда заявится?

– Обещал в самое ближайшее время. Кстати, он сказал, что здесь положено давать взнос за то, чтоб посидеть на берегу и подышать чистым воздухом. Вот, десять золотых... – и Винсент протянул мужчине монеты.

– Вы мне не знакомы, а значит, риск удваивается... – мужчина забрал монеты. – Поняли?

– А это не очень дорого?.. – приподнял бровь Винсент.

– В самый раз... – отрезал смотритель.

– Но...

– Если будете спорить, то цена утроится... – в дверях появился еще один мужчина.

При звуках его голоса у меня испугано сжалось сердце. Не могу отделаться от впечатления, что раньше я уже слышала этот голос, только вот он связан с какими-то неприятными воспоминаниями. А самого мужчину не рассмотреть – стоит в дверном проеме, а там тень...

– Хорошо, не будем спорить... – Винсент достал еще десять монет – хорошо, что он заранее рассовал деньги по разным карманам. – Вот, возьмите.

– Ладно... – смотритель забрал деньги. – Чтоб через несколько часов вас тут не было.

– Мы поняли... – кивнул головой Винсент.

– А иначе, говорится, пеняйте только на себя... – второй мужчина скрылся в доме, но в этот момент я поняла, где раньше слышала этот голос. Мне вспомнилось, как после отравления я лежу на холодном полу, а рядом Тирла ругается с каким-то мужчиной, обвиняя его в том, что он не сумел избавиться от меня... Это же голос того самого мужчины! Он еще довольно резко обрывал рыжую девицу, не позволяя ей лишний раз повышать голос. Чего я меньше всего могла ожидать, так это нашей с ним встречи! Надеюсь, он меня не узнал,

потому что у меня прикрыто лицо, а иначе...

Ну, и что мы теперь будем делать?!

Глава 20

– Лиз, ты уверена, что мужчина из домика смотрителя маяка – это именно тот человек, который и отправил тебя в эту страну?.. – спросил Винсент.

– Говорю же – в тот день я его не очень хорошо рассмотрела, но вот голос мне запомнился.

– Ну, хоть что-то...

– В то время я находилась в таком состоянии, что не было сил даже пошевелиться, не говоря о том, чтоб как следует вглядываться в разговаривающих людей, тем более что смотреть на приятельницу дорогого супруга у меня не было ни малейшего желания. И все же я сумела кое-что рассмотреть, вернее, кое-кого. Если же судить по голосу, то это точно он, в этом у меня нет никаких сомнений. С Тирлой этот мужчина говорил довольно долго, так что у меня было время запомнить его голос.

– Ладно, понадеемся на то, что этот тип тебя не узнал... – Винсент постарался произнести эти слова как можно более равнодушным тоном, но я-то понимала, что он встревожен. Его можно понять: многие из тех, кто занимается несправедливыми (или же противозаконными) делами, обладают неплохой зрительной памятью, так что нет никаких сомнений в том, что при нашей первой встрече он хорошо меня запомнил.

По-счастью, все то недолгое время, когда смотритель маяка и незнакомец разговаривали с нами, я не откидывала край платка, прикрывающий лицо до глаз, и, глядя на меня, Ярли поступила точно так же. Именно таким образом очень многие люди, живущие в этих местах, прячут свои лица от обжигающего дневного солнца, так что у меня есть все основания надеяться, что я останусь неузнанной.

Сейчас наша четверка сидела на песке, неподалеку от кромки воды, причем мы расположились так, чтоб просматривалось и море, и берег. Те, кто находились в домике смотрителя маяка, пока что не показывались нам на глаза, и очень хочется надеяться, что до прибытия корабля мы их больше не увидим, только вот уверенности в этом у меня нет. Да и «Белого дельфина» пока не видно, хотя по всем расчетам корабль вот-вот должен показаться. Очевидно, или

обыск на судне проводится со всем тщанием, причем проверяющие не желают принимать во внимание заранее указанное время отхода корабля от причала, или же «Белого дельфина» что-то задержало. Светлые Боги, сделайте так, чтоб опоздание не было долгим!

Еще меня беспокоил возница, тот человек, что привез нас к Зеленому маяку. Можно не сомневаться, что он обратится к первым же встречным стражникам, и расскажет о том, что четверо опасных преступников, которых все разыскивают, под угрозой оружия заставили его, бедняжку, отвезти их к маяку. Еще и приврет о том, что ему чудом удалось уйти от этих жестоких людей... Похоже, что у нас в запасе остается не больше двух часов, и если за это время «Белый дельфин» так и не покажется, то нам придется уходить. Куда? Пока не знаю, да и думать об этом не хочу. К тому же неизвестно, долго ли будут терпеть наше присутствие возле маяка те люди, кто сейчас находится в домике смотрителя. Они и без того безо всякой охоты позволили нам побыть здесь какое-то время, так что могут прогнать нас отсюда. Может, снова придется платить этим двоим еще десяток золотых...

– Интересно, сейчас на маяке находятся только два человека, или их там больше?.. – Дорен задал вопрос, ответ на который мы бы и сами хотели знать.

– Да кто их разберет!.. – подсадовал Винсент. – Ясно другое: за маяком идет постоянный присмотр, так что можно предположить все, что угодно. Но если посмотреть на это дело с другой стороны, то станет ясно, что лишним людям тут тоже делать нечего, и уж тем более им не стоит запоминать увиденное. Как говорят в определенных кругах: меньше знаешь – крепче спишь и не так рано умрешь. Так что, скорей всего, кроме этих двоих на маяке больше никого нет.

– Логично.

– А то!

– Мы им не понравились... – вздохнула Ярли. – Взгляд у этих людей плохой, тяжелый.

– Это верно... – кивнул головой Дорен. – Как бы им в голову не пришло от нас избавиться – что ни говори, но мы им незнакомы, а чужаков тут не жалуют, да и деньги у нас имеются. Как бы им в голову не пришла простая мысль: чем в очередной раз требовать

десять золотых, не лучше ли взять все разом? Эти двое сейчас находятся в домике зрителя, так? Может, им дверь подпереть чем-то тяжелым, чтоб они выйти не могли?

– Дорен, не валяй дурака... – отмахнулся Винсент. – Да я буду не я, если из этого домишки нет двух-трех потайных выходов. В таких местах живут предусмотрительные люди, и на всякий случай у них заранее должны быть предусмотрены возможности незаметного отхода или тайного бегства – что ни говори, но при их рискованных делах возможно самое неприятное развитие событий. Боюсь, что сейчас эти двое стараются понять, кто мы такие, и прикидывают, не будет ли проще и надежней раз и навсегда избавиться от подозрительных людей.

– Побыстрее бы «Белый дельфин» показался... – я не сводила взгляда с морской глади. Ожидание становилось все более нетерпимым. Верно говорят у нас на родине – нет ничего хуже, чем ждать и догонять...

– Кажется, закончился наш спокойный отдых на морском берегу – эта парочка вышла из домика зрителя... – подсадовал Дорен. – К нам направляются. Думаю, не для того, чтоб побеседовать о погоде.

– Дождались... – чуть нахмурился Винсент. – Как видно, они все же решили кое-что выяснить для себя насчет нас, незваных гостей. А я-то все же надеялся, что обойдется. Если что, действуем так, как договаривались.

– Поняли...

Меж тем двое обитателей маяка неторопливо приближались к нам. Впереди шел мужчина среднего роста, с невыразительным лицом, и сейчас, при свете солнца, я хорошо рассмотрела этого человека. Точно, это он, тот, кто разговаривал с Тирлой. Помнится, она еще повышала голос на своего собеседника, возмущалась, отчего это я не умерла, хотя за мою гибель она уже уплатила немалые деньги, а мужчина искренне удивлялся, отчего, дескать, на меня не подействовал сок зеленого лотоса – как я понимаю, речь шла об отраве, которая до того не давала сбоев. Не думала, что мне когда-то доведется вновь встретиться с этим человеком. Что же касается зрителя маяка, то здоровяк отстал от своего спутника на несколько шагов.

Ну, тут и без долгих пояснения понятно – эта парочка все же

решила выяснить, что за птицы такие прилетели к их маяку, и что за встреча тут назначена. Если же принять во внимание, что эти двое чувствуют себя здесь хозяевами, то дальнейшее развитие событий угадать несложно – здешние обитатели желают хорошенько потряхнуть незваных гостей и получить ответы на интересующие их вопросы, благо для этого у них имеются все возможности.

– Сидите, где сидели... – еще не дойдя до нас, заговорил мужчина, который шел впереди. Вновь услышав его голос, я, словно на какое-то мгновение, вновь перенеслась в темную комнату, туда, где лежу на полу, приходя в себя после блуждания по ночному городу, и слышу, как рядом разговаривают двое, Тирла и незнакомый мне человек. Да, без сомнений, это тот самый голос, даже интонации схожи... Меж тем незнакомец продолжал... – Лучше скажите, кто вам посоветовал ждать своих приятелей именно здесь, на этом самом месте?

– Так ведь земля слухом полнится... – пожал плечами Винсент.

– Какими слухами?

– Скажем так: нам сказали, что здесь есть возможность без опаски дождаться тех, кто может забрать нас, не привлекая чужого внимания.

– Надеюсь, вы не притащили за собой «хвоста».

– Мы тоже на это надеемся.

– И кто же за вами сюда придет?

– Наши друзья.

– Точнее.

– Простите, но этого я не могу вам сказать. Надеюсь, вы поймете меня правильно.

– Куда вы собираетесь отправиться?

– Еще раз прошу прощения, но я позволю себе не ответить на ваш вопрос.

– Вы, как я понимаю, иноземцы. Может, сообщите, что нужно чужакам в наших краях? Что вы тут делаете?

– Еще раз простите, но это наши дела, и к вам они не имеют никакого отношения.

– В этом я не уверен. Пусть ваши женщины покажут свои лица.

– Зачем?

– Затем, что я так сказал... – в голосе мужчины появились опасные нотки.

– Послушайте, мы вам заплатили, так что...

– Я не люблю повторять дважды... – мужчина нахмурился. Кажется, он не привык к тому, что его приказы не выполняются. Второй обитатель маяка, тот самый высокий смотритель, положил свою ладонь на тесак, по-прежнему висящий у него на поясе, показывая, что в случае чего грозное оружие окажется у нас под носом. Что ж, все это выглядит достаточно наглядно...

– Вы не имеете права заставлять женщину показать вам лицо, если она того не желает... – раздался голос Ярли.

– Молчи, женщина, тебя никто не спрашивает!.. – незнакомец не повысил голос, но и без того было понятно, что слова девушки его рассердили. – Закрой рот, и не вмешивайся в разговор мужчин. Что касается тебя... – теперь незваный собеседник перевел взгляд на меня, и я почувствовала себя очень неуютно под этим холодным взглядом. – Делай, что сказано, а иначе тебе придется плохо.

– Я не разрешаю нашим женщинам показывать вам свои лица... – начал, было, Винсент, но мужчина каким-то мягким кошачьим движением скользнул ко мне, и одним махом сдернул мой головной убор.

То, что он меня узнал – это было понятно сразу, и, что самое неприятное, создалось впечатление, будто увиденное его ничуть не удивило. Кажется, он ожидал чего-то подобного. Ну, тут можно сказать только одно – это не просто плохо, а очень плохо.

– Как тебе удалось убежать?.. – спросил он, глядя на меня. – Впрочем, об этом поговорим потом. А сейчас вы, все четверо, быстро встали и пошли за мной. И чтоб ни один из вас не сделал даже шага в сторону – раскаетесь.

– Куда нам идти?.. – спросила Ярли.

– Женщина, если ты еще раз откроешь без разрешения свой рот, то очень об этом пожалеешь... – холодно произнес мужчина, не сводя с меня взгляда. – Я и без того слишком долго терпел твои дерзости.

Тем не менее, я вам отвечу: пойдете в дом, и будете находиться там ровно столько, сколько я скажу. Ну, чего сидите?

– Встаем, встаем... – заторопился Дорен. – Все сделаем, как скажете!

Значит, без схватки не обойдется, причем ни о какой щепетильности по отношению к неприятелю сейчас не может быть и речи. Нас собираются запереть под замок, а что будет потом – об этом догадаться несложно. Нет уж, мы проделали такой долгий и трудный путь вовсе не для того, чтоб едва ли не в конце дороги попасть в чьи-то безжалостные руки. Что ж, на войне – как на войне. Теперь вся надежда на наших спутников, причем сделать все надо быстро, у нас в запасе всего пара мгновений, вернее, даже одно, если судить по ловким и на диво стремительным движениям мужчины – с ним явно надо быть поосторожнее. Так, мы все поднялись на ноги, сейчас начнется...

– Корабль!.. – закричала Ярли, махнув рукой в сторону моря. – Вон он, наконец-то появился!

Увы, но никакого корабля на море и близко не было – просто Ярли произнесла те слова, о которых мы договаривались заранее. Сейчас взгляды зрителя маяка и незнакомца на какое-то мгновение невольно устремились туда, куда указывала девушка, и этого мига хватило на то, что Винсент и Дорен швырнули в сторону мужчин по довольно-таки увесистому камню, причем, как и договаривались заранее, каждый целился в того, кто находился ближе к нему. Почему камнями? Да потому что именно бросанием камней в цель братья увлекались в детстве. Вернее, старый солдат в свое время учил мальчишек метать камень из пращи, а заодно обучил братьев посылать камень в цель одним броском руки. Именно метание камней из пращи помогло нам оторваться от преследователей в то время, когда мы сбежали из имения «Звезды Востока», только сейчас ни о какой праще и мечтать не стоило – никто бы не дал времени ее раскрутить, но вот простой бросок камнем оказался как нельзя более к месту. А еще следовало учесть, что второй попытки разом избавиться от этих двоих нам вряд ли представится, и потому братья заранее выбрали себе на берегу по камню, который больше всего годился для броска.

Как оказалось, тяжелый округлый камень-голыш, который Дорен с силой отправил в сторону здоровяка (к этому времени зритель

маяка стоял вполоборота к молодому человеку), попал тому в шею, вернее, в основание черепа. Раздался неприятный хруст, и здоровяк, сделав по инерции шаг вперед, мешком рухнул на землю, несколько раз дернулся и затих. Что же касается второго мужчины, того самого, чей голос я узнала, то здесь все было сложнее: непонятно каким наитием ощутив опасность, этот человек успел немного отклониться в сторону, и потому летящий камень не проломил ему висок (на что рассчитывал Винсент), а только ударил по касательной, и рассек кожу на голове. Тем не менее, удар был более чем ощутим, и оглушил мужчину на пару секунд. Этого времени вполне хватило на то, чтоб наши спутники вдвоем навалились на него, пытаюсь скрутить.

Надо сказать, что, несмотря на полученное ранение, мужчина умело сопротивлялся, и справиться с ним оказалось совсем непросто. Ловкий, сильный, умелый в схватке... Да, это очень серьезный противник, которого стоит опасаться. Более того: в какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот одержит верх над нашими спутниками, во всяком случае, от сильного удара этого человека Дорен просто-таки откатился в сторону. Плохо дело! Я схватила лежащий на берегу камень, чтоб еще раз ударить незнакомца, но схлестнувшиеся между собой мужчины находились так близко друг к другу, перекатываясь и крутясь на песке, что я просто не решилась опускать камень на голову незнакомца – боялась, что промахнусь, и ударю Винсента.

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы к сцепившимся мужчинам не подбежала Ярли, которая оказалась куда решительней меня. Недолго думая, она с размаха ударила мужчину по голове своей холщовой сумкой, в которой лежали драгоценности, те самые, которые в свое время мы утащили у владельца чайной. Тех украшений было немало, да и весили они изрядно, а потому от весьма весомого удара, который пришелся по раненому виску, мужчина уткнулся лицом в песок, и застыл в довольно-таки неудобной позе. Без сомнений, он жив, только на какое-то время потерял сознание. Что ж, выходит, не зря все это время Ярли таскала с собой эту тяжелую сумку с драгоценностями – вся эта тяжесть пригодилась весьма кстати.

Времени терять не стоило, и потому мы, первым делом, связали мужчину, пока он не пришел в себя. Что касается смотрителя маяка, то с ним все понятно без слов – здоровяк уже находится на пути к

Темным Небесам, и вот-вот начнет давать там ответ за все свои жизненные ошибки и прегрешения, которых, без сомнения, у него хватает..

– Дорен, ты как?.. – поинтересовался Винсент, затягивая узлы на веревке, которой он связывал лежащего мужчину.

– Не поверишь – все еще отдышаться не могу... – Дорен с трудом поднялся на ноги и потряс головой. – Это ж надо – вроде у мужика телосложение самое обычное, да и сам по себе не богатырь, но сил столько, что только диву даешься! Не знаю, как он меня ударил, но от такого тычка я только что на встречу с предками не отправился! Сейчас, вроде, начинаю в себя приходить, но нормально дышать все еще не получается....

– Да, ловкий парень... – Винсент стал стягивать веревкой ноги лежащего мужчины. – Не ожидал от него такой шустрости...

– Кто бы спорил!.. – согласился Дорен, и вновь повернулся к девушке. – Ярли, если б не ты, то еще неизвестно, чем бы все закончилось! Кажется, скоро я начну считать тебя своим ангелом-хранителем!

– Да ну... – застеснялась девушка.

– Считай, что я твой должник навеки. Итак, как расплачиваться будем? Учти, я весь твой, позволяю тебе делать со мной, грешным, все, что угодно...

– Дорен, потом поговоришь и благодарность выразишь!.. – Винсент оборвал брата. – Нам бы сейчас с этим типом пообщаться. Он парень не простой, с ним надо держать ухо востро. Вы только посмотрите, сколько у него при себе имелось оружия!

И верно: немного в стороне лежало с добрый десяток ножей и кинжалов самого разного вида, там же были железные цепочки, трубки непонятного вида и многое другое, названия чему я не знала. Все это Винсент нашел у незнакомца, когда его обыскивал.

– Интересно, кто это такой?.. – Дорен чуть наклонился к пленнику. – Для простого человека он уж очень умело дерется, да и его сноровке можно только позавидовать. Конечно, мы с братом тоже с детства участвовали едва ли не во всех уличных потасовках, нахватались всякого, грязных приемов в драке знаем немало, но этот парень слишком ловок для простого пацана или обычного солдата –

тут уличными потасовками и не пахнет, у этого человека за плечами настоящая боевая школа. Да и ухватки у нашего пленника такие, что на обычную армию не спишешь... Думаю, не ошибусь, если предположу, что это асаж.

– Кто?.. – не поняла я.

– Асаж... – повторил Винсент. – Хм, Дорен, возможно, ты прав.... Лиз, ты спрашиваешь, кто такой асаж? Этим словом на Востоке называют наемных убийц, а также тех, кто выполняет щекотливые поручения, связанные с немалым риском. Это очень опасные люди, и связываться с ними – себе дороже.

– А откуда ты знаешь об этом самом асаже?

– Ну, мы с братом все же пробыли в плену дольше тебя, много чего наслушались, в том числе и рассказов про этих самых асажей, которые могут совершить что угодно, причем без всякого труда. Ну, в этом люди, конечно, привирают. И все же если верно то, что о них говорят, но у нас впоследствии могут быть серьезные неприятности. Такие люди не прощают тех, кто сумел нанести им поражение – это, если можно так выразиться, вредит репутации асажа.

– Но мы ж с ним справились!

– Просто повезло. Кажется, он с самого начала не воспринял нас всерьез, и в этом была его ошибка. А может, был слишком уверен в себе. Именно по этим причинам опытные воины иногда проигрывают тем, кто значительно слабее их.

– Госпожа... – пролепетала Ярли. – Если это асаж, то он от нас уже не отстает. Говорят, для этих людей считается позором не отомстить своим обидчикам!

– Так он, вроде, без сознания... – брякнула я первое, что пришло мне в голову.

– Можно подумать, что за все это время он нас не рассмотрел хорошенько, а на плохую память, как я понял, он не жалуется... – усмехнулся Винсент. – Ничего, сейчас мы его в себя приведем, водой обрызгаем, благо ее тут – целое море.

И верно: стоило плеснуть в лицо лежащего мужчины пригоршню воды, как тот рванулся, мечтая порвать стягивающие его путы. Ну, можешь не дергаться впустую – Винсент постарался, туго затянул узлы, так что освободиться у тебя, милый, вряд ли получится.

– Пришел в себя? Ну и хорошо... – Винсент присел рядом с лежащим мужчиной. – Скажи мне, с чего это вы на нас накиннулись? Вроде договорились разойтись по-хорошему...

– Развяжите меня... – произнес пленник. Нет, ну надо же: голос спокойный, на лице нет никаких эмоций, хотя из рассеченного виска сочится кровь... Меж тем интонация у мужчины была такая, будто он имеет право нам приказывать.

– Вначале поговорим... – Винсент тоже не стал повышать голос. – Давай договоримся: ты честно отвечаешь на наши вопросы, после чего мы тихо – мирно расходимся, и забываем о существовании друг друга.

– Тихо и мирно, говоришь... – чуть усмехнулся мужчина. – А как же смотритель маяка? Он, как я понимаю, уже отбегался? С ним вы тоже мирно пообщались?

– Сидели бы, господа хорошие, спокойно в своем домишке, занимались своими делами, и ничего б не случилось... – пожал плечами Винсент. – Зачем вы к нам с разборками полезли?

– Значит, надо было!.. – отрезал пленник.

– Вы поняли, что я вас узнала?.. – задала я давно интересующий меня вопрос.

– Конечно... – чуть нахмурился тот.

– Но как вы сумели меня опознать?

– У меня память хорошая... – отозвался мужчина, чуть скосив на меня глаза. – Вернее, очень хорошая.

– Извините, не верю!.. – замотала я головой. – На мне надет бесформенный балахон, лицо закрыто, а по одним глазам невозможно узнать человека, которого видел всего один раз!

– Почему один?.. – равнодушно отозвался тот. – Глупая женщина. Я запомнил тебя еще тогда, когда в первый раз увидел на улице твоего города. Мне тебя специально показали. Походка, внешность, движения... Все это откладывается в память, только, бывает, не сразу вспоминается.

– А сейчас, значит, всплыло в памяти?

– Такое бывает. Это происходит в том случае, если меня что-то

смущает.

– И что же вас привело в смятение?

– Не надо иронии, она тут неуместна. Что же касается ответа на вопрос... Меня, когда вы пришли к маяку, неосознанно привлекла твоя походка, а позже и глаза... Я был уверен, что когда-то видел тебя. К своим ощущениям всегда следует прислушиваться, и в таких случаях я начинаю перебирать в память все, что может относиться к тому или иному человеку. Именно таким образом я и вспомнил тебя. Заодно припомнилось и то, что за поимку четверых преступников власти здешних мест объявили хорошую награду. Если сопоставить ваши грязные личины с теми приметами, что были указаны в объявлении... Думаю, дальше можно не продолжать.

Что-то он очень разговорчив, даже странно. Конечно, если б этот человек был испуган, то его желание отвечать на наши вопросы было бы вполне объяснимо, но у нашего пленника не заметно даже намека на волнение. Понятно, что он не из тех людей, кого можно легко запугать, и просто так вести беседу он не станет, а это может значить только одно – связанный человек на что-то рассчитывает, или для чего-то тянет время.

– Еще было сказано, что вы ограбили турегов... – продолжал мужчина. – Говорят, украли у них что-то очень ценное, некую драгоценность немалой цены. Молодцы, что пощипали козломордых – я их на дух не выношу, это еще те твари, но вот слова о драгоценности, вернее, о похищенных дорогих бусах, меня заинтересовали. Однако если немного пораскинуть мозгами, то можно вспомнить, что та рыжая развратница упоминала о каком-то украшении, которое ее кавалер украл у своей жены, и теперь из-за этого возникли кое-какие неприятности... Возможно, это простое совпадение, но отчего-то мне кажется, что все это взаимосвязано между собой, верно? Чтобы украсть что-то у турегов, надо или головы на плечах не иметь, или быть уверенным, что ты берешь свое. Я прав? Неужели полезли к рогатым за той самой украденной драгоценностью? А ведь, пожалуй, так оно и есть. Глупо, конечно, но дуракам иногда везет. Не покажете мне ту самую драгоценность, ради которой вы рисковали головой? Очень хочется посмотреть, из-за чего поднялся такой шум. Не желаете показать? Я даже знаю, у кого из вас находится та похищенная драгоценность – госпожа то и дело дотрагивается до своей груди, словно проверяет, на месте ли какая-то

вещь...

А этот человек быстро соображает, и данные сопоставляет весьма умело. В любом случае отвечать на его вопросы у меня нет никакого желания.

– Кстати, мы можем договориться... – после паузы заговорил мужчина. – Если это украшение действительно такое ценное, то я согласен взять его как оплату за ваше возвращение на родину. Если уж на то пошло, то это просто блестящая безделушка, которая может стать ценой за спасение ваших жизней. Что молчите? Не желаете заключать со мной сделку? Напрасно.

– Скажите, откуда вы знаете Тирлу?.. – не хватало еще говорить с ним о моем сапфировом колье.

– Почему я должен тебе отвечать?.. – все так же безразлично ответил мужчина. – Не вижу в этом необходимости. Как правило, я вступаю в разговоры лишь тогда, когда считаю это нужным.

– Тогда почему бы нам сейчас просто не поговорить?.. – предложил Дорен, но незнакомец не обратил никакого внимания на эти слова. Похоже, угрозы тут бесполезны, надо действовать по-иному, только вот как? Однако пока я только думала о том, каким образом можно разговорить этого человека, тот сам подал голос.

– Для начала давайте договоримся так... – начал он. – Я отвечу на ваши вопросы, а ваша женщина расскажет мне о том, как ей удалось оказаться на свободе. Как мне сказали, ее продали на аукционе, и я получил свою долю от этой продажи, только вот денег за нее дали куда меньше, чем можно было ожидать. Как мне сказали, она выглядела так плохо, что на нее нашелся всего один покупатель, который отвез ее вглубь страны... Итак, вы согласны?

– Баш на баш, значит... Что ж, попробуем... – после паузы отозвался Винсент. – Тогда давайте начнем с вас – нашу девушку очень интересуют ответы на кое-какие вопросы.

Не знаю, что этот человек задумал, и, возможно, нам всем следовало бы помолчать, но «Белого дельфина» было по-прежнему не видно, и к этому времени все мы стали всерьез беспокоиться – кто знает, а вдруг с судном что-то произошло? Если (не приведи того Светлые Боги!) это действительно так, то нам поневоле придется и далее продолжать свои странствия, и одна мысль о таком развитии событий приводит в отчаяние. На душе было тяжело, в голову лезли

самые неприятные мысли, а разговор с этим человеком хоть немного отвлекал нас от долгого ожидания, которое становилось все более томительным. Ну, раз такое дело, то можно немного поговорить – все же время будет идти чуть быстрее.

– Значит, так... – заговорил мужчина. – Рыжую женщину я знаю уже давненько – она была одной из жен человека, с которым у меня были кое-какие дела. Он умудрился привести себе немало баб из разных стран, в том числе оказалась и она, рыжая красотка.

– И много девушек он привез?.. – спросила я.

– Хватает... – чуть скривил губы мужчина. – Женщины глупы. Стоит высыпать перед ними пригоршню красивых слов, как просо курицам, как те начинают их подбирать, стучат своими клювами, подбирая все, а потом говорят, что готовы идти за этим человеком хоть на край света. Мужчина же зря языком трепать не будет, он должен заботиться о своей семье, а потому глупых баб-инозенок везет себе домой, вернее, туда они едва ли не сами бегут, уверенные в том, что их ждет сказочная жизнь. Правда, потом эти безголовые женщины начинают лить слезы, потому как их мечты оказываются далеки от действительности, но это уже неважно. В большом хозяйстве всегда необходимы служанки, кому-то нужно работать на поле и ходить за животными, да и мужчине лишняя молодая жена не помешает.

Ох, слышали бы эти слова те девушки, которым приезжие красавцы обещают в чужой стране золотые горы и рай земной! Наверняка призадумались бы о том, стоит ли доверять словам любви, на которые так щедрны некоторые иноземцы.

Меж тем мужчина продолжал:

– Что касается того человека, который привез себе рыжую женщину... С ним вопрос особый: гарем у него всегда был большой, но тот человек был слишком расчетливый, да и к заповедям Всевышнего относился с недостаточным почтением, а потому при помощи своего гарема он, вдобавок ко всему, умудрялся зарабатывать неплохие деньги. Как именно? Сами сообразите, не дети малые, тем более что красивых женщин у него хватало. Эта рыжая особа, которую он привез из вашей страны. Она мне никогда особо не нравилась: слишком дерзкая, скверная и уверенная в себе женщина, от таких добра ждать не стоит. Тот человек, у которого она

находилась – он нередко использовал ее в своих интересах, и не скажу, что подобное ей не нравилось, тем более что мужчины, с которыми она проводила время, частенько были очень щедры, так что рыжая развратница находилась на особом положении. Однако со временем эта глупая женщина решила, что ей можно все, и стала позволять себе лишнее, а потом и вовсе совершила нечто такое, что не должна была делать ни в коем случае – достаточно сказать, что из-за ее проступка произошло немало серьезных неприятностей. Конечно, за содеянное эту особу надо было отправить в тюрьму, тем более что ее начали искать стражники, хотя, на мой взгляд, эту грешницу следовало засунуть в мешок, и, привязав к ногам груз, сбросить в море. Ей там самое место. Однако мой знакомый решил иначе – он отправил ее назад, в ту страну, откуда ее привез.

– Но зачем?

– Говорю же: он очень расчетлив, а этой бессовестной женщине более нельзя было оставаться в этой стране.

– Если я правильно понял, то о благородстве души вашего знакомого, и о его желании спасти от тюрьмы несчастную грешницу речи не идет, верно?.. – усмехнулся Винсент.

– Интересы моего знакомого достаточно обширны, и часть его дел связана с поставкой товаров, то есть с контрабандой... – продолжал мужчина, не обращая внимания на слова Винсента. – Дело это достаточно выгодное, хотя и хлопотное. К сожалению, в последнее время возникли некоторые проблемы, и необходимы новые каналы поставки.

– А какое все это имеет отношение ко мне?.. – не поняла я.

– Бывший жених этой бессовестной особы принадлежит к не совсем простой семье, которая к тому же имеет отношение к торговле... – пленник чуть дернул связанными за спиной руками. – А это именно то, что нужно. Было решено, что рыжая женщина вернется домой и выйдет замуж за своего бывшего жениха. Он старший сын в семье, и со временем должен стать во главе дела...

В этот момент мне стало ясно, для чего вернулась бывшая невеста Вогана, тем более что все оказалось очень просто! А я-то думала, что все дело в большой любви, или в том, что Тирла хочет каким-то образом устроить свою личную жизнь, но, похоже, здесь к высоким чувствам примешаны несколько иные интересы. Как

оказалось, тот мужчина, с которым в свое время уехала Тирла – он действительно непростой человек, да еще и связанный с темными делишками. Помимо всего прочего, этот человек занимается контрабандой, и ему очень нужно иметь постоянный и сравнительно безопасный канал поставки контрабанды в нашу страну, причем вожаемый канал должен быть легальным, и не вызывать подозрения у стражи. Говоря проще, такой канал необходимо выстроить, и Тирла подходит для этого как нельзя лучше. Как именно? Вся причина – в женских чарах рыжей красоти.

Дело в том, что семья Вогана, и верно, имеет отношение к торговле, только вот мой бывший муж не желает даже слышать ни о каких торговых делах – это ему совсем неинтересно, а цифры и счета навевают тоску. Если же Тирла выйдет замуж за Вогана, то она постепенно оттеснит от дела главу семьи, и полностью подчинит себе всю торговлю, тем более что сделать это будет несложно, особенно если допустить печальную вероятность, что к тому времени отец Вогана внезапно скончается (а по-другому никак!), и главой семьи станет Воган. Естественно, что ни о каких торговых делах он и слышать не захочет, и тогда Тирла, как верная супруга, благородно и возьмет все в свои руки. Не сомневаюсь, что все указания рыжей красоти будет давать кто-то иной, вернее, тот человек, который и велел ей вернуться домой. Вот тогда-то под прикрытием обычной закупки-продажи в нашу страну пойдет самая разная контрабанда, причем вначале это будет тоненький ручеек незаконных товаров, который через какое-то время превратится в едва ли не сплошной поток. Конечно, во главе торгового дома по-прежнему будет значиться Воган, но в действительности власть сосредоточится в руках Тирлы, вернее, тех, кто и будет заниматься незаконными делами под прикрытием имени семейства Уреш. Дело этот рискованное и опасное, так можно и голову потерять, причем в прямом смысле этого слова. Ясно и то, что рыжая красота и ее поделник должны неплохо заработать на запрещенной торговле, а иначе не имело смысла ввязываться во всю эту непростую историю. Н-да, по-сути, все упирается в деньги... Конечно, рано или поздно, но вся эта так называемая торговля рухнет, и истина выйдет наружу, но это произойдет не скоро. Зато о том, что последует позже, не хочется даже думать...

– И что же пошло не так?.. – спросил Винсент. Кажется, он тоже все правильно понял.

– Неверным было полагаться на женскую глупость, на которую повелся мой знакомый... – поморщился незнакомец. – Недаром сказано: выслушай совет женщины и поступи наоборот. Увы, мой знакомый не прислушался к совету предков. Эта рыжая особа утверждала, что бывший жених по-прежнему влюблен в нее без памяти, ни на кого другого не взглянет, и все еще ждет возвращения беглянки, так что осуществить задуманное не составит никакого труда. В действительности оказалось, что ее бывший кавалер давно женился, причем весьма выгодно, и разводиться не собирается, так что планы пришлось менять по ходу дела. Для начала надо было сделать все, чтоб мужчина снова стал свободным, и, желательно, не остался без денег после развода. Однако все оказалось куда сложнее, так что рыжей женщине пришлось принимать иные меры. В то время я как раз оказался по делам в вашей стране, и эта... женщина попросила меня ей помочь. К сожалению, она не сказала мне всей правды, и все пошло не так: я рассчитывал убрать простую женщину, но позже оказалось, что речь идет о важной госпоже, а к таким и подход нужен иной, потому что надо принимать во внимание и возможные последствия.... Думаю, что остальное вы знаете.

Мужчина говорил еще что-то, отвечал на заинтересованные вопросы Винсента, но я уже не слушала. Значит, вот как дело обстоит... Н-да, со стороны рыжеволосой чаровницы во всей этой истории романтики было немного, присутствовало куда больше трезвого расчета, хотя еще как сказать... А еще здесь немалое значение сыграло самолюбие Тирлы, которая всеми силами пыталась доказать всем, что она всегда добивается того, чего хочет, даже если ее соперница – аристократка со связями. Это чисто по-женски – показать, что тебя любят больше, чем кого-то другого, а заодно доказать всем, что ты лучше соперницы. Как известно, в таких женских схватках все средства хороши... Незнакомец прав и в том, что рыжей красотке по нутру рискованная и шумная жизнь, когда она находится в центре внимания. К тому же каждой женщине всегда хочется иметь подле себя человека, который смотрит на нее влюбленными глазами, и рад выполнить любой ее каприз, а Воган на эту роль подходил как нельзя лучше – что ни говори, но прежняя любовь не забывается, так что какие-то чувства к бывшему жениху у нее оставались. И потом, какие бы планы на будущее не строила Тирла, все же ей хотелось получить статус замужней женщины, да еще и с высоким положением в обществе, а все это ей мог принести только Воган. Думаю, после нашего развода она рассчитывала

получить не только хорошие деньги, но и титул, только вот в моем случае мужу по наследству титул не передается. Надеюсь, что рыжая красотка была немало разочарована действительностью.

И все равно мне непонятно – отчего этот незнакомец так откровенен с нами? Кое о чем он мог бы и промолчать, но нет – все подробности пленник выкладывал сам, без понукания, и даже с некоторой охотой, а такое происходит лишь тогда, когда рассказчик уверен, что его слушатели никому и ничего не расскажут. Узнать бы еще, что он задумал...

Когда незнакомец замолк, пришла моя очередь рассказывать мужчине о том, как нам удалось уйти из имения «Звезды Востока». Я начала, было, свое повествование, но не дошла и до середины, как раздался радостный голос Ярли:

– Корабль! Это он, это «Белый дельфин»!

Ну, наконец-то! Точно, это именно то судно, которое мы так ждем! Каждый из нас невольно перевел взгляд в сторону моря, и в этот момент наш пленник стремительно перекатился в сторону, туда, где на песке лежало отобранное у него оружие, и я увидела, что руки у мужчины свободны. Еще миг – и незнакомец схватил пару коротких кинжалов... Не знаю, что было бы дальше, но в то же самое мгновение в его тело вонзился нож, а затем и второй – это Винсент точно броском отправил в сторону пленника то оружие, которое до этого держал в своих руках. Еще миг – и теперь уже Дорен послал свои ножи в сторону незнакомца, тем более что промахнуться с расстояния в несколько шагов было невозможно. Трудно поверить, но даже с торчащими в спине ножами, лежащий на песке человек попытался бросить в нас свои остро заточенные клинки, но, по счастью, его посыл был неточен...

– Но как же так... – растерянно произнесла Ярли, глядя на тело, лежащее на песке, которое сотрясали предсмертные судороги. – Он же был связан, и крепко...

– Я же говорил – это шустрый парень... – Винсент не сводил глаз с незнакомца, который не подавал признаков жизни. – Он все правильно рассчитал, ждал момента, когда мы отвлечемся. А я понимал, что от этого человек в любой момент ожидать какой-нибудь пакости, и не ошибся. Однако и я повел себя так глупо, что дальше некуда – надо было то оружие, что забрал у этого парня, отбросить

куда подальше, а у меня хватило ума сложить его неподалеку, да еще едва ли не кучей. Хорошо, что мы с братом успели остановить этого человека, а не то еще неизвестно, чем бы все закончилось!

– Понятно, чем... – вздохнула я, не в силах оторвать взгляд от неподвижно лежащего мужчины, одежда которого стала темнеть от крови... – Но все равно не понимаю, как он сумел освободиться от веревок!

– Если честно, то я и сам не знаю... – покачал головой Винсент. – Вообще-то из рассказов об асажах мне довелось услышать, что эти люди умеют высвобождаться из любых пут. Ну, сказать можно что угодно, но то, что я только что увидел своими глазами... Знаете, тут у меня есть одно предположение. Дело в том, что мне как-то довелось разговаривать со старым солдатом, который много лет провел в далекой стране. Опуская лишнее, скажу, что в своих рассказах, помимо всего прочего, тот человек упоминал о том, что он не раз видел, как тамошние воины выбираются из веревок, которыми связаны их руки. Есть несколько способов, как можно это сделать – например, одна за другой нужные запястные кости выходят из суставов в определенной последовательности. Разумеется, потом, когда спадут веревки, кости надо поставить на место. Это, конечно, больно, но когда речь идет о свободе, то можно и потерпеть. Я почти уверен, что этот человек, который сейчас лежит перед нами, владеет этими приемами. Вернее, владел. Ну, если он действительно асаж, то это объясняет все.

– Но от веревок без лишних движений не избавишься, а этот человек особо не шевелился...

– Как сказать... – покачал головой Винсент. – Он нам много чего рассказывал, был достаточно словоохотлив, то и дело пошевеливался, словно стараясь избавиться от неудобной позы. На самом деле асаж болтовней отвлекал наше внимание, и мы чуть не попались на его уловку. Вообще-то его тактика оказалась верной – мы увлеклись разговором с ним, и прозевали тот момент, когда он выбрался из веревок. Если бы я не был все это время настороже, а у этого человека не были связаны ноги – вот тогда, боюсь, для нас бы все могло закончиться весьма печально. Вспомните, каким стремительным был его бросок за оружием!

– Не стоит думать о плохом... – Дорен оглянулся по сторонам. – Похоже, что кроме нас здесь никого нет.

– Пожалуй, так и есть, хотя ручаться нельзя ни за что, но обыскивать окрестности мы точно не станем – и без того есть чем заняться. Значит, решим так: Лиз и Ярли – машите руками кораблю, пусть нас видят, а мы с Дореном тут небольшой порядок наведем. Не стоит пугать людей с «Белого дельфина» кровью и безжизненными телами – все лишнее отправим в воду, пусть позже те, кто постоянно посещают этот маяк в ночное время, разбираются в том, что тут могло произойти.

Не сказать, что работы было мало – скорее, ее хватило всем. Первым делом пришлось оттащить в воду на довольно-таки большое расстояние от берега тела зрителя маяка и того неизвестного, что пытался напасть на нас. Как сказал Вен – какое-то время убитые побудут в воде, а потом их вынесет на берег. Туда же, в воду, отправили и все оружие, которое сняли с тела незнакомца, а также сгребли в воду весь песок, пропитанный кровью. Конечно, понимающие люди и так поймут, в чем дело, но тут уж ничего не поделаешь.

Мы успели избавиться от следов к тому времени, как «Белый дельфин» встал неподалеку от маяка и с него спустили лодку с четырьмя гребцами. Не знаю, как другим, но мне казалось, что лодка приближается очень медленно, и я, не в силах сдержаться, махала руками, стараясь лишний раз привлечь внимание тех, кто находился в лодке. Впрочем, Ярли от меня не отставала, а Винсент с Дореном не спускали глаз с маяка и дороги. По счастью, там по-прежнему было безлюдно, и каждый из нас в глубине души молил всех Светлых Богов о том, чтоб так продолжалось и дальше.

Я с трудом дождалась момента, когда лодка подошла к берегу, и один из четверых гребцов, глядя на нас, гаркнул:

– Ну, чего стоите? Отдельное приглашение требуется? Поторапливайтесь, чтоб вас!..

Дважды повторять не пришлось – мы сами старались как можно быстрее оказаться в лодке, так что не прошло и минуты, как лодка отошла от берега, а моряки вновь налегли на весла. Глядя на удаляющийся маяк, я надеялась на то, что более нам не придется возвращаться в эту страну. Один раз нам не повезло – пришлось вернуться, и надеюсь, что более этого не повторится. Глядя на лица своих спутников, я поняла, что они думают о том же.

Тем не менее, от сердца у меня отлегло лишь тогда, когда мы ступили на палубу «Белого дельфина», и увидели капитана Хайтеса. Все это время он наблюдал в подзорную трубку как за нами, так и за берегом. Не сомневаюсь, что он увидел достаточно неприятное зрелище, и сейчас хотел как можно быстрее покинуть это место.

А еще я заметила любопытно-насмешливые взгляды моряков, и их можно понять – ясно, что капитан предупредил команду о том, что судно вынуждено отклониться от привычного пути и сделать крюк, чтоб забрать кое-каких людей. В этом нет ничего удивительного, только вот выглядят эти предполагаемые пассажиры пусть и не как последние нищие, но, судя по обтрепанному виду этой четверки, к числу богачей их точно не отнесешь.

– Шлюпку поднимайте!.. – рявкнул капитан кому-то. – Да поторапливайтесь, тут не такое веселое местечко, чтоб надолго задерживаться!

– Капитан, спасибо большое!.. – заговорил Винсент. – А мы уж, говоря откровенно, стали беспокоиться.

– Правильно делали... – пробурчал капитан. – Перед уходом из порта стражники на моем судне свой нос во все щели сунули, весь груз просмотрели, только что корабельных крыс не пересчитали! Больше того: допросили моих матросов, и всех спрашивали одно и то же – не видели ли они людей с такими-то приметами... Между прочим, вас описывали довольно точно. Ну да у меня парни толковые, знают, что нужно отвечать, вернее, им давно известно одна простая истина – при всех расспросах следует говорить, что ничего не знают, никого не видели и ничего не слышали.

– Капитан, я вас понял, и приму ваши слова к сведению... – кивнул головой Винсент. Ну, тут даже мне все понятно – дескать, неплохо бы морякам подкинуть сверху по несколько монет. Что ж, это не вопрос, скупиться мы не намерены.

– Как все у вас прошло?.. – поинтересовался капитан. – Я, грешным делом, опасался, как бы тут чего не стряслось...

Вопрос ясен – капитан интересуется, не было ли у нас неприятностей с теми, кто сейчас должен находиться на маяке. Судя по тому, что капитан не выпускал из рук подзорную трубку, можно понять, что он сам все это время внимательно осматривал местность вокруг Зеленого маяка. Разумеется, никому не хочется без крайней на

то нужды влезать в чужие разборки и неприятности, только вот в свою подозрную трубку капитан должен был разглядеть и то, что мы утащили в воду два неподвижных тела...

– К сожалению, не обошлось без сложностей... – пожал плечами Винсент. – Нам бы самим не хотелось, чтоб дело дошло до крупных неприятностей, но те люди, которые находились на маяке, и сами не относились к числу тех, кто почитает заповедь «не убий».

– Все, мы уходим, тем более что шлюпку уже подняли... – пробурчал капитан, но я решила, что и мне надо вмешаться.

– Капитан, нам остается только благодарить вас за помощь и поддержку... – я постаралась произнести эти слова как можно более светским тоном, невольно копируя интонации тети Фелисии. – Поверьте, мы этого не забудем.

– Да ладно... – капитан чуть растерялся от моих слов. Как видно, к подобному обращению он не привык. – А еще вам лучше бы уйти с палубы – мало ли что... Свободная каюта у нас, правда, всего одна, но вы уж там как-нибудь разместитесь.

– Эти мелочи не имеют значения... – улыбнулась я. – Главное – вы любезно предоставляете нам свою помощь и кров, и, поверьте, мы это ценим. Нам необходимо вернуться домой, а мелкие сложности можно перетерпеть. И потом, вы с самого начала предупреждали нас, что у вас на корабле почти нет свободных кают.

– Рад слышать, что вы все понимаете...

– Капитан, скажите, сколько времени займет переход отсюда до нашей страны?

– Если все будет хорошо, то дней шесть.

Шесть дней – это уже неплохо. Побыстрей бы оказаться дома, хотя не стоит заранее думать о том, что произойдет, когда мы ступим на родной берег – как бы не сглазить...

Каюта оказалась небольшой, причем там была только одна кровать, привинченная к полу. Наши спутники, как верные рыцари, уступили нам с Ярли кровать, а сами устроились на полу, причем места всем едва хватало. Не страшно, можно и перетерпеть какое-то время все эти неудобства и отсутствие комфорта, а если вспомнить, что нам уже довелось пройти, то здесь, можно сказать, нам предоставлены едва ли не королевские покои. Главное – мы

находимся на корабле, который направляется домой.

Первые два дня пути мы, в основном, отсыпались, вставали лишь тогда, когда нам приносили еду. Сказывалась усталость и напряжение последних дней, хотелось просто отдохнуть, чтоб нас никто не тревожил, и на какое-то время всех оставили в покое. А еще мне очень хотелось переодеться, сметить нашу старую потрепанную одежду на что-то другое, только вот на борту сменная одежда была только у матросов и капитана, так что мечту о чистой одежде следовало отложить на какое-то время. Но главное, мне были неприятны смешки и ухмылки матросов, и кое в чем их можно понять: непонятные люди заявили на их корабль, до общения с экипажем не снисходят, целыми днями сидят в каюте, и понятно, чем там занимаются, когда остальные работают в поте лица своего!.. Хорошо хотя бы то, что капитан нас не беспокоил, у него и своих забот хватало.

На третий день пути я поняла, что, кажется, наконец-то выпалась, да и остальные мои спутники чувствовали себя куда бодрее. Но главное – я уже не боялась, что по какому-то невероятному стечению обстоятельств «Белый дельфин» повернет назад, в ту страну, откуда нам с таким трудом удалось уйти. Настроение было просто замечательным, и предложение капитана посидеть в его каюте пришлось как нельзя кстати – если честно, то безвылазно находиться в маленькой каюте нам надоело.

Впрочем, долгого разговора у нас не получилось. Мы находились в каюте капитана не больше четверти часа, и он едва успел предложить нам по стакану какого-то вина (похоже, намечалась долгая беседа), как в дверь каюты постучали, и вошел один из матросов. Судя по его хмурому виду, что-то случилось.

– Капитан, там это...

– Что?

– Да хрен его знает!

Оказывается, невдалеке от «Белого дельфина» появился корабль, вернее, его заметили уже давненько, но сейчас подошли ближе, и стало заметно, что с тем судно что-то не так – оно словно болтается по волнам, не отвечает ни на какие сигналы, и людей на палубе не видно. Так что, капитан, вам решать, что будем делать дальше...

– Могли бы и раньше сказать!.. – рывкнул капитан, вставая, и

направляясь к дверям. – Чего дожидались? Или не знаете, что в таких случаях делать положено?

– Думали поближе подойти...

– Думать башкой надо, а она у вас неизвестно чем занята!

Мы, естественно, отправились вслед за капитаном – надо же было выяснить, в чем тут дело. К тому же при однообразной жизни на корабле во время долгих переходов становится интересным любое, пусть даже самое незначительное, происшествие.

Как оказалось, невдалеке от «Белого дельфина», и верно, находится небольшое судно несколько непривычного вида – низкое, довольно широкое, да и парусов у него было немного. Даже я, неопытный человек, понимала, что этот корабль просто болтается по волнам. Название этого судна прочитать я не смогла – там какие-то непонятные буквы... Интересно, куда подевался экипаж?

– «Тика»... – в отличие от меня капитан сумел прочитать название корабля. – Судя по виду, это судно с Таусских островов – есть такие неподалеку от Черного континента. Эти суденышки не ахти какие быстрые, но зато надежные. Судя по посадке судна, оно полностью нагружено...

– Капитан, чего делать будем?.. – теперь вопрос задал боцман, невысокий пожилой крепыш.

– То, что и положено – готовь шлюпку. Возьмешь парней, и отправляйся на «Тику», тем более что там, непонятно для какой надобности, сброшен веревочный трап. Ну, а когда окажешься на палубе, то знаешь, что надо делать. Главное, будьте осторожны.

– Понял.

Глядя на суету, поднявшуюся на палубе, Винсент негромко объяснял мне, в чем тут дело. Оказывается, в случаях, подобных этому – то есть если в море встречается брошенное судно, то капитан корабля должен послать к такому судну небольшую команду, чтоб те выяснили, в чем тут дело, и в случае необходимости забрать хотя бы судовые документы. Конечно, неплохо бы прихватить и груз, но тут уж как получится, загадывать ничего нельзя. Правда, в таких случаях нужно быть очень осторожным, потому как неизвестно, что тебя ждет на таком корабле – бывало, что от какой-либо заразной болезни, подхваченной в одной из дальних стран, умирал весь экипаж, так что

заражались и те, кто поднимался на борт судна, чтоб выяснить, что произошло...

Стоя на палубе, мы смотрели, как шлюпка преодолевает расстояние до «Тики», затем трое поднимаются вверх, а один матрос остается в шлюпке, поджидая возвращения товарищей, которые вначале прошли по палубе, осматривая все вокруг, а потом спустились в трюм. Медленно текли минуты ожидания, затем, спустя полчаса, люди вновь показались на палубе, а потом стали спускаться в лодку, только по трапу спускалось уже не три человек, а четыре, причем один из них был чернокожим. Что ж, хоть кого-то живым нашли, и это уже неплохо.

Первое, что сделал этот человек, оказавшись на палубе «Белого дельфина» – так это бросился к капитану, и упал перед ним на колени. Непонятно: то ли за спасание благодарил, то ли собирался просить о какой-то милости... Ну, а боцман сообщил капитану, что на палубе не нашел никого, а в трюмах находится груз – черная и красная древесина. Такое дерево перекупщики в любом порту с руками оторвут, да и цену за него можно получить немалую.

А еще, в одном из отсеков, обнаружили трех живых темнокожих матросов. Эти люди лежали там, готовясь к смерти, и, увидев появившихся белых людей, они едва не умерли от страха – решили, что это демоны в человеческом облике пришли за их душами. Правда, потом, кое-как изъяснившись на пальцах, темнокожие матросы воспряли духом и передумали помирать. Больше того: они решили попросить у нашего капитана нескольких матросов, чтоб довести судно до ближайшего порта – мол, там, если Боги будут к нам милостивы, мы подберем себе новый экипаж. И правила, дескать, мы знаем – за помощь вам проложена пятая часть стоимости груза, так мы ее заплатим, не сомневайтесь!

На вопрос капитана о том, что же произошло, раз на «Тике» почти не осталось людей, матрос почти ничего не ответил. Сказал лишь, что пришел Дух Темных Вод, и забрал всех кого мог, а те, кто остались в живых, решили, что в следующий раз этот самых Дух Темных Вод придет и за ними, и потому решили не противиться судьбе. Мол, все одно помирать, но раз получилось так, что нас спасли белые люди, то, выходит, Богам не нужна наша смерть, а коли все сложилось таким образом, то надо думать о другом – как добраться до порта, и не продешевить с продажей древесины.

Капитан долго беседовал чем-то со спасенным человеком, а затем, немного подумав, все же отправил на «Тику» троих матросов – мол, теперь вас шестеро, кое-как управитесь, и в порт пойдем вместе. Еще он о чем-то предупредил своих людей, а нам ничего говорить не стал – мол, вас наши дела не касаются. Правда, было заметно, что капитан чего-то опасается, но от наших расспросов он лишь отмахнулся – дескать, это наши заботы, сидите спокойно в своей каюте! Ну, а если сидеть не хочется, то помогите моим парням – сейчас у меня моряков не хватает, я ж троих отправил на «Тику»!.. Тем не менее, нам было понятно, что темнокожий моряк рассказал капитану нечто такие, отчего тот всерьез встревожился.

Как-то незаметно на море опустились сумерки, а потом наступила ночь. Спать не хотелось – неизвестно почему всеми овладело непонятное беспокойство, и вдобавок ко всему капитан нам велел под утро ни в коем случае не покидать свою каюту. Кто мне объяснит – что происходит? Хуже того: после полуночи на море появился густой туман, так что с «Тикой» поневоле приходилось то и дело обмениваться громкими свистами – не хватало еще, чтоб корабли столкнулись в густом тумане, или же просто разошлись далеко друг от друга.

Час шел за часом, но ничего не менялось, и мы занимались тем, что без устали смотрели в иллюминатор, заменяющий окно. Говорить не хотелось, спать тоже... Скорей бы рассвет! Винсент уже рассказал нам, что у моряков есть такое определение – «собачья вахта», или просто «собака», то есть несение вахты с полуночи до четырех часов. Это и есть то неприятное и опасное время, когда можно ожидать появления самых странных и страшных существ моря. По слухам, в это самое время со дна моря поднимаются едва ли не самые жуткие обитатели глубинных вод...

Словно в отчет на наши опасения я заметила, как камень на руке Винсента стал чуть светиться зеленым светом.

– Винсент... – прошептала я.

– Вижу... – сказал тот, и в этот момент до нас донесся слабый крик – кажется, это голос вахтенного.

Не сговариваясь, мы выбежали из каюты, и, надо сказать, я словно очутилась в каком-то странном, непонятном мне мире. Мы слышали странные звуки, kloкочущие, стонущие, будто

вырывающиеся из воды, и не похожие ни на что – то ли плачь, то ли заунывная песня, и в то же самое время вода за бортом словно посветлела и замерцала. Такое впечатление, будто в воде вокруг корабля что-то движется и колыхается. Еще мне казалось, что рядом, в тумане, вокруг нас носятся призраки, и я ясно видела их расплывчатые тела, словно обитатели тьмы пришли сюда в гости. Это еще что за жуть такая?! Теперь я понимаю, отчего камень в браслете Винсента светится зеленым светом.

Однако в следующий момент туман у борта словно сгустился, стал плотным, а еще через миг мы увидели, что перед нами появилась человеческая фигура. Ни лица, ни рук, ни ног было не рассмотреть, но было понятно, что перед нами находится нечто живое, но сотканное из тумана, и сейчас оно медленно заскользило к нам, и казалось, что по сторонам колыхнутся его призрачные одеяния. Еще от этого создания словно шла волна парализующего страха, слышался тонкий вой, а потом к нам потянулось нечто, очень похожее на лапы с когтями, и они стали сгибаться, словно зовя нас к себе...

В этот момент вперед вышел Винсент, и протянул вперед руку с ярко сияющим зеленым камнем. Серая фигура, стоящая совсем близко от нас, шарахнулась в сторону, в воздухе растаяли руки-когти, а еще через несколько мгновений призрачная фигура скользнула за борт, и словно исчезла в тумане, растворившись в нем. Камень на руке Винсента стал светиться чуть меньше, потом и вовсе погас, а вместе с тем стал пропадать туман вокруг «Белого дельфина».

– Это что такое было?!.. – раздался голос капитана, который удивленно смотрел на нас. Надо же, я его и не заметила, а он, похоже, все это время находился неподалеку от нас. – Как это вы умудрились ее отогнать?! Чего у вас в руках светилось?

– Вы лучше скажите, что мы сейчас видели?.. – только что не огрызнулся Винсент. – В жизни такой дряни не встречал!

– Ваше счастье... – капитан вытер пот со лба. – Это была Серая Погибель.

– Что?

– Верно, вы же сухопутные, ничего об этом не знаете... Пойдем ко мне в каюту, там расскажу.

– А как же...

– Не беспокойтесь – если Серую Погибель прогнать, то она уже не вернется...

В каюте капитан достал большую бутылку, открыл ее чуть подрагивающей рукой, наполнил стакан, и едва ли не одним махом влил его в себя. Затем вновь наполнил стакан и повернулся к нам.

– Там, в столе, у меня еще стаканы есть. Доставайте. Выпьем за то, что остались живы. Спрашиваете, что такое Серая Погибель? Это именно то, что погубило почти весь экипаж «Тики». Хорошо еще, что эта морская нечисть редко встречается, тех, кто ее видел, по пальцам можно пересчитать! Но если тебе довелось с ней столкнуться, то все, пощады не жди. Серая Погибель бродит по кораблю, дотрагивается до людей, после чего тот, кого она коснулась, уже не жилец. Так сказать, его смерть пометила. Кто из этих бедолаг сразу умирает от ее прикосновений, кто сразу за борт бросается, кто умом тронется, а кто и с собой на тот свет других прихватывает.

– Вам с ней уже довелось встретиться?

– Было дело... – неохотно ответил капитан, вновь наполняя свой стакан. – Я тогда еще был сопливым юнгой, ничего не знал... Помнится, после того, как нас посетила Серая Погибель, от экипажа корабля и половины не осталось... Вы что, маги?

– Нет, но кое-какую нечисть гонять в состоянии... – обтекаемо ответил Винсент.

– А если еще какая тварь на нашем пути встретится – справитесь?

– Не уверен, но постараюсь.

– Это ж какое счастье, что я вас на борт взял!... – капитан вновь отхлебнул из стакана. – Прямо как чувствовал, что не стоит отказывать! Хотя честно признаюсь – в последний миг начал опасаться насчет того, не обвели ли вы меня вокруг пальца. Я ж видел в подзорную трубу, как вы на берегу возле маяка следы зачищали. Конечно, там тоже не праведники обитают, но, тем не менее... Думал, что кое в чем стражники правы, раз всю разыскивают вас... Да хрен с ними, со стражниками, главное, сейчас все мои люди живы, и с «Белым дельфином» все в порядке, а это дорогого стоит!..

Капитан говорил еще что-то, но я его не слушала. Рад, говоришь? А уж мы-то как рады, что в живых остались! Надеюсь, что

за время оставшегося пути у нас больше не будет таких встреч...

Глава 21

В порт Кабис, находящийся в нашей стране, «Белый дельфин» прибыл в то время, когда на землю стали спускаться сумерки. Последние несколько часов пути мы, все четверо, только что не считали минуты, ожидая того долгожданного момента, когда, наконец-то, сойдем на берег. Так хотелось оказаться дома, в своей стране, где не надо прятаться, постоянно быть настороже, прикидываться кем-то иным, не нужно оглядываться по сторонам, опасаясь того, что тебя кто-то может опознать! Конечно, на «Белом дельфине» мы чувствовали себя в безопасности, но вокруг все же море, в котором, помимо всего прочего, хватает таких обитателей, от которых нам бы хотелось держаться как можно дальше. Скорее бы, скорей на берег!

Не знаю, как у остальных, а у меня просто от сердца отлегло, когда я увидела вдали полоску земли, только вот приближалась она, на мой взгляд, уж очень медленно. Однако по мере того, как земля становилась все ближе, я стала различать дома, сады, причалы, суда, стоящие у берега, рядом с «Белым дельфином» стали появляться рыбацкие лодки, а еще мы то и дело видели паруса кораблей... Тут и без слов ясно, что через какое-то время мы окажемся в порту.

Ну, раз такое дело, то мы отправились к капитану. Конечно, ранее Винсент уже заплатил ему аванс в пятьдесят золотых, но в конце пути мы вручили капитану еще сотню золотых монет, которую обещали ему за проезд. Скажете, что это дорого? Не спорю, но капитан согласился рискнуть только за весьма внушительное вознаграждение, и я могу его понять. Хорошо и то, что нам хватило денег, чтоб расплатиться с капитаном, а не то мы могли бы оказаться в весьма неприятной ситуации.

Поневоле вспомнилось, что когда мы только прибыли на Зеленый маяк, присутствующие там двое мужчин содрали с нас неплохие деньги за разрешение дожидаться прибытия корабля на берегу, и тогда я стала всерьез опасаться, как бы нам не остаться без денег – та пара авантюристов была настроена более чем агрессивно. Правда, в итоге все разрешилось очень просто: когда наши спутники обыскивали тела тех двоих мужчин, с которыми (помимо нашей воли), все же пришлось схлестнуться у маяка, то у них, как и

следовало ожидать, обнаружили те самые золотые монеты, которые, естественно, оставлять в карманах убиенных никто не стал. Конечно, кто-то из белоручек может скривить нос, и протянуть нечто вроде того – фу, как можно забирать что-то у мертвых?!, только в нашем положении чистоплюйством заниматься не с руки. Так что в итоге нам хватило не только расплатиться за проезд, но у нас еще осталось немного денег на расходы.

Больше того – ранее я обещала капитану, что если мы благополучно вернемся на родину, то я дам ему еще сотню монет, но уже от себя, и потому выписала нашему храброму капитану вексель на свое имя.

– Что ж, выходит, что мы возвращаемся не с пустыми руками... – нам собеседник был доволен. – Порадую свой экипаж, парням будет, на что погулять.

– Капитан, у меня к вам просьба... – сказала я, протягивая бумагу капитану. – Пожалуйста, постарайтесь получить деньги по этому обязательству дней через десять – надеюсь, что к этому времени я уже окажусь дома, так сказать, в кругу семьи. Проблема в том, что меня считают без вести пропавшей, так что любая бумага за моей подписью, предъявленная к оплате в ближайшее время, привлечет к себе (а заодно и к вам) ненужное внимание. Вот потому-то мне бы хотелось вначале появиться перед своими родными, чтоб снять все возможные неприятности и ненужные разговоры.

– Понимаю... – кивнул головой капитан. – Вы уж меня извините, раньше я к вам с разговорами и вопросами не лез, да и сейчас соваться не хочу, но все же мне хотелось бы знать, кто мне деньги должен. Проще говоря, чья подпись на бумаге стоит? Вы ж говорили, что из высокородных...

– В этом нет никакого секрета... – чуть улыбнулась я. – Подпись моя, маркизы Элизабет Алверст.

– Ясно... – капитан почесал в затылке. – Ваша Светлость, значит... Ишь ты! Тогда извините, если что было не так.

– Ну что вы!.. – я обезоруживающе улыбнулась. – Капитан Хайтес, право, вы вели себя самым достойным образом.

Тут я, конечно, слегка перехватила – капитан не особо стеснялся присутствия посторонних на своем корабле, и иногда в нашем присутствии позволял себе, скажем так, довольно-таки цветистую и

образную речь, услышав которую, наши спутники только качали головами и разводили руками – мол, дамы, тут ничего не поделаешь, такова особенность разговора моряков. Но мы и сами понимали, что на подобные мелочи внимания обращать не стоит.

– Рад слышать... – капитан посмотрел на Винсента. – А может, все же скажете, как вы Серую Погибель прогнали? У вас в руках тогда что-то светилось. Мои парни потом утверждали, что вы колдун.

– Какой там колдун!..– замахал руками Винсент. – Просто во время блужданий меня кое-чему научили. Правда, у меня это дело получается не всегда, но в тот раз все вышло, как надо.

– Повезло, значит.

– Вроде того. Да, капитан, вот еще что... – заговорил Винсент. – Надеюсь, мне бы хотелось прояснить то, что произошло несколько дней назад у Зеленого маяка. Вы сами сказали нам, что видели в подозрную трубу все произошедшее на берегу.

– Ну, видел я, предположим, далеко не все, вернее, едва ли не конец той истории, что с вами приключилось возле маяка. Что, те парни стали перед вами пальцы гнуть, или вы им в чем-то не понравились?

– Можно сказать и так... – Винсент потер лоб ладонью. – Дело в том что двое обитателей того милого места, пусть и с неохотой, но разрешили нам подождать какое-то время на берегу, а потом отчего-то вздумали от нас избавиться, но перед этим потребовали выложить на песок все, что находилось в наших карманах. Те парни даже не считали нужным скрывать от нас свои намерения. Думаю, вы сами понимаете – иного выхода у нас просто-напросто не было.

– Это я понял... – вздохнул капитан. – Знаете, почему я вас туда отправил, на этот самый маяк, хотя знал, что дожидаться кого-то у Зеленого маяка – это дело достаточно опасное? Просто это единственное место, куда стража не суется даже днем. На берегу, конечно, хватает рыбацких деревушек, но там ничего не скроешь, все на виду, да и стражники кое-где имеются. В тех поселениях вам вряд ли удалось бы дождаться корабля – тамошний народ к незнакомым людям относится с подозрением, чужаков предпочитает задерживать, и страже сдавать – за это им платят, а от лишних денег тут никто не отказывается. А вот Зеленый маяк – это место, к которому, по негласному договору, местные не подходят даже днем, да и чужаки

не сунутся туда без крайней на то необходимости. Тем не менее, считается, что днем у Зеленого маяка можно находиться сравнительно безопасно, особенно если в ладонь зрителя упадет несколько монет – вот тогда, по слухам, он на какое-то время может стать слепым и глухим. А вот ночью там, и верно, посторонним делать нечего. Вернее, если вам дорога жизнь, то не стоит приближаться даже к окрестностям маяка. Ну, я все же надеялся, что вы там спокойно пересидите какое-то время, но, как видно, ваша компания у зрителя вызвала подозрение, или же денег вы ему слишком много дали – вот он за оставшимся золотишком и пошел. Верно?

– Так... – не стал отпираться Винсент, тем более что предположение капитана нас вполне устраивало. – Дело было так: сколько золота вначале затребовал зритель маяка – столько ему и заплатили. Только зритель не один на маяке был, а с приятелем, таким же любителем дармовых деньжонок. Вот они и решили с нами по-своему поговорить.

– Да уж, есть такие люди, которым все мало... – покачал головой капитан. – Вот и нарвались. Ну, тут винить некого... Я, кстати, потом еще долго на маяк смотрел, опасался, не остался ли там еще кто живой. Мне, знаете ли, тоже не нужны свидетели того, что вы оттуда убрались на «Белом дельфине» – если кто из их дружков-приятелей узнает, что я вас забрал, то мне в эту страну дорогу можно забыть раз и навсегда. Однако сколько я не смотрел в подзорную трубу на маяк и берег, но, по счастью, так никого и не увидел. Как видно, кроме этих двоих, на маяке больше никого не было, а иначе бы те люди точно показались. Считайте, что нам всем крепко повезло. Ну, теперь это дело прошлое, а сейчас я вам чем-то еще помочь могу?

– Как сказать... Винсент на секунду задумался. – Если можно, то нам у вас еще кое-что узнать бы не помешало...

Когда же, наконец, мы сошли с «Белого дельфина», то я поняла, что беспричинно улыбаюсь. До нас доносились разговоры на родном языке, не было удушающей жары южных земель, а на душе была радость и уверенность в том, что отныне все будет хорошо. Наконец-то я дома! Правда, некоторые из проходящих мимо людей косились в нашу сторону с недоумением и неприязнью, и их можно понять – внешний вид нашей четверки был крайне непрезентабельным, мы куда больше смахивали на бродяг. Старая выцветшая одежда,

донельзя потрепанная обувь... Хорошенько помыться все нам тоже бы не помешало, но это дело отложим на потом.

Для начала нам надо переодеться – конечно, нищих и бродяг везде хватает, и на таких людей лишний раз смотреть не хочется. Еще недавно подобное положение дел нас вполне устраивало, но сейчас оставаться в столь неприглядном виде ни у кого из нас не было ни малейшего желания. Вынужденный маскарад закончился, нам следует срочно приобрести приличный вид, и чем скорей это произойдет, тем лучше. Проблема лишь в том, что уже вечер, и многие лавочки к этому времени закрыты, но в порту всегда можно отыскать торговцев, которые едва ли не сутки напролет держат свои магазинчики открытыми, открывая их по первому же стуку в дверь. Незадолго до нашего расставания капитан Хайтес любезно подсказал нам, где отыскать одного из таких трудолюбивых торговцев, и именно к нему мы и отправились.

Тот, при виде нашей обтрепанной четверки, вначале нахмурился, но при упоминании капитана Хайтеса, а заодно при виде пары золотых монет (пусть даже это иноземные деньги) враз засиял счастливой улыбкой, и уже через несколько минут перед нами оказался целых ворох сравнительно неплохой одежды, а еще целая гора обуви. Конечно, новой одежды там было совсем немного, но кое-что выбрать очень даже можно, так что из магазинчика мы вышли уже одетыми, как положено. Разумеется, ни о каком шике тут и речи не шло – скорее, сейчас мы выглядели как горожане среднего достатка, но нас это вполне устраивало. Не привлекаем к себе излишнего внимания, на нас не оглядываются – уже хорошо, иного нам и не надо.

Мы уже заранее решили, куда отправимся дальше. Надо сказать, что в этом городе у меня жила дальняя родственница, троюродная сестра моей покойной матери, дама весьма преклонного возраста, которую я видела всего два раза в жизни, причем последняя наша встреча состоялась лет десять назад. Конечно, неплохо было бы отправиться к ней, хотя я и не знаю, где находится ее дом. Впрочем, при желании выяснить, где находится жилье родственницы, не составит особого труда, только вот, боюсь, дама вряд ли вспомнит меня (к тому же за годы, прошедшие после нашей последней встречи, я изменилась), да еще она наверняка уверена, что меня уже нет на свете – не сомневаюсь, что ей уже сообщили о моем бесследном исчезновении. Не сомневаюсь, что при необходимости мне удастся

доказать этой даме, кто я на самом деле, только вот, при зрелом рассуждении, мне пока что лучше не показываться никому из родни. Для меня самое лучшее – это прямиком отправиться к тете Фелисии, рассказать ей обо всем, что со мной произошло, а она примет решение о том, что нам делать дальше, и что следует говорить. Пожалуй, только тетушка может придумать, как сделать так, чтобы мое непонятное исчезновение (а потом и внезапное появление) не нанесло ущерба репутации нашей семьи.

Правда, Винсент и Дорен считали, что им в самое ближайшее время следует отправиться в свой полк, сообщить о том, что они вернулись из плена, и готовы приступить к выполнению своих обязанностей, но, немного подумав, молодые люди согласились вначале доставить меня домой, а уж потом отправиться к месту своей службы. Что же касается Ярли, то тут без вопросов – было решено, что она отправится со мной. Впрочем, иного и быть не могло.

Казалось бы – все правильно, так и должно быть, но мне отчего-то было обидно, что Винсент так легко может со мной расстаться. Конечно, между нами ничего не было, все это он вел себя со мной безупречно, но за все то время, которое мы провели вместе, я настолько привыкла полагаться на него, что мне никак не хотелось, чтоб Винсент раз и навсегда ушел из моей жизни. Не скажу, что я его безумно люблю, но рядом с ним у меня есть чувство защищенности, которого у меня не было в браке с Воганом, а еще я понимала, что на этого человека можно опереться в любой ситуации, даже самой непростой. Говоря откровенно, мне бы хотелось, чтоб так продолжалось и дальше. Добрый, сильный, надежный человек... Конечно, Винсент не красавец, у него самая обычная внешность, но одного рыжего красавца мне более чем достаточно, на всю жизнь хватит той неудачной семейной жизни.

Помнится, в свое время моя служанка, девушка очень привлекательная, решила выйти замуж, причем ее жениха никто бы не назвал эталоном красоты – обычный лопоухий парень, да еще и с крупными веснушками, которые усыпали все лицо. На расспросы девушка все отвечала одно и то же: он хороший, добрый, любит меня, а то, что простоват – так мне красивого не надо, я красивая сама... Может, Винсенту намекнуть, что я вовсе не против его ухаживаний? Еще неизвестно, что мне он ответит... Ох, тут не знаешь, что сказать и как себя повести!

Ладно, обо всем этом подумаем завтра, а пока что надо было позаботиться о ночлеге, хотя с этим вопросов как раз не было – капитан Хайтем советовал нам пойти в «Пенный вал» – дескать, это очень неплохая гостиница, хотя и не очень дешевая, зато находится недалеко от порта. Мол, там за порядком следят, номера хорошие и на кухню нареканий нет, а главное – шумные моряки редко заглядывают в ту гостиницу, потому как люди там останавливаются в поисках тишины и покоя, так что непрощенных гостей быстро и без разговоров выставляют из «Пенного вала». Что ж, можно пойти и туда, а завтра нужно будет нанять экипаж, и отправиться домой.

Поиски гостиницы заняли не так много времени, и через недолгое время мы оказались в большом двухэтажном здании, где сняли хороший номер. Как выяснилось, тут можно поменять и деньги, так что нам пришлось немного подождать, пока Винсент обменивал десяток золотых монет на деньги нашей страны.

– Вот, можете проверить... – худощавый мужчина средних лет отсчитал Винсенту монеты. – У меня все честно.

– Не сомневаюсь... – пробурчал Винсент, убирая деньги, и я могу понять его недовольство – мы договаривались, что сразу же после обмена денег пойдем в обеденный зал, и как следует перекусим, а этот человек явно желает продолжить разговор. Надо бы как-то повежливей распрощаться с говорливым мужчиной.

– Сегодня вы уже третьи, кому я меняю монеты той страны... – продолжал мужчина. – Вы с того корабля, что пришвартовался сегодня днем?

– Нет, мы прибыли на другом судне.

– А, наверное, на том, что пришел вчера! Знайте, что буду рад вновь оказать вам услугу... – мужчина пропустил ответ мимо своих ушей. – Запомните – у меня самый выгодный курс обмена, и я всегда рад помочь хорошим людям!

Ну, раз этот человек так любезен с нами, то наверняка не остался внакладе. Впрочем, сейчас было не до того, чтоб думать о таких мелочах – лучше поторопиться в обеденный зал. За время пути по морю солонина, которой в основном питались моряки, нам так надоела, что на нее лишний раз даже смотреть не хотелось, и потому мы сегодня вообще не ели, рассчитывая на хороший обед после того, как окажемся на берегу. Так, что бы такое сейчас заказать? Пожалуй,

я попрошу грибной суп и жареную курицу, а еще пирог с вишней...

Едва переступив порог обеденного зала, я окинула взглядом находящихся там людей, и шагнула, было, вперед, но в следующий миг остановилась, и вновь посмотрела на один из столов. Этого не может быть! Хотя почему не может? Во всяком случае, такой встречи я никак не могла ожидать, и от увиденного по-настоящему растерялась. Что эти двое тут делают? А еще надо бы отвернуться, чтоб меня не узнали.

– Лиз, ты почему остановилась?.. – спросил Винсент. – Увидела кого-то из знакомых?

– То-то и оно... Винсент, посмотри направо – нам неподалеку от стены стоит небольшой стол и за ним сидят двое – женщина в красном платье и мужчина в серо-голубой одежде.

– Вижу.

– Их, вообще-то, сложно не заметить... – подал голос Дорен. – И что?

– А то, что перед вами находятся Тирла – та женщина, которая решила спровадить меня в мир иной. Рядом с ней – мой бывший супруг. Вернее, очень надеюсь на то, что к этому времени он стал бывшим.

– Эти рыжие?!

– Они самые, собственной персоной... Не хочу, чтоб эта парочка меня увидела. Сами понимаете, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Тогда нам стоит сесть в сторону от них.

– Да, и поскорей. А еще подальше...

Усевшись в самый темный угол, я стала рассматривать парочку, то есть Тирлу и бывшего супруга. Вообще-то в их сторону косились многие – что ни говори, но две рыжие головы невольно притягивали к себе взгляды многих. Наверняка многих смущал бы такой неприкрытый интерес, но только не Тирлу. Одета в ярко-красное платье, богато отделанное вышивкой, с красивой прической и обвешанная украшениями, она явно гордилась тем, что находится в центре мужского внимания, и, без сомнений, считала себя едва ли не подарком всей мужской половине человечества. Кокетливые взгляды

по сторонам, призывные улыбки, излишне глубокое декольте на платье, и даже то, как она отпивала вино из высокого стакана – все это словно показывало окружающим, что ее спутник не ценит той красавицы, что находится рядом с ним, и потому она, бедняжка, помимо своей воли вынуждена терпеть такого неблагодарного кавалера. Что же касается моего дорогого супруга, то он к этому времени уже находился в крепком подпитии и мрачном расположении духа. Ну, тут и без пояснений понятно, что Вогану не нравилось то, что его подружка едва ли не в открытую привлекает к себе общее внимание, и, можно сказать, открыто ищет себе нового дружка.

Хм, а внешне Тирла почти не изменилась, разве что налет вульгарности, который и ранее был присущ рыжей красотке, сейчас стал еще более заметен. Что же касается Вогана, то он несколько осунулся, похудел, под глазами появились мешки, на лице заметна отечность, и мой бывший супруг отнюдь не выглядит счастливым человеком. Говоря откровенно, он выглядит хуже того, каким был еще совсем недавно. А еще я обратила внимание на то, слуга только что забрал с их стола два пустых кувшина из-под вина, и поставил новый кувшин, который, разумеется, был наполнен отнюдь не чистой водой. Судя по всему, Тирла знает свою норму хмельного, и к новому кувшину не притронулась, зато Воган сразу схватился за принесенный кувшин, и наполнил свой стакан доверху, после чего отхлебнул из него едва ли не половину. Н-да, раньше Воган был куда более сдержан в отношении напитков, дурманных голову, и не позволял себе никаких излишеств. Похоже, как только в его жизни вновь появилась Тирла – с той поры мой дорогой муженек начал проводить дни напролет в развлечениях и в легком хмельном угаре. Как говорится: вся жизнь – праздник, в котором смотреть на жизнь трезвыми глазами уже не хочется. Что ж, все верно – в таком состоянии легче управлять человеком, и Тирла этим во всю пользуется. Среди этой пары Тирла выглядит лидером, и Воганом она давно вертит, как хочет, а у него нет ни сил, ни желания возражать этой нахалке.

Не могу сказать, что хоть немного сочувствую Вогану, и, что самое удивительное – теперь я думаю о нем, как о чужом человеке, и ничего, кроме раздражения, он у меня не вызывает. Да уж, от моей детско-юношеской любви остались одни воспоминания, и о своем былом обожании этого человека я не могу вспоминать без чувства

стыда.

Вот кто мне скажет, зачем я согласилась выйти замуж за Вогана? Ведь знала же, что он меня не любит, просто хочет забыть сбежавшую невесту, а заодно показать всем, что может найти себе жену не хуже, а даже лучше коварной беглянки! Правильно говорила тетя Фелисия – в этом человеке говорит великая обида, и только потому он зовет меня замуж. Все это я хорошо понимала, но, говоря откровенно, все же рассчитывала на то, что увидев, как я его люблю, Воган постепенно забудет свою сбежавшую рыжую прелестницу, и будет счастлив со мной. Ага, как же! Похоже, мой дорогой супруг относится к числу тех, кто готов простить своему избраннику едва ли не все, лишь бы снова быть с ним. Надо посмотреть правде в глаза: Воган прождал несколько лет, надеясь на возвращение своей дамы сердца, а брак со мной считал временным явлением: не просто же так он заставлял меня пить ядовитое зелье, которое не давало мне возможности родить ребенка – рассчитывал, что в будущем так будет легче развестись. Еще тогда следовало понять, что Воган ждет возвращения беглянки, заранее готов простить ей все, и все еще любит рыжую прелестницу. Сейчас мне неприятно вспоминать о том, как после возвращения Тирлы в родные края, я старательно делала вид, будто ничего не знаю о том, где Воган проводит все свое время, и мечтала о том, как однажды он разочаруется в своей бывшей невесте, и поймет, что лучше меня ему никого не найти...

Ой, ну какая же я была наивная, вернее, просто не желала видеть очевидное! На развод надо было пойти сразу же после того, как стало понятно, что у Вогана не остыли чувства к бывшей невесте, и они снова вместе. Увы, но некоторых жизнь ничему не учит. Если бы я не тянула время в призрачной надежде на то, что еще можно исправить, и не держалась обеими руками за мужа, опасаясь его потерять – вот тогда мне бы не пришлось скитаться в чужой стране...

– Лиз, о чем думаешь?.. – от раздумий меня оторвал голос Винсента. – Надеюсь, причина не в том, что ты от мужа глаз оторвать не можешь?

– Да так... Как бы эти двое нас не заметили – вон как девица по сторонам глазами стреляет!

– Не страшно – мы сидим чуть позади них, и едва ли не в самом темном месте зала, а глаз на затылке у рыжей чаровницы наверняка нет. Что же касается ее спутника, то ему нет дела до посторонних –

смотрит только на свою красотку. К тому же в его нынешнем состоянии он вряд ли узнает тебя даже в том случае, если ты появишься прямо перед ним.

– Ну, если судить по тому, что он опрокидывает в себя уже третий стакан, то подобное вполне возможно... – согласилась я, глядя на то, как Воган вновь схватился за ручку кувшина.

– Если честно, то я твоего супруга представлял себе несколько иным.

– Каким же?

– Ну, более значимым, что ли. А сейчас я вижу перед собой самовлюбленного красавца, которого ловкая бабенка загнала под свой каблук. Что касается этой особы, то ее поведение один в один напоминает ухватки гм... жрицы любви в хм... веселых домах. Там красотки ведут себя примерно таким же образом, приманивая клиентов. Еще в игорных домах подобных девиц обычно подсовывают к тем везунчикам, что начинают выигрывать...

– Интересно, откуда тебе все это известно?.. – фыркнула я.

– Вообще-то мы с братом уже большие мальчики... – развел руками Винсент. – Да и служили в полку, а там, как понимаешь, одни мужчины с соответствующими поведением и разговорами... Кстати, ты почему не ешь?

Я посмотрела на стол, и поняла, что пока я предавалась горестным раздумьям о бывшем муже и несовершенстве мира, мои спутники заказали множество самой разной снеди, и теперь стол перед нами только что не ломился от тяжести тарелок. Грибного супа, правда, не было, но зато в наличии имелись жареная курица и малиновый пирог. Что ж, очень даже неплохая замена.

Некоторое время мы молчали, подчищая все, что находилось на тарелках. Лично мне нравилось все, что нам принесли, но вот Ярли с опаской пробовала творог со сметаной и гречку с грибами. Понятно, что ничего из этого она раньше не ела, и теперь старается привыкнуть к необычной пище. Ну, это дело времени, тем более что пирог с малиной вызвал у нее полный восторг. Надо бы заказать еще пирог со смородиной или брусникой, только непонятно, как девушка к ним отнесется.

Пока мы ждали, когда нам принесут новый заказ, и я заговорила

о другом.

– Никак не могу понять, что эта парочка делает в здешних местах? Отсюда до нашего городишки путь неблизкий, так что вряд ли эти двое прибыли сюда только для того, чтоб прогуляться, или полюбоваться на морские волны. Тирла ничего не делает просто так, без своей выгоды. Что-то мне вся эта история совсем не нравится.

– Согласен. Раз эти двое еще вместе, значит, есть вероятность того, что красотка все еще собирается стать законной женой своего давнего кавалера.

– Может, уже стала?.. – хмыкнула я. – Хотя вряд ли – после моего исчезновения прошло не так много времени, чтоб можно было заключать брак. Вначале надо выяснить, куда я пропала, жива или нет, и с чем связано мое исчезновение. Пока не будет серьезного подтверждения того, что меня нет на этом свете, ни один священник не совершит над ними свадебный обряд.

– Считаешь, что причина их появление здесь имеет отношение к тому, о чем нам рассказал тот мужчина у маяка?.. – продолжал Винсент. – Я имею в виду то, что рыжая девица вернулась в нашу страну не только из-за своей великой любви, но и преследуя свои интересы.

– Да кто их знает!.. – вырвалось у меня. – Эта особа способна на многое, тем более что мой бывший супруг, похоже, в этой паре права голоса не имеет. И все же хотелось бы знать, для чего эти двое сюда пожаловали... А что такое сейчас у них происходит?

Вообще-то я могла бы и не спрашивать, и без того вся понятно. Кокетство Тирлы принесло свои плоды, и какой-то крепкий мужчина уселся за стол, как раз напротив рыжей красотки. Не знаю, о чем они говорили, но мужчина, неприятно улыбаясь, взял девицу за руку, а та и не думала сопротивляться. Боле того – мужчина вздумал потрепать Тирлу по щеке, и она не имела ничего против подобной вольности, только вот у Вогана по этому поводу было другое мнение. Вскочив со своего места, он ударил мужчину, тот не остался в долгу, и через мгновение стол полетел в сторону, а мужчины схватились на полу. Так, дело дошло до драки...

– Я кое-что придумал... – Винсент поднялся из-за стола. – Дорен, пошли, а вы, девушки, оставайтесь здесь, и ждите нас. Ясно?

– Да...

Через несколько секунд молодые люди оказались возле сцепившихся людей, и сумели быстро растащить дерущихся. Не знаю, что Винсент говорил Тирле (которая смотрела на драку с улыбкой), держа в руках обвисшее тело Вогана, но та через какое-то время позвала слугу, что-то ему сказала, и Винсент с Дореном потащили к выходу моего дорогого супруга, который к тому времени вряд ли соображал, что происходит. То ли хмель взял свое, то ли несколько сильных ударов незнакомца сделали свое дело, но сейчас Воган представлял собой весьма жалкое зрелище. Еще невольно отметила про себя, что бывший муж вряд ли сумеет постоять за себя, во всяком случае, тот мужчина успел крепко его потрепать. Н-да, не скажу, что я хоть немного сочувствую когда-то любимому супругу.

Минута шла за минутой, а наши спутники все не возвращались. Ярли, которая все это время помалкивала, негромко спросила меня.

– Госпожа, правда, что это ваш муж?

Теперь мне понятно, что негромко втолковывал ей Дорен. Правильно, что рассказал, хотя, я уверена, девушка уже и сама о многом догадалась.

– Очень надеюсь, что к этому времени он уже бывший муж. А та рыжая особа, то была с ним – это, если можно так выразиться, его вечная любовь.

– Простите, госпожа, но я не понимаю мужчин... – вздохнула Ярли. – Каждому, у кого есть глаза, понятно, что эта женщина не может быть верной женой и хорошей хозяйкой, но, тем не менее, многие из тех мужчин, что находятся в этом зале, были бы не прочь познакомиться с ней поближе. Вон, смотрите сами...

И верно: мужчина, с которым сцепился Воган, и Тирла – они вместе выходили из зала, причем мужчина по-хозяйски шлепнул девицу пониже спины, а та только захихикала. Ну, тут самому недалекому человеку понятно, куда направляются эти двое.

– Как я понимаю, она тебе не понравилась... – мне только и оставалось, как проводить девицу долгим взглядом.

– Нисколько не понравилась... – покачала головой девушка. – Эта женщина и сама никого не любит, кроме себя, а еще в моей стране так ведут себя те женщины, которых мужчины покупают на время.

Рыжая девица ушла, зато вернулись наши мужчины. Усевшись за стол, Винсент сообщил нам довольным голосом:

– Спешу вам сообщить, что в этой гостинице я снял еще одну комнату.

– Зачем?

– Может, удастся выяснить, для чего эта рыжая парочка тут оказалась...

Оказывается, у Винсента появилось желание узнать, в каком именно номере гостиницы остановился Воган со своей подругой, только вот обслуга не очень охотно отвечает на такие вопросы. Конечно, деньги решают многое, но Винсент поступил проще: они с братом растащили дерущихся мужчин, после чего молодой человек любезно предложил очаровательной незнакомке отвести ее захмелевшего друга в их комнату – мол, всегда рад оказать такую услугу прекрасной даме. Тирлу подобное предложение ничуть не удивило – она решила, что у нее просто появились очередные поклонники, и, позвав слугу, она попросила его помочь отвести этих милых молодых людей в ее комнату – мол, надо же отправить туда ее излишне опьяневшего друга. Остальное было просто: когда выяснилось, где остановились эти двое, Винсент поинтересовался у слуги, нет ли рядом свободной комнаты. Такая, к счастью, нашлась, и молодой человек пожелал заплатить за нее. Чтоб не возникло вопросов, Винсент, ухмыляясь, дал понять хозяину гостиницы – мол, вы ж понимаете, что к такой красотке нужно быть поближе, тем более что она явно не против моего присутствия подле нее, а для этого надо, чтоб моя жена ни о чем не узнала! Так что дорогая женушка пусть сидит в нашей комнате, а я могу и в другой номерок заглядывать время от времени, чтоб приятно провести время!.. Ну, таких историй в гостинице наслушались более чем достаточно, так что вопросов ни у кого не возникло, и в руках Винсента оказался заветный ключ.

Для чего это нужно? Да просто хочется узнать, за какой такой надобностью эта парочка здесь поселилась. Стены между комнатами не ахти какие толстые, и при желании можно услышать немало (правда, лично я была уверена, что ничего интересного там услышать невозможно). Наверное, так оно и есть в действительности – ну, приехали эти двое сюда, так что с того?, но Винсента смущало некое совпадение: мужчина, который менял наши деньги, упомянул о том,

что сегодня пришел корабль из той страны, которую мы покинули с таким трудом. Казалось бы – ничего особенного в этом нет, но если принять во внимание, что влюбленная парочка заявила в «Пенный вал» два дня назад, и с той поры сидит тут безвылазно, чего-то выжидая... А еще эта рыжая красотка интересовалась судами, которые приходят из южных стран... Так, во всяком случае, сказал слуга, которому Винсент сунул в руку серебряную монету, когда расспрашивал о том, чем занимается эта очаровательная женщина и ее вечно недовольный спутник.

Возможно, предположение Винсента притянута за уши, но может быть и такое, что он прав в своих подозрениях, так что никто из нас не стал возражать – во всяком случае, проверить кое-что явно не помешает.

Надо сказать что та комната, которую снял Винсент, мало того что примыкала к номеру, где сейчас остановилась парочка греховодников, так она еще и как нельзя лучше подходила для слежки. Дело в том, что не так давно один из постояльцев «Пенного вала», который тоже снимал этот номер, как-то принял на грудь лишнего в таком количестве, что ему стала мерещиться самая разная нечисть, прячущаяся по углам. Ну, бороться с призрачными чертенятами постоялец решил самым простым способом – взял топор, и разнес в комнате все, что только было возможно, в том числе повредил и стену, отделяющую его номер от соседнего. Что произошло дальше с буйным постояльцем – это вопрос другой, нас не касающийся, но вот ремонт в поврежденной комнате хотя и сделали, но второпях, кое-как. Что же касается изрубленной стены, то ее затянули каким-то тоненьким ковром – так выходило куда дешевле, чем полный ремонт стены. Нас подобное более чем устраивало, ведь стоило снять со стены ковер – и можно было разобрать почти все, о чем говорят в соседнем номере. Надеюсь, кроме семейных разборок и выяснения отношений влюбленной пары нам удастся услышать что-то интересное.

Правда, пока что до нас доносились только звуки храпа – это Воган дрых сном мертвецки пьяного человека. А вот Тирлы все еще нет – похоже, она не торопится покидать того незнакомца, с кем ушла из обеденного зала. Н-да, никак не скажешь, что она хранит верность моему бывшему супругу.

Тирла вернулась лишь после полуночи. За окном давно стояла

темнота, в нашей комнате тоже было темно, но свет мы не зажигали – он будет замечен в щелях стены. Трудно сказать, что делала девица, но, судя по звукам, спать она пока что не собиралась. Может, рыжая красотка снова намерена куда-то отправиться, несмотря на позднее время? Вообще-то с нее станется...

Прошло, наверное, не менее получаса, когда в дверь соседней комнаты постучали. Вряд ли это слуга – скорей, к Тирле пожаловали гости, и хочется надеяться, что это не тот же мужчина, с которым красотка ворковала в обеденном зале. Послышался скрип ключа, поворачиваемого в замке, и в следующее мгновение я услышала мужской голос:

– Почему так долго дверь не открывала?.. – мужчина говорит на нашем языке с заметным акцентом, и должна сказать, что с таким акцентом говорят люди, живущие в той стране, откуда мы с таким трудом убрались.

– Что, обязательно с ругани надо разговор начинать?.. – огрызнулась Тирла. – Сам мог бы пораньше придти.

– Пришел сразу же, как позволили обстоятельства. Как твой ухажер? Крепко спит?

– Не сомневайся. Я ему в рот влила пару ложек «Тихой воды». Он еще половину дня проспит, не меньше.

– Хорошо... – мужчина прошелся по комнате. – Давай не будем терять время. Так вот, должен сказать, что из-за тебя у нас многое пошло наперекосяк. Ты не сделала того, что обещала, и теперь мы не знаем, как вылезать из той ямы, в которой оказались по твоей вине.

– По моей?

– А чьей же еще? Ты обещала, что как только вернешься домой, бывший жених сразу же позовет тебя под венец, и ты сумеешь прибрать к рукам все их дело... Так?

– Я вам уже сто раз сказала – мне и в голову не могло придти, что бывший жених променяет меня на кого-то другого! Вернее, на другую.

– Вечная женская глупость и ненужная самоуверенность, считаете себя единственными и неповторимыми... – в голосе мужчины появилось раздражение. – Ну, и к чему это привело? Можно продумать, на свете мало красивых женщин! Верно говорят –

послушай совет женщины и поступи наоборот.

Надо же!.. – невольно подумалось мне, и этот туда же! Интересно, отчего это мужчины южных стран считают всех женщин глупыми курицами?

– У меня бы все получилось, не будь его новая жена из такой знатной семьи!.. – теперь недовольство было и в голосе Тирлы. – Он просто боялся с ней разводиться, не хотел терять ее приданое, да и родня ему это бы не позволила.

– Раньше к тебе мужчины бежали по первому зову, а бывший жених чего-то тянет и выжидает, никак не тащит тебя под венец... – усмехнулся мужчина. – Долго возишься. Неужели не можешь справиться? Похоже, стареешь...

– Просто меня его родня не любит!.. – выпалила Тирла.

– Еще недавно для тебя это не было проблемой. Что касается бывшей жены твоего ухажера, то тут ты грязно сработала.

– Не я, а тот, кого попросила устранить эту девку. Еще раз повторяю – нет моей вины в том, что случилось. Причина в том, что старая родственница этой наглой высокородной особы подняла шум до небес, требует, чтоб отыскиали ее дорогую племянницу. Знаешь, сколько раз меня допрашивали? Если бы не Воган, то еще неизвестно, сумела ли бы я вывернуться! Это он всем дознавателям клялся и божился, что я все время была с ним.

– Все так, только ты забыла упомянуть о том, что жена твоего бывшего ухажера относилась к одной из самых богатых и уважаемых семейств страны. Неужели не ясно, что с людьми того круга связываться не стоит – возможны непредсказуемые последствия. Понятно, что пропавшую стали искать со всем пылом, причем вскоре пошли аресты и задержания наших людей – у родственников этой пропавшей женщины слишком много связей и влияния. Стражники тоже не дураки, понимают, что к чему, и на сегодняшний день у нас полно людей под арестом, как бы ни пришлось вскоре уходить отсюда, или же на какое-то время сворачивать все дела, дожидаясь, пока все стихнет... Ты хоть имеешь представление, какой урон был нанесен нашему делу? И все по твоей вине! Неизвестно, сколько времени тебе еще осталось гулять на свободе.

– А вот кричать не надо!.. – огрызнулась Тирла. – И меня не стоит выставлять виноватой во всем! Ошибки бывают у всех!

– Думаю, что я совершил самую большую ошибку, когда в свое время не отдал тебя в руки палачей! Самое подходящее для тебя – это удавка на шею, или завязанный мешок, который выбрасывают в море. Сейчас, во всяком случае, у нас бы не было таких сложностей.

– Нечего постоянно вспоминать ту историю!.. – а вот теперь Тирла всерьез разозлилась. – Вы что, мало денег на мне заработали? Сами говорили, что золотишко в карман постоянно течет! Конечно, хорошее вспоминать не хочется, надо тыкать носом только в плохое! Этот ваш богатей, толстый боров – он сам во всем виноват!

– Да неужели?

– Вначале наобещал мне всего, клялся в любви, кричал, что осыплет меня золотом с головы до ног, да еще шкатулку с драгоценностями мне под нос совал – мол, посмотри, как я богат, и все это может быть твоим!.. Естественно, как только он уснул, я забрала у него обещанные украшения – дам обманывать нехорошо. Откуда ж я могла знать, что мужчину хватит удар, когда он увидит пустую шкатулку?

– Ну, для начала не забудь, что этим, как ты его назвала, толстым боровом был знаменитый ювелир, и в шкатулке у него находились кое-какие дорогие украшения, которые он намеревался доставить заказчикам. Что касается самого ювелира, то удар он получил от тебя, когда требовал вернуть драгоценности... – хмыкнул мужчина. – Причем ты ударила его пустой шкатулкой, оббитой железом, только вот своей силы не рассчитала. Так? Лишнее подтверждение того, что женщины не могут сдержаться при виде блестящей побрякушки!

– Он обещал отдать мне эти драгоценности, а на самом деле и не думал этого делать! Вот и получил по заслугам.

– Вообще-то родственники того убиенного тебя все еще ищут, сама понимаешь, для чего.

– Хватит пугать, я уже пуганая.

– А вот я с самого начала подозревал, что ты вернулась в эту страну только для того, чтоб выйти замуж за человека, который сейчас так громко храпит у стены, и не хочешь выполнять то, о чем мы договаривались. Так?

– Возможно, ты и прав... – в голосе Тирлы появились чуть мурлыкающие нотки, и я невольно подумала о том, что девица не

боится ввязываться в неприятности. – Только прав не во всем.

– Хм, похоже, ты уже не желаешь быть примерной супругой, как собиралась ранее. И что же пошло не так в твоём решении?

– После хреновой жизни в твоей стране я мечтала вернуться к человеку, который по-прежнему любит меня, и всегда будет любить. Я думала, что здесь найду покой, внимание, защиту и семью, но постепенно осознала, что все это не для меня. Заниматься хозяйством, по выходным ходить всей семьей в храм, по вечерам чинно прогуливаться под ручку с мужем, в свободное время вышивать крестиком... Ну, может кому-то такая жизнь по вкусу, но не мне. От такой праведной жизни я быстро с тоски сдохну! Ты сам знаешь – мне нужен риск, веселье, чувство опасности, и я люблю чтоб все получалось так как я того хочу.

– Знаю. Тогда сделай все, чтоб выйти замуж за этого увальня, и побыстрее отправь его отца к Всевышнему, и проверни это так, чтоб в этот раз ни у кого не возникло никаких подозрений. Нам нужен этот торговый дом, причем нужно получить его как можно быстрее. Ты нас подвела – тебе все и исправлять. В общем, договоримся так: встречаемся завтра, и мы подумаем, чем тебе можно помочь. После того, как прошли аресты, нам необходим новый канал поставки и распространения товара, так что сейчас вся надежда только на тебя, и если ты не исполнишь то, что тебе было приказано – тогда пеняй на себя. Во всяком случае, то чувство немалой опасности, которое ты так любишь, сумеешь ощутить полной мерой...

Мужчина говорил еще что-то, но его слова проходили мимо моего сознания. Тут все ясно и без долгих пояснений.

Когда мужчина ушел, мы вновь повесили ковер на прежнее место, и я спросила шепотом:

– Что будем делать? К стражникам пойдем? Если я правильно поняла, то моему бывшему свекру грозить немалая опасность.

– Нет смысла идти к здешней страже... – отозвался Винсент. – Доказать мы ничего не сможем, да и тут нас никто не знает... Лиз, как я понял, у твоей тетушки достаточно влияния?

– Более чем.

– Так и решим – расскажем все твоей родственнице, а та сама решит, как следует поступить. Сейчас все ложимся спать, но мы с

Дореном по очереди будем дежурить у этой стенки – вдруг, что еще интересное услышим. Утром берем дорожную карету, и мчимся к твоей тетушке так быстро, как только можно. Надеюсь, встреча родственников будет радостной. Кстати, куда направляемся?

– У тетушки дворец в столице, и имение в провинции. Столичную жизнь она не любит, предпочитает покой и тишину.

– Значит, едем в провинцию.

– Винсент... – вздохнула я. – Перед отъездом мне бы хотелось с Тирлой перекинуться несколькими словами.

– Почему бы и нет?.. – тот пожал плечами. – Но только в моем присутствии.

– Это совершенно излишне.

– А вот я так не считаю – есть такой сорт людей, от которых в любой момент можно ожидать пакости. Так вот, эта рыжая особо полностью попадает в их число.

– Тут я с тобой не спорю...

Утром наши сборы были недолгими, благо вещей у нас с собой почти не было. Когда же Дорен сказал, что нанятая карета ждет нас внизу, я направилась к комнате Тирлы, и Винсент пошел со мной.

– Эй, вы там давайте недолго... – крикнул нам Дорен.

– Мы постараемся...

Мне пришлось не менее минуты стучать в дверь номера Тирлы, когда, наконец, до нас не донесся недовольный сонный голос:

– Кто там барабанит спозаранку?

– Госпожа, простите, но вам просили кое-что передать... – извиняющимся тоном произнес Винсент. – Это срочно...

– Ладно... – пробурчала Тирла, поворачивая ключ в замке. – Только давайте побыстрее...

Договорить она не успела, потому что я распахнула дверь, оттолкнула растрепанную девицу, и вошла в комнату. Мне не было дела как до бардака в этой комнате, так и до спящего Вогана, а вот растерянность и испуг на лице Тирлы доставили мне немалое удовольствие.

– Ты?! – пролепетала девица, бледнея на глазах. – Не может быть! Но как же...

– Неважно... – отчего-то при виде перепуганной Тирлы у меня пропало всякое желание говорить с ней. – Как видишь, я вернулась, так что отныне советую тебе найти нору поглубже, спрятаться там, и не показываться наружу. Я не намерена спускать тебе с рук то, что ты попыталась меня убить.

– Как тебе удалось вернуться?.. – выдохнула девица.

– Главное, чтоб тебе не удалось улизнуть, и постараюсь сделать все от меня зависящее, чтоб тебя переселили в иное здание, с решетками на окнах. А еще я надеюсь на то, что очень скоро тебе придется встретиться с палачом. Это все, что я тебе хотела сказать – беседа с тобой не доставляет мне никакого удовольствия.

Я повернулась, и направилась к дверям, но не успела сделать и нескольких шагов, как услышала за спиной короткий вскрик и шум падения. Оглянувшись, я застала премилую картину – Тирла лежала на полу с вывернутой назад рукой, за которую ее держал Винсент, а рядом лежал маленький, остро наточенный кинжал.

– Элизабет, я говорил, что есть некий сорт людей, от которых в любую минуту можно ожидать гадости... – Винсент говорил об этом, как о чем-то вполне обыденном. – Перед тобой находится один, вернее, одна из представительниц этого малодостойного племени. Стоило тебе повернуться, как эта красавица попыталась вонзить тебе нож в спину. Ну, и что с ней после этого делать? Может, страже сдать? Попытка убийства высокородной дамы – это тебе не баран начихал, за подобные шалости легко можно и на виселицу попасть.

– Ненавижу... – прошипела Тирла, враз теряя все свое очарование. – Ты мне руку почти что сломал, скотина!

– Фу, какие выражения в присутствии высокородной дамы! Милочка, вам не стыдно?

– Все равно до вас доберусь!.. – девицу только что не трясло от злости. – Я этого так не оставлю!

– А может, найти ее ночного гостя, и сказать ему, что эта рыжая красотка сдала их всех с потрохами?.. – задумчиво произнес Винсент. – Интересно, сколько она после этого проживет? Час или меньше?

– Меня больше интересует, где найдут ее изуродованный труп...

– тонко улыбнулась я. – Вообще-то тут выбор невелик – сточная канава или море. Пожалуй, после того, как с ней побеседуют ее приятели-контрабандисты, узнать жертву будет невозможно.

– Нет... – прошептала сиплым голосом Тирла. – Не надо говорить им такое... Вы не знаете, что это за люди!

– Вои и узнаем, а заодно познакомимся, тем более что наша жизнь состоит из встреч и расставаний... – Винсент отпустил Тирлу и поднял с пола кинжал. – Это я возьму на память о нашей приятной встрече, и о вас, моя красавица.

– Чтоб вы оба сдохли!.. – выдохнула Тирла.

– И тебе того же, милочка!.. – усмехнулся Винсент, открывая передо мной дверь. – Благо такая перспектива в самое ближайшее время, прежде всего, грозит тебе, красота ты наша ненаглядная.

Не знаю, что ответила Тирла, но понятно, что сейчас она находится в полном смятении чувств. Как она намерена поступить дальше – это можно только предполагать, но, скорее всего, красотка кинется со всех ног как можно дальше от этих мест.

Когда мы сели в карету, я сказала:

– Винсент, спасибо. Если бы не ты...

– Перестань! Просто я хорошо знаю таких людей, и имею представление, чего от них можно ожидать. Ладно, это дело прошлое...

В том тетушки мы прибыли на следующий день, к вечеру. Старый привратник, открыв тяжелую дубовую дверь, при виде меня только что в обморок не упал.

– Леди Элизабет! Вы! Какое счастье!

– А где...

– Ваша тетушка у себя... Леди Элизабет, вы вернулись!..

– Да, и не одна, а с друзьями...

Я едва ли не бегом промчалась по комнатам, и без стука распахнула дверь в тетушкин кабинет. Тетя Фелисия сидела за столом, и что-то писала, но при моем появлении перо выпало из ее рук.

– Элизабет... – прошептала она. – Девочка моя, ты вернулась...

У тети из глаз выкатилась слеза, и у меня тоже защипало в глазах. Впрочем, иногда полезно и поплакать...

Не буду говорить о том, что было дальше. Моя тетушка, как выяснилось, тоже иногда может дать чувства своим эмоциям, но, в отличие от меня, куда быстрее умеет собрать свою волю в кулак, так что вскоре мы, все четверо, рассказывали ей о том, что с нами произошло. Рассказ был долгим, я отдала ей сапфировое ожерелье, а потом тетушка и вовсе устроила нам настоящий допрос. А еще она рассказала нам, как долго искала меня, но это уже отдельная история.

Разговор затянулся за полночь, после чего тетушка отправила всех нас мыться, переодеваться и спать, предупредив, что утром нас всех ждет серьезный разговор. Хорошо зная тетю Фелисию, я понимала, что к утру она уже примет серьезное решение – что ни говори, но мое возвращение надо обставить так, чтоб не пострадала честь семьи.

Так оно и произошло. Как видно, тетушка не спала всю ночь, и сообщила нам, какой истории мы должны придерживаться, рассказывая о моих скитаниях, причем роль главной злодейки была отдана Тирле. Историю тетушка придумала долгую, затейливую, и во многом похожую на правду, но в целом ее рассказ выглядел как спасение прекрасной принцессы и ее служанки двумя благородными людьми, и все они, пройдя немыслимые испытания, благополучно вернулись домой.

– Отдельные шероховатости в этой истории мы подправим... – продолжала тетушка. – Время на это у нас есть, однако надо поторапливаться, потому как о возвращении Элизабет уже знает весь город.

– Не сомневаюсь в вашей прозорливости... – вежливо склонил голову Винсент.

– Теперь что касается вас, молодые люди... – тетушка посмотрела на моих спутников. – Начнем с вас, Винсент Эрмант, виконт Меривел. Вы провели с моей племянницей долгое время почти что наедине, и потому, как честный человек, обязаны на ней жениться.

– Что?! – мой голос, и голос Винсента прозвучали одновременно.

– Виконт, у вас достойная семья, и благородное происхождение, что я считаю крайне ценным... – продолжала тетушка, не обращая внимания на наши слова. – Правда, вас никак не назовешь состоятельным человеком, но в данный момент это не так и важно – у Элизабет вполне достойное приданое. Кром того, ваши дети впоследствии будут иметь титул маркиза.

– Но тетя...

– Элизабет, помолчи, теперь буду решать я, потому как речь идет о репутации нашей семьи... – властный голос тетушки поневоле заставлял молчать. – Что касается вас, господин Дорен Мер. Я заметила, что вам очень нравится эта милая девушка, ваша спутница по имени Ярли. Должна сказать, что в вашем возрасте быть холостым – это несколько неприлично и противоречит законам природы. Считаю, что с этой очаровательной девушкой вы станете прекрасной парой, и вот вам от меня свадебный подарок – небольшое поместье, и приличная сумма на обзаведении е хозяйством – у молодой семьи всегда много расходов.

– Что?! – теперь уже растерялся и Дорен.

– А разве вы против?.. – приподняла бровь тетушка.

– Вообще-то нет... – после паузы ответил Дорен. – Но что скажет предполагаемая невеста?

– Об этом я советую вам поговорить наедине, в соседней комнате, но не думаю, что это милое создание будет возражать. И потом, вы вполне подходите друг другу – в этом я уверена. Кстати, молодые люди, должна вам сказать, что я уже написала письмо вашему отцу, где сообщила ему радостную весть о том, что нашлись его пропавшие сыновья, и более того – они собираются жениться, на что требуется его отцовское благословление. Мой человек уже отправился с письмом к графу, и ваш отец будет здесь через несколько дней, потому как за ним уже послана карета. Не думаю, что он откажет в благословлении своим сыновьям, о судьбе которых ему было ничего не известно долгое время.

– Право, вы меня по-настоящему удивляете... – улыбнулся Винсент.

– Надеюсь, что это комплимент.

– Это восхищение... – чуть наклонил голову Винсент.

– Так я вроде еще замужем... – начала, было, я, но тетушка меня оборвала.

– Считай, что в разводе. Там осталась всего одна твоя подпись, и эти документы будут доставлены сюда в самое ближайшее время.

– Но как же...

– Я сказала все, что на данный момент считаю нужным... – отрезала тетя Фелисия. – Не разочаровывайте меня – я этого не люблю. Итак, виконт, оставляю вас со своей племянницей, и надеюсь, что четверти часа вам хватит на то, чтоб объясниться.

Когда за тетушкой закрылась дверь, я посмотрела на Винсента, не зная, что сказать – уж очень жесткая у тетушки хватка.

– Винсент...

– Нет, дай мне сказать первым!.. – заговорил тот. – Я думал, никогда тебе об этом не скажу! Помнишь, как мы познакомились? Тогда тебя по моей вине поставили к позорному столбу и наказали, и тогда я дал себе слово, что сделаю все, чтоб ты меня простила, и ни когда и ни в чем не причиню тебе зла! Чем дольше мы находились вместе, тем больше и больше ты мне нравилась, и иногда я с трудом удерживался, чтоб не обнять тебя. А ты была такой спокойной, иногда холодно-отстраненной, и я считал, что ты никогда меня не простишь. И потом, мы не ровня, ты куда выше меня по праву рождения, но я понимал, что больше всего на свете хочу быть с тобой! А еще мне было горько представить, что вскоре мы расстанемся, и больше я тебя никогда не увижу...

Когда тетя Фелисия через четверть часа заглянула к нам, то мы с Винсентом целовались, и тетя Фелисия произнесла:

– Что ж, прекрасно, я не ошиблась – четверти часа для объяснений вам оказалось вполне достаточно. Теперь будем решать все остальное...

... Через седмицу в доме тети Фелисии был прием по случаю моей помолвки. Гости, бесконечные хлопоты, разговоры... Моя история сейчас была главной новостью не только в округе, но о ней повсюду говорили даже в столице, так что во время празднования мне придется ответить на множество вопросов. За последние несколько дней мы все назубок выучили историю моего похищения, пленения и спасения, так что все должно пройти без сучка-задоринки.

Я поправляла прическу перед зеркалом, когда ко мне заглянула служанка.

– Леди, там внизу пришел ваш бывший муж.

– Что ему надо?

– Не знаю, но он скандалит, хочет видеть вас.

– Скажите, что я не хочу его видеть, хотя... – пожалуй, нам надо объясниться. А еще я никак не могу взять в толк, для чего сюда пришел Воган, ведь его семье уже вручили документы о нашем разводе. – Отведи его в малую гостиную, я сейчас там буду. Да, и после этого найдите господина Винсента – пусть он тоже туда придет.

Надеюсь, визит бывшего мужа надолго не затянется, потому как видеть его у меня нет особого желания. Я уже знала, что Тирла почти полностью разорила семью моего бывшего мужа, так что Воган почти наверняка пришел за деньгами.

Когда я пришла в малую гостиную, Воган уже находился там. Нда, а вид у него далеко не самый лучший, словно после болезни – похудел, глаза провалились, да и кожа землистого цвета. Похоже, жизнь с Тирлой легкой и приятной не назовешь.

– Ты хотел меня видеть?.. – в моем голосе было равнодушие и ни оттенка интереса.

– Лиз, что происходит?.. – раздраженно заговорил Воган. – И где ты была все это время?

– Думаю, тебе уже сказали, что сегодня у меня помолвка, и в этом доме готовятся к празднику. Что касается ответа на твой второй вопрос, то об этом тебе лучше спросить свою подружку.

– Спросил бы, если б знал, где она! Мы тут с ней кое-куда отправились, но когда я проснулся в гостинице, то выяснилось, что она от меня сбежала, забрав все деньги. Не поверишь, но мне было не на что вернуться домой!

– И где же она сейчас?

– Все, что я узнал – так только то, что она села на корабль, отправляющийся куда-то на север. Наверное, успела найти себе кого-то из членов экипажа! Вот дрянь! На том судне, как мне сказали, одни бандиты с отморозками...

– Ну, значит твоя подружка там, где ей нравится. Порезвится от души. А ты не расстраивайся – через несколько лет Тирла вновь вернется к тебе, и ты ее снова простишь. Будешь преданно заглядывать в глаза и исполнять все, что она пожелает.

– Никогда!

– Не зарекайся.

– Лиз... – Воган еле сдерживался. – Слышь, завязывай ты с этой помолвкой! Я же знаю – ты меня любишь! Давай снова жить вместе! Если хочешь, то можно и детей завести.

– Заводятся тараканы.

– Слышь, не умничай, а? И без того тяжело... Погоди, а откуда у тебя это ожерелье?

Похоже, Воган, и верно, всерьез расстроен, раз только сейчас заметил на моей шее сапфировое ожерелье.

– Мне его помог вернуть мой нынешний жених.

– Вернула – и хорошо, а уж криков-то было из-за этой побрякушки столько, что и не описать. Ну, раз эта штука снова у тебя, то причины для развода нет. И учти – я готов принять тебя назад, не спрашивая, где ты шлялась все это время.

Я едва не вспыхнула – этого человека даже не интересует, как мне удалось вернуть ожерелье, которое он продал. Пока я подыскивала слова для достойного ответа, раздался голос Винсента.

– Моя невеста не шлялась, как вы изволили выразиться, а спасала свою жизнь в тех опасных местах, куда ее отправила ваша любовница. Именно там мы и познакомились... Впрочем, вам до этого уже не должно быть никакого дела. Если у вас все, то попрошу вас покинуть этот дом.

– Я еще не закончил!.. – сорвался на крик Воган. – Лиз, возвращайся, пока я согласен тебя принять. Потом будешь проситься – не возьму!

Вместо ответа я позвонила в колокольчик, и сказала подошедшему слуге.

– Этот господин уходит. Проводите его до дверей, и более в этот дом его пускать не следует. Так и передайте остальным.

– Наш разговор еще не закончен!.. – возмутился Воган. – Я сюда еще приду, и никто меня не остановит!..

– С чего это он так разошелся?.. – поинтересовался Винсент, когда крики Вогана стихли в коридоре. – Неужели ревнует?

– Скорее, у него деньги кончились, ведь Тирла – дама дорогая, вытряхнула все, что было.

– Кстати, нас ждут. Мне простили передать тебе, что съезжаются гости.

Гости... Вначале помолвка, а потом свадьба... Помнится, Тирла говорила о том, что не желает обитать в скучной семейной жизни, а вот меня подобное вполне устраивает. Надеюсь, именно так и будет.